

В. А. Обручев

«ТЕРРА» - «TERRA»

БОЛЬШАЯ
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

В. А. Обручев

СОЧИНЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ

Том первый

ПЛУТОНИЯ
роман

ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ В ПУСТЫНЕ
роман

РАССКАЗЫ

МОСКВА
«ТЕРРА» - «TERRA»
1995

ББК 84Р7
О-23

Иллюстрации художника
М. ПЕТРОВА

Обручев В. А.

О-23 Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1: Плутония: Роман; Золотоискатели в пустыне: Роман; Рассказы. — М.: ТЕРРА, 1995. — 576 с. — (Большая библиотека приключений и научной фантастики).

ISBN 5-300-00103-1 (т. 1)
ISBN 5-300-00102-3

Владимир Афанасьевич Обручев (1863—1956), видный геолог и географ, академик, исследователь Сибири, Центральной и Средней Азии, написал ряд научно-популярных книг, самые интересные из которых включены в трехтомник.

В первый том вошли романы «Плутония» и «Золотоискатели в пустыне», а также рассказы.

О $\frac{4702010201-154}{А30(03)-95}$ Подписное **ББК 84Р7**

ISBN 5-300-00103-1 (т. 1)
ISBN 5-300-00102-3

УЧЕНЫЙ. ПУТЕШЕСТВЕННИК. ФАНТАСТ

Академик Владимир Афанасьевич Обручев был геологом, географом и путешественником; его деятельность неразрывно связана с исследованиями Сибири, Центральной и Средней Азии, с крупнейшими проблемами геологии и учения о полезных ископаемых. Он был ученым с мировым именем. Но широким кругам читателей он известен и как автор научно-фантастических произведений, появлявшихся в печати с середины 20-х годов. Эти произведения, из которых наиболее любимы и молодежью и взрослыми повести «Плутония», «Земля Санникова» и «Золотоискатели в пустыне», разошлись в сотнях тысяч экземпляров в СССР и за рубежом.

Творческий путь Владимира Афанасьевича в области художественной литературы, приведший его на шестом десятке лет к научной фантастике, довольно сложен. Подобно Жюлю Верну, он сначала испробовал свои силы в самых различных литературных жанрах. Унаследовав от своей матери Полины Карловны Обручевой (писательницы, автора многочисленных рассказов и очерков, опубликованных в России и Германии) любовь к литературе, Владимир Афанасьевич уже со студенческих лет начал писать рассказы и очерки, часть которых в 1887—1895 гг. появилась в различных петербургских газетах. Писал он в это время и лирические стихи и даже мелкие юмористические рассказы (один из них был напечатан в журнале «Будильник»).

Позже, в 90-х годах XIX—начале XX в., он перешел к более крупным произведениям. В его архиве обнаружены наброски многих рассказов, планы пьес, планы и отдельные главы романов. Один из таких романов В. А. Обручева — «Рудник Убогий» — был опубликован издательством «Пучина» в 1926 г. Кроме того, сохранился еще один неопубли-

кованный роман «Лик многогранный». Все эти произведения относятся к жанру психологически-бытовых романов и рассказов.

Среди рукописей В. А. Обручева найдена также и законченная пьеса «Остров блаженных», написанная под явным влиянием драм Метерлинка.

В начале XX в., перед революцией 1905 г. и в ближайшие после нее годы, Владимир Афанасьевич выступил с рядом острых политических фельетонов в прогрессивных газетах г. Томска. Таким образом, к созданию научно-фантастических романов и рассказов В. А. Обручев приступил, уже имея большой литературный опыт. Он давно интересовался этим жанром. Но только после революции он создал несколько крупных произведений этого рода; кроме перечисленных трех романов была еще опубликована законченная в последние годы его жизни повесть «В дебрях Центральной Азии».

Из написанных ученым научно-фантастических рассказов были напечатаны только три — «Видение в Гоби», «Полет по планетам» и «Происшествие в Нескучном саду».

Но среди рукописей В. А. Обручева сохранился ряд законченных и незаконченных научно-фантастических рассказов и повестей, которые представляют интерес для читателей. Лучшие из них включены в это собрание. Текст печатается по рукописям В. А. Обручева или по авторизованным машинописным копиям.

В. А. Обручев интересовался историей исчезнувшей Атлантиды и неоднократно возвращался в своих популярных статьях к этому вопросу. Насколько велик был его интерес к таинственному острову, видно из публикуемых впервые в этом издании двух глав начатой им повести, которой мы дали название «Сказание об Атлантиде» и которая не была им продолжена.

Публикуемые рассказы, повести и наброски еще раз подтверждают широту научных интересов писателя и оригинальность его замыслов.

С. В. ОБРУЧЕВ

ПЛУТОНИЯ

роман

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наша Земля существует уже многие миллионы лет, в течение которых жизнь на ее поверхности испытала большие изменения.

Образовавшиеся в теплой воде первых морей сгустки белкового вещества, мало-помалу усложняясь, превратились в ряд разнообразных растительных и животных организмов, которые через бесчисленные поколения достигли современного состояния.

Это изменение форм органической жизни можно проследить, изучая их остатки, сохранившиеся в толщах земной коры в виде окаменелостей, которые позволяют нам составить довольно полное представление о том, какие растения и животные населяли поверхность Земли в минувшие времена, в течение так называемых геологических периодов, которых насчитывают одиннадцать с тех пор, как сформировалась органическая жизнь. И чем дальше отстоит данный период от современности, тем больше разница между формами свойственной ему органической жизни и современными.

Изучением форм этой минувшей жизни, их особенностей, условий существования и причин изменения — вымирания одних, развития и совершенствования других — занимается отрасль науки, называемая палеонтологией.

Ее изучают в некоторых высших школах. Но и каждому человеку интересно получить хотя бы представление о формах и условиях минувшей жизни. Эту задачу и попытался я решить в написанной мною книжке в виде научно-фантастического романа. Можно было бы описать, как на плитках камня находят отпечатки растений и по отдельным листьям составляют себе пред-

ставление о целом дереве или кусте; как из камня освобождают разные раковины, кораллы и остатки других морских беспозвоночных, очищают их и определяют их наименования; как выкапывают с большими предосторожностями кости позвоночных животных и составляют из них целые скелеты, по которым судят и о прежней внешности этих существ.

Но такие описания были бы очень длинны и скучны; они нужны только учащимся, будущим палеонтологам, а широкому кругу читателей не дали бы живого представления о прежних формах жизни. Поэтому я выбрал форму романа. Но как повести читателя в этот мир давно исчезнувших существ и обстановки, в которой они жили? Я знаю только два романа, в которых сделана подобная попытка.

Один — это роман Жюля Верна «Путешествие к центру Земли», в котором ученые спускаются вглубь по жерлу одного из вулканов Исландии и находят подземные пустоты, населенные загадочными существами и исчезнувшими животными, описанными смутно. А обратно на поверхность ученые выплывают по жерлу другого вулкана на плоту по кипящей воде и, наконец, даже по расплавленной лаве.

Все это очень неправдоподобно.

Жерла вулканов не открытая труба, идущая далеко вглубь,— они заполнены застывшей лавой; на плоту по кипящей воде, тем более по раскаленной лаве, плыть нельзя.

Геологические ошибки в этом романе побудили меня в 1915 году сочинить «Плутонию». До этого случая я еще ничего не писал для молодых читателей и не собирался этого делать.

Второй — роман Конан Дойля, в котором путешествующие по Южной Америке открывают высокое, очень трудно доступное плато, отрезанное от всей окружающей местности и населенное первобытными людьми, большими человекоподобными обезьянами и некоторыми исчезнувшими в других местах Земли животными. Забравшиеся на плато исследователи подвергаются разным приключениям.

Однако и в этом романе также много неправдоподобного; он знакомил читателя только с миром, близким к современному, и произвел на меня такое слабое впечатление, что я забыл его название, хотя читал его

два раза и не очень давно,— гораздо позже, чем роман Жюля Верна.

Хороший научно-фантастический роман должен быть правдоподобен, должен внушать читателю убеждение, что все описываемые события при известных условиях могут иметь место, что в них нет ничего сверхъестественного, чудесного. Если в романе нагромождены разные чудеса — это уже не роман, а сказка для маленьких детей, которым можно рассказывать всякие небылицы.

Уже первые издания романа «Плутония» показали, что он удовлетворяет условию правдоподобности. Я получил от читателей немало писем, в которых одни совершенно серьезно спрашивали, почему не снаряжаются новые экспедиции в Плутонию для изучения подземного мира; другие предлагали себя в качестве членов будущих экспедиций; третьи интересовались дальнейшей судьбой путешественников, выведенных в романе. Поэтому в последнем издании «Плутонии» автору пришлось объяснить читателям в послесловии, что, для того чтобы познакомить их с животными и растениями нескольких минувших периодов в такой форме, как будто они существуют и в настоящее время где-то в недрах Земли, ему пришлось принять в качестве истины гипотезу, предложенную в начале прошлого века и серьезно обсуждавшуюся тогда учеными. Она подробно изложена в предпоследней главе («Научная беседа»), в которой организатор экспедиции защищает ее справедливость. В действительности же она уже давно отвергнута наукой.

Автор надеется, что и это издание «Плутонии», подобно прежним, побудит молодых читателей ближе познакомиться с геологией и заняться этой интересной наукой, которая выясняет состав и строение нашей планеты и рассказывает, какие растения и животные населяли ее в минувшие периоды, как они изменялись и сменяли друг друга, пока из среды животных не выдвинулось мыслящее существо — человек, ставший властелином Земли.

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Профессор Каштанов, известный путешествиями на Новую Землю и Шпицберген и исследованием Полярного Урала и занимавший кафедру геологии в университете, только что вернулся из своей лаборатории. Осенний семестр кончился, лекции и экзамены прекратились, и профессор с удовольствием мечтал о трехнедельных зимних каникулах; не для безделья — о нет! Еще не старый, полный сил и здоровья, он думал отдохнуть только дня два-три, а затем приняться со свежими мыслями за ученую статью о геологическом соотношении Урала и Новой Земли.

Присев к письменному столу в ожидании обеда, Каштанов пересмотрел полученную за день почту, перелистал несколько научных брошюр, присланных ему авторами, пробежал каталог научных новинок немецкого книгоиздательства. Наконец, его внимание привлекло письмо в большом желтоватом конверте, с адресом, написанным очень четким, но мелким почерком.

Почерк своих обычных корреспондентов профессор знал отлично, и это письмо от незнакомого человека заинтересовало его.

Каштанов вскрыл конверт и с изумлением прочитал следующее:

Мунку-Сардык, 1/XII 1913

Глубокоуважаемый Петр Иванович!

Зная Вашу опытность в полярных исследованиях и интерес, который Вы питаете к геологии арктической области, я предлагаю Вам принять участие в крупной экспедиции, отправляемой мною будущей весной на

один или два года для изучения неизведанной части Ледовитого океана. Если Вы принципиально согласны, будьте добры приехать для личных переговоров 2 января 1914 года в полдень в Москву, гостиница «Метрополь», где в этот день и час соберутся остальные предполагаемые участники экспедиции и я. Если безусловно отказываетесь, не откажите известить по тому же адресу. Расходы по поездке, во всяком случае, будут возмещены.

Вполне преданный и уважающий Вас
Николай Иннокентьевич Труханов.

Профессор опустил письмо и задумался.

«Труханов? Как будто слышал эту фамилию, но где и когда? Кажется, в связи с вопросами геофизики[1] или астрономии. Нужно навести справки. Это крайне интересно. Живет где-то на границе Монголии, а снаряжает экспедицию в Ледовитый океан!»

Каштанов протянул руку к телефону и вызвал своего коллегу, профессора астрономии, который сообщил следующие сведения: Труханов кончил университет и посвятил себя геофизике и астрономии. Он недавно выстроил обсерваторию на вершине горы Мунку-Сардык в Саянском хребте, на границе Монголии, чтобы воспользоваться чистотой и прозрачностью воздуха Восточной Сибири в течение долгих зим, изобилующих безоблачными днями и ночами. Но при чем тут полярные области? Над Ледовитым океаном атмосфера, во всяком случае, менее благоприятна для астрономических наблюдений, чем на горе Мунку-Сардык...

На этот вопрос астроном не мог дать никакого ответа, и Каштанову ничего не оставалось, как отложить удовлетворение своего любопытства до 2 января. Он, конечно, решил съездить в Москву.

СОВЕЩАНИЕ В МОСКВЕ

В полдень 2 января 1914 года профессор Каштанов подкатил на автомобиле к гостинице «Метрополь» и

[1] Геофизика — наука о физическом строении земного шара, его магнитных и электрических свойствах, силе тяжести, радиоактивности, температуре глубин, физическом состоянии недр.

постучал в дверь номера 133, указанного ему швейцаром. Дверь распахнулась, и профессор очутился в обширной светлой комнате, где были уже несколько человек. Один из них поднялся навстречу Каштанову и, протягивая ему руки, воскликнул:

— Вы аккуратны, как часы, Петр Иванович, невзирая на эту погоду, настоящую сибирскую пургу! Это отличное предзнаменование для нашего предприятия. Очень рад, что вы прибыли и что имею честь видеть вас у себя! Я — Труханов. Позвольте познакомить вас с остальными присутствующими.

Один за другим поднялись и были представлены Каштанову:

— Зоолог приват-доцент Семен Семенович Папочкин.

— Метеоролог Главной физической обсерватории Иван Андреевич Боровой.

— Ботаник и врач Михаил Игнатьевич Громеко.

На круглом столе среди комнаты была разложена большая карта арктической области, на которой резкими цветными линиями были нанесены маршруты экспедиций последних пятидесяти лет. К северу от Таймырского полуострова была уже намечена земля, открытая Вилькицким только летом 1913 года[1].

Когда все уселись вокруг стола, Труханов начал свою речь:

— Как показывает вам эта карта, пять шестых арктической области между Сибирью, Северной Европой, Гренландией и Северной Америкой испещрены маршрутами многочисленных экспедиций. Но удивительное открытие земли, сделанное недавно Вилькицким, показало, что и в этой области возможны еще крупные завоевания для науки. Нужно только направить свои усилия целесообразно, пользуясь опытом всех предшественников.

Дело славных экспедиций семнадцатого и восемнадцатого веков — Прончищева, Лаптева, Дежнева, Беринга — и исследований Врангеля и Миддендорфа в первой половине девятнадцатого века на Крайнем Севере Сибири в настоящее время продолжают экспедиции Седова, Брусилова и Русанова, занимающиеся изысканиями в Карском или Баренцовом море. В ту

---

[1] Теперь она называется Северной Землей.

же область проник и Вилькицкий и, конечно, будет продолжать свои исследования. Конкурировать с ними я не хочу...

Мои планы,— продолжал Труханов после небольшой паузы,— касаются другой части арктической области. Взгляните на это большое белое пятно к северу от Чукотского полуострова и Аляски,— ни одна цветная линия его не пересекает! Злополучная «Жаннетта», скованная льдами, проплыла южнее этого пятна. Последние экспедиции Свердрупа и Амундсена работали восточнее, среди островов Североамериканского архипелага. Но в пределах этого пятна должна быть земля, никому еще не известная, или большой остров, только вдвое меньше Гренландии. А может быть, там лежит целый архипелаг. Посмотрите, на восточной окраине этого пятна нанесена проблематическая земля, виденная издали Крукером, на южной — Земля Кинан. Нансен думает, что большой земли в этой части Ледовитого океана нет; Пири, наоборот, убежден, что с мыса Фомы Гоббарда он видел на северо-западе окраину большого материка.

Гаррис, член береговой и геодезической съемки Соединенных Штатов Америки, уверен в существовании этого материка на основании изучения приливов и отливов на северных берегах Аляски. По его словам, весь ход этих колебаний морского уровня в море Бофора доказывает, что они идут не из Тихого океана через узкий и мелкий Берингов пролив, а из Атлантического океана, по глубокому промежутку между Норвегией и Гренландией, а затем, между предполагаемым материком и берегами Аляски и Сибири, эти колебания все более и более ослабевают. Если бы этого материка не было, приливная волна шла бы из Гренландского моря через Северный полюс прямо к берегам Аляски и Чукотской земли, не запаздывая и не ослабевая. Существование материка доказывается еще тем, что в море Бофора, открытом на западе, западные ветры усиливают приливную волну, а восточные ослабляют ее, и разница в высоте волны достигает двух метров. Это возможно только в узком море между двумя материками. От островов Североамериканского архипелага предполагаемый материк отделен только узким проливом. Если бы этот пролив был широк, приливная волна Атлантического океана мог-

ла бы достигать берегов острова Банка, встречаясь здесь с приливной волной, обошедшей этот материк с запада и юга, и обе волны должны были бы уничтожить друг друга. Но наблюдения Мак-Клюра у западного берега острова Банка показали, что здесь все еще господствует приливная волна, идущая с запада, из моря Бофора.

Итак,— продолжал Труханов,— существование материка или тесной группы больших островов в этой части Арктической области можно считать почти несомненным и остается только открыть и объявить их принадлежащими России. Я узнал, что правительство Канады снаряжает экспедицию, имеющую задачей проникнуть летом этого года в белое пятно с востока. Дальше медлить нельзя — нам нужно проникнуть в ту же область с юга и юго-запада, со стороны Берингова пролива, иначе последняя неизвестная часть Арктики будет целиком изучена и захвачена англичанами. Вот почему я решил организовать и послать туда экспедицию, а вас приглашаю принять в ней участие.

А теперь позвольте сообщить вам о ближайших планах. Судно по типу «Фрама», но более усовершенствованное на основании опыта последних плаваний, уже с осени строится. На днях оно будет спущено на воду, и капитан поедет руководить его окончательным снаряжением. К концу апреля, по контракту, судно должно быть совершенно готовым, и к первому мая оно прибудет во Владивосток за членами экспедиции. В начале мая мы снимемся с якоря и возьмем прямой курс на Камчатку, где в Петропавловске погрузим партию ездовых собак с одним или двумя камчадалами, опытными в управлении этими животными. Если нам это не удастся на Камчатке, мы можем взять собак на Чукотском полуострове, в Беринговом проливе, где придется приставать, чтобы запастись юколой[1] для собак и полярной одеждой для людей. Миновав Берингов пролив, мы направимся не на северо-запад, как «Жаннетта», а на северо-восток, прямо к искомой земле. Конечно, вскоре мы встретим льды и будем пробиваться через них насколько можно дальше, но

---

[1] Юколой на севере Сибири называется сушеная рыба, преимущественно из породы лососей, приготовляемая жителями впрок для пропитания зимой себя и собак.

весьма вероятно, что на судне мы не дойдем до берегов этой земли и высадим санную экспедицию, которая и должна будет проникнуть возможно дальше на север. Она будет снабжена припасами на год на случай зимовки, если ей не удастся к осени вернуться назад или если судно, которое будет крейсировать вдоль южной окраины земли или сплошных льдов, не сможет подобрать экспедицию до наступления зимней полярной ночи. На окраине земли судно будет оставлять на известном расстоянии один от другого склады с припасами, чтобы санная экспедиция могла пополнить свои запасы и на второй год в случае какого-либо несчастья. Но если к концу будущего лета судно не вернется в какой-нибудь порт, имеющий телеграфное сообщение с Европой, весной следующего года будет отправлена спасательная экспедиция для поисков судна и взятия санной партии.

Как видите,— закончил Труханов,— хотя задачей экспедиции не является достижение Северного полюса с новой стороны, а только исследование предполагаемого материка к северу от Берингова пролива, однако и эта задача также довольно трудна. В лучшем случае мы вернемся на родину поздней осенью этого года, может быть даже не увидав искомой земли; но более вероятно, что придется зимовать во льдах на судне или на материке и вернуться годом или двумя позже. В худшем случае мы можем погибнуть — это каждому из нас нужно иметь в виду и устроить свои дела соответственным образом.

После некоторого молчания, во время которого каждый из слушателей мог обдумать свое отношение к делу, Труханов прибавил:

— Если бы кто-нибудь из вас теперь, после разъяснения плана экспедиции, нашел невозможным принять в ней участие, то я попросил бы его все-таки не говорить никому о нашем плане до начала мая, чтобы нас не могли опередить иностранцы.

— Если я не ошибаюсь,— заметил Каштанов,— вы, Николай Иннокентьевич, говоря о санной экспедиции, выразились: «мы ее высадим на берег или на лед». Разве вы сами не предполагаете участвовать в исследовании неизвестного материка?

— К несчастью, нет, Петр Иванович. Я поеду с вами на судне и останусь на нем, потому что ходить

пешком почти не могу. У меня ведь одна нога ниже колена искусственная; я так неудачно сломал ее во время путешествия по диким Саянам, что сделался инвалидом, годным только для сидячего образа жизни.

— Кто же отправится с санной экспедицией?

— Все присутствующие, кроме меня и капитана, а также один или два камчадала или чукчи, то есть пять или шесть человек. Исследование всех трех царств природы будет обеспечено, а метеоролог, кроме атмосферных явлений, берет на себя определение долгот и широт... Не так ли, Иван Андреевич?

— Совершенно верно, я имею достаточный опыт в этом отношении,— ответил Боровой.

— Я не настаиваю на немедленном решении вопроса об участии в экспедиции,— продолжал Труханов.— Пусть каждый обдумает мое предложение спокойно наедине.

— Когда же нужно дать окончательный ответ? — спросил Папочкин.

— Через неделю в это же время. Более продолжительного срока на размышления я, к сожалению, дать вам не могу, так как в случае отказа кого-нибудь я вынужден буду искать другого соответствующего специалиста, а в конце января должен вернуться в Сибирь, чтобы устроить дела своей обсерватории, которую покидаю на долгое время...

Через неделю в тот же час в номере Труханова собрались те же лица, кроме капитана, уже выехавшего принимать корабль. Никто из ученых не отказался от участия в экспедиции, слишком соблазнительной, несмотря на предстоявшие лишения и опасности. Труханов был в восторге и заметил, что это единодушие и отсутствие колебаний среди участников заранее гарантирует успех предприятия. План обсуждался вторично, и каждый участник делал замечания по своей специальности относительно необходимого научного и личного снаряжения.

На следующий день все разъехались в разные стороны, чтобы приготовиться к экспедиции и закончить личные дела.

В ДАЛЕКИЙ ПУТЬ

20 апреля с сибирским экспрессом выезжали одновременно из Москвы профессор Каштанов, зоолог Папочкин, метеоролог Боровой и врач Громеко, собравшиеся по уговору из разных концов России; через десять дней они прибыли на вокзал Владивостока.

В гостинице, указанной им заранее, наши путешественники нашли уже Труханова, прибывшего неделей раньше для разных закупок и приема заказанных вещей. На следующий день, 1 мая, все пятеро встречали причалившее в порт судно «Полярная звезда», с капитанского мостика которого им улыбалось обветренное лицо капитана.

В течение трех дней производилась погрузка угля, смазочных масел, съестных припасов, разных предметов научного снаряжения и личного багажа членов экспедиции, которые на третий день сами перебрались на судно.

Утром 4 мая все было готово, таможенные формальности окончены, экипаж и пассажиры на местах.

Плавно рассекая волны бухты Золотого Рога, «Полярная звезда» в полдень обогнула Ослиные Уши и направилась мимо острова Русского на восток. Все пять человек экспедиции с капитанского мостика провожали глазами уплывающий вдаль город, раскинувшийся амфитеатром по сопкам, позади зеленой бухты. В душе каждого из них невольно вставал вопрос: увижу ли я когда-нибудь опять эти берега и родину вообще? И каждому становилось немного грустно. Но свежий морской ветер и легкая качка, начавшаяся после выхода из бухты, быстро покончила с береговыми воспоминаниями.

Раздался гонг, призывавший к завтраку, и путешественники, бросив последний взгляд на оставшуюся позади темную полосу родного берега, спустились в кают-компанию.

После завтрака все поднялись опять на палубу, чтобы взглянуть на темную массу острова Аскольда — последний клочок родной земли вплоть до Камчатки. Миновав остров, «Полярная звезда» повернула на восток; ветер затих, и судно плавно рассекало голубые волны Японского моря, уходившего теперь на юг и восток за горизонт. Только на севере, на расстоянии

пятнадцати—двадцати километров, тянулась темная линия уссурийского берега. На закате солнца, за мысом Поворотным, и эта линия быстро исчезла из вида.

Судно резко повернуло на северо-восток.

— В какой порт мы направляемся?

— Ни в какой, если сильный шторм не заставит нас сделать это. Но барометр стоит высоко, и до Курильских островов шторма не предвидится.

— А там?

— Там холодное Охотское море, наверно, наделает нам неприятностей. Этот скверный угол Тихого океана почти всегда дает себя знать судам, держащим курс на Камчатку. Внезапные штормы, туманы, дождь или снег, особенно весной и осенью, бывают там постоянно. Но это будет для нас подготовкой к полярным условиям.

Благодаря спокойному морю все в эту ночь выспались отлично и отдохнули после суеты и хлопот дорожных сборов. Но на следующий день предсказание Труханова оправдалось. Барометр резко упал, подул пронзительный норд-вест (северо-западный ветер), небо заволокло серыми тучами, и пошел мелкий осенний дождь. На широте мыса Терпения «Полярная звезда» повернула почти на восток и вступила в открытое Охотское море, все больше отдаляясь от Сахалина. Началась сильная боковая качка, и путешественники провели очень беспокойную ночь.

На следующий день погода не улучшилась. Дождь, снег сменяли друг друга. Темные волны с белыми гребнями пены плавно накатывались на левый борт, обдавая брызгами всю палубу. Пришлось сидеть в кают-компании, коротая время в разговорах. Папочкин и Боровой, плохо выносившие качку, не появлялись ни за завтраком, ни за обедом. Капитан сходил со своего поста в рубке только на короткое время. К счастью, шторм не был сильный и за ночь даже ослабел. Утром впереди показалась темная масса острова Парамушир, самого крупного в северной части Курильских, а справа виднелись меньшие острова — Маканруши и Онекотан с вулканом Тоорусыр, из которого поднимался густой столб дыма. Ветер прекратился, и дым шел прямо вверх, расплываясь в верхних слоях атмосферы в серое облако, еле заметное на пас-

мурном небе. В нескольких милях к югу из воды, подобно исполинскому столбу, отвесно поднимался утес Авосси, словно огромный черный палец, грозивший судну. Белая полоса прибоя резко отделяла его основание от поверхности моря, казавшегося при сером освещении оливково-зеленым.

— Как угрюмы эти острова! — воскликнул Папочкин, вышедший на палубу при известии, что видна земля.— Черные и красноватые мрачные скалы, стелющийся кустарник.

— И постоянные туманы; летом дожди, зимой пурги,— прибавил Труханов.— И все-таки люди живут здесь.

— Курильские острова сплошь вулканического происхождения,— пояснил Каштанов.— На них насчитывают двадцать три вулкана, из которых шестнадцать действуют более менее постоянно. Эта цепь, соединяющая Камчатку с Японией, тянется по западному краю большого провала морского дна впадины Тускарора, достигающей девяти с половиной тысяч метров глубины. Линии крупных разломов земной коры обыкновенно сопровождаются вулканами, а частые землетрясения доказывают, что движения в земной коре еще продолжаются и равновесие нарушается.

СТРАНА ДЫМЯЩИХСЯ СОПОК

После полудня попутный ветер позволил распустить все паруса, и «Полярная звезда» с удвоенной быстротой понеслась к Камчатке, уже видневшейся на горизонте. Вскоре поравнялись с мысом Лопатка, а затем перед глазами путешественников потянулась линия вулканов-сопок. Одни были конические, другие притупленные, соединенные одна с другой ровными гребнями невысоких хребтов. Снега, покрывавшие стройные конусы сопок и гребень промежуточного хребта, ярко белели на темном фоне неба. Лунная ночь позволила войти безопасно в узкие ворота Авачинской бухты. Убрав паруса, «Полярная звезда» прошла тихим ходом между высокими скалами ворот и очутилась в обширной бухте, на берегах которой ни один огонек не выдавал присутствия человека. Было уже за полночь, и маленький городок Петропавловск

давно спал. Спокойные воды бухты серебрились при ярком свете луны, а на севере, вдали, поднимался стройный конус Авачинской сопки, подобно белому привидению на темном фоне неба. В воздухе чувствовался легкий морозец. Казалось, Камчатка объята еще зимним сном.

Через час судно бросило якорь в сотне шагов от берега, возле сонного городка. Грохот цепей разбудил собак, и ночная тишина была нарушена лаем и воем, на который, однако, никто из горожан не обратил внимания. Этот концерт повторялся не один раз, очевидно представляя обычное явление.

Утром путешественники были разбужены беготней и возней, начавшейся на палубе,— происходила погрузка угля, пресной воды, провизии. Все поспешили наверх. Яркое солнце поднялось уже высоко над горами, и город ожил.

После долгого плавания всем хотелось почувствовать под ногами твердую почву; поэтому позавтракали наскоро и, чтобы переправиться на берег, воспользовались шлюпкой, отправлявшейся за провизией. Там уже все население Петропавловска, от малышей до стариков, едва передвигавших ноги, собралось, чтобы поглазеть на судно и его пассажиров, услышать последние новости с далекой родины, узнать, не привезены ли нужные им товары.

Позади толпы на пологом склоне расположились в живописном беспорядке жалкие домишки горожан, среди которых выделялись по величине и солидности постройки: городское училище, больница, новый дом губернского правления и несколько торговых складов.

Путешественников поразило отсутствие чего-либо похожего на улицы. Домишки были разбросаны так, как вздумалось их строителям и хозяевам: одни стояли лицом к бухте, другие боком, третьи даже наискось. Вокруг каждого дома расположились амбары, сарайчики, навесы для скота, вешалы для юколы. Во многих местах лежали еще кучи и поля грязного тающего снега, из-под которых к морю сбегали ручейки мутной воды, и прохожим приходилось перепрыгивать через них, так как ни тротуаров, ни мостиков не было.

Всех поразило почти полное отсутствие домашней птицы и мелких животных. Это объяснялось тем, что

ездовые собаки, без которых на Камчатке существовать нельзя, уничтожают всякую мелкую живность, особенно к концу зимы, когда истощаются запасы юколы и собак держат впроголодь. Эти собаки — красивые мохнатые звери различной масти — виднелись вокруг всех домов. Одни грелись на солнце в живописных позах, другие рылись в домашних отбросах, третьи дрались или играли друг с другом. Путешественники с интересом рассматривали этих животных, родичи которых должны были принять участие в экспедиции «Полярной звезды» в качестве средства передвижения по снегам и льдам неизвестной земли. По случаю окончания зимнего пути и полной распутицы на Камчатке собаки пользовались теперь заслуженным отдыхом и незаслуженным великим постом, заметным по их впалым бокам и голодным взорам.

Несмотря на зигзаги, которые приходилось постоянно делать между домами и их пристройками, путешественники менее чем в полчаса обошли весь город и выбрались за его пределы, где ботаник надеялся собрать весеннюю флору. Но его надежды были обмануты — везде лежал еще глубокий снег, и только на более крутом косогоре, успевшем оттаять, нашлись молодые листья анемонов[1]. Весна на Камчатке вследствие обилия зимних снегов и влияния холодного Охотского моря начинается поздно, и земля освобождается от снега только в конце мая. Но зато и осень затягивается до половины или конца ноября.

С верхней окраины города открывался чудный вид на всю Авачинскую бухту, окруженную кольцом гор, местами круто обрывавшихся темными утесами к глади вод, местами же сбегавших пологими склонами и разрезанных долинами речек, уже освободившихся от оков зимы.

Кольцо гор отступало от берега бухты только на западе, где виднелась низменная дельта речки Авачи. У устья последней можно было различить домишки одноименного селения, единственного, кроме Петропавловска, жилого места на берегу этого великолепного бассейна, имеющего около двадцати километров в поперечнике, могущего вместить флоты всех вели-

---

[1] Анемоны — рано цветущие травянистые растения, например подснежники, ветреницы, веснухи и другие.

ких и малых держав, прекрасно защищенного со стороны моря и тем не менее поражавшего зрителей своей пустынностью. На его гладкой поверхности не белел ни один парус, зато окружающие горы, поросшие лесом, белели еще под зимним покровом.

Спустившись к берегу, наши путешественники сделались свидетелями любопытной сцены. Возле воды стояли, связанные попарно, тридцать собак, назначенных для экспедиции. Они были окружены несколькими матросами и толпой любопытных, но вели себя очень беспокойно — выли, дрались и делали попытки к бегству. На воде у берега стояла большая неуклюжая лодка, в которую собирались погрузить эту свору. Коренастый мужчина, обнаженный до пояса, очевидно каюр, то есть собаковожатый, схватил пару сопротивлявшихся и вывших животных за шиворот, отнес их в лодку и посадил у кормы. Но как только он повернулся к ним спиной, чтобы идти за следующей парой, умные собаки, очевидно недолюбливающие путешествия по воде, выскочили на берег и смешались с остальными. Это повторилось несколько раз ко всеобщему удовольствию зрителей. Не помогали ни пинки, ни крики — псы не желали покидать свою родину. Каюр выходил из себя и ругал собак русскими и камчадальскими скверными словами, зрители хохотали и подавали различные советы, собаки выли — гвалт стоял невообразимый.

Наконец каюр придумал остроумный, хотя и не очень приятный для косматых пассажиров способ посадки. Он оттолкнул лодку шагов на пять от берега, вручив ее причал одному из матросов, и затем стал бросать собак попарно через воду в лодку, несмотря на их сопротивление. Извиваясь в воздухе, псы шлепались на дно, вставали передними ногами на борт и выли отчаянно, но прыгать в воду все же не решались. Когда лодка наполнилась всеми беспокойными парами, продолжавшими прыгать и выть, ее подвели носом к берегу. Матросы и каюр быстро вскочили и взялись за весла. При первом же взмахе весел стая, словно по мановению волшебного жезла, затихла и молчала в течение всей переправы. Но как только лодка толкнулась о корпус «Полярной звезды», концерт возобновился с удвоенной силой. С берега было видно, как собак попарно поднимали на палубу в

корзине, спущенной с борта судна на веревке, и как каюр носил их в отведенную им загородку, где хорошая порция юколы заставила их примириться со своей участью.

Суета на палубе, грохот якорной цепи и вой встревоженных собак рано разбудили на другой день путешественников, которые не поленились подняться наверх, чтобы бросить последний взгляд на городок и его обитателей, собравшихся на берегу для проводов судна. При криках «ура», «счастливого пути», сопровождавшихся маханием шапками и платками, и при вое собак «Полярная звезда» сделала плавный поворот и полным ходом направилась через бухту к воротам. Берег быстро уходил вдаль и вместе с тем на заднем плане из-за ближайших к городу гор стал выплывать белоснежный конус Авачинской сопки. Тонкой, прозрачной струей из ее вершины поднимался дымок.

— Закурила наша сопка! — произнес голос за спиной путешественников, стоявших у борта и любовавшихся красивой картиной.

Все оглянулись. Это был тот энергичный мужчина, который накануне перебрасывал собак в лодку. Теперь он был одет в кухлянку — рубаху из оленьего меха шерстью наружу. Узкий и несколько косой прорез его карих глаз, выдающиеся скулы, смуглый цвет лица, приплюснутый нос и скудные черные усики сразу обнаруживали монгольское происхождение. Он, улыбаясь, смотрел на путешественников.

— Это новый член нашей экспедиции — Илья Степанович Иголкин, начальник тридцати собак и каюр передней нарты, который обучит нас управлять этими беспокойными животными,— сказал Труханов, здороваясь с каюром.

— Наши собачки очень спокойные, господин начальник! — возразил тот.— Они уже затихли. Ведь покидать родину никому не охота, потому они и выли.

Когда Иголкин отошел к собакам, Труханов передал товарищам сведения об этом члене экспедиции. Иголкин был родом из Забайкалья, из бурят-казаков какой-то станицы на границе Монголии, и участвовал в войне с Японией, после которой остался во Владивостоке. Его завезла на Камчатку научная экспедиция, и ему понравилась страна дымящихся со-

пок, ее приволье, обилие рыбы, охота на медведей. Он нашел здесь вторую родину, быстро приспособился к своеобразным условиям тамошней жизни и сделался известным всему Петропавловску ловким каюром и проводником любителей охоты. Принять участие в экспедиции Труханова его соблазнила высокая плата, выданная ему за год вперед и позволявшая построить дом и обзавестись скотом и орудиями промысла.

Через час после поднятия якоря «Полярная звезда» входила уже в ворота Авачинской бухты, которые тянутся на пять с лишним километров. Справа у входа, против отвесных скал мыса Бабушкина, из моря чернел глыбой огромный Бабушкин камень, около ста метров вышиной, с плоской вершиной, весьма удобный для гнездования морских птиц.

Сотни чаек, бакланов и других пернатых, встревоженных шумом машины, залетали вокруг этого утеса, оглашая воздух резкими криками.

Обогнув мыс Дальний с маяком, «Полярная звезда» круто повернула на северо-восток и направилась вдоль восточного берега Камчатки, постепенно отдаляясь от него.

Два дня наблюдать было нечего. Кроме того, дул холодный норд-вест, наносивший то дождь, то крупу или снег. Море было неспокойно, и теплые каюты казались заманчивее мокрой палубы.

Наконец ветер стих, но зато появились плавающие льды и туманы. Два дня шли тихим ходом, чтобы не наткнуться на ледяное поле. При прояснившейся погоде справа показался берег скалистого острова Святого Лаврентия, а слева — мыс Чукотский. Западнее последнего, на берегу глубокой бухты Провидения, находилась фактория; там для экспедиции был сложен уголь, завезенный заранее зафрахтованным судном. «Полярная звезда» отдала якорь, и началась погрузка угля. После недельного плавания все поспешили на берег. Но береговые скалы не давали простора для экскурсии, а снег еще покрывал склоны, и только небольшая площадь вокруг фактории была свободна от него.

БЕРИНГОВ ПРОЛИВ

Через два дня, погрузив уголь, «Полярная звезда» обогнула Чукотский мыс и вошла в Берингов пролив, придерживаясь ближе к материку Азии, где низкие горы круто падали к морскому берегу или полого спускались к широким долинам, уходившим в глубь этой печальной страны. Несмотря на конец мая, повсюду еще виднелись большие поля снега, и только крутые южные и юго-западные откосы гор были совершенно свободны от него и уже зеленели молодой травкой или свежими листочками на низких, стелющихся кустах полярной ивы и березы.

По зеленым волнам пролива часто клубился туман, скрывая даль. Небо постоянно заволакивалось низкими свинцовыми тучами, осыпавшими палубу судна то дождем, то снегом. Из-за туч иногда выглядывало солнце, дававшее много света, но мало тепла. И под солнечными лучами негостеприимные берега крайнего северо-востока Азии теряли свой безотрадный характер.

Когда туман расходился или рассеивался порывами ветра, покрывавшего зеленые волны белыми барашками, на востоке можно было различить чуть синевший ровный берег Америки. Плавающие льды попадались все чаще и чаще, но не сплошными массами, а небольшими полями или же в виде красивых торосов, прихотливые очертания которых приводили в восторг людей, не бывавших в северных морях.

Приближению более значительного ледяного поля обыкновенно предшествовало появление полосы тумана, так что капитаны судов всегда имели возможность уклониться в ту или другую сторону, чтобы не столкнуться со льдинами. Но здесь это еще не так опасно, как в северной части Атлантического океана, где могут встретиться айсберги, опасные для судов, так как эти ледяные горы, уносимые на юг течением, постепенно подтаивают, в результате чего подводная часть оказывается в положении неустойчивого равновесия и гора может опрокинуться от пустячной причины.

Берега казались безжизненными: не видно было ни дымка, ни фигуры человека или животного. Поэтому велико было изумление наших путешественни-

ков, собравшихся на палубе, когда из небольшой бухты, внезапно открывшейся за скалистым мысом, быстро выплыла лодка с одним гребцом, который усиленно работал веслами, плывя наперерез курсу «Полярной звезды». Но когда он заметил, что корабль его обгоняет, то начал кричать и махать платком.

Капитан дал сигнал замедлить ход и прокричал в рупор, чтобы лодка плыла к судну. Когда она приблизилась, оказалось, что это чукотская байдара. Капитан, предполагая, что какой-нибудь чукча остановил судно, чтобы выпросить себе спирта или табака, хотел уже крикнуть «полный вперед». Но в это время гребец, бывший совсем близко, закричал:

— Ради бога, возьмите меня на борт.

Машину застопорили, и байдара подплыла к борту; спустили трап. Незнакомец быстро взобрался на палубу, снял свою меховую шапку с наушниками и, обращаясь к членам экспедиции, радостно произнес:

— Благодарю вас, теперь я спасен!

Это был рослый, широкоплечий человек, с загорелым лицом, голубыми глазами и всклоченной светлой бородой. Ветер трепал его рыжеватые волосы, вероятно давно уже не стриженные. Он был одет по-чукотски и в левой руке держал небольшой, но, по-видимому, очень тяжелый кожаный мешок.

Труханов подошел к нему, протягивая руку, и сказал:

— Вы, очевидно, потерпели кораблекрушение?

При звуках русской речи лицо незнакомца просияло. Он оглянул быстро всех членов экспедиции, поставил свой мешок на палубу и начал поочередно пожимать всем руки, говоря второпях по-русски:

— Я с радостью вижу, что вы мои соотечественники! Я ведь русский, Яков Макшеев из Екатеринбурга. Вот счастье-то, и судно встретил, и к русским попал! Я открыл на чукотском берегу золотой прииск. Запасы пищи у меня кончились и поневоле пришлось бросить его. Я плыву уже второй день на юг в надежде выбраться в жилые места. Дайте мне, пожалуйста, поесть, я уже два дня питаюсь только морскими ракушками.

Труханов, сопутствуемый остальными путешественниками, повел нового пассажира в кают-компанию, где ему предложили холодную закуску и чай,

чтобы он несколько подкрепился в ожидании обеда, который еще не был готов. Уплетая за обе щеки, Макшеев рассказал историю приключений:

— Я по профессии горный инженер и последние годы работал на золотых приисках в Сибири и на Дальнем Востоке. По натуре я непоседа, люблю путешествовать, знакомиться с новыми местами и, когда в прошлом году я услышал от местных жителей, что, по слухам, на Чукотке имеется золото, то решил отправиться туда на поиски его. По правде говоря, меня влекло туда не столько золото, сколько желание ознакомиться с этим отдаленным малоизвестным краем. В сопровождении двух местных жителей, вызвавшихся составить мне компанию, я отправился в путь и благополучно высадился на чукотский берег, где мне вскоре удалось найти богатую золотоносную россыпь и намыть много золота. Так как запас продовольствия у нас был ограничен, а я намерен был остаться там еще на некоторое время, я отправил своих спутников в ближайшее селение чукчей за продуктами, но они до сих пор не вернулись, хотя прошло уже больше месяца с момента их отбытия.

Когда Макшеев кончил свой рассказ, Труханов объяснил ему, что «Полярная звезда» не торговое судно и что, торопясь на север, они не могут везти его в какой-нибудь порт.

— Мы можем только передать вас на встречное судно,— закончил он.

— Но если ваше судно не торговое, то чем же оно занимается, куда держит курс?

— Оно везет русскую полярную экспедицию, членов которой вы видите перед собой, и направляется в море Бофора.

— Ну что же, придется мне, видно, до поры до времени поплавать с вами, если вы не захотите высадить меня в качестве Робинзона на необитаемый остров! — засмеялся Макшеев.— Но я рассказал вам, что у меня ничего нет, кроме того, что на мне: ни белья, ни приличной одежды, ничего, кроме презренного металла, который даст мне возможность расплатиться с вами...

— Об этом не может быть и разговора,— прервал его Труханов.— Мы помогли соотечественнику выпутаться из беды и очень рады этому. Белья и одежды у

нас достаточно, вы почти одного роста со мной и такого же телосложения.

Макшееву отвели свободную каюту, где он мог умыться, переодеться и сложить свое золото. Вечером он присутствовал в кают-компании уже в преображенном виде и развлекал путешественников рассказами о своих приключениях. Новый пассажир произвел на всех самое приятное впечатление, и, когда он удалился спать, Труханов обратился к членам экспедиции с вопросом:

— Не пригласить ли нам его в свою среду? Это, по-видимому, энергичный, крепкий и бывалый человек с приятным общительным характером, который будет полезен во всяком случае и при всяких обстоятельствах.

— Да, и вполне культурный, несмотря на свою тяжелую жизнь в диких, малообитаемых местах,— заметил Каштанов.

— Знает эскимосский язык, что может пригодиться на предполагаемой земле, которая если населена, то эскимосами,— прибавил Громеко.

— Пожалуй, и в самом деле я предложу ему участвовать в экспедиции с вашего общего согласия,— закончил беседу Труханов,— или лучше подожду несколько дней, все равно ему деваться некуда, и мы познакомимся с ним поближе.

На другое утро, по просьбе Макшеева, «Полярная звезда» свернула со своего курса в устье большой горы Святого Лаврентия, на северном берегу которой находился его золотой прииск. Он хотел захватить свое скромное имущество и, кроме того, предложил Труханову разобрать и увезти с собой небольшой домик, который мог пригодиться экспедиции при зимовке на разыскиваемой земле. Этот домик с кладовой при нем состоял из тщательно пригнанных друг к другу частей, так что за несколько часов мог быть разобран и погружен на судно. «Полярная звезда» причалила к берегу, и вся команда вместе с пассажирами взялась за работу. К полудню домик был уже погружен на палубу, и судно продолжало свой путь на север.

В ПОИСКАХ НЕИЗВЕСТНОЙ ЗЕМЛИ

Поздно вечером, когда незаходящее уже солнце катилось красным шаром на северном горизонте, «Полярная звезда» вышла из Берингова пролива в Ледовитый океан.

Вдали, на западе, виднелся северо-восточный конец Азии — мыс Дежнева, на крутых откосах которого алели освещенные солнцем многочисленные снежные поля. Путешественники послали последний привет негостеприимному безлюдному берегу, все-таки составлявшему часть родной земли.

На востоке можно было различить в легком тумане оставшийся уже позади мыс Принца Уэльского. Впереди море было почти свободно ото льдов. За последнее время господствовали южные ветры, которые совместно с теплым течением вдоль американского берега пролива угнали большую часть льда на север,— это было очень благоприятное обстоятельство для дальнейшего плавания.

Когда на следующее утро наши путешественники вышли на палубу, на западе уже не видно было земли. На востоке земля оставалась в виду — это были берега Аляски со скалистыми мысами Лисберн и Надежды, ограничивавшими с севера залив Коцебу.

Ветер был попутный, и, распустив паруса, «Полярная звезда» неслась по волнам, словно огромная чайка. По временам попадались ледяные поля и небольшие айсберги, которые, слегка покачиваясь, медленно плыли, подгоняемые ветром, на северо-восток.

Когда берега Аляски начали скрываться на горизонте, Макшеев, стоявший вместе с остальными пассажирами у борта, воскликнул:

— Прощай, бывшая русская земля — драгоценность, подаренная американцам!

— Как так? — удивился Боровой.— Насколько помню, наше правительство продало Соединенным Штатам эту унылую страну.

— Да, продало за семь миллионов долларов. А знаете ли вы, сколько янки уже выручили из этой унылой страны?

— Ну, столько же или, может быть, вдвое!

— Вы жестоко ошибаетесь! Одного золота они вывезли из Аляски на двести миллионов долларов, а

кроме золота, еще полностью не исчерпанного, там есть серебро, медь, олово и каменный уголь, который начинают добывать. Потом пушнина, большие леса по Юкону. Строят железную дорогу, по Юкону ходят пароходы.

— Ну, нам жалеть нечего! — заметил Труханов.— У нас и Аляска осталась бы в таком же первобытном состоянии, как Чукотская земля, где тоже есть и золото, и уголь, и пушнина, а толку от всего этого никакого.

— До поры до времени,— возразил Каштанов,— свободное развитие России вообще задавлено самодержавием. Но переменится правительство, и мы, может быть, начнем работать в крупных масштабах, и тогда Аляска нам бы очень пригодилась. Владея ею и Чукотской землей, мы бы командовали всем севером Тихого океана, и ни один американский хищник не смел бы сунуться сюда; а теперь они чувствуют себя хозяевами в Беринговом море и в Ледовитом океане.

— И даже в Чукотской земле! — с горечью добавил Макшеев.— Они снабжают чукчей товарами и выменивают у них на спирт пушнину, моржовую кость, шкуры.

На следующее утро земли не было видно, и «Полярная звезда» плыла с уменьшенной скоростью по морю, казавшемуся безбрежным, несмотря на льды, которые белели со всех сторон. Впереди на горизонте стоял густой туман. Ветер ослабел, по временам шел крупный снег, и тогда горизонт быстро суживался, а судно замедляло ход; температура воздуха была только +0,5 градуса. Около полудня проглянуло солнце и позволило определить широту, которая оказалась 70° 3'. Таким образом, «Полярная звезда» благодаря попутному ветру и почти свободному морю за тридцать шесть часов успела пройти треть расстояния между выходом из Берингова пролива и берегом искомой земли.

Следующие два дня эти благоприятные условия сохранялись, и путешественники оказались уже под широтой 73° 39'. Но к вечеру четвертого дня плавания по морю Бофора льды быстро сгустились, и судну приходилось уже лавировать тихим ходом в узких промежутках между ледяными полями.

На всем этом пути не встретили никаких судов;

очевидно, время года было слишком раннее для китобоев. Когда это выяснилось, Труханов заявил Макшееву:

— Как видите, Яков Григорьевич, мы китобоев не встретили, и вам волей-неволей придется остаться на «Полярной звезде» в качестве моего гостя. Или вы, может быть, предпочтете принять участие в санной экспедиции, если мы найдем искомую землю?

— Как ни приятно ваше общество,— возразил Макшеев,— но сидеть полгода или год без дела на судне среди льдов мне будет тяжело. А в экспедиции я приму участие с большим удовольствием и, думаю, не без пользы для нее. Я опытен в ходьбе на лыжах, в езде на собаках и беру на себя вместе с Иголкиным заботу о них. Могу также готовить пищу, вести съемку, помогать профессору Каштанову в геологических наблюдениях. Как горный инженер, я кое-что смыслю в геологии.

— В таком случае я считаю вопрос решенным и очень рад, что состав экспедиции увеличивается одним энергичным и опытным человеком,— сказал Труханов.

Условия участия Макшеева установили очень быстро, а вечером он показал Каштанову коллекцию горных пород Аляски и Чукотской земли, захваченную им с прииска.

Профессор просмотрел ее с большим интересом и убедился в серьезной подготовке Макшеева, который мог сделаться хорошим помощником в работе.

Ночью пришлось простоять несколько часов на месте. При полном штиле туман сгустился до того, что в десяти шагах ничего не было видно, все словно потонуло в жидком молоке. «Полярная звезда» остановилась у большого ледяного поля, и все, кроме вахтенных, спокойно спали.

Утром туман начал слегка расползаться и клубиться под дуновением северного ветерка. Приготовились к продолжению плавания. Ветер скоро засвежел, туман постепенно исчезал, уносимый на юг, ледяные поля зашуршали и тоже пришли в движение.

Впереди открылся довольно свободный проход, и «Полярная звезда» под парами опять поплыла на северо-северо-восток, но медленно, во избежание столкновения со льдами и чтобы иметь возможность быс-

трой остановки или поворота в ту или другую сторону.

Весь вечер и до полуночи шли вперед то медленно, то довольно быстро. Но затем солнце, светившее с полудня, хотя и с перерывами, скрылось в пелене тумана на северном горизонте, вскоре надвинувшегося на «Полярную звезду». Эта ночь была менее спокойна, чем предыдущая: дул легкий северный ветер, ледяные поля двигались, напирали друг на друга, трещали и ломались. Клубившийся туман не позволял различать путь, приходилось большей частью стоять на месте и быть все время настороже, чтобы не оказаться зажатыми между большими льдинами.

Утром северный ветер усилился, туман разогнало, но зато льды пришли в сильное движение, и день прошел в большом напряжении. Капитану потребовалась вся его опытность, чтобы пробиваться медленно вперед, лавируя между полями, отступая, поворачивая то направо, то налево. Матросы с длинными баграми стояли у обоих бортов, чтобы отталкивать судно от напиравших на него льдин. К счастью, окраины ледяных полей были уже сильно поломаны, айсберги отсутствовали и только иногда гряды мелкого льда, нагроможденные местами на полях, представляли более серьезную опасность.

Ночью в борьбе со льдами пришлось принять участие всем пассажирам, чтобы дать матросам возможность поочередно отдыхать. Тумана не было, дул довольно свежий норд, и судно продвигалось вперед. Утром заметили стаю каких-то птиц, пролетевших на север, и двух медведей, гулявших по большому полю в километре от судна. Это были признаки близости земли.

Определение широты около полудня дало 75° 12' 5". Следовательно, несмотря на льды, «Полярная звезда» за трое суток успела продвинуться на север на 1° 33'.

Когда капитан проложил на карте курс судна, Труханов заметил собравшимся вокруг стола членам экспедиции:

— До сих пор нам везет чрезвычайно! В тысяча восемьсот семьдесят девятом году «Жаннетта», вышедшая подобно «Полярной звезде» из Берингова пролива, все лето билась во льдах, не проникнув даже до

семьдесят третьего градуса северной широты, и в начале сентября была окончательно затерта немного северо-восточнее острова Врангеля. А мы в четверо с половиной суток без особых затруднений успели пробиться за семьдесят пятый градус.

— Теперь до земли можно добраться и пешком, если льды окончательно преградят нам плавание,— сказал капитан.— Я полагаю, что осталось не более восьмидесяти или ста километров.

ЗЕМЛЯ ФРИТЬОФА НАНСЕНА

В тот же день поздно вечером северный горизонт против обыкновения очистился от тумана и туч, и, когда солнце спустилось почти до горизонта, на алом фоне неба можно было различить отдаленную мелкозубчатую цепь.

— Это, несомненно, земля! — воскликнул капитан, наблюдавший в подзорную трубу.— Ледяные поля не имеют таких очертаний, и, кроме того, на белом фоне видны многочисленные темные пятна!

— И она ближе, чем мы думали! Мне кажется, что до нее не более пятидесяти—шестидесяти километров,— заметил Макшеев.

— Итак, полярный материк существует, и наша экспедиция снаряжена недаром! — с удовлетворением сказал Труханов.

Все были возбуждены видом земли и долго не ложились спать. Отсутствие тумана дало возможность видеть редкое зрелище: полуночное солнце, прокатившись огненным шаром над гребнем отдаленной горной цепи, снова начало постепенно подниматься выше.

«Полярная звезда» всю ночь и все утро подвигалась вперед, пробираясь по-прежнему через более или менее густые льды. В полдень определение широты указало, что за сутки судно опять подвинулось на север почти на полградуса.

Под вечер солнце, светившее с утра почти без перерыва, что представляло большую редкость в этих широтах, скрылось за тучами. Вскоре все небо заволокло и разыгралась метель, словно глубокой зимой. Мелкий снег слепил глаза, все скрывалось в белесоватой мгле. Сильного волнения на этом море, густо по-

крытом льдами, ветер не мог развести, но ледяные поля пришли в движение, сталкивались друг с другом и на их краях вздымались торосы из нагроможденных одна на другую льдин, достигавшие четырех или даже шести метров вышины. Положение судна было опасное. Пришлось, оставаясь под парами, стоять почти на месте, отбиваясь ото льдов, то подвигаясь немного вперед, то отступая назад. Все были наготове, и только благодаря специальной конструкции корпуса судно выдерживало страшный напор льдов.

Наконец «Полярной звезде» удалось забраться в большую выемку на восточной стороне огромного ледяного поля, защищенную от непосредственного нажима, где судно и провело спокойно остаток ночи.

К полудню метель утихла, солнце проглянуло и позволило определить широту. К всеобщему неприятному изумлению, оказалось, что норд угнал судно вместе со льдами на юг. Но этот же ветер вместе с тем сильно разбил и разъединил ледяные поля, так что за следующие два дня при пасмурной и тихой погоде «Полярная звезда» довольно легко пробивала себе дорогу и, несомненно, значительно подвинулась на север.

Земля должна была находиться близко, судя по тому, что лот, который до сих пор в море Бофора показывал неизменно глубины пятьсот—семьсот морских сажен, теперь встретил дно уже на восьмидесяти саженях. Очевидно, тут начиналась уже континентальная подводная платформа полярного материка. Но вследствие пасмурной погоды, низко стлавшихся туч и моросившего дождя эту близкую землю совершенно не было видно.

К вечеру того же дня, 2 июня, лот показал только двадцать сажен глубины и впереди белели сплошные льды. Судно двигалось тихим ходом, чтобы не наткнуться на мель, которая была очень возможна вблизи земли. Ночью пришлось постоять несколько часов, потому что густой туман совершенно скрыл окрестности.

Утром поднялся восточный ветер, туман рассеялся, и оказалось, что «Полярная звезда» находится недалеко от края ледяной стены метров в двадцать вышиной, которая тянулась на восток и на запад до самого горизонта.

— Это, вероятно, барьер из материкового льда, опоясывающий полярную землю совершенно так же, как и вокруг Южного полюса,— заметил Труханов столпившимся на палубе членам экспедиции.

Так как место было неудобное для высадки санной партии, судно взяло курс на восток в надежде встретить бухту или разрыв в барьере, который позволил бы взобраться на поверхность льда. Лот показал шестнадцать сажен глубины, и можно было думать, что ледяная стена лежит своим основанием на дне моря.

Идти очень близко вдоль стены было небезопасно, так как нередко от отвесной или даже нависшей массы льда, рассеченной многочисленными трещинами, отрывались более или менее крупные глыбы и падали с глухим шумом в воду. По некоторым трещинам, расширенным в глубокие, но узкие ущелья-каньоны, низвергались каскадами ручейки.

Плавание шло медленно. Приходилось обходить мели и ледяные поля, так что за сутки подвинулись только километров на сорок. Но в этот день к вечеру впереди показался длинный выступ, как будто стена выдвигалась к югу, меняя свое направление. Когда же «Полярная звезда» подошла ближе, оказалось, что этот выступ представлял не лед, а скалистый мыс самой земли.

За ужином в кают-компании обсуждался вопрос, как окрестить новооткрытую землю, и было решено назвать ее Землей Фритьофа Нансена в честь великого исследователя полярных морей и стран. Мыс, несмотря на протесты Труханова, назвали его именем, как организатора экспедиции.

Перед самым мысом ледяная стена отступала немного на север, благодаря чему получалась бухта небольшая, но достаточно глубокая, чтобы можно было произвести высадку санной партии.

Всю ночь на судне кипела работа. Нужно было спешить, пользуясь благоприятной погодой. Южный ветер мог надвинуть ледяные поля к берегу и забить ими бухту. Все принимали участие в выгрузке багажа. К началу мыса ледяная стена понижалась и распадалась на отдельные части, между которыми нетрудно было проложить дорогу на поверхность льда. Пока члены экспедиции сортировали выгруженное на берег имущество и прилаживали его на нарты, матросы

поднялись на гребень мыса Труханова и соорудили там высокую пирамиду из камней вокруг шеста, на котором при троекратном салюте пушек «Полярной звезды» был поднят русский флаг.

Пирамида должна была также служить сигналом как для судна, которому предстояло крейсировать вдоль берега земли, занимаясь его съемкой и изучением, так и для санной экспедиции, которая направлялась в глубь страны, но должна была вернуться к тому же мысу, чтобы опять попасть на судно. Среди камней пирамиды был положен запаянный цинковый ящик с заявлением, что земля открыта 4/17 июня 1914 года экспедицией Труханова на судне «Полярная звезда» и названа Землей Фритьофа Нансена. Это заявление было подписано всеми членами экспедиции и скреплено судовой печатью.

Вечером на другой день все члены экспедиции в последний раз собрались в кают-компании «Полярной звезды» на прощальный ужин, во время которого были окончательно решены вопросы о дальнейшем плавании судна и мерах для оказания помощи санной экспедиции в случае, если она не вернется в известный срок.

«Полярная звезда» должна была устроить возле пирамиды склад, оставив в нем запас провианта, топлива и одежды на несколько месяцев, чтобы экспедиция, не застав почему-либо судно в этом месте, могла расположиться здесь на зимовку.

Санная экспедиция должна была идти прямым путем на север в течение шести или восьми недель и затем возвращаться на юг по возможности другим путем, но стараясь выйти опять к мысу Труханова. Чтобы облегчить свой груз и обеспечить себе возвращение, она должна была оставлять, приблизительно через каждые пятьдесят километров, склады провианта на три дня и сведения о направлении своего пути, на случай поисков по ее следам.

Наутро «Полярная звезда», разукрасившаяся флагами, провожала салютом из обеих пушек отъезжавшую санную экспедицию. При прощании Труханов передал Каштанову запечатанный пакет и сказал:

— Если вы очутитесь во время путешествия по Земле Нансена в безвыходном положении или будете в недоумении и не в состоянии объяснить себе то,

что вы увидите вокруг себя, не будете знать, что предпринять дальше, вскройте этот пакет. Может быть, его содержимое поможет вам принять соответствующее решение. Но без крайности — прошу вас — не вскрывайте пакета. Если все пойдет более или менее гладко, нормально, то в моих указаниях никакой надобности не будет, и они могут показаться даже совершенно необоснованными.

После дружеских рукопожатий на поверхности ледяного барьера, куда экспедицию провожал почти весь экипаж, три тяжело нагруженные нарты, запряженные каждая восемью собаками, и шесть человек двинулись на север. Шесть запасных собак бежали рядом.

ЧЕРЕЗ ХРЕБЕТ РУССКИЙ

Путь экспедиции в глубь Земли Нансена продолжался в течение двух дней по снежной равнине, которая слабо поднималась к северу и не представляла препятствий для быстрого передвижения; трещины во льду встречались редко и большей частью были забиты снегом. Погода стояла пасмурная, и с юга с попутным ветром ползли густые тучи, сыпавшие по временам снегом и скрывавшие даль. Люди и собаки постепенно втягивались в работу. Впереди всех шел Боровой, пробуя своей палкой снег, чтобы своевременно обнаружить трещины, и наблюдая компас, чтобы держаться нужного направления. Макшеев, Папочкин и Иголкин шли каждый возле своей нарты, руководя ходом собак. Громеко бежал немного в стороне, но близко, чтобы помогать той нарте, которая застревала, а Каштанов замыкал шествие также с компасом в руках, производя маршрутную съемку. На хвосте последней нарты был прикреплен одометр — легкое колесо, соединенное со счетчиком, отмечавшим пройденное расстояние, почему эту нарту нужно было особенно оберегать от повреждений.

Все путешественники были одеты в одинаковые полярные костюмы. На каждом была чукотская кухлянка — меховая рубашка, мехом внутрь, с капором для головы. На случай холода на нартах имелись еще другие кухлянки, которые можно было надеть поверх

первых, но уже мехом наружу; теперь, ввиду летнего времени, достаточно было одной, да и ту в случае дождя следовало заменять шерстяной вязаной курткой, так как одежда из оленьего меха боится подмочки. Ноги были одеты в меховые же шаровары, также мехом внутрь, и меховые мягкие торбасы — сапоги. В случае особенного тепла можно было заменить всю меховую одежду шерстяной, имевшейся в запасе.

Все шли на лыжах с палками в руках. Равнина была покрыта рядами заструтов — выбоин и выпуклостей, созданных зимними пургами и только отчасти смягченных оттепелью. Они больше затрудняли движение, чем трещины, встречавшиеся не очень часто. Макшеев развлекал всех разговорами с собаками своей нарты, которых он наделил характерными именами; головная собака, крупная, черная, получила имя «Генерал». Для ночлега расставляли юрту облегченного типа с легким и прочным остовом из бамбука; в ней раскладывали по кругу вдоль стенок спальные мешки, в середине ставили спиртовую печь для варки пищи, к перекладине наверху подвешивали фонарь. Собак привязывали к нартам вокруг юрты. В конце второго дня пути, отшагав пятьдесят пять километров от места высадки, устроили первый склад провианта для обратного пути, отметив его пирамидкой из снежных глыб с красным флагом на верхушке.

На третий день подъем по снежной равнине сделался более заметным и появилось больше трещин, которые замедляли движение,— приходилось идти осторожнее, прощупывая снег, чтобы не провалиться через тонкий слой его, скрывающий трещину. Вечером обнаружили признаки близкой перемены местности.

На севере тучи расходились, разгоняемые ветром, и между их серыми клочьями и массами то показывались, то исчезали довольно высокие горы, которые тянулись длинной цепью по всему горизонту. На общем белоснежном фоне этих гор чернели скалистые отроги. Незаходящее солнце катилось над самым гребнем хребта, тускло светя сквозь пелену туч и окрашивая их в красноватый цвет. Снеговая равнина на переднем плане покрылась пятнами и полосами, отраженными от неба, синеватого, лиловатого и розового цвета. Общая картина снеговой пустыни и таинст-

венного хребта, который впервые предстал перед глазами людей, была поразительна.

Подъем на этот хребет, названный Русским, продолжался три дня вследствие сильных трещин льда; путь шел по одной из поперечных долин между скалистыми отрогами.

Ледяной поток, то есть ледник, спускавшийся по долине южного склона хребта, имел до одного километра в ширину и с обеих сторон был окаймлен довольно крутыми темными скалистыми откосами, чередовавшимися с более пологими склонами, глубоко покрытыми снегом. Первые были усыпаны крупными и мелкими обломками базальта[1] и кое-где, в защищенных местах, представляли миниатюрные лужайки с полярной растительностью. Каштанов по дороге осматривал утесы, а Громеко собирал растения. Для Папочкина поживы почти не было; за целый день он набрал только несколько насекомых — полумертвых на снегу или живых на лужайках.

Густые тучи, скрывавшие небо, плыли так низко, что почти задевали за головы путешественников, которые двигались словно по широкому, но очень низкому коридору с белым расщелившимся полом, черными стенами и серым потолком. Везде, где уклон дна долины становился круче, более или менее ровная поверхность льда превращалась в ледопад, разбитый многочисленными трещинами и представлявший часто хаос ледяных глыб, по которым приходилось перетаскивать нарты; люди и собаки выбивались из сил и за день проходили всего километров десять такого пути. Погода оставалась пасмурной. Южный ветер нес низкие тучи, скрывавшие гребни отрогов; их черные склоны окаймляли неровную поверхность ледника, по которой пробирались с большими затруднениями нарты экспедиции. В худших местах приходилось разгружать их и переносить багаж на руках. Наконец к вечеру третьего дня выбрались на перевал, который достигал почти полутора тысяч метров над уровнем моря и представлял собой снежную равнину.

---

[1] Базальт — черная или темно-серая тяжелая вулканическая порода, плотная или пузыристая. Она изливается из многих современных вулканов в виде жидкой лавы, образующей потоки и покровы.

Погода оставалась пасмурной, гребень хребта был сплошь покрыт серыми тучами, мчавшимися на север, и экспедиция двигалась все время в легком тумане, скрывавшем окрестности уже в сотне шагов от зрителя.

Все были очень раздосадованы этим обстоятельством, потому что при хорошей погоде вид с поверхности хребта был бы обширный и позволил бы набросать карту значительной части Земли Нансена.

На перевале устроили второй склад, в котором оставили коллекции, собранные геологом на отрогах южного склона. Добыча зоолога за все время ограничилась шкурой и черепом мускусного быка[1]; небольшое стадо этих животных попалось экспедиции перед перевалом.

БЕСКОНЕЧНЫЙ СПУСК

Северный склон хребта имел совершенно другой характер: это была бесконечная снежная равнина, полого опускавшаяся к северу, и собаки легко тащили нарты вниз по уклону. Но погода ухудшилась; упорный южный ветер нес густые тучи, которые клубились почти по поверхности снега, совершенно скрывая даль; часто разражалась метель, и только потому, что ветер был попутный, а мороз не превышал 10—15 градусов, путешественники могли продолжать движение без особых затруднений. Трещины попадались довольно часто, но все были узкие, так что переходили их без затруднения. Но из-за метели пришлось идти очень осторожно, так как свежий снег часто совершенно скрывал эти ловушки. К концу дня вьюга бушевала с такой силой, что установка юрты потребовала больших усилий.

На следующее утро юрта оказалась занесенной снегом до крыши. И Боровой, вставший раньше дру-

---

[1] Мускусный бык — млекопитающее, соединяющее в себе черты барана и быка; имеет короткие рога, опущенные по бокам головы, длинный и густой мех, широкие копыта, позволяющие быстро бегать по льду и насту. В настоящее время встречается только в Гренландии и на островах Северной Америки за 60° северной широты.

гих для метеорологических наблюдений, открыв дверь, уткнулся головой в сугроб. Пришлось прокапывать себе выход. Выбравшись наружу, путешественники увидели, что все нарты и собаки исчезли,— вокруг юрты возвышались только большие сугробы. Но нетрудно было догадаться, что вещи и животные просто засыпаны снегом, так как о похищении первых и бегстве вторых в этой снежной пустыне нечего было и думать. Всем пришлось заняться раскопками.

Услышав голоса людей, собаки начали сами прокапываться из-под сугробов, чтобы скорее получить утреннюю порцию еды. Было интересно видеть, как то тут, то там поверхность снега начинала подниматься бугром, через который наконец прорывалась черная, белая или пятнистая косматая голова, издававшая радостный визг.

На бесконечной равнине свежевыпавший снег лежал нетолстым слоем, не более полуметра, и накопился сугробами только вокруг препятствий — юрты, нарт и собак. Так как он падал при сильном ветре, то был довольно плотным, и лыжники не очень погружались в него, но нарты и собаки вязли. Приходилось часто меняться местами, так как передовой нарте, прокладывавшей дорожку для остальных, доставалась самая трудная работа, и собаки, тащившие ее, скоро уставали. Эти перемены в связи с рыхлостью снега не позволяли двигаться быстро; поэтому, несмотря на то что ветер ослабел, метель прекратилась, путь шел под гору по ровному склону и трещины были совершенно набиты снегом, за день успели пройти только двадцать два километра и остановились в пятидесяти пяти километрах от перевала. Здесь был устроен третий склад.

Ночью метель возобновилась с прежней силой, и утром пришлось опять выкапываться, хотя из менее глубоких сугробов. Теперь уже слой свежего снега на равнине достигал почти метра, и движение сделалось более затруднительным; поэтому, пройдя за день всего пятнадцать километров, все так устали, что остановились на ночлег раньше обычного времени.

Местность и погода сохраняли свое удручающее однообразие.

Вечером метель прекратилась, и сквозь тучи, попрежнему стлавшиеся почти по поверхности беско-

нечной снежной равнины, по временам показывалось солнце, низко повисшее над горизонтом. Картина, которая представилась глазам наблюдателей, была совершенно фантастическая: белоснежная равнина, клубы и клочья быстро ползущих по ее поверхности серых туч, беспрерывно меняющих свои очертания; столбы крутящихся в воздухе мелких снежинок и то тут, то там, в этой бело-серой мутной и движущейся мгле, ярко-розовые отблески от лучей прорывавшегося солнца, которое то появлялось в виде красного шара, то исчезало за серой завесой. Наши путешественники после ужина долго любовались этой картиной, пока усталость не загнала их в юрту и в спальные мешки.

На третий день спуска барометры показали, что местность находится уже на уровне моря, а уклон равнины на север все еще продолжался.

Когда Боровой, записав показания барометра, сообщил об этом своим спутникам, Макшеев воскликнул:

— Что же это? Мы уже съехали с хребта Русского, не встретив ни одного ледопада, ни одной трещины!

— Более удивительно,— заметил Каштанов,— что здесь должен быть берег моря, а следовательно, конец огромного ледяного поля, которое спускается по северному склону этого хребта и, по нашему измерению, имеет семьдесят километров в длину. Здесь, подобно тому, что мы знаем об окраине антарктического материка, должен быть высокий обрыв, ледяная стена в сотню метров высоты, а у ее подножия — открытое море или хотя бы поля торосов, полыньи и среди них отдельные айсберги. Ледник ведь двигается, напирает на морской лед.

Но следующий день не принес перемены. Снежная равнина продолжалась с тем же характером и уклоном на север; ветер упорно дул в спину путешественникам, словно подгоняя их вперед; низкие тучи клубились и сыпали по временам снегом. Все ожидали, что спуск вот-вот кончится, торопились, всматривались вперед, обменивались надеждами на близкий конец. Но все было напрасно, проходил час за часом, километр за километром оставались позади, и наконец общая усталость заставила остановиться на ночлег.

Когда юрта была поставлена, все столпились вокруг Борового, устанавливавшего ртутный барометр; всем хотелось видеть его показания, так как на карманных анероидах стрелки уже вышли за конец делений на циферблате и не показывали давления воздуха как следует.

— По грубому подсчету, мы спустились уже на четыреста метров ниже уровня моря,— вскричал метеоролог,— если только на Земле Нансена в настоящее время не находится область необычайного по величине антициклона[1]! Барометр показывает восемьсот миллиметров.

— Насколько я знаю,— заметил Каштанов,— антициклонов с таким давлением на земле не бывает. Кроме того, погода, с тех пор как мы находимся на Земле Нансена, не менялась и совсем не похожа на погоду при антициклоне.

— Но в таком случае, что же это такое? — воскликнул Папочкин.

— Очевидно, земля не кончилась и северная ее часть представляет очень глубокую вдавленность, впадину, уходящую ниже уровня моря на сотни метров.

— Разве это возможно? — удивленно спросил Громеко.

— Почему же нет? На земле известны подобные впадины, например долина Иордана и Мертвого моря в Палестине, впадина Каспийского моря, Люкчунская котловина в Центральной Азии, открытая русскими путешественниками, наконец дно озера Байкал в Сибири, которое находится ниже морского уровня на тысячу метров с лишком.

— Впадина Мертвого моря также не маленькая, дно его на четыреста шестьдесят пять метров ниже уровня океана,— прибавил Макшеев.

— Во всяком случае, открытие такой глубокой впадины на полярном материке будет крайне интересным и важным результатом нашей экспедиции,— заключил Боровой.

---

[1] Циклон — область низкого давления воздуха; антициклон — область высокого давления. Циклоны, перемещаясь по земной поверхности, сопровождаются сильными ветрами и выпадением дождя или снега. Антициклоны приносят устойчивую хорошую погоду.

К общему удивлению, спуск продолжался и на следующий день по той же равнине и при той же погоде.

— Мы лезем в какую-то бездонную дыру,— шутил Макшеев.— Это не плоская впадина, а скорее воронка, может быть, кратер потухшего вулкана.

— Но только невиданных на земле размеров,— заметил Каштанов.— Мы спускаемся в эту воронку уже четыре дня, и диаметр этого кратера, очевидно, достигает трехсот километров или больше; вулканы такой величины известны только на Луне. К несчастью, на всем спуске мы не встретили ни одного утеса, ни малейшего выхода горной породы, которые разъяснили бы нам происхождение этой впадины. Склоны кратера должны состоять из разных лав и вулканических туфов[1].

— На северном склоне Русского хребта и на его гребне мы видели базальты и базальтовые лавы,— напомнил Папочкин.— Некоторые указания на вулканическую природу этой впадины мы имеем.

— Кратеры потухших вулканов, заполненные доверху снегом и льдом, известны в Аляске,— добавил Макшеев.

Вечером в этот день и ртутный барометр отказался служить: его трубка доверху наполнилась ртутью; пришлось достать гипсотермометр[2] и определить давление воздуха по температуре кипения воды. Оно соответствовало глубине восьмисот сорока метров ниже уровня океана.

Все заметили, что вечером стало немного темнее. Лучи полуночного солнца, очевидно, не проникали непосредственно в эту глубокую впадину. Недоумение

---

[1] Лава — расплавленная масса, вытекающая из кратера вулкана или из трещины в земной коре на ее поверхности и после застывания превращающаяся в горную породу того или иного состава. Туф — горная порода, состоящая из пепла, выброшенного вулканом при извержении. Пепел — раздробленная на мельчайшие частицы газовыми взрывами лава. Он накопляется на склонах и в окрестностях вулкана в сухом виде или падает в воду озер и прудов, где постепенно слеживается и цементируется в твердую породу.

[2] Гипсотермометр состоит из сосуда для кипячения воды с длинной трубкой на крышке, в которую вставляют термометр, чтобы определить точку кипения воды в выделяемых ею парах.

путешественников увеличилось в связи с тем обстоятельством, что компас в этот день также отказался служить: его стрелка вертелась, дрожала и не могла успокоиться и показать положение севера. Приходилось руководствоваться направлением ветра и общим уклоном равнины, чтобы ехать по-прежнему на север. Беспокойство компаса Каштанов также приписал вулканической природе впадины, так как известно, что большие массы базальта оказывают влияние на магнитную стрелку.

Но на другой день путешественники встретили в нескольких километрах от ночлега неожиданное препятствие: снежная равнина уперлась в цепь ледяных скал, тянувшуюся в обе стороны поперек пути, насколько было видно. Скалы местами поднимались отвесно на десять—пятнадцать метров, местами же представляли хаос крупных и мелких глыб льда, нагроможденных друг на друга. Взбираться на эти груды и без груженых нарт было трудно. Пришлось остановиться для разведки. Макшеев и Боровой вскарабкались на самую высокую груду и убедились, что и впереди, насколько хватает взор, тянутся такие же груды и скалы.

— Это не похоже на пояс торосов морского льда,— заявил Макшеев, вернувшись к нартам.— Торосы не тянутся на несколько километров в ширину без перерыва.

— Очевидно, мы достигли дна впадины,— сказал Каштанов,— и этот хаос обусловлен напором огромного ледника северного склона хребта Русского, по которому мы спускались.

— Следовательно, все дно впадины занято хаосом льдин,— заметил Боровой.— Остальные склоны ее также должны быть покрыты ледниками, спускающимися на дно.

— А благодаря колоссальной величине впадины она до сих пор не успела заполниться льдом, как заполнены кратеры вулканов Аляски,— добавил Макшеев.

— Но нам необходимо так или иначе перебраться через это дно, чтобы продолжать путешествие на север и выяснить размеры впадины и характер противоположного склона,— заявил Каштанов.

— Всего легче идти вдоль подножия хаоса, чтобы обогнуть его по дну впадины до противоположного склона,— предложил Громеко.

— Но если эта впадина не кратер вулкана, а долина между двумя хребтами? — заметил Папочкин.— В таком случае она может тянуться на сотню-другую километров, и мы не успеем закончить пересечение Земли Нансена.

— И куда идти вдоль подножия хаоса: направо или налево, чтобы обогнуть его? — спросил Боровой.

— Пойдем налево; может быть, мы встретим такое место, где хаос позволит перейти раньше на ту сторону без особого труда.

Приняв это решение, путешественники направились налево, то есть на запад, судя по ветру, так как компас по-прежнему не мог успокоиться и показать север. Слева от них поднималась снежная равнина с едва заметным уклоном, справа громоздились ледяные груды и скалы; низкие тучи по-прежнему закрывали небо и даже задевали за вершины более высоких льдин. Около полудня заметили место, где хаос льдин казался проходимым; груды были ниже, кое-где виднелись промежутки. Здесь остановились для устройства четвертого склада, а Боровой и Макшеев налегке направились в глубь ледяного пояса для разведки. К вечеру они вернулись и сообщили, что пояс имеет около десяти километров в ширину, что он проходим, хотя и не без затруднений, и что за ним ровный подъем на противоположный склон впадины.

Преодоление пояса потребовало два дня серьезной работы; часто приходилось прорубать тропу через нагроможденные льдины, чтобы протаскивать нарты одна за другой соединенными усилиями людей и собак. Ночевали, не расставляя юрты, приютившись для защиты от ветра за огромной льдиной, стоявшей отвесно; собаки попрятались в щелях и ямах между глыбами. Но после тяжелой работы все спали крепко, несмотря на стоны и завывания ветра, гудевшего в хаосе на разные лады.

На следующий день выбрались на другую сторону преграды. На ночлеге Боровой зажег спиртовку гипсотермометра в полной уверенности, что он покажет ту же высоту, как и перед ледяным поясом, то есть около девятисот метров ниже уровня моря. Но когда он вставил термометр в трубку кипятильника, ртуть поднялась до 105, затем 110 градусов и все еще шла вверх.

— Стой, стой! — вскричал Боровой.— Куда ты прешь, хочешь разбить стекло?..

— Что такое? В чем дело? — раздались возгласы. Все вскочили и столпились вокруг прибора, стоявшего на одном из дорожных ящиков.

— Это нечто невиданное, неслыханное! — воскликнул Боровой прерывающимся от волнения голосом.— Вода кипит в этой проклятой дыре при температуре плюс сто двадцать градусов.

— А это значит?..

— Это значит, что по ледяному поясу мы спустились в какую-то бездну. Я сейчас даже не соображаю, сколько тысяч метров ниже уровня моря соответствуют этой температуре кипения. Подождите, нужно справиться в таблицах.

Он опустился на свой спальный мешок, вытащил из кармана справочник по определению высот, порылся в таблицах и на полях стал вычислять что-то. В это время спутники один за другим подходили к прибору, чтобы убедиться, что термометр действительно показывает +120 градусов. Светлый столбик остановился у этого деления, и сомнений быть не могло.

Царившее молчание среди пораженных изумлением людей нарушалось легким клокотанием кипевшей в приборе воды.

Но вот раздался глубокий вздох Борового и затем следующие слова, произнесенные торжественным тоном:

— По грубому вычислению, этой температуре кипения при плюс ста двадцати градусах соответствует отрицательная высота в пять тысяч семьсот двадцать метров.

— Не может быть! Вы не ошиблись? — раздались возгласы.

— Проверьте сами! Вот вам таблицы... В них, конечно, нет данных для этой температуры кипения, которую никто никогда не наблюдал вне лабораторий. Приходится вычислять приблизительно.

Каштанов проверил вычисление и сказал:

— Совершенно верно. За эти два дня, карабкаясь через льдины, мы спустились на четыре тысячи девятьсот метров на протяжении каких-нибудь десяти—двенадцати километров.

— И не заметили такого спуска!

— Лезли вниз с высоты Монблана и ничего не знали! Это что-то невероятное!

— И непонятное! Приходится думать, что ледяной хаос — это ледопад на крутом обрыве, ведущем из кратера в жерло этого колоссального вулкана.

— Из которого нам придется теперь вылезать по такому же ледопаду на другую сторону!

— А мне непонятны и эта густая пелена туч, и этот ветер, который упорно дует с юга уже столько дней без перерыва,— заявил Боровой.

Но предположение о втором ледяном поясе не оправдалось. На следующий день путь шел по снежной равнине с пологим подъемом; вследствие этого и благодаря теплой погоде движение стало труднее. Термометр показывал немного выше нуля, снег размокал и прилипал к полозьям нарт, собаки тащились все время шагом. К вечеру с трудом сделали двадцать пять километров. В подъеме местности нельзя было сомневаться, и, устанавливая гипсотермометр, Боровой был уверен, что он покажет меньшую глубину, чем накануне.

Но вода не закипала долго; наконец пошел пар, и Боровой вставил термометр. Немного спустя раздался его крик:

— Это черт знает что такое! Это... это...— Он разразился проклятиями.

— Что такое? В чем дело? Термометр лопнул? — раздались возгласы.

— Я сам лопну или сойду с ума в этой дыре! — неистовствовал метеоролог.— Посмотрите сами, кто рехнулся — я или термометр?

Все вскочили и подошли к гипсотермометру. Ртуть показывала +125 градусов.

— Мы сегодня поднимались, а не спускались? — дрожащим голосом спросил Боровой.

— Конечно, поднимались! Целый день поднимались. Спору быть не может!

— А вода кипит на пять градусов выше, чем вчера у ледяного барьера! И это значит, что мы сегодня не поднялись, а спустились приблизительно на тысячу четыреста тридцать метров.

— И находимся, следовательно, на семь тысяч сто пятьдесят метров ниже уровня океана,— быстро подсчитал Макшеев.

— Но это же ни с чем не сообразно! — засмеялся Папочкин.

— Поверить в крутой спуск по льдам еще можно было,— прибавил Каштанов.— Но поверить, что мы спустились почти на полтора километра, когда путь явственно шел вверх по уклону, это противоречит здравому смыслу.

— Если только у нас не повальное помешательство, то я с вами согласен! — угрюмо ответил Боровой.

В это время Громеко и Иголкин, выходившие из юрты кормить собак, вернулись, и первый сказал:

— Еще один странный факт! Сегодня заметно светлее, чем вчера у льдов.

— А вчера было светлее, чем по ту сторону барьера,— прибавил Макшеев.

— Совершенно верно,— подтвердил метеоролог.— Самая темная ночь, вроде петербургской белой ночи, была перед ледяным барьером. Мы полагали, что находимся на дне впадины, и ослабление света было понятно: лучи полярного солнца не могут проникать так глубоко.

— Но теперь мы спустились несравненно глубже, а ночь гораздо светлее!

Долго еще обсуждали все эти противоречивые факты, но, ничего не выяснив, уснули. Утром Боровой первый вылез из юрты, чтобы сделать свои наблюдения.

Ветер дул по-прежнему с юга и нес все такие же низкие серые тучи, скрывавшие местность на расстоянии сотни-другой метров. Термометр показал —1 градус, шел снег.

— Сегодня нужно проверить, поднимаемся мы или опускаемся,— предложил Макшеев.— У нас среди инструментов есть легкий нивелир и рейки.

Продолжалась та же снежная равнина, но снег немного подмерз и идти было легче. Уклон был небольшой, но несомненно вверх, и несколько нивелировок, произведенных в течение дня, подтвердили то, что видел глаз и что показывали собаки своим ходом.

За день сделали двадцать три километра, так как нивелировки отняли довольно много времени.

Как только юрта была расставлена, Боровой вынул свои приборы; кипятильник показал +128 градусов.

Боровой сочно выругался и плюнул.

— Единственное, объяснение, что в этом провалище неприменимы физические законы, установленные для земной поверхности, и нужно вырабатывать новые,— сказал Каштанов.

— Легко сказать — вырабатывать! — сердился Боровой.— На лету их не выработаешь! Сотни ученых десятки лет трудились, а тут все идет насмарку, словно на другой планете. Я не могу примириться с этим и готов подать в отставку!

Все рассмеялись при этой выходке метеоролога, который все-таки взялся за вычисление и объявил, что за день поднялись, то бишь спустились, на восемьсот шестьдесят метров, и место находится на девять тысяч метров ниже уровня моря.

— Я навел справку в руководстве по физике,— заметил Каштанов.— Оказывается, вода кипит при ста двадцати градусах при давлении в две атмосферы и при ста тридцати четырех градусах при давлении в три атмосферы. Сейчас мы испытываем давление приблизительно в две с половиной атмосферы.

— Понятно, что при таком давлении чувствуешь себя скверно и голова идет кругом,— заявил Боровой угрюмо.

Остальные подтвердили, что уже с ночи, проведенной среди льдов барьера, самочувствие ухудшилось, ощущается давление в груди, тяжесть в голове, вялость движений; сон беспокойный, с кошмарами.

— И собачки тоже чувствуют себя плохо,— заявил Иголкин.— Они словно ослабели и тянут хуже, хотя подъем некрутой. Я думал, они просто устали, а дело-то вот в чем!

— Интересно пощупать пульс у всех...— предложил Громеко.— У вас нормальный сколько, Иван Андреевич?

— Семьдесят два...— ответил Боровой, протягивая руку врачу.

— Ну вот, а теперь сорок четыре! Разница чувствительная. Сердце при таком давлении работает медленнее, а это отражается и на самочувствии.

— Что же, если спуск будет продолжаться, то сердце совсем остановится? — спросил Макшеев.

— Ну, не до центра же Земли мы будем спускаться! — рассмеялся Громеко.

— Почему нет? — проворчал Боровой.— Эта чудо-

вищная воронка, может быть, доходит до центра Земли. Я теперь всему поверю. И не удивлюсь даже, если мы выйдем из нее среди льдов Южного полюса.

— Это уж, извините, ерунда! — заметил Каштанов.— Ни сквозной дыры через земной шар, ни воронки до центра быть не может. Это противоречило бы всем данным геофизики и геологии.

— Вот как! А с противоречиями всем законам метеорологии, которые мы уже наблюдаем, вы миритесь? Вот увидите, и законы вашей геологии полетят кувырком.

Каштанов рассмеялся.

— Метеорология, Иван Андреевич, наука легкомысленная,— сказал он шутливо.— Она имеет дело с непостоянной средой атмосферы, с ее циклонами и антициклонами, причины которых до сих пор неясны. А геология основана на прочном базисе — твердой земной коре.

— Прочный базис! — вскипел Боровой.— Пока его не тряхнет хорошеньким землетрясением, при котором любой геолог потеряет голову, если не что-нибудь похуже!

Все покатились от смеха.

— И потом,— продолжал метеоролог ядовито,— вы знаете каких-нибудь два—три километра в глубь земной коры, а судите о состоянии недр! И сколько голов — столько гипотез о природе этих недр. По мнению одних — ядро земли твердое, по мнению других — жидкое, по мнению третьих — газообразное. Разберитесь тут!

— Разберемся со временем. Каждая гипотеза, если она обоснована, представляет лишний шаг к познанию истины. А насчет недр вы неправы. В данное время сейсмология, то есть изучение землетрясений, дает нам новые способы узнать больше о состоянии земного ядра... Интересно, что будет завтра,— закончил он.— Теперь каждый день можно ждать каких-нибудь фактов, на первый взгляд непонятных, но слагающихся в общую цепь причин и следствий, когда в них разберешься.

На другой день продолжалась снежная равнина с подъемом вверх, но более слабым; ветер по-прежнему дул с юга, низкие тучи клубились и стлались почти по поверхности земли, скрывая даль. К полудню подъем

равнины сделался совершенно незаметным, а под вечер он перешел в спуск — собаки побежали быстрее, так что лыжники едва поспевали за ними. Температура держалась немного ниже нуля, и путь был легкий. Вдруг Боровой, шедший, как всегда, впереди, замахал руками и закричал:

— Стойте! Подождите! Я боюсь, что мы сбились с пути!

Все подбежали к нему. Он держал в руках компас и упорно смотрел на него.

— В чем дело? — спросил Каштанов.

— Мы идем не на север, а на юг, назад к ледяному поясу. Смотрите, северный конец стрелки показывает не вперед по нашему пути, а назад.

— Когда же вы заметили это?

— Только что. Ведь с тех пор, как компас начал чудить, я перестал доверять ему и вел караван по ветру, который все время дует упорно с юга. Но меня теперь смутил обратный уклон равнины, потому что из воронки мы не могли еще выбраться. Я вынул компас и увидел, что он перестал чудить и показывает направление пути на юг, а не на север.

— Но ветер дует по-прежнему нам в спину!

— Он мог перемениться в течение ночи.

— Нет,— заявил Макшеев,— ветер не переменился. Мы все время ставим юрту дверью по ветру, то есть на север, чтобы не задувало. Сегодня утром, я помню это твердо, юрта стояла еще по ветру.

— Значит, он менялся постепенно в течение сегодняшнего дня; мы описали полукруг и пошли обратно.

— Или же компас каким-то образом перемагнитился.

— Хоть бы выглянуло солнце или показались звезды, чтобы проверить, куда мы идем,— жаловался Боровой.

— Во всяком случае, следует остановиться на ночлег и проверить с компасом в руках несколько километров нашего пути, который ясно виден по следам на снегу,— заявил Каштанов.— Если мы кружили, это обнаружится быстро.

Поставили юрту. Макшеев и Громеко побежали по следам назад. Боровой вскипятил гипсотермометр, который показал почти то же, что и накануне. Небольшой подъем первой половины дня, очевидно,

был уравновешен спуском второй половины. Через два часа следопыты вернулись, они проверили десять километров пути, который шел все время по прямой линии, согласно направлению ветра. Поэтому решили, что последнему можно больше доверять, чем компасу, и что следует идти и дальше по ветру.

И в этот раз темное время ночи так и не наступило: тусклый свет под покровом туч не изменился.

На следующий день уклон местности вниз стал более заметным. Температура поднялась немного выше нуля, снег размокал, и дорога, несмотря на спуск, сделалась труднее. После полудня появились лужицы и небольшие ручейки, которые извивались между неровностями и наконец исчезали в трещинах, забитых снегом. Для ночлега пришлось выбрать возвышенную площадку и окопать юрту канавками, чтобы отвести воду тающего снега.

Устанавливая гипсотермометр, Боровой был уверен, что он покажет еще большее число градусов, чем накануне, так как целый день продолжался спуск на дно загадочной впадины. Но термометр показал 126 градусов, и отрицательная высота местности, несмотря на спуск, не увеличилась, а уменьшилась на пятьсот семьдесят метров. Метеоролог, совершенно растерянный, разразился нервным смехом:

— Новый сюрприз, новое недоразумение! Сегодня утром мы решили не верить компасам, теперь приходится поставить под знак вопроса и гипсотермометр!

Опять все путешественники собрались вокруг шалившего прибора, проверяли его показания, кипятили воду еще и еще раз, но результат получался прежний. Несмотря на ясный спуск, в котором нельзя было сомневаться, потому что ручейки текли в том же направлении, давление воздуха не увеличилось, а уменьшилось. В предшествующие же дни, наоборот, при подъеме давление не уменьшалось, а увеличивалось. Казалось, что законы физических явлений, выработанные поколениями ученых на основании наблюдений на земной поверхности, здесь, в этой впадине полярного материка, были неприменимы или получили совершенно другой смысл. Необъяснимые явления умножались.

Все были заинтересованы и возбуждены, но понять, объяснить никто не мог. Оставалось надеяться,

что ближайшее будущее даст ключ к разъяснению загадки.

— Но что за снежная пустыня! — заметил Папочкин.— После встречи с мускусными быками на перевале через хребет можно было надеяться, что следующие дни дадут мне и Михаилу Игнатьевичу какую-нибудь научную добычу. Между тем мы идем с тех пор чуть ли не двенадцать дней, прошли более двухсот пятидесяти километров... и абсолютно ничего, кроме снега и льда.

— И даже Петр Иванович, которому до сих пор везло всего больше по части коллекций, не поживился ничем,— прибавил Громеко.

— Один только Иван Андреевич коллекционирует! — смеясь, заметил Макшеев.

— Я? Что же я собрал за это время? — удивился Боровой.

— Коллекцию непонятных физических явлений,— ответил за Макшеева Каштанов, догадавшийся, на что тот намекает.

— Это очень странная коллекция, но зато легковесная, не то что ваши камни! — смеялся Боровой.— Она наши нарты не задавит!

— Но может оказаться и очень тяжеловесной, в смысле итогов экспедиции. Ведь каждому исследователю хочется найти что-нибудь особенное, ранее неизвестное! Вам повезло до сих пор больше, чем нам.

На следующий день спуск продолжался и стал даже еще заметнее. Ледяная равнина начала распадаться на плоские увалы. Во впадинах между ними текли ручьи, снег размок, и идти на лыжах стало тяжело: лыжи скользили, раскатывались в стороны. Поэтому способ передвижения изменили: люди уселись на нарты, по двое на каждую; собаки тащили их быстро вниз по уклону; лыжными палками направляли нарты и сдерживали их раскаты на неровностях льда.

Обратили внимание на то, что тучи, клубившиеся по-прежнему низко, имеют не серый, а красноватый цвет, словно их озаряет заходящее, но невидимое солнце.

Ледяная пустыня уходила во все стороны до недалекого горизонта и также казалась красноватой. Это странное освещение на дне глубокой впадины, куда не могло заглянуть низкое полярное солнце, также

принадлежало к коллекции необъяснимых явлений, которую собирал Боровой.

В этот день остановились на гребне увала вблизи большого бурного ручья с чистой водой, избавлявшей от необходимости растапливать снег для супа и чая.

НЕОБЪЯСНИМОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОЛНЦА

После ужина метеоролог установил свой кипятильник в твердой уверенности, что ввиду такого длинного и опасного спуска на протяжении сорока пяти километров ртуть покажет по крайней мере 130 градусов, и снижение будет около десяти тысяч метров, то есть рекордным за все время. Он даже заранее вычислил высоты для точек кипения от 130 до 135 градусов, чтобы огорошить ими своих спутников. Каково же было его удивление, когда термометр показал только 120 градусов!..

— Моя коллекция опять увеличилась,— заявил он торжественным тоном.— Вы, конечно, не сомневаетесь, что мы сегодня ехали все время и очень быстро под гору.

— Ну конечно. Ясно! Вода в гору не течет! — раздались голоса.

— Так. А вот гипсотермометр показывает, что мы ехали в гору и поднялись за день на тысячу семьсот метров с лишком. Как вам это понравится?

После того как все убедились собственными глазами, что Боровой не шутит, он заявил:

— Очевидно, идя и далее все вниз, мы скоро выберемся из этой удивительной впадины, может быть, у самого Северного полюса.

— А я думаю, что готовится какая-то катастрофа! — загадочным тоном произнес Громеко.— В таинственной яме происходит необыкновенное разрежение воздуха, давление падает, предвещая ураган, циклон, тайфун, смерч или что-нибудь подобное. А в ожидании этой пертурбации, чтобы перенести ее спокойно, я предлагаю всем благоразумным людям залезть в спальные мешки.

Все, даже Боровой, рассмеялись и последовали совету врача. Но метеоролог предварительно осмотрел, крепко ли вбиты колья, хорошо ли натянуты веревки,

державшие юрту. Он действительно опасался какой-то атмосферной катастрофы, спал тревожно, просыпаясь и прислушиваясь, не усиливается ли ветер, не начинается ли ожидаемое явление. Но все было спокойно, ветер гудел равномерно, как все это время, сотоварищи похрапывали, собаки сквозь сон ворчали и взвизгивали. И Боровой опускал голову на подушку, стараясь отогнать тревожные мысли и заснуть.

Утром он раньше всех вышел из юрты, чтобы отсчитать показания инструментов, вывешенных на ночь. Остальные путники лежали еще в спальных мешках.

Вдруг войлочная дверь юрты поднялась. Метеоролог, бледный, с вытаращенными глазами, вернулся в юрту и произнес, заикаясь:

— Если бы я был один, я бы больше не сомневался в том, что рехнулся окончательно.

— Ну, что такое опять? В чем дело? Какая катастрофа разразилась? — послышались вопросы, у одних испуганные, у других иронические.

— Тучи или туман почти рассеялись, и солнце, понимаете ли вы, полярное солнце стоит в зените! — прокричал Боровой.

Все бросились к выходу, толкая друг друга и на ходу одеваясь.

Над ледяной равниной клубился легкий туман, и сквозь него то ярче, то тусклее светил красноватый диск, стоявший прямо над головами, а не низко над горизонтом, как полагалось полярному солнцу в пять часов утра в начале июля под 80° северной широты.

Все стояли, задравши головы кверху, и смотрели молча на это странное солнце, находившееся на ненадлежащем месте.

— Странная эта местность — Земля Нансена,— промолвил Макшеев не то трагическим, не то ироническим тоном.

— Да не луна ли это? — предположил Папочкин.— Может быть, теперь полнолуние?

Боровой порылся в карманном справочнике:

— Теперь действительно полнолуние, но только этот красный диск не похож на луну — и светит сильнее, и греет заметно.

— Может быть, на Земле Нансена...— начал Макшеев.

Но Каштанов перебил его:

— В полярных странах в летние месяцы луна никогда не бывает в зените: или ее совсем не видно, или она стоит очень низко.

— А если это не луна и не солнце, то что же это такое?

Но ответа никто не мог дать. Все продолжали делать догадки и опровергать их; затем позавтракали и собрались в путь. Термометр поднялся до +8 градусов. Туман то сгущался, скрывая красное светило, то разрежался, а оно показывалось неизменно в зените, не двигаясь с места. Путь шел по-прежнему вниз по ледяной равнине вдоль берега большого ручья. Уклон как будто становился более пологим.

Собаки бежали дружно, путешественники сидели на нартах, по временам вскакивая, чтобы поправить упряжь или устроить мостик через более глубокое русло.

Как только солнце пробивалось сквозь клубы тумана, все поднимали головы и смотрели на это странное светило, принявшее такое противоестественное положение на небе.

В обед сделали обычный привал.

Полдень, впрочем, показывали только часы, солнце же стояло по-прежнему в зените и, казалось, не думало менять своего места.

— Чем дальше в лес, тем больше дров! — ворчал Боровой.— Солнце и под восьмидесятым градусом северной широты должно перемещаться по небу, а не стоять на одном месте! Ведь Земля-то вертится!

Во время привала он определил высоту солнца, которая оказалась равной 90°.

— Можно подумать, что мы находимся под тропиком в день летнего солнцеворота или под экватором во время равноденствия! — сказал он после наблюдения.— Какую широту прикажете записать? Хоть убейте, а не понимаю, где мы находимся и что вокруг нас происходит. Мысли в голове путаются, и все кажется каким-то странным сном!

Все в сущности разделяли это чувство Борового и совершенно не могли объяснить себе это новое непонятное явление, по своей загадочности превосходящее все остальные: противоречивые показания инструментов, постоянный ветер с одной стороны, бес-

просветные тучи, ненормальное тепло, красноватый свет и колоссальная впадина с глубиной большей, чем все известные на Земле.

Во время обеда и отдыха строили всевозможные догадки о катастрофах, происшедших с Землей с тех пор, как они на «Полярной звезде» и на Земле Нансена были отрезаны от всякого общения с остальным миром.

ПОЛЯРНАЯ ТУНДРА

Под вечер ледяная равнина превратилась в ледяные увалы. Редкий туман плыл в воздухе, почти не заслоняя красноватое солнце, которое по-прежнему оставалось в зените, словно издеваясь над путешественниками, продолжавшими с изумлением смотреть на него.

Приближалось время остановиться на ночлег; на ледяном гребне это было не особенно удобно: хотя места было достаточно, но вода далеко внизу, и спускаться к ней по гладкому ледяному откосу было невозможно. Поэтому продолжали ехать в надежде найти более подходящее место, тем более что впереди сквозь туман видна была какая-то темная равнина.

И вот около семи часов вечера ледяные увалы снизились и плоскими белыми языками, словно исполинскими фестонами, окаймляли эту темную равнину, в которую ручьи врезывались неглубокими руслами и текли далее в плоских болотистых берегах. Нарты, съехавшие со льда, сразу остановились на липкой голой земле; собаки высунули языки и отказались везти. Все соскочили с нарт — последний километр ехали уже в напряженном ожидании нового сюрприза, который поднесет им эта странная Земля Нансена в виде бесснежной равнины.

Словно по уговору, люди наклонились, рассматривая и щупая руками эту долгожданную землю после стольких дней, проведенных на снегу и льду. Земля была буро-черная, пропитанная водой; липкая, но не совершенно голая, а покрытая примятыми стебельками мелкой пожелтевшей травки и искривленными стелющимися ветвями приземистого кустарника, лишенного листьев. Нога погружалась в землю сантиметра на четыре, и из-под подошвы струйками и фонтанчиками выжималась желтая вода.

— Как вам это понравится? — проворчал Каштанов.— Под восемьдесят первым градусом северной широты снег исчезает, тепло, как в Финляндии, голая земля и солнце в зените!

— Неужели придется ставить юрту в этом болоте? — печально спросил Папочкин.

— Это не болото, а северная тундра,— пояснил ему Макшеев.

— От этого не слаще, что тундра,— заметил Боровой.— Собаки отказываются везти нарты, а ночевать в грязи действительно не особенно приятно. Лучше уж вернуться на лед!

Все стали оглядываться вокруг в надежде увидеть более сухое местечко.

— Вот там, я думаю, будет хорошо! — воскликнул Громеко, указывая вперед, где над черно-бурой равниной поднимался плоский холм, приблизительно в километре от конца ледяных языков.

— Но как мы туда дотащимся?

— Ничего, доплетемся, будем помогать собакам!

— Попробуем надеть лыжи, чтобы меньше вязнуть.

Действительно, на лыжах идти оказалось легче. Собаки потихоньку тащили облегченные нарты, которые люди сзади подталкивали палками от лыж. В полчаса доплелись до холма, поднимавшегося метров на восемь над равниной и представлявшего сухое и удобное место для ночлега. На нем среди пожелтевшей прошлогодней травы пробивались уже свежие зеленые побеги, а приземистый кустарник наливал почки.

На вершине холма поставили юрту, а нарты и собак расположили ниже на склоне. Позади, на севере, белел ровным, высоким валом край льдов, уходивший в обе стороны за горизонт; впереди черно-бурая равнина уже принимала зеленоватый оттенок.

В полусотне шагов от холма беззвучно струился широкий ручей между топкими берегами. Туман клубился над равниной.

Появлявшееся по временам красноватое солнце по-прежнему стояло в зените, хотя часы показывали уже половину девятого вечера. За этот день отмахали пятьдесят километров.

Пока Боровой кипятил воду, остальные строили догадки, какую температуру кипения покажет инструмент после такого длинного очевидного спуска.

Одни стояли за 125, другие за 115 градусов. Макшеев даже держал пари с Папочкиным.

— Никто из вас не выиграл! — заявил метеоролог, когда наблюдение кончилось.— Термометр показывает только сто десять градусов.

— Все-таки я был ближе к истине,— сказал Макшеев,— я стоял за сто пятнадцать.

— А не думаете ли вы, что лучше будет перебить все эти негодные инструменты? — желчно спросил Боровой.

— Вы, право, слишком принимаете к сердцу непонятные фокусы атмосферного давления,— успокаивал его Каштанов,— как будто считаете себя ответственным за них!

— Не в этом дело, а в том, что инструмент оказывается негодным! Зачем же его тащить?

— Сейчас он может быть бесполезен по неизвестной нам причине, но при дальнейшем ходе путешествия, вероятно, опять будет оказывать нам услуги.

После ужина совещались о дальнейшем ходе путешествия. Если бесснежная тундра простирается и далее к северу, как это ни странно, то значительная часть снаряжения оказывается не только бесполезной, но даже вредной, тормозящей быстроту движения, а именно — лыжи, нарты, собаки и запас их корма, лишняя теплая одежда, значительная часть спирта и даже сама юрта. При установившейся здесь теплой погоде можно было бы довольствоваться легкой палаткой, которая имелась в запасе, а топливо пришлось бы собирать в тундре.

Поэтому решили устроить на холме дневку и разослать налегке две партии в разные стороны, чтобы выяснить характер местности и условия передвижения, ожидавшие экспедицию. После этого можно было оставить все лишнее в складе на холме для обратного пути по льдам.

БРОДЯЧИЕ ХОЛМЫ

На следующий день Иголкин и Боровой остались у юрты: первый для надзора за собаками, второй для разных метеорологических наблюдений. Остальные четверо отправились на разведки, разделившись на

две партии: Каштанов и Папочкин пошли на юго-восток, а Макшеев и Громеко на юго-запад. Все пошли на лыжах, но с намерением оставить их, если почва сделается достаточно сухой.

Каждый исследователь был вооружен ружьем. Нельзя было думать, что и на тундре не попадется никакой дичи, как это было на снежной равнине. Беспокойное поведение собак в течение ночи заставляло полагать, что могут встретиться какие-то животные. Свежее мясо было очень нужно не только людям, но и собакам.

Каштанов и Папочкин на своем пути вскоре наткнулись на широкий ручей, за которым тундра продолжалась.

Вскоре она стала настолько сухой, что лыжи пришлось совершенно оставить. Их поставили конусом, связав наверху веревкой, чтобы легче заметить и взять на обратном пути.

На сухой тундре зеленела уже молодая трава, а приземистый кустарник покрылся зелеными листочками и цветами. По равнине клубился туман, местами моросил очень мелкий дождь. Но в промежутках светило и заметно грело красноватое солнце, диск которого все-таки не был ясно виден.

Километрах в десяти от стоянки путники заметили впереди несколько темных крутобоких холмов, очертания которых из-за тумана были нерезки.

— Вот прекрасное место для обзора окрестностей! — воскликнул Папочкин.— На этой гладкой равнине с высоты холма должно быть видно далеко.

— Еще интереснее те коренные породы, которые мы найдем на них,— возразил ему Каштанов.— До сих пор геологическая добыча нашей экспедиции была очень скудна.

— Зоологическая еще скуднее.

— Ну, теперь тундра вознаградит нас. А по форме и цвету этих холмов можно думать, что это куполы базальта или другой вулканической породы.

Оба исследователя пустились почти бегом к желанной цели, которая то виднелась сквозь пелену тумана, то совершенно скрывалась в ней.

Каштанов и Папочкин бежали более четверти часа, а темные холмы казались почти такими же далекими, как вначале.

— Этот проклятый туман ужасно мешает правильной оценке расстояний! — сказал зоолог, останавливаясь, чтобы перевести дух.— Я был уверен, что до холмов недалеко, а мы бежим, бежим, бежим и почти не приблизились. Я запыхался.

— Ну что же, отдохнем! — согласился Каштанов.— Холмы ведь не убегут от нас никуда.

Они стояли, опершись на ружья. Вдруг Папочкин, смотревший в сторону холмов, воскликнул:

— Удивительно, если только это не обман зрения! Мне показалось, что наши холмы двигаются.

— Это ползет туман, потому и кажется,— спокойно ответил Каштанов, закуривая трубку.

— Нет, теперь я ясно вижу, что холмы передвигаются! Смотрите, смотрите скорее!

Впереди, недалеко, теперь ясно были видны четыре темные массы, которые медленно передвигались по тундре.

— Холмы базальта или иной вулканической породы обыкновенно стоят на одном месте! — саркастически заметил Папочкин.— Впрочем, в этой стране необъяснимых явлений, может быть, и такие холмы бродят с места на место! Как жаль, что с нами нет Борового!

Каштанов в это время вынул бинокль и направил его на двигавшиеся холмы.

— А знаете ли, Семен Семенович,— сказал он голосом, дрожащим от волнения,— эти холмы подлежат не моему, а вашему ведению, потому что это крупные животные вроде слонов,— я ясно различаю длинный хобот.

Они опять побежали вперед и остановились только тогда, когда туман начал снова рассеиваться; темные массы были уже гораздо ближе.

— Ляжем,— сказал зоолог,— иначе они могут заметить нас и убегут.

Они прилегли на тундру. Теперь Папочкин прильнул и биноклю в ожидании удобного момента. Наконец туман рассеялся настолько, что на расстоянии четырехсот—четырехсот пятидесяти шагов можно было ясно различить четырех слонообразных животных, которые обрывали веточки ползучего кустарника и, красиво изогнув хобот, отправляли их в свою пасть. Трое из них были побольше, а один поменьше.

— У них огромные бивни,— сказал Папочкин,— сильно изогнутые. Тело покрыто шерстью красно-бурого цвета. У них короткие хвостики, которыми они весело помахивают. Если бы я не знал, что мамонты исчезли с лица нашей планеты, я бы сказал, что это не слоны, а мамонты... Впрочем, в этой стране необыкновенного, может быть, и мамонты уцелели!

Каштанов в это время вставил патрон с разрывной пулей в свою дальнобойную винтовку и прицелился в ближайшего зверя, повернувшегося левым боком к охотнику.

Раздался оглушительный выстрел. Зверь взмахнул хоботом, упал на колени передних ног; затем вскочил, пробежал несколько шагов и тяжело рухнул на землю.

Остальные шарахнулись в стороны, а затем, подняв кверху хоботы и испуская рев, напоминавший протяжное мычание быка, побежали тяжелой крупной рысью по тундре и исчезли в тумане.

Каштанов и Папочкин, сгорая от нетерпения, бросились к добыче. Она лежала на правом боку, разбросав ноги и откинув голову с огромными бивнями. Из зиявшей под лопаткой огромной раны вытекал целый ручеек крови, круглое брюхо еще судорожно вздымалось, хобот вздрагивал.

— Осторожнее,— сказал Каштанов.— В агонии он может так двинуть хоботом или ногой, что переломит нам кости.

Охотники остановились шагах в десяти от слона и рассматривали его с понятным волнением и интересом.

— Я тоже думаю, что это мамонт,— сказал Каштанов.— Огромные размеры (ведь эта махина имеет метров шесть в длину!), бивни, согнутые вверх и внутрь, длинная красноватая шерсть — все это признаки мамонта. Кроме того, слоны в полярных странах никогда не водились, а мамонт жил в сибирской тундре.

— Если бы я не видел его собственными глазами,— ответил Папочкин,— я бы никому не поверил! Это такое открытие, такое открытие!..

— Ну, пожалуй, не больше, чем вся эта глубокая впадина и зеленеющая тундра под восемьдесят первым градусом северной широты. Очевидно, на этом полярном материке, совершенно отрезанном льдами от ос-

тальных стран нашей планеты и обладающем мягким климатом, мамонты сохранились до наших дней. Они представляют собой живые окаменелости[1]...

— Или ископаемую фауну Земли Нансена, приспособившуюся к новым условиям жизни. Очевидно, прежде эта земля не была отделена от других стран льдами и снегами, а имела флору и фауну, общую с севером Америки и Азии. А затем, может быть во время ледникового периода, мамонты нашли здесь свое последнее убежище.

— Теперь оно обнаружено нашей экспедицией! Но что мы будем делать с этим чудовищем? Чтобы доставить его к стану, нужны товарная платформа и паровоз!

— Если мамонт не может быть передвинут к стану, то, во всяком случае, стан может перекочевать к мамонту! — пошутил зоолог.

— Идея! Но если в тундре могут водиться мамонты, то могут также водиться медведи, волки, песцы, вообще какие-нибудь хищники. И пока мы будем переселяться сюда, они успеют попортить нашу добычу!

— Это правда! Нужно сейчас же тщательно измерить, описать, сфотографировать мамонта. На «Полярную звезду» мы захватим разве один зуб, частицы мозга, кожи, мяса в спирту.

— Но хобот, я думаю, отрежем на всякий случай, чтобы показать товарищам. То-то они будут поражены! А потом скушаем его — это будет блюдо, которым не лакомился еще ни один естествоиспытатель. Хоботы слонов, говорят, превкусны! Но конец хобота нужно сохранить, потому что его никогда еще не находили при трупах мамонта и неизвестно, как он устроен[2].

Охотники подошли к мамонту, лежавшему уже неподвижно, и приступили к его измерению и тщательному осмотру.

---

[1] Окаменелостями называют остатки прежде существовавших животных и растений в окаменелом или обугленном состоянии, находимые в горных породах. Они имеют очень важное значение для определения возраста тех слоев земной коры, в которых находятся. Изучением окаменелостей занимается особая отрасль геологии — палеонтология.

[2] Недавно на Чукотском полуострове был найден хобот мамонта. Конец его доставлен в Академию наук.— *Прим. автора.*

Папочкин мерил, Каштанов записывал; потом последний сфотографировал труп с разных сторон, причем зоолог с гордостью становился рядом или влезал на него для масштаба, восклицая:

— Разве это не чудесно: в отчете экспедиции будет иллюстрация — ученый Папочкин на трупе мамонта, не ископаемого, а ныне живущего!

Окончив свою работу, путешественники отрезали у животного хвост, хобот и клок длинной шерсти, подняли ружья и, нагрузившись, хотели идти к юрте. Но тут зоолог, растерянно оглянувшись вокруг, воскликнул:

— Но в какой стороне наш стан? Кругом ровная тундра, ползет туман, вдаль не видно. Мы заблудились, Петр Иванович! Я решительно не знаю, куда идти...

Каштанов сначала немного оробел при этом возгласе, но потом сказал, улыбаясь:

— Человек, у которого в кармане есть компас, не может заблудиться даже в тумане, если знает, в каком направлении он шел. От места ночлега мы направились прямо на юго-восток, значит, теперь должны идти на северо-запад.

— Но, увидев мамонтов, мы, кажется, бежали не по компасу!

— Нет, прежде чем спрятать компас, я по привычке отметил направление, куда мы бежали. Не беспокойтесь, я вас доведу до юрты!

Каштанов с компасом в руке уверенно направился по тундре, зоолог следовал за ним.

Часа два путешественники шли по равнине. Туман по-прежнему то клубился низко, то рассеивался, позволяя видеть на один—два километра в окружности. Как раз в такой момент Каштанов наконец увидел впереди, немного в стороне от их пути, какой-то странный предмет, возвышавшийся над равниной. Он указал на него зоологу.

— Что же это такое? — спросил последний.— Похоже на остов самоедской юрты. Неужели здесь есть и люди!

— Я думаю, что это наши лыжи. Вы забыли, что мы их оставили.

— Ну, значит, мы идем правильно!

Добравшись до лыж, путешественники могли уже

не беспокоиться и спрятали компас, потому что лыжные следы виднелись хорошо на влажной тундре. Вскоре вдали показался холм с юртой.

НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ

Когда охотники подошли настолько, что на холме можно было различить не только юрту, но и силуэты людей и собак, Каштанов сказал своему спутнику, обладавшему менее острым зрением и слухом:

— А на стану у нас что-то происходит неладное — люди бегают, собаки заливаются лаем.

Оба остановились, чтобы прислушаться. Действительно, явственно доносился неистовый лай собак, затем послышался выстрел, другой, третий...

— Уж не напали ли мамонты или другие ископаемые звери? Я теперь готов поверить! — сказал зоолог.

— Бежим скорее, может быть, наша помощь очень нужна.

Они побежали, насколько позволяли их ноша и усталость. У подножия холма они бросили лыжи и хобот и мигом вбежали наверх.

Собаки рвались и лаяли на привязи, в юрте никого не было. Но на противоположном склоне бежавшие увидели темную массу, возле которой стояли Боровой и Иголкин с ружьями в руках.

В один миг Каштанов и Папочкин очутились возле своих товарищей:

— В чем дело, что случилось?

— А вот полюбуйтесь! — отвечал взволнованный Боровой.— Этот странный зверь напал на собак, или собаки напали на него. Мы сидели в юрте и не видели начала схватки,— одним словом, пока мы выбежали с ружьями, он затоптал у нас двух собак! Ну-с, чтобы остановить это занятие, мы запустили ему пару разрывных пуль в брюхо — и у него произошло смертельное расстройство желудка.

Иголкин увел собак, вертевшихся вокруг убитого зверя, и три путешественника начали рассматривать его. При первом взгляде на голову Каштанов и Папочкин в один голос воскликнули:

— Да это носорог!

— Носорог здесь, на полярном материке? — недо-

верчиво сказал Боровой.— Правда, что он довольно похож на носорогов, которых я, впрочем, видел только на картинках. Но все-таки может ли быть здесь, в тундре, животное, родина которого под тропиками?! Не могу этому поверить!

— А вы поверите,— перебил Каштанов,— что мы только что охотились на мамонтов, понимаете ли, мамонтов, которые до сих пор считались только ископаемыми животными, существовавшими десятки тысяч лет назад?

— Помилосердствуйте! — завопил Боровой.— Не шутите так жестоко. Я боюсь за свой рассудок. Все, что мы видим за последние дни, так необыкновенно, противоестественно! Мне просто кажется, что я вижу это во сне или же сошел с ума!

— Да успокойтесь, мой дорогой! — вскричал Каштанов, схватив Борового за руку.— Мы все испытываем волнение. Мы тоже поражены тем, что видим за это время. Все это странно, пока необъяснимо, но противоестественного в природе не бывает! Вспомните, что мы на уединенном полярном материке, глубоко вдавленном в поверхность нашей планеты, отрезанном широким поясом льдов от остальной суши. На таком материке должны быть своеобразные физические условия, благодаря которым продолжает существовать мамонт, давно уже вымерший в других странах. Почему же не мог сохраниться и его современник — носорог?

— Африканский или индийский носорог на полярной тундре!

— Да не африканский, а сибирский, длинношерстный, живший в Сибири в тундрах вместе с мамонтом.

— Вот как! Я не знал, что существовали и такие носороги. Но почему же вы думаете, что это не африканский?

— А вот посмотрите! У него длинная бурая шерсть, тогда как носорог тропических стран голый; размеры его больше, чем у ныне живущих представителей этого рода млекопитающих; передний рог огромных размеров и сплющен с боков.

Увидев, что Каштанов и Папочкин относятся так спокойно к этому удивительному происшествию, Боровой также успокоился и спросил:

— А где же мамонт, на которого вы охотились?

— Не могли же мы притащить его на себе сюда! —

рассмеялся Папочкин.— Мы убили его довольно далеко отсюда, в тундре. Там было маленькое стадо в четыре головы, и наш геолог издали принял их за крутобокие базальтовые холмы! Но потом эти вулканические холмы начали бродить по тундре, к нашему ужасу, ха-ха-ха! А кстати, где наш хобот? Мы принесли только хобот и хвост. Не попортили бы его собаки.

— Идем за ним!

Фотографирование, измерение и описание носорога заняли больше трех часов, и только после этого исследователи подумали, что пора отдохнуть. Завтракая, они вспомнили, что не хватает еще двух товарищей, и встревожились их долгим отсутствием.

— С этим солнцем, вечно стоящим в зените, решительно теряешь всякое представление о времени! — ворчал Боровой.— Утром, в полдень, вечером — все одно и то же! День кажется бесконечным.

— Он здесь действительно бесконечный, если солнце остается в одном пункте небосклона,— подтвердил Каштанов.

— Прошлой так называемой ночью свет все-таки ослабел,— заметил метеоролог.— Хотя вы склонны были объяснить это сгустившимся туманом, но я выходил из юрты около полуночи и обратил внимание, что туман был не гуще, чем днем, а это странное солнце светило заметно слабее, и на его диске как будто видны были большие темные пятна.

— Это очень интересно! — воскликнул профессор.— Почему вы не сообщили нам об этом новом странном факте?

— Странных фактов здесь не оберешься! Да я хотел проверить себя, прежде чем говорить вам. Сегодня около полудня я опять наблюдал это сумасшедшее светило и убедился, что темных пятен нет. Я и думал, что ночью просто ошибся.

— Я думаю,— сказал Папочкин,— что с центральным телом нашей планетной системы случилась какая-то катастрофа, пока мы путешествовали в тумане по Земле Нансена. Поэтому-то оно и очутилось в зените под восемьдесят первым градусом северной широты и светит круглые сутки.

— Может быть, Земля наша повернулась постепенно так, что ее северная полярная область оказалась обращенной прямо к солнцу?

— Это что-то непонятное,— проворчал Боровой.— Как мог без серьезных потрясений произойти в короткое время такой значительный наклон земной оси?

— Мы могли и не заметить эти потрясения в тумане среди льдов. Иначе я не могу объяснить себе это странное положение солнца,— настаивал Каштанов.

— А почему вы уверены, что это светило, которое мы видим теперь, то же самое, которое мы видели в последний раз над гребнем хребта Русского? — спросил Боровой.

— Что же это может быть иное? — удивился Папочкин.

— Почему нельзя предположить с таким же основанием, что Луна загорелась вновь или что в нашу планетную систему залетело случайно новое самосветящееся тело и увлекло за собой нашу Землю в качестве спутника? — с загадочной улыбкой говорил метеоролог.

— Зачем делать разные невероятные предположения! — сказал Каштанов.— Ведь есть же гипотезы, основанные на геологических фактах, что ось вращения нашей Земли перемещалась. Этим объясняют, например, оледенения, имевшие место в некоторые геологические периоды в Индии, Африке, Австралии, Китае, и субтропическую флору других периодов на Земле Франца-Иосифа, в Гренландии и т.п.

— Не спорю, это вам лучше знать. Но я сегодня измерил угловой радиус этого светила, и оказалось, что он равен двадцати минутам, тогда как угловой радиус солнца равен почти шестнадцати минутам, как вы, конечно, знаете[1].

— Вот это важный факт! — воскликнул пораженный Каштанов.

— А затем этот красноватый свет вместо желтого?

— Не вследствие ли тумана? — вставил Папочкин.

— Я сам думал так. Но сегодня удалось видеть это светило, когда туман на некоторое время совершенно рассеялся. И диск был все-таки красноватый, какой бывает у солнца, когда оно стоит низко над горизон-

---

[1] Размеры диска Солнца, Луны, планет и звезд определяют телескопом и другими оптическими инструментами в минутах градуса небесного свода и называют угловым радиусом.

том и светит через более влажные нижние слои атмосферы или во время пыльной бури.

— Да, это тоже странно!

— А эти темные пятна, обусловливающие ослабление света в известные часы суток! Сегодня ночью я постараюсь проверить и это. Если они повторятся, то я буду окончательно убежден, что над нами не солнце, а что-то другое.

— Где же, куда же девалось наше солнце? — с тревогой спросил Папочкин.

— Почем я знаю! Это еще одно звено в цепи непостижимых явлений, свидетелями которых нам суждено было сделаться за последние дни.

— Да, целая цепь! — задумчиво сказал Каштанов.— Огромная впадина на материке; странные показания магнитной стрелки; непонятные изменения атмосферного давления; теплая погода под широтой восемьдесят один градус — не случайная, судя по этой границе льдов и зеленеющей тундре; мамонты и носороги, разгуливающие по ней; солнце — не солнце, в зените днем и ночью...

— И еще будет немало, я в этом уверен. Вот идут наконец наши товарищи и несут, держу пари на что угодно, еще один странный факт.

Все вскочили, всматриваясь в даль, где уже хорошо видны были два человека, несшие что-то темное, подвешенное на длинную палку. Папочкин поставил чайник на спиртовую печь и принялся готовить шашлык из носорожьего мяса, остальные побежали навстречу приближавшимся.

— Ну и намаялись мы нынче! — заявил Макшеев.— Видели и коров, и быков, стреляли, но добыли только теленка и тащим его уже часа три.

— И набрали интересную флору тундры, совершенно своеобразную, я бы даже сказал — ископаемую, если бы не рвал ее сам,— добавил Громеко, за спиной которого болталась набитая ботаническая папка.

Закусывая и попивая чай, Макшеев и Громеко рассказывали о виденном:

— Километров десять по нашему пути шла та же тундра, но более сухая, чем здесь. Затем на ней растительность стала богаче, появились кусты и даже небольшие деревья...

— Полярная береза и полярная ива, но новых видов, а затем и тощая лиственница,— добавил Громеко.— Попались и цветущие растения, частью совершенно незнакомые мне, частью описанные разными исследователями в качестве представителей послетретичной (ископаемой) флоры Канады.

— Мы дошли наконец до узкой, но очень глубокой речки, через которую не было брода, и направились вниз по ее течению. Деревья становились выше человеческого роста, кусты между ними образовали чащу, через которую трудно было пробираться. Вот тут-то мы и набрели на стадо бычков, пришедших на водопой.

— Какого вида быков? — с интересом спросил Папочкин.

— Они походили скорее на диких яков,— поправил Громеко,— черные, с длинной шерстью, с огромными толстыми рогами и с горбом на спине.

— Такой вид имели быки,— продолжал Макшеев,— а другие, очевидно коровы, ростом были немного меньше и с рогами потоньше и покороче; кроме того, там было несколько телят. Я надеялся встретить в тундре только болотную птицу и мелкого зверя, поэтому взял с собой дробовик.

— А я совсем не взял ружья.

— Ну вот и пришлось стрелять только в теленка крупной картечью, которая нашлась в патронташе. Стадо скрылось в чаще, а теленок свалился в речку, откуда мы его выловили и прикончили ножом.

— Теленок весил добрых пятьдесят килограммов, а тащить его домой нужно было двенадцать километров. Поэтому мы для облегчения ноши выпотрошили его, хотя и знали, что Семен Семенович будет недоволен этим.

— Ну, он получил достаточное утешение! — засмеялся Каштанов.— Знаете ли, какой шашлык вы сейчас скушали?

— Какого-нибудь полярного зайца, что ли? Не знаю, есть ли такой вид.

— Не зайца, а носорога, и даже ископаемого!

— Тьфу! Это вы, значит, нашли где-нибудь труп носорога в вечно мерзлой тундре и решили попробо-

вать мясо, пролежавшее десятки тысяч лет[1]? — удивился Громеко.— Если бы я знал, не стал бы есть. Меня теперь будет тошнить.

— Но шашлык был вкусный, немного жестковат только,— заявил Макшеев.

— И неудивительно, такое древнее мясо!

— А знаете ли вы,— спросил, в свою очередь, Папочкин,— что к ужину мы вас угостим вареным хоботом мамонта?

— Ну, это уж черт знает что такое! — возмутился Громеко.— Что вы, отравить нас хотите, что ли? Пробуете, как действует на желудок современного человека разная геологическая падаль!

Макшеев, который во время своих скитаний по Аляске и Чукотской земле отвык от брезгливости, сказал:

— Я читал, что хобот слона — лакомое блюдо; но хобот мамонта должен быть верхом совершенства.

— Нет, я не стану его есть! — сердился Громеко.— Я лучше поджарю себе телячью печенку, она, по крайней мере, свежая.

Насладившись удивлением своих товарищей, остальные наконец посвятили их в события этого дня, показали им труп носорога, хобот, хвост и клок шерсти мамонта, и ботаник успокоился. Он принял даже участие в решении вопроса, как и с чем сварить пресловутый хобот, и вынул из кармана несколько головок дикого чеснока, который нашел недалеко от места встречи с быками.

— Эти овощи будут хорошей приправой к хоботу,— сказал он,— жаль, что их попалось так мало.

За ужином решили пробыть на том же месте еще один день, чтобы сходить впятером туда, где лежал убитый мамонт, и доставить к юрте запасы мяса и части, подлежащие сохранению.

— Теперь мы можем обсудить серьезно, куда и как

---

[1] На севере Сибири в вечно мерзлой почве изредка находят целые трупы животных, существовавших много тысяч лет назад и сохранившихся полностью — с кожей, мясом и внутренностями — благодаря мерзлоте, предохранившей их от гниения. Всего чаще находят трупы мамонта, редко — носорога, еще реже — других млекопитающих. Для изучения и вывоза таких трупов Академия наук снаряжает особые экспедиции.

нам двигаться дальше,— предложил после ужина Каштанов.— Наша разведка дала некоторый материал для этого. А во время разговоров поможем зоологу отпрепарировать черепа носорога и теленка, назначенные для сохранения... Кстати, Семен Семенович, к какому виду вы относите теленка?

— Если бы я не видел собственными глазами живого мамонта и сибирского носорога,— ответил зоолог,— я бы сказал, что встреченные быки близки к современному яку Тибета. Но теперь я решаюсь думать, что это были первобытные быки, исчезнувшие с лица Земли вместе с мамонтом и носорогом.

ПИСЬМО ТРУХАНОВА

При обсуждении вопроса о дальнейшем маршруте все согласились, что Земля Нансена дала уже экспедиции не только много нового, но и много необъяснимого и что необыкновенные факты множились с каждым днем движения вперед.

Экскурсии последнего дня показали, что впереди за тундрой начинаются леса, идти по которым с нартами и собаками было немыслимо; следовательно, приходилось оставить карты, лыжи, часть груза и собак и идти дальше пешком, унося на себе необходимое.

Между тем было совершенно неизвестно, далеко ли тянутся эти леса и что предстоит встретить за ними. Наиболее вероятным казалось, что тепло, растения и животные ограничиваются дном глубокой впадины Земли Нансена и что дальше, на противоположном склоне ее, опять начнутся снега и льды; следовательно, снова понадобятся нарты, лыжи и собаки.

Ввиду такой возможности целесообразным был и другой план дальнейшего движения: идти по тундре вдоль окраины льдов на нартах, чтобы обследовать окружность всей впадины, а в глубь ее делать экскурсии налегке. Но тогда середина последней, вероятно наиболее интересная в отношении флоры, фауны, а может быть, и геологии, могла остаться неисследованной. Судя по тому, что с окраины льдов в глубь впадины стекали многочисленные речки, там должны были находиться обширные озера или одно большое озеро.

Каждый план имел свои достоинства и свои недостатки. На который же из них решиться? Боровой, Иголкин и Макшеев стояли за маршрут по окраине льдов, тогда как естествоиспытатели, конечно, предпочитали углубиться к центру впадины, где ожидали найти больше материала по своей специальности.

Наконец можно было разделиться на две партии, направив одну с тяжелым багажом по окраине, другую налегке — поперек впадины, с тем чтобы встретиться на противоположной стороне. Но кто же мог знать, как далеко впадина простирается на восток и на запад и можно ли ее обогнуть? Не окажутся ли препятствия непреодолимыми и не будут ли поставлены обе партии или одна из них в безвыходное положение? Не приведет ли это разделение к гибели всей экспедиции?

Решение оказывалось, следовательно, очень трудным и могло быть чревато тяжелыми последствиями.

Взвесив все это, Каштанов сказал товарищам, спорившим еще с ожесточением, отстаивая каждый свое предложение:

— Вспомним, что у нас есть запечатанный пакет, данный нам организатором экспедиции на случай затруднительного положения. Его разрешено вскрыть, когда мы не будем понимать, где мы находимся и что делать дальше. Не полагаете ли вы, что этот момент наступил? За последнее время мы видели столько необъяснимого, необычайного, а теперь даже не знаем, куда направить наши дальнейшие шаги!

Об этом пакете Труханова все остальные забыли, и предложение Каштанова встретило всеобщее сочувствие. Пакет был извлечен из ящика, в котором хранились наиболее ценные инструменты и деньги. Каштанов распечатал его и прочел вслух:

Дорогие друзья!

Минута, когда вы прочитаете эти строки, будет, быть может, очень тяжелой для вас, но я надеюсь, что ваши ожидания совета и разъяснения не будут обмануты мною.

Я должен сознаться прежде всего, что вовлек вас в настолько рискованное и необыкновенное предприятие, что, если бы вы знали, куда я приглашаю вас ехать, вы бы сочли меня безумным и отказались от

экспедиции. Я уже сделал опыт — поделился своим планом с одним ученым и приглашал его организовать экспедицию на мои средства, но он категорически отказался и назвал меня беспочвенным фантазером.

Поэтому единственным способом создать экспедицию для проверки моих теоретических предположений являлось умолчание о ее конечной цели и задачах. Ее надлежало снарядить якобы ради изучения неизвестной еще площади арктической области. Ведь могло оказаться, что мои предположения действительно ошибочны и что экспедиция только и найдет острова или материк, скованный льдами, и, ограничившись их изучением, благополучно вернется назад. Мои затраты на нее и в этом случае не были бы напрасны, так как она доказала бы раз навсегда ошибочность моей гипотезы и вместе с тем уничтожила бы последнее большое белое пятно на карте арктической области.

Но перехожу к сути дела. Целый ряд наблюдений на обсерваториях Монблана и Мунку-Сардыка, изучение литературы, данных многих сейсмических станций и исследования над распределением и аномалиями силы тяжести[1] привели меня к выводу, что ядро нашей планеты имеет совершенно не тот характер, который геологи и геофизики принимают до сих пор. Я убежден, что Земля имеет более или менее обширную внутреннюю полость, пустоту, скорее всего с маленьким центральным светилом, возможно уже погасшим. Эта полость может сообщаться с поверхностью шара одним или двумя более или менее значительными отверстиями, дающими возможность проникнуть на внутреннюю поверхность этого пустотелого шара.

Подтвердить или опровергнуть мои соображения могла только специальная экспедиция, отправленная на поиски одного из указанных отверстий, которые, конечно, нужно было искать в неизвестных еще пространствах обеих арктических областей. Для начала я выбрал северную область, как более доступную для русской экспедиции.

---

[1] Аномалии силы тяжести — неправильности в определенных величинах силы тяжести на земной поверхности, положительные и отрицательные, обусловленные строением земной коры.

Если вам удалось найти отверстие, попытайтесь спуститься в него. Может быть, вы уже спустились в него незаметно, полагая, что спускаетесь в глубокую впадину материка. Если да и если вы сохранили еще силы и средства для передвижения, попробуйте проникнуть глубже и исследовать, насколько возможно, эту внутреннюю полость, не рискуя только без надобности своей жизнью.

Если эта задача почему-либо окажется непосильной, вернитесь назад, так как уже одно констатирование входа во внутреннюю полость Земли явится громадным открытием, а исследование полости может быть поручено новой экспедиции, снаряженной на основании приобретенного опыта. Как истинные ученые, вы, я уверен, будете рваться вперед, когда очутитесь на пороге великих и чудесных открытий. Но прошу вас, обсудите тщательно положение, взвесьте все за и против и поступайте наиболее разумно, чтобы не рисковать потерей уже достигнутого.

Может быть, вы разделитесь на две партии, из которых одна пойдет в глубь полости, а другая останется у входа, чтобы затем идти на выручку первой или доставить науке весть о чудесном открытии.

Я глубоко скорблю, что судьба лишила меня возможности разделить ваши труды, лишения и открытия и что я вынужден ограничиться этим письмом. Если оно ничего не разъяснило вам, не считайтесь с ним. Во всяком случае, желаю вам от души всяких успехов.

Н. И. Труханов.

«Полярная звезда».
14 июня 1914 года.

СТРАНА ВЕЧНОГО СВЕТА

С возрастающим интересом и изумлением все члены экспедиции слушали чтение письма ее организатора. Когда Каштанов кончил, на некоторое время воцарилось молчание.

Все обдумывали слышанное и старались применить его к объяснению всех странных фактов и явлений, наблюдавшихся в последние дни.

— Теперь у меня в голове прояснилось,— со вздо-

хом облегчения сказал Боровой.— Я понимаю и это солнце в зените, и тепло, и мамонта с носорогом, и вечные туманы, и фокусы компаса. Только шалости барометра не могу еще объяснить себе как следует.

— Да, почти все понятно! — подтвердил Каштанов.— Я думаю, что спуск в отверстие земного шара начался с перевала через хребет Русский. Ледяной вал, очевидно, представляет самый край, место перегиба, миновав который мы очутились уже во внутренней полости и пошли вместо севера на юг, как правильно показал компас, хотя направления пути мы не изменили. Затем мы поднимались и перевалили через плоский ледяной хребет, спустились с него и очутились в тундре вблизи оконечности льдов, которые образуются из зимних снегов, наносимых в глубь полости. Мамонт, носорог, первобытный бык сохранились здесь благодаря равномерной, благоприятной для них, температуре и отсутствию истребителя — человека...

— Да, мы только что вступили в эту внутреннюю полость и уже истребили трех обитателей ее,— заметил Громеко.

— Солнце, которое мы видим постоянно в зените, это, очевидно, настоящее маленькое ядро земного шара, находящееся еще в раскаленном состоянии и дающее свет и тепло внутренней поверхности толстой и совершенно отвердевшей оболочки, наружную сторону которой мы до сих пор только и знали. Теперь благодаря экспедиции Труханова мы можем ознакомиться хоть отчасти с этой внутренней поверхностью, которая представит нам, несомненно, чрезвычайно много интересного и неожиданного. Ведь на первых же шагах мы уже встретили представителей флоры и фауны, давно исчезнувших на наружной стороне.

— Нам следует окрестить эту новооткрытую страну, а то будем все говорить «внутренняя поверхность» да «внутренняя поверхность»! Это ведь уже не Земля Нансена! — заявил Макшеев.

— Да, она слишком обширна и от Земли Нансена отделена поясом льдов... Как же мы ее назовем? — спросил Громеко.

— В этой стране всегда господствует день. Центральное светило, скрытое в недрах нашей планеты, как бы соответствует представлениям древних народов о боге огня, таящемся под землей. Я предлагаю

назвать светило Плутоном[1], а страну — Плутонией,— предложил Каштанов.

Были предложены еще другие названия, но после некоторого спора все согласились, что Плутония — наиболее подходящее.

— Теперь важный вопрос: удовольствуемся ли мы тем, что не только открыли отверстие, но и спустились в глубь его и осмотрели кусочек Плутонии? Не повернем ли назад, к «Полярной звезде», чтобы сообщить Труханову о блестящем подтверждении его выводов? Или же мы попытаемся проникнуть в глубь страны вечного света?

— Конечно, идем вперед! Вперед, пока есть силы и средства! У нас еще много времени! — послышались возгласы.

— И я так думаю,— продолжал Каштанов.— Но как мы организуем дальнейшее исследование Плутонии?

— Я полагаю,— сказал Боровой,— что дальше вглубь, вдали от снегов и льдов, являющихся результатом проникновения холода и осадков с наружной стороны Земли, температура будет выше. Нарты, лыжи и собаки будут для нас только обузой, и их нужно оставить здесь.

— Одних собак оставить нельзя. Значит, нужно последовать совету Труханова и отделить часть членов экспедиции — не менее двух человек, потому что кто же решится остаться в одиночестве надолго? Эти двое с собаками, нартами, лыжами и прочим лишним грузом будут ждать здесь, производить наблюдения в тундре и на краю льдов. А если остальные не вернутся к определенному сроку, они направятся назад на одной нарте, чтобы доставить на «Полярную звезду» отчет об открытиях и быть проводниками новой экспедиции, посланной для поисков пропавшей партии и для дальнейшего исследования Плутонии.

— Ну, а как же пойдут через льды эти пропавшие, если они вернутся немного позже назначенного срока? — спросил Макшеев.

— Две нарты, лыжи и склад провизии должны быть оставлены на месте, на случай, о котором вы говорите. Запоздавшим придется идти без собак, тащить

[1] Древние греки называли бога подземного мира Плутоном.

самим нарты, что не будет так затруднительно, потому что склады провизии, оставленные по всему пути, позволят сделать груз нарт минимальным.

Все согласились, что этот план наиболее целесообразен, но никому не хотелось остаться в тундре, так сказать, у порога таинственной страны. Приходилось решать вопрос, кто из членов экспедиции более необходим для путешествия вглубь. Таковыми явились прежде всего зоолог, ботаник и геолог, которым в тундре было мало работы; следовательно, Каштанов, Папочкин и Громеко должны были ехать. С другой стороны, Иголкин, единственный неученый член экспедиции, главной обязанностью которого был уход за собаками, естественно, осуждался на сидение в тундре. Таким образом, оставались еще Боровой и Макшеев, один из которых мог ехать.

Так как каждый из них великодушно уступал другому участие в поездке, соглашаясь остаться, то пришлось бросить жребий. Боровому достался билетик со словом «сидеть», а Макшееву — «ехать».

Обсуждение вопроса об организации партии, отправлявшейся в глубь Плутонии, заняло немало времени. Нужно было выбрать способ передвижения партии и в зависимости от этого решить, что брать с собой. Даже отказавшись совершенно от консервов и рассчитывая добывать себе пропитание исключительно охотой, каждому из путешественников пришлось бы нести на себе порядочный груз, а на торные дороги, конечно, нельзя было рассчитывать.

— А что, если мы возьмем часть собак и навьючим на них груз, хотя бедняжки к этому не приучены и в теплой стране будут чувствовать себя плохо? — сказал Громеко.

— Это проект малоисполнимый,— заметил Макшеев.— Мы рискуем лишиться этих животных, необходимых для обратного пути через льды. Я предложил бы воспользоваться силой более послушной и могучей, которая понесет не только наши вещи, но и нас самих.

— Какая же это сила? — воскликнули остальные.

— Сила воды. Глубокая речка, которую мы встретили сегодня и не могли пройти, течет ведь на юг, куда и нам нужно идти. А в нашем багаже есть две маленькие складные лодки, взятые для переправы через

полыньи при путешествии по льдам. Мы о них совсем забыли, потому что они до сих пор не понадобились. Каждая вмещает двух человек; сядем и поплывем. А когда начнутся леса, устроим плот, если лодки будут слишком нагружены, и будем плыть, пока река будет нести нас.

— Превосходный план! — воскликнул Каштанов.

— И легко и удобно! Плыви да посматривай по сторонам и записывай! — восторгался Папочкин.

— Но только наш кругозор будет ограничен берегами реки, наверно густо покрытыми растительностью: мы будем плыть в зеленом коридоре и ничего не увидим,— сказал Громеко.

— А кто же мешает нам останавливаться, выходить на берег, делать экскурсии, где будет интересно или нужно? Ночевать ведь тоже будем на берегу,— пояснил Макшеев.

— И эти экскурсии будем делать налегке, со свежими силами, без груза за спиной — будет свободнее! — сказал Папочкин.

— Лодка и плот позволят нам меньше стесняться в сборе коллекций. Нести все свои сборы на спине и каждый день увеличивать этот груз было бы не очень легко,— отметил Каштанов.

— Наконец, лодка обеспечит нам бóльшую безопасность от всяких зверей и гадов, живущих в лесах и болотах. Неизвестно, какие еще сюрпризы готовит нам эта таинственная страна, в глубь которой мы направляемся! — заявил Громеко.

— Словом, вы дали нам прекрасный совет, Яков Григорьевич, и заслужили общую благодарность,— заключил Каштанов.— Поэтому я предлагаю назвать реку, по которой мы поплывем, вашим именем. А теперь я бы предложил залечь в наши мешки или на них, потому что тепло, а завтра сделать экскурсию к мамонту и привезти на нартах шкуру, бивни и запас мяса сюда.

— Ведь мы же хотели перенести весь стан к мамонту,— напомнил Папочкин.

— Едва ли это будет лучше. Речка, по которой мы поплывем, течет в противоположной стороне, и удаляться от нее нет смысла. Кроме того, этот холм, на котором мы расположились, имеет много достоинств: он сухой, виден издалека, отдален от края леса с раз-

ным зверьем, близок к льдам, обдувается ветром, что для собак имеет большое значение, когда станет еще теплее. С него легко заметить приближение каких-нибудь врагов.

— И он удобен для метеорологических и других наблюдений,— прибавил Боровой.— Мы здесь устроим настоящую станцию, и я надеюсь, что мои барометры начнут показывать изменения атмосферного давления.

НЕПРОШЕНЫЕ МОГИЛЬЩИКИ

Часы показывали уже десять вечера, когда беседа наконец прервалась, и все расположились на своих мешках и заснули.

Утром за завтраком обсуждали вопрос, кому идти к мамонту и стоит ли вообще ходить к нему, не лучше ли заняться приготовлениями к отъезду.

— Если бы мы были уверены, что встретим еще мамонтов, то не стоило бы идти к этому; он уже описан и сфотографирован. Но так как вскоре начнется лес, то возможно, что мы их больше не увидим, если они живут только в тундре вдоль окраины льдов,— сказал Каштанов.

Таким образом, поездка к мамонту была решена, и в ней приняли участие четверо людей с тремя нартами и собаками.

При юрте остались Громеко, который хотел еще набрать перед отъездом весеннюю флору тундры вокруг холма, и Каштанов, собиравшийся раскопать склон этого холма, чтобы определить его состав. Этот одинокий холм среди тундры казался ему странным.

Партия отправилась под предводительством Папочкина, знавшего дорогу к месту охоты. По дороге застрелили несколько болотных птиц, бродивших по тундре вблизи речки, и очень странного зайца, похожего скорее на огромного тушканчика[1] и доставившего зоологу большую радость.

---

[1] Тушканчик — маленькое млекопитающее из отряда грызунов с очень короткой шеей, заячьей головой, большими ушами, длинными усами и очень длинным хвостом, короткими передними и длинными задними ногами. Живет в норах, в песчаной почве, питается луковицами и корнями.

Туша мамонта виднелась вдали, подобно небольшому холму на ровной тундре. Когда приблизились к ней, Иголкин, обладавший более острым зрением, предупредил остальных, что вокруг трупа суетятся какие-то серые звери.

Оставив нарты на некотором расстоянии, охотники осторожно приближались к туше и вдруг остановились изумленные — суетившиеся звери исчезли, словно провалились в землю.

— Эге-ге! — воскликнул Папочкин, когда все подошли наконец к мамонту.— Смотрите-ка, тут кто-то похозяйничал со вчерашнего дня.

Казалось, что вокруг мамонта поработали огромные кроты: кучи земли с корнями кустов вышиной в метр были навалены вокруг туши, и задняя половина последней лежала в яме, почти не поднимаясь уже над поверхностью тундры.

— Кто бы это мог быть? — гадали охотники.

— Какие-то опытные могильщики! Мне кажется, что они собирались закопать всю тушу в землю, может быть, чтобы скрыть ее от волков или как запас пищи,— заметил Макшеев.

Иголкин привел одну из собак, которая, понюхав разрытую землю, вдруг бросилась под брюхо мамонта и вытащила оттуда за ногу какого-то странного зверька, отчаянно отбивавшегося короткими лапами и хрюкавшего по-поросячьи. Его прикончили ножом, отняли у собаки и начали рассматривать. Оказалось, что он очень напоминал барсука и по форме тела и по окраске.

Дальнейшие поиски обнаружили еще несколько подобных животных, притаившихся под тушей, которую они действительно намеревались закопать в землю, чтобы затем постепенно пожирать ее.

Работа этих непрошеных могильщиков сделала снятие шкуры со всего мамонта невозможным, и пришлось ограничиться только левой половиной тела. Затем исследовали внутренности, отрезали переднюю и заднюю ноги, вырубили один бивень, вынули глаз, половину мозга, язык и два зуба. Собак накормили на месте досыта. Несколько крупных кусков мяса от бедра и филе были также положены на нарты, после чего партия потащилась потихоньку назад. Могильщик, заяц и птицы составили зоологическую добычу этого

дня, которым Папочкин мог быть вполне удовлетворен.

— Пусть могильщики закапывают остальное,— пошутил Боровой.— Когда у нас не хватит мяса для собак, еще раз приедем сюда с Иголкиным за провизией. А может быть, сделаем это и раньше, пока мясо не протухло.

— Тогда захватите с собой и череп,— попросил Папочкин.— Могильщики его, я думаю, хорошо очистят.

Приблизившись к юрте, охотники увидели, что Каштанов и Громеко заняты какой-то странной работой. Они вытаскивали из ямы, вырытой на склоне холма, глыбы какого-то белого камня и складывали их в кучу.

— Этот холм оказался настоящим кладом для нашей экспедиции,— объяснил Каштанов подошедшим товарищам.— Для исследования его состава я вырыл яму в полтора метра и на этой глубине наткнулся на сплошной чистый лед; в другом месте оказалось то же самое. Тогда мне пришла мысль вырыть в глубине холма камеру во льду, которая послужит прекрасным ледником для хранения провизии и шкур. Ведь мамонты или носороги не каждый день будут прибегать к нам на ужин!

— Неужели весь холм ледяной и только сверху покрыт землей? — спросил Боровой.

— Думаю, что так! На севере Сибири попадаются такие ископаемые ледники. Это или большой зимний сугроб, случайно уцелевший, или часть отодвинувшейся назад ледяной массы. Она покрылась постепенно илом и песком ручьев, стекавших с ледника, а потому и сохранилась[1].

Это открытие Каштанова оказалось чрезвычайно ценным для партии, оставшейся на месте и получившей под самым своим жильем прекрасное хранилище для провизии.

— Мы устроим потом настоящую дверь и большую камеру в глубине,— заявил Боровой.

---

[1] Холм, очевидно, состоял из ископаемого льда, сохранившегося благодаря вечной мерзлоте на небольшой глубине. Подобные ископаемые льды встречаются нередко на севере Сибири, особенно вблизи берегов Ледовитого океана.

— А кроме того, выроем в другой части холма вторую пещеру во льду и будем держать там собак, когда станет очень жарко,— прибавил Иголкин.

Разгрузив нарты, все стали помогать Каштанову и Громеко в устройстве помещения, достаточного для хранения всех привезенных частей мамонта и остатков туши носорога. Когда оно было окончено и наполнено, вход в него заложили глыбами льда и загородили лыжами и нартами, чтобы собаки не могли добраться до провизии.

На следующее утро занялись приготовлениями к отъезду. Рассортировали весь багаж. Консервы, спирт, юколу поместили в ледник, нагрузили нарты лодками и снаряжением, необходимым для путешествия в глубь Плутонии. Пообедали в последний раз вместе и двинулись к речке Макшеева, простившись с Боровым, который остался караулить юрту и склад. Иголкин с нартами должен был вернуться к вечеру назад. В плавание решили взять одну собаку в качестве караульщика; выбрали Генерала. Его остригли, чтобы он меньше страдал от жары, и пушистый пес получил такой курьезный вид, что никто не мог удержаться от смеха. На голове у него был оставлен чуб, на верхней части ног — бахрома и на кончике хвоста — кисточка. Макшеев, который его стриг, заявил, что эти украшения оставляются для того, чтобы собака своим странным видом пугала хищников, с которыми придется встречаться.

Достигнув берега речки, которая имела до шести метров ширины и от одного до двух метров глубины, спустили лодки в воду и уселись в каждую по два: один — на руле, другой — на веслах. Генерал занял место на носу передней лодки, в которой поместились Макшеев и Громеко. Смешная морда Генерала с большими торчащими ушами и чубом между ними поднималась над бортом.

Иголкин оставался на берегу, пока обе лодки, быстро скользившие вниз по течению, не исчезли вдали. На юрте, которая чуть виднелась на горизонте, Боровой поднял белый флаг. Экспедиция, дружно несшая до сих пор все труды, разделилась, и четыре ее участника поплыли в глубь таинственной страны. Вернутся ли они назад, и если вернутся, то когда, все ли и как?

ВНИЗ ПО РЕКЕ МАКШЕЕВА

Быстро скользили обе лодки вниз по темной воде, спешившей с легкими всплесками на юг, между низкими берегами, с которых свешивались кустики полярной ивы, покрытые свежими листочками. По берегам в обе стороны расстилалась та же ровная тундра с приземистым кустарником, и по-прежнему дул попутный ветер, который путешественники теперь правильно определили как северный, стремившийся со льдов холодного отверстия, с наружной поверхности планеты в ее внутреннюю, теплую полость. По-прежнему туман клубился, то скрывая, то открывая красноватое светило, стоявшее неподвижно в зените. Температура достигла +12 градусов, и туман изредка разражался мелким дождиком, впрочем быстро прекращавшимся.

Лодки плыли со скоростью до восьми километров в час. Сидевшие на руле вели съемку, отмечая направление всех извилин речки. Проплыв двадцать пять километров, остановились на ночлег.

Небольшая экскурсия по берегу показала, что в тундре кусты поднимались выше и кое-где к ним примешивалась низкорослая лиственница, образуя вместе с ивой и березой небольшие, но очень густые рощицы. Среди кустов были протоптаны узкие тропинки, приводившие к берегу реки и, очевидно, служившие животным для ходьбы на водопой.

Ночь провели впервые в палатке и без спальных мешков.

— Этот вечный свет,— сказал Макшеев, укладываясь спать,— совершенно нарушает наши привычки и представления. Говоришь — утро, полдень, вечер, глядя на свои часы, а солнце все время стоит в зените и греет одинаково, словно издеваясь над нашей терминологией.

Ночь, или время отдыха, прошла спокойно.

За второй день проплыли полсотни километров и остановились рано, чтобы сделать более продолжительную экскурсию в сторону от речки. Берега ее были покрыты уже более высокими кустами и отдельными деревьями, образовавшими зеленые стены, совершенно ограничивавшие кругозор путешественников.

После обеда Громеко остался у палатки собирать

растения, Макшеев с Генералом отправился на запад, а Каштанов и Папочкин — на восток, пользуясь звериными тропами, проложенными через чащу кустов, превышавших уже рост человека. Местами на почве видны были следы различных животных, среди которых зоолог узнал следы мамонта, носорога, крупных и мелких двукопытных, один вид однокопытных. Иногда попадались отпечатки мягких лап хищников различной величины. При взгляде на некоторые из них оба исследователя почувствовали, как у них по спине прошел холодок. Эти следы имели около двадцати сантиметров в длину, а когти, которыми оканчивались пальцы, вдавились в землю на четыре сантиметра. По форме следа зоолог решил, что он принадлежит медведю огромной величины.

— Это, вероятно, пещерный медведь, современник мамонта,— заметил Каштанов.— Он крупнее всех известных нам представителей этого семейства.

— А он не охотится на пещерных людей? — спросил Папочкин.

— Кости, когти и зубы этого медведя, обработанные пещерным человеком, иногда попадались,— ответил геолог.— Но я не знаю, попадались ли кости и черепа этого человека, обработанные медведем!

— Во всяком случае, с ним лучше не встречаться!

— С таким интересным зверем да не встречаться?! Наши предки, вооруженные только дубинами и каменными топорами, одолевали его, а мы, обладая современными ружьями и разрывными пулями, будем его бояться? Это было бы позорно!..

В стороне от реки исследователи вышли на обширную поляну, поросшую густой, но низкой травой, среди которой пестрели различные цветы.

Остановившись среди кустов на опушке, путешественники увидели, что на поляне пасутся порознь и стадами различные млекопитающие, среди которых сразу можно было различить породы, исчезнувшие на поверхности Земли: здесь были черные первобытные быки с огромными рогами и горбами, исполинские олени с рогами соответствующих размеров, дикие лошади небольшого роста, с косматой шерстью, скудным хвостом и короткой гривой. Пара носорогов уткнулась головами в кусты, а несколько мамонтов стояли небольшой группой и в такт размахивали голова-

ми и хоботами, вероятно отгоняя докучливых насекомых. Последних, именно комаров, слепней и мошек, появилось уже довольно много.

Насмотревшись на мирную картину пастбища «живых окаменелостей», Каштанов и Папочкин решили подойти ближе, чтобы сфотографировать некоторых животных. Вдоль опушки они подкрались ползком сначала к группе быков, затем к двум носорогам, которые были сняты в тот момент, когда они играли, неуклюже прыгая друг на друга. Носороги скрещивали свои рога, словно исполинские сабли, вытаптывали траву своими тумбообразными ногами и взрывали почву.

На очереди были мамонты, стоявшие ближе к центру поляны. Но, прежде чем охотники успели подкрасться к ним достаточно близко, в противоположном конце поляны, где паслись олени, произошло замешательство: животные внезапно подняли головы, прислушались и сразу пустились бежать, очевидно испуганные каким-то невиданным, но, несомненно, страшным врагом. Олени пробежали мимо мамонтов, которые, в свою очередь, встревожились, и побежали тяжелой рысью, подняв хоботы. И олени и мамонты бежали прямо в сторону притаившихся охотников.

— Когда олени будут шагах в ста от нас, стреляйте в переднего,— быстро проговорил Каштанов.— Я сфотографирую их, когда они остановятся на мгновение, а затем также выстрелю, не то нас могут растоптать.

Папочкин приготовил ружье, и, когда передовой громадный олень с высоко поднятой головой и тревожно раздутыми ноздрями подбежал достаточно близко, раздался выстрел. Пораженный в грудь, олень с размаху упал на колени, а остальные, напирая друг на друга, остановились кучей, вытянув головы.

В это время Каштанов успел снять эту интересную группу, передал аппарат зоологу и, в свою очередь, выстрелил в другого оленя, повернувшегося к нему левым боком. Животное сделало прыжок вперед и рухнуло на землю, остальные круто повернули вправо и побежали вдоль опушки.

Мамонты, бежавшие позади оленей, в это время приблизились и остановились перед обеими жертвами охотников. Папочкин успел за это время зарядить оба

ружья, а Каштанов сфотографировал группу мамонтов.

— Стрелять, что ли? — спросил зоолог дрожавшим от волнения голосом.

— Зачем? Запас мяса у нас теперь достаточный, а мамонта мы уже изучили в тундре. Будем стрелять только в том случае, если они бросятся на нас.

Между тем животные стояли на месте, помахивая хоботами, и словно совещались друг с другом. Их было шесть, в том числе два подростка с небольшими бивнями и более короткой шерстью. Они скоро успокоились и начали играть друг с другом и резвиться вокруг старых, издававших время от времени тревожный рев. Наконец, старый самец повернул вправо, и все стадо последовало за ним вдоль опушки поляны, на которой остались еще только два носорога.

— Кто же напугал мирных травоядных? — спросил Каштанов.— Уж не пещерный ли медведь?

— Или какое-нибудь еще более страшное ископаемое животное из вашего палеонтологического зверинца!

— Кто знает! Но нам, я думаю, лучше не идти в тот конец поляны, потому что зверь может броситься на нас так внезапно из чащи, что мы не успеем даже выстрелить.

— Ну, тогда займемся оленями, их нужно обмерить, освежевать и тащить к лодкам.

Олени, застреленные охотниками, принадлежали к исполинскому виду, исчезнувшему на поверхности Земли, где он также был современником мамонта, первобытного быка, пещерного медведя.

Сняв обе шкуры, охотники отрубили задние ноги меньшего оленя и потащились, тяжело нагруженные, к речке, рассчитывая еще раз вернуться за мясом, если их товарищи окажутся менее счастливыми и если неизвестный хищник, бродивший, наверно, вблизи поляны, оставит им еще что-нибудь.

ОХОТА НА ОХОТНИКА

На месте стоянки они застали Громеко, дожидавшегося их прихода с нетерпением. Он обошел окрестности стоянки, набрал растений, ощипал и поставил

вариться к ужину гуся, застреленного утром. Внезапно прибежал Генерал, один, без спутника. На шее собаки оказалась записочка, привязанная бечевкой и посланная Макшеевым, который писал: *«Я застрелил крупного хищника, которого не в силах притащить к палатке. Нужно, чтобы Семен Семенович пришел ко мне осмотреть добычу на месте. Генерал знает дорогу, а на всякий случай прилагаю свой маршрут»*.

На обороте был набросан карандашом путь, пройденный охотником, с указанием направлений и расстояний в шагах.

Отдохнув немного, Папочкин и Громеко отправились искать Макшеева. Генерал вел их хорошо, но на разветвлениях тропы нередко останавливался в нерешительности, и в этом случае выручала записка, на которой все перекрестки были обозначены. Охотники шли быстро в течение получаса и уже были недалеко от места, где находился их товарищ, когда оттуда раздались один за другим два выстрела. Генерал с громким лаем бросился вперед, охотники поспешили за ним, опасаясь, что Макшееву грозит беда.

Вскоре они достигли большой поляны, среди которой возвышалась группа кустов и деревьев. Возле нее они заметили желтоватую массу, над которой виднелась голова Макшеева; впереди же на поляне бегало более десятка красно-бурых зверей, в которых нетрудно было узнать волков.

Генерал остановился на краю поляны, не решаясь нападать при таком явном неравенстве сил.

Заметив вышедших на поляну охотников, волки начали отходить в сторону, а Макшеев крикнул:

— Пустите в них пару зарядов дроби, если у вас двустволка; мне жаль тратить разрывные пули!

Громеко поспешно зарядил дробью свою двустволку и пустил один за другим два выстрела в стаю. Волки побежали к кустам, преследуемые Генералом, который по пути прикончил одного из упавших. Охотники подошли к Макшееву и услышали следующий рассказ:

— Достигнув этой поляны, я остановился на опушке, потому что собака стала ворчать и вздрагивать. На поляне я заметил позади этой рощицы несколько пасшихся оленей и решил поохотиться за ними — ведь подобных зверей мы еще не добывали. Я

начал подкрадываться по кустам вдоль опушки и вдруг, поравнявшись с рощицей, заметил крупного желтого зверя, также подстерегавшего оленей,— он подбирался к ним из-за рощицы... Я подумал, что эта дичь еще интереснее оленей, и начал уже следить за ней, спрятавшись в кустах на расстоянии всего сотни шагов. Желтый зверь, увлеченный выслеживанием оленей, не замечал меня или же не удостоил своим вниманием двуногое существо, впервые попавшееся ему на глаза. Подкравшись к самой рощице, он поднялся во весь рост, хищно высматривая себе жертву через кусты, которые отделяли его от мирно пасшихся и ничего не подозревавших оленей. Теперь я увидел на светлых боках хищника темные полосы и узнал в нем крупного тигра. Он стоял ко мне левым боком в великолепной позе, и я поторопился выстрелить в него разрывной пулей, которая уложила его на месте.

Олени, испуганные выстрелом, помчались мимо рощицы, увидели бившегося еще тигра и круто повернули от него прямо на меня. Я едва успел отскочить в сторону. Это были великолепные животные — один старый самец с огромными рогами, несколько коров и телят.

Сначала я хотел ободрать тигра сам, но, рассмотрев его, убедился, что он принадлежит к какой-то необычайной породе, вероятно также вымершей там, наверху. Поэтому я подумал, что лучше вызвать зоолога. Хотел было идти сам, но боялся, что какой-нибудь хищник увидит труп и попортит шкуру. Вот почему я догадался послать Генерала, который великолепно исполнил поручение. И хорошо, что я не ушел с поляны, потому что вскоре послышался вой волка — одного, другого, и постепенно на поляне собрался целый десяток. Видя меня возле мертвого зверя, они сначала боялись приблизиться, но потом обнаглели так, что я вынужден был потратить на них пару зарядов...

Зверь, убитый Макшеевым, имел бело-желтую шерсть с темно-бурой полосой вдоль спины и несколькими полосами того же цвета на боках, которые и придавали ему внешнее сходство с тигром; но форма головы и тела, куцый хвост и устройство лап заставили зоолога воскликнуть:

— Это не тигр, а какой-то медведь!

Макшеев был несколько разочарован, но, осмотрев зверя внимательнее, должен был согласиться, что только бурые полосы составляли его сходство с самым свирепым представителем кошачьего семейства, а все остальные признаки указывали на медведя.

— Вероятно, это пещерный медведь, современник мамонта, который до сих пор известен только по частям скелета,— пояснил Папочкин.— Это гораздо интереснее простого тигра.

После обмера с зверя сняли шкуру и унесли ее с собой, захватив также череп и заднюю ногу. Ужин в этот день был отменный: похлебка из гуся с диким луком, шашлык из оленины и ломтики медвежатины. Впрочем, последние из-за резкого запаха не всем понравились.

В этот день туман был уже менее густой, и Плутон светил через тонкую дымку паров, изредка только совершенно заволакиваясь; температура держалась +13 градусов, ветер был немного слабее.

— Я думаю,— заметил Громеко,— что через день-другой тумана не будет, и мы увидим наконец цвет неба Плутонии.

Время отдыха нарушалось только отдаленным воем волков, вероятно пировавших на полях над трупами оленей, медведя и собственных товарищей. На эти звуки даже Генерал не обращал внимания, лежа у входа в палатку, где дымокур спасал его от назойливых насекомых. Затем поплыли дальше. Речка сделалась шире и глубже; тяжело нагруженные лодки уже не рисковали задеть кормой за берег или уткнуться в него носом при крутых поворотах русла.

Берега были покрыты сплошной стеной разнообразных кустарников, достигавших уже четырех метров вышины: несколько пород ивы, верба, черемуха, боярышник, шиповник тесно переплетались друг с другом, а над ними местами поднимались вершины белых берез и лиственниц. Термометр показывал +14 градусов, туман только изредка застилал все небо, а большей частью плыл на порядочной высоте подобно большим, но редким и бесформенным облакам, сквозь которые сильно просвечивал красноватый Плутон.

— Туман, вероятно, скоро кончится,— сказал Макшеев, взявший на себя ведение метеорологических на-

блюдений.— Но кончатся ли эти зеленые стены, кроме которых мы с лодки не видим ровно ничего?

— Если бы мы тащились тяжело нагруженные по чаще леса, то видели бы немногим больше, а быстрота движения была бы несравненно меньше! — заметил Громеко, который как ботаник всего больше интересовался этими зелеными стенами.

Во время обеденной стоянки на маленькой чистой площадке Каштанов и Громеко отправились в короткую экскурсию в лес, Папочкин занялся ловлей рыбы, а Макшеев полез на дерево, возвышавшееся немного над остальными. Вернувшись, он сказал зоологу:

— Скоро местность переменится. Вдали видны плоские высоты с обширными безлесными полянами, наша речка бежит прямо к ним.

— А вблизи что видно?

— Вблизи только сплошной лес во все стороны, море зелени без полян.

— Наши товарищи, очевидно, скоро вернутся, если везде такая чаща.

Через час ушедшие вернулись почти ни с чем. Они шли все время по тропе между зелеными стенами, набрали немного растений, видели мелких птиц, слышали разные шорохи в чаще, но полян не встретили. Зоолог, оставшийся у речки, оказался более счастливым: на удочку попалось несколько крупных рыб, похожих на сибирского муксуна, и огромная зеленая лягушка, достигавшая тридцати сантиметров в длину.

Отдохнув, поплыли дальше. Часа через два на правом берегу речки показался довольно высокий холм, потом другой, третий; но они были еще покрыты сплошным лесом, состоявшим уже из деревьев умеренного пояса: липы, клена, вяза, бука, ясеня, дуба; в долинах между холмами темнели ели и пихты. Ветви деревьев, оплетенные плющом, хмелем, диким виноградом, вьюнками, местами свешивались над водой. В зеленой чаще щебетали и пели птицы; по временам замечали белок и бурундуков[1], прыгавших с ветки на ветку.

---

[1] Бурундук — зверек из отряда грызунов, похожий на белку, отличается от нее меньшей величиной и более светлой желтой шерстью с продольными черными полосами по бокам, а также менее густым хвостом. Живет в лесах Сибири, в норах под корнями деревьев, почему его называют также земляной белкой.

— Во время вечерней экскурсии мы сегодня увидим кое-что новое,— заметил Громеко.— Растительность изменилась и свидетельствует о более теплом климате этих мест.

— Несомненно,— сказал зоолог.— Вчера я чувствовал себя еще на севере Сибири, а сегодня природа напоминает мне мои родные места — юг России.

— Не наткнемся ли мы сегодня уже на настоящих тигров? — предположил Макшеев.

— Пожалуй, правильнее будет не делиться на партии, идти всем вместе, чтобы лучше отражать опасности,— предложил Каштанов.

Холмы постепенно становились выше, так что их можно было назвать даже горками; их северные склоны были покрыты густым лиственным лесом, тогда как южные представляли поляны с отдельными деревьями и кустами; кое-где как будто виднелись скалы, возбудившие громадный интерес геолога.

— Ну, сегодня и геология получит кое-что! — воскликнул Макшеев.

— Давно пора,— мой молоток соскучился по работе. Ведь единственный холм в тундре обманул его ожидания! — смеялся Каштанов.

— А потому остановимся на ночлег,— предложил Громеко,— мы сегодня проплыли около ста километров.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА ХОЛМЕ

Место стоянки выбрали близ подножия высокого холма, отделенного от правого берега реки неширокой полосой высокоствольного леса. Подкрепившись чаем и закуской, отправились вчетвером к холму. У палатки оставили Генерала, привязанного на длинной веревке к дереву.

Через лес нашли тропу, вне которой чаща подлеска была так густа, что без топора нельзя было бы подвинуться ни на шаг,— разнообразные кусты и вьющиеся растения сплетались в сплошную зеленую массу, окаймлявшую тропу с обеих сторон. Через зеленый свод над головами пробивались только отдельные лучи красноватого света.

Охотники подвигались друг за другом молча, с

ружьями наготове, посматривая то вперед, то вверх на деревья, где могла внезапно показаться интересная добыча или опасный враг. Но, кроме мелких птиц и белок, не видно было никого.

До склона холма дошли без помехи и начали подниматься на него. Трава оказалась не выше колен, и Громеко, отставая от прочих, увлекся сбором растений.

Пока зоолог осматривал и описывал убитую им большую змею, Каштанов с трудом отбил образчик породы. Это была какая-то странная, очень вязкая порода желто-зеленого цвета с мелкими вкраплениями серебристо-белого металла; рассмотрев ее в лупу, геолог воскликнул с удивлением:

— Знаете ли, из чего состоят эти скалы? Они имеют такой же состав, как и аэролиты[1] из ряда мезосидеритов, полужелезных, с оливиновой основной массой и включением никелевого железа.

— Что это значит? — спросил Макшеев.

— А это значит, что гипотезы геологов о составе более глубоких частей земной коры оправдываются. Мы, очевидно, находимся в пределах так называемого оливинового пояса[2] — пояса тяжелых каменных пород, богатых железом и по составу оказывающихся тождественными с каменными метеоритами, которые падают на нашу Землю из межпланетного пространства, представляя осколки мелких планет. Нужно думать, что мы встретим еще сплошные металлические горные породы.

Когда подошел Громеко, набравший целый сноп разных растений, стали подниматься выше по склону, осторожно ступая по траве, в которой могли скрываться ядовитые пресмыкающиеся. Иногда по сторонам действительно слышалось шуршанье, удалявшее-

---

[1] Аэролиты, или метеориты,— железные или каменные массы, выпадающие из мирового пространства на Землю в виде кусков разной величины, оплавленных с поверхности вследствие того, что они раскаляются при быстром полете через атмосферу. Они состоят из железа с никелем и другими, более легкими минералами.

[2] Оливиновый пояс, по предположению ученых, залегает на значительной глубине под толщей более легких пород земной коры; он состоит из более тяжелых минералов (в том числе — и в большом количестве — минерала оливина) и отделяет легкие поверхностные слои от металлического ядра Земли.

ся от путешественников, которые не имели желания преследовать беглецов.

На вершине холма тянулась скалистая гряда, и на скалах грелись на солнце многочисленные крупные ящерицы желто-зеленого цвета с темными пятнами, до того похожие на выступы камня, что Каштанов даже схватил одну из них рукой и поплатился за ошибку: ящерица больно укусила его палец. После этого он сначала пробовал молотком все подобные выступы, боясь ошибиться еще раз.

Северный склон холма, обращенный в сторону влажных ветров, был покрыт густым лесом, проникнуть в глубь которого без топора было трудно. Южный склон, осмотренный охотниками, представлял луг с отдельными деревьями. С вершины холма можно было обозреть местность на далекое расстояние: на юг, восток и запад уходили подобные же или более высокие холмы до горизонта, на север же они понижались и разбегались, и в этой стороне, вдали, на равнине видна была сплошная полоса лесов, местами только разорванных серебристыми лентами рек.

Охотники сидели на вершине холма, рассматривая даль, когда из леса, оканчивавшегося на северном склоне в нескольких метрах ниже гребня, показалось стадо диких свиней. Передний кабан, с высокой щетиной вдоль хребта, с громадными белыми клыками, остановился и поднял голову с злобно сверкавшими глазками: его пятачок вытягивался и втягивался, нюхая воздух. За ним столпились свиньи и поросята разного возраста. Эти многокопытные по внешности отличались от знакомых зоологу диких свиней разве только более крупными размерами.

— Ну вот и ужин сам пришел к нам! — сказал Макшеев.— Я думаю, что дикий поросенок на вертеле должен быть очень вкусным.

— Особенной нужды в мясе нет,— ответил Громеко, заведовавший провизией,— у нас есть еще оленина.

— Но иметь запас не мешает, охота не всегда бывает удачна.

— А вы знаете, что стрелять свиней небезопасно,— предупредил Папочкин,— разъяренный кабан — страшный противник.

— Поднимемся выше на скалы, куда они не могут

взобраться, и подстрелим пару поросят,— предложил Каштанов.

Взобрались на самый гребень. Макшеев заложил патрон с картечью и выстрелил в поросят. Стадо, за исключением трех поросят, забившихся в траве, шарахнулось в разные стороны; но затем вожак и свиньи подбежали к скале и стали кружиться вокруг ее подножия, делая тщетные попытки вскочить на гладкие уступы. Благодаря этой осаде охотники могли рассмотреть свиней на самом близком расстоянии. Когда любознательность зоолога была удовлетворена, возник вопрос, что делать дальше.

— Ведь они могут продержать нас здесь целые сутки! Корм у них под носом, а у нас нет, да и сидеть неудобно,— заявил Каштанов.— Придется отгонять их выстрелами.

В это время Макшеев, давно уже наблюдавший опушку леса, воскликнул:

— К нам или к кабанам вдоль опушки подкрадывается крупный зверь. Я вижу только его желтую спину!

— Где, где он?

— Вот там сейчас была видна спина, перед тем кустом, который выдвинулся на поляну. Следите теперь правее куста!

Все устремили взоры на указанный куст, и действительно, правее его показалась буро-желтая, медленно двигавшаяся масса, на которой можно было различить более темные поперечные полосы.

— Опять медведь? — предположил Макшеев.

— А может быть, на этот раз окажется тигр,— сказал Папочкин.— Он крадется по-кошачьи.

— Я думаю, пора стрелять,— заявил Каштанов.

— В кого же стрелять: в зверя или в кабанов?

— Лучше в кабанов. Если они побегут в лес, они наткнутся прямо на хищника, и он займется их преследованием. Если они повернут в другую сторону, он переменит свою позу, и мы сможем лучше рассмотреть его или подстрелить, когда он станет удобнее. А сейчас видна только спина, и выстрел будет неверный.

— Дадим по кабанам сначала один выстрел, а три ружья пусть следят за хищником.

Зоолог, сидевший на выступе скалы, прицелился в

вожака, когда последний вскочил передними ногами на уступ, стараясь достать клыками сапог Макшеева. Выстрел на близком расстоянии сразу свалил кабана, остальные испугались и бросились бежать к лесу. Когда они почти достигли опушки, слева от них быстро взвилось буро-желтое тело хищника и настигло кабанов прыжком в несколько метров длины. Двое из них забились под лапами врага, остальные с визгом скрылись в лесу.

— Это не медведь, а тигр! — воскликнул Папочкин, наблюдавший хищника во время его прыжка.

— Конечно,— подтвердил Каштанов.— По-видимому, из породы сабельных, судя по огромным клыкам верхней челюсти. Эта порода имела большое распространение в третичный период, но в конце его, вероятно, исчезла.

— Этот уйдет от нас, к сожалению. Смотрите, он потащил свою добычу в лес — должно быть, чувствует, что наше соседство небезопасно! — вскричал Макшеев.

— Ну и пусть — сегодня у нас достаточно материала,— сказал Папочкин, занявшийся обмером убитого кабана.— Потащим мы этого дьявола тоже к лодке или ограничимся поросятами?

— Если он жирен, то сало не мешало бы захватить,— заметил Громеко.— Тогда можно будет жарить мясо на сковороде. Ну, вы кончайте с ним, а я пособираю еще растений.

ЛЕТЧИК ПОНЕВОЛЕ

Каштанов занялся опять изучением скал, Макшеев и зоолог принялись за кабана и поросят, а Громеко перевалил на южный склон холма и медленно спускался вниз, увлекшись сбором растений, среди которых находил много новых видов и родов. Вдруг по холму промелькнула огромная тень, словно от тучки, заслонившей солнце; зоолог и его помощник вздрогнули и подняли головы. Они увидели темную птицу огромной величины, похожую на орла, которая кружила над поляной.

Внезапно она сделала резкий нырок вниз, схватила наклонившегося ботаника за спину и понесла его. Но

ноша оказалась слишком тяжелой даже для этого сильного пернатого. Усиленно махая крыльями, птица летела на высоте всего четырех метров, не будучи в состоянии подняться выше, но и не желая бросить свою добычу, повисшую беспомощно в ее когтях.

Папочкин и Макшеев схватили ружья, но первый тотчас же опустил свое со словами:

— У меня патрон с картечью, и я могу поранить ботаника.

Макшеев, зарядивший ружье пулей, назначавшейся для тигра, прицелился и выстрелил, когда птица поравнялась с ним. Она нырнула вниз, выпустила ботаника и, пролетев немного, рухнула на скалы.

Охотники побежали к Громеко, лежавшему без сознания на склоне, лицом вниз. Его толстая вязаная куртка была изорвана когтями птицы, но благодаря тому, что она не обтягивала тело, а лежала свободными складкам, когти захватили только ее и лишь сильно расцарапали тело. Ботаника привели в чувство, перевязали раны, и когда он пришел в себя, Папочкин и Макшеев полезли на гребень холма за птицей. Это был гриф[1] невиданной величины, достигавший более четырех метров в размахе крыльев и почти полутора метров от конца хвоста до клюва; оперение было темно-бурое сверху и светло-бурое с темными полосками снизу. Вокруг почти голой шеи красовался большой воротник из грязно-белых перьев, а в начале огромного клюва поднимался большой желтый нарост.

Такая птичка могла свободно унести барана, козу, небольшую свинью, но человек в семьдесят килограммов весом был для нее непосильной ношей, и она, очевидно, ошиблась, приняв ботаника за бурое четвероногое, бродившее по траве.

Грифа обмерили и сфотографировали с распростертыми крыльями на скале, куда поднялся и Громеко, чтобы рассмотреть своего обидчика. Он объяснил товарищам, что, когда птица внезапно вцепилась ему в спину, больно ударив с размаху своим телом, он подумал, что сделался жертвой тигра, и лишился сознания.

---

[1] **Гриф** — крупная хищная птица, похожая на орла, но имеющая голую голову и шею, окруженную воротником из перьев. Водится в более теплых странах и питается преимущественно падалью, которую видит с высоты на огромном расстоянии.

— Не вернемся ли мы теперь к стоянке? — сказал Папочкин.— Сегодня мы уже подверглись нападению кабанов, грифа, видели близко тигра... Не довольно ли искушать судьбу?

Все устали от ходьбы и волнений и с удовольствием отправились назад, нагруженные поросятами, окороками и жирными боками кабана, горными породами и растениями.

Приближаясь уже к палатке, охотники услышали неистовый лай Генерала и поспешили к нему на помощь. Выбежав на лужайку речного берега, они увидели, что собака лает из-за палатки, а наполовину в воде, наполовину на суше стоит огромный гиппопотам. Чудовище, очевидно, хотело попастись или поваляться на лужайке, но было озадачено шумом, который подняла собака. Гиппопотам тупо смотрел на этого невиданного беспокойного зверя своими маленькими глазками и по временам разевал свою ужасную пасть с редкими длинными зубами и огромным розоватым языком. При виде этой пасти Генерал начинал выть и визжать от страха.

Заметив людей, выбежавших на лужайку, чудовище неуклюже повернулось передом тела, мягко бухнулось в воду и поплыло вниз по реке, выставляя широкую жирную спину с мелкими бородавками.

— Хорошо, что мы вернулись домой,— заявил Громеко, отвязывая Генерала.— Это чудовище могло бы нам натворить неприятностей: изорвать палатку, перетоптать все вещи и утопить или продырявить лодки.

— А целы ли еще лодки? — воскликнул Макшеев и побежал к берегу, откуда сейчас же крикнул: — Одна на месте, а другая исчезла! Не оборвал ли этот урод ее причал?

— Нужно погнаться за ней сейчас, пока она не уплыла далеко! — вскричал Каштанов, также подбежавший, к берегу.

Оба сели в оставшуюся лодку, захватив на всякий случай ружья, и поплыли вниз по течению; вскоре они увидели беглянку, которая, вместо того чтобы плыть спокойно вниз, вертелась на одном месте посреди реки. Они быстро приблизились, и Каштанов хотел уже зацепить ее багром, но лодка внезапно, точно живая, отпрянула в сторону и понеслась даль-

ше, но гораздо быстрее течения. Пришлось опять гнаться, Макшеев греб изо всех сил, а Каштанов стоял с багром в руках.

— Да ее кто-то тащит! — воскликнул он, когда лодка, бывшая опять совсем близко, снова начала отдаляться толчками.

— Не подцепил ли ее гиппопотам? Он мог запутаться ногой или захватить зубами причал.

— Он и есть! — вскричал Каштанов, заметивший теперь впереди лодки широкую спину и голову животного, всплывшего подышать.

— Если мы будем стрелять в эту тушу, он поплывет еще быстрее или утащит лодку на дно.

— Остается догнать ее и перерезать веревку, иначе мы не освободим лодку.

Макшеев опять налег на весла. Вскоре ему удалось зацепить беглянку багром и подтянуться вдоль нее к ее носу, плывя на буксире у гиппопотама. Каштанов быстро перерезал туго натянутую веревку, конец которой сразу исчез под водой.

— Еще бы немного, и я бы выбился из сил,— сказал Макшеев, переводя дух после гонки.— Если бы не жаль было заряда, следовало бы пустить этому уроду пулю в спину за такие штуки.

— Мы уплыли далеко от палатки,— заметил Каштанов.— Теперь придется грести против течения. Давайте я сяду на весла, а вы отдыхайте.

Переменились местами, взяли на буксир пойманную лодку и потянулись вверх по воде.

— Глубокой стала наша речка,— сказал Макшеев, пытавшийся подталкивать лодку багром, но не доставший дна, которое было на глубине двух метров.— Недаром в ней появились такие крупные животные. Теперь нам ради предосторожности придется вытаскивать лодки на ночь и во время экскурсий на берег.

Тихо подвигаясь вверх по реке, обе лодки плыли по темной воде между двумя зелеными стенами кустов и деревьев, образовавших непроницаемую чащу. Иные кусты, подмытые рекой, наклонились и спускали свои ветки в воду. На крупных ярко-красных цветах какого-то незнакомого вьющегося растения качались красивые большие бабочки и жужжали пчелы.

Вода журчала под носом лодок, весла мерно плескали, из чащи доносилось щебетанье и пение птиц.

Макшеев склонился над бортом и смотрел в воду, следя за рыбами, которые появлялись и исчезали в глубине.

— Как хороша здесь природа, если наблюдать ее с лодки! — промолвил он.— А сойдешь на берег — не проберешься через чащу, не ступишь ни шагу, не наткнувшись на какого-нибудь ядовитого или хищного зверя. Просто трудно поверить, что после многодневной борьбы со льдами, туманами и метелями мы плывем по реке, текущей по внутренней поверхности нашей Земли. И так близко от этих льдов природа, напоминающая девственные леса Африки или Южной Америки. Интересно бы знать, под какой широтой Северной Америки мы сейчас находимся.

— Это нетрудно определить, если проложить на карту наш маршрут, начиная от ледяного вала. Я думаю, что мы еще только под морем Бофора, под очень высокими широтами или в лучшем случае под тундрой северного берега Аляски. Там чертовский холод, льды, белые медведи, а здесь пышная растительность, тигры, гиппопотамы, змеи.

В это время Макшеев увидел в воде ясное отражение солнца, быстро поднял голову и воскликнул:

— Ба, красное солнышко наконец показалось на чистом небе! Смотрите-ка!

Путешественники, привыкшие видеть Плутона только сквозь более или менее густую пелену тумана или облаков, еще не имели представления о цвете неба и настоящем виде этого светящегося ядра Земли. Теперь же эта пелена разрывалась, образуя кучевые облака, в промежутках между которыми видно было чистое небо, но не голубое, как над внешней поверхностью Земли, а темно-синее.

В зените стоял Плутон, диаметр которого казался немного больше видимого солнечного.

Это подземное, или «внутриземное», светило в общем напоминало солнце, светящее перед закатом или вскоре после восхода через толстый слой атмосферы. На его диске можно было различить довольно много темных пятен различной величины.

— Это центральное светило, или настоящее ядро нашей Земли, находится уже в последней стадии своего горения, представляя потухающую красную звезду. Еще немного — и оно потухнет! На внутренней по-

верхности воцарится мрак и холод, и вся эта пышная жизнь постепенно погибнет,— сказал Каштанов.

— Хорошо, что мы успели забраться сюда и изучаем ее! — воскликнул Макшеев.— Немного позже нам бы пришлось вернуться вспять — мы бы увидели только черную ночь впереди.

— Ну, я сказал «немного» в геологическом смысле. В переводе на земные годы это, может быть, равносильно целым тысячелетиям, так что наши отдаленные потомки будут иметь еще возможность изучать эту внутреннюю поверхность и даже колонизировать ее.

— Благодарю покорно! Переселиться в страну, осужденную на гибель во мраке вечной ночи!

ТРОПИЧЕСКАЯ ГРОЗА

Так в оживленной беседе незаметно прошло время, и обе лодки причалили к месту стоянки, где Папочкин и Громеко ожидали уже с ужином. Поросенок в вареном и жареном виде, приправленный диким луком, собранным ботаником на холме, оказался очень вкусным. Сообща решили, что впредь нужно обращать больше внимания на съедобные плоды, коренья и травы, чтобы сделать пищу разнообразнее. Все овощные и мучные консервы были оставлены в юрте, и с собой из припасов взяты только чай, сахар, кофе, немного сухарей и приправы, как соль, перец, экстракты. Охота и рыбная ловля должны были доставлять главную часть пищи, которую продукты местной флоры могли улучшить.

На время сна вблизи палатки развели большой костер и по очереди караулили, потому что встреча с тигром заставляла опасаться нападении хищников. Каждый караульный действительно слышал в близком лесу разные шорохи, треск, взлеты и крик испуганных птиц, а Генерал часто настораживался и ворчал.

На следующий день в первые часы плавания местность сохраняла тот же характер: продолжались холмы, лесистые с севера, степные с юга, и сплошной лес по берегам реки. Дневную стоянку сделали на левом берегу, на который Каштанов и Громеко полезли после обеда.

В составе флоры оказалось много нового: попада-

лись уже вечнозеленые растения — мирты, лавры, лавровишни. Орешник достигал огромных размеров, не уступая дубам, букам и вязам; на южном склоне попадались бук, кипарисы, туи и тис. Великолепные магнолии распустили свои крупные белые благоухающие цветы. В чаше вдоль реки попадался бамбук и разные лианы. Громеко восторгался на каждом шагу.

Температура воздуха в тени в этот день достигла уже +25 градусов, так как северный ветер, до сих пор сопутствовавший путешественникам, прекратился. Воздух сделался тяжелым, насыщенным испарениями густых лесов. Исследователи лезли по склону холма с трудом, обливаясь пóтом, хотя солнце светило тускло сквозь пелену облаков.

Под влиянием зноя вся природа словно оцепенела и замерла, птицы и звери притаились в тени.

На вершине холма Каштанов и Громеко присели отдохнуть и, повернувшись лицом на север для осмотра местности, обнаружили причину невыносимого зноя: на горизонте вздымалась зубчатой стеной с фантастическими башнями огромная темно-лиловая туча надвигавшейся грозы, окаймленная спереди сине-багровым валом клубившихся облаков, под которыми сверкали ослепительные молнии; этот вал быстро приближался.

— Нужно бежать к лодкам! — воскликнул ботаник.— Ливень, наверно, будет тропический!

Оба спустились вниз по склону, путаясь ногами в высокой траве и скользя на более крутых местах. Через десять минут они добежали до стана, где Макшеев и Папочкин ждали их уже с нетерпением, не зная, что предпринять. Палатка могла не выдержать потоков дождя и ударов весьма вероятного града. Река могла выйти из берегов, потащить вырванные деревья, так что и в лодках было бы небезопасно. Целесообразнее казалось выгрузить все на берег, вытащить лодки и спрятаться в кусты.

Обсуждая этот план с товарищами, Папочкин вспомнил, что ниже по реке, во время маленькой экскурсии, предпринятой в погоне за большой водяной змеей, он видел в конце холма нависшую скалу, которая могла дать им защиту от дождя. Но нужно было торопиться — гроза быстро приближалась. Все вскочили в лодки, подплыли к скале, и в несколько минут все было выгружено и втащено под навес, ока-

завшийся достаточно просторным, чтобы вместить не только людей, собаку и вещи, но и самые лодки, которыми загородились со стороны ветра.

Выгнав несколько небольших змей, приютившихся в расселинах скалы, путешественники могли уже спокойно наблюдать величественное зрелище атмосферной катастрофы.

Сине-багровый вал докатился уже до половины неба и закрыл солнце; снизу он казался теперь совершенно черным. Это была какая-то бездна, которую то и дело прорезывали ослепительные зигзаги молний, сопровождавшиеся такими раскатами грома, каких никто из наблюдателей еще не слыхал. То раздавались один за другим оглушительные взрывы, то треск, словно рвались на части огромные куски крепкой материи, то залпы сотен тяжелых орудий.

Близлежащий лес глухо шумел под первыми порывами ветра. С севера надвигался еще какой-то ужасный грохот, наводивший трепет и постепенно заглушивший даже раскаты грома. Казалось, что оттуда несется исполинский поезд, сокрушающий все на своем пути.

Путешественники побледнели и с тревогой оглядывались по сторонам.

Вихрь уже налетел. В воздухе кружились бесчисленные листья, цветы, сучья, ветви, целые кусты, вырванные с корнем, и птицы, не успевшие укрыться в глубине леса. Становилось все темнее и темнее. Кругом свистело, шипело, трещало в промежутках между оглушительными раскатами грома. Крупные капли дождя и отдельные градины шлепались на землю и в воду, которая бурлила и пенилась. Затем наступила полная темнота и только при свете молний на отдельные мгновения открывалась ужасная картина: казалось, что весь лес поднялся на воздух и несется с потоками дождя и града. Грохот заглушал даже громкий крик на ухо.

Но эта катастрофа продолжалась всего минут пять. Быстро стало светлеть; порывы ветра ослабели, шум и раскаты удалялись на юг, а дождь только накрапывал. Зато река сразу вздулась, сделалась красно-бурой и грязной, покрылась пеной и несла листья, сучья, ветви и целые деревья. По небу мчались еще клочья серых туч, но Плутон уже проглядывал, освещая следы опустошения, оставленные бурей.

Путешественники вылезли из-под навеса и осмотрелись. Оказалось, что возле лодок нагромождена целая куча листьев, веток и сучьев, перемешанных с градинами величиной в грецкий орех. Несколько заостренных сучьев были брошены с такой силой, что пробили парусиновые бока лодок. Нужно было немедленно заняться их починкой. Достали иголки, нитки и кусочки просмоленной парусины и принялись за дело.

Починка лодок заняла около часа, а за это время река вошла опять в свои берега, очистилась от обломков, можно было продолжать плавание. Черная туча уже исчезла на юге за холмами, и путешественники впервые могли наблюдать безоблачный темно-синий небесный свод.

— И подумать только,— сказал Папочкин, уже сидя в лодке,— что прямо над нами, над этим синим небом, на расстоянии примерно десяти тысяч километров, находится такая же земля, с лесами, реками и разным зверьем! Как интересно было бы видеть ее над головой!

— Расстояние слишком велико,— заметил Каштанов.— Слой воздуха такой толщины с пылевыми частицами и парами воды не может быть достаточно прозрачным, земля, покрытая зеленью, отражает мало света, недостаточно ярка.

— А обратили ли вы внимание,— спросил Макшеев,— когда мы вчера осматривали окрестности со сравнительно невысокого холма, что вдаль видно гораздо лучше, чем там, наверху? Мы могли наблюдать лесистую равнину, вероятно, километров на сто благодаря тому, что поверхность, на которой мы находимся, не выпуклая, как на Земле, а вогнутая. Казалось, что мы стоим на дне плоской чаши.

— Теоретически кругозор наш должен бы быть неограниченным, мы должны были бы видеть местность не на сто, а на пятьсот или тысячу километров, поднимающуюся все выше и выше к небу. Но на большом расстоянии нижние слои воздуха становятся уже недостаточно прозрачными, и очертания предметов делаются постепенно расплывчатыми, сливающимися друг с другом.

— Следовательно, линия горизонта здесь не может быть так резка и отчетлива, как там, наверху. В сущ-

ности здесь нет горизонта, а мы видим постепенный переход земли в небо!

— Но только до сих пор вследствие низко стелющихся туч или тумана мы не могли обратить внимания на этот факт.

Под вечер река значительно расширилась, но зато быстрота ее течения уменьшилась, вследствие этого приходилось постоянно работать веслами, чтобы достаточно быстро продвигаться вперед.

В зеленых стенах обоих берегов местами видны были разрывы, куда уходила часть воды в виде узких рукавов или откуда эта вода возвращалась к главному руслу. Среди этого русла появились острова, окаймленные густыми камышами, поднимавшимися над водой.

Огибая один такой остров, путешественники заметили разрыв в поясе камышей, в глубине которого была видна тропинка, уходившая в зеленую чащу. Макшеев направил свою лодку в разрыв, чтобы высадиться на берег и осмотреть остров. Но едва только лодка мягко ткнулась носом в илистый откос, как из зеленой чащи выглянула голова сабельного тигра. Два ослепительно белых клыка, длиной не менее тридцати сантиметров, спускались из верхней челюсти, как у моржа. Зверь, очевидно, был сыт и не намеревался нападать; он широко разинул пасть, словно зевая, затем голова скрылась в чаще. Присутствие этого страшного хищника заставило отказаться от высадки на остров.

На следующий день река опять сузилась, и течение стало быстрее.

Растительность приобретала все более и более субтропический характер: дубы, буки, клены исчезли. Их совершенно вытеснили магнолии, лавры, каучуковое дерево и много других, которые ботанику были известны только по названию и по чахлым экземплярам оранжереи. Впрочем, юкки, веерные и саговые пальмы[1] было нетрудно определить и с лодки.

---

[1] Саговые пальмы — единственное семейство из порядка цикадовых в классе голосеменных, с деревьями, похожими на пальмы. У них сильно развита сердцевина, богатая крахмалом и дающая саго. Саговые пальмы растут в жарком климате, где их насчитывают восемьдесят три вида. В прежние геологические эпохи они в составе флоры играли большую роль и появились уже в каменноугольном периоде, а в юрском и меловом были характерны для флоры. Настоящие пальмы появились в конце мелового периода.

Холмы появлялись изредка и стали ниже, но шире. На склонах они заросли пышными травами, по пояс высотой, и отдельно стоящими деревьями или группами их, напоминая галерейные леса Центральной Африки.

Сплошная чаща тянулась вдоль берегов реки, занимая более низменную местность.

На обед остановились вблизи такого холма, чтобы сделать более продолжительную экскурсию для изучения флоры. Макшеев согласился караулить лодки, а остальные трое после обеда отправились к холму.

ДВИЖУЩИЙСЯ БУГОР

Первые метры дороги пришлось прорубать топором через хаос лиан и кустов. Но затем под высокими зелеными сводами огромных эвкалиптов, миртовых, лавровых и других деревьев, где царил полумрак, подлесок сделался менее густым. Между группами папоротников и стволами деревьев почва была покрыта мхами разных видов и великолепными орхидеями. Высоко вверху трещали насекомые, а внизу все было тихо. Изредка показывалась бесшумно скользившая змея или ящерица.

Ближе к подножию холма лес начал редеть, и красноватые лучи Плутона проникали до земли; здесь было больше жизни, больше кустов, трав и цветов. Охотники напали на тропинку, извивавшуюся между деревьями, и шли по ней, надеясь, что она выведет из леса. Впереди шел Каштанов, за ним Папочкин, оба с ружьями наготове, зорко посматривая вперед и в стороны. Громеко замыкал шествие, часто отставая для сбора растений.

Вдруг Каштанов остановился и поднял руку в знак внимания: впереди слышался сильный треск и легкое ворчанье. Затем на тропе появилось исполинское животное странного вида, похожее на медведя, но с длинным пушистым хвостом и длинной, узкой головой.

— Это муравьед! — прошептал зоолог.— Виды его, известные в Южной Америке, очень смирные, несмотря на страшный вид и огромные когти. Но они гораздо меньше этого экземпляра, ведь этот имеет более двух метров в вышину!

Между тем муравьед заметил людей, загородивших ему дорогу, и остановился в нерешительности.

— Сойдем с тропы! — прошептал зоолог.— Пусть он пройдет мимо нас и даст себя рассмотреть получше.

Охотники отошли в сторону и спрятались за группой густых кустов. Муравьед постоял еще несколько минут, недоверчиво всматриваясь в лес, затем потихоньку пошел вперед, останавливаясь через каждые пять—шесть шагов и оглядываясь по сторонам. Во время такой остановки Папочкин успел его сфотографировать сбоку, после чего животное, услышав щелк затвора, пустилось бежать, покачиваясь на своих толстых лапах и вытянув хвост; от носа до кончика хвоста оно имело не менее четырех метров.

Выйдя из леса, путешественники очутились у подножия холма, пологий склон которого тянулся вверх. Каштанов с досадой смотрел на этот однообразный склон, не обещавший ему добычи, тогда как ботаник был в восторге от обилия незнакомых цветов среди густой травы и занялся их сбором. Вдруг геолог заметил у самого подножия холма довольно большой куполообразный бугор, голые скаты которого отливали металлическим блеском.

— Ну вот и для меня пожива! — воскликнул он, вытаскивая молоток и направляясь почти бегом к бугру, в то время как Папочкин занялся ловлей новой ящерицы, спасавшейся от него на небольшом деревце.

Дойдя до бугра, Каштанов остановился в изумлении — бугор был совершенно голый, лишенный даже малейшей травки, и вся его поверхность состояла из шестисторонних пластинок бурого цвета с темными ободками.

Удивленный геолог попробовал отбить молотком кусочек породы, но молоток отскочил от поверхности бугра. В надежде, что на вершине бугра будет больше трещин, Каштанов полез наверх, что удалось ему не сразу: хотя бугор имел только метра три вышиною, но склоны его были совершенно гладкие. Наверху порода была такая же неуязвимая, поэтому геолог вынул из-за пояса большое зубило, вставил его в бороздку между двумя пластинками и начал бить молотком по зубилу, острие которого постепенно углублялось в породу.

Вдруг сильный толчок сшиб геолога, стоявшего на коленях, и он едва успел ухватиться за зубило, чтобы не скатиться с холма. Толчки продолжались, и Каштанов с недоумением оглядывался. Ему показалось, что вся почва пришла в движение, а деревья закачались.

— Страшное землетрясение! — закричал он своим товарищам, которые были от него на расстоянии сорока шагов.— Вы чувствуете, какие толчки?

Услышав этот возглас, Громеко и Папочкин переглянулись с удивлением. Они не ощущали никаких признаков землетрясения. Но, взглянув в сторону, где находился Каштанов, они были поражены: бугор с геологом медленно перемещался по склону холма.

После минуты недоумения оба побежали наперерез тому странному двигающемуся бугру, основания которого не было видно из-за густой травы. Подбежав ближе, Папочкин воскликнул со смехом:

— Да это исполинская черепаха! Петр Иванович, вы едете на черепахе!

В это время бугор повернулся в сторону преследователей, которые увидели выдвинувшуюся из-под него довольно длинную шею и противную голову, не меньше бычьей, усаженную мелкими щитками. В раскрытой пасти видны были пластинчатые зубы.

Каштанов, понявший в чем дело, оставил свое зубило забитым в панцирь черепахи, соскользнул с нее и отпрыгнул в сторону. Он заметил теперь быстро двигавшийся огромный хвост, похожий на толстое бревно, удар которого мог переломить ноги.

Животное, почувствовав себя свободным, побежало вдоль склона, его голова и хвост скрылись в траве. Оно опять поразительно напоминало движущийся голый бугор.

После обмена шутками по поводу забавного приключения геолога, принявшего живую черепаху за каменный холм, а ее движение за землетрясение, Каштанов заметил товарищам:

— Я полагаю, впрочем, что это была совсем не черепаха, а глиптодон — животное из семейства броненосцев, водившееся на Земле в плиоценовую эпоху третичного периода наряду с огромными муравьедами, гигантскими ленивцами, мастодонтами и громадными носорогами. Остатки этих животных найдены в изобилии в Южной Америке.

— Огромного муравьеда мы ведь встретили в лесу,— напомнил Папочкин.

— Эта встреча меня и навела на высказанную мысль. Ведь если мы в более северном поясе, вблизи границы льдов, встретили в живом состоянии такие окаменелости, как мамонта, длинношерстного носорога, первобытного быка, пещерного медведя, исполинского оленя, которые на Земле жили в послетретичное время, то нет ничего удивительного в том, что южнее, где господствует такое тепло, сохранились формы еще более древнего времени — плиоцена[1].

— А еще южнее, развивая вашу мысль, мы должны встретиться и с более древней фауной — миоценовой, эоценовой, меловой, юрской и т.д.? — спросил зоолог с некоторым недоверием.

— Я этому нисколько не удивляюсь,— заметил Громеко.— С тех пор как мы открыли этот странный внутриземной мир, я перестал удивляться чему бы то ни было и готов приветствовать игуанодонов, плезиозавров, птеродактилей, трилобитов[2] и другие палеонтологические чудеса.

---

[1] Геологическая хронология жизни Земли установлена следующая (от современности в глубь времен):

Эры	Периоды
1. Кайнозойская (эра новой жизни)	Четвертичный Третичный
2. Мезозойская (эра средней жизни)	Меловой Юрский Триасовый
3. Палеозойская (эра древней жизни)	Каменноугольный Пермский Девонский Силурийский Кембрийский
4. Протерозойская (эра первого появления жизни)	Различают периоды верхний, средний, нижний в каждой из этих эр.
5. Архейская (эра безжизненная)	

В каждом периоде выделяют еще эпохи: в третичном они называются плиоцен, миоцен, олигоцен, волен и палеоцен.

[2] Трилобиты — вымерший отряд ракообразных; тело трилобита делилось на три части (откуда и название): головной щит, тело из многих члеников и хвостовой щит. Появились в кембрии и вымерли в пермском периоде. С другими животными, упомянутыми Громеко, мы ознакомимся дальше.

— В таком случае жаль, что мы не подстрелили муравьеда и глиптодона! Чем мы сможем доказать их существование? Глиптодона я даже не сфотографировал.

— Может быть, мы встретим их еще раз.

— А кстати, пора возобновить запас мяса,— заявил Громеко,— иначе завтра придется есть одно свиное сало.

Во время этого разговора охотники медленно поднялись по склону холма и достигли его гребня, вдоль которого тянулись узкой полоской довольно густые кусты, скрывавшие, к радости Каштанова, небольшие выходы горных пород. Геолог немедленно пустил в дело свой молоток, но Папочкин, пролезший уже через кусты, остановил его возгласом:

— Потише — на том склоне зверинец травоядных!

Каштанов прекратил стук, спрятал добытый образчик в карман и полез через кусты; Громеко следовал за ним. На южном склоне холма, еще более пологом, они увидели разнообразных, мирно пасшихся животных. Ближе всего к ним находилось семейство носорогов, сильно отличавшихся как от живущих в Индии и Африке, так и от длинношерстного носорога. Это были толстые, приземистые, коротконогие твари, похожие скорее на небольших гиппопотамов; но форма головы и короткий толстый рог самца выдавали их породу. У самки вместо рога была только большая мозолеобразная шишка. Детеныш, резвившийся возле матери, походил на огромную ливерную колбасу; чтобы добраться до источника молока, он ложился на землю и протискивался боком под брюхо матери, которая, передвигаясь, придавливала его, что вызывало недовольное хрюканье обиженного малыша.

Немного далее на склоне паслось стадо огромных слонов. Рассмотрев их в бинокль, Каштанов заявил, что это, вероятно, мастодонты; они отличались от мамонта длинными и прямыми бивнями, покатым лбом и более длинным туловищем.

По соседству с ними ходили несколько антилоп огромной величины, буро-желтых с черными пятнами, как у леопарда, с длинными саблевидными рогами. Они передвигались скачками, потому что задние ноги были значительно длиннее передних,— Громеко сначала принял их за огромных зайцев.

На опушке леса находились еще более странные животные, похожие отчасти на жирафа, отчасти на верблюда: сходство с первым состояло в очень длинной шее и голове с небольшими рожками, а признаками верблюда являлись бурый цвет и форма туловища с небольшим горбом. Парочка этих животных, в которых Каштанов признал родоначальника верблюда и жирафа, ходила вдоль опушки, свободно срывая веточки и листья на высоте четырех метров от земли.

Наиболее интересной добычей охотникам показались антилопы и верблюдо-жирафы; поэтому они разделились на три партии: Каштанов направился окольным путем к верблюдо-жирафам, Папочкин — к антилопам, а Громеко должен был сфотографировать носорогов и мастодонтов.

Громеко, соблазнившийся видом маленького носорога, показавшегося ему достойным вертела, выстрелил и уложил на месте ничего не подозревавшего детеныша. Его родители, вместо того чтобы спасаться бегством, как ожидал охотник, обнюхали труп, а затем с громким хрюканьем бросились на ботаника, который имел неосторожность показаться на опушке кустов. Он скрылся опять в кусты и успел отбежать несколько шагов в сторону, когда на том месте, где он только что стоял, раздался треск неистово ломаемых ветвей, и оба носорога, топча кусты и разбрасывая их мордами по сторонам, появились на гребне холма и побежали дальше. Но, заметив, что их враг исчез, они повернули назад и помчались туда, где колебания кустов выдавали присутствие охотника.

В это время вблизи антилоп раздался выстрел Папочкина, и стадо этих животных понеслось вверх по склону; туда же устремились и мастодонты, подняв хоботы и издавая тревожные трубные звуки. Положение Громеко становилось отчаянным: с одной стороны, ему приходилось следить за носорогами и бегать от них взад и вперед через кусты, а с другой — надвигалась опасность от антилоп и мастодонтов. Но ботанику пришла счастливая мысль: заметив, что антилопы и мастодонты бегут вверх по склону с разных сторон, но приблизительно к тому же месту гребня, он, вместо того чтобы перебегать от носорогов взад и вперед через кусты, побежал теперь вниз по склону в промежуток между антилопами и мастодонтами, в

расчете, что те или другие задержат его преследователей. Этот расчет оправдался: прорвавшиеся опять через кусты разъяренные носороги столкнулись — один с мастодонтами, другой с антилопами; произошло замешательство; первый был сшиблен и затоптан, второй обратил в бегство антилоп и сам побежал за ними, а Громеко остался победителем на поле сражения.

Отдышавшись от безумного бега, он поднялся обратно к кустам, нашел ружье, брошенное при бегстве от носорогов, а затем стал искать свою добычу — маленького носорога, из-за которого натерпелся такого страха. Найти его оказалось нетрудно, потому что круглая туша, напоминавшая добрый бочонок, виднелась издали среди потоптанной травы. Потом он отправился к своим товарищам, и они вместе, тяжело нагруженные шкурами, черепами и мясом, двинулись обратно к стану, где Макшеев уже беспокоился, дожидаясь их. Он сам хоть и сидел на месте, но не остался без добычи. К палатке подкрадывался хищник, вероятно собиравшийся съесть Генерала, но вместо того попавший под пулю,— это было животное, похожее на волка, но с очень большой головой, с кошачьим телосложением и со сравнительно длинной гривой на голове и шее. Каштанов нашел, что это должен быть плиоценовый предок современных волков.

ПЛУТОН ГАСНЕТ

Пока в котле варилось мясо антилопы, а на вертеле жарился целиком молодой носорог, путешественники были заняты приведением в порядок обильных материалов, добытых за день.

Во время этой работы они заметили, что свет ослабел и сделался еще более красноватым, чем обыкновенно. Подняв головы, чтобы выяснить причины этого явления, они убедились, что небо безоблачно, но сам Плутон светит тускло, и на одной половине диска видно много больших темных пятен.

Вместе с ослаблением света началось понижение температуры, достигавшей в этот день уже +28 градусов в тени. Последнее можно было бы приветствовать, но первое внушало некоторую тревогу.

— А что, если Плутон теперь погаснет совершен-

но? — спросил Громеко, так как во время ужина констатировали, что ослабление света продолжается и количество темных пятен на диске увеличивается.

— И мы вдруг очутимся в полном мраке, за которым постепенно наступит и полярный холод? — прибавил Папочкин.

— А теплая одежда осталась у нас далеко на севере в юрте! — воскликнул Макшеев.

— Я думаю, что это ослабление света — временное явление,— сказал Каштанов.— Плутон, судя по его красному свету и обилию темных пятен, действительно находится в последнем периоде своего горения. Но этот период может продлиться еще сотни и тысячи лет. Звезды, аналогичные Плутону, наблюдаемые в мировом пространстве, по временам меркнут, почти гаснут, но потом опять вспыхивают. Запасы тепла, имеющиеся в их массе, еще очень велики, и кора, образующаяся на их поверхности вследствие охлаждения и представляющая темные пятна, которые мы видим, снова и снова разрывается и расплавляется за счет этих запасов. Угасание светила не может произойти сразу.

— А если горение Плутона прекратится вследствие недостатка кислорода? Ведь нужный для него кислород берется, конечно, из общей атмосферы нашей планеты, засасываемой через полярное отверстие.

— Это очень сомнительно, так как за миллионы лет своего горения Плутон должен был бы сжечь весь кислород нашей атмосферы и обитатели земли давно задохнулись бы в азоте. Процессы горения самосветящихся тел Вселенной известны нам еще слишком недостаточно и, может быть, происходят иначе, чем наблюдаемые нами на Земле. Может быть, кислород образуется там вновь как продукт распада других химических элементов. Открытия последних лет относительно превращений радия заставляют нас уже иначе смотреть на постоянство этих элементов, считавшееся прежде бесспорной истиной.

— Словом, «друг Горацио, на свете есть еще много вещей, которые не снились нашим мудрецам», а в Плутонии мы каждый день убеждаемся в справедливости этого изречения Гамлета,— сказал Громеко и предложил лечь спать, пользуясь темнотой и прохладой.

Животный мир леса также чувствовал, что в при-

роде творится неладное. Птицы совершенно замолкли, и вместо пения и щебетанья слышались тревожные крики разных зверей. Генерал по временам завывал, подняв голову.

Но путешественники, разложившие костер перед палаткой, спали крепко, не обращая внимания на эти звуки, проспали значительно дольше обыкновенного.

Постепенно все проснулись, хотя было темно по-прежнему. Все было объято красноватыми сумерками, а диск Плутона был покрыт многочисленными темными пятнами, так что сила света была ослаблена на девять десятых. При этом освещении листва и трава казались почти черными, как и само небо. Вокруг лежала глубокая тишина — ни птицы, ни звери, ни насекомые не проявляли признаков жизни, и только по временам налетавший ветерок шумел в листве. В этой тишине было что-то зловещее.

Посоветовавшись, решили, что рискованно плыть в таких сумерках по неизвестной реке между двумя стенами леса, переполненного разными хищниками, которые могли напасть на путешественников. Легко можно было сесть на мель или наткнуться на корягу, что представляло большую опасность для парусиновых лодок.

— А если этот сумрак будет продолжаться целые недели или месяцы? — спросил Громеко.— Неужели мы будем сидеть на месте? Провизии у нас хватит дня на три, на четыре.

— Какой вы чудак! — ответил Каштанов.— Сейчас же делаете самые печальные предположения! Подождем день-другой, а тогда подумаем, ехать ли вперед или назад.

— А на досуге займемся починкой лодок, устройством плота и разными домашними работами,— сказал Макшеев.— Лодки дали уже течь.

С этим предложением все согласились и при свете костра принялись за работы. Починили лодки и спилили несколько крупных бамбуков, росших вблизи стана, что потребовало много времени, так как в распоряжении плотников была только одна небольшая ручная пила. Потом очистили стволы от веточек, распилили их на части той же длины, как и лодки, и связали из них плот шириной в полтора метра, который должен был помещаться между обеими лодками.

На плот предполагали класть более объемистые вещи, покрывая их шкурами. Обе лодки, соединенные с плотом, в совокупности представляли нечто вроде парома, прочного, легкого и достаточно поворотливого.

Работы заняли целый день, в течение которого наблюдения за диском Плутона обнаружили, что количество и размеры темных пятен не уменьшились, но и не увеличились. Спать легли рано. Возле палатки горел небольшой костер. Генерал лежал у входа в палатку, и путешественники рассчитывали спокойно спать, выходя только изредка, чтобы подбросить дров.

Но эти надежды не вполне оправдались. Как только в палатке все затихло и в окружающей чаще начинались шорохи, Генерал настораживался и ворчал. Шорохи прекращались, и собака успокаивалась; потом опять начинался шорох, словно какой-то зверь бродил по кустам вокруг лужайки, высматривая добычу, но не решался выскочить. Чтобы не быть всем настороже, решили караулить по очереди, и Папочкин первый уселся у костра с ружьем в руках. Шорохи то удалялись, то приближались, и зоолог наконец так привык к ним, что крепко заснул. Огонь постепенно потухал, и костер превратился в кучу тлеющих углей.

Вдруг собака яростно залаяла. Папочкин проснулся и увидел на окраине лужайки крупного хищника, похожего на льва, но с менее длинной гривой и с торчащими из полуоткрытой пасти клыками, как у сабельного тигра. Хищник стоял в нерешительности, а Генерал, заливаясь лаем, отходил, поджав хвост, за костер, поближе к палатке.

Зоолог, быстро пришедший в себя, поднял ружье и выстрелил в зверя, находившегося на расстоянии шагов двадцати. Пуля попала в грудь, но зверь еще имел силу сделать прыжок, попал в кучу углей, обжег себе брюхо и покатился к палатке; задней лапой он ударил по полотну, разорвал его сверху донизу и зацепил сапоги Макшеева, лежавшие у его изголовья. Передняя лапа в судорожных движениях чуть-чуть не угодила в лицо Каштанова, раздробила карманные часы, лежавшие в шапке на земле, и разорвала шапку в клочья. Генерал, прижавшийся у входа в палатку, был отброшен вглубь ударом третьей лапы, поплатился несколькими царапинами и со всего размаха упал на Громеко, сладко спавшего у задней стенки.

Переполох получился необычайный. Возле палатки в полумраке билось и ревело что-то громадное, и полы палатки разлетались и рвались под его ударами. В глубине палатки Громеко боролся с Генералом, который старался спрятаться за него и которого он принял за какого-то хищника. Каштанов тщетно искал спички, лежавшие в шапке возле часов, и не находил даже самой шапки. Папочкин кричал снаружи:

— Вылезайте скорее с задней стороны! Это лев, которого я не могу прикончить, потому что боюсь попасть в вас!

Наконец зверь, судорожно вытянув лапы, затих; Макшеев нашел спички и зажег свечу; Громеко оставил Генерала, и все трое, полуодетые и перепуганные, отстегнув задние полы палатки, выбрались ползком наружу и осмотрелись. Началось объяснение у потухшего костра, и Папочкин должен был сознаться, что заснул и не поддерживал огонь, почему зверь и решился на нападение.

Убитый зверь оказался сабельным львом, хотя по телосложению походил и на медведя; только форма головы и лап выдавала его принадлежность к кошачьему семейству. Грива была небольшая, почти черная, шерсть на теле желто-бурая, хвост без кисточки. Страшным клыкам верхней челюсти соответствовали когти на громадных лапах. Палатка требовала серьезной починки, так же как и сапоги Макшеева. Часы Каштанова, сплющенные в лепешку, вместе с изорванной шапкой и раздавленной спичечницей нашлись только после долгих поисков в одном из углов палатки.

Из-за постели Громеко вытащил дрожавшего еще Генерала, осмотрел и промыл его раны. Затем оттащили льва в сторону и решили продолжать прерванный сон. На караул сел Макшеев, и остаток ночи прошел спокойно. Утром сумерки показались менее густыми, и на диске Плутона число и размеры темных пятен как будто уменьшились. Решили еще подождать и принялись за починку палатки, обмер убитого льва и снятие с него шкуры. К обеду стало еще светлее, а немного позже Плутон, словно собравшись с силами, расплавил большую часть пятен, покрывавших его диск, и засиял полным светом, казавшимся особенно ярким после сорокачасового сумрака.

Быстро сложили вещи, нагрузили лодки и плот и поплыли дальше, но не так быстро, потому что судно оказалось недостаточно подвижным и требовало усиленной работы веслами. Местность под вечер этого дня начала меняться, холмы на берегах реки сначала понизились, а затем совершенно исчезли. Вместо густой чащи леса и кустов расстилалась степь с отдельными рощами, где преобладали исполинские баобабы. Только вдоль берегов узкой полосой тянулась пышная растительность с пальмами, бамбуками, лианами, в которой ютились птицы и крупные обезьяны нескольких пород. В степи паслись стада разнообразных антилоп, мастодонтов, носорогов, верблюдо-жирафов, безрогих жирафов и первобытных лошадей. В чаще близ реки держались тигры, гиппопотамы и олени.

ЧУДОВИЩНЫЕ ЯЩЕРЫ И СТРАННЫЕ ПТИЦЫ

Первый ночлег был на большом острове, значительная часть которого также имела степной характер, и только вдоль берега местами тянулись группы кустов и заросли камышей. Палатку поставили на северном конце острова, откуда была видна река, делившаяся на два рукава, каждый не менее сотни шагов ширины.

После ужина покой окружающей природы был нарушен шумом. С противоположного берега реки послышались протяжные крики, напоминавшие голоса толпы людей, по временам покрываемые громким отрывистым лаем и воем.

Из зеленой чащи вырвалось, ломая камыши и раздвигая кусты, небольшое стадо красноватых с белыми пятнами четвероногих, которые бросились в воду и поплыли к острову. Вслед за ними выскочила стая пестрых хищников, которые с воем и лаем также поплыли, стараясь догнать и отбить одно животное, уже отставшее и, очевидно, изнемогавшее.

Через несколько минут преследуемые выбрались на остров и пробежали очень близко от палатки. Они походили на лошадей, хотя почти не имели гривы.

Отставшее животное также успело доплыть до острова раньше хищников, но на крутой откос берега могло подняться с трудом и наверху было окружено

воющими и лающими преследователями. Собрав последние силы, оно лягало их передними и задними ногами и хватало зубами, но неравная борьба с дюжиной врагов не могла быть долгой. Хищники, увертываясь от ударов, не выпускали жертву из своего круга, выжидая, пока она не обессилит окончательно.

В борьбу вмешались люди: три выстрела в стаю хищников уложили двух из них и обратили остальных в поспешное бегство. Но обессиленная жертва уже не могла воспользоваться неожиданным избавлением. Когда охотники подошли к ней, она уже лежала при последнем издыхании. На ее шее зияла большая рваная рана, очевидно причиненная зубами одного из хищников при первом нападении на табун,— это и было причиной слабости жертвы, которая на бегу постепенно истекала кровью.

Рассматривая убитых хищников, охотники убедились, что животные принадлежали к примитивным млекопитающим.

Они были величиной с сибирского волка, но туловище напоминало скорее кошачью породу, равно как и длинный, тонкий хвост. Шерсть на спине и боках была темно-бурая, с желтыми продольными полосами, а на брюхе — желтая. Зубы были почти одинаковые — все имели скорее вид клыков.

Жертва хищников заслуживала название лошади только с большими оговорками. Она была ростом не больше крупного осла, но грациознее последнего, так как туловище покоилось на тонких ногах, оканчивающихся каждая не одним копытом, как у настоящих лошадей, а четырьмя. При этом только среднее копыто было сильнее развито, а остальные — зачаточные.

Изучая эту странную лошадь, Каштанов и Папочкин пришли к выводу, что перед ними первобытная лошадь — родоначальница современных лошадей, по всему облику больше походившая на американскую ламу.

На другой день продолжалась степная местность, настоящие саванны или прерии, с высокой травой, с чащами и группами кустов и деревьев по берегам тихой реки и многочисленных островов. На одном из больших островов путешественники заметили стадо титанотериев — животных, представлявших нечто среднее между гиппопотамом и носорогом.

Путешественники хотели причалить немного ниже за кустами, чтобы подкрасться и добыть одного из титанотериев, но встретили еще более интересного зверя, представителя древнейших толстокожих,— четверорогого носорога, спустившегося передними ногами в воду, чтобы утолить свою жажду. Когда плот приблизился к нему, он поднял свою уродливую голову и широко раскрыл пасть, словно хотел проглотить или, по крайней мере, оплевать незваных гостей. По бокам верхней челюсти торчали два длинных желтых клыка; на переносице между маленькими глазами поднимались рядом два небольших рога, повернутых наружу, а за ушами красовались еще два тупых рога, похожих на какие-то обрубки.

Но пока причаливали к берегу и пробирались осторожно через кусты, чтобы сфотографировать это интересное животное, оно отошло от реки и побежало тяжелой рысцой. Преследуя его в надежде, что оно остановится, Каштанов и Папочкин заметили на соседней поляне животное огромной величины, стоявшее возле высокого дерева и обрывавшее на нем листья на высоте около пяти метров. По форме тела и цвету кожи оно походило на колоссального слона, спина которого поднималась на четыре метра от земли; но голова и длинная шея резко отличали его от слонов: голова, сравнительно с массой туловища очень небольшая, напоминала голову тапира с удлиненной верхней губой, которой животное очень быстро захватывало листья целыми пучками.

— Что за чудовище! — прошептал Папочкин.— Тело слона, шея лошади, голова тапира и замашки жирафа.

— Я думаю,— заметил Каштанов,— что нам удалось увидеть редкого представителя подсемейства безрогих носорогов, остатки которого недавно найдены в Белуджистане, почему этот колосс — крупнейший из сухопутных млекопитающих — получил имя белуджитерия[1]. Он жил в конце олигоцена или в начале миоцена.

— Действительно колосс! — удивился зоолог.—

---

[1] В 1915 году в Тургайской области экспедицией Академии наук найдены остатки подобного же колосса того же подсемейства, названного индрикотерием.

Мне кажется, что я могу, не сгибаясь, разве только нагнув голову, пройти под его брюхом.

— А если поставить возле него взрослого индийского носорога, то спина последнего окажется также на уровне брюха этого колосса, так что он мог бы сойти за его детеныша.

— Как жаль, что нельзя стать возле него для масштаба при фотографировании,— сказал Папочкин, делая снимки.— Хотя животное как будто безобидное, но я бы боялся приблизиться: случайным движением ноги оно может переломать кости.

— Снимите дерево вместе с животным; высоту дерева мы потом определим.

Наблюдатели выждали, пока белуджитерий не отошел в сторону, и посредством горного компаса определили высоту дерева, а также смерили следы ступней, которые сравнительно с ростом животного оказались небольшими.

Под вечер того же дня на берегу большого острова заметили парочку корифодонов, крупных толстокожих, которые по форме тела походили на титанотериев.

При виде плота самец поднял голову и разинул огромную пасть, в которой красовались в каждой челюсти по два довольно длинных и острых клыка.

Высадиться на остров для охоты не удалось, потому что немного ниже на берегу сидел крупный хищник, пожиравший какую-то добычу. При виде плота он поднялся и грозно зарычал.

Это животное отличалось громадным телом на низких и довольно тонких ногах. Морда у него была длинная, похожая на морду борзой собаки. По своей величине зверь не уступал самому крупному тигру, почему путешественники не решились приблизиться к нему.

Таким образом, в этот день не удалось добыть ни одного из этих новых животных.

На следующий день на берегах реки и на островах по временам замечали пасшихся лошадей, титанотериев, четверорогих носорогов, антилоп, хищных креодонтов и других животных. Общий облик фауны, по мнению Каштанова, выдавал ее принадлежность к начальным временам третичного периода.

После обеда причалили для экскурсии в глубь сте-

пи, чтобы ознакомиться с ее характером в стороне от реки.

Возле одного из озер наткнулись на животное, возбудившее их особенное внимание. Подобно другим травоядным, оно мирно паслось, пожирая сочные стебли.

Это успокоило охотников, взявшихся было за ружья, когда, пробираясь через кусты к берегу озера, они внезапно увидели чудовище. Даже Генерал, уже привыкший к разнообразным и необыкновенным животным и сразу отличавший хищников от травоядных, обнаружил сильный испуг и, ворча, прижимался к ногам Макшеева.

— Носорог колоссальной величины! — шепнул последний, останавливаясь в кустах, чтобы не испугать чудовище или не раздразнить его.

Но животное только на первый взгляд напоминало носорога, так как обладало маленьким рогом на переносице. Пара же больших рогов, возвышавшихся на лбу и направленных вперед, придавала ему сходство с некоторыми быками; во всем же остальном оно отличалось и от носорогов и от быков. Голова по сравнению с туловищем была непропорционально велика, достигая чуть ли не двух метров в длину; задняя часть черепа расширялась в плоский и широкий гребень, который можно было принять за огромные растопыренные уши, но в действительности это было только украшение или защита верхней половины шеи, покрытое мелкой чешуей, а по наружному краю — острыми зубцами. Этот воротник, несомненно, увеличивал вес и без того огромной головы и мешал поднимать ее вверх.

Передние ноги были значительно короче задних, так что животное двигалось, высоко подняв свой крестец. Когда голова и ноги этого животного скрывались в высокой траве, оно напоминало целый холм, достигавший почти пяти метров в вышину. Массивное туловище его было покрыто панцирем из круглых пластинок, более крупных на спине и боках, мелких на крестце, ногах и брюхе. Туловище оканчивалось недлинным, но толстым хвостом, который служил опорой для задней части тела. От конца морды, представляющего острый клюв, до начала хвоста животное имело около восьми метров.

— Ну и чудовище, ну и чудовище! — шептал Громеко, рассматривая, как и остальные, необыкновенное животное, которое медленно передвигалось вдоль берега озера, пожирая траву и кусты.

— Что это за зверь? — спросил Папочкин.

— Это, должно быть, трицератопс, представитель отряда динозавров,— ответил Каштанов,— к которому принадлежали различные исполинские ящеры.

— Так это пресмыкающееся! Разве были рогатые пресмыкающиеся? — воскликнул Макшеев.

— Отряд динозавров представляет очень разнообразные формы как хищных, так и травоядных ящеров, крупных и мелких, живших начиная с триаса и кончая мелом.

— Итак, мы уже очутились в меловом периоде[1]! — воскликнул Папочкин.— И чем дальше мы будем плыть по реке, тем больше должны встречать таких чудовищ.

— Хорошо, если они будут столь же безобидны, как это,— заметил Громеко.— А наткнуться на хищную тварь таких размеров — благодарю покорно! Растерзает, прежде чем успеешь выстрелить.

— Большие животные обычно неповоротливы,— возразил Каштанов.— По-моему, сабельные тигры гораздо опаснее этих исполинов.

— Нужно бы заставить его поднять голову,— сказал Папочкин,— или выманить на более чистое место. Я уже сделал два снимка, но на обоих не видно ног и конца морды.

— Не выстрелить ли в него? — предложил Макшеев.

— Нет, он или испугается и убежит, или бросится на нас. Такую махину, пожалуй, и разрывная пуля не скоро свалит с ног.

— Пустим на него Генерала!

Дрожавшую и ворчавшую собаку после уговоров и понуканий удалось заставить напасть на чудовище. Она бросилась с громким лаем в его сторону, остановясь все-таки на почтительном расстоянии. Но эф-

[1] Меловой период отличался развитием пресмыкающихся, достигавших гигантской величины, но вымерших в конце этого периода. А в начале его появились первые примитивные млекопитающие — маленькие, невзрачные животные.

фект нападения собаки был совершенно неожиданный. Чудовище ринулось в озеро, разбрызгивая целые потоки воды, и скрылось во взбаламученной, илистой пучине.

Все рассмеялись при виде этого позорного бегства, а Генерал, гордый победой, подбежал к берегу и начал неистово лаять на мутные волны, расходившиеся кругами. Через некоторое время среди озера показались два рога и воротник ящера, высунувшего голову, чтобы подышать. Папочкин, державший аппарат наготове, вынужден был ограничиться снимком головы, потому что ящер, глотнув воздуха и видя, что его странные преследователи стоят на берегу, опять погрузился в воду.

На другом озере Генерал выгнал из густых зарослей целую стаю странных птиц. Они достигали величины очень крупного лебедя, но имели более длинное тело, более короткую шею и очень длинный и острый клюв, усаженный острыми и мелкими зубами. Птицы великолепно плавали и ныряли, охотясь за рыбой. Одну из них удалось подстрелить.

Рассмотрев ее, Каштанов решил, что это, должно быть, гесперорнис, зубастая бескрылая птица мелового периода, близкая по строению тела к современным пингвинам. Крылья ее были в зачаточном состоянии и совершенно скрывались в мягком, волосообразном оперении.

ПОЯС БОЛОТ И ОЗЕР

После трехдневного плавания через страну сухих степей путешественники достигли ее южной окраины, где растительность сразу изменилась. Берега реки покрылись зеленой чащей хвойных деревьев, саговых пальм и папоротников многочисленных видов, большей частью совершенно новых, достигавших высоты человеческого роста. Высокие заросли растений, похожих на камыши, росли в воде вдоль берега, а плоские отмели были покрыты хвощами высотой в полтора метра и с поперечником больше двадцати пяти миллиметров. Из глубины зарослей неслось неумолкавшее стрекотание, а над водой кружились странные насекомые. Они походили на стрекоз, но в размахе

крыльев достигали почти сорока сантиметров; тело их, отливавшее металлическим блеском, имело сантиметров двадцать в длину; одни были золотисто-желтые, другие стально-серые, третьи изумрудно-зеленые, четвертые темно-голубые, пятые огненно-красные. В солнечных лучах они порхали, реяли, гонялись друг за другом, издавая мелодичный треск, напоминавший щелканье кастаньет.

Пораженные этой красивой картиной, путешественники сложили весла. Лодка медленно плыла по течению, а гребцы любовались невиданным зрелищем. Папочкин достал сачок и после долгих попыток поймал одну стрекозу; но, когда он вынимал ее из сачка, она пребольно укусила палец зоолога своими челюстями, и растерявшийся ученый выпустил ее из рук.

Сплошной зеленый барьер, окаймлявший берега, не позволял причалить, и путешественники, утомленные долгим плаванием, тщетно искали глазами хотя бы небольшую чистую лужайку для ночлега.

Между тем голод давал себя уже чувствовать, а зеленые стены хвощей становились все гуще и гуще.

— Эх, нужно было остановиться в конце степи! — сказал Громеко.

— В другой раз будем умнее,— засмеялся Макшеев.

Километр проходил за километром, а зеленые стены не прерывались. Наконец за поворотом реки, на левом берегу ее, показалась низкая зеленая полоска. В воду выдавалась длинная и узкая коса, переходящая затем в отмель и поросшая только хвощами. За неимением лучшего решили остановиться здесь и расчистить себе площадку. Лодки ввели в заливчик между косой и берегом, вытащили охотничьи ножи и вступили в бой с хвощами. Но это оказалось нелегким делом: толстые стебли, жесткие от обильного содержания кремнезема, плохо поддавались ударам ножа, а срезанные оставляли колючие пеньки, на которых нельзя было ни сидеть, ни лежать.

— Попробуем вырвать их с корнем,— предложил ботаник.— Они не должны крепко сидеть в мягком речном наносе.

Совет оказался хорошим: хвощи легко выдергивались из почвы, и через полчаса путешественники расчистили мягкую площадку для палатки и костра. Но

костер не из чего было разводить: зеленые хвощи не горели. Нельзя было не только приготовить ужин, но даже сварить себе чай. Кроме того, из хвощей поднялись целые рои растревоженных комаров, в двадцать миллиметров величиной, спастись от которых можно было только дымом костра.

— Постойте,— сказал Громеко.— Совсем близко, подплывая сюда, я заметил торчавший из чащи ствол сухого дерева. Нужно его добыть!

Вооружившись топорами и веревкой, Громеко и Макшеев отвязали одну из лодок от плота и поплыли вверх по реке. В сотне-другой шагов от стоянки они увидели толстое, засохшее дерево с несколькими ветвями, торчавшее в зеленой чаще; но дерево это оказалось на такой высоте над водой, что его нельзя было достать ни рукой, ни топором.

— Попробуем закинуть веревку за сук — может быть, он обломится,— предложил Макшеев.

Громеко удерживал лодку на месте, ухватившись за хвощи, а Макшеев перебросил веревку через толстый сук и начал ее тянуть; сук не обламывался, но все дерево начало трещать.

— Пустите лодку, помогите тянуть! — крикнул он товарищу.

Теперь оба ухватились за веревку, стоя в утлой лодке, и дернули изо всех сил. Дерево рухнуло, ударив с размаху по носу лодки, которая под его тяжестью начала погружаться в воду. Громеко только-только успел схватиться за хвощи и подтянуть к ним корму, как нос лодки скрылся под водой.

— Скандал! Что мы будем теперь делать? — воскликнул Макшеев.

Оба сидели на корме, ногами в воде, одной рукой держались за хвощи, а другой за веревку, которая не позволяла злополучному дереву уплыть по течению.

— Вылезть на берег нельзя, вычерпать воду нечем, остается звать кого-нибудь на помощь,— сказал Громеко.

Оба начали аукать и звать. Сначала никто не откликался, но потом послышался голос Каштанова, спрашивавшего, в чем дело.

— Плывите к нам кто-нибудь на помощь, захватите ведро, наша лодка затонула!

— Сейчас приеду! — раздался ответ.

В это время из воды возле затонувшего носа лодки показалась огромная голова зелено-бурого цвета с короткой и широкой мордой и маленькими глазами под плоским черепом. Животное некоторое время смотрело на оцепеневших от неожиданности людей, а затем, разинув пасть и обнажив несколько рядов острых зубов, начало взбираться на нос лодки, которая под его тяжестью стала погружаться глубже. Показалась короткая и толстая шея, затем часть голого туловища; широкие передние лапы когтями цеплялись за борт лодки.

Отправляясь за дровами так близко от стоянки, охотники не взяли с собой ружей и теперь оказались безоружными лицом к лицу с какой-то рептилией неизвестной породы, несомненно плотоядной и сильной. Их топоры остались на носу и теперь были в воде, уже под лапами врага.

— Скорее привязывайте свой нож к рукоятке весла,— крикнул Макшеев,— а я попробую задержать чудовище другим веслом!

Он вынул свой нож и взял его в зубы, а затем, схватив весло, ткнул его со всего размаха лопастью в полураскрытую пасть. Сильный удар по небу и языку ошеломил животное, которое судорожно сжало челюсти. Послышался треск, острые зубы крошили дерево и впивались в жестяную оковку лопасти. Макшеев толкал весло все дальше в пасть, но оно укорачивалось, потому что челюсти работали и выплевывали осколки дерева, окрашенные кровью.

Но вот Громеко, успевший привязать большой охотничий нож посредством ремешков от сапог к рукоятке второго весла, поднялся позади Макшеева и ударил этим импровизированным копьем в глаз чудовища. Последнее, обезумев от боли, рванулось в сторону, вырвало весло из рук Макшеева и исчезло в реке, показав на мгновение свою широкую, буро-зеленую спину с двойным рядом чешуй вдоль хребта и короткий толстый хвост, который ударил по воде с такой силой, что обоих охотников с ног до головы окатило струями и брызгами воды.

Лодка, отдернутая движением чудовища от берега, окончательно погрузилась в воду.

В это время Каштанов, спешивший на помощь, находился уже недалеко от места катастрофы; выплы-

вая из-за поворота, он увидел водяной смерч, поднятый чудовищем, но не понимал, что случилось. Мимо него, покачиваемое волнами, ныряя и всплывая, пронеслось сухое дерево; гребец принял его за крокодила и хотел ударить багром. Но в это время раздался крик Громеко, не желавшего терять добычу, стоившую таких усилий:

— Бревно, ловите бревно! Это наши дрова!

Каштанов подцепил дерево багром, взял его на буксир и подплыл наконец к стоявшим по пояс в воде товарищам.

После некоторой возни подняли лодку, вычерпали из нее воду и вместе с добычей вернулись к палатке, где Папочкин с остервенением отмахивался от комаров, а Генерал спасался от них, забравшись по уши в воду.

Быстро вытащили бревно на берег, нарубили дров, и вскоре весело затрещал костер; наваленные на него хвощи дали такой едкий дым, что комары обратились в бегство, а у сушившихся возле огня Макшеева и Громеко градом покатились слезы.

Выслушав их рассказ о нападении водяного чудовища, Каштанов заметил:

— Я думаю, что это был ящер, представитель семейства, вымершего к третичному периоду на поверхности нашей планеты.

— Ихтиозавр[1], что ли? — спросил Макшеев, помнивший кое-что из курса палеонтологии, пройденного на горном факультете.

— Нет, не он, судя по вашему рассказу. Ихтиозавр был гораздо больше, имел другую форму головы и жил раньше, в юрское время. Ваш приятель походит скорее на небольшого мелового крокодила.

— Да, с ихтиозавром вы бы так легко не справились,— заметил Папочкин,— а плезиозавр имел шею подлиннее вашего весла и живо подцепил бы вас прямо из воды, а не лез бы в лодку.

---

[1] Ихтиозавры — морские ящеры юрского и мелового периодов с признаками рыб и ящеров (отсюда и название); тело их рыбообразное, без шеи, голова вытянута в клювоподобное рыло, как у дельфина; длинный хвост оканчивается плавником, на спине тоже плавник; передние и задние конечности короткие, в виде плавников; тело покрыто голой кожей. Некоторые виды достигали восьми—девяти метров длины.

— Можно надеяться, что мы со временем встретимся и с этими огромными ящерами,— сказал Каштанов,— судя по тому, что, продвигаясь вниз по реке, мы встречаем представителей все более и более древней фауны. Сейчас мы уже очутились в середине или даже начале мелового периода.

— Да, как животный, так и растительный мир становится все более и более не похожим на то, что мы привыкли видеть на поверхности земли,— прибавил Громеко.— Перемена совершается постепенно, и мы сразу даже не отдаем себе отчета в ней. А если подумать, то вокруг нас все новое: исчезло множество лиственных деревьев, цветов, злаков, преобладают пальмы, осоковые и голосемянные, появились в изобилии тайнобрачные[1].

— Это подземное царство таит еще много неожиданного, и нам нужно быть более осторожными. Ни шагу без ружья с разрывной пулей!

— Я думаю, нам следует только немного отдохнуть, пока не сварится ужин, поесть и продолжать путь до более удобного места. На большой костер для защиты от хищников у нас не хватит дров,— заявил Громеко.

Все согласились с этим мнением. Вытащили пострадавшую лодку для просушки и починки, поужинали, поспали часа два вокруг дымокура и снова пустились в плавание, захватив с собой остатки дров. Еще часа два тянулась все та же непроницаемая чаща с каймой камышей и хвощей. В тихих местах рыба плескалась или выскакивала из воды, спасаясь от погони. Иногда можно было заметить, как вслед за выскочившей рыбой из воды на мгновение появлялась противная морда ящера с разинутой пастью, после чего водовороты и расходившиеся круги обнаруживали, что в водную пучину быстро погрузилось крупное тело. По временам беззаботно реявшие стрекозы разлетались во все стороны, прячась в листве и камышах от большой голубой птицы с огромным клювом, ко-

---

[1] Тайнобрачные растения не имеют настоящих цветов с тычинками и плодолистиками, а размножаются спорами. Они характерны для более древних периодов жизни Земли, начиная с девонского. Примеры тайнобрачных: папоротники, хвощи, плауны, мхи и настоящие грибы.

торая налетала откуда-то с сильным шумом и на лету хватала зазевавшееся насекомое.

Наконец зеленые стены начали раздвигаться, течение реки стало медленнее, и водная гладь расширялась все больше и больше — река превратилась в озеро, среди которого виднелись острова. Один из островов привлек к себе внимание путешественников. Только одна половина его была занята высокой чащей леса, а другая представляла довольно большую лужайку с несколькими, частью засохшими деревьями. К ней и поспешили причалить.

Эта луговая половина острова была покрыта низкой, но жесткой травой, которая при рассматривании оказалась особым видом плауна. Лужайка находилась в верхней половине острова, а ветерок тянул вниз по воде. В топливе не было недостатка; поэтому решили устроить вдоль опушки чащи несколько хороших дымокуров, чтобы выгнать с острова всех хищников и обеспечить себе покой.

Когда затрещали костры и клубы дыма потянулись в глубь чащи, из последней начали вылетать мелкие птицы и разные насекомые; некоторые из них падали на землю, и зоолог получил возможность набрать интересную коллекцию незнакомых видов. Затем на лужайку выбежало странное и страшное существо, очень напоминавшее дикобраза, но величиною с крупного быка,— его иглы имели около метра в длину.

Ощетинившись и превратившись в нечто вроде огромного колючего шара, животное пробежало мимо оторопевших людей и скрылось в камышах.

Вслед за ним короткими и высокими прыжками выскочило из чащи животное, облик которого напоминал хищника. Оно было темно-желтой масти с кошачьей головой, довольно длинным и толстым хвостом, короткими ногами и тупой мордой, оскалившей острые зубы. В общем оно было похоже на большую — почти в два метра длиной — речную выдру, отличаясь от нее только более заметными ушами и короткой гривой. Хотя оно не обнаруживало намерения нападать и прокрадывалось вдоль опушки к воде, но облик его так заинтересовал Каштанова, что он уложил хищника удачным выстрелом.

Зверь действительно оказался интересным: в его

пасти нельзя было различить ни плоских резцов, ни остробугорчатых коренных зубов, как у хищников позднейших времен. Все зубы были более или менее острые, конические, как у пресмыкающихся. Только передние, заменявшие резцы, были немного меньше других и несколько сдавлены, сидевшие по бокам челюсти — несколько больше, а клыки превышали все остальные по величине и выдавались над ними в обеих челюстях, особенно в верхней.

— Вот интересный пример первобытного млекопитающего, имеющего еще зубы ящера, но уже с началом той дифференцировки, которая развилась в позднейшие периоды,— сказал геолог.

Из чащи больше никто не появлялся, так что путешественники могли наконец отдаться давно заслуженному отдыху, конечно, под охраной очередного караульного, поддерживавшего дымокуры, спасавшие от жалящих насекомых. Благодаря этому спали спокойно.

На следующий день продолжалась местность того же характера, как и накануне под вечер. Река окончательно превратилась в озеро с множеством островов, течения почти не было заметно, и все время приходилось работать веслами. Над водой и лесом реяли цветные стрекозы и огромные рогатые жуки, достигавшие тридцати сантиметров в длину; пролетали бабочки, каждое крыло которых могло покрыть руку человека. По временам появлялись странные мелкие и крупные птицы синевато-серого цвета, немного напоминавшие цаплю, только с более короткими ногами, длинным хвостом и коротким клювом, в котором можно было различить мелкие зубы.

Одну птичку удалось подстрелить на лету, и Каштанов демонстрировал своим спутникам это странное пернатое, представлявшее переходную форму между ящерами и птицами. Оно имело размеры журавля и было покрыто сине-серыми перьями; его длинный хвост состоял не только из перьев, как у птиц, но также и из многочисленных позвонков, то есть имел строение хвоста пресмыкающихся, а перья росли по обеим сторонам этого хвоста. На крыльях имелось по три длинных пальца с такими же когтями, как и на ногах, так что эта птица могла лазить по деревьям и по скалам, хватаясь за них и передними конечностя-

ми. Рассмотрение животного привело Каштанова к выводу, что оно принадлежало к роду археоптериксов, но отличалось от экземпляров, найденных в верхнеюрских отложениях Европы, значительно большей величиной.

К концу дня берег сделался совсем низменным и на значительных протяжениях представлял болото, заросшее хвощами и папоротниками, над которыми кое-где возвышались группы странных деревьев, приспособленных к существованию в воде. Эти заросли давали приют различным жалящим насекомым, которые с яростью нападали на путешественников при каждой попытке последних причалить к зеленой стене ради коллекционирования, а затем некоторое время преследовали их по воде. Комары длиной в двадцать пять миллиметров, лопухи величиной со шмеля, оводы и слепни длиной свыше четырех сантиметров состязались в атаках на людей, которые вынуждены были позорно отступать и начали уже тревожиться при мысли о близком ночлеге среди полчищ этих крылатых мучителей.

Несколько часов плыли по этой болотистой местности, налегая дружно на весла, чтобы скорее из нее выбраться. Животный мир здесь, по-видимому, ограничивался насекомыми, первобытными птицами в воздухе, рыбами и ящерами, таившимися в темной и глубокой воде и выдававшими свое присутствие всплесками и водоворотами. Существование четвероногих наземных животных в болотистых зарослях, по-видимому, было невозможно.

— И какое наземное животное могло бы выдержать укусы этого страшного гнуса? — сказал Громеко, употребляя сибирское выражение для обозначения жалящих кровопийц.

Но вот с юга пахнуло свежестью, и по временам можно было различить какой-то равномерный шум, доносившийся оттуда.

— Впереди большое открытое озеро с голыми берегами или море,— сказал Макшеев. Он первый уловил этот шум.

— Море? — удивился Папочкин.— Неужели в Плутонии имеется даже море?

— Если есть реки, в чем мы не можем сомневаться, они должны впадать в конце концов в какой-ни-

будь бассейн со стоячей водой. Не могут же реки течь бесконечно.

— А разве реки не могут теряться в болотистых озерах, подобных тому, по которому мы едем, или иссякать в песках?

— Совершенно верно! Но при обилии воды вероятнее существование открытого бассейна, тогда как полузаросшее озеро, по которому мы плывем, составляет только его преддверие.

МОРЕ ЯЩЕРОВ

Всех интересовал вопрос, какие размеры имеет этот бассейн, не поставит ли он предел их путешествию в глубь Плутонии, потому что пускаться на парусиновых лодках в безбрежное море было бы невозможно.

Через час впереди, в конце широкой полосы реки-озера с почти незаметным течением, показалась синяя кайма. Устье реки было близко. Налегли сильнее на весла и еще через полчаса подплыли к началу озера или моря.

Растительность, окаймлявшая берега реки, не доходила до самого берега моря, а была отделена от воды широкой оголенной полосой песка. Очевидно, прибой волн не давал ей возможности укрепиться у самой воды.

На этом песчаном пляже, обвеваемом морским ветерком и свободном от докучливых насекомых, путешественники расположились на ночлег.

Выгрузив на берег вещи и разложив костер, все побежали к морю, чтобы убедиться, какая в нем вода. Они хотели узнать, является ли море конечным замкнутым бассейном с соленой водой или только большим проточным озером. Кроме того, всем хотелось купаться, потому что за последние дни, с тех пор как убедились в существовании крупных ящеров в водах реки, от купанья пришлось отказаться.

Быстро раздевшись на мягком песчаном берегу, все вошли в мелкую воду, глубина которой увеличивалась очень медленно и только шагах в пятидесяти от берега вода достигала пояса. Она оказалась заметно соленой, но не в такой степени, как в океанах по-

верхности земли: ее можно было сравнить с водой Балтийского моря.

Освежившись купаньем, путешественники стали обсуждать вопрос о дальнейшем плавании. Море оказалось не безбрежным: на южной стороне горизонта можно было различить противоположный берег даже простым глазом, а хороший бинокль показывал совершенно отчетливо зеленую стену зарослей, более высокие группы деревьев, местами же темные, лиловатые массы — вероятно, скалы и обрывы. Позади зеленой стены благодаря вогнутости земной поверхности также можно было видеть, но уже менее ясно, сплошную поверхность того же лиловатого цвета и кое-где группы более высоких гор. Такой характер местности возбудил во всех исследователях желание перебраться на южный берег. Это не было невозможным; до него не могло быть больше сорока—пятидесяти километров, и в тихий день, с легким попутным ветром, позволявшим воспользоваться парусом, можно было бы без особенного риска пуститься в плавание.

Ввиду неудачной охоты последних дней в поясе болот и озер запас мяса иссяк, и на ужин варилась только каша. Но Макшеев и Папочкин предприняли рыбную ловлю; во время купанья они заметили крупную рыбу, поэтому захватили удочки и отправились вверх по берегу реки к тому месту, где она выходила из зарослей и вода была глубже. Довольно долго поплавки оставались спокойными, и рыболовы уже думали переменить место, как вдруг рыба стала сразу сильно клевать.

Макшеев подсек и выбросил на берег крупную рыбу, но у Папочкина добыча оказалась настолько тяжелой, что могла оборвать лесу, поэтому он начал подводить попавшуюся рыбу к берегу, чтобы подцепить ее сачком. И вдруг вода вздулась пузырем, удочку рвануло, и какая-то темная масса унесла пойманную рыбу вместе с крючком; рыболов успел рассмотреть только спину, покрытую крупной чешуей, и короткий хвост.

Макшеев, занятый сниманием своей рыбы с крючка, услыша сильный всплеск воды, закричал:

— Ну и рыбина попалась вам, Семен Семенович,— должно быть, килограммов в восемь весом!

— Не в восемь, а в восемьсот! — ответил пораженный ужасом зоолог.— Она оборвала мою удочку и ушла.

Макшеев подбежал к нему и принес показать свою рыбу. Это было очень странное животное — широкое и плоское, как камбала, покрытое грубой чешуей, состоявшей из пластинок в квадратный сантиметр, с однолопастным хвостом, глазами на одной стороне тела и длинными шипами вдоль спины.

— Можно ли есть такое чудовище? — спросил он с сомнением.

— Конечно, можно, оно похоже на камбалу, хотя и имеет отличия от нее. Я думаю, что это скат. Вообще можно есть всякую свежую рыбу, потому что ядовитыми бывают только у некоторых родов икра, молоки или черная пленка, выстилающая брюшную полость. Если удалить все внутренности, можно есть рыбу и незнакомого вида — разве что мясо ее окажется вонючим или слишком костистым.

— В таком случае попробуем и половим еще. А какой вид имела ваша удравшая рыбина?

— Я думаю, что это была не рыба, а крупный ящер, который оборвал пойманную рыбу и проглотил ее вместе с крючком и куском лесы.

— Эге, видно, и здесь водятся эти хищники! А мы так беззаботно купались в море.

— Да, нужно быть осторожнее. Ведь в морях юрских времен — а это море, по-видимому, перед нами — водились огромные ихтиозавры, плезиозавры и другие хищные ящеры, которым ничего не стоило бы перекусить человека пополам.

— А акулы в те времена еще не существовали?

— Тоже были. Эти хищники известны чуть не с девонского периода и достигали огромной величины. Найдены зубы их длиной в семьдесят сантиметров. Представьте себе пасть, соответствующую таким зубам!

Рыболовы опять закинули удочки и вскоре поймали крупных рыб, похожих на современную стерлядь. Пойманные рыбы были тотчас же вычищены и попали в уху. Пока она варилась, рыболовы наловили еще десяток таких же обитателей глубин.

После ужина все сидели возле палатки, покуривая трубки и обсуждая предстоящее плавание по морю,

которое тихо плескалось на песке, усыпанном раковинами моллюсков, возбудивших большой интерес геолога.

Пока товарищи ловили рыбу, он набрал целую коллекцию моллюсков и определил, что они относятся к аммонитам[1].

— Смотрите,— прервал беседу возглас Громеко,— какие огромные морские змеи!

На расстоянии около ста метров от берега над поверхностью моря поднялась одна, а затем другая голова, сидевшие на длинной шее; головы были плоские, как у змеи, а шеи грациозно извивались. Казалось, что плывут два огромных черных лебедя, туловища которых чуть поднимались над водой.

— Это не змеи,— сказал Каштанов, разглядывая животных в бинокль.— Я уверен, что это не что иное, как плезиозавры[2], присутствие которых в верхнеюрском море вполне возможно.

— Какие чудовища! — заметил Папочкин, также следивший в бинокль за движениями животных.— Я думаю, что шея у них имеет не меньше двух метров в длину.

— А к нам в гости они не пожалуют? — спросил Громеко, который помнил еще приключение в лодке с ящером.

— Кто знает! Но я думаю, что на суше они очень неповоротливы, и мы сумеем уйти от них. На всякий случай зарядим ружья разрывными пулями.

Но морские чудовища не обнаруживали желания вылезать на сушу; они начали нырять, преследуя рыбу. Тихо плывя вдоль берега, они высматривали добычу впереди себя, затем быстрым движением шеи и головы схватывали ее, подбрасывали в воздухе и подхватывали уже с головы, чтобы глотать не против шипов и чешуй, а по ним. Движения плезиозавров при

---

[1] Аммониты — отряд вымерших головоногих моллюсков с многокамерной, спирально свернутой раковиной. Моллюск занимал только переднюю камеру, подобно современному наутилусу. Особенно много родов и видов аммонитов было в триасовый, юрский и меловой периоды.

[2] Плезиозавры — морские ящеры юрского и мелового периодов с массивным телом, покрытым голой кожей, длинной лебединой шеей, маленькой головой и двумя парами ластообразных конечностей; достигали трех—пяти метров в длину.

этом были очень быстры и грациозны. Но иногда намеченная жертва ускользала, и тогда животное в погоне за ней почти выскакивало из воды, с шумом рассекая волны и вытягивая шею далеко вперед.

Эта рыбная ловля плезиозавров, за которой путешественники следили с большим интересом, кончилась дракой. Оба плезиозавра одновременно схватили одну и ту же рыбу, вероятно достаточно крупную, и каждый старался вырвать ее из пасти другого.

Одному это удалось, и он пустился наутек, второй преследовал его, догнал и обнял своей шеей шею противника, чтобы заставить его выпустить рыбу. Спутавшиеся шеи извивались то в ту, то в другую сторону, темные тела напирали друг на друга, короткие хвосты и ласты-плавники бешено били по воде, разбрызгивая ее фонтанами. Наконец один плезиозавр, рассвирепев, выпустил рыбу, вонзил зубы в шею соперника и повлек его в глубину. Вода долго еще волновалась над тем местом, где скрылись чудовища.

Через час Громеко и Каштанов, собиравшие по берегу выброшенные волнами куски деревьев для ночного костра, увидели темную массу, качавшуюся на волнах. Ее несло вдоль берега, постепенно приближая; наконец она остановилась, вероятно попав на мель.

Возвратившись с дровами к палатке и застав двух товарищей уже спящими, они отвязали одну из лодок и поплыли к темной массе. Оказалось, что это один из плезиозавров, на трупе которого уже сидели какие-то крупные птицы и клевали его; другие, поменьше, кружились в воздухе над ними, очевидно ожидая своей очереди, чтобы поживиться, и издавая звуки, напоминавшие кваканье огромных лягушек. Движения их при полете напоминали летучих мышей.

Пришлось разогнать стаю несколькими выстрелами, чтобы приблизиться к трупу, голова которого с верхней частью шеи держалась только на лоскутах кожи, изорванной зубами соперника. Мертвое животное плыло брюхом вверх, выставив из воды свои огромные ласты-плавники. Брюхо было покрыто голой кожей буро-зеленоватого цвета.

Вытащить плезиозавра на берег не было возможности: его туловище имело более двух метров в длину, хвост немного меньше, а шея больше; задние ласты достигали почти полутора метров.

Подстреленные птицы оказались летающими ящерами двух родов: более крупные (птеродактили[1]) по величине превышали орла, мелкие достигали размеров крупной утки.

Те и другие имели огромную голову с зубастым клювом, голое туловище и летательную перепонку, соединявшую передние и задние конечности, как у летучей мыши. Мелкая порода обладала длинным хвостом.

ПЕРЕЕЗД ЧЕРЕЗ МОРЕ

На следующий день погода оказалась вполне благоприятной для плавания по морю. Небо было почти безоблачно, дул слабый северный ветер, позволявший применить парус, но не разводивший большой волны. Готовясь в путь, тщательно осмотрели лодки и плот и растянули палатку между двумя баграми, служившими вместо мачт. На пирамиде из плавника, сооруженной Макшеевым на берегу, поставили еще жердь с белым флагом, который должен был служить сигналом для обратного пути. Несколько дальше от берега, у самого края зарослей, куда прибой мог достигать только в исключительных случаях, в песке вырыли яму и спрятали в ней собранные коллекции — горные породы, гербарии, черепа, кости и шкуры животных, чтобы не рисковать подмочить их при плавании и не везти лишнюю тяжесть. Над засыпанной ямой устроили вторую пирамиду из плавника, чтобы какие-либо хищники не могли разрыть ее, привлекаемые запахом шкур. В бутылочке подвесили к пирамиде краткое описание пути экспедиции от юрты до берега моря.

Покончив с этими работами, путешественники уселись в лодки и пустились в путь, держа курс прямо на юг, к чуть видневшемуся вдали противоположному

---

[1] Птеродактили, или летающие ящеры,— вымершие пресмыкающиеся юрского и мелового периодов. Имели большие челюсти с коническими зубами, длинную шею, некоторые — длинный хвост. Передние и задние конечности соединялись перепонкой, так что эти ящеры могли летать подобно летучим мышам. Птеродактили были разной величины: от размера мыши до огромных — в метр длины и шесть метров в размахе крыльев.

берегу. Когда лодки и плот несколько отдалились от берега, ветер надул парус, и движение сделалось более быстрым.

Отплыв от северного берега моря, путешественники лучше могли судить о его общем характере. В обе стороны, на восток и на запад от устья реки Макшеева, берег был окаймлен той же высокой зеленой стеной, разорванной в немногих местах устьями подобных же рек. Пирамида с флагом хорошо выделялась на зеленом фоне. Ни гор, ни даже холмов позади полосы зарослей не было видно, и, очевидно, местность, прилегавшая к этому берегу моря, на значительное расстояние представляла низменную равнину, вероятно сплошь лесистую и болотистую.

После двухчасового плавания сделали отдых, предоставив плоту плыть только под парусами.

Море было почти спокойно. Легкий ветерок чуть рябил его поверхность, совершенно пустынную вдали от берегов. Глубина была велика, так как шнурок с грузом, длиной в сто метров, не достал дна. Других средств измерения у путешественников не было. Отдохнув, они взялись опять за весла и гребли еще час.

Теперь они находились приблизительно на середине моря, потому что оба берега казались одинаково далекими. Вскоре ветер немного посвежел. Поплыли быстрее. Уже хорошо различались высокие утесы черного, лиловатого и красноватого цвета, поднимавшиеся уступами в глубь страны. Они тянулись вдоль самого берега, а правее уступали место зеленой стене леса; эта стена еще дальше вправо сменялась высокими красноватыми холмами, то доходившими до самой воды, то отделенными от нее узкой полосой зелени.

По мере приближения к берегу море начало оживляться: появились огромные медузы, до метра в диаметре, покачивавшие свои прозрачные студенистые тела на волокнах; когда переставали грести, в воде можно было различить стаи мелких и крупных рыб. По временам показывались наутилусы, распустившие свои паруса и красные щупальца поверх белоснежной раковины.

В двух километрах от берега количество обитателей моря сделалось еще больше. Местами водоросли образовывали целые плавучие острова, и весла погружались с трудом в их зеленую мягкую массу; вместе со

стеблями этих растений можно было добывать из моря мелкие ракушки, рыбок и насекомых.

Бросили свой импровизированный лот; глубина оказалась двадцать пять метров. Отсюда уже хорошо видна была белая полоса прибоя у подножия утесов.

До сих пор плавание шло как нельзя лучше и походило на увеселительную прогулку. Но путешественникам суждено было испытать и тревожные моменты. Примерно в километре от берега из воды быстро поднялась на расстоянии каких-нибудь тридцати метров от плота голова плезиозавра и, грациозно покачиваясь на длинной шее, стала подвигаться навстречу. Ящер плыл медленно, разглядывая людей, которых вместе с их лодками и плотом, очевидно, принял за какого-то большого невиданного зверя.

Ружья с разрывными пулями были наготове, и, когда плезиозавр приблизился, грянули два выстрела. Обе пули попали в цель; стройная шея содрогнулась, кровь хлынула из полуоткрытой пасти, голова беспомощно повисла на раздробленной шее, и животное начало биться на воде, поднимая такие волны, что мореплавателям пришлось поскорее отплыть подальше, чтобы их не затопило.

Они усиленно гребли к берегу, когда мимо них, вздымая две гряды волн, словно подводная лодка, промчалась темная масса; из воды выдавалась зеленобурая спина и длинная огромная голова, напоминавшая голову крокодила. Полуоткрыв пасть, усаженную острыми зубами, чудовище стремилось к умиравшему плезиозавру, рассчитывая на легкую поживу.

— Это, вероятно, ихтиозавр! — воскликнул Каштанов, провожая глазами страшного ящера.

— Ну, эта гадина будет похуже той,— заметил Макшеев,— он свободно может схватить и перекусить пополам человека.

— И его трудно заметить и пристрелить в воде,— сказал Громеко.

Берег был уже недалеко; подплывая к нему, исследователи имели еще возможность видеть, как молодой ихтиозавр охотился за рыбой, которая спасалась от него, выскакивая из воды, совершенно так же, как выскакивают пескари, гольяны, язи, преследуемые прожорливой щукой; пасть ихтиозавра имела большое сходство с пастью щуки.

Отклоняясь от бурунов у подножия обнаженных скал, путешественники гребли к низкому берегу, окаймленному зеленой стеной, где виднелась ровная песчаная площадка, удобная для стоянки. Но море у берега было настолько мелкое, что пришлось вылезть из воды и тащить руками лодки и плот. Переезд через море занял около шести часов, время было близко к полудню, и после обеда и отдыха можно было еще побродить по окрестностям. Плот и лодки вытащили на берег, расставили палатку и стали варить обед. При этом обнаружили, что пресная вода на исходе.

— Мы поступили очень неосторожно,— сказал Папочкин.— Кто знает, есть ли на этом берегу пресная вода? Нужно было взять с собой воды на несколько дней.

— Если мы воды не найдем, придется плыть обратно через море, почти ничего не увидев на этом берегу,— заявил Громеко.

— Я думаю, что ваши опасения напрасны,— успокоил Каштанов.— Если бы этот берег был совершенно лишен растительности, тогда другое дело. Но тогда бы мы, конечно, привезли с собой пресную воду, на эту мысль навел бы нас его пустынный характер.

— Я уверен, что мы по соседству найдем или ручей, или источник,— сказал Макшеев,— потому что эта пышная растительность не может существовать на соленой воде.

После обеда и отдыха зоолог и ботаник отправились в лес за водой, а Каштанов и Макшеев должны были заняться осмотром береговых утесов к востоку от стоянки.

Все вооружились ружьями, заряженными разрывными пулями, на случай встречи с сухопутными ящерами или какими-нибудь другими хищниками. Генерала привязали у палатки, а в стороне разложили большой костер, который должен был пугать незваных гостей.

МИЛЛИОНЫ И МИЛЛИАРДЫ МАКШЕЕВА

Ближайшие утесы почти черного света с красными и желтыми пятнами и подтеками на поверхности оказались состоящими из железной руды — сплошного

магнитного железняка. Каждый удар молотка по скале обнаруживал эту руду, и только местами можно было заметить гнезда и вкрапления какой-то другой темной породы.

— Какие богатства лежат здесь бесполезно! — воскликнул Макшеев, когда они осмотрели ряд береговых утесов и везде оказалась руда, с поверхности только немного выветрившаяся и окислившаяся.

— Да, здесь можно было бы устроить рудник, который снабжал бы рудой все человечество на земной поверхности,— заметил Каштанов.— Конечно, раньше пришлось бы построить железную дорогу через Плутонию и Землю Нансена и поставить гигантские ледоколы в море Бофора.

— Это — дело будущего, вероятно не слишком далекого! Когда сократятся запасы железной руды там наверху, и не такие предприятия окажутся выгодными и необходимыми для человечества.

На расстоянии километра от начала утесов дальнейший осмотр берега был остановлен морем, волны которого разбивались у самого подножия отвесных скал, не оставляя даже узкой тропинки для прохода.

— Придется осматривать дальше с лодки в тихую погоду,— заметил Макшеев.

— А пока не попробуем ли мы пробраться вверх по одному из ущелий, мимо которых прошли? — предложил Каштанов.

Вернувшись немного назад, оба исследователя углубились в первое же ущелье, врезанное в утесы железняка. Устье его было завалено громадными глыбами руды, через которые приходилось перелезать с большим трудом.

Во время этого гимнастического упражнения Макшеев вдруг остановился пораженный.

— Посмотрите-ка, что это? — воскликнул он, указывая на блестящую ярко-желтую жилку толщиной в пять—десять сантиметров, пересекавшую огромную глыбу магнитного железняка.— Держу пари на что угодно, что это чистое золото!

— Вы совершенно правы,— ответил Каштанов,— это самородное золото и довольно высокой пробы!

— Ну и богатства здесь валяются! — воскликнул бывший золотоискатель.— Много месторождений золота пришлось мне видеть в Калифорнии и на Аля-

ске, но такой жилы сплошного золота я еще не встречал и даже не слыхивал о чем-либо подобном.

— Мне также не приходилось читать в описаниях о подобных жилах,— подтвердил Каштанов.— Но ведь она проходит только в глыбе, а не в скале, и богатство ее в конце концов ограничивается несколькими десятками килограммов.

— Если есть жила в глыбе, почему не может найтись ее продолжение в утесе, от которого глыба оторвалась?

— Разумеется! Мы, конечно, поищем, но возможно, что она выходит наружу в совершенно неприступном утесе, и мы будем смотреть на нее, как лисица на виноград: «Хоть видит око, да зуб неймет!»

— Нет утесов, не доступных для динамита и горных работ! — с увлечением вскричал Макшеев.— Лишь бы найти ее!

— Я думаю, что интерес этой находки будет для нас чисто теоретический. Мы не можем увезти с собой на наших ладьях не только тонну, но даже и сотню килограммов золота.

— Ну так что же! Увезем сколько можно, а затем снарядим специальную экспедицию в недра земли за золотом.

Осмотрев утесы, возвышавшиеся в устье ущелья над грудой глыб, и убедившись, что в них золота не видно, геологи пошли вверх по ущелью, которое далее немного расширялось. Его бока поднимались отвесно, дно было усыпано щебнем и мелкими обломками. В боках виден был только магнитный железняк, но среди щебня Каштанов заметил и другие породы.

— Вот вам еще золото! — сказал Макшеев, пройдя вверх по ущелью шагов пятьдесят. Он поднял обломок руды, в который золото было вкраплено мелкими точками.

Шагах в двухстах от устья дно ущелья начало подниматься вверх, а затем превратилось в ряд уступов. Преодолев первые из них, геологи остановились перед совершенно отвесной скалой вышиной в четыре метра, преградившей им путь, так как на гладкую стену железняка вскарабкаться не было никакой возможности.

Макшеев с огорченным видом стукнул молотком по отвесной стене и воскликнул:

— Дальше ходу нет, и наши надежды на золотую жилу рухнули!

— Да, придется искать другое ущелье.

— Ну, что это?..— рассердился Макшеев.— Вместо того чтобы дать нам золото, утес хочет отнять у меня единственный молоток!

Этот возглас объяснялся тем, что молоток словно прилип к стене, и золотоискатель напрасно старался оторвать его.

В это время Каштанов, который рассматривал породу возле уступа, повернулся к ней спиной, на которой висело ружье, и почувствовал, что какая-то могучая сила притянула его к себе. Ружье брякнулось о стену, и геолог оказался не в силах от нее оторваться.

— И сильна же магнитность этой руды! — воскликнул он, сообразив, в чем дело.— Это магнитный железняк притянул к себе и ваш молоток и мое ружье!

— Но как же мы освободим их? Не оставлять же такие необходимые вещи тут на вечную память о нашей неудачной экскурсии!

Каштанов вылез из ремня, а ружье осталось плотно приставшим к стене. В это время Макшеев, взявшись обеими руками за молоток, дернул его изо всех сил и оторвал от стены. Затем оба взялись за ружье и соединенными силами отделили и его от утеса.

— Делать нечего, идем назад! — предложил Каштанов.— С железными предметами в руках мы только измучимся.

— Постойте, я придумал средство взобраться выше. Ружья мы оставим здесь: в этом голом ущелье никакого зверя быть не может.

— Ну и потом?

— А вот, смотрите!..

Макшеев набрал среди щебня на дне ущелья угловатые, достаточно крупные куски руды и начал их приставлять ровной стороной к отвесной стене уступа; они тотчас же прилипали и держались крепко. Прилипшие куски образовали лестницу, по которой с некоторым риском можно было залезть наверх.

— Удивляюсь вашей находчивости,— сказал Каштанов.— Вы настоящий золотоискатель, который выходит с честью из любого затруднительного положения!

— Благодарю за комплимент! На эту идею меня навел мой молоток. Когда он торчал у стены рукояткой ко мне, а я давил на него рукой и не мог сдвинуть с места, у меня и явилась мысль — вот тебе ступенька лестницы; остальное понятно.

Оставив ружья, патронташи и сумку с собранными образцами руды на дне ущелья, геологи полезли наверх. Впереди лез Макшеев и продолжал лестницу из кусков, которые подавал ему снизу товарищ. Через пять минут оба были наверху.

Ущелье сохраняло тот же характер: отвесные стены справа и слева, ряд уступов на дне и везде сплошная, более или менее магнитная руда. Вскарабкавшись еще шагов на двести, геологи увидели на дне ущелья глыбу величиной с бычачью голову, ярко-желтого цвета,— это было сплошное золото.

— Ну-ка, золотоискатель,— унесите-ка этот кусочек к нам в лагерь! — засмеялся Каштанов.

— Да, почтенная штучка,— ответил Макшеев, толкая ногой глыбу, которая и не шевельнулась.— Я думаю, эта штучка весит килограммов восемьдесят и стоит около ста тысяч рублей! Очевидно, золотая жила близко.

Подняв головы вверх, оба начали внимательно осматривать отвесные бока ущелья и вскоре справа, на высоте около четырех метров, увидели среди темного магнитного железняка желтую жилу золота, шедшую наискось; она то раздувалась до полуметра, то сжималась, давая отпрыски вверх и вниз.

— Миллионы, миллионы перед нами! — вздохнул Макшеев, окинув взором видимую длину жилы.— Здесь десятки тонн золота прямо на виду!

— Вы слишком увлекаетесь золотом,— заметил Каштанов.— Пусть эта жила стоит десятки миллионов, но ведь это только жила! А ее окружает целая гора ценной железной руды, миллиарды тонн, которые стоят миллиарды рублей!

— Но весьма вероятно, что и жила не одна; возможно, что целые участки горы состоят из золота, и тогда его запасы будут стоить тоже миллиарды рублей.

— Если бы мы стали добывать такие массы золота, его рыночная цена быстро бы упала. Оно потому так дорого, что его в природе мало. А значение золота в жизни человечества гораздо меньше, чем значение

железа, без которого современная техника не может обходиться. Уничтожьте золотую монету и бесполезные золотые украшения, и спрос на золото окажется очень небольшим.

— Вы увлекаетесь ролью железа,— возразил Макшеев.— Если бы золота было много, оно заменило бы многие металлы, особенно в сплавах с медью, цинком, оловом. Техника предъявляет большой спрос на прочные, неокисляющиеся металлы и сплавы. Из дешевого золота делали бы бронзу, проволоку и многое, на что теперь поневоле берут медь и ее сплавы.

— Все-таки здесь бесспорно громадные запасы железа и проблематические, сравнительно небольшие запасы золота.

— Ну хорошо, вы берете себе запасы железа, а мне предоставьте золото, когда мы вернемся сюда, чтобы разрабатывать их! — засмеялся Макшеев.

— Могу предоставить вам и железную руду, пусть эти миллионы или миллиарды будут вашей добычей! — ответил такой же шуткой Каштанов.

Вернувшись к берегу моря, исследователи осмотрели еще несколько подобных же ущелий. Везде стены состояли из железной руды, местами с прожилками и гнездами золота. Но толстой жилы, подобной найденной в первом ущелье, больше не встречали, так что Макшеев вынужден был признать, что богатства, представленные железной рудой, несравненно больше, чем те, которые давало золото. Тяжело нагруженные образцами миллионной и миллиардной руды, геологи пришли наконец к палатке, где поразили своим рассказом товарищей, вернувшихся немного раньше.

ЛЕС ХВОЩЕЙ

Песчано-галечный пляж моря был ограничен со стороны суши густой растительностью; друг возле друга стояли огромные хвощи, достигавшие восьми—десяти метров в вышину. Зеленые ветви их начинались на небольшой высоте над землей, так что под ними можно было пробираться только ползком или сильно согнувшись. Между хвощами росли древовидные папоротники разных видов. В общем получалась чаща, почти непроходимая для человека.

Папочкин и Громеко начали искать тропу или естественный разрыв в чаще и наконец нашли узкое сухое русло, пролегавшее по границе между утесом и лесом. Недалеко от моря русло раздвоилось: левая ветвь продолжала идти между утесами и лесом, правая уходила в глубь чащи. Растительность здесь немного изменилась: кроме хвощей и папоротников, попадались саговые и другие пальмы, которые поднимались на несколько метров выше хвощей. Почва в лесу была покрыта мелкой травой, жесткой, как щетина. Вдоль русла, на краю лесной чащи, теснились и другие растения. Громеко то и дело произносил названия и приходил все больше и больше в азарт.

— Знаете ли,— воскликнул он наконец,— в каком геологическом периоде мы сейчас находимся?

— Уж не в каменноугольном ли? — буркнул зоолог, который не имел пока еще никакой научной добычи в лесу и только переколол себе руки о колючую траву.

— Эка куда хватили! Разве ихтио- и плезиозавры водились в каменноугольное время? Благодаря общению с геологами мы уже просветились на этот счет. Нет, батенька, мы сейчас в юрском периоде. Смотрите, вот типичный для него папоротник, вот стройное деревце гингко, а эта жесткая трава найдена впервые в юрских отложениях Иркутской губернии на берегу реки Ангары и названа именем геолога Чекановского, открывшего ее.

— Ну и прелесть, стоило ей давать его имя! Она хуже нашей крапивы, и ею может питаться разве какой-нибудь ящер с луженой глоткой...

— Легок на помине! — прервал Громеко своего сердитого спутника.— Взгляните-ка на этот маленький следок — это уже скорее по вашей части.

Он остановился среди русла, указывая пальцем на почву. На мелком песке виднелись глубоко вдавленные следы огромных лап с тремя пальцами, оканчивавшимися тупыми когтями; каждый след имел более тридцати сантиметров в длину.

— Ну и чудовище же здесь прошло! — с легкой дрожью в голосе воскликнул зоолог.— Это, конечно, ящер! Но интересно бы знать — травоядный или хищник? В последнем случае встреча с ним будет не особенно приятна.

Папочкин внимательно рассматривал следы, видневшиеся на песке и исчезавшие там, где песок сменялся галькой.

— Странно, что все следы имеют одинаковые размеры,— сказал Громеко.— Передние лапы всегда бывают меньше задних, насколько я знаю. А что это за полоса в промежутке между следами правых и левых ног? Можно подумать, что животное тащило за собой огромное бревно.

Папочкин рассмеялся:

— Это след, оставленный хвостом ящера. И сопоставляя его размеры с одинаковой величиной оттисков ступней, я полагаю, что животное гуляло только на задних ногах, опираясь на хвост.

— Разве подобные двуногие ящеры известны?

— Известны, и именно из юрского периода. Например, игуанодон, походивший на огромного кенгуру и имевший огромные задние и маленькие передние ноги.

— А чем же он питался?

— Растениями, судя по форме его зубов. Если эти следы действительно принадлежат игуанодону, нам бояться нечего, хотя это чудовище достигало в юрское время от пяти до десяти метров в длину.

— Ну и прекрасно! — вздохнул ботаник.— Я все еще помню того отвратительного ящера, который собирался поужинать мною или Макшеевым на реке.

От разветвления русла путешественники решили идти по правой ветви, тянувшейся к подножию утеса, где скорее можно было встретить источник воды, составлявший главную цель экскурсии. Действительно, вверх по этой ветви почва становилась все более и более влажной, а мелкая растительность вдоль нее все более пышной и разнообразной.

Вскоре впереди между стеблями растений в русле заблестела вода.

— Мы спасены! — воскликнул Папочкин.— Источник недалеко от нашей стоянки.

— А может быть, вода соленая? — поддразнил его Громеко.

— Попробуйте! По виду она пресная.

— Как же вы различаете по виду пресную и соленую воду? Я что-то не умею.

— Вы — ботаник, а не знаете, какие растения бывают вокруг соленой воды!

— Во-первых, здесь юрский период, а какие растения произрастали вокруг юрской соленой воды, мы еще не знаем. Во-вторых, вы сказали, что различаете воду по ее виду, а не по виду окружающих растений.

— Я не так выразился, нужно было сказать: по виду русла. Если бы в источнике была соленая вода, все русло было бы покрыто отложениями разных солей.

Обмениваясь этими замечаниями, Папочкин и Громеко быстро шли вверх по руслу, которое вскоре врезалось узкой щелью в высокие утесы и содержало здесь маленький ручеек пресной воды, постепенно исчезавший в песке. На последнем в изобилии виднелись большие и малые следы ящеров, приходивших на водопой.

— Сколько их тут ходит! — воскликнул Громеко.— Того и гляди наткнемся на этакое двуногое чудовище.

Утолив жажду, охотники осторожно, приготовив на всякий случай ружья, пошли дальше по ущелью вдоль ручейка. Оно быстро расширялось и превратилось в котловину, окаймленную почти отвесными темно-красными скалами, красиво оттенявшими зелень кустов и деревьев, росших вдоль их подножия. Среди зеленой лужайки на дне котловины блестело маленькое озеро, на дне которого — очевидно, из почвы — выходили ключи. К озеру через лужайку шла широкая, хорошо протоптанная тропа. Дно еле виднелось через прозрачную воду.

Набрав воды в принесенные с собой жестяные сосуды, охотники решили спрятаться в кустах котловины, чтобы выждать, не явится ли какое-нибудь животное на водопой. Но минуты проходили за минутами, а никто не появлялся. Только в воздухе над котловиной реяло несколько стрекоз, еще более крупных, чем те, которые оживляли реку Макшеева. Папочкин следил за ними и вдруг схватился за ружье.

— Что вы, уж не в стрекоз ли хотите стрелять разрывной пулей? — рассмеялся Громеко.

— Тише, смотрите туда, на скалу! — прошептал зоолог, указывая на утесы, возвышавшиеся над входом в котловину.

На небольшой площадке стоял на задних лапах, подпираясь длинным и толстым хвостом, небольшой ящер, очень похожий на кенгуру; но только он был темно-зеленого цвета с бурыми пятнами, а голова его

напоминала голову тапира с нависшей хоботообразной верхней губой.

— Вероятно, игуанодон! — прошептал Папочкин.

— Жаль, что не кенгуру,— заметил ботаник.— Кенгуру мы бы скушали на ужин, а ящера есть, пожалуй, не решимся.

— Милый мой, не забывайте, что мы в юрском периоде и птиц или млекопитающих не найдем для продовольствия. Если мы не хотим умереть от голода, нам придется перейти на мясо ящера. Несмотря на ваши ботанические восторги, вы пока еще не нашли съедобных корней, плодов или трав. Не жевать же нам хвощи или эту поганую чекановскую траву!

— А рыба? Ведь в море рыба водится.

— Почему вы не боитесь есть рыбу, а боитесь питаться мясом травоядного ящера? Это все предрассудки, которые приходится забыть в этом подземном царстве.

Грянул выстрел. Животное сделало прыжок и тяжело грохнулось на лужайку. Когда оно перестало биться, охотники вылезли из своей засады и подошли к нему.

Молодой ящер был ростом выше человека; его неуклюжее тело покоилось на толстых и длинных задних ногах и толстом, в конце сразу утончавшемся хвосте; передние ноги были коротки и тонки и имели по пяти пальцев с небольшими острыми когтями, тогда как на задних было по три пальца с большими, но тупыми когтями. По всему складу тела было очевидно, что животное предпочитало вертикальное положение горизонтальному, так как при последнем его задняя половина поднималась значительно выше передней. Голова была большая, довольно противного вида, с обвисшими мясистыми губами и маленькими глазками. Тело было совершенно голое, как у лягушки, а кожа на ощупь такая же скользкая и холодная.

— На вид он не очень аппетитен! — воскликнул Громеко, тыкая сапогом в толстую ляжку ящера.— Нечто вроде огромной лягушки!

— Если французы с удовольствием едят фрикасе из лягушек, то почему бы русским путешественникам не покушать бифштекс из игуанодона? Но займемся сначала его описанием, а потом четвертованием.

Обмерив, описав и сфотографировав ящера, охот-

ники отрезали у него мясистые задние ноги, весившие каждая почти шестнадцать килограммов, и пошли назад к стану, тяжело нагруженные провизией и водой.

Мясо ящера, поджаренное ломтиками на сковороде, оказалось настолько вкусным и нежным, что даже Громеко, питавший отвращение ко всяким пресмыкающимся и земноводным, поел его с аппетитом.

За ужином обсуждали план дальнейшего путешествия. Способ передвижения на лодке, оказывавший до последнего времени такие услуги, теперь, по-видимому, был неприменим, если только с юга в море не впадала река, вверх по которой можно было бы плыть. В первую очередь и нужно было искать устье такой реки.

Во время поисков можно было обследовать и местность по этому берегу и в зависимости от ее характера решить вопрос о дальнейшем маршруте на случай, если бы никакой реки не оказалось. Тогда пришлось бы идти дальше пешком, что, конечно, сильно ограничивало путешествие.

ХИЩНЫЕ И ТРАВОЯДНЫЕ ЯЩЕРЫ

На следующий день довольно сильный ветер развел на море порядочную волну, и брызги прибоя долетали даже до палатки. В такую погоду плавание на утлом судне было невозможно, и путешественники решили вчетвером сделать экскурсию в глубь неизвестной страны, пользуясь руслом, пересекавшим лес.

Так как нельзя было предполагать, что морские ящеры нападут на пустую палатку, возле нее оставили только Генерала, но не на привязи, чтобы в случае опасности он мог спрятаться в чаще.

Выше того места, где русло разделялось на две части, вдоль левой ветви, по которой направились охотники, с обеих сторон продолжалась стена хвощей и папоротников. Только кое-где по чаще извивались узкие тропы, протоптанные небольшими животными. В воздухе над вершинами деревьев реяли огромные стрекозы и другие насекомые таких же громадных размеров; изредка проносились небольшие птеродактили, преследовавшие этих насекомых. Но лесная ча-

ща казалась совершенно мертвой, необитаемой: не слышно было ни пения птиц, ни шорохов, которыми так изобиловали леса по берегам реки Макшеева. Только один раз шедший впереди Громеко заметил на узкой тропе какое-то темное животное величиной с небольшую собаку, но оно скрылось так быстро, что он даже не успел прицелиться. Пришлось довольствоваться охотой за насекомыми, и Папочкин добыл мотылька в тридцать пять сантиметров шириной, усевшегося на цветок пальмы, и несколько жуков величиной с большой кулак, которые пребольно кусались и царапались.

Наконец лес кончился, и охотники вышли на обширную поляну, поросшую той же жесткой травкой, а местами, где почва была влажная,— плаунами, мхами и небольшими кустами стелющихся папоротников. На юге поляна доходила до крутого и голого склона темно-красных гор, поднимавшихся метров на двести и рассеченных глубоким ущельем; оттуда, вероятно, вытекала вода, заболачивавшая поляну и во время дождей сбегавшая по руслу в море. Поляна имела больше километра в длину и от ста до двухсот метров в ширину.

Геологов манило к себе ущелье в горах, и все направились к нему. Но, отойдя немного, заметили, что на северной окраине поляны, за выступами леса пасется небольшое стадо ящеров.

Одни, стоя на задних лапах, обрывали своими толстыми губами листья пальм и молодые, более нежные побеги хвощей и папоротников. Другие же, исключительно молодые, кормились травой, смешно подняв свой толстый зад выше головы и размахивая хвостом. Иногда они начинали резвиться и гоняться друг за другом то на четырех, то на двух ногах, делая неуклюжие прыжки.

Нельзя было упустить такой интересный случай — сфотографировать пасущихся и играющих игуанодонов. Путешественники быстро вернулись к опушке леса и стали подкрадываться вдоль нее к стаду. Им удалось приблизиться и сделать первый снимок, когда игуанодоны внезапно встревожились: взрослые перестали есть, насторожились и затем испустили резкий свист. Услыхав его, молодые поднялись на задние ноги и, неуклюже переваливаясь, подбежали к родите-

лям, которые окружили их кольцом, обратившись спиной наружу.

Второй и третий снимки увековечили эту тревогу игуанодонов, которая оказалась не напрасной. С противоположного конца поляны вдоль опушки леса огромными прыжками в несколько метров длиной приближалось чудовище, которое охотники приняли сначала за игуанодона.

Оно было такого же роста и также пользовалось для передвижения только задними ногами; но когда оно приблизилось, можно было заметить, что оно отличалось от травоядных ящеров более стройным телом и несравненно более быстрыми движениями. Подскакав к кругу игуанодонов, чудовище остановилось и издало громкое шипение, на которое его противники ответили протяжным, жалобным свистом. Затем оно начало кружиться короткими скачками вокруг ящеров, но со всех сторон встречало поднятые зады и тяжелые размахивающие хвосты последних. Удар хвостов или массивных задних ног, вероятно, имел ужасную силу.

Убедившись в невозможности проникнуть в круг и похитить одного из детенышей, хищник внезапно сделал огромный прыжок через головы защитников и обрушился на столпившихся в центре, прижавшихся друг к другу молодых игуанодонов. Трусливые травоядные бросились врассыпную, спасаясь от врага, который успел схватить одного из молодых и сразу перекусил ему горло.

Разные моменты нападения также были сфотографированы, после чего раздались два выстрела и хищник растянулся рядом со своей жертвой. Когда он перестал двигаться, охотники приблизились и могли рассмотреть этого нового представителя крупных пресмыкающихся. Он действительно походил на игуанодонов своими длинными задними ногами и толстым хвостом, служившим опорой телу.

Передние ноги были очень короткие и оканчивались четырьмя пальцами с острыми когтями. На короткой шее сидела небольшая голова с огромной пастью, усаженной острыми зубами, и на переносице возвышался короткий и плоский рог, служивший скорее украшением, чем орудием нападения.

Два меньших рога поднимались над глазами, а от

затылка вдоль спины и хвоста тянулся ряд мелких, но острых шипов. Голая морщинистая кожа была серо-зеленого цвета. Животное достигало пяти метров в длину и обладало, несомненно, огромной силой, а о его ловкости и смелости можно было судить по нападению на стадо игуанодонов.

Рассмотрев убитого ящера, Каштанов нашел, что это должен быть цератозавр из того же отряда динозавров, к которому принадлежат и игуанодоны и другие сухопутные ящеры мезозойской эры.

— Надеюсь, что этого отвратительного хищника мы есть не будем! — сказал Громеко, когда было окончено измерение и описание животного.

— Отчего же? Если бы не было другого мяса, пришлось бы удовольствоваться и этим,— ответил Макшеев.— Но мы можем воспользоваться игуанодоном, которого хищник успел загрызть.

— Только нужно его хорошо припрятать. Иначе птеродактили не оставят нам ни кусочка. Смотрите, они уже почуяли поживу!

Действительно, над поляной уже кружили летучие ящеры, издавая свое хриплое кваканье. Поэтому охотники отрубили задние ноги молодого игуанодона и спрятали их в чаще, подвесив к ветвям, а затем направились к ущелью через поляну, опустевшую после битвы и выстрелов.

УЩЕЛЬЕ ПТЕРОДАКТИЛЕЙ

Устье ущелья было широкое, и по его дну извивался ручеек, окаймленный группами папоротников. На крутые склоны растительность не поднималась; они были голые, скалистые, красноватого, черного или желтого цвета. Каштанов и Макшеев поспешили к скалам. Громеко занялся поисками новых растений вдоль берегов ручейка, а Папочкин — охотой за громадными бабочками.

Первый утес, к которому подошли геологи, был темно-красного цвета. Каштанов ожидал опять встретить в нем железную руду, но, отбив кусок и рассмотрев его под лупой, он покачал головой и промолвил:

— Это что-то новенькое!

Несколько кусочков, отбитых в других местах,

имели такой же характер, но твердые и гладкие скалы не давали возможности отбить более крупный образец. Тогда оба геолога соединенными силами начали разбивать глыбу той же породы, лежавшую у подножия. Наконец она дала трещину и развалилась на две части; в ее ядре блеснули жилки и гнезда белого металла.

Каштанов наклонился и воскликнул с удивлением:

— Самородное серебро, очевидно, в сплошной красной серебряной руде!

— Опять миллионные богатства! — усмехнулся Макшеев.

После находки сплошной золотой жилы, значение которой так раскритиковал его ученый товарищ, Макшеев относился немного презрительно к дарам минерального царства этой волшебной страны.

Подвигаясь далее вдоль подножия утеса, геологи скоро достигли места, где темно-красный цвет сменялся черным с желтыми и красными пятнами и жилками. Здесь опять оказался сплошной магнитный железняк. Немного далее, более разрушенные, изрытые ложбинками утесы были ярко-желтого и зеленовато-желтого цвета. В них Каштанов признал свинцовые охры и окисленные свинцовые руды, в которых на глубине мог быть скрыт массивный свинцовый блеск.

Еще дальше вверх по ущелью на склоне возвышался большой утес, привлекавший к себе внимание своим темно-зеленым цветом; издали казалось, что он покрыт мхом или лишаями. От этого утеса молоток отскакивал со звоном, и только с большим трудом удалось отбить небольшие кусочки, которые еще более увеличили удивление Каштанова.

— Самородная медь сплошной массой, с поверхности окислившаяся! — сказал он.

— Ну и богатства в здешней стороне! — воскликнул Макшеев.— Какой руды хочешь — той и просишь. Хоть ставь тут универсальный металлургический завод!

— Да, когда на наружной поверхности нашей планеты руды не будет хватать для растущих потребностей человечества, ему волей-неволей придется спуститься сюда за нужными металлами. Тогда и льды, и туманы, и вьюги будут человеку нипочем.

— Или же люди просверлят туннель-шахту через земную кору, чтобы добраться кратчайшим путем к этим огромным запасам! — пошутил Макшеев.

В это время над геологами, увлекшимися осмотром ископаемых богатств, быстро пронеслась большая тень, и одновременно послышался возглас Громеко:

— Берегитесь летучего ящера!

Оба схватились за ружья и подняли головы. На высоте метров двадцати над ними реяло огромное животное темного цвета; по его полету нетрудно было узнать летучего ящера из породы птеродактилей; он был значительно крупнее тех, которых видели на берегу моря, и имел около шести метров в размахе крыльев. Опустив вниз голову с огромным клювом, ящер высматривал себе добычу и глядел с удивлением на невиданных двуногих тварей.

Но охотникам некогда было ждать разрешения его сомнений, так как ящер, обрушившийся с такой высоты на свою жертву, мог убить или сильно поранить ее когтями или зубами. Макшеев быстро прицелился и выстрелил. Птеродактиль метнулся в сторону, усиленно замахал крыльями, отлетел и уселся на выступе скалы, где начал мотать головой, раскрывая и закрывая зубастую пасть.

— Должно быть, ему немного попало! — заметил Макшеев, не решаясь стрелять еще раз, потому что животное сидело слишком далеко.

В это время на лужайке, где оставались зоолог и ботаник, раздался громкий крик и вслед за ним выстрел. Из-за ряда хвощей и папоротников, отделявших русло ручья от подножия скал, вылетел второй птеродактиль, уносивший в своих лапах какой-то большой темный предмет. Предположив впопыхах, что ящер унес одного из товарищей, Каштанов выстрелил в свою очередь. Разбойник взмахнул крыльями, выронил ношу и сам полетел кувырком за стену деревьев.

Геологи бросились в эту сторону, чтобы подать помощь товарищу, свалившемуся с высоты нескольких метров. Но, пробившись через чащу, они столкнулись с бежавшими им навстречу Громеко и Папочкиным.

— Вы оба живы и целы? Кто же из вас только что выпал из когтей ящера?

Товарищи дружно рассмеялись.

— Ящер унес только мой плащ, в который я завернул собранные растения и положил на лужайке. Он, очевидно, принял его за какую-то падаль,— объяснил ботаник.

— А я стрелял ему вслед, но, вероятно, промазал! — добавил зоолог.

Успокоившись насчет судьбы товарищей, геологи пошли вместе с ними туда, где еще трепыхался подстреленный ящер. При приближении людей он вскочил на ноги и бросился им навстречу, взмахивая одним крылом и волоча другое, очевидно сломанное.

Он бежал, переваливаясь, как утка, вытянув вперед огромную голову, раскрыв пасть и издавая злобное кваканье. Мясистый нарост на его переносице налился кровью и стал темно-красным. Ящер достигал человеческого роста и, несмотря на рану, мог оказаться опасным противником, так что пришлось прикончить его вторым выстрелом.

Пока Каштанов и Папочкин изучали птеродактиля, Макшеев и Громеко отправились искать похищенный плащ. Они осмотрели лужайку до подножия скал, лазили по чаще, но ничего не нашли.

— Вот так история, куда же он девался? — ворчал ботаник, отирая пот, катившийся градом с лица.— Не мог же он проглотить мой плащ!

— Я прекрасно видел, что ящер выронил его после выстрела,— подтвердил Макшеев.

В это время второй птеродактиль, до сих пор сидевший на выступе скалы, взлетел на воздух, спланировал к вершинам хвощей и подцепил на одном из них какой-то темный предмет, с которым полетел дальше.

— Черт возьми,— воскликнул ботаник,— это опять мой плащ! Мы искали его на земле, а он остался на деревьях.

Макшеев уже целился в пролетавшего мимо ящера, но внезапно плащ развернулся — сноп растений посыпался вниз, а испуганное животное выпустило из когтей свою добычу. Охотник опустил ружье.

— Эти птеродактили, очевидно, не отличаются особенной сообразительностью, если таскают несъедобные вещи,— сказал Громеко, направляясь к упавшему плащу.

— А может быть, они умнее, чем вы думаете. Не хотели ли они похитить ваш плащ и ваше сено, чтобы устроить своим детенышам более комфортабельное гнездо? — пошутил Макшеев.

— Сено? Как вы непочтительно выражаетесь о моих ботанических сборах! А чтобы доказать ум ящеров, не скажете ли вы, что он унес мой плащ, чтобы одеть своих голых детенышей?

— Нет, этого я не скажу! — рассмеялся Макшеев.— Разве что летучие ящеры играли роль царей юрского периода и стояли на очень высокой ступени развития... Но зачем вы набрали столько одинаковых растений? — прибавил он, увидев, что ботаник подбирает разбросанные по лужайке стебли, выпавшие из плаща и похожие на камыши.

— А вот догадайтесь, что это такое,— ответил Громеко, подавая своему спутнику один из стеблей.

— Какой-то камыш, по-моему, толстый и довольно колючий. Им могут питаться разве какие-нибудь игуанодоны.

— Вы угадали, игуанодоны едят его с удовольствием, но и мы не откажемся от этого камыша.

— Неужели? Он годится разве для супа?

— Нет, не для супа, а для чая. Разломайте-ка стебель.

Макшеев переломил стебель, из которого вытекла какая-то прозрачная жидкость.

— Попробуйте сок этого презренного камыша.

Сок оказался липким и сладким.

— Неужели это сахарный тростник?

— Если не сахарный тростник, растущий в настоящее время на поверхности нашей планеты, то во всяком случае сахароносное растение.

— Как же вы догадались, что оно сладкое?

— Во рту молодого игуанодона, которого задавил хищник на поляне, я видел стебель какого-то растения; на ощупь оно показалось мне липким. Я стал искать, где оно растет, нашел его в изобилии вдоль ручья и, конечно, попробовал сок. Наши запасы сахара на исходе. Можно заменять сахар соком этого тростника и даже вываривать из него сахар. Видите, мое сено в иных случаях приносит прямую пользу!

Вернувшись к убитому птеродактилю, Громеко показал и остальным товарищам свою находку, из-за

которой произошло приключение с плащом. Все одобрили его план и решили на обратном пути нарвать побольше тростника, чтобы попробовать устроить выварку сахара.

Охотники направились дальше по ущелью, на дне которого протекал ручеек, окаймленный узкой полосой мелких овощей и жесткой травы.

Скоро теснина превратилась в настоящую щель, все дно которой было покрыто водой. Стало темно, мрачно и сыро. Охотники шли гуськом: впереди Макшеев с ружьем в руках, позади Каштанов, пробовавший молотком утесы. Но вот впереди стало светлее, показалась зелень. Щель быстро расширилась и превратилась в довольно большую котловину, окруженную скалами, внизу отвесными, а выше отступавшими уступами во все стороны, образуя амфитеатр. Дно котловины было покрыто сочной и зеленой травой, в центре находилось озеро, из которого и вытекал ручеек.

— Фу, как здесь воняет! — воскликнул Громеко, как только охотники подошли к озеру.

— Действительно, пахнет очень скверно, словно падалью! — подтвердил Макшеев.

— Уж не минеральное ли это озеро — например, с серными источниками? — предположил Папочкин, наклоняясь к воде.

Охотники начали оглядываться по сторонам и обратили внимание на странное шипение, чередовавшееся с визгом, напоминавшим визг пробки, водимой по стеклу. Эти звуки раздавались сверху, со стен котловины, но никого не было видно.

В это время над лужайкой мелькнула большая темная масса и опустилась на один из уступов, откуда навстречу ей визг и шипение раздались особенно громко.

— Птеродактиль! — воскликнул Макшеев.

— Очевидно, здесь гнезда летучих ящеров,— догадался зоолог.

— Ну вот вам и источник вони! Эти животные, вероятно, очень неопрятны.

Ящер, спустившийся на уступ, вскоре поднялся и, заметив в котловине людей, начал кружиться над ней, издавая отрывистое кваканье. На утесах визг и шипение сразу прекратились.

— Ишь, замолчали детеныши!

— Интересно было бы раздобыть яйца и молодых птенцов из гнезд,— сказал зоолог.

— Попробуйте-ка залезть на эти кручи, вступить в бой с родителями. Они вам покажут, где раки зимуют!

— Э, да их тут много! — воскликнул Каштанов, указывая на другого птеродактиля, высунувшегося из-за выступов, тогда как еще два уже реяли в воздухе.

— Что же, начнем пальбу? — предложил Макшеев, которому хотелось загладить свой промах.

— Зачем? Одного мы уже добыли и рассмотрели, а заряды нужно беречь,— предупредил Каштанов.

— И дадим лучше отбой. Налево кругом! Пока все гнездилища не встревожились,— сказал ботаник: пребывание в зловонной котловине было ему не по вкусу.

Над лужайкой летали и квакали уже несколько ящеров, и охотники сочли более благоразумным последовать совету Громеко. Проходя к выходу в щель, они заметили у подножия стены целые кучи костей разной величины, перемешанных с пометом птеродактилей.

— Мы попали в помойную яму гнездилища ящеров! — пошутил Макшеев.

— Они устроились тут в безопасном месте — это настоящая крепость.

— Вероятно, на их яйца и детенышей покушаются другие ящеры,— пояснил зоолог.— Обратите внимание, что хотя это пресмыкающиеся, но повадки у них уже птичьи.

— Совершенно верно. Наличие крыльев позволило им изменить образ жизни своих далеких предков.

— Все-таки жаль, что мы не могли узнать, как устроены их гнезда и какой вид имеют яйца и детеныши, особенно насиженные яйца.

— Я думаю, что они не высиживают яйца, как птицы,— заметил Каштанов,— а предоставляют эту обязанность солнцу, как другие пресмыкающиеся.

— Не горюйте, мы где-нибудь найдем еще яйца игуанодонов или плезиозавров,— утешал Громеко зоолога.

— Если они будут свеженькие, устроим себе колоссальную яичницу. Воображаю, как велики яйца этих тварей — одного хватит на нас всех! — шутил Макшеев.

Вернувшись обратно через ущелье на поляну у подножия возвышенности и набрав по дороге сладкого тростника, путешественники направились к месту, где был убит хищный ящер.

Здесь царило большое оживление. В воздухе носились взад и вперед летучие ящеры разной величины; трупы цератозавра и игуанодона были покрыты этими животными. Отрывая куски мяса от туш, одни пожирали их на месте, другие же уносили на юг, к ущельям гор, где, очевидно, находились их гнездилища. Визг, кваканье и шипение раздирали уши.

При приближении людей вся стая, пировавшая на трупах, всполошилась. Одни взлетели и начали кружить над поляной, другие, переваливаясь на своих коротких ногах и волоча полураспущенные крылья, отбежали в сторону. Они, очевидно, наелись так, что им трудно было летать. Папочкин успел сфотографировать два момента этого переполоха.

Наевшиеся ящеры не нападали на людей, нарушивших их трапезу, а только оглашали воздух различными звуками, выражавшими, вероятно, неудовольствие.

Захватив в чаще спрятанные окорока игуанодона, охотники направились через лес по тому же сухому руслу. Приближаясь уже к котловине, Громеко, шедший впереди, вдруг остановился и указал своим спутникам на отпечатки огромных ступней, глубоко вдавленные во влажный песок русла.

— Это не игуанодон,— заметил Папочкин.— Животное шло на четырех ногах. Смотрите, вот следы задних ног с тремя пальцами, а вот следы передних с пятью!

— И ступни имеют другую форму и большую величину, чем у игуанодонов,— добавил Каштанов.

— А по ступне можно ли узнать, хищное это животное или травоядное? — спросил Макшеев.

— Я думаю, что оно травоядное. Пальцы оканчиваются не когтями, а чем-то вроде копыт, которыми хватать нельзя.

— А вот и отпечаток хвоста, более короткого и тонкого, чем у игуанодона,— заметил зоолог, указывая на впадину, извивавшуюся между оттисками ног.

— Во всяком случае, животное очень крупное и, очевидно, находится около нашего озера, потому что обратного следа нет,— сказал Громеко.

— Да, поэтому ружья наготове и будем осторожны! — предупредил Макшеев.

Медленно, шаг за шагом, охотники подвигались вверх по руслу, зорко всматриваясь вперед. Но никто не появлялся, только стрекозы и жуки реяли и летали над вершинами хвощей и папоротников. Пройдя по узкому зеленому коридору до утесов, охотники остановились в нерешительности.

Шепнув товарищам, чтобы они подождали, Макшеев пробежал по ущелью и затем подал сигнал, чтобы остальные присоединились к нему. В котловине все спрятались за деревья у ее входа и могли наблюдать интересное зрелище.

На лужайке паслось чудовище, превосходившее по своим размерам и по своему странному виду все, что путешественники до сих пор видели в Плутонии — стране вымерших исполинов.

Животное достигало восьми метров в длину и четырех метров в высоту. Передние ноги были значительно короче задних, и массивное туловище наклонено вперед, оканчиваясь поразительно маленькой головой, похожей на голову ящерицы. Вдоль спины тянулись двумя рядами щитки, или пластинки, торчавшие вверх и несколько вбок, подобно крылышкам. Четыре пары самых крупных поднимались над туловищем, три пары маленьких — над толстой шеей и две пары — над хвостом. Менее массивный и более короткий, чем у игуанодонов и цератозавра, хвост нес еще три пары длинных шипов пониже пластин. Голая морщинистая кожа чудовища была кое-где усеяна бородавкообразными возвышениями, более многочисленными и мелкими на шее и голове, более редкими и крупными на туловище и хвосте. Темно-бурые пятна и разводы на грязно-зеленом фоне кожи усиливали отталкивающий вид животного.

Оно спокойно паслось на берегу озера, захватывая пучки сладкого тростника и мелких хвощей своей большой пастью, размеры которой никак не соответствовали маленькой голове. При движении туловища щитки на спине делали небольшие взмахи, словно крылья.

— Точно крылышки амура! — прошептал Макшеев.

— Хорош этот амур юрского периода! — засмеялся

Громеко.— Я никогда не мог себе вообразить, что могут существовать подобные страшилища.

— Этот страшный вид, щитки, шипы, бородавки, разводы — все это средства для отпугивания врагов этого мирного и, вероятно, совершенно безобидного животного,— сказал зоолог, сделавший уже несколько снимков.— А как зовут этого амура? — обратился он к геологу.

— Это, конечно, стегозавр — самый оригинальный из того же отряда динозавров, к которому принадлежат и игуанодоны, и цератозавр, и виденный нами раньше трицератопс. В верхнеюрское время существовало несколько родов этих чудовищ, остатки которых были найдены в Северной Америке.

Наглядевшись на ящера, охотники произвели из своего убежища выстрел, отдавшийся эхом от скал, а затем хором закричали дикими голосами.

Испуганное животное опрометью бросилось бежать, переваливаясь, подобно иноходцу, причем спинные щитки ударялись друг о друга, издавая громкое хлопанье, словно кастаньеты.

Когда оно скрылось из виду, охотники вышли из своей засады, набрали воды из озера и побрели вниз по руслу к своему стану, предвкушая обед из жареного молодого игуанодона и отдых на берегу спокойного моря.

ОГРАБЛЕНЫ ДОЧИСТА

Но каково было их изумление, когда, выйдя из леса на берег моря, они увидели, что палатка исчезла.

— Мы, вероятно, ошиблись и вышли в другое место,— предположил Каштанов.

— Не может быть! — ответил Макшеев.— Мы только что перелезли через загородку, которую соорудили вчера в устье сухого русла вблизи стоянки.

— Верно. Но, в таком случае, где же палатка?

— А где все вещи?

— Где Генерал?

Пораженные путешественники побежали к месту, где должна была стоять палатка. На этом месте не было ничего: ни палатки, ни вещей, ни даже лоскутка бумаги. Остались только потухшее и остывшее уже

огнище и отверстия в почве от вынутых палаточных кольев.

— Что это значит? — сказал Громеко, когда все четверо столпились у следов своего костра, на котором рассчитывали жарить игуанодона.

— Решительно ничего не понимаю,— упавшим голосом пробормотал Папочкин.

— Ясно, как день, что нас дочиста обокрали! — воскликнул Макшеев.

— Но кто, кто? — кричал Каштанов.— Ведь это могли сделать только разумные существа, а мы таковых не встречали на всем нашем пути с тех пор, как покинули «Полярную звезду».

— Не могли же растащить наши вещи игуанодоны!

— Или стегозавры!

— Или плезиозавры!

— А не унесли ли их проклятые птеродактили в свои гнезда? — предположил Громеко, вспомнивший о приключениях своего плаща.

— Это невероятно! И палатку, и посулу, всякие мелочи! Я не могу допустить с их стороны такого проявления ума и хитрости,— ответил Каштанов.

— А наши лодки? — воскликнул Макшеев.

Все побежали к окраине леса, где перед уходом в экскурсию спрятали в чаще лодки и весла. То и другое оказалось в целости.

— Мы оставили наш плот на берегу моря против палатки,— заявил Громеко.— А теперь он также исчез.

— Что же мы будем делать? — воскликнул зоолог, выражая общее недоумение.— Без палатки, без запасов и одежды, без посуды мы погибнем на берегу этого проклятого моря!

— Обсудим хладнокровно наше положение,— предложил Каштанов.— Прежде всего отдохнем и подкрепим свои силы: усталость и голодный желудок — плохие советчики. Мясо мы принесли с собой, разведем костер и поджарим его.

— И попьем водицы с сахаром! — прибавил Громеко, указывая на принесенную жестянку с водой и большой пук сладкого тростника.

Разложили костер, нарезали мясо кусочками, нанизали их на палочки и поставили к огню жарить. Усевшись вблизи костра, посасывая стебли тростника

и запивая водой, продолжали обсуждение таинственного исчезновения палатки.

— Мы теперь в положении Робинзона на необитаемом острове! — пошутил Макшеев.

— С той разницей, что нас четверо и что у нас есть ружья и некоторый запас патронов,— заметил Капитанов.

— Нужно пересчитать их и расходовать крайне осмотрительно.

— В моей фляге стакана два коньяку,— заявил Громеко, носивший этот напиток, как врач, для экстренных случаев.

— А у меня в сумке маленький чайник, складной стакан и несколько заварок чая,— прибавил зоолог, не ходивший в экскурсии без этого запаса.

— Это хорошо! По крайней мере, можно будет изредка полакомиться чаем,— сказал Макшеев.— У меня в карманах, к сожалению, кроме трубки, табаку, компаса и записной книжки, нет ничего.

— И у меня также, если не считать наши молотки.

— Шашлык готов! — возгласил ботаник, следивший за палочками с мясом.

Каждый взял свою палочку, и все принялись за еду. Но мясо не было посолено и не отличалось приятным вкусом.

— Придется поискать соли на берегу моря! — заметил Макшеев.— Нужно было хоть обмакнуть мясо в морскую воду.

Пока ели мясо, чайник зоолога вскипел, и каждому по очереди достался стаканчик чаю, подслащенного соком тростника. Напившись и закурив трубки, возобновили разговор о плане дальнейших действий. Все согласились, что нужно сейчас же начать преследование похитителей, выяснив направление, по которому они ушли с вещами.

— Нужно тщательно осмотреть ближайшие окрестности нашей стоянки,— предложил Макшеев.— Похитители могли прийти и уйти или по воздуху, как предполагает Михаил Игнатьевич и что мне кажется невероятным, или по воде, воспользовавшись нашим плотом, или по суше. Но до воды они также должны были идти по суше. Следовательно, если они не явились по воздуху, они оставили следы в ту или другую сторону от нашей палатки.

— Жаль, что мы сразу не подумали об этом, а бегали взад и вперед и могли уже затоптать следы похитителей!

— Вдоль утесов на восток пройти далеко нельзя, как мы убедились вчера,— продолжал Макшеев.— По руслу они тоже едва ли ушли: оно загорожено, и, кроме того, мы никого не встретили и подозрительных следов не видели. Следовательно, следы похитителей нужно искать или на самом берегу моря, или на запад вдоль этого берега.

— Совершенно верно! — заметил Каштанов.— Эти два направления наиболее вероятны.

— Итак, приступим к делу. Так как в отношении выслеживания я гораздо опытнее вас всех,— закончил Макшеев,— то я попрошу вас посидеть на месте, пока не изучу окрестности стоянки.

Опустившись на колени, Макшеев начал тщательно изучать почву вокруг того места, где стояла палатка; затем он передвинулся к берегу моря, осмотрел место, где лежал плот, вернулся назад и направился на запад вдоль морского берега. Отойдя шагов двести, он воткнул сухую палку в песок и вернулся к своим товарищам.

— Наше имущество похищено не людьми и даже не ящерами какого-либо рода. Его утащили какие-то крупные насекомые, судя по следам их ног, которые видны всюду; их очень много, несколько десятков. Сначала я подумал, что вещи стащили к плоту и увезли по воде, но оказалось, что до самой воды следы не доходят и нет никаких признаков того, чтобы плот стаскивали в воду. Он исчез совершенно непонятным образом. Палатки и вещи частью унесли, частью тащили по песку на запад, вдоль берега моря. Похитители имеют шесть ног, а туловище их достигает около метра в длину, судя по его отпечаткам на песке.

— Здоровые твари! — воскликнул Папочкин.

— Но что же случилось с Генералом? — спросил Каштанов.— Убили ли его, утащили ли живым на съедение или он убежал куда-нибудь, испугавшись грабителей?

— Следов Генерала много вокруг палатки, но они большей частью перекрываются следами насекомых, следовательно, старше их. Свежей крови нигде не видно, нет и каких-либо частей растерзанных собакой

насекомых. Я думаю, что Генерал убежал от многочисленных и невиданных врагов и прячется в чаще. Впрочем, нужно еще обследовать почву вдоль края леса.

С этими словами Макшеев опять приступил к изучению следов от места, где стояла палатка, к опушке леса. Вдоль последней он прошел несколько раз взад и вперед, внимательно осматривая почву, наконец остановился и подозвал товарищей к себе.

— Вот здесь Генерал ушел в чащу; но с ним перед тем что-то случилось: он волочил задние ноги по земле.

Обрубив охотничьим ножом нижние ветви хвощей, Макшеев пополз, согнувшись, в чащу, все время призывая свистом собаку и останавливаясь в ожидании ответа. Наконец послышался слабый визг, и немного спустя из-под нависших ветвей выполз Генерал, но в ужасном виде. Все тело его вздулось, а задняя половина бессильно волочилась по земле.

— Что с тобой, Генерал, бедная собачка? — говорил Макшеев, поглаживая голову животного, которое с приветливым визгом лизало его руки.

Инженер ползком вылез назад из темной чащи, а вслед за ним выползла и собака, вызвавшая своим жалким видом общее сочувствие.

— Похитители переломили ей позвоночник,— предположил Папочкин.

— Не думаю! — возразил Громеко, осматривая собаку.— Конечно, нет,— продолжал он,— скорее всего, они ранили Генерала отравленными стрелами. На спине у него несколько маленьких ранок с запекшейся уже кровью, а позвоночник цел.

— При чем тут стрелы? — удивился Макшеев.— Ведь похитители были насекомые!

— Я и забыл! В таком случае они ужалили или укусили собаку ядовитыми челюстями или жалом.

— Что же нам делать с Генералом? Можно его вылечить?

— Я думаю, можно. Если бы яд был смертельным, собака уже издохла бы. К несчастью, наша аптечка похищена с остальным имуществом. Придется попробовать холодные компрессы.

Макшеев взял Генерала, жалобно визжавшего, на руки и понес к берегу моря. Громеко начал поливать

его тело водой. Собака сначала порывалась вырваться и визжала, но вскоре холод оказал свое действие, и она затихла. Тогда ее положили задней половиной тела в воду. Пока ботаник возился с Генералом, остальные вытащили из чащи обе лодки и весла, спустили их на воду и сложили в них оставшееся имущество, бывшее во время злополучной экскурсии с собой. Затем двое сходили опять к озеру в скалах, чтобы пополнить запас пресной воды, а остальные в это время поджарили запас мяса игуанодона, чтобы не останавливать преследование похитителей из-за приготовления пищи.

За час времени, понадобившийся на все сборы, опухоль у Генерала заметно уменьшилась, и он начал подниматься на ноги. Решено было взять его в лодку, двоим ехать в лодках с имуществом вдоль берега, а двоим идти по следам похитителей, пока они держатся берега. Таким образом, лодочники могли в случае надобности подать помощь пешеходам или взять последних в лодки, а пешеходы могли остановить лодочников, как только следы отклонятся в глубь страны.

ПО СЛЕДАМ ПОХИТИТЕЛЕЙ

Макшеев и Громеко пошли пешком, Каштанов и Папочкин отправились в лодках, не отставая от пешеходов, но и не опережая их. К счастью, погода была тихая, и море чуть плескалось на пляже. Макшеев шел впереди по следам похитителей, по временам останавливаясь и обмениваясь замечаниями с ботаником. В одном месте, например, были видны отпечатки многих похищенных вещей, которые похитители сложили на землю, очевидно, при отдыхе; в другом оказались ясные отпечатки плота, при виде которых Макшеев воскликнул:

— Загадка с плотом также разъяснилась: похитители унесли и его на себе.

— На какого беса? — спросил Громеко.

— А на какого беса им понадобилась наша палатка, постель и прочие вещи? Ведь они унесли даже образчики золотой и железной руды, которые мы с Петром Ивановичем вчера набрали.

— Просто непостижимо, что это за звери! Можно подумать — разумные существа. Я не удивлюсь, если они раскинут палатку, будут спать на наших постелях и есть из нашей посуды.

— Все может быть в этой чудесной стране минувших геологических периодов. Не могли разве некоторые насекомые в юрские времена подняться до высокой степени умственного развития и играть роль царей природы?

— Да ведь и в современном периоде есть умные насекомые, живущие обществами по известным законам, например пчелы или муравьи.

— Постойте, вы мне подали мысль! Уж не муравьи ли утащили наше имущество?

— А почему не пчелы или осы?

— Если судить по нравам муравьев наружной поверхности нашей планеты, то им более подходит роль похитителей. Ведь муравьи тащат в свой муравейник всякую дрянь, даже совершенно им ненужную, и обладают громадной силой сравнительно со своей величиной.

— Да, пчелы гораздо слабее и собирают в улей только мед и пыльцу цветков, а осы тащат съестное. Кроме того, и те и другие крылаты, а наши грабители, по-видимому, бескрылы.

— Я тоже так думаю, хотя и крылатые насекомые могли тащить по земле такие предметы, которые слишком тяжелы для переноса по воздуху.

— В общем, мы, кажется, на правильном пути: первое подозрение — на муравьев, второе — на ос, третье — на пчел.

— И те, и другие, и третьи принадлежат к насекомым, кусающимся или жалящим и вводящим в рану яд. Я думаю, что они и ужалили Генерала, когда он защищал от них палатку.

— Верно! Укусы этих насекомых сопровождаются опухолью, сильной болью, а если принять во внимание их величину, то можно допустить и временный паралич под действием яда.

Так, обмениваясь соображениями насчет природы похитителей, наши путешественники прошагали часа два и за это время сильно устали, так как песок пляжа был довольно рыхлый и трудный для ходьбы.

— Ну, я больше не могу! — сказал наконец Громе-

ко, останавливаясь и вытирая пот, катившийся градом по лицу.— Сегодня ужасно душно и ни ветерка.

— Зато море спокойно, и наши товарищи не отстают от нас.

— Не перемениться ли нам с ними? Мы устали работать нижними конечностями, а они — верхними.

— Сумеют ли они идти по следам похитителей? Впрочем, попробуем.

Макшеев окликнул плывших в лодках. Когда они причалили, он показал Каштанову и Папочкину следы насекомых и некоторое время шел с ними, наблюдая, как они будут разбираться в этих следах. Потом он и ботаник забрались в лодки и взялись за весла.

Местность сохраняла все тот же характер. Вдоль берега моря тянулся песчано-галечный пляж шириной в сотню-другую шагов, заливаемый, очевидно, волнами во время сильных бурь. Его окаймляла сплошная стена хвощей и папоротников, в которой только изредка показывалась узкая брешь — сухое русло, подобное осмотренному накануне. На песке под лучами солнца грелись игуанодоны, убегавшие в лес при приближении людей и лодок. На море по временам появлялись плезиозавры и плавали, грациозно изогнув шеи, словно огромные черные лебеди. Над лесом нередко пролетали летучие ящеры, высматривавшие, нет ли поживы на берегу моря.

Часа через два после того, как Макшеев и Громеко забрались в лодки, впереди показались красноватые холмы, доходившие до берега моря и прерывавшие стену леса. Здесь оказалось более глубокое и широкое сухое русло, уходившее в глубь страны, отделяя окраину леса от холмов, представлявших скопление мелкого красноватого песка. Следы похитителей поворачивали вверх по руслу, и пешеходы крикнули плывшим в лодках, что нужно причалить к берегу.

Убедившись, что похитители действительно свернули с морского берега в глубь страны, путешественники начали совещаться.

Им приходилось теперь, бросив лодки, продолжать преследование пешком.

Но за целый день экскурсии, ходьбы, хлопот и волнений они сильно устали; кроме того, Генерал был еще слишком слаб. Поэтому решили отдохнуть несколько часов на берегу моря, дававшего прохладу,

на которую нельзя было рассчитывать вдали от воды в этот ужасно душный и знойный день.

Вытащив лодки на берег, быстро развели костер, поджарили мясо и сварили чай; Генералу сделали опять холодные компрессы.

Подкрепив свои силы, трое легли спать прямо на песке, а четвертый остался на карауле, так как нужно было принять меры предосторожности против нападения ящеров и таинственных насекомых. Три часа прошли благополучно. Последнее дежурство досталось Каштанову. Он лежал на песке, почти у самого берега, размышляя о дальнейшей судьбе экспедиции, которая станет печальной в случае, если не удастся отбить свое имущество у похитителей. Мало-помалу под влиянием невыносимой духоты он начал дремать и вдруг проснулся от кошмара: ему приснилось, что на него навалился исполинский ящер и огромным липким языком лижет его лицо.

В ужасе, со стоном, он раскрыл глаза и увидел прямо над собой морду Генерала, положившего одну лапу ему на грудь и жалобно визжавшего.

Верный пес не напрасно разбудил Каштанова. Подняв голову, последний увидел, что горизонт на севере совершенно потемнел: надвигалась тропическая гроза; уже испытанная путешественниками на реке Макшеева. Доносился беспрерывный грохот, и темная стена туч беспрестанно разрывалась яркими молниями.

Терять время было некогда — нужно было уходить дальше от берега моря, которое могло разбушеваться не на шутку.

Каштанов разбудил спящих. Решили бежать в холмы, потому что в лесу было не менее опасно, чем на берегу моря. Лодки потащили с собой, опасаясь, что волны смоют и унесут их.

Поднявшись на гребень первой гряды холмов, в которых Каштанов сразу признал морские дюны[1], путешественники увидели, что за ней открывалась глубокая долина, параллельная берегу моря и совершен-

---

[1] Дюны — холмы и гряды сыпучего песка на плоских берегах озер, морей и рек, где песок, принесенный водой, по высыхании подхватывается ветром, накопляется у препятствий и образует высокую гряду.

но бесплодная, как и оба склона гряды. Везде виднелся тот же красноватый песок, который пылал под лучами Плутона, еще не скрытого грозной тучей.

В этой долине путешественники решили переждать грозу. Перевернув лодки дном вверх, они укрылись под ними. Это была их единственная защита от ливня, так как непромокаемые плащи были похищены, как и остальная одежда.

Гроза не заставила себя долго ждать. Сине-багровый вал надвинулся уже на половину неба. Плутон скрылся, быстро темнело, и первые порывы ветра пронеслись над долиной, срывая с гребня дюн струйки песку. Дюны словно задымились, воздух наполнился горячим песком и сделался еще удушливее. Но вот налетел и ураган. Каштанову, выглянувшему из-под лодки, показалось, что вся первая гряда дюн поднялась в воздух и ринулась в долину. Песчинки сыпались целыми потоками на лодки. Лес хвощей, который был виден в широком устье долины, трепетал под напором бури. Стройные стволы хвощей гнулись почти до земли, ветви извивались в воздухе, словно пряди зеленых волос; летели сорванные верхушки, сучья, стебли. Сумрак то и дело исчезал в ослепительных вспышках молний, после чего казался еще гуще. Гром гремел не умолкая.

Но вот по лодкам забарабанили крупные капли дождя и полил ливень, сразу очистивший воздух от песка и пыли. Хотя ветер еще бушевал, но намокший песок уже не поднимался в воздух. Несмотря на массы низвергавшейся воды, со склонов дюн стекали только небольшие и быстро исчезавшие ручейки, так как песок жадно поглощал воду.

Быстро промчалась гроза. Плутон начал проглядывать сквозь разрозненные тучи. Дождь кончился, и путешественники хотели вылезти из-под лодок, где им приходилось полулежать в духоте. Но не тут-то было — лодки нельзя было приподнять, они были придавлены кучами песку, нанесенного бурей и намоченного водой, под тяжестью которого их дно прогибалось.

— Мы арестованы под лодкой! — воскликнул Папочкин.— Помогите нам освободиться!

— Мы сами арестованы! — ответил Макшеев, сидевший с Каштановым и Генералом под другой лодкой.

— Что вы думаете делать?

— Собираемся вырыть себе проход в рыхлом песке под бортом лодки.

— Идея! Мы сделаем то же самое.

Некоторое время все было тихо, только слышалось пыхтение людей, рывших себе ход в песке, словно кроты.

Затем из-под носа одной лодки выполз на животе грязный и встрепанный Макшеев, вслед за ним Каштанов и наконец Генерал, а из-под второй лодки показались зоолог и ботаник.

Потом пришлось освобождать лодки от наваленного на них песка и тащить их вниз по долине к сухому руслу. Но, добравшись до русла, путешественники остановились в изумлении: здесь катила свои бурные, желтовато-красные воды большая речка, по которой нельзя было плыть, но и вброд перейти ее также было невозможно.

— Продолжать преследование невозможно! — огорченно воскликнул Громеко.— Придется ждать, пока не сбежит вода.

— Это не так страшно,— заметил Макшеев.— Гораздо печальнее то, что вода в русле и дождь повсюду уничтожили следы похитителей, и мы не будем знать, куда они направились.

— Эх, зачем мы только сделали привал! — с досадой сказал Папочкин.— До ливня мы, наверно, успели бы отмахать десяток километров и, может быть, добрались бы уже до убежища грабителей.

— Ну, сделанного не вернешь! Я полагаю, что искать это убежище придется недолго. Не могли же они тащить наши вещи целые десятки километров,— утешал Каштанов.

Вода в русле убывала на глазах путников, и через полчаса остались только лужи в углублениях почвы.

— В путь! Вода скатилась! — сказал Макшеев.

— Но что же мы будем делать с лодками? Не тащить же их за собой в глубь страны неизвестно сколько километров! — сказал Каштанов.

— Придется их оставить вблизи моря, но только нужно спрятать как-нибудь от тех же таинственных грабителей.

— Закопаем их в песок,— предложил Громеко.

— Хорошая мысль! Песок рыхлый, и, хотя придется работать руками, другого выхода нет.

ЦАРИ ЮРСКОЙ ПРИРОДЫ

Зарыв лодки, путешественники направились вверх по руслу, в котором вода уже не текла. Но большие лужи и липкая глина местами заставляли вылезать на тот или другой берег. Шли осторожно, зорко поглядывая по сторонам и держа ружья наготове на случай неожиданной встречи с похитителями. Слева от русла тянулся тот же лес хвощей, папоротников и пальм, тогда как справа одна за другой возвышались гряды красноватых голых дюн. Убежище грабителей могло быть как в лесу, так и среди дюн.

Через некоторое время наткнулись на что-то темное, лежавшее в русле и полузанесенное песком и илом; откопали его и увидели перед собой огромного черного муравья, тело которого достигало около метра в длину, голова была немного меньше человеческой, а скрюченные в предсмертной борьбе лапы оканчивались острыми когтями.

— Вот царь природы юрского периода! — воскликнул Каштанов.

— Если их колонии или общежития так же населены, как муравейники на земной поверхности, нам придется иметь дело с тысячами врагов,— сказал Папочкин.

— Да, врагов хищных,— умных и беспощадных! — прибавил Громеко.

В это время Генерал, который плелся позади и иногда ложился отдыхать, подошел ближе. Увидев мертвого муравья, он с остервенением бросился на него, издавая злобное ворчанье.

— Эге, узнаешь, брат, одного из тех, кто тебя искусал! — воскликнул Макшеев, удерживая собаку.

Немного далее встретили труп второго муравья, а потом и третьего. Очевидно, ливень застиг некоторых похитителей еще в пути, и вода унесла их.

— Эти черные дьяволы перемочили и перепортили все наши вещи! — воскликнул в отчаянии Громеко.

— Да, сомнительно, чтобы у них хватило ума расставить палатку и спрятаться в нее вместе с вещами! — подтвердил Папочкин.

— Я думаю, что они добрались в свое жилище раньше ливня,— заявил Макшеев.— Ведь нужно вспомнить, что они двинулись в путь гораздо раньше нас, а

мы еще в двух местах отдыхали по нескольку часов.

Прошли еще километра два в молчании. За руслом лес начал редеть, и в нем появились многочисленные тропинки. На песчаных грядах, особенно же в долинах между ними, уже видна была растительность: кусты, пучки трав, мелкие хвощи.

Вдруг Макшеев остановился и указал своим спутникам на ближайшую долину между двумя грядами, где по песку двигались два темных тела, то тащившие, то катившие какой-то белый шар.

— Муравьи?

— Очевидно! Что же они тащат? У нас ничего круглого и белого не было.

— Нашли какую-то другую добычу.

— Не отобьем ли мы ее у них?

— Нет, лучше спрячемся и затем пойдем по их следам — они приведут нас к муравейнику.

— Только держите Генерала, чтобы он не бросился на них.

Путешественники отошли немного назад и укрылись за опушкой леса. Вскоре из-за кустов в устье долины показались муравьи, катившие перед собой по песку большой белый предмет яйцевидной формы.

— Неужели яйца этих муравьев так велики? — спросил Макшеев.

— Нет, это скорее яйцо какого-нибудь летающего ящера, которое они стащили и катят в свое жилище,— сказал Папочкин.

— А как вы думаете, эти яйца ящеров съедобны?

— Почему же нет? Едят ведь яйца черепах, почему не съесть яйцо ящера?

— Это нужно принять во внимание,— заметил Громеко.— Теперь, при скудости нашей пищи и необходимости беречь заряды, яичница была бы очень кстати.

— Для такого огромного яйца нужна соответствующая сковорода, которой у нас нет.

— Обойдемся и маленькой! Пробьем в яйце дырочку с одной стороны, перемешаем палочкой желток и белок, подсыплем соли и будем брать на сковороду сколько нужно.

— Но у нас вообще-то сковороды нет — муравьи утащили нашу кухню.

— А я и забыл. Но нельзя ли устроить сковороду из яичной скорлупы,— осторожно отрезать верхушку яйца и на ней жарить?

— На чем же? У нас нет масла.

— Есть сало игуанодона.

Пока охотники обменивались этими кулинарными соображениями, муравьи докатили яйцо до берега русла и остановились в нерешительности, так как берега его были обрывисты. Сбросить яйцо с обрыва было нетрудно, и на мягком песке оно бы не разбилось, но поднять его на ту же высоту на другом берегу казалось слишком трудной задачей для муравья.

Насекомые между тем бегали вокруг яйца и вдоль обрыва, шевеля сяжками и касаясь ими друг друга, очевидно советуясь. Затем один спустился в русло, осмотрел противоположный берег, постоял перед ним, словно в раздумье, наконец побежал вдоль него, часто останавливаясь и осматривая обрыв.

Шагах в пятидесяти дальше он нашел менее крутое место, которое показалось ему подходящим для устройства спуска. Он и начал устраивать его, работая передними ногами и челюстями отрывая глыбы земли и оттаскивая их в сторону.

Второму муравью, оставшемуся у яйца на карауле, скоро надоело ждать, он также спустился в русло и побежал по следам товарища, который был скрыт от него поворотом берега.

— Не стащить ли нам яйцо, оставленное муравьями? — предложил Громеко.

Эта мысль сначала понравилась, но затем возникли некоторые сомнения.

— Во-первых, они могут заметить нас, и мы преждевременно выдадим им свое присутствие; во-вторых, не найдя оставленного яйца, они начнут его искать в окрестности, а мы, вместо того чтобы идти по их следам к муравейнику, будем прятаться в кустах и потеряем время,— заявил Каштанов, отвергая предложение ботаника.

Но в это время Папочкин заметил в той же долине между песчаными грядами еще одну пару муравьев, которые катили второе яйцо.

— Теперь, пожалуй, ваши доводы — не трогать первое яйцо — отпадают,— сказал он.

— Ну, тогда скорее за работу!

Макшеев и Громеко перебежали русло, подняли вдвоем яйцо, имевшее полметра в поперечнике, и перенесли его в свое убежище на опушке.

Затем Макшеев рукой осторожно затер следы ног в русле, которые могли указать муравьям, если они были достаточно умны, куда делось яйцо.

Вскоре в русле показались оба муравья, бежавшие к оставленной добыче. Взобравшись на берег и не найдя яйца, они начали бегать взад и вперед, подбегали друг к другу, шевеля сяжками и, очевидно, находясь в смущении.

В это время в устье долины показались муравьи, катившие второе яйцо. Увидев их, первые кинулись им навстречу и — очевидно, предположив, что вторые похитили их добычу,— начали ее отнимать.

Началась свалка: муравьи привстали на четырех задних ногах, поднимая переднюю пару и стараясь вцепиться челюстями в шею противника и перегрызть ее. В пылу борьбы одна пара приблизилась к берегу русла и свалилась с обрыва. При падении один муравей очутился на другом, воспользовался удобной минутой и почти откусил голову соперника.

Оставив последнего, он побежал на помощь товарищу, изнемогавшему в борьбе; вдвоем они быстро одолели врага и покатили яйцо к руслу.

Путешественники следили с большим интересом за боем, но никак не могли решить, которая пара муравьев одержала верх, потому что всех этих насекомых совершенно нельзя было отличить друг от друга. Победившие муравьи остановились у берега русла, посовещались, затем скатили в него яйцо и покатили его вверх.

В нескольких местах, где противоположный берег казался им более низким, они останавливались и пробовали поднять яйцо наверх. Но их когти были недостаточно сильны, чтобы пробить твердую скорлупу, яйцо скользило в их лапах и падало назад.

Добравшись до того места, где в береге русла был выкопан спуск, муравьи заметили его, осмотрели и сделали попытку втащить яйцо наверх, подпирая его своими туловищами. Это им удалось, и они покатили его дальше по тропинке, уходившей в глубь леса. На основании действий этой пары приходилось думать, что победили вторые муравьи.

Теперь оставалось идти по тропинке вслед за муравьями. Но не зная, как далеко придется еще идти, нужно было сначала разделаться с яйцом, отнятым у муравьев; нести его было тяжело, а катить по лесу неудобно. Поэтому быстро развели огонь в яме, выкопанной в песке, испекли яйцо целиком вкрутую, разделили на части, а из скорлупы сделали несколько тарелок и сковороду.

После ужина путешественники пошли в глубь леса по тропинке, хорошо вытоптанной, но узкой и неудобной. На высоте одного метра от земли ветви хвощей сплетались так, что приходилось ползти или идти согнувшись; по всей вероятности, только муравьи пользовались этой тропой.

Через полчаса лес начал редеть; муравьиная тропа часто раздваивалась, пересекалась другими, и Макшееву приходилось тщательно высматривать след яйца, в то время как Каштанов вел глазомерную съемку, чтобы иметь карту местности, населенной их врагами.

— Странно, что мы до сих пор в лесу не встретили ни одного муравья,— сказал Каштанов.

— Они, вероятно, имеют определенные часы для отдыха и сна, а другие животные не смеют приближаться к муравейнику.

Но вот впереди показался широкий просвет. Очевидно, лес кончался, а на поляне за ним мог быть муравейник. Поэтому нужно было удвоить осторожность. Зоолог и ботаник остались с Генералом, а Каштанов и Макшеев отправились на разведку.

Дойдя до края леса, они остановились под защитой последних деревьев и начали осматривать местность. Лес сменялся обширной поляной, вернее пустырем, почти совершенно лишенным растительности,— только кое-где торчали объеденные стебли. Среди этого пустыря, недалеко от опушки леса, возвышался огромный плоскоконический холм, метров двенадцати вышиной и более ста метров в поперечнике, состоявший из наложенных друг на друга древесных стволов.

При помощи бинокля можно было различить, что стволы расположены не в беспорядке, а по известной системе, образуя сложную, хотя и грубую постройку. Во многих местах на различной высоте темнели входные отверстия, но муравьев нигде не было видно — они, несомненно, спали.

Пустырь был замкнут со всех сторон лесом, возвышенностями и дюнами, и муравьи являлись единственными хозяевами его. В его западной части, вдоль подножия дюн, вероятно, протекал ручеек, судя по полосе зеленой травы и кустов, резко выделявшихся на желтом фоне песка.

КАК ПРОНИКНУТЬ В МУРАВЕЙНИК

Осмотрев местность, Каштанов и Макшеев вернулись к своим товарищам, чтобы обсудить дальнейшие шаги.

— Напасть на спящий муравейник нетрудно,— сказал Каштанов,— но будет ли это целесообразно — не знаю. Нам ведь неизвестно, в какой части этого огромного сооружения сложены наши вещи, мы легко может заблудиться в лабиринте ходов.

— Внутри, наверно, темно, а у нас нет ни свечей, ни фонарей,— заметил Папочкин.

— Можно устроить факелы — я видел в лесу смолистые деревья, годные для этой цели,— заявил Громеко.

— Идя с огнем, мы, несомненно, разбудим муравьев и подвергнемся нападению, которое должно кончиться печально для всех нас,— сказал Макшеев.

— Да, их, должно быть, сотни, если не тысячи, и сколько бы мы ни уложили выстрелами и ножами, в конце концов нас все-таки загрызут или зажалят до смерти.

— Но что же нам делать? — пробормотал Каштанов.— Мы не можем отказаться от своих вещей: они необходимы нам для обратного пути.

— А если поджечь муравейник с одной стороны? Муравьи начнут спасать свои запасы, и в том числе наши вещи, которые вытащат наружу.

— Прежде всего они будут спасать своих личинок и куколок, а вещи могут за это время сгореть. Но если они даже успеют вынести вещи, то все-таки нам придется отнимать их силой.

— Не выкурить ли муравьев дымом, а потом, когда они покинут свое жилище, отправиться за вещами?

— Этот план уже лучше, но в ходы, наполненные дымом, мы сами не сможем проникнуть, а когда дым рассеется, муравьи тоже могут вернуться.

— Положение, кажется, остается безвыходным!

— Вот что,— предложил Макшеев,— я лягу вблизи муравейника и притворюсь мертвым. Муравьи потащат меня в свое жилье, и там я, может быть, сумею разведать, где лежат наши вещи, а в следующую ночь успею вытащить их наружу.

— Этот план слишком рискован,— возразил Каштанов.— Муравьи могут утащить вас не целиком, а растерзав на куски. Но допустим даже, что они потащат вас целиком и не умертвив, как же вы в темноте, да еще в положении трупа сумеете ориентироваться в лабиринте ходов, чтобы потом найти дорогу наружу.

— Я возьму в карман клубок ниток и, выпуская постепенно нить, сумею по ней выбраться, как Тезей по нити Ариадны из лабиринта.

— Хорошо, если муравьи не заметят этого и не станут подбирать вашу нить. А есть ли у вас нитки?

Клубка ни у кого не было, и этот рискованный план также был забракован. Все сидели, понурив головы, придумывая новые планы, которые также приходилось отбрасывать как невыполнимые.

— Вот что я придумал,— заявил Каштанов: — Нужно отравить или оглушить муравьев ядовитыми газами, чтобы они оставались в оцепенении в течение времени, необходимого нам для поисков наших вещей в муравейнике. Такими газами являются хлор, бром и сернистый газ. Следовательно, нужно прежде всего найти материал для приготовления достаточного количества газов. Хлор можно добыть из поваренной соли, которая имеется в море. Бром, вероятно, имеется в золе водорослей, растущих в этом море, но добыть его будет еще труднее, чем хлор. Всего легче было бы приготовить сернистый газ, если мы только найдем серу, серный колчедан или другую сернистую руду. Свинцовый блеск мы уже видели в ущелье птеродактилей; может быть, он найдется и здесь, в утесах возвышенности.

— Но ведь на поиски материала и изготовление газа понадобится немало времени! — сказал Макшеев.

— Что же делать! На несколько дней нам хватит наличных зарядов для добычи пищи. Лучше подготовить способ наиболее верный — рискованные способы останутся у нас в запасе на случай крайности.

— Следовательно, нам нужно убираться отсюда, ничего не сделав с грабителями?

— Лучше уйти, пока муравьи нас не заметили, и не возбуждать их подозрительности поспешными попытками. Если мы их потревожим, они сделаются более осторожными, расставят караулы у входа, будут обыскивать окрестности и затруднят нам дальнейшие шаги; ведь мы еще не знаем, на каком уровне развития стоят эти цари юрской природы.

Все согласились с Каштановым, хотя и не без чувства досады на необходимость отказаться от немедленной расправы с грабителями. Решили вернуться к песчаным дюнам и вдоль русла проникнуть на возвышенность в поисках серы или сернистых руд.

Путешественники прошли к руслу вдоль опушки леса; никаких животных, даже насекомых не было видно,— очевидно, муравьи систематически охотились за всякой дичью в окрестностях муравейника. Только изредка над пустырем проносился какой-нибудь ящер, спешивший дальше. Русло тянулось вдоль окраины пустыря, а немного далее вверх врезывалось в песчаные холмы, пролегая в довольно глубокой долине. Здесь по обоим берегам росли кусты, небольшие хвощи, сладкий тростник, папоротники. Вверх по этой долине путешественники подвинулись еще на несколько километров и затем решили основательно отдохнуть после тревог и переходов, продолжавшихся целые сутки. Воды в ручье было уже много, а тень пальм и хвощей манила к себе. Сварили чай, поужинали оставшимся в запасе яичным желтком и спокойно выспались. Но затем появление муравьев по соседству заставило поторопиться с завтраком, чтобы поскорее уйти подальше от муравейника и не выдать его обитателям свое присутствие.

Через несколько километров песчаные склоны долины уступили место скалистым, так как русло начало врезаться в столовую возвышенность. В поисках сернистых руд Макшеев и Каштанов шаг за шагом осматривали скалы: один на правом, другой на левом склоне, что, конечно, замедляло движение. Папочкин и Громеко оставались вблизи русла с ружьями наготове, чтобы добыть какую-нибудь дичь или отразить нападение ящеров или муравьев, но последние не встречались. Местность постепенно становилась все более пустынной, даже вдоль ручья деревья и кусты росли уже более редко, и только узкая полоса травы и слад-

кого тростника везде еще окаймляла его берега. Наличие последнего очень радовало путешественников, так как он остался их единственной пищей в этой пустыне.

Из животных им попадались только огромные стрекозы, реявшие над водой, и изредка птеродактили, охотившиеся за этими насекомыми. Воздух был совершенно спокоен, лучи Плутона жгли немилосердно в узкой долине, голые склоны которой были нагреты, словно печь, и только близость воды, которой можно было постоянно утолять жажду и смачивать голову, поддерживала путешественников и позволяла им двигаться вперед.

Поиски сернистых руд пока были безуспешны.

Обеденный привал сделали на берегу ручья; сварили чай, пососали сладкий тростник и разделили последний сухарь.

— Вечером нам придется попробовать стрекозу или подстрелить птеродактиля,— печально сказал Папочкин, собирая последние крохи сухаря.

В ГЛУБЬ ЧЕРНОЙ ПУСТЫНИ

Отдохнув, продолжали путь вверх по долине. На обоих склонах тянулись те же черные, мрачные скалы, разбитые трещинами то на огромные неуклюжие кубы, то на стройные тонкие столбы. Растительность вдоль ручья становилась все беднее, хвощи попадались реже, папоротники и пальмы совсем исчезли, и только трава и сладкий тростник продолжали окаймлять берега ручья.

На ночлег остановились у последнего сухого дерева, чтобы воспользоваться им в качестве топлива. Сварили чай и пили его в большом количестве с соком тростника, чтобы обмануть голод, так как никакой дичи не попалось.

После чая Макшеев и Каштанов вздумали подняться на склон долины, чтобы осмотреть местность. Последняя представляла собой равнину, расстилавшуюся во все стороны на далекое расстояние; только на юге, километрах в двадцати, над ней поднималась группа плосконических гор.

Когда оба исследователя отошли на несколько де-

сятков шагов от края обрыва, так что долина ручья совершенно скрылась из виду, они почувствовали все мрачное величие окружавшей пустыни.

Черный голый утес, усыпанный крупными и мелкими осколками, отделившимися от него под влиянием высокой температуры вечно греющих лучей, представлял почву этой пустыни. Нигде ни кусочка, ни былинки, один черный камень под ногами до горизонта, небо с красноватым Плутоном над головой — абсолютная, непроходимая пустыня, грозившая верной смертью от голода и жажды смельчаку, который решился бы надолго углубиться в ее необозримые просторы.

У черного камня, нагретого Плутоном, было жарко, как у раскаленной печи, а сверху жгли отвесные лучи Плутона, от которых решительно негде было укрыться. Только горы, поднимавшиеся на юге, вносили маленькое разнообразие в ужасную, подавляющую монотонность пустыни, потому что они были не черные, а изобиловали белыми, красными и желтыми полосами и пятнами.

Рассмотрев местность, Каштанов сказал своему спутнику:

— Я думаю, что нашему проникновению в глубь таинственной страны поставлен недалеко отсюда окончательный предел. Долина, по которой мы идем, вероятно, оканчивается там, у группы гор, и я боюсь, что дальше расстилается такая же мрачная пустыня, абсолютно непроходимая без специального снаряжения, без больших запасов воды, провианта и топлива.

— Неужели вся остальная часть внутренней поверхности Земли представляет такую же раскаленную пустыню?

— Вероятно, что так; по крайней мере до окрестностей входного отверстия у Южного полюса, если такое существует. Ведь влагу, необходимую для растительности и животной жизни, внутренняя поверхность получает через эти отверстия. Очевидно, море, которое мы переплыли, составляет последний резервуар этой влаги.

— Но, как мы видели, господствующие здесь северные ветры могут заносить эту влагу и дальше.

— За последнее время мы этих ветров не ощущали, кроме редких бурь с грозами. По-видимому, послед-

ние тучи, приходящие с севера, разряжаются над морем и ближайшей к югу от него полосе, а дальше над этой раскаленной пустыней несутся только остатки влаги, воздух не насыщается ими и дожди невозможны.

— Значит, мы дойдем только до этих гор на юге?

— Да, доберемся до них и увидим, правильны ли мои соображения.

— Что же делать, если на этом пути мы не найдем нужных нам сернистых руд?

— Эти горы, судя по их форме и цвету, вероятно, представляют потухшие вулканы, а на склонах вулканов почти всегда можно найти серу. Я убежден, что там мы найдем все необходимое.

— И повернем назад?

— Я думаю, нужно воспользоваться тем, что мы уже проникли так далеко от моря, и сделать еще экскурсию на юг, чтобы убедиться, что пустыня непроходима. Тогда наша совесть будет спокойна — мы сделали все, что в человеческих силах.

— Но, может быть, в другом месте море проникает дальше на юг, а следовательно, даст нам возможность проникнуть дальше.

— Если мы отнимем у муравьев наши вещи, то можем проехать вдоль берега моря на восток и на запад и убедиться в этом.

Насмотревшись на пустыню и бросив прощальный привет синей поверхности моря и его зеленым берегам, которые чуть виднелись на севере, за краем пустыни, геологи направились обратно к своему лагерю. Когда они спускались по расселине, скользя на осыпях и прыгая с глыбы на глыбу, они услышали один за другим два выстрела.

— Что это? Неужели муравьи забрались так далеко и напали на наших товарищей? — заметил Каштанов.

— Нужно поспешить на помощь! — ответил Макшеев.

Удвоив быстроту спуска, они через несколько минут достигли подножия склона и бегом направились к месту стоянки.

Но их тревога оказалась напрасной: не муравьи напали на товарищей, а благосклонная судьба послала голодающим запас провизии.

Сидя на берегу ручья, Папочкин и Громеко заме-

тили черную тень, пронесшуюся над ними. Они подняли головы и увидели, что над долиной кружит большой птеродактиль, внимание которого, может быть, привлекла блестевшая на солнце жестянка. Недолго думая они схватили ружья и выстрелили, когда ящер, описывая новый круг, спустился ниже. Одна пуля попала, и животное свалилось. Это был очень крупный экземпляр — длиной от головы до кончика хвоста больше полутора метров, так что его туловище имело много мясистых частей.

Насытившись ужином из ящера, залегли спать, поочередно карауля, так как мясо, разложенное на камнях для провяливания, нужно было беречь от летучих ящеров, которые могли сюда залететь.

На следующий день движение вверх по долине продолжалось; путешественники были нагружены запасами сушеного мяса, а также сладкого тростника и топлива, так как опасались, что всего этого выше по долине уже не встретят. Долина действительно становилась все более и более пустынной, и растительность на берегах ручья попадалась все реже. Сернистая руда не встречалась, и теперь Каштанов возлагал единственную надежду на вулканообразные горы в верховьях долины, которые к концу длинного перехода казались уже совсем близкими. Немного не доходя их, долина сузилась и превратилась в короткое ущелье, которое вывело путешественников в котловину, расположенную у самого подножия гор.

К всеобщему удивлению, на дне котловины оказалось довольно большое озеро, скалистые берега которого местами были покрыты зеленью — небольшие хвощи, папоротники и тростник росли группами на более отлогих участках берега, прерывавшихся невысокими скалами. Это озеро представляло удобное место для стоянки, где можно было оставить лишний груз, чтобы подняться налегке на горы в поисках серы или сернистых руд. Расположившись в тени папоротников, путешественники вздумали выкупаться в темной спокойной воде озера, которое походило на большое гладкое зеркало в раме черного дерева с изумрудными вставками. Папочкин, раздевшийся первым, храбро нырнул с головой в воду, но тотчас же вынырнул и выскочил на берег с возгласом:

— Вода горячая, дух захватывает!

Остальные стали пробовать воду — кто рукой, кто ногой — и убедились, что зоолог прав.

Громеко вытащил карманный термометр, единственный уцелевший из инструментов экспедиции благодаря тому, что он всегда был при ботанике. Опущенный в озеро, он показал 40 градусов по Цельсию.

— Ну, это еще не так страшно! — сказал ботаник.— Сорок градусов Цельсия равны тридцати двум градусам Реомюра, а это температура горячей ванны, которую вполне можно выдержать.

Но горячая ванна в жаркий день не могла освежить, так что путешественники ограничились только тем, что помылись основательно, употребляя вместо мыла белый тонкий ил, который лежал толстым слоем на дне озера. Он был нагрет еще больше, чем вода, и положительно обжигал погруженные в него ноги, зато пенился подобно мылу и прекрасно заменял его.

— Вот еще неожиданное богатство, остающееся без употребления в этой стране чудес! — сказал Макшеев, усердно натираясь илом.

— Да, предприимчивые люди создали бы громадное дело. «Целебное мыло из недр земли излечивает всякие болезни, начиная от насморка и кончая раком»,— приблизительно так гласили бы рекламы, которыми были бы наводнены страницы газет и журналов! — смеялся Громеко, относившийся иронически к богатствам, возбуждавшим предприимчивый дух прежнего золотоискателя.

— Уж если говорить о богатствах Плутонии, то нельзя забывать и животный мир! — воскликнул Папочкин, сушившийся на солнце после «ванны».— Я бы организовал акционерную компанию для вывоза всех этих «живых окаменелостей» и снабжения ими зоологических садов и музеев всех государств поверхности нашей планеты. Такая компания имела бы огромный успех — больше ваших горнопромышленных предприятий, потому что золото, медь, железо — все это имеется в достаточном количестве и там наверху, а живых мамонтов, плезиозавров, птеродактилей там нет.

— Меня интересует это горячее озеро,— сказал Громеко.— Я уже раньше заметил, что вода в ручье тепловата, но приписывал это ее нагреванию в голой долине с черными склонами; теперь ясно, что ручей получает свое тепло из этого озера.

— Мы, несомненно, находимся у подножия старых вулканов,— пояснил Каштанов,— и озеро получает приток в виде горячих ключей, выходящих из нагретых еще недр вулкана.

— Нужно обследовать это озеро по всей его окружности и выяснить этот приток,— заявил зоолог.

— Вот вы и займитесь этим вдвоем с Михаилом Игнатьевичем, пока варится ужин, а мы пойдем на разведки к вулкану,— предложил Каштанов.

Одевшись после «ванны», он и Макшеев обогнули западный конец озера, из которого вытекал ручей, просачивавшийся между наваленными черными глыбами, и начали подниматься на совершенно голые и усыпанные черным щебнем холмы, лежавшие у подножия вулкана. Перевалив через них, разведчики очутились у подножия первой большой горы, на крутом склоне которой можно было различить потоки лавы, изливавшейся в разное время из кратера на вершине горы и застывшей на поверхности то округленными волнами, то хаотически нагроможденными друг на друга глыбами.

Рассматривая более старые потоки, поверхность которых была местами желтая, красная и белая, Каштанов объяснил своему спутнику, что здесь находится охра, нашатырь[1] и сера.

— Ну вот и сера, которая нам так нужна! Но только здесь ее немного и собирать трудно, а в кратере, надеюсь, найдем ее больше.

Карабкаясь по глыбам потока, разведчики через час достигли вершины горы. Она была плоская, и в центре ее зияла черная пропасть с почти отвесными стенками.

— Вот и кратер довольно солидных размеров.

— К несчастью, совершенно недоступный.

— Обойдем его кругом — может быть, найдется удобное местечко для спуска.

Вершина горы также состояла из застывшей глыбо-

---

[1] Нашатырь — соединение аммиака с хлором в виде белой соли, которая при нагревании улетучивается; встречается в расщелинах лавы и вулканов; изготовляется также искусственно для применения в медицине и технике. Охра — минеральная краска от желтого света до буро-красного; представляет собой водную окись железа в смеси с глиной и известью.

вой лавы. С вершины открывался обширный вид в обе стороны. На севере, у подножия холмов, лежало озеро в своей зелено-черной раме. Оно имело форму почти правильного круга и, быть может, тоже представляло кратер еще более древнего вулкана. На восток и на запад спускались огромные лавовые потоки, постепенно терявшиеся в виде гряд и стен черных скал на поверхности пустыни. На юге поднималась немного выше вторая гора — очевидно, главный конус вулкана, закрывавшая дальнейший вид; с первой горой она была соединена узкой и скалистой седловиной.

Обогнув кратер с запада и убедившись, что с этой стороны спуск в него тоже невозможен, разведчики прошли по седловине на вторую гору. Ее вершина имела также глубокий кратер, но разорванный на юго-востоке громадной выемкой, от которой вниз по склону шел гигантский лавовый поток — вероятно, продукт последнего извержения вулкана.

Эта выемка в вале кратера позволяла спуститься на его дно без особого риска.

Теперь вид на юг был открыт. В ближайшем соседстве с главным вулканом возвышалось еще несколько низких вулканов с обвалившимися кратерами, за ними до горизонта расстилалась та же черная пустыня, которой, казалось, не было конца.

— Да, дальше на юг, в глубь Плутонии, здесь хода нет! — воскликнул Макшеев, впиваясь своим острым взором в даль.— Километров на сто не видно ничего, кроме черного камня.

— И экскурсировать в эту сторону нечего! — прибавил Каштанов.— Осмотрим вулканы, наберем серы — и назад к муравейнику отбивать наше имущество.

Вид с вершины горы произвел на них удручающее впечатление.

Под ногами наблюдателей тянулась группа черных гор, изрезанных глубокими ущельями, словно морщинами, с желтыми, белыми и красными пятнами, словно набрызганными гигантской кистью неопытного маляра, а затем во все стороны шла черная ровная пустыня без единого признака жизни, безотрадный простор которой под красноватыми лучами Плутона имел особенно зловещий характер.

— Это царство смерти, более ужасное, чем полярные снежные пустыни! — воскликнул Каштанов.

— Да, если бы дух зла существовал, то лучшего местопребывания ему не найти,— подтвердил Макшеев.

— Вы подали хорошую мысль. Назовем эту местность пустыней Дьявола.

— А эти вулканы — троном Сатаны. Мне так и рисуется зловещая картина: в те дни, когда Плутон меркнет и воцаряются красноватые сумерки, из кратера поднимается дух зла, похожий на исполинского птеродактиля, носится над этими горами и над пустыней, оглашая воздух своим воем, купается в волнах горячего озера, отдыхает на черных высоких скалах, любуясь своим царством...

Осмотрев местность и заметив наиболее удобный пункт для спуска в кратер, разведчики пошли к озеру, выбирая более прямой путь от главной вершины, чтобы отправиться на следующий день вчетвером за серой.

ЭКСКУРСИЯ В КРАТЕР САТАНЫ

На следующий день все четверо отправились к главному вулкану, захватив с собой на всякий случай одно ружье, немного жареного мяса и сладкого тростника.

Остальное имущество можно было оставить у озера под наблюдением Генерала, так как полное отсутствие животных в этой пустыне позволяло надеяться на его невредимость.

Путь шел сначала через низкие горные черные холмы и гряды потоков, потом по склону главного вулкана вдоль огромного потока, начинавшегося у бреши кратера. Через полчаса добрались до нее и начали спускаться вглубь по глыбам застывшей лавы, представлявшим нечто вроде лестницы для исполинов.

Спуск продолжался полчаса и привел на дно кратера, которое представляло площадку с засохшей, растрескавшейся черной грязью, прежде, очевидно, покрытой водой исчезнувшего озерка. За площадкой круто поднималась противоположная стена, густо покрытая белыми, желтыми и красными налетами и натеками. В желтых налетах нетрудно было узнать самородную серу в виде мелких и крупных кристаллов, си-

девших в пустотах лавы или покрывавших ее поверхность нетолстым слоем.

Вынув охотничьи ножи, путешественники принялись соскабливать налеты и отделять более крупные кристаллы, складывая добычу в свои заплечные мешки. Когда последние были наполнены, оказалось, что в каждый поместилось около шестнадцати килограммов.

— Шестнадцать килограммов серы дают свыше одиннадцати тысяч литров сернистого газа,— заметил Каштанов,— а шестьдесят четыре — почти сорок пять тысяч литров. Я думаю, что этого достаточно для муравейника.

— Больше мы и не можем унести,— сказал Папочкин.— У нас есть еще ружья и некоторые запасы, а тащить это все на себе придется два дня.

— Кое-что можно навьючить на Генерала,— предложил Макшеев.— Он уже поправился, сегодня целый день отдыхает и унесет на своей спине килограммов тридцать. До озера под гору мы эти тридцать килограммов донесем, поэтому наберем еще серы, чтобы хватило.

Позавтракав и отдохнув, путешественники набрали еще килограммов тридцать, которые Макшеев поместил в свою рубашку, сделав из нее мешок. В одной из трещин наскребли также горсть поваренной соли.

Во время отдыха Каштанов полулежал, прислонившись к стене кратера, и внезапно ощутил резкие удары, доносившиеся из глубины горы.

«Неужели вулкан не потух?» — подумал он.

Но, не имея опыта в изучении действующих вулканов, он не придал значения этим звукам и даже не сказал о них своим товарищам.

Когда же сбор второй партии серы был окончен и все четверо опять уселись на дне кратера, чтобы отдохнуть перед подъемом и спуском с тяжелым грузом на плечах, Каштанов вспомнил о звуках и приложил ухо к скале. Удары слышались еще яснее, и ощущалось даже легкое дрожание утесов.

— Я, может быть, ошибаюсь! — воскликнул он, вскочив со своего места.— Но мне кажется, что нам здесь мешкать нечего: в недрах вулкана идет какая-то работа. Уж не готовится ли он к извержению? Послушайте сами!

Приложив ухо к стенке кратера, все убедились в справедливости его слов.

— Может быть, извержение и не состоится; может быть, оно произойдет через неделю или через месяц, но я не поручусь, что оно не случится сегодня! — заявил профессор.

— Совершенно верно, и сидеть на дне кратера нечего, тем более что нам предстоит нелегкий подъем до его края,— согласился Громеко.

Взвалив тяжелые мешки на плечи, путешественники полезли вверх по лестнице исполинов. Но подъем с ношей шел не так скоро, как спуск, и только через час они были наверху. Оглянувшись назад, они убедились, что их поспешность была вполне своевременна: со дна кратера поднимался тонкий столб желтоватого дыма, в воздухе запахло серой и хлором.

Содрогание стенок кратера уже настолько усилилось, что ощущалось под ногами. Нужно было торопиться, потому что с минуты на минуту извержение могло начаться взрывом лавовой пробки, закупорившей жерло кратера. Не теряя времени, путешественники начали спускаться по той же дороге, по которой пришли, и через два часа были у озера, где соскучившийся Генерал приветствовал их радостным лаем и визгом.

Впрочем, вулкан не торопился начинать свою деятельность. Над его вершиной виднелся только тонкий столб буроватого дыма, поднимавшийся вертикально на огромную высоту и там рассеивавшийся.

У озера не слышно было подземных ударов, и все было спокойно.

Когда все сгрузили мешки с серой возле остального имущества, Папочкин спохватился, что забыл свое ружье в кратере или на вершине, где два раза останавливались для отдыха. Заявив об этом товарищам, он сказал, что вернется сейчас к вулкану за ружьем.

— У нас есть еще три ружья, а в муравейнике четвертое запасное, так что можно обойтись без оставленного и незачем подвергаться еще раз опасности, которой мы избегли,— заметил Каштанов.

— Вулкан только дымит,— твердил зоолог, очень любивший свою двустволку, отличавшуюся верным боем, и огорченный своей забывчивостью.— Пока вы отдыхаете, я успею сбегать.

— Спускаться в кратер дымящегося уже вулкана

нельзя, потому что вы задохнетесь от ядовитых газов. А наиболее вероятно, что вы оставили ружье именно на дне кратера. Следовательно, ваша затея все равно невыполнима,— убеждал Каштанов.

— Нет, я вспоминаю, что скорее всего оставил ружье на краю кратера еще перед спуском, чтобы не таскать его напрасно вниз и вверх по скалам. А добежать до края кратера не так уж долго и опасно,— твердил зоолог.

— Извержение может начаться каждую минуту. Не знаю даже, благоразумно ли мы поступаем, оставаясь до завтра на берегу этого озера — не лучше ли подальше уйти от вулкана?

Но все очень устали от восхождения и спуска с тяжелой ношей на спине. Вид вулкана не внушал особых опасений, а озеро находилось на расстоянии около двух километров по прямой линии от кратера, то есть сравнительно далеко, и можно было надеяться, что его берегам непосредственная опасность не может угрожать; поэтому решили ночевать у озера, рассчитывая присутствовать хоть при начале такого грандиозного явления, как извержение вулкана.

Но тишина продолжалась только часа четыре. Спящие внезапно были разбужены страшным грохотом и колебаниями почвы. Им показалось, что их подбросило в воздух и что они падают в озеро.

Все вскочили на ноги, испуганно озираясь; почва дрожала под ногами, и деревья на берегу озера раскачивались в разные стороны.

Вершина вулкана была окутана густой завесой черного дыма, которую прорезали, подобно молниям, раскаленные камни, выбрасываемые из кратера.

Извержение началось.

— Где же Папочкин? — воскликнул Макшеев, заметивший, что их только трое.

— Не сбросило ли его толчком в озеро? Он лежал ближе всех к его берегу,— предположил Громеко.

Но поверхность воды была покрыта только мелкой рябью, очевидно обусловленной сотрясением почвы. Круговых волн, которые указывали бы, что в воду только что свалилось тяжелое тело, не было видно.

— Не убежал ли он с перепугу вниз по долине?

— А не ушел ли он все-таки к кратеру за своим ружьем? — заметил Каштанов.

Последнее предположение показалось наиболее правдоподобным, потому что зоолог отличался упрямством. Он, очевидно, подождал, пока его товарищи уснули, и отправился к вулкану.

Когда все призывы и поиски вокруг озера оказались тщетными, пришлось признать, что зоолог ушел за ружьем.

— Хорошо, если он еще не дошел до вершины вулкана, когда извержение началось,— заметил Каштанов.— В противном случае он несомненно погиб.

— Что же нам делать? — воскликнул Макшеев.— По-моему, нужно бежать к нему на помощь!

— Подождем некоторое время,— предложил Громеко.— До дна кратера и обратно три—четыре часа хода. Если он ушел в девять, как только мы уснули, он через полчаса или час должен вернуться.

— А за это время ход извержения покажет, можно ли подняться к кратеру без крайнего риска.

— Но ведь это ужасно — сидеть бездеятельно на месте и ждать, вместо того чтобы спешить на помощь товарищу!

— Да, это ужасно, но мы можем спасти его только в том случае, если он еще не дошел до кратера и только ранен упавшим камнем. Если же он оказался на вершине или в самом кратере во время взрыва, то он безусловно погиб, если не от камней, то от газов. Пытаясь теперь проникнуть на вершину вулкана, мы товарища не спасем, а рискуем судьбой всей экспедиции. Смотрите, что там делается!

Последние слова Каштанов произнес при виде огромного облака паров, вырвавшихся из кратера вулкана.

ПРОБУЖДЕНИЕ ВУЛКАНА

Через несколько секунд раздался оглушительный грохот, словно гора разлетелась на части или взлетела на воздух. Облако помчалось вниз по склону, чудовищно разрастаясь вверх и в стороны и превращаясь быстро в лилово-черную тучу или целую стену туч, которые клубились, перемешивались, свивались, озаряемые ослепительными молниями. Эта стена неслась по склону со скоростью поезда, и через несколько

минут ее конец был уже у подножия вулкана, а верхний край поднимался, клубясь, гораздо выше его вершины.

— Это совсем напоминает страшное извержение Лысой горы на острове Мартиника, погубившее в мае тысяча девятьсот второго года город Сен-Пьер с его двадцатью семью тысячами жителей в течение нескольких минут! — воскликнул Каштанов.— Эта туча, так называемая жгучая, или палящая, состоит из страшно сжатых и перегретых водяных паров и газов, переполненных горячим пеплом, и несет не только мелкие камни, но и громадные глыбы.

— Наше счастье, что туча направилась не к озеру, а в другую сторону, иначе нас постигла бы участь жителей Сен-Пьера! — заметил Громеко.

— Да, она, очевидно, воспользовалась той же брешью в крае кратера, по которой прошли и мы, и поэтому направилась на юго-восток, по последнему потоку лавы.

— Что же будет дальше? — спросил Макшеев.

— Эти палящие тучи могут повторяться через известные промежутки времени — часы или дни, а затем появится лава.

— Но могут ли следующие тучи направиться в другую сторону, чем первая,— например, к нам?

— Если край кратера не изменился при страшном взрыве, сопровождавшем выход первой тучи из жерла, то и следующие тучи, скорее всего, сохранят направление первой. В противном случае, они пойдут по новому пути.

— Следовательно, могут направиться и в нашу сторону?

— Конечно, но пока мы будем надеяться, что этого не случится, и до поры до времени мы здесь в сравнительной безопасности.

Во время этой беседы туча, расползаясь в стороны, закрыла значительную часть восточного склона горы, но двигалась вниз уже медленнее и росла главным образом вверх. Все три путешественника стояли безмолвно, созерцая ужасное и величественное зрелище.

И вдруг из-за гребня ближайшего холма подножия вулкана появился Папочкин. Он бежал стремглав без шапки, с развевающимися волосами, перепрыгивая через глыбы, заграждавшие ему дорогу. Его товарищи

бросились ему навстречу, засыпая вопросами. Но он так запыхался от быстрого бега и волнения, что не мог говорить. Только отлежавшись в тени деревьев у озера и проглотив несколько чашек холодного чаю, он пришел в себя и начал свой рассказ:

— Несмотря на ваши убеждения, я решил сходить за ружьем к вулкану, который казался мне мало угрожающим. Я надеялся, что ружье осталось на одном из двух привалов, сделанных нами во время подъема, или, в крайнем случае, на вершине. Я дождался, пока вы крепко уснули, и около десяти часов ушел налегке, взяв только несколько стеблей тростника. На месте первого привала ружья не оказалось, а так как вулкан не усиливал своей деятельности, я полез дальше. Но ружья не было и на месте второго привала. Я поднялся уже очень высоко, и до вершины оставалось не больше полукилометра. Проклятый вулкан по-прежнему слабо дымил, и возвращаться не хотелось.

Я уже поднимался к бреши в крае кратера, и мне казалось, что я вижу свое ружье, прислоненное к глыбе лавы в сотне шагов впереди, когда внезапно раздался сильный грохот и из жерла выбросило массу дыма, поднявшегося вверх. Я остановился в нерешительности. Идти дальше было уже опасно, а повернуть назад — обидно, когда до ружья было так близко. Но посыпавшиеся сверху мелкие камни и комья грязи вывели меня из нерешительности. Они сыпались градом вокруг меня, и один ком так саданул меня по плечу, что я вскрикнул; должно быть, он набил мне здоровый синяк — я с трудом двигаю рукой. С минуты на минуту можно было ждать нового взрыва и бомбардировки более крупными и раскаленными камнями. Я побежал вниз быстро, как только было возможно на неровном пути. Через полкилометра раздался второй взрыв, после которого вершина вулкана скрылась в дыму. Порывом воздуха унесло мою шляпу; вокруг меня опять начали падать камни, а я все бежал и бежал. Последний страшный взрыв, когда я был недалеко от подножия, бросил меня со всего размаха на землю, и я чуть не вывихнул себе руки. Поднявшись, я увидел эту ужасную тучу и, собрав последние силы, побежал, боясь, что она меня догонит и задушит.

— Да, вы счастливо избегнули ужасной опасно-

сти! — сказал Каштанов, когда зоолог окончил свой рассказ.

— И в наказание за свое упрямство потеряли шляпу и устали, как ломовая лошадь! — прибавил Громеко.

— Будем рады, что наш товарищ вернулся, и обсудим, что делать дальше,— заметил Макшеев.

— Нужно уходить подальше от этого ужасного вулкана! — воскликнул Папочкин.

— Да вы разве в состоянии идти сейчас? Вы еще не успели отдохнуть от вчерашней ходьбы и прибавили к ней новую. Ложитесь и спите, часа два мы можем подождать.

— А не лучше ли нам действительно отодвинуться подальше от вулкана, хоть на два—три километра? — предложил Макшеев.— Его соседство начинает становиться опасным, а мы находимся у самого подножия вулкана.

Громеко также поддержал это мнение. Решили отойти на поверхность черной пустыни вблизи края ущелья, где озерная котловина переходила в долину ручья. С этого пункта можно было наблюдать дальнейший ход извержения вулкана. Наполнили жестянку водой, навьючились серой и припасами. Два мешка серы приспособили в виде вьюка на Генерала, который сначала протестовал и пытался сбросить тяжелый груз, но потом смирился и поплелся потихоньку рядом с людьми, вместо того чтобы рыскать по сторонам в поисках какой-нибудь поживы.

Из озерной котловины поднялись по невысоким уступам на поверхность черной пустыни, по которой прошли километра два, и остановились у того места, где ущелье расширялось в долину. Извержение как будто приостановилось, первая жгучая туча уже рассеивалась, вершина горы очистилась от дымовой завесы, и из кратера поднимался только тонкий столб черного дыма. Рассмотрев вулкан в бинокль, Каштанов заметил, что его вершина претерпела некоторое изменение во время первых взрывов: край кратера с восточной стороны понизился, и вершина казалась срезанной наискось.

Понемногу все путешественники задремали, расположившись вокруг мешков с серой на голой поверхности пустыни. Так прошло часа три, когда снова

страшный грохот разбудил спящих и приковал их взоры к вулкану. Из кратера опять вырвалась зловещая туча и понеслась вниз по склону, но в этот раз прямо на северо-восток, к котловине озера. Каштанов следил по часам за движением тучи, разраставшейся, как и первая, в высокую и неширокую стену серо-лилового цвета. Через четыре минуты после взрыва стена надвинулась уже на озеро и скрыла его от взоров наблюдателей.

— Туча двигается со скоростью курьерского поезда, около шестидесяти километров в час! — воскликнул Каштанов.

— Какое счастье, что мы ушли оттуда!

— Да, путь тучи изменился градусов на восемьдесят против первого направления — очевидно, вследствие разрушения краев кратера.

— А что было бы, если бы мы остались у озера? — поинтересовался Папочкин.

— На основании наблюдений, сделанных экспедицией, снаряженной Французской Академией наук для изучения Лысой горы на Мартинике, я могу сказать, что мы были бы обожжены и задушены в атмосфере перегретого пара с пеплом, составляющего главную массу тучи, или были бы убиты камнями, которые в изобилии несутся в ней. Она переносит даже глыбы в четыре—шесть кубических метров на несколько километров от вулкана. На своем пути туча уничтожает все: животных, растения, и после нее остается пустыня — голая полоса горячего пепла, больших и малых камней, обгоревших деревьев и почерневших трупов.

— Что же могло сделаться с озером?

— Оно завалено горячим пеплом, камнями, вышло из берегов и превратило ручей, который из него течет, в грязный и горячий поток, вероятно кратковременный...

В это время жгучая туча пронеслась через котловину озера и поднялась на черную пустыню километрах в двух от того места, где находились путешественники. Несмотря на такое расстояние, люди почувствовали жгучее дыхание тучи в виде сильного и горячего вихря, который заставил их броситься на землю и закрыть лицо руками и одеждами. Они пролежали так около получаса, обливаясь потом, пока не установилось равновесие в атмосфере.

Подняв головы, они увидели над пустыней длинную и высокую стену клубов белого и серого пара, которая тянулась в одну сторону еще километров на десять дальше места, где они находились, и поднималась вверх на полторы тысячи метров. Воздух все еще был удушливый и горячий.

— Уйдемте подобру-поздорову подальше от этого ужасного вулкана! — воскликнул Громеко.— Кто знает, не вздумает ли он выбросить следующий заряд прямо в нашу сторону?

— Да, мы уже испытали, как трудно стало дышать в двух километрах от края тучи. Можно себе представить, каково было бы нам в ее объятиях!

Собрав свое имущество, путешественники пошли по пустыне на север, постепенно приближаясь к долине речки, куда они намеревались спуститься в первом удобном месте. Но когда они подошли к краю долины и бросили взгляд вниз, оказалось, что спокойный чистый ручеек превратился в бурный грязно-белый поток, вышедший из своего русла и бешено мчавшийся по дну долины, уничтожая растительность берегов.

— Стоит ли спускаться вниз? — спросил Каштанов своих товарищей.— Идти по ровной пустыне легче, чем по песчаному дну долины, а пить воду ручья, переполненного грязью, теперь уже нельзя.

Все согласились продолжать путь по пустыне и спуститься в низовьях долины, где склоны были более изрыты оврагами. Шли недалеко от края обрыва и время от времени подходили к нему, чтобы взглянуть вниз. Бурный поток через час-другой после второго извержения начал уже убывать и вскоре совершенно иссяк. Видны были только голое русло, поваленные с корнем деревья, вырванные кусты, трава, прибитая к почве и занесенная грязно-белым илом.

— Вулкан отомстил нам за то, что мы похитили из него серу! — пошутил Макшеев.— Он уничтожил ручей, чтобы уморить нас жаждой.

— Да, теперь насчет воды нам будет плохо,— заметил Громеко,— и нужно беречь наш запас, пока мы найдем другой источник в окрестностях муравейника.

— И это может помешать немедленной осаде муравейника.

Несмотря на тяжелый груз и палящий зной черной

пустыни, путешественники сделали усиленный переход и остановились на ночлег, только спустившись на дно долины, недалеко от ее выхода из столовой возвышенности и от муравейника. Каштанов и Макшеев отправились на разведку, чтобы изучить внимательно крепость своих врагов. Они поднялись на поверхность пустыни и прошли на восток вдоль края обрыва, с которого можно было хорошо рассмотреть муравейник.

Он имел вид громадного холма, сложенного из сухих стволов и ветвей, и состоящего из целого ряда этажей. На уровне земли были расположены главные входы, по одному с каждой стороны света, невысокие, но настолько широкие, что в них могли пройти четыре или пять муравьев рядом. В этих входах происходило непрерывное движение: одни муравьи выходили целыми колоннами, направляясь в разные стороны за добычей пищи, другие возвращались парами и порознь и тащили стволы деревьев, ветви, мертвых и живых насекомых, личинок, куколок, стебли тростника, с которыми скрывались в глубине своей крепости.

В вышележащих этажах также чернели отверстия на различной высоте и в различных местах. Но они служили, очевидно, только для притока воздуха и, может быть, на случай нападения врагов — для выхода защитников. Они были уже и ниже главных, так что по ним мог выходить один муравей за другим. Из этих отверстий время от времени также показывались муравьи, бегали по уступам муравейника, вероятно осматривая, все ли в порядке.

— Не помешает ли это обилие отверстий нашему плану? — спросил Макшеев.— Если движение воздуха по муравейнику будет слишком свободно, сернистый газ начнет быстро выходить и не окажет должного действия.

— Сернистый газ тяжелее воздуха и только постепенно вытеснит последний,— ответил Каштанов.— Кроме того, важные части муравейника — склады личинок, куколок, яиц, запасы пищи,— вероятно, находятся в глубине, может быть в камерах, вырытых в почве. Сернистый газ пойдет сначала в эти более глубокие части, а потом уже начнет распространяться в верхние этажи. Впрочем, часть отверстий можно будет заткнуть, если мы увидим, что тяга слишком сильная.

— А не заложить ли горящую серу в верхние отверстия?

— Это может вызвать пожар всего муравейника. У нас ведь нет никаких несгораемых подстилок — жаровен, сковород, что ли, и серу пришлось бы класть прямо на сухое дерево.

— Можно воспользоваться скорлупой яйца игуанодона, из которой сделаны наши временные тарелки и блюдо.

— Их всего пять, а отверстий гораздо больше.

— Нужно попытаться раздобыть сегодня еще одно или два яйца, тогда можно будет устроить еще с десяток чаш для сжигания серы.

— Это идея! Времени до вечера у нас еще много, сделаем экскурсию в пески, откуда муравьи таскают эти яйца.

Окончив осмотр муравейника, Макшеев и Каштанов возвратились к месту стоянки и сообщили свой план товарищам.

Все охотно согласились сходить на следующий день в песчаные холмы за яйцами, пока Макшеев и Каштанов будут заняты измельчением серы.

ГИБЕЛЬ МУРАВЕЙНИКА

Когда последние партии муравьев вернулись домой и муравейник успокоился, путешественники приступили к исполнению своего плана. За день вся сера была истерта в порошок при помощи плоских камней. Наполнив ею заплечные мешки и захватив блюда из яичной скорлупы, все направились к муравейнику, где каждый должен был положить в одном из главных входов свою порцию серы, рассыпав ее грядкой поперек хода, чтобы газ направлялся в глубь сооружения. Зажегши серу, нужно было заложить выход стволами, взятыми со стен, а затем забраться по наружной поверхности и расставить в ближайших отверстиях блюдца с остальной серой, чтобы отравить воздух во всей нижней части муравейника и воспрепятствовать муравьям спасаться вверх. Чтобы сера на блюдцах не горела слишком быстро и не могла зажечь сухие бревна постройки, она была слегка смягчена водой.

Этот план был в точности исполнен, но только в

двух главных выходах, обращенных на юг и на запад, Макшеев и Громеко неожиданно встретили караульных муравьев. К счастью, муравьи были полусонные и не успели поднять тревогу, как их убили ударами ножей.

Путешественники зажгли серу и отошли в сторону, дожидаясь на страже с ружьями в руках, чтобы истреблять спасающихся. Через четверть часа из нескольких отверстий самых верхних этажей, в которых сера не была положена, появились муравьи, тащившие большие белые свертки — очевидно, куколок. Они бегали с ними по поверхности муравейника, спускаясь вниз, но, не достигнув земли, падали, отравленные дымом серы, горевшей у нижних входов. Только нескольким удалось спуститься на землю, и они принялись растаскивать бревна, загораживавшие один из самых главных входов, очевидно полагая, что этим они спасут своих задыхающихся в глубине сотоварищей. Но эти неожиданные спасители были истреблены несколькими выстрелами. Больше никто не появлялся — все население муравейника, захваченное врасплох, погибло.

Когда сера догорела и из всех отверстий потянулся легкий сизый дымок, доказывавший, что весь муравейник наполнен сернистым газом, Папочкин задал вопрос, совершенно естественный, но до сих пор не приходивший никому в голову.

— Как же мы сами-то попадем в глубь этого сооружения? Ведь оно и для нас отравлено надолго!

— Нужно разгородить нижние отверстия, чтобы усилить доступ воздуха, а затем ждать, может быть, несколько дней, пока сернистый газ постепенно не улетучится,— ответил Каштанов.

— Ждать так долго без дела — слишком скучно,— заметил Макшеев.— Нельзя ли устроить какую-нибудь усиленную вентиляцию, чтобы выгнать газ?

— Посредством чего? Огонь разводить нельзя из-за опасности пожара, а других приспособлений у нас нет.

— Если бы нам удалось застрелить игуанодона или крупного птеродактиля,— заявил инженер,— я бы смастерил из его свежей шкуры большой мех.

— Это идея! Но из чего мы сделаем трубы для вдувания воздуха в глубь муравейника?

— А хвощи разве не годятся? — предложил Громеко.— Ведь их стволы пустотелые, и нужно только пробить перегородки между отдельными коленами, чтобы сделать из них прекрасные длинные трубы. А их уже можно соединить друг с другом.

— Голь на выдумки хитра! — согласился Папочкин.— И я убеждаюсь все больше и больше, что мы, подобно Робинзону, выпутаемся из всякой беды, которую еще уготовит нам судьба.

— И даже лучше Робинзона,— заметил Каштанов,— потому что он был один, а нас четверо, и все мы специалисты разного рода. Нам было бы стыдно, если бы мы на общем совещании не могли придумать выход из любого затруднительного положения.

— Итак, за дело! — воскликнул Макшеев.— Двое из нас с Генералом пойдут на охоту, а остальные займутся изготовлением труб. Материал под руками — почти весь муравейник сложен из сухих стволов хвощей.

Папочкин и Громеко вернулись к месту стоянки, отвязали Генерала, принесли оставшееся имущество ближе к муравейнику и затем отправились вдоль опушки леса на восток.

Макшеев и Каштанов направились к муравейнику, но, не дойдя до него десятка два шагов, почувствовали резкий запах сернистого газа. Они начали кашлять и убедились, что подойти ближе невозможно.

— Придется подождать еще!

— Займемся пока доставкой замазки для труб,— предложил инженер.— В русле ручья, после того как сбежал бурный поток, вызванный извержением вулкана, осталось очень много липкой беловатой грязи. Нужно натаскать ее сюда, пока она не высохла.

Захватив заплечные мешки, освободившиеся от серы, оба отправились к руслу и в несколько приемов натаскали целую кучу грязи, представлявшей превосходную замазку. Кучу покрыли мешками и лишней одеждой, чтобы предохранить от жгучих лучей Плутона.

Затем начали раскалывать стволы хвощей при помощи ножей, клиньев и большого камня, служившего вместо молота, и уничтожать перегородки между коленами, после чего обе половины ствола снова склеивались посредством замазки, и получившаяся труба обвязывалась в нескольких местах гибкими прутьями.

Таким образом в течение нескольких часов была изготовлена дюжина труб, длиной около шести метров каждая. Так как стволы к вершине были заметно тоньше, то трубы нетрудно было соединить, вставляя узкий конец одной трубы, обильно смазанный замазкой, в широкий конец следующей.

К концу этой работы явились и охотники, доставившие шкуру игуанодона.

Из более тонких стволов хвощей Макшеев устроил стан для меха. Когда мех был сделан, его установили у одного из больших входов в муравейник. Затем в последний начали спускать приготовленные трубы, одну за другой, узким концом вперед, постепенно подвигая их в глубь галереи и наращивая с широкого конца. Постепенно все двенадцать труб исчезли в темноте галереи, откуда газ выходил еще в изобилии, так что приходилось прерывать работу и отбегать в сторону, чтобы отдышаться на свежем воздухе. Широкий конец последней трубы вставили в мех, туго обвязали — и импровизированный вентилятор был готов.

После ужина немедленно начали проветривание муравейника, меняясь у меха, так что трое могли спать, пока четвертый работал мехом.

Проветривание вскоре начало оказывать действие — выделение газа из всех отверстий усилилось. Неожиданную помощь оказала также налетевшая гроза с сильным ветром, но почти без дождя. Порывы ветра проникли в отверстие муравейника, вытесняя газ из верхних ярусов.

Утром приступили к осмотру муравейника, вооружившись небольшими факелами, которые Громеко приготовил из сухого ствола очень смолистого хвойного дерева. Галерея, по которой были проложены трубы вентилятора, шла в глубь муравейника с пологим уклоном вниз. Она имела более двух метров в ширину, но только полтора метра в вышину, так что приходилось идти согнувшись. Уже недалеко от входа начали попадаться трупы муравьев, застигнутых газом во время бегства, и чем дальше, тем их было больше, так что ниже конца труб вентилятора приходилось уже очищать себе дорогу, отбрасывая трупы в сторону.

Галерея оканчивалась в центральной большой камере, в которую сходились, подобно радиусам, и ос-

тальные три главных хода. Эта камера была уже врыта на глубину четырех метров в почву равнины, но свод ее состоял из стволов хвощей, расположенных очень искусно по радиусам, подобно стропилам плоскоконической крыши цирка. В промежутках между устьями четырех главных галерей в стенках камеры открывались другие четыре хода, шедшие также по радиусам, но с уклоном от центра к окружности и врытые целиком в землю, представлявшую собой очень плотный морской песок с прослоями гальки. В камере трупы муравьев, куколок и личинок, которых первые спасали, лежали целыми грудами, так что приходилось карабкаться через них.

Путешественники пошли наугад в один из нижних ходов, дно которого было все устлано трупами. Этот ход был такой же низкий, как и верхние, и, чтобы не идти почти на четвереньках, путешественники были вынуждены складывать трупы один на другой вдоль стен, очищая себе проход посередине. Этот ход, углубляясь в землю, привел на расстоянии семидесяти шагов от центральной камеры к поперечной галерее, которая имела уже почти два метра вышины, так что в ней можно было выпрямиться. Эта галерея шла по окружности под всей площадью муравейника и представляла его важнейшую часть, так как справа и слева от нее располагались отдельные камеры различной величины и с различным назначением: в одних лежали рядами белые куколки, похожие на детские трупы, завернутые с головой в саван; в других порознь и кучами валялись мертвые личинки — толстые белые черви, подобные обрубкам бревен; в третьих были разложены яйца муравьев, напоминавшие желтоватые караваи хлеба. Все камеры, занятые этими будущими поколениями муравьев, располагались с одной стороны кольцевой галереи, именно с внутренней, тогда как с наружной стороны находились камеры со складами съестных припасов: грудами сладкого тростника, молодых стеблей кустов и трав, различных насекомых — стрекоз, жуков, червей, гусениц,— целых или разорванных на куски и издававших зловоние, которое не заглушалось даже запахом сернистого газа, более заметным в этом ярусе муравейника.

Осмотрев ряд камер по обе стороны кольцевой галереи, путешественники наконец, к своей великой ра-

дости, нашли похищенное у них имущество: все вещи были сложены в одной из наружных камер одна возле другой и в относительном порядке. Здесь была и палатка, и ящики с инструментами и припасами, и сумки с одеждой и бельем, топор, ружье, посуда и даже образцы железной руды и золота, принесенные с первой экскурсии в береговые ущелья и не уложенные еще в мешки с коллекциями.

Вещи перенесли в два приема: сначала в центральную камеру, а затем вынесли их из муравейника на свежий воздух, показавшийся удивительно приятным после часового пребывания под землей в атмосфере, пропитанной зловонием гниющих насекомых и остатков сернистого газа.

Отдохнув и пересмотрев свои вещи, среди которых запас табаку особенно обрадовал курильщиков, лишенных его целую неделю, путешественники захотели осмотреть еще верхние надземные ярусы муравейника, чтобы иметь полное понятие об его устройстве.

Оказалось, что надземная система имела главной целью защиту подземных частей от непогоды и врагов. Ходы в этой постройке, также идущие радиусами, были узкие и низкие и в каждом ярусе сходились в небольшой центральной камере. Для сообщения между ярусами служили короткие и круто наклоненные ходы.

ПЛАВАНИЕ НА ЗАПАД

После странствования по черной пустыне и в безводных окрестностях муравейника, где в последнее время с трудом добывали грязную воду из ямы, вырытой в русле иссякшего после извержения ручья, путешественники с восторгом приветствовали морской берег и искупались в чистых водах моря Ящеров. Затем они откопали лодки и возобновили свое плавание.

Каштанов после знакомства во время экскурсии к вулкану с характером этой страны почти не питал надежды на возможность дальнейшего путешествия к югу; ему казалось наиболее вероятным, что к югу от моря Ящеров залегла на многие тысячи километров бесплодная и безводная пустыня, проникнуть в глубь

которой при наличных средствах экспедиции нельзя было и думать.

Но исследовать насколько возможно западный конец или западное продолжение моря было интересно и необходимо.

Плыли вдоль берега, представлявшего огромные и бесплодные песчаные дюны, с которыми путешественники достаточно ознакомились во время экскурсии к вулкану. Поэтому плавание продолжалось безостановочно до окончания песков, которые тянулись вдоль берега на двадцать пять километров. Море в этой части оказалось мелким, и в разных местах сквозь воду краснели обширные отмели, которые приходилось объезжать, отдаляясь от берега. Вблизи берега совсем не попадались плезиозавры и ихтиозавры, предпочитавшие глубокую воду. Зато между отмелями видно было множество мелкой рыбы, которая здесь пряталась от хищников, беспощадно истреблявших ее в других частях моря. Местами морское дно было сплошь покрыто пышными и разнообразными водорослями, доставлявшими обильную жатву как ботанику, так и зоологу. Последнего интересовали морские ежи, звезды, плеченогие, брюхоногие и пластинчатожаберные моллюски, которыми кишели эти подводные заросли.

Наконец пески отодвинулись от берега, уступая место узкой полосе леса хвощей, папоротников и пальм. Здесь наши исследователи сделали привал для обеда, а потом поплыли дальше. Количество отмелей в море все увеличивалось, и появились даже низменные острова, сплошь заросшие мелким хвощом и тростником. Пески отодвигались все дальше, и их красноватые гребни уже почти скрывались за береговым лесом; количество островов все увеличивалось, и море превращалось в огромную тихую реку, разбившуюся на рукава. Даже вода стала почти пресной.

— Очевидно, с запада в море впадает большая река, и мы уже попали в ее дельту,— заметил Каштанов.

— Да, здесь уже нет прибоя и поэтому нет песчаного побережья, на котором так удобно было ставить палатку,— сказал Макшеев.

— И нам придется ночевать в чаще среди туч насекомых,— пожаловался Папочкин.

Насекомые действительно появились в изобилии.

Над водой и зеленью островов реяли разноцветные стрекозы, иногда преследуемые небольшими летучими ящерами. В чаще хвощей и тростника пели исполинские комары, и издаваемые ими звуки можно было слышать на расстоянии нескольких метров. По стеблям ползали огромные жуки — черные, красные и бронзовые, иногда они падали в воду и барахтались, стараясь уцепиться за нависшие листья.

Несколько часов плыли между низменным южным берегом, занятым непроходимым, сплошным лесом, и лабиринтом островов, также не представлявших удобного места для стоянки.

Оставалось расположиться на отдых в лодках, причалив к берегу, и ограничиться сухоядением, потому что топлива не было совершенно.

Все приуныли от перспективы бесконечной войны с комарами.

Маленькое приключение подняло настроение путешественников. Они плыли очень близко от зарослей большого острова, высматривая, нет ли где-нибудь сухого дерева среди бесконечной зелени хвощей и мелких папоротников.

— Ура! — воскликнул внезапно Громеко, когда лодки обогнули выступ и впереди открылась новая полоса берега.— Смотрите, какое славное бревно, и невысоко над водой, словно для нас приготовлено!

Действительно, из зеленой стены высовывалось больше чем на два метра толстое бревно зелено-бурого цвета — очевидно, ствол большого хвоща, сваленный бурей. Гребцы налегли на весла и направили лодки к самому краю зарослей.

Макшеев встал на носу с багром, а Громеко с веревкой, чтобы закинуть ее на бревно и втащить его в лодку. Он искусно кинул веревку, к концу которой был прикреплен груз, и она обернулась несколькими кольцами вокруг бревна. Но бревно грациозно изогнулось и скрылось в зарослях, унося с собой веревку, конец которой ботаник от неожиданности выпустил из рук. Хвощи и папоротники трещали и колебались, словно среди них двигалось какое-то огромное тело.

— Вот так бревно! — воскликнул, смеясь, Макшеев, успевший рассмотреть маленькую голову, которой оканчивалась длинная шея.— Михаил Игнатьевич хо-

тел поймать ящера арканом. Зачем же вы выпустили веревку? Нужно было тащить добычу в лодку!

— Так шею диплодока[1] вы приняли за бревно? Ха-ха-ха! — смеялись Папочкин и Каштанов.

— Он держался совершенно неподвижно, а тело было скрыто в чаще,— оправдывался сконфуженный ботаник.

— Ха-ха-ха! — заливались остальные.

— Вы напрасно смеетесь! — рассердился Громеко.— Я должен напомнить вам, что и вы делали подобные ошибки. Кто-то из вас принял мамонтов за базальтовые холмы, а еще кто-то прокатился на глиптодоне, которого принял за скалу и начал обрабатывать ее зубилом!

Но это напоминание только увеличило всеобщую веселость, и в конце концов Громеко также расхохотался.

Усталость, комары, отсутствие топлива были забыты, все наперебой вспоминали разные курьезные случаи путешествия.

Когда смех затих, Макшеев, прислушиваясь, заявил:

— Впереди должно быть более открытое море: я слышу шум прибоя.

Гребцы подняли весла и также прислушались — с запада действительно доносился слабый шум.

— Если так, то наляжем на весла! Там, где есть прибой, найдется и удобное место для ночлега и дрова для костра.

— Но сначала наполним наши жестянки водой, которая сейчас совсем пресная, не то придется опять искать какой-нибудь ручей,— заметил Громеко.

Последовали этому мудрому совету и наполнили водой все свободные сосуды, затем дружно взялись за весла и через полчаса выплыли из лабиринта островов на открытую воду. Берега отдалялись в обе стороны, и море уходило на запад за горизонт. Вместе с тем на южном берегу опять появился широкий голый пляж, на котором и расставили палатку...

---

[1] Диплодок — пресмыкающееся из отряда динозавров, вымерших ящеров; достигал двадцати четырех метров в длину и пяти метров в вышину; имел очень длинную шею, длинный хвост и небольшую голову.

Это второе море, соединенное с первым длинным и узким проливом с островами и мелями, было такое же, как и первое.

На северном берегу была видна только зеленая полоса леса, тогда как на южном позади леса тянулись темные обрывы столовой возвышенности. Над зеркалом вод реяли стрекозы, с пронзительным свистом и кваканьем кружились летучие ящеры, а по временам то тут, то там поднимались шеи и головы плезиозавров.

— Уж не ошиблись ли мы в лабиринте островов и не выехали ли обратно в море Ящеров? — заявил Папочкин, когда зашел разговор о необычайном сходстве обоих морей.

— Сходство, конечно, большое. Но вы забыли про песчаные холмы южного берега. Если бы мы ошиблись и поехали на восток — ведь по этому Плутону, вечно торчащему в зените, ориентироваться нельзя,— мы должны были бы долго ехать в виду этих дюн,— сказал Каштанов.

— Но не видно реки, текущей с юга, по которой мы могли бы продвинуться еще в эту сторону,— горевал Громеко.

— Имейте терпение, малодушный! Мы только что выехали в это море, а вы уже жалуетесь.

Но терпение действительно подверглось испытанию. Проплыли несколько часов, а характер южного берега не менялся: все тот же лес без перерыва, все те же обрывы плоских высот позади него. Становилось скучно. Плезиозавры, летучие ящеры, стрекозы сделались настолько обыденным явлением, что на них обращали не больше внимания, чем на каких-нибудь лебедей, ворон, жуков при плавании на реке земной поверхности. Только изредка ихтиозавры нарушали однообразие и заставляли гребцов браться за ружья, когда вблизи лодки внезапно появлялась широкая буро-зеленая спина или противная голова этого страшного хищника.

СВЕРХЧУДОВИЩА

Так прошла половина дня, и гребцы начали поглядывать уже на берег, высматривая местечко с топли-

вом для обеденного привала. Утром они наловили опять много рыбы и теперь собирались жарить ее.

— Вон впереди, на берегу, какие-то кучи бревен! — воскликнул наконец Макшеев.

Направили лодки так, чтобы постепенно приблизиться к берегу, и налегли на весла в ожидании вкусного завтрака.

Но когда бревна были еще в сотне метров, Каштанов, всмотревшись пристальнее, заявил:

— Это совсем не кучи бревен, а какие-то животные огромной величины, мертвые или спящие.

— Осторожнее, держите дальше от берега! — крикнул Макшеев, заметивший, что куча шевелилась.

Лодки остановились на расстоянии шагов двухсот, и гребцы с удивлением и с ужасом смотрели на берег, на котором лежали друг возле друга, вытянувшись на песке, четыре каких-то чудовища. Туловища их вздымались над пляжем, подобно длинным холмикам метра в четыре вышиной. Вдоль спины шел узкий и плоский гребень, но без щитов и шипов, как у стегозавра, а совершенно гладкий и, по-видимому, голый. Бока животных были песочно-желтого цвета с длинными и узкими темными продольными полосами, так что издали производили впечатление кучи бревен, наложенных одно на другое.

Даже с такого близкого расстояния трудно было поверить, что это не четыре штабеля бревен, а чудовищные животные, длиной не менее пятнадцати—семнадцати метров; но эти штабели вздымались с боков при дыхании, иногда вздрагивали, а хвосты шевелились в воде, поднимая рябь на ее зеркальной поверхности.

— Как бы заставить их встать? — проговорил Папочкин.— Нужно же рассмотреть их как следует и сфотографировать.

— Несколько разрывных пуль нетрудно послать в эти туши,— заметил Макшеев.— Но не кончится ли это очень плохо для нас? Если чудовища разъярятся и бросятся к нам, они нас проглотят в одно мгновение.

— А хищники это или травоядные? — поинтересовался Громеко.— Что это колоссальные ящеры, я не сомневаюсь.

— Я полагаю, что это не хищники,— сказал Каштанов.— Таких огромных размеров хищники никогда

не достигали; для них нужно было бы слишком много животной пищи, а природа в этом отношении соблюдает известную экономию. Вспомните, что все наиболее крупные животные современности, как слоны, носороги, бегемоты, киты — не хищники.

— Ну, в таком случае можно поохотиться на них! Поглядите, сколько мяса: можно накормить целый батальон! — заявил ботаник, хватаясь за ружье.

— Подождите немного,— предупредил его Каштанов.— Пусть они даже не хищники, но разъярить их едва ли будет благоразумно: они могут броситься к нам и утопить наши лодки, словно скорлупки.

— А если выстрелить в воздух или пустить в них заряд дроби, чтобы они встрепенулись? — не унимался Громеко.— Дробь только пощекочет этих великанов.

— Ну хорошо, только подплывем сначала так, чтобы быть против них, но на расстоянии хотя бы ста метров от берега. Если эти животные сухопутные, то они так далеко в воду не полезут.

Когда лодки очутились против чудовищ, продолжавших спокойно лежать, Громеко выпустил в них двойной заряд дроби. Дробь или звук близкого выстрела, отдавшегося эхом от стены леса, заставили животных вскочить на ноги.

Чудовища как-то странно замотали своими длинными шеями, оканчивавшимися головкой, маленькой до смешного в сравнении с громадным телом, хотя и достигавшей семидесяти пяти сантиметров в длину, а затем тяжелой рысцой, неуклюже переваливаясь, побежали вдоль берега. Ноги у них были короткие и слабые сравнительно с массивным телом.

— Я думаю, что это бронтозавры — самые крупные травоядные ящеры верхнеюрского времени, быстро исчезнувшие на земле вследствие своей неуклюжей организации и отсутствия органов защиты,— сказал Каштанов.

— Кто же мог нападать на этих колоссов? Ведь они имеют не меньше: пятнадцати—восемнадцати метров в длину, больше четырех метров в вышину,— поинтересовался Макшеев.

— И, несмотря на эти размеры, хищнику, например цератозавру, ничего не стоит перегрызть шею такому чудовищу, не говоря уже об истреблении его яиц и детенышей.

— Они и в Плутонии, по-видимому, немногочисленны,— заметил Папочкин.

— Мы уже видели много игуанодонов, птеродактилей, ихтио- и плезиозавров, а этих встречаем в первый раз. А так как чудовища оказались трусливыми, то я предлагаю подплыть ближе к берегу, чтобы фотография вышла немного крупнее.

Ящеры побежали на запад, то есть в ту же сторону, куда плыли наши путешественники, и, отбежав около полукилометра, остановились. Поэтому через короткое время лодки, приблизившиеся к берегу, очутились опять против них. Папочкин сделал два снимка и, приготовившись к третьему, попросил ботаника выстрелить, чтобы снять животных во время неуклюжего бега.

На этот раз заряд дроби, пущенный в ящеров с близкого расстояния, произвел иной результат. Вместо того чтобы возобновить свое бегство вдоль берега, чудовища, толкая друг друга, бросились в воду, вздымая огромные волны и целые фонтаны брызг, долетавших до неосторожных мореплавателей. Громеко, стоявший в лодке, окаченный с головы до ног, потерял равновесие и бултыхнулся в море с ружьем в руках; Папочкин едва успел спрятать аппарат под свою куртку, самоотверженно подставляя голову холодному душу. Каштанов и Макшеев, сидевшие на корме и, к счастью, не выпустившие весел из рук, употребляли крайние усилия, чтобы удерживать лодки против набегавших одна за другом волн и не дать им залить и потопить себя.

Если бы эти гиганты направились прямо к лодкам, гибель путешественников была бы неминуема — они были бы смяты и потоплены со всем своим имуществом под напором чудовищных тел, так как глубина, на которой они остановились, оказалась не более двух метров. Но ящеры побежали наискось, словно не замечая преследователей, и остановились, когда вода покрыла их туловища и значительную часть шеи. Над поверхностью волновавшегося моря виднелись только четыре уродливые головы, поворачивавшиеся в разные стороны и словно старавшиеся рассмотреть странных врагов или уяснить себе причину переполоха.

В это время Громеко уже вынырнул и подплыл к лодкам, отнесенным волнами несколько в сторону от места катастрофы. Во время падения он не выронил

своего ружья и теперь держал его над головой, ухватившись за борт лодки, пока товарищи не пришли к нему на помощь и не вытащили из воды.

Он промок, конечно, до нитки, перемочил все содержимое многочисленных карманов — записную книжку, часы, медицинский набор, кисет с табаком, потерял трубку и ругался по адресу виновников приключения.

— Нужно причалить к берегу,— заявил он наконец, выпустив весь заряд своего негодования.— Хотя Плутон греет хорошо, но если не протереть сейчас инструменты и не высушить записную книжку у костра, они заржавеют, а все мои записи пропадут.

— А бронтозавры? — испугался Папочкин.— Мы расположимся на берегу, а они вылезут из воды и пожелают познакомиться с нами поближе.

— Ну что же, вы тогда сфотографируете их с близкого расстояния.

— Благодарю покорно! Если они захотят порезвиться на месте нашего привала, нам придется удирать в лес и лезть на деревья...

— Я думаю,— заметил Каштанов,— что эти чудовищна очень трусливы и не отличаются умом. Они нам неопасны, если мы не будем так неосторожны, как были только что. Причалим, займемся нашим завтраком и будем наблюдать за ними.

Высадились на берегу, набрали топлива на опушке леса и приступили к приготовлению завтрака, недоверчиво поглядывая в сторону бронтозавров. Последние все еще стояли в воде на том же месте, не решаясь вылезти на сушу.

— Эти животные, очевидно, не умеют плавать,— заметил Папочкин.— Они спасаются в воде от своих сухопутных врагов и, пока мы не уедем, не вылезут на берег.

Пока жарилась рыба, Громеко разложил на песке свою одежду и белье, предоставив лучам Плутона высушить их, сам же в костюме Адама занялся чисткой инструментов и просушкой записной книжки. Позавтракав, полежали на песке, наблюдая за ящерами, которые не двигались с места, а затем все поплыли вдоль берега в том же направлении. Через несколько километров южный берег начал заметно отклоняться к югу, но лежащий впереди длинный мыс, покрытый

лесом, заграждал вид в эту сторону. Когда его обогнули, надежда на то, что море распространится далеко на юг и даст возможность плыть на лодках дальше, в глубь Плутонии, не оправдалась. Море образовало только большой залив, и в нескольких километрах виден был его берег.

Так как в залив с юга могла впадать значительная река, решили плыть в этом направлении. Через час достигли южного берега и убедились, что здесь действительно имеется река, но небольших размеров. Но в одной лодке можно было попытаться сделать экскурсию в глубь страны, скрытой в этом месте стеной леса от морского берега. Поэтому у устья речки выбрали место для стоянки. Экскурсию предположили сделать только вдвоем, оставив двух других при палатке, так как печальный опыт на берегу моря Ящеров показал, как опасно оставлять имущество под охраной одного Генерала. Муравьи могли быть и в этой местности южного берега, достаточно отдаленной от уничтоженного муравейника.

БРАНДЕР КАШТАНОВА

Захватив с собой провизию, запасную одежду и заряды на случай, если экскурсия затянется на несколько дней, Каштанов и Папочкин отправились на одной лодке вверх по речке. Так как глубина была небольшая, а течение довольно быстрое, они заменили весла шестами, которыми упирались в дно. Узкое русло было окаймлено с обеих сторон высокой стеной леса; нередко хвощи, папоротники и пальмы, склоняясь над водой, почти сходились вершинами, и речка текла под высоким зеленым сводом, через который слабо проникали лучи света.

Здесь было сумрачно и прохладно. Лодка тихо скользила по воде, и только слышно было журчание под ее носом и скрип шестов, упиравшихся в галечное дно.

В более открытых местах зеленого коридора реяли и звенели стрекозы, глухо жужжали большие жуки, а при слабых порывах ветра чуть шептали и шумели большие листья пальм и ветви папоротника и мягко шуршали хвощи.

Через несколько километров зеленые стены сразу расступились, и открылась большая поляна, которую речка пересекала поперек. Почва ее была покрыта очень скудной и мелкой растительностью — щетками жесткой травы нескольких видов.

— Уж не начинается ли эта речка вблизи той же группы вулканов, которую мы обследовали? — заметил Папочкин.

— Возможно, и в таком случае нам нечего будет делать,— согласился с зоологом Каштанов.— Хотя большое количество воды в речке позволяет надеяться, что ее верховья находятся значительно дальше, среди черной пустыни.

Проплыв еще километра три поперек поляны, исследователи увидели впереди, где речка суживалась, перекинутое с одного берега на другой довольно толстое бревно, висевшее так низко над водой, что лодка не могла пройти под ним.

— Можно подумать, что это мост, который кто-то устроил себе через речку! — засмеялся зоолог.— Во всяком случае, нужно причалить к берегу и убрать эту преграду.

— Э, ведь действительно похоже на мост! — воскликнул Каштанов, когда они подошли к преграде и увидели, что она состояла не из одного бревна, а из трех, аккуратно положенных рядом.

— Да, речка едва ли могла так уложить эти стволы,— согласился Папочкин.— Но если это мост, то кто же его построил? Неужели в этой юрской стране есть люди? Это было бы крайне интересно!

— В юрское время не было высших млекопитающих, как вы знаете. Даже птицы были представлены только формами, переходными к ящерам.

— Но не ящеры же устроили мост!

— Вы забыли про муравьев. Существа, которые настолько умны, что строят сложные жилища по определенному плану, вполне способны построить и мост, так как плавать не умеют и воды боятся.

— Вы правы! Вот и жилища этих проклятых насекомых! — воскликнул Папочкин, указывая на запад.

В этой стороне действительно виднелся огромный муравейник, совершенно того же типа, как и уничтоженный путешественниками.

Сбросить сухие и легкие стволы хвощей в речку

было делом нескольких минут, после чего путники направились к лодке, чтобы продолжать плавание. Но, к своему изумлению, они увидели, что в лодку уже забрался незваный пассажир — муравей, который ощупывал усиками их вещи, тогда как другой стоял на берегу.

— Эге, эти черти уж тут как тут, а наши ружья в лодке!

— Берите нож, сначала атакуем того, который на берегу. Я спереди, а вы забегайте сзади.

Оба подбежали к насекомому, которое при виде врагов приняло оборонительную позу, прижавшись к кустику. Каштанов занял его внимание, наступая с ножом, а в это время Папочкин, нагнувшись через кустик, рассек муравья пополам. Но он не заметил, как муравей, бывший в лодке, быстро выскочил на берег и вцепился своими челюстями сзади в его икру. Зоолог вскрикнул от боли и неожиданности.

Прибежавший на помощь Каштанов рассек и этого муравья, но с трудом освободил товарища: пришлось разрезать вцепившуюся голову на несколько кусков.

Рана, причиненная насекомым через толстый шерстяной чулок, была невелика, но яд укуса быстро действовал, и нога начала гореть и деревенеть.

— Присядьте пока на землю, я сейчас достану нашатырный спирт и бинты из походной аптечки,— сказал Каштанов.

— Нет, нет, помогите мне сойти в лодку! Оглянитесь!

По поляне к ним быстро приближались десятка два муравьев; еще несколько минут — и пришлось бы вступить в неравный бой. Не теряя времени, Каштанов взял зоолога, с трудом волочившего ногу, под мышки, спустил его с откоса в лодку, затем вскочил сам, и перед самым носом подбежавших врагов лодка отошла от берега.

Продолжать экскурсию нечего было и думать: один гребец лежал без сил на дне лодки и стонал от боли, а всполошенные муравьи могли преследовать слишком медленно идущую против течения лодку и не давать ей пристать к берегу. Поэтому Каштанов недолго думая повернул лодку вниз по течению и взялся за весла; он старался держаться середины речки, чтобы

избегнуть нападения насекомых. Папочкин с трудом снял обувь с раненой ноги, достал нашатырный спирт и бинт; нога уже распухла, покраснела, и каждое движение вызывало сильную боль.

Через полчаса лодка приблизилась к опушке леса, окаймлявшего поляну с севера и отделявшего ее от моря. Врагов уже не было видно, и Каштанов решил остановиться, чтобы устроить раненого поудобнее. Он разостлал плащи на дне лодки, уложил на них Папочкина, достал запасную рубашку и, смочив ее водой, положил в качестве охлаждающего компресса на раненое место — это облегчило боль, и зоолог задремал. Отдохнув немного, Каштанов поплыл дальше.

Перед началом зеленого коридора речка давала небольшое колено. Когда лодка обогнула его, впереди открылась картина, которая заставила Каштанова вздрогнуть. Быстрым движением весла он пригнал лодку к берегу, где, уцепившись за кусты, остановил ее и скрыл от взора врагов.

Последние были близко. Несколько десятков их суетились на левом берегу речки в самом начале коридора; они перегрызали стволы хвощей, росших над водой, и роняли их в речку, сооружая препятствие, через которое лодка не могла пройти. Нельзя было сомневаться, что они хотели отрезать своим двуногим врагам путь отступления к морю. Положение становилось отчаянным: один Каштанов и раненый зоолог не в состоянии были пробиться через преграду, охраняемую многочисленными насекомыми. «Один укус при неравной борьбе с ними,— подумал Каштанов,— и я сделаюсь беспомощным, как и Папочкин. Повернуть назад и толкаться вверх по речке? Но и там муравьи могут напасть рано или поздно; и все равно речка остается единственным путем бегства из их владений. Нужно пробиться во что бы то ни стало. Может быть, их испугают выстрелы, а если нет? Всех не перебьешь, они попрячутся в лесу, а когда я начну возиться над разрушением преграды, они нападут целым полчищем»,— думал Каштанов

В этом безвыходном положении Каштанову внезапно пришла мысль, которая, казалось, обещала полный успех в случае быстрого воплощения ее в дело. Муравьи, занятые работой, еще не заметили лодки, прижавшейся к берегу среди кустов. Поэтому

Каштанов начал, избегая резких движений, потихоньку тянуться назад, вверх по речке, цепляясь за кусты, чтобы вернуться за поворот русла, где берег совершенно скрывал его от насекомых. Здесь начиналась опушка леса, изобиловавшая сухими стволами хвощей и вообще валежником. Причалив к берегу и привязав лодку со спавшим зоологом, Каштанов стащил в речку несколько толстых стволов, наскоро скрепил их гибкими прутьями кустов и затем навалил на этот плот огромную кучу стволов, стеблей и хворосту, перекладывая сухой материал зелеными ветвями хвощей и стеблями тростника.

Когда куча была готова, Каштанов вернулся в лодку и тихонько поплыл вниз по течению, а плот, привязанный к длинной жерди, толкал перед собой по воде, совершенно скрываясь за ним от взоров неприятеля. За поворотом речка текла совершенно прямо к тому месту, где муравьи сооружали преграду, которая отстояла еще на сотню метров. Подтянув плот к лодке, Каштанов поджег кучу и поплыл дальше, попрежнему толкая плот перед собой. Огонь постепенно разгорался, охватывая горючий материал, а из зелени, проложенной слоями, пошел густой черный дым.

Когда лодка и плот были в сотне шагов от преграды, Каштанов пустил плот по течению, а сам взялся за шест, чтобы задержать лодку посреди речки. Гигантский костер поплыл к преграде и остановился перед ней, обдавая клубами едкого дыма и языками пламени работавших насекомых. Часть последних, обожженная или оглушенная, свалилась в воду, остальные сбежали на берег и столпились кучей, пораженные невиданным зрелищем. Тогда Каштанов зарядил двустволку мелкой картечью и начал угощать муравьев, подплывая к ним все ближе и ближе, целым рядом выстрелов. Треск страшного, невиданного огня, языки пламени, клубы дыма, беспрерывные выстрелы, поражавшие насекомых, произвели на последних такое впечатление, что уцелевшие и легко раненные пустились наутек. От горевшего плота занялась и преграда, состоявшая наполовину из сухих стволов, и, пока гремели выстрелы, огонь охватил всю ее среднюю часть. Убедившись, что враг бежал, Каштанов причалил к берегу у самого пожарища, прикончил ножом раненых муравьев, а затем принялся уничтожать

преграду, сбрасывая горевшие сухие и дымившие зеленые стволы в воду. Через четверть часа препятствие исчезло, и догорающий костер на плоту поплыл дальше по реке, а вслед за ним, не стараясь его обогнать, плыла лодка с человеком, перехитрившим своих многочисленных и умных врагов.

Вниз по течению реки плавание в этом зеленом коридоре шло быстрее, и вскоре впереди в просвете показалась уже синева морской глади.

Приближаясь к устью речки, Каштанов услышал выстрелы, лай Генерала и крики товарищей. Он налег на весла, через несколько минут причалил к берегу и с ружьем в руках бросился к месту стоянки.

СРАЖЕНИЕ С МУРАВЬЯМИ

Проводив товарищей в экскурсию, Макшеев и Громеко занялись уженьем рыбы в устье речки. Промысел оказался таким удачным, что через час одному пришлось уже приступить к чистке рыбы и развешиванию ее на протянутых веревках для вяления впрок.

Пока Макшеев продолжал ловлю, ботаник облазил опушку леса, собирая растения, и при этом обнаружил саговую пальму, которой решил воспользоваться. Вдвоем ее срубили, раскололи вдоль и, вынув съедобную сердцевину, разложили ее для просушки на одеялах.

Окончив эту работу, поставили на огонь котелок с ухой и уселись, обсуждая, чем заняться после обеда.

— Отлучаться далеко мы не можем,— заметил Громеко,— тем более что оставить рыбу на попечение Генерала нельзя.

— Конечно,— согласился Макшеев,— хотя это и верный пес, но вряд ли устоит от соблазна покушать вволю вяленой рыбы и вспомнить свою родину.

— Ну что ж, наловим еще рыбы и сделаем большой запас ее для себя и для собаки. Кто знает, скоро ли попадется опять такое рыбное место. А это ящерное мясо мне, признаться, не по вкусу, все время ем его с отвращением. Во время еды я всегда стараюсь думать, что это осетрина или белужина, а не родственник лягушки или ящерицы.

В это время уха начала закипать, и Громеко направился к одеялам, чтобы взять сало для заварки.

— Ой, смотрите скорее на запад! — закричал он Макшееву, оставшемуся за палаткой у костра.

Макшеев выбежал на пляж.

С запада вдоль берега моря двигались чудовища, в которых по полосатым бокам нетрудно было узнать бронтозавров.

Они шли медленно, обрывая молодые листья с верхушек пальм и папоротников, по временам останавливаясь возле дерева, казавшегося особенно вкусным.

— Ну, что нам делать, как вы думаете? — спросил Громеко.— Мы знаем, что эти чудовища трусливы и на нас не нападут первые. Но они перетопчут и передавят нам и рыбу и палатку, если мы пустим их сюда.

— Придется стрелять,— сказал Макшеев,— сначала дробью, а если это не поможет, разрывной пулей.

Оба подняли ружья, прицелились в группу чудовищ, и четыре выстрела прокатились глухо над берегом.

Неожиданный шум и дробь, посыпавшаяся на животных, донельзя их перепугали. Но вместо того чтобы повернуть назад, неуклюжие махины бросились в воду и побежали мимо стоянки вдоль берега в небольшом расстоянии от него, вздымая волны и фонтаны брызг.

Неудачливые охотники в несколько мгновений были промочены с головы до ног, удерживая лодку, чтобы ее не снесло в море. Одна из набежавших волн подмыла воткнутый в песок шест, к которому была привязана веревка с вялившейся рыбой, другая плеснула на одеяло с сушившимся саго. Рыба с веревкой упала на песок, а саго намокло.

— Тьфу, окаянные! — выругался Макшеев, отряхиваясь после душа.— Все-таки напакостили!

— Ну, вот нам и работа! — утешил его Громеко.— Мы не знали, чем заняться после обеда, а они об этом позаботились. Теперь нужно всю рыбу опять обчистить, а саго обмыть в речке и сушить.

— И сначала самим обсушиться! А уха наша, наверно, вся выкипела...

Бронтозавры, описав полукруг по воде, опять вылезли на берег, восточнее устья речки, и продолжали бежать по пляжу.

— И им, видно, досталось на орехи, ишь, как уле-

петывают! — злорадствовал Макшеев, раздеваясь у палатки, пока Громеко снимал котелок с ухой.

Развесив платье для просушки и водрузив шест с веревкой на прежнее место, путешественники в костюмах Адама принялись за свой обед. Генерал, наевшись с утра рыбьих голов и внутренностей до отвала, растянулся на песке и задремал. Ни он, ни занятые едой люди не заметили, как из леса, недалеко от стоянки, вышли один за другим шесть муравьев, остановились, осмотрелись и столь же бесшумно скрылись в чаще.

Покончив с обедом, Макшеев и Громеко прилегли в палатке и закурили трубки, прежде чем приняться за очистку рыбы от налипшего песка.

Вдруг Генерал заворчал, вскочил и бешено залаял. Выбежав из палатки, Громеко и Макшеев увидели, что их стоянка окружена муравьями. Одна колонна отрезала их от устья речки, вторая надвигалась с другой стороны к веревке с рыбой и к одеялу с саго.

— А ружья-то у нас не заряжены! — завопил Громеко, бросаясь к патронташу.

— Берегите картечь! — кричал Макшеев, торопливо заряжая двустволку.— Палите в правых, а я в левых!

Правая колонна уже набросилась на рыбу и стаскивала ее с веревки, а левая была в двадцати шагах от палатки, когда грянули первые выстрелы. Гром, дым и падение подстреленных смутили насекомых, и передние остановились в нерешительности. Но задние напирали, привлекаемые запахом рыбы, и рать опять двинулась вперед. Стоя у входа в палатку, в которую забился ощетинившийся и лаявший Генерал, охотники заряжали ружья, чтобы дать еще залп, а затем, вооружившись ножами и прикладами, вступить в рукопашную с врагами, надвигавшимися со всех сторон. Но борьба казалась безнадежной ввиду неравенства сил.

Вдруг из кустов устья речки один за другим раздались два выстрела в задние ряды муравьев, а затем оттуда выбежал Каштанов, в руках которого был пылающий пук хвороста. Размахивая им вправо и влево, он бросился прямо в стаю насекомых, которые шарахнулись в разные стороны.

Макшеев и Громеко со своей стороны кинулись к

костру и начали бросать головни в муравьев. Это средство помогло — первая колонна была рассеяна и позорно бежала в чащу, оставив убитых, раненых и обожженных на поле сражения.

Покончив с врагами этой колонны, все трое, с Генералом, набравшимся храбрости, атаковали с огнем и ножами в руках насекомых, занятых уничтожением рыбы. Часть поплатилась за свою жадность, другие успели бежать, унося в челюстях рыбу или куски намокшего и слипшегося саго. Два муравья потащили за собой все одеяло, но были настигнуты и убиты. Генерал приканчивал раненых, перегрызая им шею.

Когда последние беглецы скрылись в лесу, путешественники могли передохнуть и подсчитать свои трофеи и ущербы. Мертвых и тяжело раненных муравьев оказалось сорок пять.

Вместо пятидесяти рыб на веревке осталось только пятнадцать, да несколько штук, очевидно потерянных врагами при бегстве, подобрали у опушки леса. Больше половины саго было съедено или затоптано в песок. Громеко получил легкий укус в руку, а Каштанов в ногу, но толстый сапог не поддался и предохранил его от муравьиного яда.

— Как вы кстати явились! — сказал Макшеев, когда, осмотрев поле сражения, все трое уселись у палатки.— Без вашей поддержки и выдумки с огнем мы бы не справились с этим полчищем, и они закусали бы нас до смерти.

— А где вы оставили Папочкина? — спохватился Громеко.

— Ах, я и забыл в пылу битвы, что Семен Семенович лежит у меня еще в лодке!

— Лежит? Почему лежит? Что с ним случилось? Он жив?..— посыпались вопросы товарищей, понявших теперь причину неожиданно быстрого возвращения Каштанова.

— Жив, жив! У нас тоже было столкновение с муравьями, и Семен Семенович получил такой укус в ногу, что стал инвалидом. Помогите перенести его в палатку.

— Одну минуту! Дайте нам одеться,— сказал Громеко, только теперь обративший внимание на то, что он, как и Макшеев, до сих пор оставался полуголым.

— Да, действительно, почему вы оба в таком

странном виде? — засмеялся Каштанов.— Вы разве купались, когда на стан напали муравьи?

— Нет, нас опять выкупали бронтозавры,— отвечал Макшеев и, одеваясь, рассказал, как все произошло.

Наскоро облачившись, Макшеев и Громеко последовали за Каштановым к речке, где последний, бросившись в атаку на муравьев, оставя лодку с Папочкиным, который спал так крепко, что не слышал ни выстрелов, ни криков, и проснулся только тогда, когда его подняли за руки и за ноги, чтобы отнести в палатку.

Уложив Папочкина, путешественники развесили уцелевшую рыбу, перетаскали мертвых муравьев в море, и только после этой неприятной работы Каштанов, доедая оставшуюся уху, рассказал товарищам о своих приключениях во время неудавшейся экскурсии.

Так как можно было опасаться, что муравьи, дважды пострадавшие от незваных пришельцев, вернутся в огромном количестве, чтобы отомстить за свое поражение, то возник вопрос, как быть дальше. Папочкин и Громеко советовали немедленно продолжать плавание, чтобы убраться подальше от муравейника. Но Каштанову хотелось продолжать экскурсию вверх по речке, прерванную из-за муравьев, так как она давала возможность проникнуть в глубь таинственной черной пустыни, и Макшеев поддерживал этот план. Для его осуществления нужно бы было так или иначе покончить с хитрыми насекомыми, при существовании которых экскурсия была бы под беспрерывной угрозой. Поэтому решили обождать до вечера, а затем плыть к муравейнику и поджечь его. В случае удачи этого замысла путь вверх по речке становился свободным и можно было совершать экскурсию вчетвером на обеих лодках, оставив плот и лишние вещи в чаще на берегу моря.

СОЖЖЕНИЕ МУРАВЕЙНИКА

Отдохнув основательно, Каштанов и Макшеев отправились к лодке, захватив ружье, топор и вязанки хвороста. Папочкин не мог еще двигаться, а у Громе-

ко от укуса разболелась руке. Поэтому оба инвалида остались караулить палатку. Плавание шло быстро по знакомым уже местам. Миновали остатки преграды, сооруженной муравьями, где еще дымились догоравшие стволы и чернели трупы насекомых. Затем выехали на поляну и из-за кустов осмотрели местность вокруг муравейника, чтобы не натолкнуться невзначай на врагов. Но никого не было видно. Насекомые, очевидно, предавались отдыху в недрах своей крепости. Проплыли немного дальше — к бывшему мосту через речку, от которого к муравейнику шла торная дорога, проложенная его обитателями.

Оказалось, что муравьи успели уже построить новый мост.

Лодку привязали к кустам ниже моста, взвалили на плечи вязанки хвороста, взяли ружья, заряженные на всякий случай картечью, и пошли к муравейнику. Не доходя до него, присели за кустами у дороги, чтобы понаблюдать еще некоторое время и убедиться в том, что никто не помешает исполнению задуманного плана.

Все было тихо, и можно было приступить к работе. В каждый из главных входов положили вязанку хвороста, а поверх нее наиболее сухие и тонкие стволы, взятые из самой постройки.

Затем подожгли костер самого отдаленного западного входа и побежали стремглав — один к северному, другой — к южному входу, чтобы поджечь их и затем сойтись у восточного входа, где закончить поджог и, в случае надобности, бежать к лодке.

Каштанов, поджигавший костер у северного входа, в глубине галереи заметил муравья, подбежавшего к заграждению. Он притаился за костром в надежде, что насекомое выйдет наружу и тогда можно будет прикончить этого часового, чтобы он не поднял тревоги. Но муравей, осмотрев костер и попытавшись растащить его, убежал вглубь, очевидно за помощью. Тревога начиналась, и нужно было спешить к последнему выходу.

Макшеев оказался уже здесь; он торопливо поджигал костер и встретил товарища словами:

— Скорее, скорее! Нужно спасаться к лодке.

Оба побежали во весь дух, но по дороге остановились, чтобы взглянуть назад. Из устья восточного

входа вырывалось уже огромное пламя. С северной стороны муравейник также пылал в нескольких местах, и из многих верхних ходов валил густой дым. Но с южной стороны, где Макшеев очень торопился при виде встревоженных насекомых, огонь был слабый, и на этой стороне из всех верхних ходов выбегали один за другим муравьи. Одни тащили яйца или куколок, спускаясь с ними вниз, и относили их в сторону; другие суетились без толку взад и вперед, подбегая к огню или к дымившим отверстиям, падали обожженные или оглушенные.

— Плохо удалось наше предприятие! — заметил Каштанов.— Часть муравьев успеет спастись, будет блуждать без пристанища по стране и нападет на нас. Придется завтра же убираться подальше.

— А сейчас нам тоже нужно убираться подальше! — вскричал Макшеев, указывая на колонну насекомых, бежавших по дороге к мосту.

— Не за водой ли они побежали, чтобы тушить пожар? — пошутил Каштанов, пустившись рысью рядом с товарищем.

Муравьи, несомненно, заметили поджигателей и гнались за ними. Они бежали быстрее, чем люди, и расстояние между теми и другими все уменьшалось.

— Я больше не могу, сердце не выдержит! — задыхаясь, крикнул Каштанов, который по своим летам и по образу жизни не мог долго тягаться с Макшеевым.

— Остановимся и дадим залп,— предложил последний.

Они успели перевести дух, пока насекомые не приблизились на пятьдесят шагов, и затем выстрелили. Передние в колонне упали, задние остановились. Их было больше десятка, но за ними на некотором расстоянии следовал второй отряд.

Собрав последние силы, преследуемые добежали до моста в то время, когда резерв подошел к месту сражения.

— Черт возьми! Где же наша лодка? — воскликнул Макшеев, добежавший первым до берега реки.

— Что вы, неужели ее нет?

— Нет, она исчезла бесследно!

— Здесь ли она были привязана?

— Здесь, я хорошо заметил место... А вот и веревка, которой она была привязана, висит себе на кусте!

— Кто же отвязал и увел лодку?

— Может быть, сама отвязалась и уплыла вниз по речке.

— А может быть, муравьи угнали ее.

— Что же нам делать?

— Перебежим пока через мост и разрушим его за собой,— предложил Каштанов.— По крайней мере, речка отделит нас от погони.

Не теряя времени, оба перешли по гнувшемуся под их тяжестью мостику на другой берег. Преследователи были уже в сотне шагов от речки.

— Перетащим бревна к себе, а то, пожалуй, муравьи их опять выловят,— предложил Макшеев.

Через минуту, когда передние муравьи подбежали к берегу, оба бревна лежали уже у ног путешественников. Глубокая речка отделяла их от преследователей, которые остановились у берега в замешательстве. Их было около двадцати, но на дороге были видны еще новые подкрепления, спешившие на помощь. Позади них, в глубине поляны, муравейник пылал, как огромный костер. Пламя поднималось высоко вверх, и клубы черного дыма вились в спокойном воздухе, образуя черный столб, тянувшийся на огромную вышину.

— Можно подумать, что это извержение вулкана! — засмеялся Макшеев.— Мы им все-таки хорошо отплатили за все каверзы.

— Но не достигли желаемого результата — не очистили местность от них — и теперь должны позорно отступать перед насекомыми.

— Как мы только доберемся до моря?

— Идти вдоль берега речки через лес нечего и думать.

— Там скоро не проберешься, а муравьи могут обогнать нас и напасть на наших товарищей.

— Вот что: если нельзя идти — поплывем. Из этих двух бревен нетрудно сделать плотик, а вода понесет нас скорее, чем наши ноги.

— Идея! Но сначала нужно разогнать муравьев, чтобы они не помешали как-нибудь нашему отплытию!

Зарядив ружья, путешественники дали четыре выстрела в кучу насекомых, толпившихся на противоположном берегу. Больше десятка попадали, некоторые

скатились в воду, остальные разбежались в стороны. В несколько минут бревна, составлявшие мост, были спущены на воду, наскоро связаны гибкими прутьями, срезанными в кустах; оба вскочили на импровизированный плот и оттолкнулись от берега, бросив последний взгляд на пылающую крепость своих врагов. Вода быстро понесла их вниз, а ружья служили вместо шестов, чтобы отталкиваться от берега, когда плот одним или другим концом слишком приближался к нему. Несколько муравьев некоторое время бежали вдоль речки, но течение было быстрее их, и они постепенно отставали.

За коленом речки, перед опушкой леса, где Каштанов устраивал свой плавучий костер, пловцы с радостью увидели свою лодку, прижатую течением к берегу и застрявшую в кустах.

Плот также принесло к этому месту; они поймали беглянку, уселись и налегли на весла.

Через полчаса они благополучно приплыли к своему стану.

НОВАЯ ЭКСКУРСИЯ В ГЛУБЬ СТРАНЫ

Неудачный поджог муравейника заставил путешественников немедленно покинуть стоянку на берегу залива, так как при всякой экскурсии в глубь страны они рисковали встретиться с озлобленными насекомыми, лишившимися жилища и бродящими повсюду, и должны были бы тратить на войну с ними всю свою энергию и огнестрельные припасы, которых оставалось не так уж много. Да и на самой стоянке они рисковали ежеминутно подвергнуться нападению муравьев, которое могло кончиться печально.

Вопрос, продолжать ли плавание вдоль южного берега моря Ящеров на запад или же вернуться и плыть на восток, обсуждался очень горячо во время раннего завтрака. И наконец решили плыть еще на запад.

Поплыли прежним порядком, вблизи берега, и скоро выбрались из залива. Южный берег и далее был утомительно однообразен. Проведя две недели среди животного и растительного мира юрского периода, наши путешественники уже так привыкли к нему, что находили его довольно однообразным. Им хотелось

теперь проникнуть дальше на юг, в надежде встретить еще более древнюю флору и фауну, испытать новые приключения и получить новые впечатления.

Но этот дальнейший путь на юг был прегражден пустыней, а плавание на запад или на восток обещало им только все те же картины юрской природы. И все начали уже подумывать об обратном пути на север.

На берегу в нескольких местах замечены были муравьи, из чего можно было заключить, что этот род насекомых распространен по всему южному берегу моря Ящеров и они действительно являются царями юрской природы.

— Счастье еще, что они часть времени проводят в муравейнике! — заметил Папочкин.— Иначе от них не было бы житья.

— Да, эти твари хуже сабельных тигров и хищных ящеров. Те и другие не доставили нам и сотой доли тех неприятностей и тревог, которые причинили муравьи,— согласился Макшеев.

Ночевали на пляже. Решили плыть еще один день дальше на запад, и если в этот день не удастся проникнуть на юг, то повернуть обратно.

Этот последний день принес желанную перемену. Берег моря вскоре начал сильнее уклоняться на юг, сохраняя тот же характер. Через несколько часов плавания стало видно, что зеленая стена леса скоро кончится и далее начнутся утесы.

— Опять та же столовая возвышенность, а на ее поверхности черная пустыня! — воскликнул Каштанов, изучавший в бинокль местность, лежащую впереди. В его голосе было слышно разочарование.

Но когда подплыли к концу леса, оказалось, что между ними и подножием столовой возвышенности расположен большой залив, в глубине которого открывалась зеленая долина; на заднем плане последней поднималась группа высоких остроконечных темных гор.

— Опять вулканы! Но на этот раз совсем недалеко от берега моря! — воскликнул Громеко.

Лодки направились к южному берегу залива в устье долины, где виднелась ровная площадка песчаного пляжа.

В долине протекал довольно большой ручей, окаймленный деревьями, кустами и лужайками. Палатку

раскинули на пляже. На лужайках вдоль ручья видели жуков, стрекоз, мух, заметили следы игуанодона и летучих ящеров, но муравьев не нашли.

После обеда направились к вулканам, но из предосторожности лодки, палатку и лишние вещи запрятали в чащу леса, подвесив некоторые из них даже на деревьях. Генерала взяли с собой.

Путь шел вверх по долине вблизи ручья. Рощи по его берегам не представляли непроходимой чащи и были пересечены тропинками игуанодонов. В утесах обоих склонов Каштанов определил породы, встреченные гораздо севернее, именно на реке Макшеева,— оливиновые с вкраплениями никелевого железа. Но только здесь эти вкрапления часто превращались в большие гнезда, диаметром от половины до одного метра, состоявшие из сплошного металла.

— Ведь это же прекрасный материал для переработки в сталь! — воскликнул инженер, остановившись в изумлении и восторге перед высокой отвесной стеной, в которой большие и малые гнезда металла, тускло блестевшие под лучами солнца, были рассеяны в изобилии.

Он смотрел на эту стену с таким же вожделением, с каким дети разглядывают сладкую булку, полную изюма.

— Эх, какой колоссальный завод можно было бы основать тут! — сокрушался он.

— Несмотря даже на муравьев? — с улыбкой спросил Каштанов.

— Несмотря ни на что! Разве в случае необходимости разработки этих сокровищ люди остановились бы перед полным истреблением надоедливых насекомых? В погоне за золотом европейцы вытеснили воинственных краснокожих, людоедов-австралийцев, бушменов и кафров. Одной пушки и нескольких десятков гранат достаточно, чтобы истребить все муравейники этого берега с их населением.

Над зеленой долиной по временам проносились взад и вперед крупные птеродактили, высматривая добычу; очевидно, где-нибудь по соседству на неприступных утесах было их гнездилище. Нападать на людей они не решались, но, когда Генерал слишком опережал путешественников или отставал от них, над ним появлялся ящер и кружил в воздухе в ожидании

удобного момента для нападения. Громеко два раза стрелял по летучему хищнику и во второй раз подшиб его. Раненое животное осталось барахтаться на вершине большого папоротника.

Встретили стадо игуанодонов, которые отдыхали на лужайке у подножия скал, но охоту на них отложили до обратного пути, чтобы не нагружаться мясом.

Через три часа спокойного хода достигли того места, где долина круто поворачивала на запад. Далее ее правый склон образовывался из откосов группы вулканов. Путь сделался труднее, приходилось то и дело пробираться по лаве, карабкаясь по ее черным глыбам.

На маленькой лужайке, где было удобное место для ночлега и несколько сухих хвощей для костра, сложили принесенные с собой запасы и лишние вещи, чтобы налегке обследовать местность.

Между концами двух широких потоков лавы, спускавшихся с вулкана, лежало небольшое озеро — в полсотню метров в диаметре,— окаймленное группами небольших пальм, хвощей и узкой полосой тростников. Ручеек вытекал из этого озера, пробиваясь по лаве нижнего потока. Поверхность озера была гладкая, как зеркало, и отражала в себе до мельчайших подробностей и зеленую раму, и черные потоки лавы, и мрачные обрывы столовой возвышенности.

— Вот чудесное местечко для отшельника, который захотел бы уйти навсегда от суеты мирской! — воскликнул Папочкин.— Он выстроил бы себе хижину под защитой черной стены и жил, предаваясь созерцанию ясного неба, вечного солнца и величественного вулкана на берегу мирного озера в тени пальм.

— И в один прекрасный день погиб бы под градом камней или под потоком лавы, извергнутым этим коварным вулканом,— заметил Каштанов.

— Или еще раньше умер бы от голода, ибо, насколько могу судить, эти пальмы не дают съедобных плодов, а тростник не сладкий,— прибавил Громеко.

— И не видно никакой дичи,— сказал Макшеев.

— Какие вы все жалкие реалисты, не даете даже помечтать! Отшельник мог бы завести пашню, садик, огород. Вода есть, а на старой лаве отлично растет виноград и...

Зоолог не успел кончить свою фразу, потому что со стороны вулкана, главная вершина которого была скрыта ближайшими нагромождениями лавы, раздался гул, подобный грому, и через несколько минут вокруг путников упал дождь мелких черных лапилли (камешков).

— Вот вам! Его величество предупреждает, что он не даст отшельнику разводить виноград на старой лаве...— засмеялся Макшеев.

— Осмотрим озеро и вернемся назад к нашим вещам. Здесь менее безопасно,— предложил Каштанов.

Пока путники спускались по лаве к озеру, раскат повторился и опять посыпались лапилли.

— Вулкан сердится на незваных гостей! Он боится, что мы похитим сокровища из его кратера, как похитили серу из кратера Сатаны, прежде чем он успел проснуться.

— Назовем этот вулкан Ворчуном! — предложил Громеко.

Это название было принято сочувственно и занесено на карту, которую набрасывал Каштанов. Озеро получило название Отшельничьего, а ручей, вытекавший из него,— имя Папочкина.

— Вот мы и увековечили ваши воздушные замки! — смеялся Макшеев, записывая эти имена.

Вода озера оказалась холодной и пресной, на вкус даже напоминавшей сельтерскую, так как из нее при легком подогревании выделялись пузырьки углекислоты.

Обойдя озеро кругом и наткнувшись на удобное место, путники с удовольствием выкупались в его живительной воде и узнали, ныряя, что глубина его не превышает трех метров. Ни рыбы, ни водяных растений, ни насекомых в нем не было.

Так как было еще рано возвращаться на место стоянки, решили взобраться на столовую возвышенность. Это было нетрудно, потому что верхний поток лавы упирался в обрыв возвышенности, и глыбы представляли нечто вроде гигантской лестницы, так что, карабкаясь с глыбы на глыбу, путники скоро очутились наверху.

На востоке у их ног, в глубокой яме, лежало озеро, а за ним поднимались черные, изрытые склоны Ворчуна, над которым царила его крутобокая вершина.

Из нее поднимался столб черного дыма, тянувшийся в спокойном воздухе на огромную высоту. На юг, запад и север расстилалась черная пустыня, совершенно такая же, как вокруг группы вулкана Сатаны. На севере она упиралась в море, а в другие стороны уходила до горизонта.

— Ворчун гораздо выше Сатаны, и склоны его конуса круче,— заметил Каштанов.

— А начавшееся извержение помешает нам забраться на его вершину,— добавил Макшеев.

— Увидим завтра. Серы нам теперь не нужно, и мы можем повернуть назад в любой момент.

Спустившись обратно к озеру и проделав тот же путь через лавовые потоки, путники через час очутились на месте своей стоянки.

«ШАЛОСТИ» ВОРЧУНА

Но Ворчун не дал им выспаться как следует. Через несколько часов они были разбужены ужасным грохотом и вскочили перепуганные.

— Неужели и этот вулкан выбрасывает палящие тучи? Смотрите, что там творится! — воскликнул Громеко.

Ворчун был окутан густыми черными тучами, которые спускались все ниже по склону и вместе с тем расползались во все стороны. Чувствовался заметный запах серы и хлора. Тучи клубились, освещались яркими молниями, а грохот, вырывавшийся из недр вулкана, сливался с раскатами грома.

— Нет,— заметил Каштанов,— палящей тучи нам бояться нечего. Это извержение носит другой характер, именно типа Везувия. Сейчас выбрасываются пепел и бомбы, а потом, вероятно, появится и лава.

— Наше восхождение, конечно, ухнуло.

— Понятно! Было бы безумно лезть на вулкан в такое время.

— Что же мы будем делать?

— Посидим еще здесь или продолжим прерванный сон, а затем пойдем назад к морю.

— Почему же не сейчас?

— Интересно наблюдать извержение так близко.

— А если на нас посыплются бомбочки?

— Едва ли — мы тут у самого подножия, и так далеко они не летают.

— А если лава захватит нас?

— Лава течет медленно, и от нее всегда можно уйти, даже пешком.

— Ну, тогда останемся и посмотрим работу Ворчуна. Но не мешает за это время позавтракать.

Разожгли костер, поставили чайник и за едой наблюдали за вулканом.

Он совершенно скрылся в тучах, и даже небо в зените было подернуто серой дымкой, сквозь которую Плутон казался красным диском без лучей, бросавшим зловещий, тусклый свет на мрачные окрестности вулкана.

Вскоре начал падать черный пепел, тонкий, как пудра, сперва отдельными частицами, потом все гуще и гуще, так что чай пришлось пить, закрывая кружки рукой, чтобы не наглотаться вулканической пыли. Постепенно почернели и трава, и тростник, и листья пальм, а вода в ручье стала похожей на чернила.

— Хорошо, что мы догадались набрать воды в нашу жестянку,— заметил Макшеев,— иначе остались бы на целый день без воды... Но что это за шум?

Так как грохот вулкана ослабел, то в промежутке между раскатами грома можно было расслышать глухой шум, подобный реву морского прибоя, постепенно усиливавшийся. Путешественники переглядывались в недоумении.

— Уж не палящая ли туча? — с тревогой спросил Папочкин.

— Нужно бежать скорее наверх! — вскричал Каштанов.— По ручью несется вал воды или грязевой поток. Я и забыл о возможности этого. Берем пожитки — и на гору!

Живо были опорожнены недопитые кружки, собраны вещи и ружья, и все побежали вверх по лавовому потоку, карабкаясь по глыбам, спотыкаясь, стараясь подняться на достаточную высоту над руслом ручья.

Когда они наконец остановились, чтобы перевести дух, на высоте около пятидесяти метров над местом стоянки и оглянулись, их взору представилась картина, показавшая, что поспешное бегство было вполне своевременным. По руслу, шедшему со склона вулка-

на, несся бешеный поток черной воды, срывавший большие глыбы застывшей лавы со своих берегов. Через несколько минут грозный вал вышиной метра в три докатился до места, где они только что беспечно пили чай, и в одно мгновение в его грязных волнах скрылись зеленые кусты, закачались и повалились пальмы, сломанные или вырванные с корнем, и вся площадка исчезла, словно ее и не было.

— Ловко работает! — воскликнул Папочкин.— Мы вовремя убрались!

При своем бегстве путешественники поднялись выше этого лавового потока, и с того места, куда они забрались, видны были внизу и та и другая вершины. Грязевой поток прошел по правой вершине, и теперь все повернулись в сторону левой, чтобы посмотреть, что там делается. Через несколько минут по тесной долине левой вершины прикатил второй грязевой поток, но двигавшийся медленнее, так как вода была переполнена пеплом и мелкими камешками и представляла жидкую черную кашу, в струях которой крутились кусты, вырванные с корнем, и стволы пальм.

— Их несет с берегов озера, где мы были вчера! — воскликнул Папочкин.

— Вот вам и тихое, идиллическое убежище отшельника! Озеро уже не существует — все затоплено грязью,— сказал Каштанов.

— Да, здешние вулканы оказываются очень беспокойными соседями! — заметил Громеко.— Сатана угостил нас палящей тучей, а Ворчун — грязью.

— И все-таки мы спаслись и тут и там и видели грозные и интересные явления природы,— сказал Каштанов.

— А теперь мы отрезаны от моря и наших лодок! — воскликнул Папочкин в унынии.— Смотрите, справа и слева бурные потоки, а позади нас — Ворчун, который может устроить нам еще какое-нибудь угощение.

Действительно, путешественники, укрывшиеся от грязевых потоков на скале вулкана, очутились в осадном положении и не могли направиться вниз по долине к морю. А позади них вулкан продолжал громыхать.

— Если теперь прикатит еще сверху лава, мы будем между огнем и водой. Приятная перспектива! — заявил Громеко.

— Да, Ворчун еще не сказал своего последнего слова,— заметил Макшеев.

— Я думаю, что наши тревоги преждевременны,— успокоил их Каштанов.— Грязевые потоки скоро сбегут, и мы пойдем к морю, прежде чем лава, если таковая вообще направится в эту сторону, доберется до нас.

— А пока нас тут промочит до нитки! Укрыться-то негде,— ворчал Папочкин.

Зоолог был совершенно прав. Уже некоторое время из туч, распространявшихся от вулкана, накрапывал дождь, на который путешественники не обратили внимания, занятые грязевыми потоками. Теперь дождь усилился, и все начали осматриваться по сторонам, чтобы найти хоть какую-нибудь защиту. Рассчитывая на хорошую погоду, продолжавшуюся уже много дней, путешественники пошли в экскурсию налегке — без плащей и палатки — и теперь ничем не могли защититься.

— Мне кажется, что там, выше, где столько крупных глыб лавы, мы скорее найдем какое-нибудь убежище,— сказал Макшеев, указывая вверх по склону.

— И очутимся еще ближе к вулкану! — вздохнул Папочкин.

— Вольному воля — оставайтесь здесь под дождем, а мы полезем! — заявил Громеко.

Но зоолог не захотел отстать от компании, и все пошли вверх по крутому потоку. И камни и обувь уже намокли, и идти было скользко и трудно. Впрочем, скоро добрались до большого вала из навороченных одна на другую глыб, обозначавшего конец более молодого потока, излившегося поверх старого. Между глыбами кое-где оставались промежутки, достаточные для приюта одного человека. Все четверо разместились по этим норам, а мокрый Генерал залез к Макшееву, который был не особенно доволен этим соседством. Достаточно намокшие люди, скорчившиеся в неудобных позах на неровных камнях, переживали довольно неприятные минуты и, чтобы поддержать хорошее расположение духа, перекликались из своих убежищ друг с другом, когда грохот Ворчуна немного затихал.

Дождь лил не переставая. Скоро и по поверхности лавового потока потекли струйки и ручейки грязной воды, наполненной пеплом, и доставили укрывшимся

новые неприятности. Одному обдало холодным душем бок, другому спину. Папочкин, растянувшийся на животе в низкой и длинной норе, почувствовал воду под собой. Он вылез наружу и начал бегать между глыбами в поисках лучшего места.

Макшеев, видевший эту сцену, хохотал: ему удалось приютиться вместе с Генералом в маленькой пещерке в лаве.

— Это не Ворчун! — кричал зоолог, карабкаясь по глыбам под дождем.— Это черт знает что: Плакун, Мокрун, Дождюн!..

— Водолеем назовем его,— предложил Макшеев.

Но Папочкин уже не слышал. Он нашел низенькую расселину и заполз в нее головой вперед. Только она оказалась слишком короткой, и ноги остались снаружи, под дождем.

Вдруг ужасающий грохот потряс воздух. Путешественникам показалось, что камни раздавят их, как мышей в ловушке. Все выскочили из убежищ.

— Землетрясение! — вскричал Громеко.

— Вулкан взорвался и рухнет на нас! — вопил Папочкин.

— Неужели палящая туча?! — прошептал Каштанов, бледнея.

Через завесу дождя и туч ничего не было видно, и после первых мгновений испуга все немного успокоились. Но вот с глухим треском вблизи них грохнулась бомба, величиной с голову, покрытая спиральными бороздами, и начала шипеть, трещать и дымиться под дождем. По сторонам, справа и слева, вверху и внизу, то тут, то там также слышны были удары и треск падавших камней.

— По местам скорее! — крикнул Макшеев.— Ворчун открыл пальбу снарядами крупного калибра!

Все поторопились залезть в свои норы, откуда с замиранием сердца, но с интересом наблюдали, как падали и шипели бомбы разной величины. Иные, ударившись о глыбу, разлетались на осколки, словно гранаты. Зато ливень быстро прекратился. Порыв горячего ветра пронесся вниз по склону, запахло серой и гарью. Тучи начали рассеиваться. Снаряды перестали падать. Макшеев решился выглянуть из пещерки.

— Ворчун снял свою шапку и показал нам свой красный язык! — вскричал он.

Остальные тоже повылезли и подняли головы.

Наверху, между черными тучами, по временам открывалась вершина вулкана, на которой с одной стороны свесился короткий огненно-красный язык лавы, словно дразнивший людей, которые осмелились нарушить вековое уединение горы.

— Да, это появилась лава! — заявил Каштанов.

— Час от часу не легче! Сначала он хотел затопить нас в грязи, потом залить водой, потом пришибить бомбами, а так как все это не помогло, то пустил в ход последнее средство и хочет залить нас лавой! — шутил Громеко.

— Мужайтесь, Семен Семенович! Теперь уж вам крышка,— смеялся Макшеев.

— Ну вас! — огрызнулся зоолог.— Если бы опасность была так велика, вы бы сами задали лататы, как перед грязевым потоком.

— От лавы мы уйдем не торопясь! — заметил Каштанов.

Но уходить было некуда. В обоих руслах все еще бушевали грязные потоки. А наверху красный язык быстро удлинялся, по временам исчезая под клубами белого пара, выделявшегося с его поверхности.

— Ворчун вымочил нас, а теперь высушит! Когда лава подойдет близко, мы сначала высушим на себе платье, а потом...

— А потом вымокнем опять при переправе через поток, если не утонем в нем,— докончил Папочкин шутку Громеко.

Но благодаря очистившемуся от пепла и туч воздуху проглянул Плутон и быстро начал обсушивать склоны вулкана. Черные глыбы лавы дымились, словно подогретые подземным огнем.

Путешественники сняли свое платье и развесили его на камнях, предварительно выжав воду. Громеко разделся даже донага и, согреваясь лучами Плутона, советовал остальным товарищам последовать его примеру.

— А если Ворчун угостит нас новой порцией снарядов? Сидеть в норах голыми будет не особенно удобно! — заметил Макшеев.

— Раз показалась лава, взрывы и извержение рыхлого материала обыкновенно прекращаются,— пояснил Каштанов.

— Но если придется удирать от лавы, мы не успеем одеться.

В эту минуту над вершиной вулкана вырвалось белое облако паров, и над краем кратера показалась огненная стена, быстро поползшая вниз.

— Первый поток лавы ушел в долину озера,— заметил Каштанов,— а этот, пожалуй, может и до нас добраться.

— А через сколько времени? — поинтересовались остальные.

— Может быть, через час, может быть, и позже. Это зависит от свойства лавы. Если лава тяжелая и легкоплавкая, она жидка и течет быстро, а если лава легкая, вязкая, богатая кремнеземом, она трудноплавкая и движется медленно.

— Какой же лавой угощает нас Ворчун?

— До сих пор, насколько было видно по старым потокам, он изливал тяжелую лаву. Вероятно, такая же будет и в этот раз. Вообще, по характеру всех пород, которые мы встречаем в Плутонии, очень тяжелых, богатых оливином и металлами, трудно ожидать, чтобы здешние вулканы могли изливать легкую кремнеземистую лаву.

— Следовательно, нам нужно убираться отсюда поскорее.

— Да, но я надеюсь, что, прежде чем лава доберется до нас, грязевые потоки иссякнут и мы свободно переберемся через русло того или другого.

Плутон, не закрываемый больше тучами, и горячий ветер, дувший с вулкана, скоро высушили одежду путешественников, которые оделись и в ожидании возможности уйти продолжали наблюдать вулкан. Конец длинного языка лавы уже скрылся за гребнем склона, очевидно спускаясь в долину бывшего озера у западного подножия Ворчуна. Новые порции лавы, поднимавшиеся из кратера, изливались отчасти по этому пути, отчасти же севернее и, вероятно, образовали второй поток, спускавшийся на северный или северо-западный склон; в последнем случае он должен был течь в сторону наблюдателей. Но из-за ближайших нагромождений лавы они не могли видеть, куда направляется этот поток.

Количество грязной воды в обоих руслах, особенно в левом, заметно уменьшилось, и по ним катился

уже не бешеный поток, а небольшая грязная речка, через которую можно было рискнуть перейти в брод.

В БЕЗВЫХОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Так прошло полчаса. Извержение продолжалось спокойным темпом, и взрывы в кратере слышались только изредка и слабые. Но вот выше по склону, над местом, где сидели наблюдатели, послышался глухой шум и шорох, напоминавший звуки, раздающиеся на большой реке во время сильного ледохода. В этой стороне поднимался гребень из громадных глыб лавы — очевидно, фронт старого потока, остановившегося на этом месте.

— Пожалуй, пора уходить,— сказал Каштанов, вставая,— лава уже недалеко.

Все направились вниз по склону, к месту своего ночлега на берегу ручья, по временам оборачиваясь и оглядываясь назад, туда, где шум все усиливался. Там, над гребнем старого потока, уже показался фронт нового; но он совсем не представлял стену огненно-красной лавы, как рисовали себе три наблюдателя, кроме Каштанова, знакомого с этими явлениями. Этот фронт имел вид черного вала из глыб различной величины, который подвигался вперед под действием какой-то невидимой, но чудовищной силы.

Глыбы медленно ползли, надвигаясь одна на другую, с треском и скрипом: одни скатывались с гребня вниз, а на месте их появлялись новые; другие катились довольно далеко вниз по склону, с грохотом ударяясь и разбиваясь о неровности поверхности старого потока или глыбы, лежащей на ней. Из промежутков между глыбами вала то и дело вырывались струи и клубы белого пара, местами взвивались синие огоньки или же появлялись огненные пятна, словно отдельные горящие еще угли в потухающем костре, подернутом пеплом. Но этот костер двигался вперед, словно огромное ползущее чудовище под колеблющимся панцирем из черных чешуй, ползущее и изрыгающее жгучее дыхание и ядовитые испарения.

Спасаясь от глыб, катившихся по склону, путешественники подбежали к руслу правой вершины ручья, немного выше места своего ночлега; оно представля-

ло неровно-бугроватую поверхность со струившимися по ней грязными ручейками. Недолго думая путешественники смело шагнули вперед, но уже на втором шагу погрузились по колено в вязкую грязь. Послышались возгласы неудовольствия:

— О черт! Влопались! Ноги вытащить нельзя, такая вязкая трясина! Словно тесто...

Громеко, шедший немного позади остальных и увязший менее глубоко, наконец вытащил свои ноги из сапог, оставив последние в грязи, а затем с берега русла, став на твердую глыбу, с трудом вытащил и сапоги. Остальные трое стояли в беспомощном положении и не могли двинуться ни взад, ни вперед, словно мухи на липкой бумаге.

А между тем фронт лавового потока неуклонно двигался вперед, и до него оставалось не более двухсот метров вверх по склону. Положение завязших становилось трагическим: вблизи не было ни бревна, ни доски, ни даже жерди, чтобы положить ее на грязь и помочь товарищам высвободить ноги.

Но Громеко не растерялся. Он живо набросал несколько плоских кусков лавы от берега русла по направлению к Папочкину, как наименее тяжелому. Затем сбросил с себя мешок с вещами, ружье и верхнюю одежду и, засучив штаны выше колен и пробравшись по лаве к зоологу, помог ему освободиться от груза. А потом, взяв его под мышки, полегоньку вытащил из грязи. На Папочкине были не сапоги, а шнурованные ботинки, которые не смогли слезть с ног и потому не остались в грязи. Затем сообща устроили вторую дорожку из плит к Макшееву и вдвоем вытащили его, но без сапог. Каштанова — самого рослого и грузного из всех — вытащили втроем, также без сапог.

Тем временем фронт лавового потока надвигался все ближе и уже обжигал путешественников своим раскаленным дыханием. Поэтому некогда было выкапывать увязшие глубоко сапоги, а приходилось скорее спасаться от лавы.

Подобрав свое имущество, злополучные исследователи побежали вдоль русла, вниз, высматривая местечко понадежнее.

Но везде была та же предательская серая грязь, в которую уже не рисковали соваться.

Так в бесплодных попытках дошли до места ночлега, где в русле стояло целое озерко. Воды в нем было мало, но дно представляло ту же грязь неизвестной толщины. А лавовый поток медленно, но неуклонно надвигался сзади.

Шорох, шуршанье и треск перекатывавшихся глыб, шипение паров не умолкали ни на мгновение. Пахло серой с хлором, жар становился все сильнее...

У озера, на месте слияния обеих вершин ручья, путешественники перебежали через конец старого потока к руслу у левой вершины. Но и последнее представляло такую же полосу вязкой грязи. Оставался еще один путь — идти вчерашней дорогой вверх вдоль этого русла к озеру Отшельничьему, чтобы убежать от второго потока лавы, рискуя наткнуться на первый. Это русло суживалось между отвесными обрывами столовой возвышенности и склоном вулкана, и здесь можно было надеяться найти узкое место, где было бы нетрудно перемостить грязь глыбами лавы или перепрыгнуть через нее. Такое место вскоре и нашлось, но на другом берегу русла возвышались отвесные скалы в несколько метров вышины. На них невозможно было взобраться, нельзя было также пройти вверх или вниз вдоль их подножия, так как оно было окаймлено той же грязью.

Обессиленные беготней и волнением, путешественники уселись на глыбах возле грязи и опустили головы. Им оставалось ждать неминуемой смерти: или задохнуться в грязи, забравшись в нее при попытке перебраться через русло, или изжариться и сгореть на берегу, когда лавовый поток настигнет их. И то и другое было одинаково мучительно, и у каждого из людей, попавших в это отчаянное положение, возникала мысль о самоубийстве, если иного выхода не будет.

Отдохнув немного, Каштанов заметил, что фронт лавы движется медленнее. Он вскричал, вскакивая:

— Идемте скорее дальше вверх по этому берегу ручья! Мы успеем пройти мимо конца лавы — она почти остановилась!

— Но если мы от этой лавы уйдем, то наткнемся на ту, которая затопила Отшельничье озеро и повернула, конечно, вниз по руслу! — безнадежно заявил Папочкин.

— Это единственный шанс для нашего спасения! — настаивал Каштанов.— Во-первых, выше по руслу мы, может быть, найдем брод через грязь в таком месте, где утесы левого берега доступны. Во-вторых, весьма вероятно, что оба лавовых потока не сливаются один с другим, а следовательно...

— ...следовательно, между ними должно быть более или менее широкое пространство, свободное от лавы! — воскликнул Макшеев, доканчивая мысль.

— Да, и на этом промежутке мы можем выждать, пока поверхность грязи не засохнет настолько, что выдержит нашу тяжесть.

— Ура! — закричали Громеко и Папочкин.

Все встали и с новым подъемом энергии зашагали на юг, вдоль русла, карабкаясь по вчерашнему пути через остатки старых потоков. Слева над ними, в сотне-другой шагов, тянулся фронт лавы, от которого веяло жаром. Но лава надвигалась медленно, и они постепенно увеличивали расстояние между собой и этим черным валом, несшим с собой смерть. Вскоре можно было заметить, что этот вал загибается вверх, поднимаясь по склону вулкана. Фронт лавы был благополучно обойден.

— Ну, от этого мы ушли! — сказал Макшеев, облегченно вздохнув.

Русло представляло в нескольких местах сужения, где можно было перепрыгнуть через грязь. Но везде на противоположном берегу поднималась отвесная стена, преграждавшая путь. Приходилось двигаться дальше. Вскоре путешественники начали подниматься на поверхность самого высокого застывшего потока на западном склоне вулкана, за которым находилась котловина озера. Поднявшись наверх, они увидели, что их шансы на спасение очень увеличились.

Этот старый поток разделил новую лаву на две части и сам поднимался между ними в виде плоского горба. С его гребня, где путники спокойно уселись, можно было видеть впереди под ногами котловину, в которой вчера лежало, словно зеркало в зеленой раме, мирное озеро, приведшее в такой восторг Папочкина. Теперь на этом месте не было ни озера, ни пальм, ни травы, а расстилалось поле серой грязи с отдельными лужами черной воды. Со стороны вулкана на него надвигался фронт второго потока, и вследствие сопри-

косновения горячих глыб лавы с мокрой грязью у подножия вала раздавалась беспрерывная канонада маленьких взрывов, выбрасывавших облачка белого пара.

Хотя от места, где расположились путешественники, было шагов пятьсот—шестьсот до потоков горячей лавы, но сильно сказывалось соседство раскаленных полей. Температура была адская, тем более что и Плутон совсем не заслонялся тучами и жег непрерывно.

Сидя бездеятельно на месте, люди изнывали от жары и сбросили с себя лишнюю одежду. Начали ощущаться голод и усталость. Ночь они не доспали, а потом все время бегали и волновались.

— Эх,— пожаловался Папочкин,— чайку бы напиться! Жара невыносимая!

— Жара ужасная, а дров нет! Разве сбегать и поставить чайник на свежую лаву? — пошутил Макшеев.— Там он живо закипит!

— А вода у нас есть?

— Воды осталось еще изрядно,— объявил Громеко, освидетельствовав жестянку.

— Ну что же, давайте хоть закусывать, если чая не будет. Есть хочется ужасно!

Все уселись в кружок, достали вяленую рыбу и галеты и с аппетитом пообедали, запивая водой.

— Мы сегодня утром сделали крупную оплошность, за которую теперь и платимся,— заявил Каштанов.

— А именно?

— Убегая от приближавшегося грязевого потока, мы бы должны были перебраться сразу через ручей на тот берег, а не лезть вверх. Мы бы теперь были уже на берегу моря и не спасались бы от лавы и грязи.

— Да, с того берега путь к морю был свободен.

— Ну, не совсем! По долине ведь пронесся двойной грязевой поток и, вероятно, всю ее залил.

— И захватил бы и нас в этой долине!

— Но мы могли подняться наверх, на черную пустыню, и идти к морю поверху.

— Да, сплоховали! Впопыхах кто же мог сообразить все последствия. Тогда казалось наиболее правильным — спешно подняться выше, чтобы убежать от потока.

— Нет, если бы на нашем месте были люди, хоро-

шо знакомые с действующими вулканами, они бы лучше рассудили, в какую сторону нужно спасаться.

— А я думаю,— заметил Папочкин,— что мы сделали крупную оплошность уже вчера, когда остались ночевать у подножия вулкана, несмотря на признаки начавшегося извержения.

— Но мы же остались, чтобы увидеть это извержение!

— Вот и увидели! Я, по крайней мере, удовлетворен на всю жизнь и впредь буду держаться подальше от этих беспокойных гор. Сатане я пожертвовал свое ружье, а Ворчуну...

— Ворчуну мы с Макшеевым пожертвовали свои сапоги, а это гораздо чувствительнее. У вас сапоги на ногах, а вы ворчите! Нам же придется шагать без сапог до моря по раскаленным камням черной пустыни.

— Вы правы — я в лучшем положении и должен умолкнуть.

— Что же нам теперь делать?

— Что делать? Только и остается лечь спать, если можно уснуть на этих жестких, неровных камнях.

— Попробуем. Но по очереди одному из нас придется дежурить, чтобы наблюдать за вулканом. Он может выкинуть еще какую-нибудь штуку.

— Сколько же времени будем спать?

— А сколько позволит Ворчун.

— Это максимум. А минимум — пока не подсохнет грязь в русле настолько, что можно будет перейти через него.

Так и сделали: трое кое-как прикорнули на глыбах лавы, четвертый бодрствовал, наблюдая за состоянием вулкана и высыханием грязи. Последнее, несмотря на жар, испускаемый потоками лавы и лучами Плутона, подвигалось медленно; и только часов через шесть грязь стала проходимой.

Собрав пожитки, путешественники направились к руслу и один за другим, по очереди, перешли благополучно через грязь. Затем полезли по расселине, карабкаясь с глыбы на глыбу, с уступа на уступ, подсаживая друг друга, и через полчаса выбрались на поверхность черной пустыни, где были уже в безопасности и могли вздохнуть свободно.

Папочкин повернулся лицом к вулкану, снял шляпу, раскланялся и произнес:

— Прощай навсегда, старый Ворчун! Спасибо за твое угощение и внимание к нам.

Все улыбнулись. Каштанов вскричал:

— Эх, будь у меня сапоги, не ушел бы я отсюда!

— А что бы вы делали здесь?

— По черной пустыне можно пройти дальше на юг и посмотреть, что находится за вулканом.

— Та же пустыня! Это видно и отсюда.

— Кроме сапог, у нас не хватает и провизии,— заметил Макшеев.

— И почти нет воды,— добавил Громеко, встряхнув жестянку.

— Вы правы — нужно спешить к морю. Но эти черные камни пустыни страшно накалены. У меня такое ощущение, словно я стою на горячей плите. А толстые носки за время бегания по лаве почти изорвались.

— Придется разорвать наши рубашки и обмотать ими ноги,— предложил Макшеев.— Идти босиком совершенно невозможно.

Во время этого разговора и он и Каштанов все время приплясывали, поднимая попеременно то одну ногу, то другую, чтобы дать им остынуть. Теперь они сняли с себя рубашки, обернули ими ноги, обвязали их ремешками от ружей и, бросив последний взгляд на окутанный черными тучами вулкан, бодро зашагали по пустыне на север. Идти было легко: поверхность пустыни была совершенно ровная, представляя местами голую массу зелено-черной древнейшей лавы, выглаженную ветрами, местами же усыпанную мелкими обломками. Как и в пустыне вокруг вулкана Сатаны, здесь тоже не было признаков какой-нибудь растительности. Черная равнина простиралась до горизонта. Над ней чистое небо и в зените красноватый Плутон, заливавший эту равнину своими лучами, отражавшимися от гладкой поверхности так, что последняя сверкала миллионами зеленоватых огоньков. Путникам приходилось закрывать или щурить глаза, чтобы не утомлять их этой массой света и блеска.

Они пошли на северо-восток, чтобы выйти к низовьям ручья, где только и можно было найти удобное место для спуска с возвышенности. Через три часа приблизились к краю обрыва и начали искать подходящую расселину. Долина, накануне еще представ-

лявшая зеленый оазис, теперь была совершенно опустошена грязевым потоком: деревья были повалены, кусты вырваны и унесены потоком, лужайки занесены грязью. Только кое-где у подножия обрыва уцелели клочки зелени. При виде этой печальной картины разрушения путники вспомнили, что на обратном пути собирались поохотиться на игуанодонов в низовьях долины.

— Они, вероятно, убежали к морю!

— Или погибли в грязи.

Последнее предположение оправдалось. Немного дальше путники обратили внимание на то, что над долиной кружили птеродактили, словно воронье над падалью. Подойдя ближе, они увидели, что на дне долины идет кровавый пир. Из грязи большими буграми выдавались трупы нескольких игуанодонов, на которых расселись десятки летучих ящеров. Они рвали своими зубастыми клювами мясо и внутренности, ссорились и дрались, сгоняя друг друга, взлетали вверх и опять садились. Визг и кваканье не прекращались ни на минуту.

— Вот и наша дичь! — сказал Громеко при виде этой отвратительной картины.— Что мы теперь будем делать?

— Мы можем подстрелить птеродактиля,— предложил Макшеев.

— После того как они наелись падали? Благодарю покорно!

— Но мы ведь уже пробовали их.

— Не зная, что они питаются и падалью. Да и елито потому, что другого мяса не было, когда нас ограбили муравьи.

— Но теперь у нас тоже нет мяса.

— Есть вяленая рыба в лодках, да и свежей наловим в устье речки.

— Вы забываете, что речки уже нет,— сказал Каштанов.— Да и весь залив моря, наверно, переполнен грязью, которую принес поток, так что рыба или подохла, или ушла подальше в море.

— Я боюсь, что у нас и пресной воды не будет,— заметил Громеко.

— Верно, ведь речки-то нет.

— А я боюсь, не погибли ли все наши вещи, спрятанные в чаще. Они лежали недалеко от речки и не-

высоко над ее уровнем. Если грязевой поток был столь же стремителен в устье долины, как и выше, он мог все унести в море или, в лучшем случае, залить грязью.

Это сообщение Макшеева сильно обеспокоило всех и, забыв о птеродактилях, они поспешили дальше. Впрочем, Папочкин все-таки успел сфотографировать это пиршество птеродактилей.

Недалеко от устья долины нашелся крутой и узкий овраг, по которому удалось спуститься вниз. Всем хотелось бежать, чтобы скорее добраться до моря. Но не тут-то было. Грязь, разлитая повсюду, хотя и не толстым слоем, еще недостаточно засохла, и ноги вязли или прилипали на каждом шагу. Уже издали было видно, что грязевой поток и в устье поработал изрядно. Речка в низовьях протекала по узкому коридору между стенами хвощей и папоротников. Теперь там была проложена широкая просека, а наваленные деревья были занесены грязью. Но и вне этой полосы, по которой пронеслась главная масса воды, поток поработал: весь лес в устье долины был затоплен грязной водой, оставившей после себя повсюду толстый слой грязи.

Увязая в этой грязи, путники наконец добрались до берега залива и ахнули. Вместо чистой голубой воды перед ними расстилались бурые помои, по поверхности которых плавали листья, ветви, сучья, кусты и целые стволы, выброшенные потоком в море. Макшеев и Громеко побежали к чаще, где были спрятаны лодки и вещи, почти уверенные, что все унесено, потому что признаки опустошения были видны везде, и даже пляж близ устья речки был покрыт слоем грязи.

— Ура! — раздались их возгласы.— Все цело, идите на помощь!

Вещи уцелели благодаря тому, что были сложены в лодки, а последние покрыты палаткой и плотом и, кроме того, крепко привязаны к деревьям. Все вздохнули свободно и принялись откапывать лодки и перетаскивать их и вещи на берег моря, где, подальше от устья речки, нашлось местечко, не покрытое грязью. Но так как речка иссякла, приходилось убираться из этого уголка, который накануне так очаровал всех. Продолжать плавание на запад было рискованно, так как в эту сторону южный берег моря представлял го-

лые утесы столовой возвышенности — черной пустыни, и не было надежды найти пресную воду.

— Не имея запаса воды, мы не можем ехать на запад, тогда как на востоке нам известен источник, возле которого мы ночевали,— заключил Громеко обсуждение вопроса, куда плыть.

ОБРАТНОЕ ПЛАВАНИЕ

Через час путешественники уже плыли по заливу, превратившемуся в грязную лужу. Они обогнули мыс и повернули на восток, вдоль однообразного низкого берега с возвышающейся стеной леса. Все усиленно гребли, чтобы скорее добраться до пресной воды, где можно было бы наконец отдохнуть и выспаться после всех трудов и волнений последних двух дней.

Эта поспешность не помешала, однако, сделать привал для охоты за игуанодонами, замеченными в одном месте на пляже.

На следующий день плавание продолжалось столь же энергичным темпом, и к вечеру достигли злополучного места в устье речки Муравьиной, той самой, на которой находился сожженный муравейник. Здесь был песчаный пляж и пресная вода, а дальше уже не было удобных мест для стоянки.

Остановились на ночлег, который не был нарушен никакими приключениями.

Еще один день прошел в плавании на восток через пролив между островами, разделявшими Восточное море от Западного.

В этот раз выбрали путь вблизи северного берега, чтобы определить положение устья реки, которая оказалась значительно больше реки Макшеева, но имела, по-видимому, такой же характер. Ее низкие берега были покрыты сплошным лесом, доходившим до воды и не оставлявшим ни единой пяди земли для стоянки. Пришлось пообедать всухомятку на лодках.

Во время отдыха после еды Папочкину внезапно пришла мысль, которой он не замедлил поделиться с товарищами.

— Ведь мы сейчас у северного берега моря, не так ли? — вскричал он радостно.

— Ну конечно! — ответил Каштанов.

— Так будем держаться его и дальше до самого устья реки Макшеева: этим мы избегнем опасного переезда через море.

— Но ведь мы же собирались основательно обследовать южный берег на восток от места первого осмотра! — заявил Громеко.

— Не пора ли нам подумать об обратном пути ко льдам? — продолжал зоолог.

— Почему же так скоро?

— Потому что путь вверх по реке потребует в три или четыре раза больше времени, чем вниз,— придется все время идти на веслах против течения.

— Ну так что же, у нас времени много.

— Не так, чтобы очень. Ведь август уже на исходе. На берегах этого моря, вероятно, вечное лето, но там на севере, ближе ко льдам, наверно, бывает и зима. Если мы поздно двинемся в обратный путь, мы рискуем захватить холода и, вместо того чтобы плыть по реке, которая покроется льдом, будем тащиться пешком по снегу...

— Без лыж и без теплой одежды! — прибавил Макшеев.

— Это соображение, конечно, очень важно, и его надо принять во внимание,— заметил Каштанов.— Но еще одна неделя, которую мы уделили бы для дальнейшего изучения южного берега моря, не уменьшит заметно время, остающееся для обратного пути.

— Есть еще соображение! — настаивал Папочкин.— Все наши экскурсии по южному берегу моря наталкивались на опасности и препятствия, связанные с муравьями. Едва ли приходится сомневаться в том, что и в других частях южного берега водятся эти зловредные насекомые. Борьба с ними требует большого расхода огнестрельных припасов, а у нас их осталось не так много. Нужно их поберечь на обратный путь для охоты и для защиты от хищников.

— И, наконец,— поддержал его Громеко,— мы едва ли найдем что-нибудь новое на южном берегу моря за те три-четыре дня, которые можем посвятить дальнейшему плаванию на восток. Мы уже видели, что в эту сторону на большое расстояние тянутся отвесные обрывы столовой возвышенности, а с вершины вулкана Сатаны мы не видели на востоке ничего, кроме черной пустыни.

— В лучшем случае откроем еще одну речку и в ее верховьях еще группу вулканов, которые снова угостят нас каким-нибудь сюрпризом,— прибавил Папочкин, не забывший свои злоключения.— Два раза мы спаслись почти что чудом. Благоразумно ли еще раз испытывать судьбу?

— Итак, я вижу, что остаюсь в одиночестве,— сказал не без досады Каштанов.— Трое стоят за обратный путь, и доводы их очень основательны. Придется уступить голосу благоразумия.

— Следовательно, мы поплывем теперь вдоль северного берега? — спросил Громеко.

— Ну конечно, раз мы решили прекратить исследование южного.

— Тогда нужно набрать пресной воды теперь же, потому что сегодня мы едва ли успеем доплыть до устья реки Макшеева, а есть ли ближе ее другая речка, нам не известно.

Наполнив обе жестянки водой из устья большой речки, которую окрестили рекой Громеко, путешественники продолжали плыть среди мелей и островов ее дельты, стараясь не уклоняться от северного берега. Последний имел здесь такой же низменный характер, как у устья реки Макшеева, но только был лишен песчаного пляжа, и чаща леса и тростников доходила до самой воды. Постепенно острова начали редеть, потом исчезли, и берег стал отклоняться заметно на север. На южном берегу против этого места началась область песчаных дюн; вдали видна была группа вулкана Сатаны, который все еще продолжал выбрасывать довольно густой дым, застилавший эту часть горизонта.

Плавание оживлялось насекомыми, реявшими над водой и над зеленой стеной; по временам мелкими летучими ящерами, охотившимися за стрекозами, и головами плезиозавров, появлявшимися над зеркалом моря на порядочном расстоянии от берега. Вблизи последнего вода была очень неглубока, и весла по временам почти касались дна.

Кое-где в зеленой стене тростников, окаймлявших лес, были протоптаны широкие дорожки, настоящие зеленые коридоры, по которым, вероятно, пробирались к воде различные травоядные и хищные ящеры, населявшие чащу.

На следующий день путешественники еще до обеда

приплыли к устью реки Макшеева, которое легко узнали по сооруженной ими пирамиде.

Здесь провели почти сутки, чтобы сделать последние наблюдения на берегу моря, наловить и навялить рыбы в устье речки, починить лодки и плот для долгого плавания вверх по реке.

Это плавание шло довольно медленно. Приходилось работать веслами без перерывов, уделяя на отдых, еду и сон только самое короткое время.

Успевали проплыть в сутки всего только тридцать—сорок километров, в зависимости от быстроты течения.

Задерживали плавание также и приключения с ящерами, с хищными и травоядными млекопитающими, так как, сберегая снаряды, путешественники стреляли только для добычи свежего мяса или в случае нападения.

За время первых недель этого плавания природа не обнаруживала заметных изменений. Но дальше, когда начались лиственные леса более умеренного климата, оказалось, что листья на деревьях уже пожелтели и опали, и, чем дальше к северу, тем больше встречалось обнаженных от листвы растений.

Изменилась и погода: хотя Плутон стоял по-прежнему в зените, но густые тучи все чаще и чаще заслоняли его, дул прохладный северный ветер и часто моросил осенний мелкий дождь. В промежутках, когда небо прояснялось, становилось опять жарко, но средняя температура все больше и больше понижалась.

Ненастье в виде сильных дождей с холодным встречным ветром все чаще тормозило или даже прерывало плавание,— приходилось укрываться в палатке и согреваться у костра. Путешественники, пробывшие несколько месяцев в очень теплом и сухом климате, стали более чувствительными к холоду и сырости.

В поясе, где жили мамонты, длинношерстные носороги, исполинские олени и первобытные быки, путешественники застали уже начало зимы. Температура держалась около нуля и поднималась выше только изредка, при ясном небе. Но небо большей частью было скрыто сплошной пеленой густых туч, сыпавших по временам снегом; дул холодный северный ветер. Вместе с тем вода в речке начала заметно убывать, а ее узкое русло было уже стеснено ледяными краями. Только середина ее вследствие более быстрого тече-

ния оставалась свободной от ледяного покрова; можно было думать, что через день-другой придется прекратить плавание. Плот же, соединявший и облегчавший лодки, был уже раньше брошен из-за узости фарватера. Сильно нагруженные лодки медленно пробирались одна за другой по быстрой речке, и скорость движения уменьшилась до пятнадцати—двадцати километров в день.

Между тем до холма с юртой оставалось еще более ста километров.

По берегам, в лесах и на полянах, лежал тонкий слой снега.

ЗАГАДОЧНЫЙ СЛЕД

Однажды после ужина Громеко и Макшеев отправились ловить рыбу на мягкий песчаный откос, желтевший на берегу среди увядшей и побитой морозами травы. Макшеев уже забросил удочку и следил за поплавком, как вдруг заметил на песке рядом с отпечатком своего сапога ясный след босой ноги человека.

«Странно,— подумал он,— я как будто еще не снимал сапог, да и доктору едва ли понадобилось это в такую прохладную погоду».

Он наклонился и начал рассматривать след; след был оставлен левой ступней крупного размера и превышал даже след сапога инженера, нога которого была не из маленьких. Ступня была плоская. Человек, оставивший след, очевидно, всегда ходил босиком. Но всего замечательнее было то, что все пять пальцев, отчетливо отпечатавшиеся на песке, были очень длинны, а большой палец далеко отстоял от остальных. Казалось, что это был след не ноги, а громадной руки с очень длинной ладонью.

Немного дальше Макшеев увидел след и правой ноги, но большая часть его была уже под водой и сглажена ею. Очевидно, субъект пошел вброд через речку, так как обратных следов вверх по откосу не было видно.

— Михаил Игнатьевич, подите-ка сюда на минутку! — воскликнул Макшеев.

— В чем дело? Подождите немного, у меня клюет! — ответил ботаник.

— Бросьте вашу рыбу, идите посмотрите — я нашел что-то любопытное!

— Ну что такое? Рака, что ли, или черепаху?

— Нет, след босой ноги человека на песке.

— Не может быть!

Громеко оставил свою удочку и побежал. Рассмотрев с удивлением след, он согласился, что форма ноги, оставившей след, очень странная.

— Не обезьяна ли прошла здесь? — предположил он.

— Здесь, в субполярной местности, среди лиственниц и берез?

— Кто знает? Если мамонты и носороги, близкие родичи которых теперь живут там, на поверхности Земли, только в теплом климате, могут жить здесь, в северных лесах и тундрах, то почему не может быть и обезьяны, приспособившейся к этому климату?

— Пожалуй, вы правы. Нужно позвать сюда зоолога и геолога — они лучше рассудят.

— Ловите свою рыбу, а я съезжу за ними.

Громеко поплыл к месту стоянки и привез товарищей.

— Это огромная обезьяна,— предположил геолог.

— А я думаю, что это скорее обезьяноподобный человек,— заявил зоолог.— Смотрите, он шел только на ногах, не опираясь на руки. Обезьяна, спускаясь довольно круто к воде, наверно, стала бы и на руки, но следов рук не видно.

Тщательный осмотр местности обнаружил на обоих берегах тропинку, а в речке неглубокий брод. На тропинке следы видны были менее ясно, но по расстоянию между ними можно было судить, что субъект был ростом не менее ста восьмидесяти сантиметров.

— Что же вы обнаружили? — спросил Макшеев, когда они подошли к нему.

Пока товарищи изучали следы, он и Громеко возобновили рыбную ловлю.

— Вероятнее всего, что следы оставил обезьяноподобный человек, шедший по хорошо пробитой тропе к известному ему неглубокому броду через речку,— заявил Каштанов.

— Следовательно, сюда, в Плутонию, раньше нас забрались какие-то люди?

— И вдобавок ходят босиком, хотя уже падает

снег! Переходят преспокойно вброд через ледяную воду! — воскликнул ботаник.

— Вероятно, какие-нибудь дикари? Недаром у них форма ноги почти не отличается от обезьяньей.

— Нежелательно было бы встретиться с ними! Они, пожалуй, людоеды.

— Ну, муравьи нас не одолели, хотя помешали нашей работе, а с дикарями мы бы так или иначе поладили.

Теперь приходилось быть особенно настороже, чтобы не подвергнуться нападению врасплох. Во время отдыха поочередно дежурили и весь следующий день зорко смотрели по сторонам.

Но еще через день плавание прекратилось. С севера налетел продолжительный буран, речка замерзла и даже покрылась слоем снега сантиметров в пятнадцать.

Чтобы не бросать лодок и не тащить имущество на себе, решили сделать полозья; поставить на них лодки с вещами и, придерживаясь русла речки, где не мешали ни кусты, ни деревья, тащить их за собой по снегу. Но идти без лыж по свежему рыхлому берегу и тащить за собой тяжелые сани было нелегко, так что за день проходили только километров двенадцать—пятнадцать. Плутон больше не показывался из-за густой пелены туч, и температура опускалась до 5 и даже 10 градусов ниже нуля. В тонкой палатке и тонкой одежде было очень холодно, и во время отдыха поочередно дежурили, чтобы поддерживать огонь у входа в палатку. В борьбе со стужей и снегом совсем забыли о первобытных людях. Впрочем, следов больше не встречали. Все живое, по-видимому, откочевало на юг, и редкие леса под белым саваном погрузились в зимнее безмолвие.

Только на восьмой день после начала санного путешествия поредевший лес кончился, и на северном горизонте показались белые увалы — конец льдов, и на фоне их с трудом можно было различить темную точку — юрту на холме, который почти сливался с равниной тундры.

Оставался еще десяток километров тяжелого пути, и затем предстояло свидание с товарищами и отдых в теплой юрте после многонедельного странствования. Через три часа они были только в километре от нее и

с минуты на минуту ждали, что услышат лай собак, что из юрты выбегут люди и поспешат к ним навстречу с нартами и лыжами. Но никого не было видно, никто не лаял, и юрта, полузанесенная снегом, одиноко чернела на вершине холма, словно покинутая обитателями. У путешественников возникали тревожные вопросы, которыми они перебрасывались:

— Неужели они спят по целым дням?

— Почему же не видно и не слышно собак?

— Не случилось ли что-нибудь скверное?

Напрягая все силы, путники ускорили свое движение по глубокому и рыхлому снегу равнины, в котором нога погружалась почти до колена.

Вот холм уже совсем близко, но на нем по-прежнему все было безмолвно и пусто. У его подножия путники остановились и хором закричали:

— Эй-эй, Боровой, Иголкин! Вставайте, встречайте!

Повторили призыв еще и еще раз, но ответом была та же могильная тишина. Кричавшие не на шутку встревожились.

— Если наши товарищи не умерли, то можно объяснить их молчание только тем, что они отправились куда-нибудь на нартах на охоту за крупным зверем,— сказал Макшеев.— Тем более, что нет и собак.

— Но мы уже целую неделю не видели никакой дичи,— возразил Папочкин.

— Потому-то они и ушли куда-нибудь подальше на юг.

— Не пошли ли они нам навстречу ввиду нашего долгого отсутствия? — предположил Громеко.— После того как начались холода и пошел снег, они должны были вспомнить, что мы ушли в летней одежде и без лыж.

— Это мало правдоподобно, потому что они знали, по какой речке мы поплыли, а разойтись по ней с нами они не могли,— заметил Каштанов.

— Я думаю, что в юрте мы найдем разрешение загадки,— сказал Макшеев.— Но раньше обогнем весь холм, чтобы посмотреть, нет ли каких-нибудь следов, которые мы можем нечаянно затоптать.

Оставив сани у подножия, все четверо пошли вокруг холма, тщательно рассматривая поверхность снега. Но никаких следов, ни свежих, ни старых, на этой

поверхности не оказалось, и можно было утверждать, что, с тех пор как снег покрыл землю, никто не поднимался на холм и не спускался с него.

В ПОКИНУТОЙ ЮРТЕ

Войлочная дверь юрты, обращенная на юг, была закрыта и снаружи завязана: следовательно, юрта была пуста. Приподняв войлок, путешественники вошли. Юрта имела жилой вид. У задней стенки были сложены экспедиционные ящики с инструментами, коллекциями и более ценным имуществом. Висели ружья, патронташи, платье товарищей, а у боковых стенок были свернуты их спальные мешки. В центре юрты чернело огнище, и на треноге висел даже чайник; рядом лежала кучка дров и хвороста. Все имело такой вид, словно товарищи отлучились ненадолго.

При виде всех этих признаков тревога вошедших усилилась. Их товарищи не ушли ни на охоту, ни на экскурсию, потому что и ружья и спальные мешки остались в юрте. Приходилось думать, что какие-то враги — хищники или люди — напали на них врасплох где-нибудь поблизости от юрты, например возле ледника или на тундре у его подножия. А собаки, лишившись хозяев и мучимые голодом, погибли или разбежались. Но если напала орда, то почему она не разграбила юрту?

Более внимательный осмотр вещей обнаружил, что чайник, ружья, вообще все вещи покрылись слоем пыли. Макшеев поднял крышку чайника: остатки чая на его дне оказались покрытыми густой плесенью. Стало совершенно ясно, что люди покинули юрту уже давно.

— А это что такое? — спросил Каштанов, указывая на странный деревянный предмет, стоявший на одном из ящиков и не замеченный раньше.

Все обступили ящик. На нем оказалась фигурка мамонта, очень грубо вырезанная из дерева. Она была покрыта бурыми мазками и слоем сала, так что было даже противно притронуться к ней.

— Не занялся ли Иголкин со скуки скульптурой? — предположил Папочкин.

— Нет! — сказал Макшеев.— Это, несомненно, идол. Его мазали кровью и салом убитых животных в

виде жертвоприношения. Наши товарищи нашли его где-нибудь.

— Да, сопоставляя эту находку со следами на песке, нельзя сомневаться, что здесь живут какие-то первобытные люди,— заметил Каштанов.

— Они убили или увели с собой наших товарищей! — вскричал Громеко.

— Почему же они не разграбили вещи?

Макшеев взял фигурку, чтобы лучше рассмотреть ее. К общему удивлению, под ней оказались две бумажки, аккуратно сложенные. Каштанов поспешно развернул их и стал читать вслух.

Первая бумажка от 25 сентября гласила:

Извещаю, что мы в плену у диких людей, неожиданно появившихся в тундре. Они захватили нас две недели назад врасплох, безоружными в леднике, где мы проверяли склад, и увели с собой в леса. Юрту и склад не тронули, но не дали нам ничего взять с собой. Собаки побежали за нами. Нас не обижают, кормят и даже окружают почестями, вероятно считая колдунами или богами, но не пускают, строго караулят и отняли у нас сапоги и почти всю одежду. Сами ходят совершенно голые, живут в шалашах из жердей и шкур, огня не знают, едят сырое мясо. Оружие у них исключительно костяное и деревянное — копья, стрелы и ножи. В орде больше ста человек, но преобладают женщины; охотятся мужчины и женщины. Мужчин мало, они тщедушны, а женщины рослые и сильные. Их тело покрыто довольно густыми волосами, и они вообще похожи на больших обезьян (без хвоста), но обладают речью, которую мы уже научились понимать. Поэтому мы узнали, что нашу юрту они считают чем-то вроде жилища богов и ходят туда поклоняться. Мы воспользовались этим, чтобы послать эту записку, как жертву богу. Они обещали положить ее в юрте. Увели нас на юго-восток, вниз по речке, через которую мы с вами ходили за убитым мамонтом, километров на 50—60. Мы думаем, что вам удастся освободить нас без кровопролития, явившись в облике богов. Привезите нам теплую одежду, спичек и табаку. Лето провели хорошо, в складе много припасов.

Боровой, Иголкин.

Второй листок был от 2 ноября.

Стало холодно, и часто перепадает снег. Дикие собираются откочевать дальше на юг, где теплее. Мы сами пользуемся огнем, на котором жарим мясо и у которого греемся. Но дикари боятся огня и окружили нас еще большим поклонением. В плену нас держат главным образом женщины, которым мы нравимся, потому что мы красивее и сильнее мужчин их племени. Мужчины же с удовольствием, помогут нашему освобождению. Посылаем последнюю записку, потому что дикие больше к юрте ходить не будут. Но по пути на юг, вероятно вдоль той же речки, мы будем оставлять записки на каждом ночлеге или по дороге будем накалывать их на кусты, чтобы вы могли выследить нас. Если нам не удастся освободиться хитростью при помощи мужчин, тогда вы выстрелами известите нас о своем приближении. Наступайте открыто, стреляя залпами в воздух, чтобы поранить дикарей и заставить их покориться нашей воле. В крайнем случае подстрелите несколько женщин. Мы не унываем и не боимся, только страдаем от холода и от однообразной мясной пищи. Тревожимся за вас, почему вы не возвращаетесь. Благополучно ли ваше путешествие?

Боровой, Иголкин.

— Они живы! — воскликнул Громеко.

— Нам нужно спешить на выручку товарищей, ведь уже почти три месяца, как они в плену: сегодня пятое декабря,— заявил Громеко, заглянув в свой дневник.

— Они пишут, что дикие люди здесь ничего не тронули,— сказал Макшеев.— Следовательно, нарты и лыжи должны быть в леднике вместе с запасами провизии; нужно сейчас раскопать вход в склад и начать приготовления к отъезду.

— Да, в юрте все как будто на месте; должно быть, и склад цел, если только дверь в него не осталась открытой и собаки не растащили провизию,— заметил Папочкин.

После тяжелого пути по снегу, ночлега в тонкой палатке и питания одним мясом и сухарями теплая юрта и запасы разных консервов сделали жизнь путешественников гораздо приятней. Они решили отдох-

нуть несколько дней, снаряжаясь в то же время в новое путешествие, которое могло затянуться на несколько недель в зависимости от того, как далеко откочевали первобытные люди.

Весь холм вокруг юрты был покрыт довольно глубоким снегом. В складах все было в целости, и нарты с лыжами были сейчас же извлечены для осмотра и починки. Большой склад был заперт настоящей прочной дверью; благодаря этому хищники ничего не утащили, несмотря на отсутствие людей и собак. Заботливые отшельники наготовили на зиму много копченого мяса, которое было теперь очень кстати, так как избавляло от необходимости тратить время на охоту.

Несколько поодаль на холме стояла небольшая метеорологическая будка, сооруженная Боровым. Инструменты были в исправности. В юрте нашелся метеорологический журнал, по которому можно было судить о климате второй половины лета и начала осени в тундре.

Решили взять юрту с собой, а все лишние вещи сложить в склад; запереть его на замок и вход завалить снегом, чтобы совершенно скрыть его от незваных гостей.

Сообразно с этим решением приготовили для путешествия две нарты, шесть пар лыж, провизию на месяц, теплую одежду, спальные мешки. Отобрали также некоторое количество сахара, конфет, ножей, иголок, ниток, бус и колец для подарков дикарям в случае добровольной выдачи пленных. Кроме этого, захватили с собой также спирт и коньяк, чтобы в случае надобности подпоить стражу.

ПО СЛЕДАМ ТОВАРИЩЕЙ

После трехдневного отдыха на холме двинулись в путь, сначала на юго-восток к речке, за которой Каштанов и Папочкин впервые охотились на мамонтов, а затем вниз по течению последней.

На второй день нашли поляну на левом берегу речки, где находилось прежде стойбище первобытных людей; от него осталось десятка два остовов шалашей, представлявших собой жерди, составленные конусом, как в чумах хантэ и эвенков Азии.

На одной из жердей была приколота бумажка со следующим текстом:

Здесь мы жили в плену все время до откочевки на юг. Сегодня орда уходит. С дороги, может быть, удастся бе...

Конец записки, очевидно, был оторван...

Решили продолжать путь по речке, тщательно высматривая поляны на расстоянии каждых пятнадцати—двадцати километров, вероятно составлявших дневной переход орды, нагруженной всем домашним скарбом и потому двигавшейся медленно. На опушках этих полян могла уцелеть записка пленных товарищей.

К вечеру того же дня действительно встретили большую поляну и на одном из кустов записку, привязанную ниточкой к ветке. Она гласила:

Передвигаемся километров двадцать в день, то по тропам в лесу, близ речки, то прямо по воде, которая уже очень холодна и местами глубиной выше колена. Но этим людям это нипочем. Нам отдали часть одежды, но на ночлеге снова отбирают ее и дают звериные шкуры, чтобы защититься от холода. На перекочевке они шалашей не ставят, а спят под кустами. Мы спасаемся только благодаря костру, который поддерживаем поочередно все время, пока стоим на месте.

Боровой.

На следующий день прошли километров сорок, но не нашли ни одной записки; может быть, ее сорвал ветер или стряхнул какой-нибудь зверь.

Шли еще день и после обеденного привала опять нашли записку такого содержания:

Люди снимают наши бумажки с кустов, если заметят, и хранят, как талисманы. Они думают, что мы оставляем их в жертву злому духу, приносящему зимний холод и снег. Поэтому нам удается оставлять записки в исключительных случаях, но по пути у самой речки мы будем накалывать пустые бумажки на ветви, чтобы вы знали, что мы прошли. Когда достигнете местности, где снега не будет и где речка не замерзла, будьте особенно внимательны. Мы думаем, что орда остановится там надолго.

Боровой.

Так шли еще шесть дней, изредка находя записку в несколько слов, чаще же пустые бумажки, наколотые на кустах возле речки; на десятый день пути слой снега стал очень тонким, а лед на речке под ногами иногда потрескивал. Температура держалась только на один—два градуса ниже нуля. На следующий день пришлось сойти с речки, так как лед сделался слишком тонким и местами открылись большие полыньи. Путешественники отыскали тропу, извивающуюся то по лесу, то вдоль берега речки, и пошли по ней. К концу перехода слой снега был не толще четырех сантиметров, а по речке лед держался только у берега.

Наконец, на двенадцатый день пути, остались только небольшие сугробы снега под защитой кустов и в лесу, так что нарты приходилось тащить по слою опавших листьев, покрывавших тропу. Перед обедом опять нашли записку, в которой сообщалось, что на расстоянии одного перехода должна быть большая поляна, где орда собирается остаться на зимовку, если снег не прогонит ее дальше.

Теперь пришлось удвоить внимание, чтобы не наткнуться случайно на людей, рыскающих в окрестностях своего стойбища; один из путешественников шел вместе с Генералом впереди нарт, в качестве разведчика.

На ночлег остановились на небольшой поляне вблизи речки. После ужина Макшеев и Каштанов отправились вперед на разведку. Пройдя километра три, они услышали впереди какой-то шум, отдельные крики и осторожно подкрались к опушке большой поляны. На противоположной стороне они увидели стойбище первобытных людей.

Оно состояло из двенадцати конических шалашей из жердей, покрытых звериными шкурами и расположенных по кругу на небольших промежутках один от другого, отверстиями внутрь круга; в центре последнего находился тринадцатый шалаш меньших размеров, возле которого пылал костер. Нельзя было сомневаться, что в этом шалаше живут пленные товарищи. По размерам остальных шалашей Макшеев определил, что орда состоит приблизительно из сотни взрослых.

В круге среди шалашей видны были только дети, бегавшие большей частью на четвереньках и похожие на черных бесхвостых обезьян. Они играли, прыгали,

дрались и ссорились, испуская резкий визг. У входа в один из шалашей сидел на корточках взрослый мужчина, тоже похожий на обезьяну. В бинокль можно было рассмотреть, что тело его покрыто темными волосами. Лицом он походил на австралийца, но имел еще более выдающиеся челюсти и очень низкий лоб. Цвет лица был землисто-бурый; под подбородком чернела небольшая борода, показывавшая, что это мужчина.

Вскоре из того же шалаша высунулся второй человек; чтобы выйти, он толкнул первого коленом в спину. Сидевший качнулся вперед и вскочил на ноги, так что оба очутились рядом. Оказалось, что второй был выше и значительно шире в плечах и в бедрах, поэтому первый возле него производил впечатление тщедушного подростка. Лицо у этого второго было менее безобразно, а волосы на голове длиннее и свешивались космами на плечи. Тело было покрыто менее густыми волосами, особенно на груди, форма которой обнаруживала, что это женщина.

Женщина направилась через круг к центральному шалашу. Она шла, немного наклонившись вперед и переваливаясь. Ее руки, опущенные вниз, немного не доходили до колен; мускулы рук и ног были сильно развиты. Приблизившись к шалашу пленников, она упала на колени перед костром, протянула к нему руки с умоляющим жестом, а затем на четвереньках поползла в шалаш.

— Пришла в гости к нашим товарищам! — сказал Каштанов.

— Не воспользуемся ли мы малолюдием стойбища, чтобы дать им знать о нашей близости? — предложил Макшеев.

— Каким образом? К ним нельзя подойти незаметно.

— Дадим выстрел-другой из леса — они догадаются, потому что сами предложили этот способ извещения.

— А диких это не встревожит?

— Они ведь не знают огнестрельного оружия и не поймут, в чем дело.

— Не бросятся ли они искать нас?

— Думаю, что нет. Они будут испуганы и не посмеют.

— Ну что же, попробуем!

Путешественники отошли немного назад в лес и дали один выстрел, потом через несколько минут другой и вернулись опять к своему наблюдательному посту на опушке.

Стойбище было встревожено. Возле каждого шалаша теперь стояли несколько взрослых, преимущественно женщин, и детей разного возраста. Все смотрели в сторону, откуда раздались непонятные звуки, и что-то говорили. Возле центрального шалаша у костра стояли пленники. Они были обнажены до пояса, а ниже пояса одеты в оборванные остатки брюк; их кожа была темно-бронзового цвета, волосы нечесаны, лица обросли длинными бородами.

Они также смотрели в сторону опушки, и их лица выражали радостное изумление.

И вдруг оба, очевидно сговорившись, повернулись в сторону выстрела и подняли руки. Немедленно и все дикие люди попадали на колени и припали лицами к земле. Воцарилась тишина. Тогда Иголкин встал, сложил руки рупором и, обратившись в сторону леса, начал кричать.

— Почти все мужчины орды ушли утром далеко на охоту, а завтра туда же пойдут женщины, чтобы помочь разделить и унести добычу. Останутся только старики и дети. Тогда и приходите освободить нас. Принесите нам белье и одежду. Все ли у вас благополучно, все ли вернулись? Покажите, что вы поняли меня, сделав еще выстрел, если все хорошо, и два, если не совсем ладно.

Макшеев немедленно отполз немного назад и выстрелил. При звуке выстрела Иголкин опять поднял руки вверх, а люди, поднявшиеся с земли, пока он кричал, и смотревшие на него с недоумением, опять упали ниц.

Дав им полежать немного, Иголкин встал и, обратившись лицом к огню, запел громким голосом веселую матросскую песню. Первобытные люди подползли ближе и расположились большим кругом вокруг костра, перебрасываясь отдельными возгласами удивления. Очевидно, их пленники до сих пор не делали ничего подобного.

Макшеев насчитал около пятидесяти взрослых, большинство которых были женщины. Подростков и

детей разного возраста было гораздо больше. Они стояли и сидели вне круга взрослых, и по их лицам было видно, что песня Иголкина доставляет им большое удовольствие, тогда как взрослые были поражены и отчасти даже испуганы ею.

Попев минут десять, Иголкин опять поднял руки, а затем он и Боровой, сидевший во время пения неподвижно у костра, направились в свой шалаш. Слушатели тоже стали расходиться. Но две женщины подошли к шалашу пленников и сели у его входа, очевидно намереваясь охранять их сон.

Стойбище скоро затихло, и только догоравший костер потрескивал среди опустевшего круга.

Каштанов и Макшеев вернулись к своим спутникам, передали им все, что видели и слышали, и сообща обсудили план освобождения товарищей.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПЛЕННИКОВ

Выспавшись основательно, путешественники сложили все вещи на нарты и приготовили все к немедленному отъезду. Затем отправились к стану дикарей, захватив с собой одежду и обувь для пленников, ружья для них и пакеты с подарками для диких людей. Приблизившись к поляне, они услышали доносившиеся оттуда крики и лай собак. Очевидно, люди еще не ушли. Поэтому путешественники, крадучись, подошли к опушке и стали наблюдать из-за кустов.

Они увидели, что все стойбище пришло в движение. Круг между шалашами был заполнен собиравшимися на охоту. Женщины и мужчины выносили из жилищ копья, дротики, скребки, связки ремней. Дети сновали повсюду между ними, трогали оружие, получали пинки, визжали и выли. Подростки пробовали дротики, осматривали копья и, испытывая их острие, покалывали в шутку друг друга. Десятка полтора собак, в которых нетрудно было узнать принадлежавших экспедиции, но полуодичавших, держались вне круга, в стороне от шалашей, очевидно собираясь сопровождать охотников, а в ожидании ссорились и грызлись друг с другом.

Наконец все оружие было вынесено, и взрослые, вооружившись копьями, двинулись толпой на восток.

За ними шли подростки, несшие дротики, ножи и ремни; они, очевидно, играли роль оруженосцев и носильщиков добычи. Дети, кто на двух ногах, кто на четырех, бежали сзади и по сторонам с визгом и криками. Собаки следовали поодаль. В конце поляны дети отстали и повернули назад, а толпа охотников, насчитывавшая не менее полусотни человек, вытянулась гуськом по тропе, постепенно скрываясь в лесу.

На стойбище теперь видны были только старики, занявшиеся уборкой шалашей и вытряхиванием шкур, служивших подстилкой и покровом для спящих. Из некоторых шалашей вылезли сгорбленные старухи и уселись у входа; выползли самые маленькие дети, а грудных младенцев выносили на руках и клали на шкуры возле шалашей на время их уборки.

Только возле шалаша пленников остались три взрослые женщины, очевидно исполнявшие обязанности караульных. Одна из них занялась разрезкой шкур костяным ножом на ремни; другая строгала таким же ножом палочки для стрел, а третья раскалывала толстые кости, чтобы получить острые осколки для наконечников копий и стрел.

Вскоре из шалаша вышел Иголкин, полуобнаженный, как и накануне, подбросил дров в костер и сел возле женщин. Поговорив с ними о чем-то, он достал свой большой матросский нож, и начал помогать нарезать ремни; при его помощи дело шло заметно быстрее. Затем показался и Боровой, но он не принялся за работу, а стал смотреть в сторону, где накануне раздались выстрелы товарищей.

При виде этой сцены мирного сотрудничества человека двадцатого века и людей каменного века наблюдатели в кустах не могли удержаться от улыбки. Малочисленность оставшихся людей и примитивность их вооружения внушали им уверенность в успешном освобождении товарищей добром или силой. Но нужно было выждать еще часа полтора или два, чтобы охотники отошли достаточно далеко и не могли услышать ни призывов, ни выстрелов и чтобы даже караульные женщины не могли догнать их и вернуть в короткое время.

Дети, провожавшие охотников, постепенно возвращались назад и затевали разные игры в круге и вне его. Они боролись, кувыркались, дрались, а некото-

рые, постарше, метали дротики в воздух или в покрышки шалашей.

Разрезав шкуру, Иголкин пошел в свой шалаш и вынес оттуда кусок мяса, разрезал его на кусочки, нанизал на палочки, приготовленные для стрел, и воткнул последние в землю возле костра, чтобы изжарить этот шашлык. Очевидно, пленники еще не завтракали и собирались поплотнее закусить перед бегством. Когда мясо поджарилось, оба уселись недалеко от костра и принялись уплетать шашлык. Иголкин время от времени подносил кусочек мяса то одной, то другой из работавших возле огня женщин, но те смеялись и отворачивались. Потом одна из них принесла из своего шалаша большой кусок сырого мяса, и они стали есть его в таком виде, отрезая костяными ножами длинные и тонкие полоски, которые давали также подбегавшим к ним детям.

Когда завтрак кончился, сидевшие в засаде, взглянув на часы, убедились, что прошло уже достаточно времени. Они вышли из леса, выстроились в ряд и, подняв ружья и стреляя поочередно холостыми зарядами в воздух, быстро направились к шалашам.

При первых же выстрелах в стойбище все затихло. Сидевшие люди вскочили, стоявшие застыли на месте, повернувшись лицом к подходившим, которые издавали такие страшные звуки, подобные грому. Когда путешественники вступили в круг шалашей, люди распростерлись на земле перед ними в безмолвии и только самые маленькие дети заревели от страха.

Подойдя к шалашу пленников и передав им одежду и ружья, путешественники продолжали поочередно стрелять, пока Иголкин и Боровой одевались. Макшеев сказал Иголкину:

— Растолкуйте людям, что вы достаточно погостили у них и что за вами пришли теперь еще более могущественные волшебники. За гостеприимство, оказанное вам, им принесли дары, чтобы они помнили о необыкновенных пришельцах, спустившихся из страны вечных льдов. Скажите им, чтобы они не смели преследовать нас, в противном случае они будут жестоко наказаны. Скажите, что боги льдов умеют делать не только гром, но и молнии, поражающие непослушных.

Когда Иголкин и Боровой вышли из шалаша пере-

одетые, их товарищи прекратили стрельбу. Иголкин, лучше овладевший языком благодаря своей общительности, обратился к распростертым на земле с речью, в которой, в общем, повторил сказанное ему Макшеевым. Но в конце он прибавил, обращаясь к трем женщинам, караулившим их:

— Эти дары отдайте старшим когда они вернутся с охоты, пусть они разделят их. Еще мы оставляем вам огонь, которым вы можете теперь пользоваться, но не давайте ему никогда умереть, питайте его, как мы питали. И еще повторяю приказ — не гонитесь за нами. Мы уходим туда, в страну вечных льдов, а когда станет опять тепло, вернемся к вам.

Когда он кончил и положил пакеты с подарками у входа в свой шалаш, все шестеро, опять стреляя поочередно в воздух, прошли через круг между распростертыми людьми, не смевшими пошевельнуться, и скрылись в лесу.

На опушке они остановились на минуту, чтобы посмотреть, что станут делать люди. Последние, когда выстрелы прекратились, начали подниматься с земли и негромко переговариваться, очевидно обсуждая необычайное происшествие. Часть столпилась вокруг костра, переданного в их владение, и смотрела в огонь, лишившийся своих хозяев, словно он мог объяснить им что-нибудь. Вскоре две из караульных женщин, вооружившись копьями, побежали в ту сторону, куда ушла орда, очевидно чтобы сообщить ей о происшедшем. Третья женщина осталась у шалаша пленников, вероятно для того, чтобы дети и подростки не растащили подарки, к которым она сама не смела притронуться.

Пройдя к нартам, оставленным в лесу, путешественники направились на север, в обратный путь. Нарты приходилось тащить по узкой тропинке, покрытой опавшими листьями.

Отдаляясь от стойбища, Иголкин по временам издавал резкий свист, к которому приучил собак. Последние все время держались вокруг орды, повинуясь этому свисту. Иголкин кормил их отбросами, но собаки сильно одичали, так как первобытные люди боялись их и не допускали к шалашам. Часть собак погибла в борьбе с разными хищными зверями, остальные ушли теперь с ордой на охоту, и на свист каюра

прибежали только пять собак, оставшихся в окрестностях стойбища. Они следовали на некотором отдалении за нартами, но в руки не давались и огрызались на подбежавшего к ним Генерала. Их нужно было в течение нескольких дней приручать кормлением, чтобы получить упряжку хотя бы для одной нарты.

Прошагав двенадцать часов и сделав около пятидесяти километров, расположились наконец на ночлег, уверенные, что их уже не догонят.

НАПАДЕНИЕ ПЕРВОБЫТНЫХ ЛЮДЕЙ

На ночлег остановились на большой поляне. Юрту поставили на всякий случай среди поляны, чтобы никто не напал неожиданно из-за кустов. Караулили поочередно. Кроме того, собаки, по-видимому, узнали юрту и расположились на снегу по соседству; к самой юрте Генерал их еще не допускал.

Во время дежурства Каштанова Генерал встревожился, заворчал, потом начал лаять, не переставая. Каштанов заметил, что вокруг всей поляны кусты слегка шевелятся и потрескивают. Он немедленно разбудил товарищей, которые выскочили с ружьями.

Убедившись, что неожиданное нападение не удалось, люди вышли из леса, окружили всю поляну и стали теперь медленно и нерешительно сходиться к юрте. Это были женщины, вооруженные копьями и державшие в зубах ножи. За ними видны были девочки с дротиками. Но пустить оружие в дело они не решались: видимо, надеялись взять колдунов голыми руками, как в первый раз, чтобы заставить их вернуться в стойбище. Поэтому Иголкин удержал товарищей от немедленной стрельбы, собираясь поговорить с ордой, но на всякий случай предложил заменить пулю в одном стволе каждого ружья патроном с мелкой дробью.

— Дробью по ногам с них будет достаточно,— сказал он.— А если, паче чаяния, это не подействует, тогда уж угостим их пулями.

Когда женщины приблизились шагов на тридцать, Иголкин замахал руками и закричал:

— Стойте, слушайте! Я запретил вам преследовать нас. Вы не послушались. Наши огненные стрелы го-

товы, и кто посмеет подойди ближе, будет поражен ими! Уходите назад!

Остановившиеся дикари выслушали слова Иголкина и стали переговариваться. Потом одна из женщин крикнула что-то, а другие в знак согласия замахали руками.

— Они приглашают нас двоих вернуться к ним — орда не может без нас жить. А остальные пусть уходят...— перевел Иголкин, а потом закричал: — Волшебники не могут жить долго с людьми! Мы уходим на зиму в свои шалаши на больших льдах, а весной вернемся. Уходите скорее!

Но часть женщин подвинулась на несколько шагов вперед, а одна из оруженосиц с юношеской дерзостью быстро бросила дротик, который пролетел мимо правого уха Каштанова и вонзился в юрту.

— Ну, делать нечего, надо стрелять, пока они не осмелели! — вскричал Боровой.— Дробью по ногам в разные места круга, там, где они стоят кучкой! Раз, два, три!

Грянуло шесть выстрелов, и в ответ на них из разных частей кольца женщин раздались крики и вопли раненых. Повернувшись кругом, все бросились бежать к лесу; многие хромали, оставляя на снегу капли крови. Девушка же, пустившая стрелу в Каштанова, после нескольких шагов упала и осталась лежать неподвижно.

— Ну, что же дальше? — спросил Громеко, когда последние беглецы скрылись в кустах.— Ждать еще нападения или они больше не посмеют?

— Я думаю, с них достаточно,— заметил Иголкин.— На всякий случай зайдем в юрту, чтобы дротик какой-нибудь шальной девчонки не попал в нас.

Предосторожность эта оказалась излишней. Женщины с воем удалялись все дальше, и скоро все затихло. Собаки перестали лаять, устремились к упавшей девушке и жадно лизали теплую кровь, лившуюся из раны. Иголкин, а вслед за ним и другие побежали туда же, чтобы отогнать одичавших собак.

Осмотрев упавшую, путешественники увидели, что рана только одна — на правой ляжке, но кровь льется сильно.

— Странно, мелкая дробь не могла сделать такую рану,— заметил Папочкин.

— Кто-нибудь из нас по ошибке выстрелил из ствола, заряженного пулей.

— Это я целился в нее! — заявил Каштанов.

— Бедняжка жива,— сказал Громеко, исследовав лежавшую,— она только лишилась сознания от испуга и боли. Пуля прошла через мягкую часть ноги, не задев кость, но здорово разорвала ей мускулы.

— Что же мы будем делать с ней? Остальные ведь убежали.

— Придется взять ее с собой как пленницу. А когда поправится, отпустим на волю.

— Отпускать?! — возмутился Папочкин.— Ни в коем случае! Мы ее доставим на «Полярную звезду» как великолепный экземпляр первобытного человека, близкого к обезьянам. Какой это будет клад для антропологов!

Громеко сходил в юрту за перевязочными материалами, остановил кровь, забинтовал рану. Во время этой операции девушка открыла глаза и, увидя себя окруженной колдунами, вся затряслась от страха.

Она была невысокого роста, но стройная, еще не обладавшая ни массивными формами, ни крепкой мускулатурой, как взрослые женщины. Тело ее сзади было покрыто короткими, но довольно густыми черными волосами. На лице, ладонях и подошвах волос не было. Голова была покрыта недлинными, слегка волнистыми волосами. Форма ступни являлась как бы промежуточной между человеческой и обезьяньей с сильно развитыми пальцами и далеко отстоявшим от остальных большим пальцем.

Рассмотрев лицо девушки, Боровой воскликнул:

— Да ведь это Кату, моя приятельница!

— Вы разве отличали их друг от друга? — спросил Каштанов.— Насколько я мог заметить, они все похожи одна на другую.

— Это только на первый взгляд, а если присмотреться, разница есть. И мы многих знали по именам, особенно подростков и детей. Кату мне часто приносила мясо, корешки и вообще лакомые, по ее мнению, кусочки, выказывая этим свое расположение.

— Поэтому-то она и осмелилась пустить дротик в одного из похитителей ее милого! — засмеялся Макшеев.

— Да, на четыре сантиметра левее — и я остался бы без глаза,— заявил Каштанов.

После перевязки Кату хотели перенести в юрту, но она стала рваться из рук и выть, выкрикивая что-то. Иголкин разобрал, что она просит оставить ее умереть на месте, а не уносить для съедения в шалаше.

— Почему для съедения? — удивился Громеко.— Разве они людоеды?

— Да, убитых или тяжело раненных на охоте или в драке они преспокойно съедают.

— Так вы ее успокойте, скажите, что мы ее не съедим, а положим в шалаше спать. А когда она поправится, отпустим к своим.

Иголкин с трудом убедил девушку, а Боровой взял ее руку, после чего она успокоилась и позволила себя унести. В юрте Кату положили на постель, она вскоре уснула, не выпуская руки Борового.

Так как время, назначенное на ночлег, уже кончалось, начали собираться в путь; развели огонь, поставили чайники, стали завтракать. Иголкин, выходивший из юрты набивать чайники снегом, заметил, что по опушке леса бродят еще собаки, очевидно прибежавшие с людьми и отставшие теперь от них. Может быть, вид юрты напомнил им о той вкусной юколе, которой их когда-то кормили, и они стали вспоминать своих прежних хозяев. На свист матроса собралось еще двенадцать собак, так что, считая Генерала и первых пять примкнувших к путешественникам, можно было с грехом пополам запрячь все три нарты.

— Чем же мы будем кормить их? — спросил Иголкин.— Ведь удержать их при юрте и приручить можно только кормом.

— У нас было взято провизии на месяц,— сказал Громеко.— Дней через семь — восемь мы доберемся до холма. Следовательно, есть запас ветчины, который можно уделять им.

— Много давать им не нужно! — прибавил Боровой.— Они побегут порожняком вслед за нами, в расчете на обед и ужин.

Собакам после завтрака уделили обрезки, кости и по кусочку мяса, а затем стали укладываться. На одну нарту с войлоком и жердями юрты положили Кату, а на другую — все остальное. Снег позволил уже пользоваться лыжами, так что, несмотря на увеличившийся груз, можно было двигаться быстрее, чем накануне. Когда поезд тронулся и Кату увидела, что ее уво-

зят не в ту сторону, где находилось стойбище ее орды, а в противоположную, она вскрикнула, соскочила с карты и бросилась бежать, но, сделав несколько шагов, упала. Когда ее окружили и хотели поднять на нарту, она начала сопротивляться, дралась кулаками и пыталась укусить.

Из объяснений Иголкина она, по-видимому, поняла, что ее отвезут назад к стойбищу и там отпустят, а между тем колдуны хотели увезти ее с собой к большим льдам. Пришлось связать ей руки и привязать к нарте, чтобы предотвратить новые попытки к побегу. Бедная Кату тряслась от страха и всхлипывала в полной уверенности, что ей не миновать съедения.

В этот день с обеда уже перешли на русло речки, где снег лежал менее толстым слоем и был уплотнен ветрами, так что нарты и лыжи зарывались меньше, чем на тропе в лесу. Поэтому движение шло достаточно быстро, и за день прошли опять пятьдесят километров.

На ночлеге караулили по очереди, но все было спокойно. Кату целый день отказывалась от пищи, и на ночлеге ее пришлось оставить связанной под надзором караульного. При виде блестящих ножей, которыми белые колдуны резали ветчину во время обеда и ужина, она вся дрожала и с ужасом глядела на движения рук, очевидно ожидая, что вот-вот настанет ее черед быть зарезанной.

Так продолжалось путешествие на север, и на восьмой день пути вышли в тундру, а к обеду достигли холма. Кату постепенно успокоилась за свою участь, привыкла к колдунам и начала принимать сырую пищу. Есть что-нибудь вареное или жареное она с отвращением отказывалась. На третий день пути ей развязали руки, а на пятый — и ноги, когда она обещала, что не убежит.

ЖИЗНЬ В ПЛЕНУ

Во время этого путешествия Иголкин и Боровой постепенно рассказывали о своей жизни с первобытными людьми, а Каштанов записывал их рассказ.

Со дня ухода экспедиции на юг оставшиеся в юрте Иголкин и Боровой занялись устройством метеороло-

гической будки для установки инструментов и прочной двери в складе-леднике для защиты его от своих собак и других хищников. Покончив с этой работой, они приступили к устройству новой галереи во льду холма, ниже по склону, чтобы дать собакам приют от жары, которая постепенно усиливалась и заставляла собак убегать к окраине льдов, мало-помалу отступавшей на север. Пока не были окончены эти срочные работы, на охоту ходили только изредка, для пополнения запаса пищи, но потом стали охотиться ежедневно, чтобы накопить запасы мяса на зиму — и в сушеном виде для собак, и в копченом для людей. Возвращаясь из лесу с нартой, прихватывали всегда и дров, так что постепенно накапливался запас дров для холодных месяцев.

На охоте попадались мамонты, носороги, первобытные и мускусные быки, исполинские и северные олени. На речках и в тундре били гусей, уток и других птиц, которыми главным образом и питались. Мясо крупных животных сушили и коптили. Дела было по горло, и в хлопотах часто недосыпали. На охоте бывали разные приключения, которые, впрочем, кончались благополучно.

Первое время после отъезда товарищей на юг погода все улучшалась, покров туч все чаще разрывался, и Плутон светил по нескольку часов сряду, так что температура повышалась до 20 градусов в тени, и в тундре настало полное лето. Но с половины августа начался поворот к осени, Плутон стал чаще скрываться в тучах, по временам шел дождь, после которого в тундре поднимались туманы.

Температура постепенно понижалась и в начале сентября, иногда при сильных северных ветрах, падала до нуля. Листья стали желтеть, и к половине сентября вся тундра уже лишилась зеленой летней одежды, оголилась, побурела. Изредка перепадал снег.

Готовясь к зиме, Иголкин и Боровой пересмотрели всю провизию, консервы и вещи в складе и часть их перенесли в юрту. Они были заняты этим второй день и только что заперли склад, собираясь обедать, как внезапно на них напали дикие люди, подкравшиеся с другой стороны холма. Боровой и Иголкин, не помышлявшие о возможности существования людей в Плутонии, кроме ножей, не имели при себе оружия:

напавшие же были вооружены копьями, ножами, стрелами, так что сопротивление было невозможно. Но, рассмотрев белых людей, юрту и метеорологическую будку, к невиданным пришельцам отнеслись с уважением и повели их в свое стойбище.

Последнее оказалось недалеко — километрах в десяти от юрты, среди мелкого леса (потом пленники узнали, что орда только накануне прикочевала с востока). Когда пленников привели, первобытные люди долго совещались, что с ними делать: мужчины предлагали принести их в жертву богам, но большая часть женщин решила иначе. Они, по-видимому, думали, что присутствие необыкновенных пришельцев в орде сделает последнюю могущественной, принесет им успех на охоте, в столкновениях с другими ордами, и потому решили не отпускать пленных, не делать им зла, а поселить их в отдельном шалаше посреди стойбища.

Орда в это время собирала разные ягоды и какие-то съедобные корешки в тундре для зимних запасов и провела несколько дней на одном месте. Но затем большой снег заставил откочевать километров на сорок на юг, где более высокий лес защищал их от холодных ветров.

Первое время пленники чувствовали себя очень скверно. Им давали есть только сырое мясо, ягоды и корешки. Спать приходилось на грубо выделанных звериных шкурах и такими же шкурами укрываться от холода. Объясняться с людьми они могли только знаками и все еще не знали, какая участь их ожидает. Убежать не было возможности, потому что их караулили зорко.

После перекочевки на новое место — большую поляну среди леса — люди стали рубить из сухих тонких деревьев жерди для своих шалашей. Всюду валялись сухие ветки, кора, обрубки жердей, и при виде их Иголкин вспомнил, что у него в кармане сохранилась коробка спичек, так как в складе он зажигал фонарь. Набрав сухих веток, он сделал себе костер. При виде огня люди бросили работу и сбежались к костру. Они были поражены этим невиданным явлением, а когда пламя обожгло им руки, костер сделался предметом их поклонения, и к пришельцам, владевшим огнем, почувствовали еще большее уважение. С тех пор кос-

тер горел у шалаша пленников беспрерывно, и они стали жарить на палочках мясо, которое им приносили.

Вскоре пленники научились понимать язык этих людей, очень несложный. Круг понятий был ограничен охотой, едой и примитивной обстановкой жизни, их язык состоял из односложных и двусложных слов без склонений, без глаголов, наречий, предлогов, так что речь дополнялась мимикой и телодвижениями. Считать умели только до двадцати по пальцам рук и ног.

В каждом шалаше жили несколько женщин и мужчин, связанных друг с другом групповым браком, а также дети этой групповой семьи, в которой ребенок имеет одну мать и несколько отцов. Мужчины ходили на охоту и изготовляли осколки кремня для копий, дротиков, ножей и скребков. Женщины собирали ягоды и корешки, выделывали шкуры, принимали участие в облавах на крупных зверей, когда требовались силы всей орды.

Охотились люди за всякими животными, попадавшимися им, и ели как мясо, так и все внутренности, а также червей, улиток, гусениц и жуков. Охотники наедались теплым мясом и пили кровь только что убитых животных, а остатки и шкуры уносили домой в стойбище. Крупных животных — мамонтов и носорогов — они окружали и загоняли в волчьи ямы, вырытые на звериных тропах в лесу, и там добивали камнями и копьями.

На охоту ходили группами по семьям или соединялись по две—три семьи, а на крупного зверя, которого нужно было загонять облавой, шла вся орда, кроме двух—трех женщин, остававшихся караульными при пленных. Эти женщины кормили грудных младенцев всех шалашей, матери которых долго не возвращались с охоты.

На охоте были несчастные случаи. Хищники, а также мамонты и носороги наносили иногда раны и повреждения своим преследователям. Своих убитых или тяжело раненных охотники съедали.

Общий вид первобытных людей, по словам Боровего, можно было охарактеризовать так: они имели большую голову на коротком и объемистом туловище с короткими, грубыми и сильными конечностями. Плечи были широки и сутуловаты, голова и шея наклонены вперед. Короткий подбородок, массивные

надбровные дуги и покатый лоб придавали им сходство с человекообразной обезьяной. Ноги были несколько согнуты в коленях. Первобытные люди ходили, наклонившись вперед, а сидели во время еды и работы на корточках.

На основании рассказов Борового и Иголкина об этих людях, а также осмотра их оружия и изделий Каштанов пришел к выводу, что это племя имело много общего с неандертальцами, жившими в Европе в среднем палеолите, то есть в древнекаменном веке, одновременно с мамонтом, длинношерстным носорогом, первобытным быком и другими животными ледниковой эпохи.

Эти первобытные люди имели только очень грубые каменные орудия, которые изготовлялись из осколков кремня в виде скребков (для обработки звериных шкур), топоров и ножей, наконечников для копий и дротиков, служивших для охоты. Острые осколки вставляли также в отверстия, выдолбленные в дубинках, которые превращались в грозное оружие.

Огонь, разведенный пленниками, люди называли маленьким солнцем и поклонялись ему. Благодетельное действие огня они испытали во время большой перекочевки на юг, на которую их вынудило начало зимы в поясе северного леса. Тащить с собой жерди для шалашей было слишком тяжело, а вырубать новые на месте каждого ночлега — слишком долго, поэтому во время перекочевки ночевали прямо под кустами в лесах, где холодный ветер сильно чувствовался. Подсаживаясь к костру пленников, они скоро убедились в его согревающем действии, и скоро вся орда стала ночевать вокруг костра и ревностно собирать для него дрова. Но разводить отдельный костер для себя никто из них не решался, и пленники не наводили их на эту мысль, чтобы оставаться единственными хозяевами огня и не уменьшать свое обаяние в глазах орды. Они предвидели, что со временем, если освобождение затянется, положение сделается трудным.

Пленники с усиливавшейся тревогой считали уходящие дни осени и гадали, скоро ли могут вернуться товарищи с юга и освободить их. Зима постепенно надвигалась с севера, и в недалеком будущем предстояла новая перекочевка еще дальше от холма на краю

льдов. Поэтому можно себе представить, с каким восторгом они услышали выстрелы, известившие их о близости освобождения.

ОПЯТЬ В ЮРТЕ

К своему холму на краю льдов путешественники прибыли к последней неделе декабря и решили отдыхать, празднуя Новый год, успех экспедиции на юг и освобождение пленников. Провизии и дров было запасено достаточно, и пока не было надобности отлучаться в лес или в тундру.

Расчистили площадку, поставили юрту и провели по снегу, достигшему глубины более метра, траншею к складу, собачьей галерее и метеорологической будке. Затем можно было отдыхать. В юрте горел небольшой костер, было тепло и уютно. Все шестеро в промежутках между трапезами, прогулками и сном беседовали, рассказывая о своих приключениях и вспоминая разные эпизоды из путешествия на юг или из жизни в орде.

Кату была безмолвной участницей этих бесед и проникалась все большим уважением к белым колдунам, которые имели в своем распоряжении столько странных вещей. Ее нога начала подживать, и она могла уже понемногу ходить. Часто заставали ее возле юрты сидящей на корточках, с взором, устремленным на юг, где на горизонте виднелась темная полоса лесов. Ее, очевидно, тянуло к своему племени.

Иголкин уговаривал Кату остаться с ними и потом уехать вместе через льды в теплую страну, где она увидит все чудеса, созданные белыми людьми. Но она упрямо качала головой и твердила:

— Я лес, шалаш матери, мясо, кровавое мясо, охота весело!

Путешественники все же надеялись, что постепенно она привыкнет к ним и наконец согласится ехать. Каким триумфом для экспедиции был бы живой экземпляр первобытного человека!

Когда морозы усилились, она начала мерзнуть, но отталкивала одежду, которую ей предлагали. Выходя из теплой юрты на воздух, она куталась только в свое одеяло. В работах по уборке юрты, мытью посуды, возоб-

новлению траншеи в снегу, подноске дров она не принимала никакого участия. Она спрашивала у Иголкина, сколько у него жен, ходят ли они на охоту, велика ли орда, к которой принадлежат белые колдуны, и с недоверием качала головой, когда ей рассказывали о жизни европейцев, о городах, морях, кораблях и т.п. Единственным ее занятием в промежутках между едой и сном было строгание палочек для дротиков и вырезывание из мягкого дерева тальниковых дров очень грубых фигурок мамонтов, носорогов, медведей и тигров. Она сделала целую коллекцию этих идолов, поклонялась им и все просила у Иголкина крови, чтобы вымазать их. Но путешественники на охоту не ходили, в тундре не было видно ни зверей, ни птиц, и ее желание нельзя было удовлетворить.

В январе начали делать небольшие экскурсии на нартах, чтобы приучить к упряжке собак, которые уже прикормились, привыкли к прежним хозяевам и жили в ледяной галерее под холмом, кроме Генерала, оставшегося при юрте в качестве караульного. Когда собаки привыкли к упряжке, стали делать более далекие экскурсии по тундре, к краю лесов, за дровами, запас которых был на исходе. В эти экскурсии ходили поочередно впятером с тремя нартами, оставляя кого-нибудь одного в юрте сторожить Кату.

Однажды в конце января очередь остаться караульным в юрте выпала Папочкину. Кату всегда внимательно следила за уезжавшими в сторону леса и не могла дождаться их возвращения: она надеялась, что они встретят какую-нибудь дичь и привезут ей свежего кровавого мяса, по которому она тосковала. Но надежды ее были напрасны, так как никакой дичи не встречалось.

Просидев часа два после отъезда остальных в юрте у огня, Папочкин со скуки задремал и, вероятно, проспал довольно долго. Когда он проснулся, Кату в юрте не было. Он выбежал наружу и увидел уже далеко на юге, среди белоснежной равнины, черную точку, все более удалявшуюся. Пленница взяла его лыжи, на которых научилась ходить, и он не мог преследовать ее без лыж по глубокому снегу. Она захватила также свое одеяло, начатый окорок ветчины, висевший в юрте, большой нож и коробку спичек, с которыми выучилась обращаться.

Вернувшись к вечеру, товарищи узнали о бегстве Кату и были очень раздосадованы. Папочкину пришлось выслушать немало упреков за свое ротозейство. Но преследовать беглянку нечего было и думать: она успела уйти слишком далеко, и нужно было снаряжать в погоню за ней целую экспедицию, с риском все-таки не догнать. Кату бежала налегке и привыкла во время охоты делать до ста километров в день; экспедиция же с нартами могла делать едва ли половину этого расстояния. Идти же отвоевывать девушку у ее родичей, вопреки ее желанию, не имело никакого смысла.

К счастью, до побега успели сфотографировать Кату несколько раз спереди, сбоку и сзади, а также обмерить по всем правилам антропологии, снять гипсовую маску с ее лица и сделать оттиски рук и ног.

Пуститься в обратный путь по льдам, чтобы застать наверху уже достаточно длинный день и добраться к началу лета до южного берега Земли Нансена, можно было не раньше конца марта или даже начала апреля. До отъезда оставалось еще почти два месяца. Это время решено было употребить на тренировку людей и собак в более продолжительных экскурсиях с картами. В последние дни на окраине лесов стали замечать свежие следы оленей, вероятно северных, а также мускусных быков и волков. Поэтому, удалившись на расстояние одного—двух дней пути от юрты, можно было рассчитывать на охоту. Свежее мясо было очень нужно и людям и собакам: ветчина сильно надоела, да и количество ее вследствие прожорливости Кату очень поубавилось. Приходилось беречь запас ветчины для дороги, а до отъезда добывать для пропитания дичь. На эти экскурсии ходили поочередно втроем с двумя нартами и палаткой, тогда как трое людей и одна упряжка собак оставались в юрте, отдыхая от предыдущей поездки.

В ГЛУБЬ ЛЬДОВ

В конце марта путешественники решили тронуться в обратный путь через льды. Метеорологическая будка была оставлена на месте, и в ней, а также в складе под холмом, были помещены в запаянном ящике

краткие сведения о составе экспедиции, открывшей Плутонию, и главных результатах поездки на юг. Чтобы первобытные люди, посещения которыми холма следовало ожидать с наступлением лета, не унесли ящики и не разорили будку, на полочке в последней была расставлена часть деревянных идолов, вырезанных Кату, а на полу будки в качестве жертвоприношения сложены все накопившиеся кости, пустые жестянки от консервов и тому подобный хлам. До всего этого додумался Иголкин, ближе сошедшийся с дикими, чем ученый Боровой.

Нарты, порядочно нагруженные коллекциями, провизией и имуществом экспедиции, потянулись через белоснежную тундру к подножию льдов.

Этот обратный путь через Землю Нансена затянулся на целый месяц: преодоление ледяного хаоса, долгий подъем на хребет Русский и спуск с него по ледопадам глетчера, упорные ветры, дувшие навстречу, перегруженность нарт, недостаточное количество собак — задерживали движение и потребовали напряжения всех сил. Частые метели также задерживали движение, но зато давали людям и собакам лишние часы отдыха. За ледяным хаосом началась уже смена дня и ночи, которую давно не наблюдали путешественники. Из складов провизии, оставленных на пути, некоторых не удалось найти, но на мысе Труханова нашли новый склад с годовым запасом провианта, сооруженный «Полярной звездой», и в нем записку, сообщавшую, что судно остановилось на зимовку в десяти километрах восточнее мыса. С высоты последнего судно было видно вдали, и на половине пути к нему произошла радостная встреча. Даже Труханов выехал на нарте, которую тащили молодые собаки, родившиеся на «Полярной звезде» во время плавания. Приветствиям и расспросам не было конца. Труханов просиял, услышав, что его предположения о внутренности Земли блестяще оправдались.

НАУЧНАЯ БЕСЕДА

Через несколько дней по возвращении экспедиции на «Полярную звезду» разыгралась обычная для этих широт сильнейшая пурга, прекратившая всякие прогулки и работы на свежем воздухе. Коротали время в

кают-компании, обмениваясь впечатлениями о зимовке среди льдов и путешествии в Плутонию. Труханов особенно интересовался подробностями спуска в подземный мир, который сопровождался различными непонятными для экспедиции явлениями.

— А знаете ли, Николай Иннокентьевич,— сказал Каштанов,— что ваше письмо, вскрытое в тот день, когда мы увидели мамонтов в тундре, сменившей льды, объяснило нам, куда мы попали, но не удовлетворило нас. Мы хотели бы знать, на чем было основано ваше предположение, что земной шар пустотелый,— предположение, которое так блестяще оправдалось.

— Если хотите знать,— ответил Труханов,— идея эта не моя и даже не новая. Ее высказывали больше ста лет назад некоторые ученые Западной Европы, и я наткнулся на нее, просматривая старые журналы, заинтересовался и занялся проверкой, которая убедила меня в ее правдоподобности.

— Не поделитесь ли вы с нами вашими доказательствами?

— С удовольствием. Если хотите, сделаю вам сегодня же вечером подробный доклад.

Вечером в кают-компании состоялась интересная научная беседа.

Рассмотрев кратко воззрения древних народов о плоской Земле среди первобытного океана и учение Аристотеля о шарообразной форме Земли, Труханов остановился подробнее на взглядах нового времени.

— В конце восемнадцатого века ученый Лесли утверждал, что внутренность Земли заполнена воздухом, самосветящимся вследствие давления. В этом воздухе движутся две планеты — Прозерпина и Плутон...

— Плутон? — не удержался Боровой.— Мы, следовательно, не придумали ничего нового для внутреннего светила!

— Да, это имя у вас предвосхитили,— продолжал Труханов.— И некоторые ученые даже высчитали пути этих планет, приближение которых к земной коре будто бы производит магнитные бури и землетрясения. По мнению Лесли, на внутренней стороне Земли, освещаемой мягким электрическим светом, царствует вечная весна, и поэтому там существует чудная растительность и своеобразный мир...

— И он был совершенно прав! — воскликнул изумленный Папочкин.

— Вход в земную внутренность, по учению Лесли, должен находиться около восьмидесяти второго градуса северной широты...

— Но ведь это же изумительно! — всплеснул руками Макшеев.— Как он мог указать так точно? Мы нашли южный край этого входа под восемьдесят первым градусом с чем-то.

— Лесли определил его по месту наибольшей интенсивности северных сияний, так как предполагал, что последние исходят именно изнутри Земли, представляя электрические лучи, освещающие внутренность Земли. Учение Лесли нашло многих сторонников, и даже вполне серьезно разбирали вопрос о снаряжении экспедиции внутрь Земли.

— Вот так так! — улыбнулся Громеко.— И в этом отношении у нас чуть не явились предшественники?

— Но экспедиция не состоялась, потому что авторитетные ученые того времени — Бюффон, Лейбниц, Кирхер — высмеяли гипотезу Лесли, назвав ее фантазией. Они отстаивали огненно-жидкое ядро Земли, одно общее или с многочисленными второстепенными очагами, которые назывались пирофилиациями. В конце восемнадцатого века стройная гипотеза Канта-Лапласа об образовании всей нашей планетной системы из газообразной раскаленной туманности завоевала почти все умы и отодвинула на задний план все другие.

Но Кормульс в тысяча восемьсот шестнадцатом году доказывал, что Земля внутри пустая и кора ее имеет не более трехсот английских миль толщины.

Галлей, Франклин, Лихтенберг и Кормульс старались объяснить явления земного магнетизма и его вековые изменения с точки зрения существования гипотетической внутренней планеты. Немецкий профессор Штейнгаузер в тысяча восемьсот семнадцатом году считал существование этой планеты, которую он называл Минервой, почти несомненным.

Возникли опять проекты экспедиции внутрь Земли. Отставной пехотный капитан Симмес, живший в Сен-Луи в штате Миссури, в апреле тысяча восемьсот восемнадцатого года напечатал в газетах письмо и разослал его во многие учреждения Америки и Европы,

адресованное «всему миру», с девизом «свет дает свет, чтобы открыть свет до бесконечности».

Вот что он писал:

Земля внутри пустая и обитаемая. Она содержит ряд концентрических сфер одну в другой и имеет у полюсов отверстия шириной от 12 до 16°. Я готов прозакладывать свою жизнь за истинность этого и предлагаю исследовать эту пещеру, если мир поможет мне в этом предприятии. Я приготовил к печати трактат об этом предмете, в котором привожу доказательства вышеуказанных положений, даю объяснения различных явлений и разгадываю «золотую тайну» доктора Дарвина. Мое условие — патронат этого и новых миров. Я посвящаю (завещаю) его моей супруге и ее десяти детям. Я избираю доктора Митчель, сэра Дэви и барона Александра фон Гумбольдта в качестве своих покровителей. Мне нужно только сто смелых спутников, чтобы выступить из Сибири в конце лета с северными оленями на санях по льду Северного моря.

Я обещаю, что мы найдем теплые и богатые земли, изобилующие полезными растениями и животными, а может быть, и людьми, как только минуем 82° северной широты. В следующую весну мы вернемся.

— Что же, состоялась эта экспедиция? — спросил Каштанов.

— К несчастью или, если хотите, к нашему счастью, она не состоялась. Письмо Симмеса обратило на себя внимание, и в редакции газет и журналов, а также к ученым посыпались вопросы заинтересованных читателей. Предложение отважного капитана, не боявшегося оставить после себя вдову и десять сирот, обсуждалось в печати, но ни ста смелых спутников, ни денег на экспедицию не собрало. Ученые, избранные покровителями, вероятно, сочли бедного Симмеса просто фантазером или сумасшедшим. Дело в том, что многие были убеждены в существовании пустоты внутри Земли и нахождении там планеты, но в существование отверстия, через которое можно было бы проникнуть внутрь, не верили.

Так, физик Хладни в статье о внутренности Земли, вызванной письмом Симмеса и напечатанной в ученом журнале, указал, что отверстие невозможно: если бы таковое когда-либо существовало, оно бы не-

минуемо заполнилось водой. Крайне медленное движение планеты, обнаруженное Штейнгаузером, Хладни объясняет тем, что оно происходит в весьма плотной среде сдавленного воздуха, может быть, под влиянием притяжения Солнца и Луны. Он строит еще следующие интересные предположения, не выдавая их, конечно, за бесспорные: так как при сильном сжатии воздуха выделяется тепло, а сильно нагретое тело должно светиться, то в центре земной пустоты, где давление со всех сторон наибольшее, страшно сжатый воздух должен образовать светящую и согревающую массу, нечто вроде центрального солнца.

Обитатели внутренней поверхности Земли, если таковые существуют, видят это солнце всегда в зените, а вокруг себя — всю внутреннюю поверхность, освещенную им, что должно дать очень красивую панораму.

Гипотезы о внутренней планете держались некоторое время. Бертран в тридцатых годах прошлого века также полагал, что земной шар пустой и в этой пустоте находится магнитное ядро, которое перемещается под влиянием комет от одного полюса Земли к другому.

В девятнадцатом веке наибольшее число приверженцев имела гипотеза об огненно-жидком ядре Земли, согласно учению Канта-Лапласа. Ее защитники спорили только по вопросу о том, какую толщину имеет твердая земная кора; одни находили достаточной кору в сорок—пятьдесят километров толщины, другие же вычисляли ее в сто километров, а третьи даже от тысячи двухсот семидесяти пяти до двух тысяч двухсот двадцати, то есть от одной пятой до одной трети земного радиуса. Но такая толщина коры противоречит вулканическим и геотермическим явлениям Земли, как противоречит им гипотеза, предполагающая, что Земля представляет совершенно остывшее твердое тело. Поэтому в качестве корректива защитники толстой коры принимают, что среди нее еще сохранились отдельные бассейны расплавленной массы, которые и являются вулканическими очагами.

Поэтому во второй половине девятнадцатого века больше сторонников получила четвертая гипотеза, гласящая, что Земля имеет твердую нетолстую кору, твердое ядро и в промежутке между ними более или менее толстый слой расплавленных пород — так называемый оливиновый пояс.

Твердое ядро допускается на том основании, что ближе к центру Земли вследствие громадного давления, существующего там, все тела, несмотря на высокую температуру, превышающую во много раз их точку плавления (при нормальном давлении), должны быть в твердом состоянии.

Земная кора состоит из более легких пород, а в оливиновом поясе сосредоточены более тяжелые, богатые оливином и железом; в самом ядре преобладают наиболее тяжелые вещества — например, металлы. Полагают, что железные метеориты, которые состоят преимущественно из никелевого железа, представляют обломки планетных ядер, а каменные метеориты, состоящие из оливина и многих богатых железом минералов с вкраплениями никелевого железа, дают нам понятие о составе вещества оливинового пояса.

Эта гипотеза и сейчас еще имеет много сторонников, но наряду с ней за первенство борется и другая, именно гипотеза Цеприца, которая воскресила в новой форме учение Лесли и других ученых конца восемнадцатого и начала девятнадцатого века.

Эта гипотеза исходит из того физического закона, что при высоких температурах, которые непременно должны существовать в недрах Земли, все тела должны быть в газообразном состоянии, несмотря на огромное давление.

Вам известно, что существует так называемая критическая температура газов, при которой они не сжимаются и не переходят в жидкость ни при каком давлении. Несомненно, что в центре Земли эта критическая температура превзойдена во много раз. Поэтому самое ядро должно состоять даже из так называемых одноатомных газов, потерявших уже свои характерные химические свойства, так как молекулы их уже распались на атомы под влиянием высокой температуры. Это ядро окружено слоем газов в перегретом надкритическом состоянии, который, в свою очередь, окружен слоем обыкновенных газов.

Далее следует слой жидкости, вещества в расплавленном состоянии, заем слой жидкости густой, вроде лавы или смолы, и еще слой, переходный от жидкости к твердому телу, в так называемом скрыто-пластическом состоянии, сравниваемый по консистенции с сапожным варом. Наконец, сверху находим

твердую кору. Все перечисленные слои, конечно, не отграничены резко друг от друга, но связаны постепенными переходами, вследствие чего при движении Земли эти слои не могут перемещаться друг относительно друга, влиять на приливы и отливы, на перемещения земной оси. Относительно толщины земной коры существует разногласие. Шведский геофизик Аррениус предполагает, что газообразное ядро занимает девяносто пять процентов земного диаметра, огненно-жидкие слои — четыре процента, а твердая кора — только один процент, то есть имеет около шестидесяти четырех километров толщины. Другие же дают коре мощность более значительную — в восемьдесят, сто и даже тысячу километров. Но более тонкая кора, шестьдесят—сто километров, не больше, лучше согласуется с явлениями вулканизма, горообразования, геотермическими и тому подобными.

Вы видите, что эта гипотеза воскресила учение Лесли и других, правда без внутренних планет и наружных отверстий, оправдала даже мнение капитана Симмеса о концентрических сферах. Но об обитаемости недр Земли при температуре, разлагающей даже атомы газов, конечно, не могло быть и речи...

— А между тем они обитаемы! — воскликнул Каштанов.— И, снаряжая туда экспедицию, вы ведь предполагали эту обитаемость?

— Совершенно верно, и теперь я перехожу к изложению своей гипотезы,— ответил Труханов.— Я давно уже являюсь сторонником гипотезы Цеприца и производил наблюдения и вычисления для ее дальнейшего развития и подтверждения. Наблюдения касались определения силы тяжести, явлений геомагнетизма и распространения землетрясений.

Как известно, волны землетрясений распространяются не только по твердой земной коре, но и по прямому пути через недра Земли. Поэтому, если случится землетрясение у наших антиподов, то чувствительные инструменты уловят две серии ударов — сначала идущие по кратчайшему пути земного диаметра, а затем уже распространяющиеся по земной коре, то есть по периферии шара. Скорость распространения сотрясений зависит от плотности и однородности среды, и по этой скорости можно судить о состоянии среды.

И вот целый ряд наблюдений на разных сейсмиче-

ских станциях Земли и в особенности моей обсерватории на Мунку-Сардыке, где я установил новые, чрезвычайно точные и чувствительные инструменты на дне глубокой шахты, у подножия горного хребта, обнаружили факты, не согласные с гипотезой Цеприца. Оказалось, что земное ядро должно состоять не из сильно уплотненных давлением газов, а, наоборот, из разреженных, немного разве плотнее нашего воздуха, занимающих около трех четвертей диаметра. Иными словами, это газообразное ядро должно иметь примерно восемь тысяч километров в диаметре, так что на долю жидких и твердых слоев остается не более двух тысяч четырехсот километров толщины с каждой стороны. А среди газообразного ядра приходилось допустить существование твердого или почти твердого тела, то есть внутренней планеты диаметром не более пятисот километров.

— Как вы могли определить диаметр этого невидимого тела? — поинтересовался Боровой.

— Очень просто. Это тело попадалось на пути ударов только тех землетрясений, которые случались прямо на антиподах моей обсерватории, именно в Тихом океане к востоку от Новой Зеландии; если же землетрясение случалось в самой Новой Зеландии или в Патагонии, то на прямом пути его распространения твердого тела не оказывалось. Целый ряд наблюдений позволил определить максимальные размеры этого тела, конечно, с приблизительной только точностью.

Итак, эти наблюдения показали, что внутри Земли имеется большое пространство, занятое газами, мало отличающимися по плотности от воздуха, а среди них в центре находится внутренняя планета диаметром не более пятисот километров. В общем, эти наблюдения лучше согласовывались с гипотезами более старых ученых, а не Цеприца. Но в таком случае возникает сомнение в правильности всех подсчетов распределения тяжелых веществ в земной коре. Средняя плотность Земли, как известно, составляет пять и пять десятых, а плотность горных пород в поверхностном слое коры только два и пять десятых—три и пять десятых и даже меньше, если принять во внимание большие массы воды океанов. Поэтому ученые считают, что по направлению к центру должны залегать вещества все более высокой плотности, достигающей у

центра ядра десяти—пятнадцати. Но если внутри Земли большое пространство занято газами с плотностью воздуха, среди которых помещается маленькая планета, то приходится принять совершенно иное распределение плотностей в земной коре, окружающей внутреннюю пустоту с газами. Я принимаю, что легкая поверхностная часть коры имеет около семидесяти семи километров толщины, тяжелая внутренняя часть с большим содержанием тяжелых металлов имеет две тысячи триста километров и внутренняя полость газов — четыре тысячи километров (включая и планету); в сумме это равно шести тысячам тремстам семидесяти семи километрам — радиусу Земли. Если принять среднюю плотность тяжелой части коры в семь и восемь десятых, то плотность Земли в целом и будет пять и пять десятых соответственно определениям геофизиков...

На доске, имевшейся в кают-компании, Труханов выполнил перед слушателями все вычисления объема и веса составных слоев Земли, чтобы доказать распределение масс, предполагаемое им. Приняв в таком измененном виде гипотезу Цеприца, Труханов рассмотрел вопрос, как образовалось отверстие, сообщающее земную поверхность с внутренней полостью, по которому должны были вылететь сгущенные и горячие газы из полости. Отметив частое падение на Землю из космического пространства каких-то небесных тел, называемых метеоритами, Труханов высказал предположение, что когда-то на Землю упал огромный метеорит, который пробил кору толщиной в две тысячи триста семьдесят семь километров и остался внутри, превратившись в планету Плутон. В доказательство возможности такого падения он указал на огромную впадину, называемую метеоритным кратером, известную в штате Аризона Северной Америки и представляющую выбоину, сделанную когда-то огромным метеоритом, судя по найденным во впадине его обломкам. Но этому метеориту не удалось пробить кору, он отскочил и, вероятно, упал в Тихий океан, тогда как Плутон пробил кору и остался внутри.

— Когда же случилась эта катастрофа? — спросили слушатели.

— Не позднее юрского периода, судя по тому, что, в самой отдаленной части внутренней полости, до-

стигнутой экспедицией, найдены представители юрской фауны и флоры, которые переселились в эту полость с поверхности Земли после образования отверстия, выхода через него газов и охлаждения внутренней полости. А позже таким же путем постепенно переселялись туда фауна и флора мелового, третичного и четвертичного периодов, последовательно оттесняя в глубь полости пришельцев предшествующего времени[1].

Пока Земля Нансена скована льдами, внутренняя полость гарантирована от проникновения в нее представителей современной флоры и фауны с земной поверхности. И только человек двадцатого века в вашем лице отважно преодолел эту преграду и проник в таинственную страну, где чудесно сохранились благодаря постоянному климату и жизненным условиям представители флоры и фауны, давно исчезнувшие на Земле. Вы открыли этот палеонтологический музей, о существовании которого я не мог и думать.

— Вы прекрасно обрисовали заселение внутренней поверхности,— заметил Каштанов,— хотя палеонтологи, может быть, найдут и спорные пункты в ваших предположениях. Но я хотел еще спросить: куда же исчезли обломки земной коры, получившиеся при образовании пробоины?

— Я полагаю, что более мелкие были выброшены обратно вырвавшимися из недр газами, а более крупные могли частью сплавиться вместе с метеоритом в светящееся тело Плутона, частью могли упасть на внутреннюю поверхность и образовать там холмы и целые плоскогорья. Может быть, те большие холмы из оливиновой породы, богатой железом, которые вы открыли на берегах реки Макшеева в ее среднем течении, представляют такие обломки; может быть, и все плато черной пустыни на южном берегу моря Ящеров состоит из подобного огромного обломка,— все это требует дальнейшего изучения.

— А вулканы, потухшие и действующие, которые мы нашли на этом плато,— как объясните вы их существование?

---

[1] Читатели, интересующиеся более полным изложением доклада Труханова, могут найти его на стр. 347—369 издания «Плутонии», напечатанного в 1941 году Издательством детской литературы в Москве.

— Мне кажется, это нетрудно. Согласно гипотезе Цеприца, поверх слоев или поясов, состоявших из газов, располагался слой огненно-жидкий. После образования пробоины, когда газы устремились в нее и давление внутри Земли начало резко ослабевать, часть этого слоя должна была превратиться в пары и газы, а остальная представляла кипящее огненное море. Пары и газы постепенно вышли через отверстие, температура и давление во внутренней полости все более понижались, и лавовое море начало покрываться твердой корой. Сначала последняя была тонка и слаба, часто разрывалась под напором газов и паров, продолжавших еще выделяться из расплавленной массы. Но постепенно она окрепла, прорывы случались все реже и реже,— как на поверхности Земли в первый период ее жизни. Вулканы показывают только, что на некоторой глубине под этой корой сохранились еще бассейны с огненно-жидкой лавой, которая и производит извержения, как на земной поверхности, с той разницей, что продукты представляют сплошь очень тяжелые переполненные железом породы, каких мы на Земле не знаем.

— Но ведь если внутренняя поверхность представляла сначала огненное море, как вы сказали,— заметил Макшеев,— то обломки коры, упавшие в него, должны были утонуть в нем или расплавиться.

— Это необязательно,— вступился Каштанов.— Мелкие обломки, конечно, расплавились, но крупные благодаря своим размерам — ведь они могли достигать нескольких километров в диаметре — подверглись расплавлению только отчасти. Что же касается их погружения в глубь огненного моря, то это зависело от их удельного веса. Если они были легче расплавленной массы — а это вполне допустимо для части обломков,— то они плавали на ее поверхности, подобно льдинам на море, и, подобно льдинам, по краям и снизу таяли.

— Я не настаиваю на своей мысли,— заявил Труханов,— это было первое предположение, которое пришло мне в голову при вашем вопросе. Все это требует дальнейшего исследования. Мы знаем теперь только узкую полоску Плутонии вдоль реки Макшеева и по берегам моря Ящеров. А что представляет эта огромная страна в обе стороны от реки? Далеко ли

уходит черная пустыня на юг? Что лежит за этой пустыней? Нет ли там опять оазисов жизни?..

— Мне кажется, что нет,— заметил Папочкин,— и вот почему. Влагу, без которой жизни быть не может, приносят ветры, дующие с севера, из отверстия. Эта влага — продукт главным образом земной поверхности. Как мы убедились, дожди не распространяются дальше южного берега моря Ящеров. Ветры оставляют всю свою влагу на этом сравнительно небольшом расстоянии от отверстия, а за морем, на всем остальном пространстве внутренней поверхности, залегает безводная и бесплодная пустыня застывшей лавы. Я думаю даже, что первоначально юрская жизнь распространялась на очень близкое расстояние от отверстия, и только постепенно, по мере того как количество влаги в виде речек и озер увеличилось благодаря постоянному притоку ее через отверстие, эта жизнь продвигалась все дальше и дальше на юг. Может быть, и море Ящеров образовалось сравнительно недавно, и потому вода его не так солона, как вода океана.

— Ну, с этим нельзя согласиться,— сказал Каштанов.— Если бы это море образовалось недавно, в нем не могли бы жить представители юрской фауны, подобно рыбам, ихтиозаврам и плезиозаврам. Ни рыбы, ни ихтиозавры не могли переселиться с земной поверхности внутрь посуху, подобно муравьям, или по воздуху, подобно птеродактилям. Из этого следует, что в пробоину все-таки проникло море, хотя бы на непродолжительное время,— и узким проливом.

— Но позвольте! — воскликнул Папочкин.— Как могло море проникнуть вслед за метеоритом внутрь? Оно встретило бы раскаленные газы и огненную поверхность, и все завры и рыбы дали бы только колоссальную уху, но не потомство.

Все рассмеялись, но Каштанов возразил:

— Вы делаете слишком поспешные выводы из моих слов, Семен Семенович. Я же не говорил, что море проникло вслед за метеоритом. Последний упал, как предполагает Николай Иннокентьевич, в триасовый период, а фауна моря юрская. Следовательно, мы имеем достаточный промежуток времени для выхода газов и охлаждения внутренней полости. Может быть, в другой части Плутонии море Ящеров тянется значительно дальше на север, указывая тот путь, по

которому морская фауна переселилась когда-то внутрь.

— Вот видите, сколько вопросов, крайне интересных и важных, возникает тотчас же, как мы начинаем рассуждать о природе Плутонии! — сказал Труханов.— И каждый из нас может наметить их целый ряд по своей специальности. А в итоге — необходимо снарядить вторую экспедицию для дальнейшего исследования Плутонии. Не так ли?

Эпилог

Наступил и прошел май, но не принес еще долгожданной весны. Хотя солнце уже не сходило с горизонта, только немного спускаясь на севере и поднимаясь на юге, но грело оно слабо, и снег таял только на южной стороне корпуса судна и на крутых береговых утесах. Кроме того, солнечные дни часто сменялись пасмурными; поднимался ветер, крутился снег, нередко разыгрывалась настоящая пурга, и, казалось, возвращалась зима. Этот свежий снег постоянно задерживал таяние старого, уже осевшего и готового превратиться в воду при первых же достаточно теплых днях. Они случились только в первой половине июня и принесли наконец долгожданную весну.

С утесов стекали бесчисленные ручейки, на маленьких оголившихся площадках появились крошечные цветы, распускавшиеся на глазах; в лужицах, согретых солнцем, копошились какие-то водяные насекомые, неизвестно откуда явившиеся. Но море, крепко скованное льдами, еще дремало. Впрочем, в тихие дни с верхушки мачты можно было различить далеко на юге темную полосу воды.

— В этом году весна запоздала! — заметил как-то капитан собравшимся на палубе путешественникам, которым из-за воды, покрывавшей лед почти всюду, теперь приходилось большую часть дня проводить на судне.

— Да, в прошлом году мы в это время уже подплывали к берегу этой земли.

— Потому что сильные ветры разволновали море и разбили лед. А теперь вот уже десять дней, как тихо или дует слегка южный ветер.

— Не придется ли зимовать второй раз, если море не вскроется? — заинтересовался Папочкин, которому становилось скучно.

— Ну нет! В июле, самое позднее в августе, море очистится, даже если ветров не будет.

— В июле или августе! — воскликнули Громеко и Макшеев.— Половину лета просидим еще здесь?

— Да, в полярных плаваниях с этим нужно считаться. В плохие годы только один или полтора месяца остается для навигации; в хорошие — два-три месяца.

Терпение населения «Полярной звезды» действительно подверглось долгому испытанию. Июнь простоял тихий, но во второй половине пасмурный и холодный. По ночам подмерзало, иногда шел снег, и в такие дни казалось, что лето уже кончилось.

Наконец в начале июля налетевшая с востока буря хотя и засыпала все снегом, но разломала лед, и судно, давно уже обколотое, готовое к плаванию, простилось салютом с печальной Землей Нансена и направилось на юг.

Однако погода все еще стояла пасмурная и сырая, часто шел дождь или снег; иногда туманы заставляли стоять целые часы.

Только в начале августа «Полярная звезда» вырвалась из плена и полным ходом пошла по Берингову проливу. Все вздохнули свободно. Оставалось две—три недели плавания до Владивостока.

В половине августа плыли на широте устья реки Камчатки; берега полуострова, конусы вулканов и дымящаяся Ключевская сопка хорошо виднелись вдали. День выпал на редкость тихий и ясный, и бурное Берингово море расстилалось, словно зеркало, до горизонта. Благодаря прозрачности осеннего воздуха на юго-востоке чуть виднелись вершины острова Беринга, ближайшего из группы Командорских. С этой стороны полным ходом шло большое судно, как будто направлявшееся в Нижне-Камчатск.

— Вероятно, русский крейсер, который дежурит в этих водах,— сказал Макшеев на вопрос собравшихся на палубе товарищей, находившихся в самом радужном настроении по случаю спокойного моря и успешного плавания.

— Кого же тут караулить? — поинтересовался Каштанов.

— Хищников — американцев и японцев. Командор-

ские острова известны как лучшее, если не единственное в мире, лежбище ценного морского котика, количество которого вследствие беспощадного истребления стало быстро уменьшаться. Поэтому наше правительство допускает бой котика только в определенное время года и с разными ограничениями относительно самок и молодняка. Но жадные промышленники стараются обойти запрещение. Поэтому острова часто посещаются судами военного флота, имеющими право останавливать подозрительные суда, плавающие в этих водах.

— Пожалуй, что и нас осмотрят! — воскликнул Труханов.— Крейсер держит курс прямо на нас.

Действительно, крейсер, крупное трехмачтовое судно, шел полным ходом наперерез «Полярной звезде». На нем уже можно было различить блестящие дула орудий, группу людей на капитанском мостике. И вдруг из одного из орудий вырвался клуб дыма, прокатился гром выстрела, и одновременно на мачте взвился сигнал: «Остановитесь или буду стрелять».

«Полярная звезда» послушно застопорила машину. По морским правилам, капитан, как только заметил крейсер, отдал приказ поднять русский флаг. Но крейсер не последовал этому примеру.

Пассажиры столпились у борта, рассматривая быстро приближавшееся красивое судно.

— Что такое? Это не русский крейсер, он называется «Фердинанд», и название написано латинскими буквами! — воскликнул капитан, наблюдавший в подзорную трубу.

— Какое же право он имеет останавливать русское судно в русских водах? — удивился Каштанов.

— Какой национальности этот «Фердинанд»? Германский, вероятно?

— Сейчас узнаем! — ответил капитан, просматривавший карманный морской календарь.

— Нашел! «Фердинанд» — крейсер австро-венгерского военного флота, построен в тысяча девятьсот девятом году, столько-то тонн водоизмещения, десять орудий такого-то калибра и т.д., двести пятьдесят человек команды, скорость хода и т.д.

В это время крейсер совсем приблизился, замедлил ход и остановился в кабельтове от «Полярной звезды», с него тотчас же спустили шлюпку, и можно было видеть, как человек двадцать матросов, вооруженных ружьями,

и два офицера сошли по трапу. Шлюпка направилась к «Полярной звезде», пассажиры которой, капитан и вся команда столпились у борта в полном недоумении. Но для приема непрошеных гостей пришлось волей-неволей спустить трап.

На палубу поднялись оба офицера и десять матросов.

— Это русский судно? — спросил старший из гостей, поднося правую руку к козырьку фуражки.

— Русское. Яхта «Полярная звезда», частная собственность,— ответил Труханов.

— Ви сам капитан?

— Нет, я владелец судна.

— Торговий судно или китобой?

— Ни то, ни другое. «Полярная звезда» везет научную экспедицию из плавания по Ледовитому океану. Но я хотел бы знать, на каком основании вы останавливаете русское судно в русских водах и подвергаете нас допросу?

— На основании военно-морской прав и военной положений.

— Что такое? Какое военное положение? В чем дело? — посыпались вопросы встревоженных донельзя пассажиров.

Офицер улыбнулся:

— Ви ничего не знайте? Ви давно плавайт на Ледовитый океан?

— С весны прошлого года.

— Diese Russen sind wie vom Himmel gefallen! (Эти русские словно с неба свалились!),— обратился австриец к своему товарищу, который, видимо, плохо понимал по-русски, а теперь тоже улыбнулся и ответил:

— Sie wissen gar nichts von Kriege! (Они ничего не знают о войне!)

Затем старший продолжал:

— Так я вам объявляйт, что Австро-Венгерская империя и Германская империя уже целый год ведут война с Россией, и ми, крейсер императорски флот «Фердинанд», будем взять ваш судно как военный приз. Понимайт?

— Но моя яхта не военное судно, а научное, мирное. Частные суда не конфискуются.

— Мирный судно? А это что такое? — Австриец указал на маленькую пушку на носу, служившую для салютов и сигналов.— Это орудий!

Труханов только улыбнулся.

— Всякий мирный судно,— продолжал австриец,— можно вооружайт, привозить десант, военний груз, военний почта. Мирный судно нужно забирайт, нишего не поделайт!

— Нельзя ли мне переговорить с командиром крейсера?

— А ви немецкий язык говорить, понимайт?

— Нет, но говорю по-французски и по-английски.

— Карашо! Паедем крейсер.

Офицер сказал что-то вполголоса своему товарищу и затем спустился с Трухановым в шлюпку, понесшуюся к крейсеру. Второй офицер и вооруженные матросы остались на «Полярной звезде».

Каштанов, хорошо говоривший по-немецки, вступил в беседу с офицером, который охотно отвечал на вопросы и ознакомил пассажиров с главными событиями, приведшими в июле 1914 года к европейской войне. И незаметно прошло время до возвращения Труханова. Последний прибыл с двумя офицерами и еще несколькими невооруженными матросами.

— Нам предстоит высадка на берег Камчатки,— заявил он.— Пойдем в каюты укладываться, пока «Полярную звезду» поведут под конвоем к берегу. Ее конфискуют безусловно со всем грузом.

В каюте без присутствия австрийцев, которые остались распоряжаться на палубе, Труханов рассказал следующее:

— Командир крейсера объявил мне то же, что и этот офицер. Сначала он, посовещавшись со своими помощниками, хотел нас увезти в качестве пленных. Я ведь прекрасно говорю и понимаю по-немецки,— пояснил Труханов,— но нарочно скрыл это, чтобы узнать, о чем они будут говорить между собой по поводу своих намерений. И вот я узнал, что у них мало провианта и они рассчитывают поживиться нашими запасами. Поэтому лишние рты в виде пленных им не нужны. Хотя один из помощников настаивал, что они должны увезти, по крайней мере, всех, кто моложе сорока пяти лет, как военнообязанных, то есть всех, кроме меня, но командир успокоил его тем, что, пока мы доберемся с Камчатки до Москвы, война, наверно, будет кончена разгромом России и Франции.

— Итак,— продолжал Труханов,— они решили выса-

дить всех, но позволяют взять с собой только необходимую одежду, немного припасов и принадлежащие каждому деньги, но не экспедиционную кассу. Она и все прочее подлежит конфискации.

— Как, и все коллекции, все результаты экспедиции?! — воскликнул Папочкин с негодованием.

— Да, все безусловно! Дневники мы, конечно, попрячем по карманам, но фотографии, черепа, шкуры, гербарии и так далее придется оставить. Они обещают, что все это в целости и сохранности будет доставлено в Вену и выдано нам по окончании войны.

— Если по дороге туда их не пустит ко дну французская или русская подводная лодка или мина! — возмущенно заметил Боровой.

— Это вполне возможно! — продолжал Труханов.— Тем более, что в войну вмешалась Англия...

— Словом, экспедиция ограблена дочиста, как тогда, когда нас обчистили муравьи,— грустно усмехнулся Макшеев.

— Есть некоторая возможность вернуть наше имущество,— сказал Труханов.— Из их намеков я догадался, что у них где-то поблизости есть база, скорее всего на Командорских островах, откуда шел к нам крейсер. Они отведут туда «Полярную звезду». По прибытии во Владивосток мы сообщим это нашим военным судам и базу накроют.

— Ну, когда-то мы доберемся туда!

— Во всяком случае, это единственная надежда. А теперь давайте укладываться.

Все разошлись по каютам. «Полярная звезда» шла уже полным ходом к Камчатке под конвоем крейсера, держа курс на Усть-Камчатск, первое жилое место к северу от Петропавловска на берегу моря. Вскоре приунывшие пассажиры собрались со своими чемоданами и узлами на палубе, где австрийцы подвергли багаж легкому осмотру, но не рылись в нем и не лазали в карманы. Поэтому Макшеев избег опасности лишиться своего золота, которое он пересыпал в широкий кожаный пояс золотоискателей, представляющий длинный и узкий мешочек. Навьючив на себя целый пуд, инженер сделался очень неповоротливым. Но колбаса, начиненная золотом, которой он опоясался, была скрыта под кухлянкой, и австрийцы не обратили внимания на неуклюжесть ее носителя. Коллекция и все экспедицион-

ное имущество, давно упакованные в ящики для перевозки по железной дороге, были сданы австрийцам по описи. О том, где в действительности побывала экспедиция, им, конечно, не сообщили.

— Мы побывали в Чукотской земле, зимовали на острове Врангеля,— заявил Труханов офицеру, принимавшему имущество, который сочувственно закивал головой и сказал:

— Мой отец бил в полярной экспедиция, Земля Франц-Иосиф, австрийский корвет «Тегеттгоф»... Ви, конечно, читаль?

— О да! — улыбнулся Труханов.

Под вечер оба судна остановились у длинной косы в устье реки Камчатки, за которой находится небольшой рыбачий поселок. Быстро сгрузили пассажиров и их багаж на три шлюпки и свезли на берег. Иголкин и капитан немедленно отправились в поселок добывать средства передвижения. Остальные стояли на берегу и с грустью смотрели, как подняли на борт шлюпки и как оба судна повернулись и полным ходом ушли в море. Уже в сумерки, прежде чем пришли люди с лошадью — единственной в поселке,— суда скрылись в вечерней мгле.

Нашим путешественникам пришлось прожить в Усть-Камчатске целых десять дней ввиду отсутствия средств передвижения. Редкое население по реке Камчатке было усиленно занято рыболовством вследствие начавшегося осеннего хода рыбы, и бросать промысел, дающий людям и собакам пищу на всю зиму, ради перевозки многочисленной компании в батах (долбленых лодках) вверх по реке, никто, конечно, не имел никакого желания. Только Иголкин, торопившийся к жене в Петропавловск, взяв с собой Генерала, отправился этим путем и повез письмо губернатору. В этом письме Труханов сообщал о конфискации «Полярной звезды», о вражеской базе на Командорских островах и просил помощи.

В конце августа японская рыболовная шхуна зашла в Усть-Камчатск и согласилась доставить за большие деньги всех высаженных в Японию. Чтобы очистить место для пассажиров, ей пришлось оставить часть своего груза.

Это путешествие, продолжавшееся три недели, было далеко не из приятных. Одни разместились на палубе,

другие в трюме между бочками с рыбой. Питались по-японски — рыбой, рисом и чаем, испытали сильную качку, туманы, дожди и метели. Возле Курильских островов чуть не потерпели крушение на рифах во время бури. В заливе Терпения японцы хотели всех высадить под предлогом, что японский Сахалин — та же Япония, и согласились везти дальше лишь за добавочную плату.

В Вакканай, на северной оконечности Хоккайдо, северного из японских островов, измученные пассажиры сами покинули шхуну, так как дальше, в порт Хакодате, можно было ехать по железной дороге скорее и удобнее.

Из Хакодате — на южном конце острова и почти на широте Владивостока — сообщение с последним было довольно частое и правильное. После ряда опросов и формальностей, вызванных тем, что и Япония присоединилась к воюющим державам на стороне Антанты, почтовый пароход доставил всю компанию во Владивосток.

Велико было изумление путешественников, когда они, подъезжая к пристани, заметили среди судов на рейде «Полярную звезду», на палубе которой маячил часовой. Быстро навели справки, и оказалось, что губернатор Камчатки, получив письмо Труханова, но не располагая судами достаточной величины для нападения на австрийский крейсер, радировал во Владивосток. Посланный отсюда быстроходный крейсер нашел на Командорских островах «Полярную звезду», но австриец успел заблаговременно скрыться.

Командир порта, сообщивший эти сведения, тут же разочаровал наших путешественников, уже рассчитывавших на возврат своих коллекций. «Полярная звезда» была обобрана австрийцами дочиста — коллекции, снаряжение, припасы, даже обстановка кают и ценные части машины были увезены, так что судно пришлось тащить на буксире. Без ремонта оно не могло уже плавать, и Труханову пришлось согласиться на предложение морского ведомства отдать его на время войны для вестовой службы.

Удрученные путешественники сели в сибирский экспресс и направились на родину. Обсудив создавшееся положение, они решили, что до окончания войны, на близость которого все еще рассчитывали, и до возвращения коллекций и фотографий об экспедиции в Плуто-

нию нужно молчать. Чем могли они доказать, кроме своих слов, что Плутония с ее чудесами существует и что в нее можно проникнуть? Всякий здравомыслящий человек признал бы их доклад сплошной фантазией, а докладчиков — вралями или помешанными.

Но война затянулась, за ней последовали революция и другие события... Миновало десять лет, участники экспедиции рассеялись; одни были убиты на фронтах, другие умерли. Коллекции и документы неизвестно где находятся. На их получение Труханов, вернувшийся в свою обсерваторию на Мунку-Сардыке и живущий там отшельником, уже не надеется.

Случайно в руки автора попал дневник и рисунки одного из умерших участников экспедиции. По этим материалам и составлена настоящая книга.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прочитав это описание необычайного путешествия в недра Земли, приключения шести отважных исследователей и их наблюдения над подземным миром, некоторые молодые читатели приходят к выводу, что все описанное автором является действительностью.

Автор получил уже немало писем от читателей «Плутонии», в которых они совершенно серьезно спрашивают, почему не снаряжаются новые экспедиции для исследования этого подземного мира, почему не найдено вторично и не изучено отверстие среди льдов Арктики, ведущее в недра Земли. Их интересует также дальнейшая судьба инициатора экспедиции Труханова и ее участников.

Поэтому автор в послесловии к новому изданию «Плутонии» должен объяснить, что путешествия в Плутонию никогда не было и быть не могло, потому что нигде в пределах Арктики и вообще на Земле нет такого отверстия, по которому люди могли бы спуститься в недра Земли. Хотя жерла вулканов представляют каналы, уходящие более или менее глубоко в земную кору, но у действующих вулканов они заполнены расплавленной лавой или горячими удушливыми газами, а у потухших вулканов забиты застывшей лавой.

Неправдоподобен поэтому известный роман Жюля Верна «Путешествие к центру Земли», в котором исследователи спускаются вглубь по жерлу одного из вулканов Исландии, а выносятся обратно на плоту по жерлу одного из вулканов в Средиземном море. Очень слабо описан в этом романе и подземный мир.

«Плутония» написана мною с целью дать нашим читателям возможно более правильное представление о

природе минувших геологических периодов, о существовавших в те далекие времена животных и растениях в занимательной форме научно-фантастического романа. Для этого я воспользовался гипотезой, которая совершенно серьезно обсуждалась в заграничной научной литературе сто с лишним лет назад и имела многочисленных защитников. Они утверждали, что земной шар пустотелый, что недра его освещены маленьким светилом и населены. В главе «Научная беседа» эта гипотеза изложена подробно, и Труханов, конечно, защищает ее. Эта гипотеза давно уже отвергнута наукой, и хотя мы в точности еще не знаем, каково состояние земного ядра, но можно поручиться, что ни внутреннего светила, ни отверстия, ведущего в недра, не существует. Несмотря на это, указанная гипотеза показалась автору более подходящей для научно-фантастического романа, чем жерло вулкана, принятое Жюлем Верном.

Автор надеется, что это издание «Плутонии» побудит советскую молодежь ближе заинтересоваться геологией и поможет привлечь к изучению этой интересной науки, к исследованию земных глубин, ископаемых богатств и остатков исчезнувших животных и растений новые силы, необходимые для дальнейшего развития и успеха советской науки о Земле и ее истории.

Русские путешественники и ученые открыли уже немало местонахождений исчезнувших животных и растений в различных частях нашей обширной Родины. Нельзя не упомянуть открытия профессором В. П. Амалицким богатых остатков пермских пресмыкающихся, хищных и травоядных, в красных песчаниках берегов Северной Двины; добытые там кости, в виде полных скелетов, выставлены в Палеонтологическом музее в Москве. Академик А. А. Борисяк открыл в третичных отложениях Тургайской области остатки самого крупного из травоядных млекопитающих, получившего название индрикотерия, по имени сказочного зверя индрика. В Северной Сибири русские ученые открыли трупы мамонтов с кожей, шерстью и внутренностями, сохранившиеся в вечномерзлых четвертичных отложениях. В осадках пустыни Гоби в Монголии я обнаружил зуб носорога, чем было доказано, что впадины этой обширной области не были заняты морем, как предполагали иностранные ученые. За последние тридцать пять лет экспедиции Палеонтологического института Академии наук СССР, изу-

чавшие впадины Гоби в Центральной Азии, нашли в их отложениях очень богатую фауну: черепах, земноводных, пресмыкающихся, млекопитающих и птиц разных эпох мелового и третичного периодов, а также стволы крупных деревьев, показавшие, что в течение этих периодов впадины не представляли пустынь и полупустынь, как в настоящее время, а содержали многочисленные озера и леса с разнообразной фауной и флорой. На берегах Амура А. Н. Криштофович обнаружил остатки огромного мелового пресмыкающегося, украшающие теперь Геологический музей в Ленинграде. Остатки низших животных, кораллов, разных моллюсков, иглокожих, ракообразных, листьев, коры, стволов растений разного геологического возраста, собранных нашими учеными, находятся в музеях многих университетов и геологических институтов Советского Союза.

ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ
В ПУСТЫНЕ

роман

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Пятьдесят лет назад я изучал страну Джунгарию — часть Западного Китая, прилегающую с юго-востока к границам Восточного Казахстана. В этой местности соприкасаются горные системы Алтая и Тянь-Шаня, и я должен был выяснить границу между ними, геологию и географию Джунгарии.

Я провел три лета в этой стране и пересек ее в разных направлениях; изучал горные цепи, широкие долины с оазисами по речкам и у источников воды и площадями настоящей пустыни, ровной или холмистой, местами похожей по своему рельефу на развалины большого города.

В одной из горных цепей я встретил в нескольких местах развалины селений с заброшенными шахтами, рудными отвалами и остатками промывальных устройств, которые показали, что в этих горах, теперь населенных только кочевниками, когда-то жили оседлые люди, добывая золото. Я осмотрел несколько таких поселков, выяснил условия жизни и работы в этой пустынной местности, где теперь бродят только антилопы, а в прежних шахтах обитают лисицы и волки.

Интересуясь историей Китая, я узнал, что в этой стране добывали золото в первой половине прошлого столетия и что добыча прекратилась в связи с гражданской войной, охватившей запад Китая 80—90 лет назад, когда были разрушены многие селения и города, а население истреблено или разбежалось.

Обрабатывая материалы и наблюдения своего путешествия по Джунгарии, я подумал, что было бы интересно описать жизнь и работу этих искателей золота, китайских рудокопов, загнанных нуждою в пустыню, извлекавших крупинки золота из твердых жил кварца в

глубоких, примитивных, ничем не крепленных шахтах, дробивших кварц в каменных чашах и промывавших его водой из тех же шахт. Эта же вода употреблялась и для питья, так как в большинстве поселков другой воды не было. Описание суровой жизни рудокопов хотелось дополнить рассказом об их приключениях в горах и долинах Джунгарии в начале гражданской войны (середина XIX века), вызванной восстанием дунган (китайских мусульман), что давало возможность более подробно познакомить читателя с природой страны.

Книжку такого содержания я написал 30 лет назад. Она была издана небольшим тиражом, почему и осталась мало известной. Между тем Джунгария — пограничная с нашим Союзом страна и ее природу нам необходимо знать.

Второе издание (Госгеолиздат) было дополнено пятью главами и исправлено. Настоящее, третье, издание печатается с небольшими исправлениями.

В. ОБРУЧЕВ

В КИТАЙСКОЙ ШАХТЕ

Около полудня Лю Пи вылез из своей шахты и после многочасового пребывания в подземной сырости и прохладе с наслаждением глубоко вдохнул знойный летний воздух. Он взглянул прищуренными глазами на солнце, сиявшее на безоблачном небе, потом посмотрел на цепь голых скалистых гор Кату, заграждавшую вид на север, подобно гигантской пиле, обращенной зубьями вверх, еще раз взглянул на солнце, перевел взор на запад и, почмокав губами, пробормотал:

— Большой ветер будет к ночи, большой ветер, черная буря. Хорошо, если Ван Ли успеет доехать до заимок Чаапчи.

Лю Пи оглянулся на черную дыру шахты, из которой вылез и на дне которой проводил изо дня в день более половины суток. Из темноты послышался шорох и кряхтенье — еще кто-то лез наверх.

— Торопись, Мафу, обед простынет! — крикнул Лю Пи с явной насмешкой в голосе и зашагал, слегка сгорбившись, к дверям низкой фанзы, находившейся в нескольких шагах от шахты.

— Лю Пи, приятель, не начинай есть без меня! — послышался умоляющий голос из глубины черной дыры.— Я не могу лазить так скоро, как ты, по этим проклятым лестницам. Подожди меня, слышишь?

Но Лю Пи не обратил никакого внимания на просьбы своего товарища и вошел в фанзу, низко согнувшись, чтобы не стукнуться головой о притолоку. В фанзе было довольно темно, так как она освещалась небольшим оконцем, не более четверти квадратного метра, затянутым вместо стекла побуревшей от

пыли бумагой. Низкий и широкий кан (лежанка) занимал почти всю заднюю половину комнаты. На нем лежали камышовые циновки, свернутые матрасики и одеяла, валики-подушки. Перед оконцем стоял кривоногий, грубый низенький стол с посудой.

В углу темнел высокий, почти в метр, массивный глиняный сосуд, в котором китайцы хранят зерно и муку. Рядом на стене висели на колышках какие-то мешки, связки лука, чеснока и красного перца, пучки засушенной горной полыни и других трав. Слева от двери, рядом с рваными мешками и узкими, высокими корзинами из ивовых прутьев, были свалены инструменты рудокопа — заступы, кирки, молоты и клинья.

— Еда готова? — обратился Лю Пи к двум полуголым мальчикам, сидевшим на корточках возле широкой топки кана, в которой горел огонек и в чугунном котле на треноге что-то бурлило, испуская клубы пара.

— Давно готова. Давно пора есть,— воскликнул один из мальчиков, вскакивая на ноги, тогда как другой всыпал какую-то зелень в котел и стал мешать в нем длинной разливательной ложкой.

— Готово, так будем есть,— приказал Лю Пи, забрал со стола четыре фаянсовые чашки, похожие на полоскательные, перенес их на кан, затем снял с кола один из мешков, насыпал из него горку мелких сухарей на кусок ржавого листового железа, заменявшего поднос, и также поставил на кан рядом с чашками. В это время мальчики соединенными усилиями вытащили треногу с котлом из топки и подняли котел на кан.

— Вот и Мафу идет! — заметил Лю Пи, вскакивая на кан и располагаясь на циновке, поджавши ноги.— Не говорится ему, что мы не ели. Слышите!

Мальчики в ответ захихикали и опять присели на корточки возле печки, обратив запачканные сажей смеющиеся мордочки к дверям фанзы, за которыми послышался тяжелый топот и фырканье, словно к ним подошла усталая лошадь. Дверь распахнулась, и в нее, согнувшись, протиснулся боком человек богатырского телосложения, крайне редкого среди китайцев. Он бросил в угол кайлу, громко звякнувшую о другие инструменты, и проворчал:

— Опять сломалась, проклятая! Жила — чистый кремень, инструмент съедает, а золота дает мало-мало. А вы уже покушали, я вижу,— прибавил он, заметив, что его сожители словно отдыхают после еды.

— Мы уже покушали, Мафу,— сказал Лю Пи и в доказательство громко икнул.— Не знаю, осталось ли что-нибудь для тебя. Ты очень долго не шел, а мы были голодны, как крысы.

— Ужасно голодны,— подтвердил один из мальчиков.— А похлебка была такая вкусная, с чесноком и луком.

— У-у, обжоры! — взвизгнул Мафу и, схватив полуголых мальчуганов за головы, пригнул их к самой земле. Мальчики визжали и барахтались в могучих руках Мафу, Лю Пи хохотал во все горло.

— Ну довольно, Мафу,— сказал он, натешившись.— Ты загляни в котел, может быть, и тебе хватит пообедать.

— Что же ты не сказал раньше, черепаха,— буркнул Мафу, выпустив пленников, толкнув их в разные стороны, и подошел к котлу, закрытому тряпкой. Он приподнял тряпку, заглянул в котел и, увидав, что он полон, громко засмеялся.

— Опять обманули меня, бездельники!

Мафу забрался на кан и сел рядом с Лю Пи, а мальчики поместились на краю по обе стороны котла. Лю Пи пододвинул чашки и, вооружась разливательной ложкой, наполнил их горячей жидкой похлебкой из пшена с мелко нарезанным зеленым луком и чесноком, сказав:

— Кушайте на здоровье, не взыщите.

Каждый из сотрапезников взял свою чашку, горсть сухарей и стал с шумом втягивать горячую жидкость, фыркая, вздыхая и по временам подбрасывая в нее несколько сухариков. После первой чашки съели по второй, по третьей и по четвертой. Затем мальчики скромно отошли к топке, предоставив взрослым кончать котел, в котором нашлось еще по две чашки на каждого.

— Чай! — послышался приказ Лю Пи.

Один из мальчиков вытащил из глубины топки небольшой закопченный чайник и поставил его на кан; Лю Пи налил немного чаю в свою чашку, сполоснул ее от остатков супа, выплеснул на пол и затем налил

себе до краев светлого зеленоватого чаю, который стал пить маленькими глотками. Мальчики сняли котел с кана и поставили в угол фанзы, убрали свои чашки на стол, а чайник — обратно в топку, затем поклонились старшим до пояса и выбежали на двор. В фанзе некоторое время опять слышались журчанье втягиваемой жидкости и вздохи.

Опорожнив по одной чашке, Лю Пи и Мафу развернули свои узкие и тонкие ватные матрасики на циновках теплого кана, положили в изголовье короткие валики, заменяющие китайцам подушки, и улеглись спать. Через несколько минут слышалось уже легкое посапывание Лю Пи, чередовавшееся с громким храпом Мафу.

Прошло около часу. Лю Пи проснулся, протяжно вздохнул и присел на своей циновке. Почесав спину, бока и грудь, он толкнул Мафу в бок и прервал его храп, затем слез с кана, вытащил из топки горячий еще чайник и, присев на корточки, налил себе чашку. Утолив первую жажду, он достал из-за пояса своей синей рубашки кисет и трубку с металлической чашечкой и халцедоновым мундштуком, набил табаку, выкопал из золы уголек и закурил. Дым табака и приторно-сладкий запах подмешанного к нему опиума распространились по фанзе и окончательно разбудили Мафу.

— Пора на работу,— сказал Лю Пи, выколачивая золу из трубки и снова наполняя ее свежим табаком.— Поторопись, толстый!

— Работа не блоха, из рук не выскочит,— ответил Мафу, сползая с кана. Он налил себе чашку чаю, набил свою трубку, более толстую и длинную, чем у Лю Пи, поднял с земли брошенный последним уголек и жадно стал курить, глубоко заглатывая дым.

— Как думаешь, кончим мы сегодня жилу? — спросил Лю Пи.

— Ни за что! — ответил Мафу.— Жила — чистый кремень стала; бьешь, бьешь, а толку мало. Придется нам бросить эту сторону!

— А где же мы будем работать? — сердито возразил Лю Пи.— Глубже не уйдешь — вода, наверху все взято уже. Только эта твердая сторона и осталась.

— Ну, этой твердой стороны нам надолго хватит,— усмехнулся Мафу, покончив с курением и принима-

ясь за чай.— Кирки изломаем, руки обломаем, будем зубами выгрызать руду. А зубы поломаем — тогда что?

Он быстро допил чашку, встал, потянулся так, что затрещали кости, и произнес лениво:

— Пойдем, что ли!

Лю Пи поднялся, вытряхнул трубку, засунул ее и кисет за пояс и направился к двери. Мафу, выбрав из кучи в углу исправную кирку, последовал за ним. Они прошли через дворик к зиявшей в противоположном углу черной яме.

Лю Пи опять пристально посмотрел на запад, куда уже немного склонилось солнце, и на зубчатые вершины Кату.

— Непременно к ночи большой ветер будет,— прибавил он, качая головой.— Смотри-ка, солнце уже потускнело, а Кату затянуло словно дымом.

Шахта, в которую стали спускаться наши рудокопы, повергла бы горняка в ужас. Это был ров, тянувшийся вдоль всей стены дворика, противоположной фанзе, пятнадцать метров в длину и метр в ширину. Вглубь он уходил очень круто, под углом около 60°. Один из боков висел над пустотой, ничем не закрепленный и не поддерживаемый, вот-вот, казалось, готовый рухнуть. Отдельные глыбы камня — зелено-серого грубослоистого сланца — выдавались вперед, совсем нависая над бездной. В противоположном боку были высечены узкие ступеньки. Нужно было обладать ловкостью обезьяны или многолетней привычкой, чтобы подниматься и в особенности спускаться по этой крутой и опасной лестнице без перил, уходившей на глубину тридцати метров. А каково было подниматься с тяжелой корзиной руды за плечами!

«Шахта» эта представляла собой просто выработку вдоль золотоносной кварцевой жилы. Рудокопы начинали добывать оруденелый кварц с самой поверхности, оставляя на месте пустую, не содержащую золото породу обоих боков жилы, и постепенно уходили все глубже, пока подземная вода, для борьбы с которой у них не было ни средств, ни познаний, не ставила предела их погоне за золотом. Тогда «шахту» бросали и начинали рыть новую на другой жиле. Вынимали, впрочем, не весь кварц; местами жила становилась очень бедной, и эти части ее оставляли в виде пере-

мычек, тянувшихся вдоль или поперек рва, от одного бока до другого, и служивших подпорками для нависшего бока, который иначе неминуемо обрушился бы, придавив первобытных рудокопов.

Мафу спускался первым, а Лю Пи следовал за ним на некотором расстоянии. До глубины двадцати метров они спускались при постепенно убывавшем дневном свете, проникавшем сверху. Но дальше становилось уже слишком темно. Они высекли огонь при помощи трута и огнива и засветили свои рудничные лампочки — небольшие глиняные сосуды, похожие на чайники, наполненные маслом. Фитиль из бумажной тряпки, вставленный в носик сосуда, давал слабый свет. Посредством короткой цепочки и крючка лампочка подвешивалась к поясу, оставляя свободными руки.

Еще десять метров вниз — и рудокопы добрались до дна шахты и повернули влево. Теперь золотоносная жила была у них под ногами. Они бесцеремонно топтали драгоценный кварц, уходивший еще глубже, но для них недоступный, потому что на этом уровне работе уже мешала вода, капавшая также с нависшего бока и стоявшая лужами в углублениях дна.

Шагов через тридцать Мафу и Лю Пи подошли к месту своей работы, где остался еще участок жилы выше уровня подземной воды. Кварц залегал грязно-белой ветвистой полосой почти в метр ширины, переслаиваясь с твердым сланцем и пуская отростки в висячий и лежачий бока жилы, состоявшие из того же сланца. Мафу остался на дне шахты, а Лю Пи полез по жиле метра на два вверх, где был его уступ. Рудокопы подвесили лампочки к выступам камня и принялись за свою трудную работу. Киркой они выковыривали кварц кусочек за кусочком, а если кирка не брала — загоняли ударами молота железные клинья в тонкие трещины жилы или окаймлявших ее сланцев. Но здесь кварц был очень твердый и мало трещиноватый; кроме того, отсутствовала каемка охристой глины, отделявшая в других местах кварц от боковых сланцев и облегчавшая работу, так как глина легко выковыривалась киркой, а в оставшееся пустое пространство удобно было вставлять клинья и отделять ими более крупные куски породы.

Добытый кварц ссыпался на циновку, разостлан-

ную у подножья забоя, откуда его время от времени сгребали мальчики, спускающиеся в шахту с корзинами на спине, в которых и выносили наверх золотоносную руду. Так как по крутому и длинному подъему с его первобытными ступеньками они не могли унести более 15—20 килограммов за один прием, то им приходилось спускаться и подыматься раз двадцать-тридцать в день. Мальчики настолько хорошо изучили дорогу, что обходились без освещения даже на дне шахты; они знали, где нужно нагнуться, чтобы не задеть головой о камень, где свернуть, чтобы обойти яму с водой.

РУДОНОСЫ

Прошло более часа с тех пор, как рудокопы вернулись в шахту. Все это время они неустанно долбили жилу кирками. Лю Пи колотил методически, короткими и резкими ударами. Мафу бил с размаху, изо всех сил, и чаще прибегал к клиньям и тяжелому молоту, который весело плясал в его руках, звонко ударяя по железу. Разогревшись, оба рудокопа сбросили рубашки из синей дабы и остались в одних шароварах. Их смуглые торсы блестели от пота, косички[1] были обернуты вокруг головы и спрятаны под войлочные шапочки, покрытые таким толстым слоем пыли и копоти, что по цвету не отличались от темного сланца.

— Ну и жила, будь она проклята! — воскликнул Мафу, бившийся уже минут десять над одним особенно твердым местом.— И, наверно, золота мало, ни крошки охры нет!

— Что ж, отдохнем, покурим,— отозвался Лю Пи, который был арендатором шахты, недавно взял Мафу себе в компаньоны и потому распоряжался работой.

Он спустился со своего уступа и присел на корточки возле кучки кварца, набитого его товарищем.

При тусклом свете лампочки Лю Пи стал перебирать куски белой породы; иные отбрасывал сразу, другие внимательно разглядывал.

— Напрасно бранишь жилу, золото мало-мало

[1] В Китае прежде мужчины носили косы.

есть,— сказал он, окончив осмотр и принимаясь за свою трубку.

Мафу уже курил, прислонившись к забою.

— Мало-мало — это мало,— ответил он.— Пожалуй, на еду и на инструмент не заработаешь.

— Не надо бранить жилу,— шепотом произнес Лю Пи, словно жила могла подслушать разговор.— Не знаешь разве: будешь хаять — золото совсем скроется. Подземные демоны не любят, когда люди недовольны их сокровищами. Или золота не станет, или с тобой что-нибудь приключится — камень на голову свалится, ногу сломаешь. Мы здесь в их полной власти.

— А ты видел когда-нибудь подземного демона? — спросил Мафу, недавно сделавшийся рудокопом и относившийся скептически к их суевериям. Раньше он был погонщиком в обозе, потом табунщиком при китайской кавалерии[1]. Свое настоящее имя он скрывал, так как ему пришлось бежать из Китая после нечаянного убийства во время драки.

Лю Пи беспокойно оглянулся вправо и влево.

— В фанзе расскажу, что видел, а здесь нельзя, нехорошо будет,— прошептал он.— Близко был, слышал нас,— прибавил он немного спустя.

Наступило молчание; слышно было только слабое потрескивание лампочки, висевшей на неровной каменной стене, и шипенье табака в трубках. На глубину тридцати метров с поверхности не доносилось никаких звуков; там могла неистовствовать буря, греметь гром, лить дождь — здесь царила мертвая тишина подземного царства, изредка нарушаемая стуком от падения сорвавшегося камня на дно шахты или всплеском, если он угодил в воду.

Но вот послышался легкий шум и глухо звучавшие голоса, постепенно приближавшиеся.

— Мальчики идут,— сказал Лю Пи.— У нас, пожалуй, и на две корзины не наберется руды.

Он взглянул на кучку кварца, набитого Мафу, и прикинул, что у него на уступе едва ли будет больше.

— Хватит! — буркнул Мафу и, приподнявшись, вырвал из жилы большой кусок подбитого уже кварца, который и бросил на свою кучу.

Шаги слышны были уже близко, и из темноты вы-

---

[1] Мафу — конюх, погонщик.

нырнули фигуры мальчиков с корзинами на спине. Подойдя к рудокопам, они присели на корточки рядом с Лю Пи. Пламя лампочки отразилось светлыми точками в их темных, косо прорезанных глазах, устремленных на огонь.

— Где, щенята, пропадали так долго? — ласково спросил Лю Пи.

— Бегали в горы, собирали дрова и аргал[1],— ответил младший, по имени Пао, племянник Лю Пи.

— И видели хуан-янгов[2],— прибавил второй, Хун, подскакивая от волнения,— пять больших и двух маленьких.

— Мы хотели поймать хоть одного. Совсем уж близко были,— затараторил Пао,— да они нас почуяли и умчались, как ветер.

— А вы не знаете, как поймать хуан-янга, не имея ружья? — сказал Лю Пи с лукавой усмешкой.

— Арканом разве за рога или из самострела подстрелить? — предложил Хун.

— Не нужно ни аркана, ни самострела, а только горсть соли насыпать хуан-янгу на хвост — и ты его поймаешь непременно! — серьезно заметил Лю Пи.

— На хвост?! — воскликнул Хун, разевая рот от удивления.— Да как же так? Он убежит раньше, не подпустит.

— И хвост у него очень маленький,— прибавил Пао в недоумении.

Лю Пи и Мафу расхохотались. Мальчики сообразили, что над ними шутят, и сами рассмеялись.

— Не время разговаривать,— вдруг оборвал Лю Пи.— Работа не ждет. Нагружайтесь и полезайте наверх, а когда вернетесь — принесите мне другую кайлу, моя иступилась.

Хун опустился на колени возле кучи кварца, повернувшись к Мафу спиной, а тот взял лопату и стал насыпать руду в корзину. Когда она почти наполнилась, он помог Хуну встать, и мальчик, согнувшись, зашагал в глубь темной шахты, к лестнице. Как и ру-

---

[1] Аргал — сухой помет диких и домашних животных, служащий основным топливом в Монголии и Джунгарии.

[2] Хуан-янг — «желтая коза»; так называют китайцы антилоп, которые водятся в изобилии в степях Центральной Азии; дзерен — по-монгольски.

докопы, он был без рубашки, в одних бязевых панталонах. Но у старших шаровары доходили до щиколотки, и ноги были обуты в широкие носки и туфли с толстой подошвой, а у мальчиков панталоны были только по колено, и ноги оставались голыми. Впрочем, их ступни давно уже огрубели и не боялись острых камней, а подниматься и спускаться по ступенькам шахты было гораздо удобнее босиком, чем в обуви.

Вскоре с уступа осторожно спустился и Пао с наполненной корзиной и прошел мимо Мафу. Рудокоп спросил:

— А что, буря уже началась?

— Нет еще,— ответил Пао.— Верно, будет к ночи, солнце стало совсем красное и душно.

На дне шахты опять раздался однообразный стук стали по кварцу, иногда прерываемый вздохами Лю Пи и сердитыми восклицаниями Мафу. Мальчики пробирались к началу подъема, куда еле-еле проникал слабый дневной свет. Но после полной темноты на дне шахты и этого сумеречного света было достаточно, чтобы различать ступеньки. Мальчики поднимались медленно со своей тяжелой ношей, нагнувшись вперед, и в трудных местах, где ступеньки были слишком узки или далеко отстояли одна от другой, ползли на четвереньках, хватаясь за выступы камня. Они знали, что поскользнуться означало верную гибель, потому что удержаться с полной корзиной на крутом скате невозможно, и пришлось бы катиться до самого дна. На спуске, с пустыми корзинами, они были менее осторожны, и обоим уже пришлось испытать на своих боках жесткость выступов сланца, пока они не изучили все скользкие и ненадежные места.

Чем выше, тем становилось светлее и теплее, а когда мальчики выбрались наверх, им показалось, что они попали в жарко натопленную печь. Солнце, совершенно красное и без лучей, зловеще светило на посеревшем небе. Вершины Кату еле виднелись сквозь завесу мглы. Воздух был неподвижен и удушлив. Накалявшиеся с утра голые скалы Кату, щебнистые склоны ближайших холмов и каменистая почва долины отдавали свой жар воздуху, и даже в тени не было прохлады.

Мальчики подошли к большой куче кварца, высившейся у двери фанзы, опорожнили свои корзины

и присели отдохнуть. Их смуглые тела блестели от пота, струйками стекавшего вниз и смывавшего сланцевую пыль.

— Мы почти все вынесли, что было. Доставай трубку и табак,— распорядился Пао, растянувшись на земле.

Хун проворно вскочил, подошел к глинобитной стенке дворика и извлек из трещины запрятанную туда коротенькую трубочку без мундштука и тряпочку с табаком. Мальчики давно уже украдкой от старших покуривали. У них в углу дворика, под кучкой камня, был устроен курительный прибор в виде маленького вулкана из глины. Курильщик клал в кратер щепотку табаку и уголек, ложился плашмя на землю и тянул дым через боковой канал холмика, сообщавшийся с жерлом. Но глина высыхала и трескалась, и прибор требовал ремонта чуть ли не каждый день. Иногда мальчикам удавалось воспользоваться трубкой Лю Пи или Мафу во время их послеобеденного сна, но это было связано с большим риском. Они были очень счастливы, когда нашли на дороге старую трубку.

Мальчики тщательно прятали свое сокровище и гордились им. Табак они ухитрялись таскать понемногу у старших, иногда же покупали в лавочке, если им удавалось найти крупинку золота в каком-нибудь куске кварца. Такие крупинки были в ходу среди золотоискателей, и лавочники имели особые миниатюрные весы для их взвешивания.

Хун принес трубку и табак, а затем сбегал в фанзу и выкопал из золы под каном горячий уголек. Мальчики легли рядком и поочередно затягивались из трубки, с важным видом обсуждая качества разных сортов табака и достоинства трубок.

— Когда я буду взрослым,— мечтал Пао,— я заведу себе предлинную трубку, как у сычуанца лое[1], но только мундштук будет у нее из камня, белого, как свиное сало[2], а чашечка из чистого золота.

— Такая трубка очень тяжела и неудобна,— заметил Хун.— Куда ты спрячешь ее? Ни в чулок, ни в кисет ее не засунешь.

---

[1] Лое — по-китайски господин.

[2] Нефрит — очень твердый камень, употребляемый в Китае для разных изделий.

— Нет, я буду богатым человеком,— фантазировал Пао.— Мне не придется работать самому, у меня будут шахты с золотом. Я буду сидеть на кане, курить золотую трубку, есть жареное мясо и рис и пить цветочный чай.

— А я,— мечтал Хун,— куплю себе ружье и стану охотником. Буду стрелять хуан-янгов, диких лошадей и верблюдов, даже тигров.

— А ты видел когда-нибудь живого тигра?

— Нет, живого не видел. Но когда жил с отцом в Ши-Хо, калмыки привезли в ямынь[1] мертвого тигра, которого убили в камышах на Куйтине. Ах, какой это красивый и страшный зверь: весь желтый, с черными полосами, а зубы и когти огромные, вот такие! — Хун показал свой большой палец.— Прежде чем тигра закололи, он растерзал двух лошадей и калмыка.

— О-о! — протянул Пао.— Какой злой! Что же с ним сделали в ямыне?

— Начальник взял шкуру себе, а мясо отдал солдатам. Знаешь, чтобы быть храбрым, нужно поесть мяса тигра. Все солдаты в Ши-Хо тогда поели этого мяса. И мне дали кусочек. С тех пор я и хочу стать охотником.

— Нужно бы и мне съесть кусочек тигрового мяса. Только вот сюда никогда не привозят тигров.

Выкурив две трубки, мальчики спрятали свои сокровища и пошли в шахту, захватив кувшин для воды и кирку для Лю Пи. Вблизи поселка не было ни речки, ни ключей, и рудокопы пользовались водой из своих шахт.

ЗОЛОТОНОСНАЯ ПУСТЫНЯ

На многие тысячи километров, от синих волн Тихого океана до сурового высокого Памира, «крыши мира», протянулась русско-китайская граница. Зубчатой стеной, воздвигнутой подземными силами, тянутся вдоль нее, сменяя друг друга, высокие горные цепи: Малый Хинган, Ильхури-Алинь, Кентей (Хэнтэй), Хангай, Саян, Русский и Монгольский Алтай, Саур,

[1] Ямынь — канцелярия китайского правительственного учреждения.

Тарбагатай, Барлык, многочисленные гряды Тянь-Шаня, Алая и Памира.

Сама природа создала эту величайшую стену, в сравнении с которой Великая стена, отделявшая Китай от степей и пустынь, населенных подвластными ему кочевниками, является детской игрушкой. Эта стена отгородила обширную поднебесную империю от остальной Азии и охраняла ее до недавнего времени от влияния западной культуры. Она не только высока, но и очень широка и трудно проходима.

Но есть в этой ограде китайских владений настоящие природные ворота. Они находятся там, где русско-китайская граница переламывается, идет на юг и высокие цепи Алтая уступают место еще более высоким цепям Тянь-шаня. В этом месте сравнительно небольшие горы отделены друг от друга широкими долинами, по которым не только проходят караваны, но могли бы пройти железные дороги. Через эти ворота в средние века кочевые народы Монголии, поднятые Чингиз-ханом, хлынули разрушительным потоком на запад Азии и восток Европы.

Один из горных хребтов среди этих ворот называется на западе Майли, на востоке Джаир. Майли-Джаир состоит из нескольких уступов неодинаковой высоты и различного характера.

В восточной половине Джаира особенно бесплоден средний, самый низкий уступ; горы превращаются здесь в низкие холмы, усыпанные щебнем, совершенно черным от покрывающего его «загара пустыни».

Здесь нет ни воды, ни жизни, даже ящерицу или жука увидишь редко, и только антилопы прячутся в лабиринте холмов, довольствуясь их скудной растительностью. С утра до вечера солнце жжет щебневые склоны, накаляя черные камни, и на свободе гуляет знойный ветер. Но зато пустынный восточный Джаир богат золотом, которое люди добывали еще во времена независимых ханов Джунгарии (до начала XIX века). Китайцы продолжали разработку. Золотой промысел на этой далекой окраине был свободен, каждый мог им заниматься, отдавая только часть добытого золота в китайскую казну.

Постепенно дикий Джаир оживился; вместо двух-трех рудников, работавших при ханах, возникли десятки их в разных местах. Золотоискатели построили

целые поселки возле рудников, в соседних долинах рек Эмиля (Эмеля), Манаса и Хобука возникли фермы китайских земледельцев, которые снабжали рудокопов хлебом. Золото оживило эту страну, в которой раньше жили только кочевники — казахи и монголы-калмыки. В Джаире есть и россыпное и рудное золото; но золотоносные пески, добытые в россыпи, нужно промывать, чтобы отделить песок и гальку от драгоценного металла, а вода встречается редко. Поэтому разработка россыпей развивалась слабо, и главное свое внимание золотоискатели обратили на жилы.

Каждому давалось право разрабатывать 30—35 метров золотоносной жилы по ее длине, а в глубину — сколько пожелает. Получив участок, золотоискатель огораживал его глинобитным забором, строил на нем из камня и глины фанзу для жилья и тут же во дворе начинал разрабатывать жилу, уходя по ней постепенно все глубже и глубже, пока подземная вода не останавливала его работы в глубине и пока он не встречался со своими соседями справа и слева. Тогда ему приходилось брать новый «отвод» на той же жиле в другом месте по ее длине, или на соседней, или даже в другой местности.

Так постепенно выросли поселки золотоискателей отдельными рядами по жилам Джаира, продольными и поперечными, то гуще, то реже. В этих рядах на одних участках кипела работа, на других уже замирала, а были и такие, где она прекратилась, где ограды и фанзы полуразрушились.

Не все жилы и не на всем протяжении богаты золотом. Тот, кому улыбалось счастье, уходил из Джаира с некоторым состоянием. Другие зарабатывали только на пропитание и уносили разве небольшие излишки. Третьи голодали и, пробившись некоторое время на своем отводе в надежде на лучшее, наконец, бросали его и брали новый отвод.

Добытый из жилы золотоносный кварц для извлечения рассеянного в нем мелкими крупинками золота приходилось дробить, молоть в мелкий порошок и промывать. Необходимые для этого приспособления были не по средствам отдельному золотоискателю, да ими и не стоило обзаводиться, так как всю руду, добытую за неделю, можно было перемолоть и промыть в полдня.

Поэтому в каждом поселке работали казенные мельницы, на которых руда перемалывалась тяжелыми жерновами и затем промывалась. Рудокоп доставлял на мельницу свою добычу в назначенный день и час. Руда при нем мололась, а заведовавший мельницей китайский чиновник из полученного золота тут же брал натурой известную долю в пользу казны за перемол и в счет платы за отвод, причем неизбежно обсчитывал простоватых рудокопов. Место надзирателя на руднике считалось очень выгодным и покупалось, как и другие должности в Китае, за хорошие деньги и на короткий срок.

В таком поселке, одном из трех, расположенных в долине Чий Чу, у подножия гор Кату жили наши знакомцы — Лю Пи со своим компаньоном Мафу и мальчиками-рудоносами Хуном и Пао. Поселок тянулся тремя рядами двориков по трем несколько расходившимся жилам больше чем на 600 метров наискось через долину, всхолмленную плоскими пригорками.

Рудокопы скота не держали: его нечем было кормить в этой пустыне с совершенно голой почвой, на которой лишь кое-где торчали кустики. Для ослов, вертевших жернова на казенной мельнице, фураж привозили издалека.

Не было в поселке ни женщин, ни маленьких детей. Рудокопы в большинстве своем являлись голытьбой, пришедшей издалека. Их привлекали слухи о богатом золоте Джаира. У многих и на родине не было семьи. Другие же приходили сюда на известное время года из более близких мест, расположенных у подножия Тянь-Шаня,— из округов Шихо, Манас, Урумчи, Гучен (Гучэн) — в поисках дополнительного заработка; их семьи оставались дома на родном поле, у могил предков.

Лю Пи был родом из густо населенной провинции Хенань в низовьях Желтой реки. Его отец переселился на далекий запад, на границу государства и получил землю в новом поселке по реке Манас. Многомесячное путешествие внушило мальчику любовь к передвижениям и новым впечатлениям. Подросши, он нанялся в ямщики, так как старшие братья его сами управлялись с обработкой полей. Побродив по свету, он женился, но не жил подолгу с семьями братьев, а уходил на многие месяцы на заработки в разные места.

Попав в Джаир, Лю Пи пристрастился к погоне за золотом и стал приходить сюда каждый год в надежде разбогатеть и под старость открыть лавку или постоялый двор в Чугучаке или Кульдже. Однообразная жизнь землепашца ему претила; он привык за годы скитаний постоянно встречать новых людей. Пограничные с русскими владениями города, куда приходили караваны с Востока и Запада, казались ему наиболее подходящим местом для оседлой жизни на старости лет. В последний приезд в Джаир он взял с собою племянника Пао в рудоносы, так как его собственные сыновья были еще слишком малы для этой работы. Селения на Манасе начинались всего в сорока километрах от южного подножия Джаира и в девяноста от рудника Чий Чу, так что Лю Пи работал недалеко от своего дома.

ХЫЙ-ФЫН

Солнце уже закатилось за плоские вершины высокого Джаира, когда Лю Пи и Мафу вылезли из шахты, закончив свой трудовой день. Впрочем, сумерки на этот раз наступили раньше заката, потому что солнце скрылось за вершинами гор в серую пелену, висевшую над горизонтом.

— Эге, уже совсем темно! А я думал, что мы увидим еще последний луч солнца на вершинах Кату...— сказал Мафу и чуть не растянулся на дворике во всю длину. Он полагал, что ему осталось еще подниматься несколько ступеней, и высоко поднял ногу.

— Фу ты, косолапый! — воскликнул Лю Пи, получивший тумака от пошатнувшегося товарища.— Уж больно ты спешишь! Видно, боишься остаться без ужина.

Мафу любил больше всего поесть и всегда боялся, что ему мало оставят, если он не поспеет вовремя к обеду или ужину.

— А что сегодня на ужин? — спросил он, помогая Лю Пи подбирать упавшую от толчка руду, которая еле белела на дворике при наступившей раньше времени темноте.

— На ужин? Мой рассказ о подземных демонах.

— Этим сыт не будешь после работы в шахте! Если

мальчики ничего вкусного не приготовили, я не стану слушать, а завалюсь спать, и даже твои демоны мне не помешают всхрапнуть.

— Ш-ш! — испуганно зашипел Лю Пи.— Слушай, демоны воздуха уже завыли!

Накаленный воздух темной ночи был странно неподвижен, когда рудокопы вылезли из шахты; серая мгла, надвигавшаяся с запада, уже окутала небо и скрыла звезды. Зловещая тишина царила вокруг. Но, прекратив беседу, рудокопы ясно расслышали глухой шум, шедший с запада, и резкий свист и вой, доносившиеся из ущелий Кату.

— Идем в фанзу, сейчас и у нас начнется бесовское веселье! — вскрикнул Лю Пи, подхватывая холстину с рудой.

Резкий порыв ветра пронесся над поселком, и устья многочисленных шахт приветствовали его глухим вздохом. Что-то зашуршало поблизости. Из другого конца поселка донесся хриплый и протяжный крик осла, закончившийся фырканьем, звучавшим как насмешка, и опять все стихло. Рудокопы направились к фанзе, бумажное окно которой еле светилось в темноте.

— Готов ли ужин? Что сварили? — спросил Мафу, едва ввалившись в дверь.

— Не совсем готов. Огонь плохо горит сегодня,— ответил голос Хуна, скорчившегося около топки.

На кане в осколке разбитой чашки горел в масле фитиль. Пао вытирал посуду тряпкой, которая при этом скудном освещении казалась совершенно черной.

— У-у, нахалы! За хуан-янгами опять бегали, оттого и огонь не горит,— проворчал Мафу.

Лю Пи положил в угол холстину с рудой; под вечер ему удалось наткнуться на место в жиле с видимым золотом, и он осторожно выковырял из него весь кварц и принес с собой, чтобы утром, при дневном свете, измельчить его в ступке, промыть в чашке с водой и таким способом утаить полученное золото от надзирателя, присвоив себе и казенную долю. Так поступали все рудокопы, когда им попадалось видимое золото — надзиратель обвешивал их в свою пользу, они отыгрывались иным способом, и в результате страдала китайская казна. Но предупредить утайку не

было никакой возможности; нельзя же было приставить к каждому рудокопу надзирателя.

Сложив мешок, Лю Пи подошел к топке кана, присел на корточки, достал трубку и табак и, закуривая от огня, пылавшего под клокотавшим котлом, спросил:

— Что ты настряпал, Хун?

— Гуамянь[1] с салом. Сейчас поспеет.

— Гуамянь с салом! Ай, ай, как хорошо! — воскликнул Мафу, присаживаясь на корточки возле Лю Пи и собираясь закурить.

В это время вся фанза затряслась, словно от подземного удара; по камышовой крыше, сверху покрытой слоем глины, застучали мелкие камни; из топки выбросило язык пламени; бумажное окно вздулось пузырем, угрожая лопнуть; утлая дверь широко распахнулась, и в нее глянула черная ночь и ворвались свист, гул и вой налетевшей бури вместе с тучей песку и пыли. Хун проворно, как кошка, метнулся к двери, запер ее и подпер изнутри киркой. Лю Пи взял из угла две кирки и поставил их накрест в окно, чтобы прижать бумагу.

— Еще лопнет. Засыплет нас пылью,— проворчал он, возвращаясь к кану и тревожно поглядывая на крышу: буря могла легко снести ее.

Пламя под котлом замирало, и дым проникал в фанзу — буря не давала ему выходить из низкой трубы на крыше.

Хун старался раздуть огонь под котлом, но горело плохо и дымило.

— Брось, мальчик,— недовольно проворчал Мафу, глотнувший горького полынного дыма.— Гореть все равно не будет, а глаза ест.

Мальчики вытащили из топки полусгоревший хворост, который Мафу затоптал своими медвежьими лапами, потом поставили котел, подали посуду и стали есть не совсем уварившуюся гуамянь, похожую на полупрозрачных тонких червей, плававших в горячей воде вместе с кусочками поджаренного бараньего сала. За неимением ложек гуамянь вылавливали губами и запивали ее сальной водой.

Буря продолжала свирепствовать. Порывы ее нале-

---

[1] Гуамянь — гороховая вермишель.

тали один за другим, потрясая фанзу и осыпая крышу градом мелких камешков; потрескивание колебавшейся в окне бумаги сливалось с гулом ветра, сквозь который слышались словно тяжелые вздохи, стоны, порой пронзительный свист и как бы протяжный вой волков.

— Пожалуй, и впрямь волки подошли к поселку? — предположил Мафу в промежутке между двумя чашками.

— В такую бурю никакой зверь не выйдет из норы,— ответил Лю Пи, обсасывая губы.

— Не говори! Когда я пас казенный табун в песках под Гученом, в бурные ночи волки часто подходили совсем близко, пользуясь шумом и тем, что собаки прятались, носы у них песком засыпало и чутье ослабевало. Приходилось самим за собак быть.

— А разве здесь есть волки? — поинтересовался Пао.

— Как не быть! Где хуан-янг, там и волк! — сказал Лю Пи.

— Как бы не съели сегодня ишачка с мельницы надзирателя,— заметил Мафу.— Он что-то раскричался перед бурей.

— Если съедят, завтра нам не придется молоть нашу руду,— сказал Пао.

Покончили с ужином, убрали котел, заменив его чайником. Вечером и мальчики участвовали в чаепитии, проворно вылизав свои чашки после сальной воды. Старшие закурили, младшие поглядывали на них с завистью.

ПОДЗЕМНЫЕ ДУХИ

Лю Пи выколотил горячий пепел на ладонь, положил новую порцию табаку, раскурил тем же пеплом и, выпустив клуб дыма, начал почти шепотом обещанный рассказ о демонах.

— Случилось это в Дагуне лет восемь назад. Это рудокопный поселок к востоку от нас, в конце Джаира. Там богатое золото, но воды на тридцать ли[1] кругом нет. Дикое место — скалы, щебень, даже полыни

[1] Л и — китайская мера длины, равная 576 метрам.

мало, так что с топливом худо. И жилы своенравные, как женщины. То вильнет вправо, то влево, то раздвоится; пойдешь по одной ветви — становится все тоньше и пропадет; вернешься на другую — то же самое. Ну, думаешь, пропала твоя шахта. Но вот, где-нибудь сбоку, если поискать зорко, найдется прожилок с хорошим золотом. Доверишься ему — и он вознаградит, раздуется опять в настоящую жилу. Но работа там трудная, не то, что у нас.

— Ну, и здесь не сладко,— проворчал Мафу.

— Нет, здесь жилы правильные и золото хорошее, нечего роптать на судьбу,— продолжал Лю Пи.— Так вот, имел я в Дагуне отвод в компании с одним рудокопом из Хами. Звали его Фу Пян. Он был длинный и тощий, сгорбленный, как кочерга, но хороший работник, и золото в жиле умел находить отлично. «Оно,— говаривал он,— свой запах имеет, я его чувствую».

Ну, так вот, однажды мы с ним ковыряли кварц в нашей шахте, недалеко друг от друга, искали жилу по боковым веточкам, потому что главная потерялась. В глубину нельзя было уже идти — под ногами вода, шахта старая, три раза перед нами ее уже бросали. Оставалось еще недоработанных пять размахов[1] по длине в одном боку и два размаха в вышину. А нам досадно. Ну, ковыряли, ковыряли — все напрасно, нет золота.

Вот Фу Пян и рассердился. Бросил кирку прочь и крикнул: «Чтоб дракон проглотил тебя, проклятая жила». Совсем забыл он в гневе, что в шахте нельзя так говорить. И чуть он сказал эти нехорошие слова, как над ним загремело, зашумело, и большой камень, больше нашего котла, прямо ему на ногу скатился.

Лю Пи замолк. Помолчали слушатели, потом Мафу спросил с легкой насмешкой в голосе:

— Это подземный демон в него камнем швырнул, полагаешь ты?

— А то кто же!

— Просто камень скатился. А у нас бывало это не раз.

Лю Пи презрительно пожал плечами и продолжал:

---

[1] Размах — мера длины, равная расстоянию между концами пальцев широко раскинутых рук человека.

— Он сильно поплатился: ему раздробило всю ступню, так что мы его на веревках вытаскивали наверх. Долго болел и остался хромой, больше в шахты не лазил, у надзирателя на мельнице ишаков погонял, да через два года и умер.

— Но самого демона, который камень бросал, ты ведь не видел,— настаивал Мафу.

— Они скрываются от человеческого глаза. Говорят, что только тот рудокоп, которому суждено погибнуть в шахте, перед самой смертью видит демона. Но мне все-таки случилось видеть одного, и именно в тот час, когда мне грозила смертельная опасность.

Лю Пи замолк, словно вспоминая минувшее или прислушиваясь к звукам, доносившимся в фанзу. Хый-фын бушевал по-прежнему, потрясая стены, бросая по крыше камешки, вздувая бумагу между прижимавшими ее кирками. Дверь по временам вздрагивала и потрескивала от напора ветра, а в остывшей трубе пронзительно гудело. Маленькое пламя масляной лампы колебалось, так как струйки воздуха с пылью прорывались то в щель двери, то из-под крыши, являвшейся одновременно и потолком. Рудокопы сидели, скрестив ноги, друг возле друга, вокруг лампочки, старшие с одной стороны, мальчики с другой. Их смуглые лица, выпачканные рудничной пылью и копотью, а у мальчиков сажей, еле освещались колеблющимся огоньком.

Лю Пи набил, закурил трубку и начал полушепотом, как и прежде:

— Случилось это в рудниках Ван-Чжу-Ван-цзе, что на берегу Дарбуты-речки. Я был еще молод и нанялся в рудоносы, потому что сам не умел ковырять жилу. Наш отвод был высоко на горе и шахта очень глубокая, размахов пятьдесят, а воды в ней еще не было. Мой хозяин работал ее уже пятый год, все вглубь по хорошему золоту. Руду приходилось носить по шахте вверх, а потом по горе вниз, к речке, возле которой стоял поселок. Там фанзу не всегда ставят на самом отводе, как в других местах, потому что у речки лучше: и вода тут же, и мельница, и жить приятнее. Но там я выбивался из сил при носке руды, потому что мне пришлось носить ее вверх и далеко вниз, а потом опять лезть на гору, и так все время вверх — вниз, вверх — вниз. Я был один рудонос, а

работали в шахте двое, и я еле поспевал уносить то, что они наковыряют. Отдыхать мне почти не приходилось, как ишаку на мельнице.

Носил я руду уже два месяца, дорогу знал — хоть ночью иди, не собьешься. А случился такой грех: задумался я, что ли, или воздушные демоны сбили меня с дороги,— хый-фын дул тогда сильный и глаза песком заносило,— но, идя в гору с пустой корзиной, я свернул со своей тропы и попал к чужой шахте. А шахты там, как везде, родные сестры: одна как другая, только присмотревшись, отличишь свою. Я же не думал, что сбился, и полез себе в шахту. Лезу, лезу, удивляюсь только, что ступеньки как будто не на месте, не там, где нога привыкла их находить. «Это от усталости,— думаю,— ноги ослабели», потому дело было под вечер и лез я в шахту в последний раз.

Спустился я на двадцать размахов, пока не стало совсем темно, и начал шарить в том месте, где всегда оставлял свою лампочку, идя вверх. «Куда она пропала? — думаю.— И что теперь делать?» Лезть вниз в темноте — боюсь. Лезть наверх — хозяин из жалованья вычтет за последнюю корзину. Да и лампочку во что бы то ни стало нужно найти. Опять пошарил, рассердился. «Неужели,— сказал я,— подземный демон ее утащил, мне на горе?»

Только я это сказал, совсем не громко, и осмотрелся, а внизу из темноты на меня два глаза глядят, большие, круглые и светятся, как лампочки. Я обомлел. «Это, наверно, сам демон, который стащил лампу,— думаю,— бежать надо!»

Я потихоньку подался назад — он все смотрит. Потом на ступеньку вверх пячусь. А тут как ухнет что-то мимо меня, пылью запахло, гул пошел по шахте, грохот, потом плеск в глубине. Меня чуть не сбросило вниз, едва удержался на ступеньке, к стене прислонился. Стою, ноги дрожат, руки трясутся, зубы стучат. Стало опять тихо, я в себя пришел. Смотрю — глаз в темноте уже не видно. Кинулся вверх, не помню, как выбрался из шахты, сел возле нее на камень и весь дрожу. Отдохнул; страх прошел — светло, хый-фын затихает, солнце светит, закатываясь за горы. Стал я оглядываться — вижу, шахта чужая, незнакомая, возле какого-то лога, и приметы моей нет — я каждый раз, поднявшись с корзиной из шахты, остав-

лял кусочек руды у входа, а вечером считал их и уносил с последней корзиной,— чтобы знать, сколько корзин вынес.

И как это перед спуском я не заметил, что моей кучки нет? Сбил меня с толку хый-фын, не иначе. Стал я искать свою шахту, едва нашел повыше и в стороне, шагов двести. Примета на месте, спустился, лампочку нашел. Вернувшись домой, я все рассказал хозяину. «Эх, куда ты попал,— говорит,— это шахта Чиван, давно брошенная из-за воды, в ней ключ оказался. А золото богатое было!» — «Кого же я там видел?» — спрашиваю. «Подземного демона видел! Он тебе смерть нес за то, что ты его вором назвал. Завтра, если хочешь, спустимся туда, где ты был, посмотрим, что случилось».— «Нет, я боюсь,— говорю,— как бы опять не показался».— «Хорошо, я полезу один, взгляну». На другой день повел меня хозяин к той шахте, лампочку засветил и полез. Я наверху остался, дожидаюсь. Вылез он, говорит: «Ну, Лю Пи, небо тебя спасло и духи твоих предков тебя охранили, потому что ты на волосок от смерти был. Если бы ты остался стоять, где шарил лампочку, тебя бы на месте задавило или сбросило вниз в воду, пропал бы ты бесследно. Там большой камень сорвался, свежее место видно, и все, что я там нашел, твое должно быть».

— Гляжу — мой крючок,— продолжал Лю Пи,— вот этот самый.— Он вынул из-за пояса крючок на цепочке, которым рудокопы выковыривают из жилы мягкую охристую глину, часто содержащую много золота.— В шахте я его всегда в руке имел, чтобы лучше цепляться. Должно быть, уронил от испуга. «По этому крючку я и нашел сразу то место, где ты был,— говорит.— И еще удивляюсь, как ты не скатился, спускаясь и вылезая в темноте. Ступеньки совсем плохи стали».

Лю Пи замолчал и занялся трубкой.

— Как же демон так промахнулся?

— Ну, уж не знаю! Только если бы я не поднялся на ступеньку вверх,— лежал бы я и сейчас еще в той шахте под камнем или в воде, лишился бы своего места на кладбище предков. Где бы меня искали? Старых шахт много, в иные и не спустишься — задавит. Тем бы и кончилось.

Воцарилось молчание. Буря завывала и гудела с

прежней силой. Масло в лампочке было на исходе, и пламя потрескивало и шипело.

— Не прибавить ли масла? — спросил Хун.— Скоро потухнет.

— Зачем? Нам больше делать нечего,— ответил Лю Пи.— Давайте ложиться.

Мальчики убрали чайник и посуду с кана, разостлали на циновках тонкие ватные матрасы, под изголовье положили валики и развернули одеяла. Лю Пи и Мафу вышли на двор посмотреть, все ли в порядке. Ветер бушевал почти с прежней силой, и после удушающей дневной жары теперь казалось прохладно. Густая мгла рассеялась, и на небе тускло светил месяц, мимо которого неслись разорванные тучи. Зубья Кату чернели на севере, и тучи по временам захватывали и скрывали их вершины.

— Прохладно стало! — заметил Мафу.— Завтра хорошо будет молоть руду.

— Да, хый-фын кончается, небо очистилось,— ответил Лю Пи, оглядывая двор.

Все было в порядке, только кое-где ветер нагромоздил маленькие барханы песка и гравия.

Вернувшись в фанзу, рудокопы полезли на кан. Мальчики уже заняли места у одной стены, предоставив старшим более теплую часть, ближе к топке. Рудокопы разделись догола по китайскому обычаю, сложили одежду у изголовья, потушили лампочку и завернулись в одеяла. Скоро в темной фанзе, под аккомпанемент гула в трубе, послышалось похрапывание Мафу и сопение Лю Пи.

НЕОЖИДАННАЯ ПОЖИВА

Но недолго рудокопам пришлось спать безмятежно. В дверь фанзы застучали, пытаясь ее открыть, и чей-то пронзительный голос закричал:

— Хозяин, Лю Пи! Вставай скорее, иди на помощь, вставай!

Призыв пришлось повторить несколько раз, прежде чем закутанные с головой в одеяла люди услышали его. Наконец, Лю Пи очнулся, натянул на себя шаровары и рубашку и ощупью пробрался к двери.

— Кто стучит? Что надо? — спросил он.

— Проснулся, черепаха! Я уже думал, вас хый-фын задушил,— послышалось за дверью.— Выходи скорее! Тут, возле вашего двора, волки задавили ишака надзирателя. Нужно хоть мясо спасти, пока не съели обжоры.

Лю Пи открыл дверь. За ней стоял Ли Ю, погонщик на мельнице, согнутый дугой под бременем лет. В руке его было старинное калмыцкое ружье на сошках.

— Видишь, какая беда стряслась! — сказал он.— Ишаков мы, понятно, оставили сегодня на дворе, но корму дали мало, запас кончается. Вот они во время бури и вышли на улицу, перепрыгнув через ограду. А волки, видно, были близко, отбили одного, погнали и здесь возле вас и задавили. Я услышал шум, выбежал с ружьем и выстрелил. Волки убежали. Не знаю, ранил ли кого. Неужели вы не слыхали крика, возни и выстрела?

— Где тут услышишь, спишь под одеялом, хый-фын гудит в трубе,— ответил Лю Пи.— Чего же тебе нужно от нас? Задавили у вас ишака, надзиратель купит другого, у него денег много.

— Жалко бросить мясо. Оставить так — волки придут доедать. Сейчас они только горло перегрызли и брюхо разорвали. А за ночь все сожрут.

— Так ты сядь с ружьем возле ишака и карауль до утра!

— Еще уснешь, так они и меня съедят! Стар я, Лю Пи, целый день маюсь на мельнице, не могу караулить,— плакался Ли Ю.— Нельзя ли ишака затащить к вам в фанзу?

— Нельзя, всю фанзу зальешь кровью, потом вонять будет, и с какой стати?

— Я бы отдал тебе переднюю ногу за это. Ишак молодой, жирный.

— Нет, в фанзу не возьму. А вот, если дашь заднюю ногу,— мы вдвоем утащим его на мельницу. Идет?

— Что же делать, идет! Нам хоть три ноги и туша останутся.

Ли Ю ушел. Лю Пи ощупью пробрался на свое место, отыскал огниво, высек огонь и зажег лампочку; потом стал одеваться, одновременно расталкивая спавших. Это было не так легко. Прошло минут пять,

пока они поняли, что от них нужно. Но слова «задняя нога» произвели магическое действие на Мафу. Теперь он уже торопил мальчиков.

— Понимаете, нахалы, три дня будем есть жирное мясо, вареное, жареное и пареное. Три дня и все за маленькую работу. Долго ли стащить ишака за хвост на мельницу!

Пока остальные одевались, Лю Пи достал из мешка длинную веревку, выбрал из кучки коротких жердей, стоявших в углу и принесенных для починки крыши, четыре жерди потолще и связал их концы обрывками веревки в пучок; поперек других концов, разведенных на две четверти[1] один от другого, привязал еще одну жердь. Окончив работу, он сказал:

— Ну, готово? Так идем!

Рудокопы вылезли из фанзы. Хый-фын затихал, небо почти очистилось, луна ярко светила. Бросая резкие тени, тянулись квадраты оград отводов, а между ними белели дворы и улицы, то широкие, то суживающиеся. Кату, освещенный сбоку, местами блестел яркими точками и полосами; это гладкие поверхности сланцев отражали лунный свет, как зеркала. Между острыми вершинами уходили в глубь гор темные ущелья, казавшиеся теперь особенно дикими. Левее зубья Кату сразу оканчивались, сменяясь более мягкими формами гор по реке Ангырты, которые уходили грядой вершин в белесоватый горизонт.

— Совсем прохладно! — вздрогнул Мафу после теплого кана и ватного одеяла.

— Сейчас согреемся,— утешил Лю Пи.

Из калитки дворика вышли на улицу. Она была здесь широка, так как в этой части жилы расходились и отводы на одной из них далеко отстояли от других, расположенных на соседней жиле. Собственно, это была не улица, а часть пустыни, с плоскими холмиками, старыми ямами, которые рылись в тщетных поисках возможных промежуточных жил, кучами мусора и пустой породы — безрудного камня, вынутого вместе с кварцем для расширения шахт. Эта пустыня, освещенная луной, казалась особенно неровной; резкость теней преувеличивала все бугры, кучи и холмики.

---

[1] Четверть аршина — около 18 сантиметров.

Лю Пи поглядел вперед, вправо и влево. Вблизи никого не было видно.

— О, о, о, ой, Ли Ю, где ишак? — закричал он.

— Здесь! — ответил старческий голос совсем близко, и из-за соседнего бугра поднялась тощая фигура с ружьем.— Чего долго не шли?

— Салазки ладили. По этим кочкам и ямам было бы плохо тащить,— ответил Лю Пи, направляясь к караульному. Мафу и мальчики, пожимаясь от прохлады, шли за ним молча. Они дремали на ходу.

Подойдя к Ли Ю, рудокопы увидели в небольшой впадине зарезанного ишака. Он лежал на боку, раскинув ноги и задрав голову. В толстом брюхе его чернела огромная дыра с рваными краями, в горле зияла большая рана. Кровь стояла на твердой глинистой почве лужами и казалась пролитой смолой, блестевшей под лучами луны.

— Важно отделали бедного ишака! — пожалел Пао.— Это, кажется, бурый?

— Да, бурка, молодой, глупый,— ответил Ли Ю.

— Волки не приходили больше? — поинтересовался Лю Пи.

— Приходили. Пока я вас будил да разговаривал — опять явились. Добычу изо рта вырвали у них. Они, верно, тут же по ямам сидят, ждут. Только утащим ишака, прибегут, хоть кровь слижут с земли.

— Эх, долго мы шли. А то бы я подстрелил одного! — пожалел Мафу.

Разговаривая, рудокопы вытащили ишака из ямы на ровное, чистое место, взвалили его на салазки, подтянули передние ноги к задним и связали их, чтобы не задевать за препятствия, взялись вчетвером за веревку, привязанную к жердям, и потащили. Погонщик шел сзади, подталкивая ружьем импровизированные салазки. Только они отошли шагов двадцать, как позади них протяжно завыл волк.

— Плачет, убийца,— шутил Мафу.— Дождись меня, я тебе продырявлю бок!

Тащить ишака по кочкам и ямам было трудно, и рудокопы часто останавливались передохнуть. Но затем улица стала у́же, ровнее, посреди нее появилась хорошо протоптанная тропа, и салазки поехали быстрее. Добрались, наконец, до мельницы, возле которой в глинобитном домике, отличавшемся от фанз рудо-

копов несколько большей величиной и столбом у дверей, жил сам надзиратель. Ли Ю постучал в дверь и закричал:

— Лое, лое! Мы привезли мертвого ишака, куда его спрятать до утра? Или сам выйдешь?

Изнутри послышались вздохи и ругательства. Надзиратель, очевидно, неохотно расставался с теплым каном. В ожидании его рудокопы присели на корточки, вынули трубки, высекли огонь и закурили. Ли Ю присоединился к ним. Высоко поднявшаяся луна освещала эту странную группу.

Спустя несколько минут вышел надзиратель. Это был невысокий и жирный человек, с одутловатым лицом, в большой бараньей шубе. Черные пряди шерсти смешно торчали в разные стороны вокруг круглого лица, оттопыренных ушей и обвислых щек. Рудокопы и Ли Ю встали. Надзиратель осмотрел ишака и спросил сердито:

— Где ты нашел его, ротозей?

— Возле их отвода, лое,— ответил Ли Ю, указывая на Лю Пи.— Волки только что успели загрызть его, я их отогнал выстрелом.

— Лучше бы волки заели тебя, нерадивый, черепашье яйцо[1], вместо моего ишака! Самый молодой и сильный был! Придется тебе покупать мне нового.

— Ой, лое, не гневайся! Та-жень[2], будь милосерд! Где же бедному погонщику взять денег на ишака? — и Ли Ю упал на колени к ногам надзирателя.

— Ну, ладно, за то, что ты спас мясо и шкуру, я удержу с тебя только половину цены ишака,— смилостивился надзиратель.— Стащите его на ночь в конюшню, а чуть свет нужно снять шкуру.

— Лое, этим людям я обещал заднюю ногу за то, что они помогли мне притащить ишака сюда,— заявил Ли Ю.

— Ты обещал?! — вскипел надзиратель.— Как ты смел распоряжаться моим добром?

— Не мог же я один унести такую тушу! Ведь больше целого ли до того места, где волки его заели.

— А вы,— обратился надзиратель к рудокопам,— не могли разве услужить вашему лое, не требуя награды?

---

[1] Самое обидное китайское ругательство.

[2] Та-жень — большой человек.

— Мы бедные люди, та-жень,— сказал Лю Пи.

— Ну, я бы вам дал кусок! А то целую ногу, да еще заднюю!

— Не скупись, та-жень, тебе много останется. И шкура цела, смотри, я устроил салазки, чтобы камни не испортили ее. За это к ноге прибавить нужно что-нибудь.

— Ах вы, разбойники, стыда у вас нет! Ну, ладно, пожертвую вам ногу, но только переднюю, чтобы «сохранить свое лицо», раз этот негодяй обещал ее от моего имени. А прибавкой будет одно ухо... Ну, тащите его в конюшню.

— Возьмем одно ухо! — шепнул Лю Пи товарищу.— Больше, видно, у этого скареда ничего не выторгуешь.

Рудокопы потащили салазки во двор. Надзиратель крикнул им вслед:

— Пусть утром кто-нибудь из вас придет за мясом, только пораньше, чтобы помочь этому ротозею снять шкуру...

— Я приду снимать шкуру, я хорошо умею это,— заявил Мафу.

Он вдруг заторопился.

— Побегу вперед: может, застану волка,— сказал он. Как бывший пастух, Мафу умел стрелять и привез на рудники ружье. Но охотиться было некогда, и ружье висело, запыленное, над каном. Мафу побежал во весь дух и только перед двором замедлил шаги, стараясь не шуметь. Он влез со двора на крышу фанзы и, притаившись за трубой, стал всматриваться в безжизненные кочки и бугорки, черневшие вокруг впадины, где лежал ишак. Но вот один из бугорков шевельнулся, двинулся, приподнялся. Это был волк. Он сел, поднял голову и завыл.

Рудокоп осторожно слез с крыши, бросился в фанзу, засветил огонь, снял ружье, зарядил его и так же осторожно опять полез на крышу.

Волк теперь лизал остатки крови. Положив ружье на конек крыши и лежа ничком на скате за трубой, рудокоп выжидал, нацелившись и держа палец на собачке, пока зверь повернется боком.

Где-то недалеко послышались шаги. Волк встрепенулся, поднял голову, насторожил уши и повернулся в сторону доносившегося шума, как раз боком к Ма-

фу. Грянул выстрел. Мафу поднялся и увидел, что на дне впадины билось что-то темное.

— Попал, попал! — радостно заорал он, махая ружьем. Соскочив с крыши, он выхватил из фанзы кайлу и побежал к впадине. За двором к нему присоединились Лю Пи и мальчики. Когда они подошли, волк был уже мертв. Мафу торжествующе поднял его за хвост. Волка унесли в фанзу и долго еще, покуривая, обсуждали события вечера. Мальчики первые вспомнили о теплых постелях и скрылись под одеялами. Старшие последовали их примеру, и фанза погрузилась в темноту и тишину. Было уже за полночь. Хый-фын превратился в легкий ветерок и не тревожил сна рудокопов.

НА ЗОЛОТОЙ МЕЛЬНИЦЕ

На следующее утро Мафу, которому всю ночь снилась ослиная нога то в жареном, то в вареном виде с разными вкусными приправами, проснулся чуть свет, быстро оделся и побежал на мельницу, чтобы помочь Ли Ю снять шкуру и получить от надзирателя обещанные ногу и ухо.

Остальные поднялись неспеша. Мальчики развели огонь и поставили на него котел с водой. Пока вода грелась, Лю Пи замесил тесто, раскатал его, нарезал полоски лапши шириной в палец и, когда вода вскипела, бросил их в котел. Ввиду предстоявшей переноски руды на мельницу в шахте в этот день не предполагали работать.

Едва лапша сварилась, явился и Мафу с ногой ишака в одной руке и ухом в другой.

— Скряга этот лое! — сказал он сердито.— За то, что я шкуру снимал, не дал ничего!..

Мафу заглянул в топку.

— Огонь у вас есть? Зажарим по маленькому кусочку на угольках. Пока съедим лапшу, мясо поспеет.

Лю Пи не стал противоречить. Мальчики вытащили котел из топки, Мафу нарезал мясо небольшими кусочками, нанизал их на прутики, выбранные из кучи топлива, и положил на треногу над догоравшим огоньком.

Уселись завтракать. Лапшу вылавливали из котла

продырявленной ложкой, и каждый в своей чашке поливал ее черным китайским уксусом. Ели при помощи палочек, ловко захватывая скользкие, толстые полоски теста. Потом принялись за мясо, хотя оно не совсем дожарилось. Лю Пи расщедрился и нарезал к мясу зеленого луку.

— Хорошо поели сегодня, очень хорошо! — заявил Мафу, икнув от сытости на всю фанзу.— И еще дня четыре будем хорошо есть. Мясо снесем в шахту,— там холодно, оно не испортится...

Еду запили чаем и стали собираться на мельницу. Мафу не поленился спуститься в шахту, чтобы спрятать мясо, пока Лю Пи и мальчики наполняли свои корзины рудой. За неимением животных или тележки, рудокопы носили руду на мельницу на своих спинах. Эта переноска занимала несколько часов.

Когда Мафу вернулся, все четверо, согнувшись под тяжелой ношей, потянулись гуськом по улице, повторяя путь, сделанный минувшей ночью. На мельнице они сложили руду в отдельную кучу возле жернова и вернулись домой за новым грузом. Так они путешествовали взад и вперед, пока солнце поднималось все выше и выше по совершенно ясному небу. С каждым разом становилось жарче, и тяжелая корзина больше давила усталые спины; пот выступал крупными каплями на лбу и стекал ручейками по лицу. Мальчики с утра уже ходили без рубах, в одних коротких штанишках. Мафу и Лю Пи сбросили рубахи после нескольких путешествий на мельницу и подкладывали их на спину под корзины; у них корзины были выше и шире, чем у мальчиков, и вмещали килограммов по сорок кварца.

Мельница работала с утра. Сваливая кварц, Лю Пи и Мафу перебрасывались несколькими словами с погонщиком Ли Ю и другими рудокопами, которые сами засыпали свою руду под жернова и отбивали золото на шлюзе.

Мельница была местом, где рудокопы, работавшие в своих отводах с утра и до вечера, чаще всего встречались друг с другом и обменивались новостями. Здесь можно было увидеть и приезжего казаха или калмыка, который привез на продажу барана, кумыс, кислое молоко, сыр из пенок, кошму или другой товар. Сюда же изредка приезжали нарочные из Чугуча-

ка, доставлявшие надзирателю провизию и увозившие золото, которое поступало в казну.

Вторым сборным пунктом была лавочка. Ее держал старый китаец по той же улице, дальше мельницы. К нему приходили за табаком, мукой, пшеном и другими припасами, и значительная часть золота, извлеченного из недр пустыни, переходила к нему. У него были двухколесная арба, две лошади и два ишака, и его сын постоянно ездил в Чугучак или на китайские заимки под Уркашаром за провизией и припасами.

К десяти часам утра наши рудокопы перенесли всю свою руду на мельницу. Мальчики ушли домой варить обед, причем Мафу долго и подробно рассказывал им, что и как приготовить из мяса. В это время Лю Пи помогал другому рудокопу, окончившему помол своей руды, выгрести остатки ее из-под жернова, чтобы начать засыпку своей.

Мельница для измельчения золотоносного кварца представляла собой огромную чашу, сложенную из больших глыб гладко обтесанного красного гранита. Эта чаша имела около двух метров в поперечнике, и борта ее возвышались над дном на четверть аршина (18 см). В центре был укреплен толстый деревянный столб, являвшийся вертикальной неподвижной осью. На него надевалась железная проушина горизонтальной оси, проходившей через жернов-цилиндр из того же гранита, около 40 сантиметров в диаметре, который катался по чаше, приводимый в движение бегавшим по кругу ишаком, причем упряжь животного присоединялась к другому концу той же горизонтальной оси. На дно чаши насыпалась тонким слоем кварцевая руда, и тяжелый жернов, катаясь по ней, дробил и превращал ее в муку. Руду засыпали сами рудокопы, предварительно раздробляя ее молотком на куски не больше яйца.

Чаша стояла посреди небольшого двора, а в соседнем дворе была старая шахта, богатая водой. Второй ишак приводил в движение примитивный насос, который выкачивал эту воду и подавал ее по желобу к чаше, где она смачивала раздробляемый кварц и затем стекала через отверстие у дна, унося с собой кварцевую муку. Эта жидкость грязно-молочного цвета собиралась на промывочный аппарат — длинный желоб

с ровным дном, к которому через небольшие промежутки были прибиты плоские деревянные рейки. Желоб имел небольшой наклон, и вода медленно стекала по нему, оставляя частицы золота, как самые тяжелые, во впадинах между рейками и унося большую часть кварца.

Так была устроена эта мельница. Измельчение кварца производилось недостаточно полно, воды не хватало, особенно под вечер, а в желобе улавливалось не все золото — часть его уносилась с мукой дальше и попадала в отвал, т.е. выбрасывалась. Целые холмы такой промытой кварцевой муки возвышались на пустыре возле мельницы и ждали техники с более совершенными приемами извлечения золота.

Время от времени ишаков останавливали, приток воды и катание жернова прекращали и из промежутков между рейками в желобе выгребали накопившуюся в них кварцевую муку с частицами золота, которую владелец домывал окончательно, т.е. отделял от кварца ручным способом в плоской железной чаше. При этой домывке всегда присутствовал надзиратель, оберегавший казенные и свои интересы, чтобы рудокоп не утаил часть золота.

Настала очередь Мафу и Лю Пи. Чаша была выметена, желоба очищены, и предшественник домывал свое золото под зорким оком надзирателя возле небольшого пруда, занимавшего часть двора и наполнявшегося водой, стекавшей из желоба после промывки. Из этой воды на дно пруда осаждалась принесенная ею кварцевая мука, которую время от времени приходилось выгребать и отвозить на соседний отвал. Отстоявшейся водой пользовались для промывки, когда не хватало воды в шахте.

Мафу и Лю Пи засыпали лопатами свою руду на дно чаши; погонщик Ли Ю щелкнул бичом, и ишак, отдыхавший во время чистки, свесив уши и полузакрыв глаза, встрепенулся и зашагал по кругу. Заскрипели оси, заскрежетал кварц под тяжестью катившегося по нему жернова. Одновременно на соседнем дворике забегал второй ишак, подгоняемый мальчиком, помощником Ли Ю, и из желоба полилась в чашу вода.

— Да будет вам обильный выход! — сказал Ли Ю, когда кварц заскрипел под жерновом.

— Благодарю,— ответил Лю Пи, поднимая вверх правую руку, сжатую в кулак, с оттопыренным большим пальцем, что обозначало радость по поводу доброго пожелания.

— Ну, в этот раз ничего хорошего не будет, жила обеднела,— проворчал Мафу.

— Ш-ш, болтун,— зашипел его товарищ.— Разве можно ругать жилу во время промывки? Демоны скроют все золото за такие речи.

— Ну, у тебя везде демоны! — усмехнулся Мафу.— Выдумки все это, бабьи россказни! Сколько дней я ковыряюсь в шахте, а демонов не видел и не слышал.

— Они невидимы для людей,— сердито сказал Лю Пи, принявшийся за дробление крупных кусков руды,— но слышать их можно. Когда перестанешь в шахте бить по кварцу, всегда услышишь: то щелкнет здесь, то треснет там, то запищит, как мышь. Это они при полете задевают крыльями за выступы.

— Я думаю, что это просто совы, которые живут в шахтах,— сказал Мафу.— И те огненные глаза, которые ты видел в чужой шахте на Дарбуты, тоже были совиные.

— Еще что выдумал! — крикнул Лю Пи.— Сов я видал и знаю. Помолчи лучше, если не можешь сказать ничего разумного!

Мафу улыбнулся, но спорить перестал. Некоторое время длилось молчание, зато усердно стучали молотки, дробя кварц, а жернов аккомпанировал им своим скрежещущим гулом. Вода однообразно журчала, падая из желоба, ишак также равномерно стучал копытами по твердой земле. Ли Ю сидел на корточках, и как только ишак начинал замедлять свой ход, покрикивал: «и, и, и» или щелкал бичом. По временам Лю Пи или Мафу, прерывая дробление руды, поднимались, шли вслед за ишаком и взрыхляли слой давленого кварца на дне чаши или подсыпали свежей руды, равномерно ее разбрасывая.

Рудокоп, домывавший руду, ушел с надзирателем в фанзу, где последний взвешивал золото и отделял долю казны и плату за помол.

Воспользовавшись отсутствием надзирателя, погонщик Ли Ю сказал рудокопам:

— Когда лое будет вешать ваше золото, смотрите в оба.

Лю Пи кивнул головой и сказал:

— Приходи сегодня ужинать. Жарко, надо съесть мясо, а то испортится.

— А что, лое припрятал все мясо? — поинтересовался Мафу.

— Все как есть убрал в кладовую. Целый месяц не будем покупать баранов у калмыков, сказал.

— Разве мало у него денег? Скряга! — сказал Лю Пи.— Каждый день золото с нас собирает...

— В Чугучак отсылает, семейство кормит, долги платит. За свою должность немало заплатил,— пояснил Ли Ю.

— Видно, доход имеет большой, иначе не стал бы покупать эту службу?

— Как поживаете? Кушали уже или не кушали[1]? — раздался пискливый голос появившегося во дворе китайца, опрятно одетого в длинную синюю курму[2], буро-зеленые панталоны, завязанные у щиколоток, и синие туфли на толстой подошве. Из-под черной атласной шапочки с красной шишечкой свешивалась сзади коса, искусственно удлиненная вплетенными в нее шелковыми нитками.

— О, Ван Ли уже вернулся! — воскликнул Лю Пи, отвечая на приветствие.— Как это ты успел? Или тебя хый-фын принес на крыльях воздушных демонов?

— Именно он! — засмеялся Ван Ли, присаживаясь на корточки вблизи рудокопов и доставая кисет и длинную трубку с нефритовым мундштуком.

— Какой разумный китаец поедет в далекий путь, когда хый-фын на примете? — продолжал Ван Ли, высекая огонь.— А что, сегодня много золота намоешь? Свой долг уплатишь? — обратился он к Лю Пи.

— Едва ли много, жила плоховата стала, тверда, как кремень,— ответил Лю Пи несколько смущенно.

Лавочник Ван Ли, которому многие рудокопы задолжали за припасы, имел обыкновение приходить на мельницу, когда его должники мололи руду, чтобы взыскать долг, или хотя бы часть его, тут же на месте из намытого золота. Лю Пи, не ожидавший столь быстрого возвращения Ван Ли, рассчитывал на этот раз ускользнуть от уплаты из своей рудной выручки и

---

[1] Обычное приветствие китайцев при встрече.

[2] Курма — верхняя одежда.

был неприятно поражен появлением лавочника. Но приходилось «сохранять свое лицо».

— Вот в следующий раз, наверно, золота будет больше,— сказал он.

— Все вы так говорите,— проворчал Ван Ли.— Что-то плохо стали работать в Чий Чу. Или золото кончается, или люди обленились. Каждый месяц долги нарастают. Хоть закрывай лавку...

— Правда,— подтвердил Мафу.— Исхудали наши жилы.

— Не каркай, ворон! — рассердился Лю Пи.— Накличешь худа. В жилах всегда то густо, то пусто. Перетерпим — опять хорошо будет.

ЖАДНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ

Ван Ли посидел с рудокопами и пошел в фанзу к надзирателю, с которым также имел счеты. Часа через три руда Лю Пи была перемолота и промыта. Мафу занялся очисткой чаши. Лю Пи вызвал надзирателя и в присутствии его и Ван Ли собрал драгоценные остатки из желоба и промыл их у пруда в ручной деревянной чаше, имевшей вид плоского конуса. Положив в нее несколько горстей кварцевой муки с золотом и налив воды, Лю Пи приводил чашу в быстрое вращательное движение; вода взмучивалась и, выплескиваясь через борта, постепенно уносила кварц, тогда как золото собиралось в центральном углублении. В несколько приемов были промыты все собранные в желобе остатки, и надзиратель понес золото в фанзу. Лю Пи, Мафу и Ван Ли последовали за ним.

Фанза надзирателя состояла из двух небольших комнат и кухни с земляными полами, окнами, заклеенными бумагой, и камышовыми потолками-крышами, как и в жилищах рудокопов. В первой комнате под окном стояли квадратный стол и неуклюжее жесткое кресло, на столе лежали свертки бумаги, несколько книг, кисть для писания и тушь, растертая на квадратном блюдце из мягкого сланца.

Надзиратель уселся в кресло и вынул из плоского футляра маленькие китайские весы-безмен, на костяном коромысле которого были нанесены какие-то черточки и точки. К одному концу на шелковых

шнурках была подвешена медная чашечка, в которую ссыпалось золото, а на другой конец надевалась на шнурке медная гирька. Взяв двумя пальцами шнурок, продетый через коромысло ближе к чашке, и передвигая гирьку в ту или другую сторону, можно было уравновесить чашку с золотом, а по черточкам коромысла в том месте, где шнурок гирьки был остановлен, отсчитать вес золота.

Лю Пи и Мафу, стоя позади кресла, внимательно следили за взвешиванием. Устройство безмена, употребляемого во всем Китае, было им известно, и черточки на коромысле они разбирали свободно. Но при весах этого рода точность взвешивания зависит от того, соответствует ли употребляемая гирька делениям на коромысле. Если взять гирьку более тяжелую — она уравновесит и большее количество груза на чашке, но шнурочек ее ляжет на деление, соответствующее меньшему грузу, уравновешиваемому гирькой, сделанной для данного безмена.

У надзирателя гирька по внешнему виду была правильная, с теми же значками, как на чашке безмена, но в ней часть меди была высверлена и заменена более тяжелым свинцом. Эту разницу в весе удаленной меди и заменившего ее свинца надзиратель утаивал из взвешиваемого золота в свою пользу, сверх вычета за помол руды и казенного налога, так как безмен всегда показывал вес золота немного меньше действительного.

Уравновесив весы, надзиратель дал Лю Пи взглянуть на коромысло.

— Видишь, твое золото весит ровно один лан, четыре цына и семь фынов[1]. Немного же ты наработал за последнее время! Ленился, видно. Много мяса кушаешь — оно вредно для рабочего человека.

— Жила пошла бедная, лое,— оправдывался Лю Пи.— Кварц, что кремень, такой твердый.

— Бьешь, бьешь, все руки отобьешь, а руды мало добываешь,— прибавил Мафу.

— Поздно идешь в шахту, рано вылезаешь, вот отчего мало руды,— укорял надзиратель.— А в шахте сидишь и куришь.

---

[1] 1 лан равен 37 граммам и содержит 10 цынов, или 100 фынов.

— Напрасно говоришь это,— возразил обиженно Лю Пи.— Не первый год работаю в Джаире. И просо, которое человек сеет сам на поле, растет не везде одинаково — то гуще, то реже. Тем более золото в жилах.

Надзиратель в это время писал кисточкой какие-то иероглифы на бумажке и, показывая ее Лю Пи, заявил:

— В казну следует пятнадцать фынов, за мельницу семь с половиной фынов, за ногу моего ишака, которую ты пожелал кушать, два цына...

— Лое, как же так! Ногу ишака мы получили за его доставку на мельницу! — воскликнул Лю Пи, пораженный словами надзирателя.

— Мы ее честно заработали, спасли тебе всего ишака от волчьих зубов,— добавил Мафу.

— Это слишком много за такую пустячную работу. За нее я дал вам ослиное ухо,— спокойно возразил надзиратель, ссыпая золото Лю Пи на бумажку и укладывая весы в футляр.

— Но Ли Ю обещал нам именно ногу, заднюю ногу, а не ухо! — горячился Мафу.

— Если Ли Ю обещал ногу, то и должен был дать, но только от своего ишака, а не от моего. Он не имел права распоряжаться ногой моего ишака,— сказал надзиратель спокойно и внушительно.

— Если бы мы не пришли на помощь Ли Ю, от твоего ишака не осталось бы даже шкуры, лое. Будь справедлив, прими это во внимание,— уговаривал Лю Пи.

— Хорошо, я буду справедлив. За вашу помощь я даю вам половину ноги в награду, а за вторую половину вы заплатите мне один цын — сущие пустяки за такое молодое и жирное мясо.

— Нет, это несправедливо! — воскликнул Мафу.— Сначала обещать даром, а потом брать деньги.

— Тебе тут, собственно, нечего разговаривать, приятель,— ответил надзиратель, повышая голос.— Отвод отдан Лю Пи, он принес золото, я с ним считаюсь, а тебя я не знаю. Кто ты такой? Может быть, беглый солдат или преступник?

— Это мой компаньон, лое,— заявил Лю Пи.

— Это ничего не значит. За отвод ты один отвечаешь, потому что ты здешний, старый рудокоп. Ну,

так вот: за переднюю ногу ишака я назначаю для ровного счета девять с половиной фынов, уступаю вам полфына. Если не согласны — принесите ногу назад, мы ее свесим, и половину вы получите даром в награду за помощь.

— Но она уже жарится и варится! — не утерпел Мафу.

— Тогда вам придется только согласиться на мое предложение,— спокойно возразил надзиратель,— в казну пятнадцать фынов, за мельницу семь с половиной фынов, за мясо девять с половиной, всего нужно удержать из твоего золота три цына два фына. Верно?

— Придется так,— угрюмо сказал Лю Пи.— Не вынимать же мясо из котла.

— Стало быть,— сказал надзиратель,— тебе причитается выдать золота один лан, один цын и пять фынов.

Лю Пи сделал в уме вычисления и сказал:

— Да, один лан и полтора цына.

— Вот и отвесим их.— С этими словами надзиратель опять достал весы из футляра, но только на этот раз с гирькой более легкой, слегка подпиленной. Он поставил шнурочек гирьки на деление в один лан полтора цына и затем стал насыпать золото с бумажки на чашку, пока весы не пришли в равновесие.

— Получай свое золото. В следующий раз, надеюсь, ты принесешь больше. Небеса да помогут тебе!

Лю Пи взял бумажку со своим золотом, бросив подозрительный взгляд на кучку, оставшуюся на бумажке у надзирателя и казавшуюся ему слишком большой для веса в 32 фына. Но взвешивание было произведено на его глазах и проверено им — возражать нельзя. Отвесив положенный поклон, оба рудокопа вышли из комнаты.

Надзиратель потер руки от удовольствия. Его проделка вполне удалась. Он поднял вопрос об оплате ноги ишака только для того, чтобы вызвать возмущение рудокопов, отвлечь их внимание от весов и незаметно переменить гирьки. Но Лю Пи оказался более податливым, чем он ожидал, и надзиратель прикарманил не только излишек золота, полученный при помощи обвеса неверными гирями, но и девять с половиной фынов за мясо.

— Пожалуй, на половину нового ишака я уже набрал,— пробормотал мошенник, отпирая шкатулку,

спрятанную у него в изголовье постели, и ссыпая туда золото Лю Пи.

Рудокопы, выйдя от надзирателя, наткнулись на поджидавшего их у дверей лавочника Ван Ли.

— Теперь зайдем ко мне, приятель,— пригласил последний.— Выкурим трубочку, подведем счеты, возьмете опять товару.

— Обедать пора,— возразил Мафу.— Мы придем после обеда.

— Пустяки, до лавки два шага отсюда, а до вас далеко. Мы покончим быстро, мясо не убежит.

— Иди домой, Мафу,— предложил Лю Пи,— присмотри за обедом. Надо ведь посчитаться, да и табак на исходе, соли нет, еще кое-чего не хватает.

Мафу побежал домой, а Ван Ли и Лю Пи отправились в лавку, где почти все золото рудокопа пошло в уплату долга за продовольствие. Выкурив пару трубочек и поспорив, как полагается, при проверке записей счета, нередко возбуждавших сомнение, Лю Пи нагрузился мешочками с табаком, солью, гуамянью, пшеном и другими припасами, сложил их в свою пустую корзину за спиной и медленно зашагал домой.

Он был расстроен и недоволен. Он упрекал себя за то, что был слишком уступчив и не отторговал всей ноги.

— Слыханное ли дело,— бормотал он, шагая под жгучими лучами полуденного солнца по каменистой тропе между унылыми оградами отводов, не дававшими тени,— слыханное ли дело, чтобы надзиратель рудника терял свое лицо, не краснея! Два цына за ногу дохлого ишака! Живодер, обманщик! И весы у него неверные. Его кучка должна была быть почти в четыре раза меньше моей, а она была меньше только раза в три. Нет, не нравится мне этот лое! Только и остается уйти отсюда в другое место. Поработаю еще дня два-три в шахте и, если жила не станет лучше, пойду в Ван-Чжу-Ван-цзе брать новый отвод. Там, говорят, лое хороший и место куда лучше — река, рощи, камыш, трава; веселое место. Пусть Мафу кончает, что осталось от жилы, а я пойду в Дарбуты. Места знакомые.

Так размышлял Лю Пи, шагая по раскаленной каменистой почве пустынной улицы к своей фанзе.

Недалеко от своего отвода он увидел бегущего ему навстречу Пао. Мальчик издали кричал:

— Иди же скорее, дядя! Мафу грозится, что съест все один, пока мясо не сгорело и не разварилось. Он уже сел на кан и ругается.

— Беги, скажи этому обжоре, что я иду,— усмехнулся Лю Пи, прибавляя шагу, несмотря на тяжелую ношу.

Обед вышел на славу. Наевшись досыта, рудокопы не захотели лезть в шахту и решили устроить себе полупраздник. Выспались основательно, потом пили чай, за которым Лю Пи сообщил Мафу о своем решении и обсудил с ним подробности переселения. К ужину Мафу состряпал пирожки с мясом и поджарил их в котле на кунжутном масле. Погонщик с мельницы Ли Ю не замедлил явиться, как только солнце закатилось, и компания весело провела вечер, беседуя о скупом надзирателе, его проделках и придирках, вспоминая его предшественников и разные события из жизни золотоискателей.

СЧАСТЬЕ ЛЮ ПИ

На второй день после описанных событий, уже под вечер, Лю Пи ковырял свою жилу на уступе. Работал он нехотя, так как жила была по-прежнему твердой, быстро тупила инструменты, а золота давала мало. Внизу колотил Мафу с тем же успехом, еле сдерживая проклятия по адресу подземных демонов, скрывших золото.

— Еще час поработаю — и будет! — пробормотал Лю Пи, присев отдохнуть и покурить.— Видно, ничего не получим здесь, только все кирки перепортили. Завтра пойду в Ван-Чжу-Ван-цзе искать отвод. Попадется хороший — переберемся туда. Если нет — придется сходить еще в Дагун или в Кату.

Набив трубку и закурив ее от лампочки, Лю Пи взял несколько кусочков кварца из кучки, набитой им после ухода рудоносов, и стал их рассматривать. В одном куске блеснуло крупное желтое зерно.

— Неужели золото? И хороший кусочек, пожалуй, на целый цын будет. Жила, видно, не хочет, чтобы я ушел завтра,— засмеялся Лю Пи, отложив кварц в сторону.— Ну-ка, посмотрим, нет ли еще?

Он перебрал дрожащими от волнения руками всю

свою кучку руды и нашел еще в нескольких кусках зерна золота различной величины.

— Как же это я не заметил их раньше? Забрал бы их Пао в корзину, и пошли бы они на мельницу, а потом в карман к этому мошеннику.

Отложив кусочки с золотом, Лю Пи, забыв о погасшей трубке, стал рассматривать жилу сверху донизу. Золото блестело в разных местах вдоль висячего бока то мелкими, то крупными зернами, то целыми нитеобразными прожилками. У рудокопа от волнения сперло дыханье, и рука, водившая лампочку вдоль жилы, задрожала.

«Давно не видел я столько золота в жиле! — подумал Лю Пи.— Пожалуй, ни разу даже не видел. Вот так счастье привалило! А я-то хотел уйти, бросить жилу...»

— Оно уходит и вниз,— бормотал он, проследив золотые нити и вкрапления до подошвы своего забоя.— Значит, и Мафу попадет на него, когда подвинется вперед на размах. Нужно сказать ему, чтобы он работал проворнее и не прозевал.

Лю Пи шагнул к краю своего уступа и позвал хриплым шепотом:

— Мафу, о-о, Мафу, иди сюда!

Мафу в это время присел отдохнуть и покурить, и ему не хотелось вставать.

— Ну, что нужно? Уж не демона ли опять увидел? — отозвался он недовольным тоном.

— Иди же! Золото показалось!

— Ну, и пусть тебе показалось! Мне-то что?

— Да иди же посмотреть, лентяй! Оно и у тебя будет. Большое золото!

— Правда? Ну, иду!

Мафу лениво поднялся и, цепляясь за выступы, полез на уступ к Лю Пи. Последний осветил жилу лампочкой.

— Видишь, сколько его тут? И к тебе спустилось, смотри!

— Ой, ой! — только и сказал Мафу, пораженный богатством жилы. Ему, работавшему в шахте недолго, до сих пор приходилось видеть только мелкие зерна благородного металла, изредка попадавшиеся в кварце и различимые лишь при тщательном осмотре. Здесь же золото сразу бросалось в глаза даже неопытному

человеку. Оно приветливо блестело в молочно-белом кварце, отражая свет лампочки отдельными гранями зерен, искрившимися, подобно маленьким звездам. Мафу присел на корточки у забоя и впился жадным взором в кварц; его рука невольно поднялась и стала ласкать эти зерна и нити благородного металла, спускаясь по ним до самой подошвы забоя.

— Ты только, смотри, не болтай,— сказал Лю Пи,— ни соседям, ни мальчикам ни слова, а то худо будет. Лое шкуру сдерет с нас, если узнает, что пошло богатое золото. Ой, кажется, мальчики идут за рудой.

Лю Пи замолк, и оба замерли, прислушиваясь. Из мрака шахты донесся шорох скатившегося камешка и глухой возглас.

— Идут. Спустись к себе! — скомандовал Лю Пи и, схватив кусок смятого, размокшего от подземной сырости сланца, стал замазывать им золотые зерна и нити на кварце забоя, чтобы они не бросились в глаза рудоносам и не выдали тайны.

Мафу стал спускаться на дно шахты.

— Задержи мальчиков у себя немного, пока я откину богатый кварц в сторону,— бросил ему вслед Лю Пи и принялся за сортировку кучи руды, набитой за последние часы. Одной рукой он держал лампу над кучей, другой брал кварц кусок за куском, быстро осматривал их и отбрасывал в сторону те, в которых видно было золото.

Спустившись к своему забою, Мафу осмотрел его и, убедившись, что золота в нем не видно, разыскал брошенную впопыхах трубку, набил ее и стал курить в ожидании рудоносов. Последние не замедлили вынырнуть один за другим из мрака.

— Ой, ой, как ты мало наколотил, Мафу! — воскликнул Пао, бросив взгляд на приготовленную руду.— И полкорзинки не будет.

— У Лю Пи не больше наберется. Вот, посидите немного тут, мы еще набьем, если вам мало, нахалы.

Мальчики не заставили себя просить и присели на корточки в стороне. Мафу поднялся и стал бить кварц с такой силой, что искры так и сыпались из-под его кирки. Куски руды отрывались и падали вниз, увеличивая кучку у подножия забоя.

Проработав минут пять, Мафу остановился, чтобы перевести дух.

— Хватит! — сказал Пао.— Накладывай в корзину.

— Эй, что вы там застряли! — послышался голос Лю Пи с уступа.— Хун, ползи сюда.

Когда рудоносы, погрузив кварц, собрались уходить, Лю Пи крикнул им вслед:

— Сегодня больше не нужно приходить, мальчики. Руды будет мало. Отправляйтесь за топливом в холмы.

— Только не бегайте до ночи,— проворчал Мафу.— Ужин варить нужно.

Едва мальчики ушли, Лю Пи спустился к Мафу и осмотрел его забой.

— У тебя золота еще нет,— заявил он.— Мы сегодня же начнем толочь кварц. Немного погодя ты сходи наверх и принеси сюда ступку. Теперь зевать и отдыхать нельзя. Гони свой забой вовсю, чтобы скорее добраться до золота.

Он полез к себе наверх и принялся за работу. Мафу последовал его примеру.

Целая неделя прошла в усиленном труде. Перед обедом, отправив рудоносов и наказав им заняться варкой пищи, и перед ужином оба рудокопа занимались усердным толчением кварца, отложенного Лю Пи в сторону. Потом Лю Пи промывал богатую муку в чаше, черпая воду из ямы в самом глубоком месте шахты. Крупинки золота и золотой песок, получавшиеся после этой промывки, он тщательно собирал в тряпку и прятал в укромной щели отвода, куда мальчики не заглядывали. Хранить их в фанзе Лю Пи боялся — мальчики могли случайно наткнуться на скрытое сокровище.

К концу недели забой Мафу настолько подвинулся, что и в его верхней части появилось золото. В забое Лю Пи оно также держалось все время то в большем, то в меньшем количестве. Теперь предстояло еще усиленнее заняться толчением и промыванием.

Проговорился ли Мафу или мальчики заметили, что в выносимой ими руде чаще попадается видимое золото, чем раньше, и начали выковыривать его потихоньку, обменивая у лавочника на табак и сласти, но в поселке стали поговаривать, что в отводе Лю Пи появилась богатая руда. Один сосед спросил его об этом, встретив в обеденное время на улице. Другой сам заглянул в фанзу к рудокопам после ужина и пе-

редал о слухах. Мафу и Лю Пи их отрицали, утверждая, что как-то попалось несколько зерен, но теперь идет опять мало-мало, как раньше.

С тех пор Лю Пи спал беспокойно. Он вставал несколько раз в течение ночи, подкрадывался к устью шахты и подолгу, притаившись, прислушивался. Над затихшим после дневной работы поселком чернело небо, усеянное звездами; серп луны на ущербе появлялся из-за далеких холмов и тускло освещал тесный дворик. Но шахта была безмолвна, и только изредка из темной глубины ее доносились обычные звуки: шорох сползавшего мелкого щебня или стук скатившегося камня. Порой ветер гудел в ущельях Кату и стонал, словно больной человек, заставляя Лю Пи вздрагивать.

Так прошло еще несколько дней. Тряпка с золотом в укромной щели порядочно набухла, и пришлось взять вторую. В забое Мафу золота оказалось не меньше, и перед каждым приходом мальчиков за рудой оба забоя тщательно замазывались грязью, взятой со дна ямы.

Однажды под вечер опять подул хый-фын, не такой сильный, как в прошлый раз, но не менее шумный. Тотчас же после ужина, под гул ветра, Мафу и мальчики заснули. Но Лю Пи был встревожен больше обычного и не мог задремать; последние дни он даже перестал раздеваться, чтобы при первой тревоге не терять времени на одевание.

Когда совершенно стемнело, он поднялся, тихонько вышел из фанзы и, притаившись возле дверей, стал всматриваться в темноту и вслушиваться. Небо было обложено густыми тучами, и порывы ветра приносили порой крупные капли. Стояла такая темень, что в трех шагах не увидишь человека. Подождав немного, рудокоп стал потихоньку подвигаться к устью шахты, считая шаги, чтобы не свалиться в невидимую дыру. Ветер трепал его жидкую косичку, надувал рубаху, забирался в шаровары и, после теплого кана, заставлял ежиться от холода; крупные и мелкие песчинки сыпались градом на голову.

Дойдя до устья шахты, рудокоп прилег на землю, свесив голову над еле черневшей щелью, и стал напряженно вслушиваться. Вначале из-за ветра ничего не было слышно, но вот хый-фын затих на несколько

секунд — и из глубины шахты донеслись явственные, хотя и глухие, удары.

«Эге, вор работает, золото крадет!» — подумал Лю Пи, и сердце его затрепетало от негодования. Ветер опять зашумел, но Лю Пи остался на месте, ожидая новой минуты затишья. Он лежал плашмя, всматриваясь в мрак бездны и стараясь уловить признак самого слабого света.

Хый-фын снова затих, и Лю Пи превратился в слух, зажмурив даже глаза. Снова глухие удары донеслись из глубины, и как будто блеснул слабый свет.

— Ага!.. Так!..

Лю Пи вскочил, вернулся в фанзу, ощупью добрался до Мафу и стал его расталкивать. Рудокоп ворчал и ругался сквозь сон, пока не понял в чем дело.

— Вор, говоришь, золото крадет,— проговорил он, наконец, присев на своем ложе и натягивая шаровары.— Что же мы будем с ним делать?

— Схватим, свяжем руки, золото отберем. Вора отведем к лое.

— Зачем к лое?

— Не можем же мы сами наказать его!

— Почему нет? Отлупим так, чтобы помнил и больше не приходил. А если иметь дело с лое, он станет из нас жилы мотать — за суд, за следствие, за прокорм вора в тюрьме...

— Твоя правда, Мафу. От лое дешево не отделаешься.

— Он еще тебя посадит в тюрьму за то, что скрыл богатое золото, не сдавал всей руды на мельницу. Отвод, пожалуй, отберет.

— Правда, правда, Мафу. Лое — жадный, бессовестный человек.

Мафу слез с кана, нащупал в углу веревку и прихватил на всякий случай кирку. Лю Пи достал запасную рудничную лампочку, сунул за пояс кисет, к которому были привязаны огниво и трут, и оба рудокопа вышли на двор. Мальчики ничего не слышали: завернувшись с головой в одеяла, они спали, как мертвые.

Прохладный хый-фын обдал рудокопов своим песчаным дыханием.

— Ну, и дует же, проклятый! — проворчал Мафу, вздрогнув от холода.— Лампочку не даст засветить.

— Мы спустимся размаха на три без огня, а там засветим.

— Только не бей сильно. Не убил бы ты его сгоряча,— встревожился Лю Пи.

— Ну, ладно, не бойся,— успокоил его Мафу.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Дойдя до устья шахты, Лю Пи осторожно стал спускаться в темную щель, нащупывая ногами уступы. Мафу ждал, чтобы его хозяин засветил огонь: он не решался лезть во мрак. Когда на некоторой глубине порывы хый-фына перестали ощущаться, Лю Пи высек огонь, зажег лампочку и продолжал спуск. Мафу осторожно и бесшумно следовал за ним.

Добравшись до конца спуска, рудокопы подвесили лампочку к выступу скалы и повернули по штреку, подвигаясь медленными шагами. У забоя они теперь увидели полуобнаженного китайца, который, присев на корточки, рылся в куче набитой им руды, одной рукой придерживая огарок сальной свечи, а другой отбирая богатый золотом кварц. Он так был поглощен своей работой, что не заметил приближения рудокопов.

Подойдя почти вплотную к вору, Лю Пи быстро схватил его руку с огарком, чтобы сохранить свет, а Мафу одновременно сильным нажимом на плечи опрокинул его на спину.

— Ой, ой, не убивайте меня! — завопил испуганный китаец, не пытаясь даже сопротивляться.

— Золото воруешь, негодяй! — крикнул Лю Пи.

— Я только так, посмотреть пришел. Слышал, у вас хорошее золото пошло...

— Вот я тебе покажу хорошее золото! — проворчал Мафу и, повернув пленника лицом к земле и придавив коленями ноги, начал хлестать его толстой веревкой по плечам, спине и ниже пояса. Китаец стонал и выл, вздрагивая под сильными ударами.

— Будешь ходить к нам еще? Будешь воровать золото? — приговаривал Мафу.

Когда вся спина вора покрылась красными и синими подтеками и кровь выступила коралловыми каплями на смуглой коже, Лю Пи, державший свечу, заявил:

— Довольно, Мафу! Пускай идет к черту!

Мафу стегнул еще раз-другой и встал, переводя дух. Вор продолжал лежать, дрожа всем телом.

— Не убил ли ты его? — встревожился Лю Пи.

— Веревкой человека не убьешь! — усмехнулся Мафу и толкнул вора ногой в бок со словами:

— Вставай, негодяй, и уходи, если не хочешь второй порции.

Избитый поднялся, кряхтя, на колени и потянулся за киркой, лежавшей у подножия забоя.

— Нет, кирка нам останется! — заявил Мафу и забросил ее подальше на уступ.

Вор захватил рубаху, кисет и трубку, сложенные в стороне, и, под конвоем обоих рудокопов, поплелся по штреку к шахте. Дойдя до лампы, Лю Пи приказал:

— Проводи его наверх, Мафу. Я останусь еще, приберу, что он напакостил.

Вернувшись к забою, Лю Пи тщательно осмотрел жилу. Вор, торопясь добыть побольше золота, долбил те части жилы, в которых виднелось много зерен металла; отбитые им куски кварца у подножия забоя составляли порядочную кучку. Лю Пи, бормоча проклятия, пересмотрел кварц и отложил в сторону все кусочки, содержавшие золото. За этим занятием застал его возвратившийся Мафу.

— Он грозится донести лое, что мы скрыли богатую жилу, избили его и отняли кирку. Жаль, что мы не убили его!

— Пусть себе грозится,— сердито ответил Лю Пи.— Если донесет, ему тоже непоздоровится.

— А ты знаешь его?

— Как не знать! Рудокоп из Дагуна, Цзинь Тай, что ли, зовут его. Лентяй, бездельник. Себе отвода не берет, а нанимается то к одному, то к другому хозяину и ворует у них золото. Потом шатается где-то, в Чугучаке, в Шихо, живет на краденое. Уже с год ничего о нем не было слышно, пропадал где-то. И в тюрьме он не раз сидел.

— Боюсь, что он донесет лое,— сказал Мафу.

— Прямо не донесет, а слух по рудникам пустит...

С этой ночи наши рудокопы стали трудиться еще усерднее, чтобы поскорее доработать богатое место. По ночам они поочередно спали на дворе у устья

шахты, так что вор не мог спуститься туда, не потревожив спящего. Время было еще летнее и ночи достаточно теплые.

Мальчики обратили внимание на странное поведение старших и стали внимательно пересматривать куски руды, вынесенной из шахты.

Их поиски не остались без результата; то в том, то в другом кусочке им попадались зерна золота, не замеченные рудокопами при слабом свете лампы. Мальчики усердно выбивали эти зерна и накопили себе «на черный день» порядочное количество их, храня свой капитал в тряпочке, запрятанной в щель ограды. В свободные часы они вытаскивали свое сокровище и любовались им, пересыпая золотые крупинки и оценивая их стоимость. Табаку у них теперь было вдоволь, и они позволяли себе курить не только каждый раз по выходе из шахты с рудой, но и на холмах, когда ходили за топливом. Кроме табаку, они иногда покупали и лакомства — земляные орехи ло-ху-ши, пряники, которые были так тверды, что их приходилось давить между камнями, сахар-леденец.

Через неделю после поимки вора настала опять очередь Лю Пи молоть руду на мельнице. Когда он и Мафу явились с первыми корзинками, Ли Ю встретил их возгласом:

— Вот и счастливчики явились! Увидим, какое у вас богатство, увидим! Люди говорят, что шибко много золота в вашей жиле.

— Шибко много врут,— ответил Лю Пи сердито.

— Будто врут? — усмехнулся Ли Ю.— Зря говорить не стали бы.

— Зачем зря! Гнезда иной раз попадаются, но настоящего богатства нет. А из каждого гнезда людская молва сто сделает, сам знаешь.

Ли Ю недоверчиво покачивал головой и стал просматривать высыпанную руду. В это время на двор вышел лое.

— Ну-ка, показывайте вашу богатую руду! Слышал и я, что ваш отвод под конец наградил ваши труды,— сказал он насмешливо, наклоняясь к кучке кварца.— Не видать что-то! Вы, дьяволы, наверное, все выковыряли и спрятали, а? — прибавил он строго, впиваясь прищуренными глазками в лица рудокопов.— Смотрите у меня!

— Ничего не спрятали, та-жень! — спокойно заявил Лю Пи, давно уже приготовившийся к этому допросу.— Богатые куски отложили только, в последних корзинах принесем. Сам увидишь, велико ли богатство.

— То-то! Если утаите что-нибудь, всю фанзу перерою, всю шахту осмотрю. И найду, от меня ничего не скроете. Я все знаю, что на руднике делается!

Он повернулся и пошел к себе. Но на пороге фанзы остановился и прибавил:

— Когда принесете богатую руду, позовите меня. Я посмотрю, много ли сдаете.

— Ишь, мошенник! — пробормотал Мафу, когда дверь захлопнулась.

— Сколько бы ни принесли, все скажет мало,— прибавил Лю Пи.

— А вы не очень скупитесь,— посоветовал Ли Ю.— Рассердится, придет к вам в шахту, увидит золото в забое и отнимет у вас отвод. Поставит своего человека докапывать или продаст другому рудокопу за хорошую взятку.

— Знаем мы эти шутки! — усмехнулся Лю Пи.

— Мы себе руки отшибаем и спины гнем, долбя жилу с утра до вечера! — воскликнул Мафу.— А он, жирный боров, только ест, пьет да на кане лежит.

— На то он начальник рудника и должен порядок оберегать.

— Все они на наш счет наживаются, черти! — заключил Мафу, отправляясь снова за рудой.

После нескольких путешествий взад и вперед Мафу и Лю Пи также остались на мельнице дробить руду, которую потом приносили одни мальчики. Только в конце оба рудокопа отправились домой сами, чтобы принести припрятанные в шахте богатые куски и отклонить от себя подозрение и гнев начальника. Они все же принесли куски кварца похуже, в которых, однако, также блестело золото. Когда рудокопы высыпали две неполные корзины этой дани к ногам лое, глаза начальника заблестели жадностью, и он воскликнул:

— Вот какое богатство попалось вам, счастливцы! Но, знаете, за богатую руду в казну следует платить не десятую часть золота, а пятую.

Лю Пи был поражен. Как старый рудокоп, он знал, что в казну всегда поступала десятая часть золо-

та, сколько бы ни давала жила. Выдумка начальника, очевидно, желавшего присвоить себе столько же, сколько поступало в казну, озадачила его.

— Как так, лое? — пробормотал он смущенно.— Казна получает с лана один цын, а за помол еще пять цынов, таков закон.

— Что ты учишь меня! — вскипел лое.— Так было прежде. А теперь новое распоряжение получено из Пекина: с богатой руды брать не один цын, а два, потому что казне много денег нужно. Война началась, в Туркестане мусульмане бунтуют, в Кульдже дунгане.

— Вот как! Война будет? — удивился Лю Пи.— А мы и не слыхали ничего.

— Дунгане — хороший народ,— усомнился Мафу,— чего им бунтовать?

— Дунгане и мусульмане всегда были бунтовщиками! А за помол богатой руды также плата дороже,— прибавил лое, заметив, что его выдумка об удвоении отчислений в казну не встретила сильного отпора.— За помол теперь я посчитаю по восемь фынов с лана ввиду военного времени.

— Помилуй, лое! — взмолился Лю Пи.— Этак нам придется отдать больше четвертой части нашего золота! Будь милостив!

— Новый закон требует, я должен исполнить. Если не наберем денег на войну, всем нам худо будет, дунгане ограбят всю страну.

Рудокопы замолкли. Они спорили с надзирателем больше для вида, чтобы он думал, что они сдают все золото, и ему не пришло в голову производить обыск, который мог кончиться для них плохо. Золота у них было достаточно припрятано, и уступить надзирателю лишнюю долю из предъявленного было хоть и обидно, но не очень разорительно. Надзиратель же, подозревая, что рудокопы утаили часть золота, но не надеясь на успех обыска, настаивал на своем требовании.

При взвешивании золота лое не преминул присвоить себе еще несколько цынов посредством своих двух фальшивых гирек.

Расчет был закончен около полудня.

— Вот что, Мафу,— говорил Лю Пи, подходя к фанзе.— На моем уступе богатое место уже кончается, на день-другой работы осталось, не больше. У тебя тоже конец скоро придет, потому что уклон у гнезда

к нам, а не от нас. Я свой уступ кончу и пойду в Ван-Чжу-Ван-цзе присмотреть новый отвод. Ты поработаешь пока один. Я вернусь, сдадим остаток руды и перекочуем. Здесь уж нового счастья не дождемся, а там — кто знает?

ОХОТА НА АРХАРОВ

Через два дня Лю Пи доработал свой уступ и собрался в путь: сложил в мешок запас сухарей, немного муки и соли, чайник, чайную чашку и табаку; в кисет с табаком запрятал щепотку золота, чтобы платить за новый отвод и дать задаток за фанзу. Свернул валиком свой ватный матрасик и одеяло, привязал их и кирку поверх мешка.

Сделав накануне вечером все распоряжения Мафу и мальчикам, он отправился в путь чуть свет, чтобы пройти свой поселок, никому не попадаясь на глаза и не возбуждая разговоров. До Ван-Чжу-Ван-цзе считали пятьдесят ли, и он рассчитывал быть там уже к обеду. Лю Пи предполагал пробыть в отсутствии около недели, так как не хотел действовать наобум. Нужно было тщательно осмотреть все свободные отводы, поработать день-другой на облюбованных и выбрать самый подходящий.

После ухода хозяина Мафу продолжал работать один. Он был не из трусливых и не боялся оставаться в шахте в полном одиночестве, но мысли о горных демонах, хотя он и не верил в них, временами и ему лезли в голову. Золото шло хорошее, и Мафу вслух похваливал жилу, чтобы задобрить невидимых. Так как руды стало вдвое меньше, то рудоносы спускались в шахту гораздо реже, раза четыре за день, да и то уносили неполные корзины. Мафу каждый раз задерживал их подольше разговорами, а на обед и ужин заказывал им свои любимые кушанья, подробно объясняя, как их вкуснее приготовить.

Так прошло три дня. На четвертый день Мафу заметил, что золота в жиле становится все меньше и меньше.

«Старик прав,— подумал он,— богатое место кончается».

После обеда видимого золота совсем уже не стало.

Кварц был такой же чистый и белый, как и раньше, когда он еле окупал усиленный труд рудокопов. Побившись больше часа и убедившись, что золота нет, Мафу бросил забой и до вечера занимался толчением и промывкой припрятанной богатой руды. Он решил не сдавать ни куска ее на мельницу.

«Пусть придет лое и смотрит сам во все глаза. Буду теперь только полдня ковырять ее, а полдня толочь и мыть богатое. Вернется Лю Пи — все будет готово к отъезду».

Так размышлял Мафу, вылезая вечером из шахты. Наевшись досыта и попивая чай, он вдруг сказал мальчикам:

— Вот что я надумал, нахалы: пойдем завтра на охоту.

— А как же шахта? — спросил Пао, считавший себя теперь представителем интересов своего отсутствующего дяди.

— Опять пошла крепкая руда и бедная, мальчик. Лю Пи сказал, уходя: «Когда кончится хорошее место, можешь отдохнуть, Мафу». Вот мы и отдохнем и поохотимся. В Кату пойдем, там архары есть, а нет — так хуан-янга подстрелим. Давно мы уже мяса не ели... А теперь спать ложитесь. Завтра пойдем — еще темно будет. Да приготовьте корзины, чтобы взять с собой чайник, чашки, заварку чаю, сухарей. Я почищу ружье и тоже спать лягу.

Через четверть часа в фанзе уже было темно и слышалось только храпенье Мафу, покрывавшее спокойное дыхание мальчиков. Когда молодая луна скрылась за Дарбутинскими горами и стало совершенно темно, через ограду дворика перелез какой-то человек, ползком подкрался к шахте и исчез в ее мраке. Через полчаса он вылез с тяжелым мешком и, так же крадучись, исчез за оградой. Никто не видел ночного гостя.

Когда на востоке чуть заалела заря, мальчики, спавшие беспокойно в ожидании редкого для них праздника, проснулись и разбудили Мафу. Сборы были недолги: они наскоро съели оставшуюся от ужина лапшу с луком, взяли корзины, ружье с принадлежностями, заперли фанзу висячим замком с замысловатым ключом, который запрятали в щель ограды, и пустились в путь.

Они прошли прямо через пустынную долину Чий Чу, направляясь к горам Кату, тянувшимся вдали мрачной стеной, чуть заметной в утреннем сумраке. Небо было сплошь покрыто мелкими кудрявыми облаками. С запада, с главных высот Джаира, дул довольно прохладный ветерок.

Через полчаса, когда уже было почти светло, путники достигли подножия гор, где скудная растительность пустыни стала немного обильнее: по сухим руслам, оставленным дождевыми потоками, росли более крупные кустики, частью обломанные жителями рудников, приходившими сюда за топливом. В обе стороны, словно обрезанные ножом, уходили крутые откосы хребта, голые, скалистые или покрытые осыпями щебня и обломков однообразно серого цвета.

Поднявшись по крутому конусу гальки и валунов, вынесенных водой из глубины гор, путники пошли вверх по ущелью, представлявшему такую же унылую картину: по узкому дну, усеянному серой галькой и обломками, росли кое-где чахлые кусты; с обеих сторон тянулись вверх скалистые или щебневые склоны, на которых только изредка ютились по рытвинам или между камнями мелкие кустики полыни и эфедры. Между тем на востоке восходящее солнце прорвалось сквозь легкую пелену облаков, и лучи его заиграли высоко на правом склоне, осветив мрачные скалы и гребни серых сланцев, которые заблестели, как стекло.

— Что, далеко еще, Мафу? — спросил Пао, немного уставший от быстрой ходьбы.

— Нет, недалеко. Скоро полезем наверх. Только помните, не разговаривать и идти осторожно! Архары могут быть близко.

Еще минут десять шли по ущелью, поворачивавшему то вправо, то влево и казавшемуся глубоким коридором. С обеих сторон иногда открывались боковые ущелья, круто уходившие вверх. В одно из них вскоре и свернул Мафу. Погрозив мальчикам пальцем, он пошел впереди, держа ружье наготове. Прежде чем поставить ногу, он осматривал почву, чтобы случайно не сбросить свободно лежащий камень или не наступить на сухую ветку. Мальчики старались идти так же бесшумно.

Вдруг Мафу остановился и указал на череп какого-

то животного, белевший на дне ущелья, позади большого камня. По обе стороны черепной коробки были видны огромные бурые рога с поперечными выступами и бороздами, закрученные спиралью, с отогнутыми кнаружи острыми концами.

— Архар! — прошептал рудокоп.— Старый самец.

Хун щелкнул языком от изумления, а Пао покачал головой.

— Подстрели такого же, Мафу! — сказал Хун шепотом.

К вершине ущелье, довольно круто поднимавшееся вверх, стало менее мрачным; склоны были не так круты, пучки пожелтевшей травы чаще; наконец, оно разделилось на несколько ложбин, и в разных местах показались скалистые вершины хребта, освещенные солнцем, еще невидимым для наших путников. Мафу выбрал ложбину, тянущуюся на восток, и стал подниматься по ней с удвоенной осторожностью, по временам останавливаясь и прислушиваясь. Но, кроме легкого свиста ветра в щелях между скалами и шуршанья сухих кустов, ничто не нарушало торжественной тишины горной пустыни.

Ложбина кончилась у широкой седловины, между двумя плоскими вершинами, поднимавшимися еще выше. На их поверхности в разных направлениях тянулись полуразрушенные грядки невысоких скал, а в промежутках все было покрыто плитами того же серого камня, пестревшего пятнами лишаев. В щелях кое-где пробивались пучки травы и засохшие цветы, которые качались под напором ветра, тянувшего здесь уже с востока. Мафу остановился, спустил с плеч корзину и тихо сказал:

— Подождите здесь. Я пойду туда,— он показал на восточную вершину,— посмотрю, не видно ли где архаров... Сидите на одном месте...

Мальчики послушно опустились на камни под защитой скалистого гребня, а Мафу, согнувшись, пошел к вершине. Одетый в синюю рубаху и такие же шаровары, почерневшие от рудничной пыли и грязи, он почти сливался с темным фоном скал, когда приседал возле какого-нибудь камня, выжидая и прислушиваясь, или крался в тени скалистого гребня. Верхушка горы была голая и ровная. Поэтому Мафу не полез прямо на нее, а обогнул ее с севера, прижима-

ясь к скалам, и, притаившись за камнями, стал осматривать местность, открывшуюся впереди.

Там поднимались одна за другой такие же плоские вершины, местами обрывавшиеся утесами к соседним седловинам, местами сбегавшие к ним ровным откосом или россыпью обломков. Вдали на севере и северо-востоке синела высокая стена хребта Уркашара, вершины которого были еще скрыты в тучах. «Вот там много архаров,— подумал Мафу,— да жаль, туда и в два дня не дойдешь».

Вдруг он заметил какое-то движение на соседней вершине и вздрогнул от охотничьей радости. Под невысокой грядой скал на площадке в несколько квадратных метров отдыхало маленькое стадо архаров, голов в пять или шесть; они, очевидно, уже наелись и грелись под лучами утреннего, еще не жаркого солнца; одни лежали, поджавши ноги и вытянув морды на скудной траве, другие стояли. На камне несколько поодаль возвышался, словно статуя, крупный самец, который поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, охраняя своих самок и ягнят.

Мафу прикинул глазом расстояние; оно было немного велико для круглой пули его гладкоствольного ружья. Но подкрасться ближе с другой стороны оказалось невозможным, так как ветер тогда дул бы уже не в лицо, а сбоку, и можно было спугнуть чутких животных.

Мафу спрятался за камень и приготовил оружие: осмотрел замок, насыпал свежего пороха на полку, нашел расселину, через которую видны были архары, и расставил сошки ружья; затем тщательно прицелился в старого самца, стоявшего на скале боком к охотнику, и спустил курок.

Но охотнику не повезло — получилась осечка. Щелканье курка встревожило животное. Архар повернулся грудью к Мафу, представляя уже неверную для такого расстояния цель.

Рудокоп пробормотал проклятие и опять притаился за скалой, выжидая удобного момента. Архар поднял голову и усиленно втягивал в себя воздух. Лежавшие самки и ягнята вскочили и столпились на площадке, готовые бежать при первом знаке самца.

«Того и гляди, пустятся наутек! — подумал Мафу.— Придется стрелять в кучку».

Он осторожно взвел курок, перевел ружье влево, нацелился на самую крупную самку, стоявшую боком к нему, и выстрелил. Облачко дыма закрыло от него животных. Когда оно рассеялось, площадка была пуста. Архары во главе с самцом неслись на юг вдоль по гребню горы.

«Неужели промахнулся? Теперь не догонишь, пять-шесть ли пробегут, прежде чем остановятся»,— подумал огорченный охотник.

Архары спускались крупными прыжками по россыпи глыб в ложбину, которая должна была скрыть их от глаз охотника. И тут одно из животных упало на колени, склонилось головой к земле, опять вскочило на ноги и пустилось вслед за исчезнувшим табуном.

«Подстрелил, далеко не уйдет»,— подумал Мафу, подхватил ружье и вскочил на камень.

— Эй, мальчики, сюда! — крикнул он во все горло и пустился бежать поперек вершины к россыпи, чтобы найти след раненого архара.

При звуке выстрела мальчики вскочили и высунули головы из-за своего прикрытия. Теперь они увидели Мафу на вершине и побежали ему наперерез, перескакивая через гряды скал и испуская крики радости.

На россыпи они догнали Мафу, который без труда нашел кровавое пятно на лишаях каменных плит и показал его мальчикам.

— Смотрите, архар ранен, убежит недалеко. Идем по следу!

— Большой архар? С рогами? Как ты его увидел, Мафу? Почему не позвал нас посмотреть, как стреляешь? — сыпались вопросы.

Мафу только отмахнулся от них и двинулся вперед, высматривая свежие капли крови, красневшие то тут, то там на камнях. Они привели охотника в ложбину, потом поднялись наискось по склону опять вверх, пересекли гребень, снова стали спускаться. Мафу взглянул вниз по их направлению и вдруг крикнул:

— Вот он, лежит!

— Где, где, Мафу, где же?!

— Вон бурый, на дне, возле большого камня!

Мальчики пустились бежать вниз во всю прыть. Мафу спускался теперь спокойно, не торопясь.

Архар лежал на боку, раскинув ноги и вытянув голову; струйка крови бежала из его полураскрытого рта. Он был уже мертв. Мальчики присели на корточки возле его головы, не решаясь дотронуться.

— Мафу, какой же это архар? — спросил Пао.— Почему у него рога маленькие?

— Потому что это не самец, а самка. Ну, давайте теперь свежевать ее, а то так не унесем, тяжелая. Сбрасывайте корзины. Пао, Хун, наберите хворосту, разведите огонь, поставьте чайник. Пока мы справимся с делом, чай поспеет.

Мигом корзины были сброшены на землю, мальчики стали собирать сухие стебли кустов по склонам и дну ущелья, а Мафу, поставив ружье, достал нож, поточил его о плитку сланца и принялся снимать шкуру. Скоро затрещал огонек между тремя камнями. Хун достал чайник и тут же спохватился:

— Мафу, а где же вода?

— Поищи вокруг себя; может, и найдешь,— ответил рудокоп, занятый делом.

Мальчик оглянулся кругом. Дно ложбины было совершенно сухо. Крупные и мелкие камни лежали там и сям на глинистой почве, не обнаруживавшей ни малейших признаков влаги. Скудная растительность этого дна и склонов также не свидетельствовала о близости воды.

— Сбегай, поищи, нет ли ключа где-нибудь пониже! — догадался Пао.

— А может быть, на вершине горы? — засмеялся Мафу.— То-то, нахалы! О воде вы не подумали, идя на охоту. Поищите-ка в моей корзине.

Пао проворно засунул руку в корзину рудокопа и вытащил завернутую в мешок китайскую плетеную баклагу, обмазанную черным лаком. Он встряхнул ее, потом открыл деревянную пробку, обвязанную тряпкой.

— Неужели вода? Какой догадливый наш Мафу!

Поставив чайник на камни над огнем, мальчики стали помогать Мафу снимать шкуру, по временам отрываясь, чтобы подбросить хворост в огонь. Вода вскипела, чай был заварен. А немного погодя и возня с архаром закончилась: на распластанной на земле шкуре лежали аккуратно отделенные одна от другой части животного — задние и передние ноги, ребра с позвоночником, голова и внутренности.

Охотники принялись за чай. Мафу рассказывал мальчикам о нравах и повадках архаров, о том, как самцы, загнанные охотником или волками на высокий утес, бросаются головой вниз с высоты в несколько размахов, падают на свои толстые рога, играющие в таких случаях роль пружин, и, благополучно поднявшись на ноги, убегают. Потом обсуждали кушанья из мяса архара на ближайшие дни. После чая Мафу, воздерживавшийся от курения во время охоты и свежевания, насладился несколькими трубками, а мальчики лежали на земле, следя за белыми облаками, проносившимися одно за другим по небу, видному в рамке темных склонов ущелья. Иногда облака заслоняли солнце, и тень, бросаемая ими, скользила по склонам скал. Вдруг по ущелью пробежала более густая тень и, прежде чем охотники успели сообразить, в чем дело, огромная птица спустилась на мясо, схватила переднюю ногу и, тяжело и часто взмахивая крыльями, поднялась вверх.

— Ой, кто это? — вскрикнули пораженные мальчики.

Мафу схватил ружье и следил за хищником, который нес тяжесть не по силам и медленно поднимался над склоном ущелья. Но стрелять по движущейся цели рудокоп не умел, да и его кремневое ружье не было приспособлено для этого.

Но вот орел сел со своей добычей на гребень склона, чтобы отдохнуть. Мафу быстро поставил ружье на сошки, насыпал пороху на полку, прицелился и выстрелил.

Орел дернулся в сторону, взмахнул крыльями и полетел, унося добычу дальше. Мальчики с разинутыми ртами следили за ним, пока он не исчез за скалами ущелья. Мафу испустил проклятье.

Между тем в синеве неба на большой высоте еще один орел описывал круг прямо над охотниками.

— Давайте корзины! — скомандовал Мафу.— Разлакомились, черти!

Мясо быстро было сложено в корзины. На месте охоты остались только негодные для пищи внутренности.

— Ну,— сказал Мафу,— собирайте вещи и идем!..

Чайник и баклагу уложили поверх мяса и двинулись вниз по щелью. Шли теперь под гору, но ноша была тяжелая, а солнце заливало своим светом все

ущелье, оголенные скалы дышали жаром, и скоро струйки пота потекли по смуглым лицам путников. Так они добрели до более широкой долины, спустились по ней и вышли на равнину, где стало немного легче дышать. Да и видневшиеся впереди серые фанзы поселка сулили им скорый отдых и вкусный обед.

В ПОГОНЕ ЗА ВОРОМ

Пока мальчики готовили к обеду жареную печенку, сердце и мозги, Мафу изрезал большую часть мяса на тонкие и длинные ломти и развесил их на веревке, протянутой через дворик, для сушки. Пообедав, он лег спать, приказав мальчикам караулить мясо, а после сна спустился в шахту толочь отложенную богатую руду.

Довольный охотой и вкусным обедом, Мафу спускался не торопясь, насвистывая незамысловатый мотив песни табунщиков; потом стал импровизировать: «Счастливый охотник Мафу лезет в свою шахту, где лежит еще много золота, много желтого драгоценного золота в белом кварце. Возьмет Мафу белые куски руды, в которых золото блестит везде, как звезды на ночном небе, положит их в ступку и будет толочь, распевая песню о добрых демонах, которые дали ему богатство. Рассыпется кварц в белую пыль, освободит золото, и черная вода шахты омоет его. У, как заблестит чистое желтое золото на дне таза! Много, много его там, пять лан, десять лан, двадцать лан золота из каждого таза — награда рудокопу за тяжелый труд! И возьмет Мафу свою долю желтого золота, уйдет в Чугучак, где есть и хорошая еда, и крепкая водка. Покутит Мафу всласть после многих дней работы в темной шахте».

С этими словами рудокоп подошел к подножию своего забоя, где накануне оставил аккуратно сложенную кучу богатой руды. Он осветил ее лампочкой, чтобы полюбоваться блеском золота... и песня внезапно оборвалась. Рудокоп в недоумении переводил глаза с руды на лампочку, с лампочки на забой и опять на руду. Вместо большой и правильной кучи у его ног лежали разбросанные куски руды, и в редких из них блестело золото.

Рудокоп опустился на колени и дрожащими руками стал собирать свои сокровища, поднося то один, то другой кусок к огню в надежде увидеть в нем много золота. Но увы, остались только самые бедные куски, а богатые исчезли. Черные мысли бессвязно сменяли друг друга в ошеломленном мозгу Мафу.

— Что это? Вчера было много, сегодня нет ничего. Куда девалось мое золото? — растерянно сказал он.

Мафу схватился руками за голову и стал качаться взад и вперед, бормоча проклятия и жалобы, причитая над остатками богатства. Наконец, он пришел в себя и стал обдумывать свою беду. Не горные ли демоны взяли его золото? Вдруг взгляд его остановился на одном из кусков кварца, на котором виднелось странное грязно-желтое пятно. Мафу схватил кусок, поднес к лампе, потрогал пятно пальцем, потом подержал над огнем, оно стало таять и стекать.

— Вор, вор был здесь и унес богатую руду. У горных демонов нет сальных свечей. Воры шарят с ними по забоям!..

Это открытие привело рудокопа в ярость. Перед горными демонами он был бессилен; они дали богатство, они могли и взять назад, и Мафу оставалось только жаловаться на судьбу. Но раз похитителем был человек, это меняло дело. Его можно было настигнуть, отнять покражу, наказать.

«Это, наверно, тот же негодяй Цзинь Тай, которого мы поймали здесь,— решил Мафу.— Как жаль, что я не убил его прошлый раз или не сломал ему ногу, чтобы он не мог лазить по чужим шахтам! Где его теперь найдешь? Джаир большой, дорог много, поселков тоже, а я и дорог не знаю! Если бы у меня была хорошая собака, которая умеет идти по следу, как у настоящих охотников! Ой, не говорил ли Ли Ю, когда ужинал у нас мясом надзирателева ишака, что у него есть собачка, которая умеет выслеживать? Она же привела его по следам волков к ишаку. Только вор не оставил здесь ничего своего, а следы его я затоптал! Не поможет ли кирка, которую мы у него отняли в тот раз? Но мы сами работали ею после!»

Мафу задумался. Вдруг взгляд его опять упал на кусок руды с грязно-желтым пятном, наполовину растекшимся. Широкая улыбка озарила лицо рудокопа. «Обувь этого негодяя, наверно, вся запачкана

свечным салом. И сам он пропитан этим запахом. Если собака умная, она найдет след».

Мафу схватил закапанный салом кусок руды, взял лампу и проворно вылез из шахты. На дворике он наткнулся на мальчиков, которые поспешно спрятали что-то за спину при его появлении. Но он второпях не обратил внимания на их смущение, прошел в фанзу, забрал там чайник, несколько горстей сухарей, головки лука, сложил все это в мешок, который закинул за плечи, а к поясу подцепил свой монгольский нож.

«Ружье не возьму, легче идти,— подумал он,— а с этим негодяем я и ножом справлюсь».

Выйдя из фанзы, он сказал мальчикам, которые успели уже припрятать трубку и табак и оправиться от смущения:

— Вот что, нахалы! Я должен сходить кое-куда, довольно далеко. Караульте мясо, к ужину сварите брюшину. Если я вечером не вернусь,— ложитесь спать, я могу прийти ночью или рано утром. На ночь мясо соберите и снесите в шахту.

С этими словами он сдернул с веревки несколько кусков подсохшего уже мяса, сунул их в мешок и крупными шагами направился к выходу. Мальчики в недоумении смотрели ему вслед.

Мафу быстро дошел до мельницы и через ограду заглянул во двор. Уже издали визг и скрип кварца давали знать, что жернова работают, следовательно, Ли Ю был тут. Действительно, он стоял близ ограды, похлопывая бичом и понукая ишаков. Какой-то рудокоп подбрасывал лопатой руду, а другой дробил ее в углу дворика.

— Ли Ю, приятель! — окликнул Мафу погонщика через ограду.

Ли Ю оглянулся и подошел ближе.

— Как поживаешь? Кушал ли уже? — произнес он обычное китайское приветствие.

— Как же, кушал всласть! — ответил Мафу.— Сегодня я был на охоте и добыл архара. Ты приходи ужинать, будет брюшина.

— Счастливец! Приду непременно. Давно уже не ел я такого лакомого блюда.

— А пока вот что, Ли Ю, дай мне свою собаку до ночи.

— Зачем? Опять на охоту пойдешь, что ли? Разлакомился, видно.

— Нет, вот в чем дело,— сказал Мафу, понижая голос, хотя визг жерновов и так делал их разговор неслышным для посторонних.— Пока мы были на охоте, в нашу фанзу залез вор, унес две кирки, мешок с крупой, одеяло Лю Пи. Вот я хочу при помощи собаки догнать его.

— Ишь ты, какое дело! Не знаю, сумеет ли только моя собака выследить, особенно конного: все лошади имеют одинаковый запах.

— Нет, он был пеший, по следам видно. Пойдет собака по следу — хорошо, нет — ничего не поделаешь.

— Ладно, сейчас приведу. Подожди у ворот.

Ли Ю пошел в конюшню и скоро привел к воротам небольшую калмыцкую собаку, похожую на лисицу, с пушистым хвостом, острой мордочкой и острыми ушами. От ее ошейника шла веревка.

— Получай, только не отпускай на свободу, а то убежит домой,— сказал он, передавая веревку Мафу.— Ну, счастливого пути! Ишаки, твари, уже стали.

Он побежал к упряжке, а Мафу повел собаку назад к своей фанзе, так как, выйдя со двора, сейчас же заметил след двух ног в соломенных сандалиях, вдавившийся в пыль у ограды; здесь вор, очевидно, спрыгнул на землю с тяжелой ношей. Подведя собаку, Мафу дал ей сначала понюхать кварц, закапанный салом, а потом показал ей след. Она обнюхала его и сразу повела, повизгивая от рвения. На каменистой почве пустыни видимый след исчез, но собака уверенно шла вперед. Вор пересек улицу и пошел по пустырям и брошенным, отработанным отводам, огибая с юга рудничный поселок. В одном месте он, очевидно, отдыхал лежа, так как собака привела в угол старого дворика, а затем потянула дальше; на куче песку и пыли, наметенной хый-фыном в этом углу, ясно виднелся отпечаток лежавшего тела и грубой ткани мешка.

— Целый мешок руды набрал, негодяй! — проворчал Мафу.— Цзиней[1] 50—60, наверно, унес. Ну, тем лучше, с такой, ношей далеко не уйдешь.

---

[1] Цзинь равен 500 граммам.

Скоро поселок остался позади, и след вывел на большую дорогу, шедшую из Чий Чу к речке Ангырты на запад и далее к речке Дарбуты.

«Так и есть! — подумал Мафу.— Понес к речке промывать. Погоди у меня!»

Собака рвала веревку из рук, и Мафу чуть не бежал вслед за ней. Близился вечер; солнце уже спускалось к вершинам острых Дарбутинских гор.

«До Ангырты считают 10—12 ли,— думал Мафу.— Таким ходом мы с тобой, собачка, еще засветло будем на речке. А негодяй, наверно, далеко отошел от дороги, залез поблизости в кусты. Тут мы его и накроем».

Собака бежала не останавливаясь. Местами, где на дороге было немного пыли, след сандалий виднелся отчетливо, местами же был затерт другими следами. На половине дороги встретили их два калмыка верхами.

— Здорово, джангуйда[1]! — крикнул один из них.— Куда торопишься с собачкой?

— Добрый вечер, приятель! — ответил Мафу.— По следу вора иду. Не видали ли китайца с мешком на спине?

— Нет, не видали. А что он украл?

Но Мафу не был расположен терять время на разговоры. Собака немилосердно тянула его вперед, и он крикнул, удаляясь:

— Вещи у меня украл в Чий Чу.

Дорога вышла из пустынной и голой равнины Чий Чу и вступила на плоские и однообразные холмы, окаймлявшие ее с запада. Уклон под гору стал заметней, и собака бежала еще быстрее, тем более что солнце село и в воздухе повеяло прохладой. Еще несколько поворотов — и появились небольшие скалы, а затем открылась долина речки. Густая зелень деревьев и кустов, тянувшихся по обоим берегам, резко выделялась на мрачном буром фоне холмов.

Собака чуть не вырвалась из рук, стремясь к воде. Но и рудокоп торопился утолить жажду чистой текучей водой, которой не видел уже больше полугода. На берегу ручья, склонившись к воде, животное и человек втягивали в себя прохладную влагу с одинаковой жадностью.

---

[1] Джайгуйда — хозяин.

«Куда пойдет теперь след, вверх или вниз?» — подумал Мафу, глядя на собаку, которая, утолив жажду, улеглась на землю.

Он стал тщательно осматривать почву у берега речки, состоявшую из серого песка с мелкой галькой. Но следов соломенных сандалий не было видно. Торопясь к воде, собака, очевидно, отклонилась от них.

Отдохнув немного, Мафу отвел собаку немного назад, к тому месту, где дорога выходила в речную долину, показал ей след и дал опять понюхать кварц, закапанный салом. Собака повела теперь не прямо к воде, а несколько вверх по долине, где выше брода виднелась группа тополей, дававшая хорошую тень у воды и вместе с тем защищавшая отдыхающего путника от взоров прохожих.

— Так! — пробормотал Мафу.— Вор пришел сюда, когда солнце еще грело, и выбрал это местечко для отдыха. Посмотрим, нет ли там следов его пребывания.

Действительно, на маленькой лужайке в тени, у самой воды, трава была примята. Тут же валялись несколько маленьких осколков кварца и два валуна покрупнее, которыми кусок руды был раздроблен.

— Вот как! Он сделал первую пробу,— усмехнулся Мафу.

Между тем собака потянула дальше, по узкой тропинке, извивавшейся вдоль речки.

«Ну, теперь надо быть настороже, смотреть в оба и слушать»,— подумал Мафу и приготовился к встрече: поправил мешок на спине, переложил веревку в левую руку, а в правую взял свой длинный монгольский нож.

Тропа шла то у самого берега, то уклонялась в чащу из тальника, шиповника, барбариса, стоявших зеленой стеной по обе стороны; то огибала утесы, спускавшиеся к воде, поднималась на косогор, поросший полынью, эфедрой, караганой (акацией); то, наконец, в расширениях узкой долины направлялась напрямик через заросли высокого чия, огромные снопообразные кусты которого поднимали свои метелки над головой пешехода. Солнце уже село, и кудрявые тучи на небе заалели, отбрасывая розовый свет в узкую долину.

«Пожалуй, он уже прикончил толченье и отдыхает где-нибудь в чаще, так что наткнешься на него нео-

жиданно»,— подумал Мафу, замедлил шаг и удвоил осторожность.

Но собака шла все вперед и вперед; начинало темнеть; тучки на небе посерели; кое-где заблестели крупные звезды. Навстречу путникам с верховий долины потянул прохладный ветерок.

«Уж не ушел ли он на высокий Джаир? — обеспокоился Мафу.— От брода мы отмахали, наверно, уже три или четыре ли».

КОСТЕР В ЧАЩЕ

Вдруг собака подняла голову, начала нюхать воздух и ворчать. Мафу цыкнул на нее и пошел еще медленнее. Тропа шла по густой чаще, в которой было совсем темно. Приходилось ступать осторожно, чтобы не выдать себя треском сухой ветки под ногами.

Но вот сквозь зелень забрезжил красноватый свет. Мафу подтянул собаку поближе к себе и стал подкрадываться. Послышалось журчанье воды; тропа, очевидно, приближалась к речке. Еще поворот — и Мафу остановился.

Впереди открылся вид на небольшую лужайку. Справа ее ограничивал высокий утес, слева — речка. Тропа подходила к воде и перебегала на другой берег, потому что утесы подступали к самой речке, и оттуда доносился шум небольшого водопада. На краю лужайки, под нависшими глыбами утеса, горел небольшой костер. Возле него сидел, согнувшись и положив руки и голову на поднятые колени, полуголый человек; рядом виднелись маленький таз, большой плоский камень и на нем другой, круглый, поменьше.

Пока Мафу соображал, сколькими прыжками можно настигнуть вора, последний зашевелился, взял в каждую руку по палочке с развилиной на конце, вытащил из костра белый камень и бросил его в тазик. Послышалось шипенье, и из тазика поднялся пар.

«Какой умный! — подумал Мафу.— Калит руду, чтобы легче было дробить ее. Нужно будет и нам делать так в шахте...»

Между тем человек опять опустил голову на колени. Ему, очевидно, смертельно хотелось спать, но он

не решался предаться отдыху, не закончив дробления последнего куска кварца.

«Хорошо, что я так быстро погнался за ним! — подумал Мафу.— Покончив с рудой, он сунет горсть золота в карман, и налегке пойдет шагать, куда вздумается. Но теперь ты не уйдешь!»

Выпустив собаку, которую он все время держал за морду рукой, чтобы она не лаяла, Мафу в два-три прыжка настиг полусонного человека, не успевшего вскочить на ноги, опрокинул на спину и, схватив его руки, придавил коленом живот. Тот застонал и стал молить о пощаде.

— А, мерзавец! Второй раз попался с краденым! — хрипел рудокоп.

Освободив одну руку, он отвязал веревку от ошейника собаки. Одним концом веревки он связал руки вора, а другим его ноги и сказал, вставая:

— Ну, теперь полежи смирненько, а я посмотрю, много ли ты наработал, негодяй!

Он освидетельствовал прежде всего мешок, лежавший близ костра; руды в нем не было, последний кусок ее еще калился в огне, а другой лежал в тазу. Остальное, очевидно, было уже истерто и перемыто в речке. Под мешком оказалась тряпочка, связанная узлом. Уже по ее весу Мафу догадался, что это золото, намытое из исчезнувшей руды. Он осторожно развязал тряпку, развернул ее на земле, полюбовался блеском зерен и пластинок желтого металла при свете костра, погрузил в них пальцы, потом завязал тряпку и взвесил ее на руке.

«Фунта два, пожалуй, будет,— подумал он.— А все ли здесь? Не припрятал ли негодяй часть по карманам?»

Недолго думая, рудокоп залез в карманы шаровар вора, но нашел в них только огарок свечи, завернутый в тряпку, огниво и кремень, несколько чохов (китайских латунных монет с квадратной дырочкой) и кусок черствого хлеба. Ощупывание тела пленника также не дало никаких результатов. Приходилось думать, что золото или все в тряпке, или же часть его спрятана где-нибудь в кустах. Но Мафу отверг последнюю мысль. Вор, очевидно, не рассчитывал на погоню, иначе он ушел бы дальше и спрятался для измельчения краденой руды.

Покончив обыск, Мафу убрал тряпку с золотом в свой мешок, туда же переложил остывший кусок кварца из тазика и подумал: «А недурно бы теперь поужинать». Он достал щепотку чая и бросил ее в тазик, в котором вода от раскаленного камня была нагрета до кипения, потом достал из мешка сухари и головку лука.

— Жаль, что мясо некогда варить. Ну, угощу им собаку, она честно заработала свой ужин. Поди сюда, желтая тварь!

Собака лежала поодаль, зорко следя за связанным человеком, как будто понимая, что его нужно стеречь. При оклике Мафу она поднялась и подошла ближе, виляя пушистым хвостом.

— Вот тебе награда за поимку вора! — засмеялся рудокоп, бросая ей большой кусок мяса.

Собака подхватила его на лету, отбежала на прежнее место, улеглась и, зажав мясо между передними лапами, начала уплетать его, ворча.

Подкрепившись, рудокоп закурил трубку и, повернувшись вполоборота к пленнику, стал его разглядывать, обдумывая, что сделать с ним. Цзинь Тай лежал на боку в неудобной позе, но смуглое лицо его, повернутое к огню, не выдавало волнения, естественного у человека, свалившегося с высоты благополучия и попавшего в руки врага.

— Ну, Цзинь Тай, любитель чужого золота, как мне тебя наказать? — сказал Мафу, с усмешкой глядя на пленника.

— Я в твоей власти, Мафу,— проговорил тот сдавленным голосом.— Зачем тебе губить меня? Свое золото ты отобрал. Отпусти меня, я бедный человек.

— Золото я, к счастью, отобрал благодаря этому умному псу. Но за все тревоги и хлопоты, за погоню по твоим следам, за потерю времени кто мне заплатит?

— Ну, считай, что за все это я поработал на тебя, измельчил и промыл твою руду.

— Куда же ты хотел нести золото? — полюбопытствовал Мафу.

— В Дурбульджин, в лавку.

— И давно ты занимаешься этим почтенным делом?

— Я рудокоп, как и ты,— уклончиво ответил плен-

ник.— Только часто работы нет, и я голодаю. А с голода чего не сделаешь, лое! Будь милостив, отпусти меня. Я никогда больше не покажусь в Чий Чу.

Мафу, питавший во время преследования самые жестокие намерения, теперь, при виде этого жалкого связанного человека, смягчился. Золото он вернул, в шахте богатое место кончилось, воровать в третий раз негодяю не придется. Он поднялся, вскинул на плечи мешок и сказал:

— Так и быть, не стану тебя убивать или мучить, живи себе. Но смотри: в третий раз попадешься — кости переломаю. А на твою бедность оставляю тебе руду, которая еще лежит в огне, там наберется золота на хлеб на неделю-другую. Пойдем, собачка, домой!..

Мафу свистнул и повернулся, чтобы идти.

— Лое, развяжи меня, прежде чем уйти! — взмолился пленник.— Как же ты меня оставишь связанного одного, в чаще, ночью? Тут волки есть... огонь погаснет, они придут.

— Сам развяжешься! Веревки скоро ослабнут,— усмехнулся Мафу.

И, не обращая больше внимания на просьбы связанного, Мафу, сопровождаемый собакой, исчез в чаще. Слабый свет костра освещал тропинку на небольшом расстоянии от лужайки, но далее уже было совершенно темно; приходилось идти осторожно, чтобы не наткнуться лицом на колючую ветку или острый сук. Собака бежала по тропе впереди и, когда Мафу отставал, звала его коротким лаем.

Постепенно глаза освоились с темнотой и стали различать извилистую тропу. Когда она выходила на лужайку или поднималась на склон, над путником развертывалось темное звездное небо, в которое справа и слева словно упирались черные массы скалистых откосов долины. Ветер затих, и только речка явственно журчала то ближе, то дальше. Вдруг собака остановилась, подняла голову и глухо заворчала. Словно отвечая ей, с одного из склонов донесся протяжный вой.

— Ишь ты, подлец, близко ходит,— проворчал Мафу.— Пожалуй, пожалею, что не взял ружья.

Мафу прибавил шаг и вскоре вышел к броду. Тут уже началась дорога по холмам и степи, и можно было идти быстро. Чтобы отогнать волков, рудокоп за-

пел песню пастухов, заунывную китайскую песню, которой они коротают длинные осенние вечера у костра среди песчаных холмов, под свист ветра в рощах саксаула, необычного дерева с листьями, похожими на мелкие чешуйки. Он вспомнил жизнь, которую вел несколько лет в песках под Гученом, жизнь, полную невзгод, но привольную, всегда под открытым небом, под лучами солнца, обильную приключениями. И особенно противной показалась ему мрачная шахта и тяжелая, скучная работа над твердым кварцем, редко вознаграждавшим труд крота-рудокопа.

«Ну, теперь мы добыли достаточно золота! — подумал он, быстро шагая вслед за собакой по пыльной дороге.— Рассчитаюсь с Лю Пи и уйду опять куда-нибудь на новое место...»

А в это время на лужайке под нависшим утесом догоравший костер еле освещал связанного человека. Много раз пытался он как-нибудь ослабить путы, стягивавшие его посиневшие и онемевшие руки. Старая, но крепкая веревка не ослабевала, и все усилия были тщетны.

А зловещий вой волков раздавался все ближе. Сначала завыл один — высоко на склоне долины; второй откликнулся на другой стороне, третий чуть слышно — выше по речке. Почуяли легкую добычу, серые! Перекликаясь, стали спускаться вниз, порой замолкая и прислушиваясь!

Безжалостный рудокоп уже далеко, не услышит мольбы о помощи. Догорает костер, угольки подергиваются пеплом. Еще полчаса — и огня не будет, драгоценного огня, пугающего хищников.

Вот уже слышен шорох в кустах то с одной, то с другой стороны. Подкрались голодные звери, высматривают через ветви, что делается на поляне под утесом. Из-под нависших ветвей куста высунулась острая морда. Два глаза, в которых красными пятнами отражаются угли костра, уставились на человека. Верхняя губа поднялась и обнажила белые острые зубы. Раскрылась пасть, зверь облизнулся длинным языком, предвкушая теплую, красную кровь. Припал к земле и ползком подвигается вперед.

Неистовым голосом закричал человек и заметался в тоске. Испуганный зверь отпрянул назад в кусты. Хоть бы что-нибудь для поддержания огня! Но ничего

нет. Он сам бросил последнюю охапку в костер перед тем, как его настигли. Проклятое золото! И все это произошло из-за этих тяжелых зерен в белом камне.

В другом месте показалась острая морда и глядят алчные глаза. Неужели так и погибнуть под волчьими зубами, которые вонзятся в тощее горло и начнут рвать живое мясо? Нужно пережечь веревку, не теряя ни минуты, хотя бы пришлось прожечь руки до кости! Все лучше, чем погибнуть зарезанным, словно баран. Скорее, пока еще тлеют угли! Он с усилием поднялся, присел и стал подвигаться, ерзая, к кучке углей. Острая морда опять скрылась в кустах.

Взгляд несчастного упал на палочки, которыми он вынимал из костра накаленный кварц, чтобы бросить его в воду. Не помогут ли они? Он изогнулся, подхватил губами обе палочки, потом, перебирая их во рту и помогая связанными руками, засунул концы их поглубже и стиснул зубами. Щипцы готовы, но владеть ими не легко. Нагнувшись над тлеющей кучей, он пытается захватить палочками уголек. Но они вертятся во рту, и угольки выпадают. Наконец удалось — красный уголек поднят и приложен к веревке у кисти; пенька затлела, жжет и тело. Стиснув зубы, чтобы не выронить огонь, бедняга терпит боль: все же это куда легче, чем положить на угли всю руку до локтя. Пенька тлеет, и запах гари щекочет в носу. А враги уже чуют, что жертва вот-вот ускользнет от них. Один совсем вылез из-под куста, другой появился позади него. Только страх перед огнем удерживает их. Но угли подернулись пеплом, и лишь кое-где светятся еще красные точки.

Почти истлела в одном месте веревка, но кончился и уголек. Теперь бы небольшое усилие — и путы свалятся. Но онемевшие руки неподвижны, словно одеревенели. Несчастный, выплюнув палочки, дует на тлеющую веревку, чтобы не погас спасительный огонь. Медленно перегорает и рвется прядь за прядью; вот и последняя прядь разорвалась.

Мучительно горит обожженная кожа. Ближайшие изгибы веревки ослабли, кровь приходит в движение и колет тысячами иголок. Но это пустяки, теперь он спасен! Пальцы одной руки уже шевелятся. А волки ждут. Теперь при еле заметном свете костра их глаза сами светятся, уставившись на человека.

Рука движется! Петля за петлей разматывается; вот и вторая рука, подтянутая снизу к первой, свободна. Но они еще плохо слушаются и не могут развязать узлов на ногах. Пусть немного отдохнут, а пока нужно раздуть огонь...

Нагнувшись совсем близко к кучке углей, покрытых пеплом, человек осторожно начинает раздувать их, подбрасывая понемногу сухие листья и мелкие веточки, сгребаемые с земли.

Вспыхнул и затрещал огонек. Человек оглянулся — волки отползли в недоумении к кустам. Он протянул руку, взял круглый камень, которым дробил золотую руду, и швырнул его под куст, где светились три пары глаз, друг возле друга. Хриплый вой, треск веток. Глаза исчезли. Но звери притаились и ждут.

Теперь он развязывает свои ноги. И они отекли, не стоят. Он подползает к утесу, собирает толстые сучья и бросает в костер. Огонь жадно лижет их красными языками, разгораясь все больше. Ярко пылающий сук летит в кусты, где притаились волки; и там сухие листья, мертвые побеги, ветки дают хорошую пищу огню. Пылает новый костер, скручиваются и вспыхивают зеленые листья, и снопы искр взлетают вместе с дымом. Еще один пылающий сук летит в противоположную сторону от поляны, и там загорается третий костер. Отбегают далеко перепуганные звери, щелкают зубами.

Теперь можно отдохнуть без помехи. Человек, пошатываясь, идет к ручью, захватив с собою тазик; долго пьет он, присев у воды, и освежает обожженную руку. Потом возвращается к костру с охапкой хвороста, подбрасывает его в огонь и ложится на землю под навесом утеса. Каменная стена у него за спиной, спереди костер. Огонь в кустах долго будет гореть, находя все новую и новую пищу. Можно спать до рассвета спокойно.

ОБЫСК

Мафу вернулся домой около полуночи. Мальчики спали так крепко, что не слышали, как он вошел, засветил огонь, жадно поел обильные остатки ужина, потом с лампочкой в руках залез головой и плечами в

топку кана и закопал глубоко в землю под слоем золы тряпку с золотом, отнятым у вора.

«Если не этой ночью, то завтра утром лое непременно сделает осмотр нашей шахты»,— решил он за ужином и принял свои меры.

Проснулись, по обыкновению, рано. Пока мальчики варили завтрак, Мафу спустился в шахту, отобрал из руды, оставленной вором у забоя, все куски с видимым золотом, вынес их на поверхность и высыпал на пустыре, в стороне от отвода, в ямку, которую прикрыл разным мусором. Таким образом, и шахта была приготовлена для осмотра надзирателя: пусть теперь ищет, где богатая жила Лю Пи!

Некоторое беспокойство внушало Мафу то обстоятельство, что со времени последнего размола руды на мельнице они приготовили мало нового кварца — куча его во дворе была очень невелика. Ведь Лю Пи и он всю богатую руду толкли и промывали в шахте, а рудоносам оставалось очень немного для выноса на поверхность. Поэтому, вернувшись в шахту, Мафу с ожесточением начал бить свою обедневшую жилу, выламывая целые глыбы кварца, который, на его счастье, стал очень трещиноват. Мальчикам за это утро пришлось три раза спускаться за рудой и выносить корзины, наполненные доверху.

Они только что высыпали в третий раз свои корзины на заметно увеличившуюся кучу и собирались отдохнуть и покурить, как их внимание привлек необычайный шум на пустынной улице. Слышны были щелканье бича, звон колокольчиков и бубенчиков и протяжные крики «и-и-и-и-и», словно приближалась большая кавалькада. Мальчуганы мигом очутились на ограде и выглянули на улицу.

К ним приближалась скорым шагом кучка китайцев, среди которых на рослом ослике, увешанном колокольчиками и бубенчиками, ехал чиновник; его можно было узнать по черной шляпе с отворотами и синей кофте с вышитыми драконами. Рядом с ишаком, бежавшим легкой рысью, семенил запыхавшийся Ли Ю, поощрявший животное гортанными криками, а иногда и ударами плети. Впереди всадника, по бокам его и сзади шли солдаты, человек шесть или семь, с копьями в руках, с луками и колчанами за плечами; на их синих грязных и рваных куртках были

нашиты на груди красные иероглифы, а головы повязаны по-бабьи: синими платками. За солдатами шли любопытные, человек тридцать взрослых и подростков.

Процессия остановилась у калитки. Ли Ю открыл ее и под уздцы ввел ишака во двор; за ним последовали солдаты. Любопытные остались на улице, заглядывая поверх ограды. Пао и Хун, полураскрыв рты от удивления, смотрели, как два солдата, подхватив жирного чиновника под руки, бережно спускали его на землю, словно хрупкий сосуд с драгоценной влагой.

— Где хозяин отвода? — обратился он к мальчикам, пронизывая их хмурым взором своих косо прорезанных, заплывших жиром глаз.

— Лю Пи нету, а Мафу в шахте,— ответил Хун.

— Живо беги за ним, мальчик! — скомандовал надзиратель, и Пао не замедлил исчезнуть в черной дыре.— А ты останься,— сказал он Хуну, схватив его за косичку.— Где ваша руда?

— Вот она здесь на дворе! — Хун указал на белевшую кучу кварца.

— Что так мало? Куда еще носите?

— Никуда больше не носим.

— А золото где спрятано?

— Я не знаю... Золото у хозяина, у Лю Пи.

— Обыщите фанзу! — приказал надзиратель солдатам.— Ищите в мешках, в одежде, в сухарях.

Три солдата направились в фанзу. Остальные занялись осмотром двора, тыкали копьями в землю, где она казалась им взрытой.

Не выпуская из рук косички Хуна, надзиратель направился к фанзе и с трудом протиснулся в узкую дверь. В фанзе шел тщательный осмотр; один солдат, сидя на корточках на кане, разворачивал и вытряхивал одеяла и свернутую одежду, щупал и мял валики, набитые ватой и заменявшие подушки; отворачивал циновки, покрывавшие лежанку. Другой рылся в мешках с провизией, третий концом копья тыкал твердо утоптанную землю пола.

— В топке посмотри! — скомандовал надзиратель.

Солдат сунулся к топке; там горел огонек и на треноге в большом котле грелась вода для обеда. Солдат заглянул в глубь отверстия, просунул туда копье, потыкал в разных местах золу и сказал:

— Ничего нет, та-жень.

— Выгреби всю золу, посмотри в ней,— приказал надзиратель.

Солдат стал выгребать концом копья золу из топки; другой, кончивший безрезультатный осмотр ложа рудокопов, шарил в золе руками. Надзиратель, все еще придерживая Хуна за косичку, следил за этой работой.

В это время в фанзу вошел Мафу, за которым выглядывало недоумевающее лицо Пао.

Мафу при виде солдата, шарившего в топке, побледнел и, чтобы скрыть смущение, низко поклонился и пробормотал:

— Ты звал меня, та-жень, я пришел.

— Это рабочий, Мафу! — пояснил Ли Ю, стоявший у дверей.

— Где хозяин отвода? — резко спросил надзиратель, рассерженный тем, что обыск не дал еще результатов.

— Лю Пи ушел домой, на Манас ушел. Жена его очень заболела, умирать хочет,— заявил Мафу, следя глазами за солдатами, выгребавшими золу.

— Вот как! И много золота домой понес?

— Мало-мало понес, лое. Сколько у тебя после размола получили — все взял. Лечить надо, хоронить надо, если умрет.

— А ты что без него делаешь?

— Работаю в шахте, лое.

— И золота в жиле много по-прежнему?

— Совсем мало стало, лое. Обманула нас жила; едва показалось хорошее золото и снова скрылось.

— Так я тебе и поверил, негодяй. Золото скрылось, да только где-нибудь здесь, а не в жиле.

— Если не веришь, лое, посмотри сам, своими глазами,— спокойно возразил Мафу, убедившись, что солдат выгреб только золу из топки и не собирался раскапывать в ней землю.— Вот на дворе наша руда, совсем бедная, посмотри сам. Спустись к нам в шахту, осмотри жилу — нет золота. Таких кусков, как мы приносили на мельницу, больше не попадается.

— И посмотрю, сам посмотрю,— крикнул надзиратель.— Ну, что, нашли что-нибудь в золе, в мешках, в кане? — обратился он к солдатам.

— Ничего нет, та-жень!

— А на дворе? Позовите тех, кто искал на дворе!

Вошли остальные солдаты. Один из них подал надзирателю тряпку с табаком и старую трубку мальчиков, найденные в одной из щелей ограды.

— Вот что нашли в ограде, та-жень! А больше ничего нет. Земля во дворе твердая, нигде не копанная.— Надзиратель быстро схватил тряпку в ожидании, что в ней завязано золото. Но уже легкий вес ее разочаровал его. Увидев в ней табак, он с сердцем бросил тряпку на кучу золы. Трубку, которую протягивал ему солдат, сердито отстранил рукой со словами:

— Можешь взять себе!

К великому огорчению Хуна, стоявшего по-прежнему возле надзирателя, хотя тот при появлении Мафу уже выпустил его косичку, солдат сунул драгоценную трубку в свой карман. Табак высыпали в золу и вместе с ним несколько крупинок золота, единственный капитал бедных рудоносов.

Сердитый надзиратель двинулся к двери. Ему, толстому и неповоротливому, было не под силу спускаться в шахту. Он хорошо знал, как это трудно, потому что пытался уже раз спуститься в шахту при подобном же обыске и чуть не сорвался.

— Ли Ю, возьми с собой двух солдат и спуститесь в шахту! — приказал он.— Осмотрите хорошенько жилу, выбей сам кусок руды из забоя, да поищите, не припрятаны ли где-нибудь золото или богатая руда.

— А мне идти с ними, та-жень, чтобы показать дорогу? — кланяясь, спросил Мафу у надзирателя.

Чиновнику показалось это подозрительным. Он не доверял ни Ли Ю, ни солдатам. Рудокоп мог сговориться с ними, подкупить их.

— Нет, ты останешься здесь. А дорогу пусть укажет мальчик. Эй, черномазый, где ты?

Хун остался в фанзе, чтобы скорее собрать драгоценный табак. На глаза надзирателю попался Пао, присевший в тени ограды.

Пао поднялся и пошел к шахте, сопровождаемый Ли Ю и солдатами. Один за другим все четверо скрылись в темной дыре. Надзиратель, велев подать себе низкий столик, который рудокопы ставили на кан для еды, важно расселся на нем возле кучи руды на дворе и стал рассматривать кусок за куском в надежде найти богатое золото и конфисковать его. Оставшиеся

солдаты присели в тени фанзы на корточки и закурили трубки. Мафу стоял возле них, с улыбкой следя за действиями надзирателя. Ограда со стороны улицы по-прежнему была унизана головами любопытных, перебрасывавшихся замечаниями. Ишак, привязанный в углу, спал, опустив голову; по временам только звякали его украшения, когда он вздрагиванием кожи или хлопаньем ушей сгонял назойливых мух.

В шахте спуск шел медленно. Хотя Пао добросовестно исполнял обязанности проводника, предупреждая лезшего за ним Ли Ю о каждой ступени и освещая ее лампочкой, но неопытные посетители часто скользили, проклинали надзирателя и шахту и ругались друг с другом, когда задний наступал на руки спускавшегося впереди или задевал его по лицу своей подошвой.

Вздохнули свободнее внизу, осмотрели оба забоя; Ли Ю выбил киркой несколько кусков руды и сунул их за пазуху; солдат с лампочкой в руках бегло освидетельствовал черные стены; полюбовались отражением огня в спокойной мутной воде ямы, на дне которой могли бы найти, если бы знали, в чем дело, немало истолченного и перемытого кварца и чугунную ступку. Вылезли наверх, запыхавшиеся и сердитые.

— Ничего особенного там нет, лое,— заявил Ли Ю, подавая надзирателю куски кварца.— Жила бедная, шахта — как шахта, лезть в нее шибко трудно и опасно.

Лое осмотрел принесенные куски кварца и презрительно бросил их в общую кучу.

— А вы хорошо искали? Ничего не припрятано? — обратился он к солдатам.

— Все осмотрели, та-жень. Темно, грязно, найдешь там что-нибудь! Богатой руды не видели, все такая же, как эта в куче.

— Едем домой, время кушать! — произнес лое, вставая.— Ну, твое счастье, Мафу,— обратился он к подошедшему рудокопу,— или у вас, действительно, богатая руда кончилась, или вы умеете ловко прятать ее от меня... А куда ты бегал вчера вечером? — попробовал он огорошить его неожиданным вопросом.— Золото понес прятать или продавать калмыкам, негодяй?

Но Мафу уже был подготовлен к этому вопросу;

встреча с калмыками заставила его ждать обыска. Поэтому он ответил спокойно:

— Напрасно обижаешь бедного человека, та-жень! Вчера, когда мы были все в шахте, какой-то бродяга зашел к нам в фанзу и унес одеяло и мешок сухарей. Я и погнался по его следам с собачкой Ли Ю, вот спроси у него. Чтобы прятать или продавать золото, собака не нужна.

— Это правда, Ли Ю?

— Правда, лое. Так и сказал, когда просил дать ему собаку. Очень торопился догнать вора.

— Что же, догнал его?

— Догнал, та-жень! На Ангырты-речке он в кустах спрятался.

— Отчего ты не привел его ко мне?

— Как его приведешь, та-жень? Это разбойник, дунганин, с ружьем, а у меня с собой только ножик был.

— И здесь уже дунгане стали шататься! — озабоченно промолвил надзиратель.

— В Кульдже, говорят, большое восстание, город разграбили и сожгли, всех китайцев режут,— прибавил Мафу.

— У нас им нечего делать, народ бедный,— промолвил Ли Ю.

— А золото у лое? Этот вор, наверно, разведчик у них, ходит высматривает,— съехидствовал Мафу, чтобы лишить надзирателя покоя.

— Золото я отправляю в Чугучак каждую неделю, так и знайте и всем говорите,— заявил надзиратель и опять обратился к Мафу:

— Спрашивал он что-нибудь у тебя?

— Как же, спрашивал: богатые ли рудники, много ли золота надзиратель с рудокопов собирает...

— Что же ты сказал?

— Сказал, что совсем плохо стало, золота мало, жилы твердые. Что добудем — все у лавочника остается.

— Молодец, хорошо ответил! Пусть у лавочника ищут, если придут.

Надзиратель поднялся и велел подать своего ишака. Мафу, довольный исходом обыска, бросился к мирно дремавшему животному и подвел его к лое. При помощи солдат лое взгромоздился на седло, и

незваные гости торжественно удалились, сопровождаемые частью любопытных, тогда как остальные зашли теперь во двор и обступили Мафу с расспросами.

ЗАМЫСЛЫ ХУНА

Мальчики прибрали разбросанное по фанзе имущество, опять развели огонь и поставили на него котел, уже успевший остыть.

Им удалось собрать частицу своего табаку. Но потеря трубки и золота казалась им непоправимой бедой. Хун после долгого раздумья сказал:

— Я видел, как Мафу сегодня унес корзину с рудой на пустырь.

— Верно, выбросил негодную руду,— сказал Пао.

— Нет, не выбросил, а припрятал, и я знаю где. Он, видно, ожидал, что придет лое с солдатами искать у нас золото, и унес из шахты самую лучшую руду.

— Пожалуй, что так. Но теперь он возьмет ее назад в шахту и там истолчет.

— А мы раньше утащим кусочек. Самый махонький — он и не заметит.

— Ну, нахалы, скоро ли обед? — весело крикнул Мафу, вваливаясь в дверь фанзы.— А вы уж прибрали после гостей, я вижу.

— Обед еще не скоро, Мафу,— заявил Хун.— Солдаты сняли котел, потушили огонь, пришлось начинать варку сначала.

— Сходи-ка за мясом, Хун,— приказал Мафу, подсаживаясь к огню, чтобы закурить трубку.— Сварим побольше, сегодня у нас праздник по случаю почетных гостей. А после обеда можете идти гулять, куда хотите, в шахту больше не придется лезть за рудой. Завтра вернется Лю Пи, и мы переберемся на другой рудник.

Хун побежал за мясом, но, пользуясь тем, что Мафу остался в фанзе, он прежде всего сбегал на пустырь, быстро нашел ямку, засыпанную мусором, и извлек из-под него наугад кусок кварца, в котором оказалось видимое золото. Спрятав его во дворе, он спустился в шахту.

Когда Хун вернулся в фанзу, Мафу, наказав мальчи-

кам позвать его, как только будет готов обед, отправился в свою очередь на пустырь с корзиной, откопал руду и унес ее в шахту, где принялся за толчение.

Он хотел к вечеру покончить с этим делом, а полученное золото скрыть от Лю Пи, возвращения которого ожидал с часу на час.

Хун и Пао, приготовляя обед, тихо, но оживленно разговаривали.

— После обеда,— сказал Хун,— мы пойдем искать хуан-янгов, охотиться на них.

— А ружье где возьмем?

— А вот оно висит.

— Мафу не даст нам его.

— А мы сами возьмем. Он уйдет в шахту, а мы — на охоту и вернемся раньше его. Он сегодня долго будет на шахте спрятанную руду толочь и промывать. Я уже нашел ее и кусок припрятал,— похвастался Хун,— с хорошим золотом. Теперь у нас и табак будет. Пожалуй, и новенькую трубку купим!

Возбужденные событиями дня и перспективой охоты, мальчики торопились с обедом и позвали Мафу, прежде чем мясо вполне сварилось. Но рудокоп после ночной прогулки и утренних волнений был очень голоден и ничего не заметил. После обеда он лег спать, поручив мальчикам разбудить его пораньше. Это вполне соответствовало их намерениям, и они дали Мафу спать не больше получаса, а во время сна приготовили провизию и корзины для задуманной прогулки.

Едва только рудокоп исчез в шахте, как Хун снял со стены ружье, пороховницу и мешочек с пулями и надел на себя.

— Тяжелое, однако! — заявил он смотревшему на него с завистью Пао.

— Как же ты возьмешь еще корзину?

— Знаешь, нам довольно одной корзины; положим в нее все — сухари, воду, чайник. Мы будем меняться.

Нагрузившись, мальчики вышли на пустырь и направились к пустынным холмам, на юго-восток от поселка, где они, собирая топливо, не раз встречали антилоп.

Закончив толчение и промывку руды, которая дала около десяти цынов золота, Мафу вылез из шахты

уже после заката, усталый, голодный, но довольный. Он поднялся по уступам, мечтая об ужине, который, по его мнению, должен был уже ждать его, и, насвистывая песню пастухов, подошел к фанзе. Открыл дверь — и остановился, пораженный темнотой и тишиной.

— Ах, нахалы! — крикнул он.— Завалились спать, а огонь потух и ужин простыл.

Сбросив в угол кайлу, молот и клинья, которые он вынес наверх в твердом убеждении, что с этой шахтой все счеты покончены, Мафу подошел к кану и протянул руки, чтобы схватить мальчишек за ноги. Но его пальцы нащупали только гладкую циновку.

— Куда вы запропастились, негодяи?! — крикнул он еще громче, нагнувшись всем туловищем над каном и шаря поближе к изголовью. Потом он достал огниво и трут, высек огонь и зажег масляную лампочку, всегда стоявшую слева у стены на краю кана. Фанза была пуста. Мафу заглянул в топку — ни признаков огня или ужина; пусты и тренога и опрокинутый на земле котел.

— Эти негодяи еще не вернулись, и я должен голодный теперь разводить огонь и варить для них ужин. Еще бы, стану я возиться! Будь они прокляты, бездельники! Сварю чай, поем сухарей, да холодного мяса от обеда и лягу спать. Пусть они тоже останутся без ужина, когда вернутся. А завтра отдеру их за уши.

Мафу развел огонь и стал искать чайник. Но его нигде не было. Пришлось вскипятить воду в котле. Рудокоп сел на кан и принялся за еду, но все время смотрел на дверь, ожидая, что она откроется и в фанзу войдут бездельники. Уж и устроит он им прием! Одного за уши, другого за уши и лбами друг о друга! А потом — пошли на кан спать, ни ужина, ни чаю для вас нет!

Но один ломоть мяса за другим исчезали за крупными белыми зубами Мафу, кучка сухарей таяла, а мальчики не появлялись. Выпил несколько чашек чаю — их все еще нет. Выкурил трубку, другую, стало клонить ко сну.

Желание дождаться и наказать мальчиков постепенно слабело под влиянием усталости и непреодолимой дремоты. Поборовшись некоторое время со сном, он в конце концов залез на кан и улегся спать. Солн-

це поднялось уже высоко, когда Мафу откинул, наконец, одеяло, присел, зевнул, протер глаза — и увидел, что он в фанзе один. Одеяла мальчиков лежали свернутые на своем месте, в лампочке выгорело все масло, пустой котел стоял на полу.

«До сих пор не вернулись, нахалы!» — подумал рудокоп и почувствовал некоторую тревогу. Посмотрел недоумевающими глазами на пустой кан, и вдруг взгляд упал на стену над изголовьем, где всегда висело его ружье. Стена была пуста: ни ружья, ни пороховницы, ни мешочка с пулями!

Ой, не побывал ли здесь вор вчера, когда никого не было дома? Уж не сделал ли Цзинь Тай третий визит в шахту и украл в отместку самое ценное, да еще увел мальчиков и убил их?

Быстро одевшись, Мафу вышел из фанзы, подошел к шахте, посмотрел в ее черную бездну, словно она могла дать ответ на его недоуменные вопросы, потом поглядел через ограду в одну, другую и третью сторону в надежде увидеть возвращающихся мальчиков. Но пустынная долина, уже разогретая солнцем, расстилалась без каких-либо признаков жизни от подножия угрюмой стены Кату на севере до плоских холмов на востоке и юге. Воздух над ее поверхностью уже струился от зноя, и холмы по временам казались стоящими позади широкого светлого озера.

— Хоть бы Лю Пи скорее вернулся! — пробормотал рудокоп, возвращаясь в фанзу, чтобы приняться за приготовление еды.— Я не знаю, что делать, где искать мальчишек, пустыня так велика!..

Он развел огонь, поставил воду в котле, спустился в шахту за мясом и приготовил все для сытного обеда.

Перед самым полуднем, когда Мафу уже собирался сесть в одиночестве за трапезу, в фанзу вошел Лю Пи.

— Вот хорошо, что ты вернулся! — воскликнул рудокоп.— Обед у меня как раз готов.

— А где же мальчики? — спросил Лю Пи, освободившись от своей ноши.

— Гуляют где-то. Сядем кушать, и я расскажу тебе, что случилось здесь во время твоего отсутствия.— Уплетая суп и мясо, Мафу подробно рассказал об истощении богатой жилы и охоте на архаров, о воровстве руды и о своей погоне за похитителем, об обыске и, наконец, об исчезновении мальчиков.

— Я думаю, что они взяли мое ружье и пошли на охоту. Но только куда: в Кату за архарами или на холмы за хуан-янгами?

— Скорее всего, что так,— сказал Лю Пи,— и они, наверно, заблудились. Только не нашалили бы они с ружьем! А то еще могли столкнуться с волками.

— Без собаки не обойтись!

— Само собой. После обеда я немного отдохну, а ты сбегай к Ли Ю и попроси у него собаку. Искать пойдем вместе. Может, придется нести одного из них или обоих.

Хотя Лю Пи отмахал в этот день уже более сорока ли, но исчезновение детей очень встревожило его, и он позволил себе только самый короткий послеобеденный сон, пока Мафу ходил за собакой на мельницу. Как только он вернулся, оба рудокопа, захватив с собой сухарей, сушеного мяса, чайник Лю Пи, запас воды во фляге и вооружившись ножами и топором, отправились на поиски. Собака повела их к холмам на юго-восток от поселка.

ПАО И ХУН НА ОХОТЕ

Накануне по этому же пути по хорошо протоптанной тропе, пролегавшей в долине между брошенными отводами и развалинами фанз, расположенных вдоль давно отработанных жил, прошли Хун и Пао. В километре от поселка тропа пошла по невысоким холмам, усыпанным щебнем сланца и покрытым «лаком пустыни» — черным, как смола, и, как смола же, блестевшим под лучами высоко стоявшего солнца.

Холмы тянулись далеко на юг от долины Чий Чу, все одинаково черные, усыпанные щебнем, похожие на плоские котлы, опрокинутые вверх дном и покрытые шероховатой копотью от долговременного употребления. Изредка это однообразие нарушалось небольшим утесом на вершине или на склоне какого-либо холма, но таким же черным, как и все остальные, или более широкой долинкой с сухим руслом, вырытым дождевым потоком и поросшим несколько более крупными кустами с серо-зеленой листвой.

Кое-где внимательный наблюдатель открыл бы маленькие пучки засохшей травы, росшие в ложбинах и

рытвинах холмов и привлекавшие в эту мрачную пустыню хуан-янгов. Среди однообразных холмов, редко посещаемых людьми, четвероногие мирно паслись, пощипывая траву, обгрызая полынь и эфедру, чутко прислушиваясь к шорохам. Люди тревожили их очень редко; гораздо больше страдали они от волков, которые ухитрялись иногда отбить от стада животное, окружить его в котловине и зарезать, поэтому на черном фоне щебня местами белели то кости, то череп с волнистыми рожками.

Кроме антилоп, в более широких долинах можно было встретить мелкого бурого зайца, довольствовавшегося той же скудной пищей. Иногда по кустам порхали маленькие пташки, а между щебнем мелькала проворная ящерица. Но часто можно было пройти час-другой, не встретив ни одного живого существа. Чтобы выбраться из этих однообразных безжизненных холмов, следовало идти прямо на юг, где на расстоянии хорошего дневного перехода в скалистой, глубоко врезанной долине протекала маловодная речка Дарбуты, окаймленная зелеными рощами и зарослями камыша, в которых ютились зайцы, водились кабаны и фазаны, гнездились долгоносые утки. Но если, забравшись на холмы, повернуть на восток, пришлось бы идти несколько дней, не встретив ни воды, ни признаков жизни, пока, вместе с самим Джаиром, не кончилась бы эта пустыня.

Хун и Пао бывали на этих холмах, собирая на топливо скудные кусты и аргал. Но они никогда не уходили далеко в глубь и, поднявшись на вершину любого холма, могли различить на севере широкую долину Чий Чу, а за ней стену Кату, указывавшую им обратный путь.

Но в этот раз они пошли на охоту, и нужно было непременно найти антилоп. Тропа, которая привела их к холмам, скоро стала ветвиться, и каждая ветвь постепенно становилась все менее ясной, теряясь, наконец, в какой-нибудь котловине. Мальчики шли между холмами, переходя из одной котловины в другую по низким седловинам или по коротким долинкам. Они не обращали внимания на то, куда ведет та или другая долина, и постепенно уклонялись все больше и больше на восток.

Так прошло часа два. Они видели мельком зайца,

выкатившегося шаром из-под куста и сейчас же скрывшегося за склоном; видели кости антилоп и два черепа их, на которые Хун с торжеством указал Пао. Наконец, при выходе в более обширную котловину они обнаружили совсем близко, не более чем в пятидесяти шагах, целый десяток антилоп; одни паслись, другие лежали на щебне, подогнув под себя ноги, как козы, и поворачивая головы то в одну, то в другую сторону.

Мальчики замерли и некоторое время любовались красивыми животными, не заметившими приближения охотников. Опомнившись, Хун стал снимать ружье, висевшее у него за спиной; оставалось поставить его на сошки, взвести курок, подсыпать свежего пороху на полку. Для этой операции он присел за более крупным кустом, а Пао остался на месте, глядя на животных поверх куста.

Но щелканье курка встревожило чутких антилоп. Они быстро подняли головы, заметили врагов и большими прыжками понеслись прочь, поднимаясь на холмы.

Хун испустил проклятие, а Пао со вздохом сказал:

— Ну, ничего не вышло из охоты!

— Выйдет еще! — уверенно ответил Хун.— Они убегут недалеко, и мы подойдем к ним из-за холма с ружьем наготове.

Он вскинул ружье на плечо и побежал вперед, Пао за ним. Дойдя до места, где паслись антилопы, мальчики скоро нашли их следы — маленькие впадины в почве котловины — и пустились в погоню. Следы поднялись на холм, спустились в следующую котловину, опять поднялись на холм.

— Теперь осторожнее,— сказал Хун.— Они, верно, сейчас за этим холмом. Я пойду вперед, а ты немного отстань.

Подражая приемам Мафу, мальчик согнулся и почти пополз вверх по склону; не доходя вершины, он даже лег и пополз на животе. На вершине он замер, обозревая открывшуюся перед ним котловину. Но антилоп нигде не было видно.

Поманив рукою Пао, ожидавшего ниже на склоне, Хун встал, спустился в котловину, не теряя следов, и на следующем холме повторил тот же прием... и с таким же результатом. То же было и на двух других хол-

мах. Только с пятого он увидел, наконец, антилоп, которые остановились в небольшой котловине и опять паслись.

Хун отполз немного назад, приготовил ружье и, готовый к выстрелу, стал ползком подниматься наверх. Достигнув гребня, он прицелился в ближайшую антилопу и нажал пальцем на собачку. Грянул выстрел, и молодой охотник с жалобным криком упал навзничь, а ружье, взмахнув сошками в воздухе, перелетело через его голову и покатилось по щебню.

Пао, оставшийся в двадцати шагах позади, испустил вопль, полагая, что его товарищ убит.

— Ой, Хун, ой, ой, Хун!

Но Хун вдруг вскочил, бросился на гребень и исчез. Пао побежал за ним и с гребня увидел, что тот ходит по котловине, разглядывая землю.

— Я подумал, что ружье застрелило тебя,— сказал Пао, подбегая к товарищу.

— Ружье стреляет вперед, а не назад,— ответил Хун.— Оно только ударило меня в плечо, и я упал.

Мальчик не имел понятия об отдаче при выстреле и не прижал приклада к плечу, почему и получил очень чувствительный удар.

— Ты не подстрелил хуан-янга?

— Не знаю, может, и попал. Только незаметно, куда бежало раненое животное.

Они долго ходили взад и вперед, ища следов крови, но не нашли ничего.

— А где ружье? — спохватился Пао.

— Ой, я его оставил там на вершине,— пробормотал сконфуженно Хун.

Вокруг котловины поднималось несколько холмов, похожих друг на друга, как близнецы, и мальчики не могли теперь вспомнить, с какой стороны они спустились вниз. Пришлось забираться по очереди на каждый холм, пока на склоне одного из них не наткнулись на ружье, лежавшее сошками вверх среди щебня.

Хун поднял его, осмотрел и сказал:

— Как будто не сломалось. Нужно опять зарядить, чтобы быть наготове.

Пао присел на щебень, поглядел кругом и сказал:

— До заката остается один только час, Хун. Идем домой, а то мы не успеем приготовить ужин для Мафу.

Пока Хун заряжал ружье, Пао достал из корзины флягу с водой, напился, потом стал жевать сухари, поглядывая с недоумением на солнце, которое стало совершенно красным.

— Слушай, ночью, кажется, будет хый-фын.

— Да, похоже на то,— сказал Хун, в свою очередь посмотрев на солнце.

— А в какую сторону нам теперь нужно идти?

— Конечно, туда, где видны горы Кату. Наша долина у подножия их.

— А где же Кату, я что-то не вижу.

— Ах, ты...— сердито начал Хун, но внезапно оборвал и с недоумением обвел взглядом горизонт. Зубчатая стена Кату, которую видно было с любого высокого холма этой местности, исчезла.

— Это пыль скрыла горы, как всегда бывает перед хый-фыном,— задумчиво проговорил он.

— Что же мы теперь будем делать? — со слезами в голосе воскликнул Пао.— Как мы попадем домой, если Кату не покажет дорогу?

— Ну, уже разнюнился, плакса! — прикрикнул на него Хун, хотя в его душу тоже закралась тревога.— Мы пойдем в сторону заката; солнце летом садится левее Кату. Он не был в этом вполне уверен; во время преследования хуан-янгов солнце светило то в спину, то в бок, то в лицо. Кату был более надежным маяком; по положению хорошо знакомых им вершин и ущелий его они уже не раз ориентировались при возвращении домой из экскурсий за топливом.

Утолив слегка голод и жажду, мальчики скорым шагом, несмотря на усталость, направились на запад, прямо в сторону солнца, которое становилось все краснее по мере того, как спускалось за пыльную завесу. Но скоро оно уже чуть светило и, наконец, исчезло, не достигнув гребня высокого Джаира.

Держаться направления той точки неба, где скрылось солнце, оказалось очень трудно. Холмы так походили один на другой, ложбины и долины между ними так часто изгибались, ветвились, опять соединялись, что идти прямо было совершенно невозможно. Мальчики шли между холмами, отклоняясь постепенно то в одну, то в другую сторону. Кроме того, они сразу взяли неверное направление, так как из дома шли на юго-восток, а во время преследования хуан-

янгов уклонились на юг, теперь же по солнцу выбрали путь на запад и потому двигались параллельно окраине холмов и долине Чий Чу. Хотя они приближались к дому, но должны были пройти мимо него на значительном расстоянии.

Так прошло больше часа. Стало смеркаться. Хун все чаще поглядывал на небо, начинавшее уже принимать фиолетовый оттенок. Пао угрюмо молчал, с трудом передвигая ноги. Наконец, он не выдержал.

— Я не могу больше идти, Хун, я ужасно устал.

— Ну, присядь, а я сбегаю на вершину и посмотрю, не видно ли нашу долину.

Пао опустился на щебень возле ружья, снятого Хуном, и сразу заснул. Хун стал взбираться на соседний холм в надежде, что с его вершины увидит впереди долину Чий Чу и ряды серых фанз рудничного поселка. Он тоже сильно устал и с трудом доплелся до вершины. Но ни долины, ни поселка не было видно. До серого, пыльного горизонта продолжались те же холмы, точно внезапно застывшие волны унылого черного моря. Хун посмотрел вправо и влево, оглянулся назад — везде одно и то же. Кое-где удручающее однообразие мрачных горбов нарушалось несколько более высокой, но такой же черной и круглой вершиной.

«Мы заблудились»,— со страхом подумал Хун. Но мальчик не потерял присутствия духа.

«Переночуем здесь,— решил он, спускаясь с вершины.— Вода и сухари у нас есть, сварим чай. Волков отгонит огонь, да и ружье у нас есть. А завтра видно будет Кату, мы узнаем, куда идти».

Только мысль, что Мафу останется без ужина и обнаружит исчезновение ружья, несколько тревожила его.

Внизу он застал Пао крепко спящим, и никакие толчки и оклики не смогли его разбудить. Между тем нужно было использовать немногие минуты, оставшиеся до наступления темноты, чтоб набрать побольше топлива на ночь. И Хун, не теряя времени, принялся за дело. Котловина, в которой они остановились, оказалась довольно богатой кустами, и мальчик, не жалея рук, ломал и вырывал с корнем все, что могло служить пищей для огня, стаскивая охапки хвороста к тому месту, где безмятежно спал Пао. При

этом он отдал предпочтение окраинам котловины, считая, что кусты, ближайшие к месту ночлега, можно будет ломать и позже, при свете костра.

К тому времени, когда совершенно стемнело, возле Пао вздымалась уже целая копна топлива. Хун достал огниво, высек огонь и развел небольшой костер, затем выбрал из кучи хвороста прут покрепче, воткнул его одним концом в землю, на другой повесил чайник, а середину подпер развилистым сучком. Достав сухари и кусок вяленого мяса из корзины, он уселся возле огня в ожидании, когда закипит вода в чайнике.

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Ночь уже наступила, и на небе сквозь пыль тускло мерцали звезды. Костер бросал колеблющийся свет на ближайшие полузасохшие кусты и на склон холма, у подножия которого расположились мальчики. Края котловины тонули в полумраке, сквозь который еле виднелись склоны других холмов, такие же черные, как и небо над их вершинами.

Хун, подкладывая хворостину за хворостиной в костер, беспокойно оглядывался, опасаясь появления волков.

Но вот крышка чайника застучала, а из носика выбросило струйку воды на горячие угли, которые сердито зашипели и погасли. Хун подцепил палочкой дужку чайника, снял его с огня, заварил щепотку чаю и стал расталкивать Пао, лежавшего рядом с ним.

— Пао, Пао, вставай, будем ужинать! Пао, слышишь, вставай же!

Пао присел, потянулся, протер глаза. Обведя взглядом окрестности, он увидел кругом желтые кусты, освещенные костром, над собой — бездну черного неба и сказал со слезами в голосе:

— Зачем ты разбудил меня, Хун? Лучше бы я спал до утра...

— Я тоже хочу спать, мы должны чередоваться,— возразил Хун обиженным тоном.

— Ну, хорошо,— согласился Пао.— Попьем чаю, а потом ты уснешь, а я буду караулить.

— Только смотри, не усни. А то костер потухнет, и нас съедят волки.

Мальчики пожевали вяленого мяса, нарезанного маленькими кусочками, потом выпили по очереди по чашке чаю с сухарями. Пао хотел было еще, но Хун не дал: нужно оставить воду на утро.

— Теперь я лягу спать,— сказал Хун,— а ты сиди и подкладывай в огонь по одной хворостине, чтобы все время горело, потом разбудишь меня.

— Как же я буду знать, когда тебя будить?

— А вот что я придумал. Ты считай, не торопясь, до сотни. Вот так: один, два три... Насчитаешь сто — и положи один камешек. Потом считай опять до ста — и положи второй. Когда у тебя наберется пятьдесят камешков, тогда разбуди меня.

Хун растянулся на щебне вблизи огня и закрыл глаза. Пао уселся рядом так, чтобы видеть лицо товарища, и начал считать, поглядывая то на костер, то на Хуна. Через некоторое время он сказал:

— Хун, ой, Хун!

— Чего тебе? — сонно спросил тот.

— Я уже сосчитал до ста.

— Положи камешек и начинай сначала. Но если ты каждый раз будешь мне заявлять об этом, я не усну.

— Мне страшно, когда ты молчишь и лежишь с закрытыми глазами.

— Считай и не думай. Все равно я не буду тебе отвечать.

Огорченный Пао замолчал и снова принялся считать, время от времени вытаскивая хворостину из кучи, лежавшей рядом, и подкладывая ее в огонь, который то вспыхивал, трещал и дымил, то медленно затухал. Наблюдая за костром, Пао иногда сбивался в счете или останавливался; потом, чтобы наверстать время, начинал считать быстрее.

Возле мальчика набралось уже тридцать два камешка. Он клал их кучками, по десяти штук, чтобы знать, когда начнется пятая и последняя. Кругом все было тихо, пустыня молчала, и только потрескивание костра и легкое дыхание Хуна нарушали торжественную и жуткую тишину ночи. Легкий дым, иногда со снопом искр, поднимался прямо наверх в спокойном воздухе, исчезая в черной глубине неба.

Вдруг издалека донесся глухой гул, и Пао замер, прислушиваясь и забыв о счете. То усиливаясь, то ос-

лабевая, этот гул постепенно приближался, долетая порывами, которые временами напоминали рев и топот огромного стада, временами свист и жалобные стоны. Воздух заколебался, и огонь стал метаться в разные стороны.

Пао не знал, что это сильный порыв ветра пронесся по ущелью гор Кату, и смотрел расширенными глазами в ту сторону, откуда доносились странные звуки. Что это? Стая волков несется или мчатся преследуемые ими антилопы? Или это демоны воздуха затеяли игру в темноте ночи? Он уже протянул руку, чтобы разбудить Хуна. Но внезапно все затихло, и Пао успокоился. «Пронеслись мимо»,— подумал он. Вспомнив о счете, он решил, что, наверно, успел бы за это время сосчитать раза два-три до ста, и прибавил в четвертую кучку два камешка, потом подумал и прибавил еще один.

Странный шум больше не возобновлялся, и Пао спокойно считал, радуясь, что уже четвертая кучка кончилась и скоро он сможет разбудить Хуна. Его сильно клонило ко сну, веки смыкались, голова падала на грудь, и он сбивался со счета. С усилием стряхивал он с себя дремоту, хватался за хворостину, чтобы сунуть ее в огонь, и старался вспомнить, на какой цифре он остановился. Когда это ему не удавалось, он просто клал камешек в кучку, полагая, что успел бы сосчитать очередную сотню, если бы не задремал, и усердно начинал новую; но с половины ее счет замедлялся, и дремота снова одолевала мальчика.

Когда пятая кучка уже близилась к концу, тишину ночи внезапно нарушил близкий хриплый вой. Пао вздрогнул, и сон сразу соскочил с него. Жителям поселка этот вой был хорошо знаком; они слышали его не раз, особенно в зимние ночи и длинные вечера, когда волки подходили совсем близко и бродили вокруг отводов в поисках пищи.

Дрожащими руками мальчик сунул в костер несколько хворостин, и огонь вспыхнул ярче, осветив черные холмы окраин котловины. Вой повторился в другом месте, но как будто еще ближе. Пао не выдержал и начал толкать изо всех сил спящего Хуна.

— Хун, проснись, вставай скорее, волки пришли! Хун! Хун!

Но разоспавшегося мальчика разбудить было не

так-то легко, и Пао кричал ему в ухо все более отчаянным голосом. Одной рукой он толкал и тряс Хуна, а другой подкладывал хворостины в костер, который разгорался все ярче и ярче, выбрасывая снопы искр. Вой послышался снова уже в другом месте. Хун, наконец, проснулся и присел, протирая глаза и щурясь от яркого света.

— Зачем ты развел такой огонь? — было его первым вопросом.

— Да ведь волки ходят кругом, волки! Я кричал тебе сколько раз, пока будил.

— А, волки! Ну, и пусть себе ходят, сюда не придут. А разве было уже время будить меня?

Пао немного смутился.

— Нет, еще не совсем. В пятой кучке недостает только трех камней... но я испугался волков...

В эту минуту вой раздался опять, и совсем уже близко. Можно было подумать, что волк спустился в самую котловину. Несмотря на свою напускную храбрость, Хун вздрогнул, поглядел в ту сторону, откуда послышался вой, и потянулся за ружьем, лежавшим на щебне. Он поставил ружье на сошки, осмотрел замок и насыпал немного пороху на полку.

— Теперь твоя очередь спать,— сказал Хун,— ложись.

— У меня сон прошел с тех пор, как волки завыли,— сказал Пао.

Но едва он лег, растянувшись на щебне, как сразу уснул. Хун усмехнулся, поправил огонь, сгреб в сторону все кучки, приготовленные Пао, и начал в свою очередь считать, потому что дремота одолевала и его. Чтобы разогнать ее, он встал и начал ходить вокруг костра, считая шаги. После каждой сотни он останавливался спиной к костру и осматривал холмы, стараясь разглядеть, не сидит ли серый на одном из них. Вой не возобновлялся, и Хун, постояв немного, снова начинал кружиться.

После двадцатого камня он почувствовал усталость и присел на корточки. Поправляя огонь, он заметил, что куча хворосту заметно уменьшилась.

«Когда положу тридцать камней,— подумал он,— пойду ломать ближайшие кусты. А то Пао не догадается сделать это, у него не хватит топлива, и он опять разбудит меня раньше времени».

Скоро его опять стало клонить ко сну. Он лег на бок, опершись на локоть, и начал считать вслух. Но язык его заплетался, и Хун задремал. Хворост догорел, костер превратился в кучу тлеющих углей, которые стали подергиваться пеплом, освещая слабым красноватым светом двух спящих мальчиков и ружье, направленное на невидимого врага. А враг не дремал. Когда окраины котловины погрузились в темноту, из-за одного из холмов показалась голова с насторожеными ушами, потом выдвинулось туловище, и зверь стал медленно спускаться в котловину, часто останавливаясь и всматриваясь в смущавшее его красное пятно, возле которого он видел добычу. Достигнув дна, он прилег за кустами, выжидая, когда исчезнет красное пятно, свет которого постепенно ослабевал.

Голова Хуна, опиравшаяся на ладонь подогнутой руки, вдруг соскользнула и больно ударилась о щебень. Мальчик проснулся, увидел погасавший костер, вскочил на ноги, подложил хворосту и стал усиленно раздувать огонь. Сухой хворост немного подымил на углях и вспыхнул. Весело затрещали веточки, по которым пламя стало перекидываться выше и выше.

Хун перестал дуть и сидел на корточках, глядя сонными глазами в огонь.

«Сколько же я успел насчитать, прежде чем заснул? — подумал он.— Две кучки и еще шесть. Четыре я, наверно, пропустил. Ну, ничего, буду продолжать. Нет, лучше сначала наберу хворосту, а то опять засну».

Он поднялся с земли, потянулся, подбросил еще несколько хворостин и направился к ближайшим кустам, которые и стал обламывать. Он стоял спиной к огню и вдруг заметил, что недалеко, шагах в двадцати, в кустах двинулось что-то большое, серое. Мальчик замер и впился глазами в подозрительное место. Потом тихо стал пятиться назад, не спуская глаз с куста, где заметил движение. Добравшись до костра, Хун осторожно подернул ружье, опустился на колени, прицелился в подозрительный куст и спустил курок. В этот раз он сильно прижал приклад к плечу, и ружье хоть и ударило его, но не больно.

В ночной тишине выстрел прогремел очень громко, и тотчас же из кустов выскочил волк и пустился наутек наискось по склону холма. Хун, оглушенный

выстрелом, заметил зверя уже на половине склона, где волк остановился, покачнулся, упал, снова вскочил, сделал еще два таких же странных прыжка и покатился вниз, смешно взмахивая лапами.

КУДА ИДТИ?

Пао, разбуженный выстрелом, поднялся сонный и недоумевающий.

— Что, что такое? — пробормотал он, обводя глазами костер и Хуна, стоявшего еще на коленях у ружья.

— Я... я... подстрелил волка! — прерывающимся от волнения голосом ответил юный охотник.

Хун рассказал, как дело было, умолчав только о том, что заснул.

— Теперь твоя очередь спать,— сказал Пао,— я больше не буду бояться, раз волк убит.

— Пойдем, посмотрим его.

Мальчики подбросили хворосту в костер и, когда он разгорелся, взяли пылающие ветки и осторожно направились к кустам, за которые скатился волк. Обогнув кусты, они увидели за ними на склоне неподвижную серую массу. Хун бросил тлеющую ветку к самой морде зверя. Волк не шевельнулся.

— Видишь, мертвый,— торжествовал Хун.— Живой отскочил бы от огня.

Он наступил босой ногой на вытянутые передние лапы зверя, потом нагнулся и ткнул тлеющей веткой ему в нос. Пао стоял возле и светил горящей хворостиной. Косматый волк лежал на левом боку, вытянув ноги вверх по склону и откинув голову назад. На правом боку его виднелось большое кровавое пятно. Пасть была открыта, обнажая острые белые зубы и красный язык. Зеленые глаза смотрели слепо, безжизненно.

Мальчики притащили волка к костру, где еще долго рассматривали его. Но постепенно сон опять подобрался к Хуну, и он заклевал носом.

— Ложись спать! Теперь у нас есть мягкая подушка. Положи голову на волка,— предложил Пао.

— Сперва нужно набрать хворосту,— вспомнил Хун.— Давай собирать вместе, теперь бояться нечего!

Они живо обломали оставшиеся кусты.

— Так-то лучше. Теперь никто не подкрадется незаметно. Кругом на сорок шагов все чисто,— сказал Хун, положив голову на пушистый хвост волка.

Пао, сидя у волчьей морды, начал свой счет, а камешки ради забавы складывал кучками вокруг головы и туловища зверя. Время его дежурства прошло без каких-либо происшествий; раза два он задремал ненадолго и терял счет, но, проснувшись, добросовестно начинал сначала прерванную сотню. Один раз его немного встревожил отдаленный вой, и он долго прислушивался; но вой не повторился. Уложив пять кучек камней, Пао разбудил Хуна и в свою очередь улегся на волчий хвост, еще теплый от головы товарища. Хун во время своего дежурства решил снять шкуру со зверя, потому что тащить всю тушу домой им было бы не под силу.

Когда Пао заснул, Хун достал нож, наточил его на бруске сланца, потом осторожно оттащил волка в сторону, высвободив его хвост из-под головы Пао, продолжавшего спать. Работа оказалась не такой легкой, как он думал, ему пришлось долго провозиться, тем более что нужно было еще следить за костром и подбрасывать в него хворост.

Покончив с этим делом, он разбудил Пао и с торжеством показал ему снятую шкуру.

— Ну, теперь я лягу спать,— сказал он.— А ты, когда заметишь, что на востоке светлеет, поставь чайник погреть, поджарь на пруте волчьего мяса, попробуем, какое оно на вкус. И когда все будет готово, разбуди меня.

Хун улегся теперь на мягкую шкуру, а Пао сел возле костра. Скоро он заметил, что на востоке небо посерело и стало отделяться от черных холмов.

«Утро близко»,— с радостью подумал мальчик.

Не жалея хвороста, он развел огонь побольше и, вооружившись ножом Хуна, нарезал от задней ноги волка маленькие кусочки мяса, которые нанизал на несколько прутьев, предварительно очистив их от листьев, шипов и веточек, потом воткнул прутья заостренным концом в землю, наклонно к огню костра, чтобы мясо поджаривалось, отгреб кучку углей в сторону и поставил на нее чайник, который долил остат-

ком воды из фляги. Прутья с мясом требовали постоянного надзора: их нужно было поворачивать, чтобы кусочки обжаривались со всех сторон. Занятый этим, Пао и не заметил, как небо посветлело, а восток над холмами заалел.

Мясо поджарилось, вода закипела, и Пао разбудил Хуна. Они съели шашлык из мяса волка, оказавшийся жестким, с неприятным запахом. Зато горячий чай с сухарями показался им особенно вкусным, и они с трудом поддались голосу благоразумия и оставили немного воды на дорогу.

Когда кончили завтрак, стало уже совсем светло. Пока Пао укладывал корзину, Хун взобрался на вершину холма, чтобы посмотреть, где Кату. Солнцу уже надо бы взойти, но на востоке виднелось только красноватое пятно. Кату не было видно, и во все стороны, насколько было видно, расстилались те же черные, однообразные, круглые вершины холмов.

Хун вернулся с вершины удрученный и сказал уныло:

— Кату все еще не видно. Нужно обсудить, в какую сторону нам идти.

— А солнце есть?

— Чуть заметно.

— Тогда я знаю, куда идти,— заявил Пао.— Мы пойдем так, чтобы оно оставалось у нас справа.

Хун заспорил, утверждая, что нужно идти спиной к солнцу. Но Пао стал объяснять ему, где оно восходит и заходит в разное время года, и ему удалось убедить товарища в том, что они заблудились, не приняв этого накануне во внимание.

— Вот увидишь! Когда мы пройдем несколько ли в ту сторону, как я говорю, мы уже увидим нашу долину.

Хун согласился, и они двинулись в путь. Пао нес корзину, Хун — ружье и волчью шкуру, которую он, как первый охотничий трофей, ни за что не доверил бы никому. Они шли теперь на север; солнце, поднявшееся уже над густым слоем пыли, имело вид красного круга без лучей. При этом освещении черные холмы пустыни казались особенно мрачными, зловещими. Мальчики пробирались то по извилистым долинам и котловинам, совершенно похожим на ту, в которой они провели тревожную ночь, то по седловинам между холмами, приводившим их в подобные же долины.

Прошел час с лишним; становилось уже жарко и душно в пыльном, застоявшемся воздухе, а холмы попрежнему сменяли друг друга, и не было заметно, чтобы они становились ниже и были разбросаны реже, что указывало бы на близость долины Чий Чу. Пао приуныл, а Хун посмеивался. Жажда начинала мучить мальчиков, но они не решались еще выпить остатки чаю, хранившегося во фляге.

— Не пора ли повернуть на запад? — спросил, наконец, Хун.

— Влезем на этот холм,— предложил Пао,— посмотрим, не видна ли уже долина.

Мальчики поднялись на холм, показавшийся им несколько выше остальных. С него открылся прежний вид на бесконечное море округленных черных вершин, простиравшихся во все стороны до пыльного горизонта.

Пао устремил взор на север и изучал даль.

— Долина там и не очень далеко,— сказал он наконец.

— Я не вижу никаких признаков долины.

— А я вижу. Вот посмотри в другие стороны: там эти черные горбы стоят один за другим, точно спины огромного стада баранов. А здесь между двумя далекими вершинами не видно уже новых, таких же высоких. Там должны быть долина или более низкие холмы перед долиной.

— А это что? — вдруг воскликнул Пао, с недоумением указывая немного правее того промежутка, где вдали не было видно холмов. Сквозь пыльную завесу, как сквозь густой туман, чуть обрисовывалась какая-то темная масса.

— Это тучи!

— Нет, это Кату! Мы вчера прошли слишком далеко на запад, поэтому наш поселок остался позади, и нам нужно повернуть еще правее.

Хун засмеялся, но уверенность Пао смутила его.

— Если так, пойдем еще немного на север, тогда долина станет виднее,— решил он после некоторого молчания.

Двинулись опять в путь, снова по котловинам и долинам, которые теперь как будто становились шире. Скоро и холм начали понижаться, раздвигаться, и через полчаса Хун должен был признать, что долина

Чий Чу близко. Немного погодя мальчики увидели ее с невысокого холма, но она показалась им совершенно незнакомой. Начался спор, куда идти: Хун говорил — налево, а Пао — направо, основываясь на положении Кату, рисовавшегося уже немного яснее сквозь пыльную завесу.

И еще раз Пао удалось убедить своего упрямого товарища. Когда, выйдя в долину, он увидел вдали белеющие здания поселка, и не влево, а вправо, Хуну пришлось признать свою ошибку. Идти предстояло долго, потому что они вышли в долину Чий Чу много западнее не только своего поселка, но и соседнего, носившего то же название и подчиненного тому же надзирателю.

Около полудня они достигли первых фанз и прошли через поселок во время обеденного отдыха рудокопов. Мальчуганы с ружьем и свежей волчьей шкурой обращали на себя внимание, и их постоянно задерживали расспросами, а в первом поселке знакомый рудокоп позвал их к себе и накормил обедом.

Когда они шли мимо мельницы, их увидел Ли Ю и сообщил, что только что Мафу прибегал за собакой, чтобы идти искать их. Мальчики поспешили домой, но не застали уже старших. С высоты ограды они увидели их идущими к холмам. Сбросив наскоро свою ношу, Хун и Пао побежали вдогонку и настигли их у начала холмов.

Обрадованные возвращением мальчиков, Лю Пи и Мафу ограничились выговором. Хун с гордостью сообщил, что убил волка.

Вернувшись домой, мальчики подробно рассказали о своих приключениях, а Лю Пи сообщил, что он получил хороший отвод на руднике Ван-Чжу-Ван-цзе, что надзиратель там не такой алчный, как здесь, местность гораздо веселее; а зимой теплее: глубокая долина, защищенная от ветров, не то что Чий Чу, где зимние метели свирепствуют на просторе.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

На следующий день Лю Пи пошел к надзирателю.

— Лое,— заявил он,— я отказываюсь от отвода и ухожу из Чий Чу.

— А ты кончил его? Должен кончить сперва! — накинулся на него надзиратель, для которого, конечно, было выгодно, чтобы разрабатывалось побольше отводов.

— Такого закона нет, лое. Я — старый рудокоп и закон знаю. Не нравится жила — имею право бросить.

— Как знаешь! Но руду, которую ты уже добыл, надо же смолоть и промыть. Я назначу тебе, так и быть, день не в очередь, ну, скажем, через неделю.

— Я не могу ждать, лое. Пусть пропадает эта руда. Кто возьмет мой отвод, тот может получить и ее.

Глаза надзирателя блеснули жадностью.

— Хорошо, я тебя отпущу сейчас, если ты доставишь эту руду на мельницу. Я возьму ее в казну за убытки, которые ты причиняешь отказом от отвода.

— Я согласен, лое. Сегодня к обеду сдам тебе все, что добыто,— поспешил ответить Лю Пи, чтобы надзиратель не потребовал еще чего-нибудь.

Вернувшись домой, он вместе с Мафу стал пересматривать руду, сложенную у шахты, чтобы отобрать и не сдать ни одного куска с видимым золотом. В это время мальчики носили на мельницу все, что старшие отбрасывали.

К полудню дело было кончено, руда сдана, Лю Пи отдал надзирателю документы, содержавшие описание отвода и разрешение на его обработку, и получил документ, удостоверяющий, что казна не имеет к нему претензий. А после обеда рудокопы истолкли и промыли десятка два кусков руды с золотом, отобранных из кучи.

На следующее утро, взволнованные ожиданием предстоящего путешествия, мальчики проснулись чуть свет, быстро сварили жидкую кашу с волчьим мясом, кусок которого они принесли с охоты, и разбудили старших. Когда кончили завтрак, в фанзу вошел старый китаец с красными слезящимися глазами и седой бородкой.

— Кушали — не кушали, приятели? — сказал он и прибавил, заметив, что они еще едят: — Хорошо покушали, вижу. А скоро ли поедем?

— Садись, приятель Юнг, покушай и ты на дорогу. Немного каши осталось, хорошая, с мясом,— пригласил Лю Пи.

— Разбогател ты, Лю Пи, часто мясо кушаешь,— ответил Юнг, опускаясь на корточки возле кана и

принимая полную чашку.— Небось, барашка купил у калмыков?

Мафу и мальчики рассмеялись.

— Этот барашек сам немало барашков съел на своем веку,— сказал Мафу.

— Уж не дохлой ли собакой вы угощаете меня? — спросил Юнг.

— Хуже, приятель! Волка кушаешь. Вот и сам охотник сидит,— засмеялся Мафу, указывая на Хуна, покрасневшего от гордости при этих словах.

— Что же, волк так волк, по крайней мере не дохлятина. Мне, когда я работал в Дагуне, приходилось есть волков, а один раз они меня самого чуть не съели, едва отбился.

— Соберите посуду, вымойте чашки! — приказал Лю Пи, заметив, что Юнг кончил еду.— Пойдем грузиться.

Лю Пи и Мафу стали вытаскивать на двор инструменты, мешки, постельные узлы. Мальчики проворно сполоснули чашки, вытерли котел, вылили остатки чаю во флягу и понесли посуду на двор. Тут они увидели, что возле фанзы стоят два ишака. К седлу одного из них Мафу и Лю Пи прилаживали рудоносные корзины по паре с каждой стороны и сложили в них кирки, лопаты, ступку, промывальный таз, разную мелочь, а сверху увязали треногу, котел и мешки. На другого ишака Юнг навьючил постельные узлы и мешочки с мукой и крупой, всю мягкую рухлядь, а сверху положили свернутые циновки с кана и обеденный столик. Посуду и флягу с водой Мафу и Лю Пи взяли в свои котомки. Мафу нагрузился еще ружьем, а мальчики шли порожняком.

Позвякивая бубенчиками и подгоняемые криками Юнга, ишаки вышли со двора. Хун и Пао бросили последний взгляд в темную шахту, по ступеням которой они поднимались и опускались много сотен раз, достали из убежища в стене новую трубку и кисет с табаком и побежали догонять ишаков.

Когда маленький караван приблизился к мельнице, его остановили два солдата и вызвали надзирателя, который только что поднялся с теплого кана.

— Ну-ка, богачи, разверните ваши вещи! — сказал он.— Я должен посмотреть, не увозите ли вы утаенное золото или богатую руду.

— Не задерживай нас, пожалуйста, лое,— попросил Лю Пи с глубоким поклоном.— Путь наш далек, а золота и руды мы не везем.

— Не теряй времени на разговоры, а снимай свои узлы! — рассердился надзиратель.— Когда я увижу, что золота нет, я отпущу тебя на все четыре стороны. Солдаты, стаскивайте все на землю!

Солдаты, державшие ишаков за морды, бросились развязывать вьюки. Обыск вносил развлечение в их однообразную жизнь, и они рады были стараться. Мигом узлы с постелями и одеждой очутились на пыльной дороге, были развернуты и перещупаны. Надзиратель смотрел и приговаривал:

— Ищите хорошенько, ищите везде. У них, наверно, припрятано золото!

Хотя время было рабочее, но сцена обыска привлекла несколько рудокопов и рудоносов, столпившихся поблизости. Надзиратель стоял впереди ишаков, загораживая им дорогу; вдруг один из них, почуяв близость ослицы на дворе мельницы, внезапно поднял хвост, вытянул морду и заржал перед самым лицом надзирателя, обрызгав его слюной. Восторженное приветствие животного было грубо прервано и перешло в жалобные ноты, потому что Юнг схватил его за хвост, а надзиратель ударил кулаком по морде и, бормоча проклятия, начал вытирать рукавом свое лицо.

— Звонко кричит твой ишак, приятель,— воскликнул Мафу с насмешкой в голосе.— Ты подержи лучше обоих за хвосты, чтобы они не мешали лое осматривать наши вещи.

Зрители, солдаты и мальчики улыбались; надзиратель покраснел от злости и прошипел:

— Сними-ка свою котомку, болтун, и вытряхни. Солдаты, обыщите и одежду на них, загляните в кисеты с табаком, везде ищите.

Солдаты усердствовали, перебрали все вещи, прощупали швы, перемяли подушки-валики, заглянули даже во флягу с остатками чаю и вылили содержимое на землю, заставили рудокопов снять обувь, обыскали погонщика и седла ишаков. Но ни руды, ни золота не оказалось нигде. Ожидания надзирателя были обмануты.

— Эту старую шахтовую крысу не так-то легко на-

крыть! — проворчал надзиратель, указывая на Лю Пи.— Золото он унес, видно, раньше и припрятал в надежном месте.

Он повернулся и пошел к своей фанзе, а на пороге обернулся и крикнул:

— Отпустите их, пусть убираются хоть в преисподнюю!

— Ай, ай, нехорошо так говорить честным людям на дальнюю дорогу! — воскликнул Лю Пи, когда надзиратель скрылся в дверях. Мафу погрозил ему вслед кулаком. Солдаты засмеялись и, вынув из-за пояса трубки, попросили у Лю Пи табаку за свои труды.

Отсыпая им горсточку, рудокоп сказал, вздыхая:

— Если бы вы меньше старались, я поблагодарил бы вас иначе.

— Ну, приятель, ты знаешь, наш лое сердитый, нельзя не стараться. Но мы в рот вам не заглядывали и косичек не расплетали, а золото, может быть, там запрятано,— ответил один.

— Не может быть, чтобы такой старый рудокоп, как ты, уходил с рудника ни с чем,— прибавил другой.

— Можете и косу расплести и в рот, и в другие места залезть,— рассердился Лю Пи,— нигде ничего не найдете.

Солдаты присели на корточки и курили, рудокопы складывали и вьючили свои вещи. Наконец, все было готово, и маленький караван тронулся дальше по улице. Прохожие, лавочник Ван Ли и подошедший с мельницы Ли Ю провожали уезжающих до последних домов поселка и пожелали им счастливого пути и удачи на новом месте.

Когда начался пустырь, Лю Пи сказал мальчикам:

— Вы идите, не спеша, вперед с ишаками, а мы с Мафу посидим, покурим перед дорогой.

Когда ишаки скрылись за поворотом, рудокопы вернулись к развалинам последней фанзы на брошенном отводе и в уголке двора, под кучей мусора, откопали свое золото, предусмотрительно припрятанное там накануне в сумерки. Два небольших, но тяжелых мешочка исчезли в глубине котомок. После этого Лю Пи и Мафу быстро пошли вперед и вскоре нагнали караван.

Через два часа путники подошли к речке Ангырты, окаймленной узкой полосой прибрежных рощ и за-

рослей. По мелкой гальке струилась чистая прохладная вода, к которой с жадностью припали животные и люди. Мальчики уже целый год не видели другой воды, кроме лужи в яме на дне шахты, не видели зелени, кроме печальных серо-зеленых кустиков пустыни. Им хотелось полазить по чаще, искупаться в речке, но Лю Пи сейчас же повел караван дальше, опять по дороге между почти голыми скалистыми горами. Она то переходила из одной долины в другую; то некоторое время шла по долине, местами суживавшейся в ущелье. Эти горы напоминали мальчикам Кату, Хун спросил Мафу:

— Тут, наверно, водятся куку-яманы[1] и архары?

— Нет,— ответил рудокоп,— здесь для них слишком жарко, да и люди часто встречаются. Но хуан-янги могут попасться нам. Пожалуй, я пойду вперед, наш караван очень шумный, и животные слышат его издалека.

— И я с тобой! — воскликнул Хун.

— И я тоже! — попросил Пао.

Лю Пи отпустил их, и они с Мафу, приготовившим ружье, скоро исчезли из глаз. Действительно, через два-три ли, поднявшись на один из перевалов, они увидели в следующей долине нескольких антилоп, медленно шедших вдоль сухого русла. Мафу присел и стал наводить ружье, но мальчики не успели притаиться; чуткие животные заметили людей и сразу умчались вниз по долине крупными прыжками, вытянув шеи.

— Ой, подождите немного! — в отчаянии крикнул Пао.

— Ты хотел насыпать им соли на хвост? — засмеялся Мафу.

Антилопы больше не попадались. Миновав еще несколько перевалов и бесплодных долин, охотники с последнего перевала увидели долину речки Дарбуты, которая извивалась широкой зеленой лентой между скалистыми горами.

Лю Пи подошел с ишаками и указал дорогу; стали спускаться в долину, направляясь по косогору вверх по течению. Там поблизости на склоне серели фанзы и белели отвалы кварца у шахт. Это и был рудник

---

[1] Куку-яман — горный козел.

Ван-Чжу-Ван-цзе. Недалеко от него Лю Пи остановил ишаков у одной из фанз.

— Вот наше жилище,— сказал он.

— Фанза плохая,— заметил Мафу, окинув взглядом постройку.— В крыше дыра, труба обвалилась, двери нет.

— А ты думал, что нам здесь дворец приготовили? — усмехнулся Лю Пи.— В этой фанзе уже полгода никто не живет, поэтому она и неисправна. Но починить мы ее сумеем, а пока поживем на дворе, теперь еще лето, тепло.

Быстро развязали вьюки, сложили вещи на дворике. Юнг поставил ишаков в тени и ушел: на руднике у него были знакомые. Хун и Пао, несмотря на усталость, побежали вверх по склону, где видны были мелкие кусты, за топливом. Лю Пи достал котел, муку, соль и стал месить тесто. У них еще оставалась вода, взятая из Ангырты. Опорожнив флягу, Мафу пошел к речке за водой для чая. Скоро запылал огонь, и в ожидании обеда путешественники расположились в тени фанзы. Мафу уже успел осмотреть ее и нашел, что за день все можно починить; в обрыве у реки он видел глину, годную для починки кана, трубы и крыши.

— А как будет с дверью? — спросил он.

— Дверь у соседа,— ответил Лю Пи.— Он взял ее к себе вместо стола, но теперь должен вернуть.

К обеду возвратился Юнг, а с ним пришли два рудокопа из соседней шахты посмотреть на приезжих. Соседи жаловались на плохие дела; они работали на той же жиле немного дальше.

— Едва хватает на пищу,— заявил один из них.— Жила бедная, напрасно вы взяли этот отвод. Там повыше, говорят, есть получше.

Когда соседи ушли, а Юнг отправился на гору пасти ишаков, Лю Пи сказал Мафу:

— Соседи не очень довольны нашим приходом. Они потихоньку работали и в нашей шахте: здесь золота больше, чем у них. Они люди новые, не умеют выбрать отвода получше, а взяли то, что им предложил надзиратель, который старается сбыть новичкам самые плохие отводы.

— Как же узнать хорошую жилу? — поинтересовался Хун.

— В хорошей жиле всегда много охры, камень в

ней не белый, а желтый или красный и легко отбивается от пустой породы; между ним и этой породой слой глины, и в ней часто сидит золото; сам камень не крепкий, его легко дробить. В бедной жиле — камень белый, как молоко, или прозрачный, как вода; он крепко сросся с боками и сам очень твердый.

— По твоим признакам, наша жила в Чий Чу была бедная,— удивился Мафу,— а сколько золота мы набили из нее!

— А сколько месяцев мы долбили ее, руки себе отбивали и только на пропитание добывали? И в бедной жиле попадаются богатые гнезда, но редко. Это большое счастье, что мы напали на такое гнездо.

— Так что эта жила лучше?

— Да, ровнее, и работать легче будет.

— Почему ты раньше ушел отсюда, если здесь лучше? — спросил Мафу.

— Молод был, глуп был. Да и работал не на себя, а на хозяина. С ним не поладил и ушел в Дагун,— ответил Лю Пи.

РУДНИК ВАН-ЧЖУ-ВАН-ЦЗЕ

Рудокопы пообедали и занялись починкой фанзы. Они натаскали глины, нарезали камыша и могли уже ночевать под крышей, хотя и на холодном кане. Дверь была навешена, оконце заклеено бумагой.

После ужина вышли посидеть на дворе. Ночь была тепла, на небе мерцали звезды, серп луны висел на западе над цепью скалистых гор за рекой. Поселок уже спал, и в ночной тишине доносился однообразный, убаюкивающий шум реки. По временам в чаще уныло кричала маленькая сова «сплю-у-у, сплю-у-у». Иногда вдали раздавался волчий вой.

На следующий день Мафу занялся починкой кана. Лю Пи привел в порядок ступени в шахте, а Хун и Пао бегали по чаще, шлепали по воде речки, гоняясь за мелкой рыбой, объедались барбарисом.

С обеда началась работа в шахте. Рудокопы долбили жилу, мальчики выносили руду, которую складывали в фанзе; Лю Пи боялся, что со двора соседи могли ее ночью похитить. По незнакомому подъему рудоносам приходилось идти осторожно, изучая сту-

пени. Впрочем, глубина шахты была меньше, чем в Чий Чу: вместо тридцати метров только около двадцати.

Время незаметно шло в однообразной работе. Раз в три дня, когда рудокопы ходили в кузницу наваривать кирки и клинья, мальчиков отпускали с обеда на речку.

В один из таких дней, в конце августа, Хун и Пао, изучившие уже все кусты и деревья на два ли вверх и вниз по долине, решили перейти речку и побродить на другом берегу в горах. Об охоте с ружьем теперь нечего было думать: со времени их экспедиции на холмы Мафу стал прятать порох и пули, Хуну удалось только стащить у него охотничий нож.

Перебравшись вброд через речку, мальчики прошли заросли и кусты и вскарабкались на правый каменистый склон. Отсюда перед ними открылся целый лабиринт гор, убегающих на запад и юг, насколько хватал глаз. Спустившись немного ниже, они попали в сухую долину, которая шла, извиваясь, на юг, постепенно удаляясь от Дарбуты.

Местность имела здесь совсем другой характер, чем возле Чий Чу. Вместо однообразных унылых холмов, покрытых черным щебнем и похожих на опрокинутые чугунные котлы, здесь повсюду возвышались скалистые горки и гряды из розового гранита причудливых форм: то они состояли из огромных плит, нагроможденных друг на друга и полого наклоненных в ту или другую сторону, то представляли собой кучи громадных глыб, то спускались высокими уступами. Часто в глыбах и плитах виднелись странные впадины, ниши и даже галереи с дверями и окошечками, расположенные в несколько этажей. Казалось, что какие-то исполинские черви или жуки источили эти твердые камни. В щелях на склонах и дне долины попадались кустики седой полыни или пучки пожелтевшей травы.

Хун и Пао пришли в восторг от этих природных сооружений: карабкались на склоны, прятались в нишах, аукались. Их веселые голоса звенели то тут, то там, нарушая покой каменных гор.

Вдруг Пао заметил, что на склоне среди глыб заметались какие-то маленькие серые птицы, перескакивавшие с камня на камень и скрывавшиеся между

ними. С вершины холма раздавалось тревожное квохтанье матери; птицы шли на него, поднимаясь все выше. Пао бросился за ними, стараясь поймать хоть одну. Хун прибежал на помощь, но птицы были проворнее, и, когда мальчики поднялись почти до вершины, вся стая вспорхнула и шумно перелетела на противоположный склон, откуда опять послышалось квохтанье.

— Что это за птицы? — спросил Пао.— Они кричат, как куры, но непохожи на них.

— Это горные курочки,— объяснил Хун.— Я видел их уже. Они очень вкусные. Жаль, что нет ружья!

Мальчики опять спустились вниз и пошли по долине, которая вскоре повернула влево. Среди голых розовых холмов открылась веселая зеленая лужайка, на которой одиноко возвышался огромный камень в виде острой пирамиды с полукруглыми нишами на боках. Его странная форма привлекла к себе внимание мальчиков. У подножия камня протекал ручеек с чистой прохладной водой. Утолив жажду, Хун и Пао залезли в ниши на теневой стороне и развалились, точно в широких креслах.

— Пора уже домой,— сказал Пао,— смотри, какие длинные тени!

— Отдохнем немного и пойдем.

Вдруг Пао заметил, что на противоположном склоне, за лужайкой, шагах в тридцати от него, из глубокой расселины между глыбами показалась голова с острыми ушами. Осмотревшись, зверь вышел, и Пао узнал в нем волка. У мальчика от страха захватило дыхание. Он хотел было крикнуть Хуну, сидевшему в соседней нише лицом в другую сторону, но спохватился, что привлечет этим внимание зверя, и застыл неподвижно. Сердце сильно стучало у него, холодный пот выступил на теле.

Волк тихими шагами, слегка переваливаясь, стал пробираться вдоль подножия холма вверх по долине. Пао следил за ним и думал: «Заметит или нет, заметит или нет?» Вдруг рядом раздался пронзительный свист. Волк вздрогнул, на мгновение присел на задние лапы, озираясь по сторонам, но затем, когда свист повторился, понесся стрелой вверх по склону и скрылся.

— Волк! Волк! — закричал Пао.— Смотри, Хун!

— Я видел его! — сказал Хун слегка дрожащим голосом.— Я сначала подумал, что это собака, и потому свистнул. Но потом, когда он присел, догадался, что это волк, и еще раз свистнул сильнее. Он трусливый, испугался. Ночью они храбрее.

Мальчики глотнули воды, чтобы смочить горло, пересохшее от волнения, и побежали вверх по долине, тревожно оглядываясь по сторонам. Уже надвигались вечерние тени. Ниши, галереи и расселины казались теперь черными. Солнце закатилось, когда они добежали до своей фанзы.

КАЛМЫКИ БЕГУТ ОТ ДУНГАН

Если бы мальчики остались в этот день в долине Дарбуты, им удалось бы увидеть картину большого переселения калмыков. Вскоре после обеда, когда Лю Пи и Мафу были на кузнице, находившейся почти на берегу реки, по дороге на дне долины появились всадники, верблюды, навьюченные юртами и разным скарбом с женщинами и детьми, табуны лошадей, стадо рогатого скота, баранов и коз. Эта движущаяся, кричащая, ржущая, мычащая и блеющая масса тянулась с верховьев Дарбуты. Для переселения с летовок на высоких лугах Джаира на зимовки в долинах время еще не настало, а в камышах по Манасу, где также зимует часть кочевников, было еще много воды, комаров, оводов и слепней, беспокоящих скот.

— Куда кочуете? Почему так рано? — спросили рудокопы, собравшиеся у кузницы и вышедшие на дорогу, когда появилась калмыцкая лавина.

— Лето кончилось, на горах холодно стало, снег, град идет, козам, баранам нехорошо! — отвечали калмыки.

Они спускались теперь с самых высоких летовок на высшей ступени Джаира, где участившиеся грозы с градом были опасны для мелкого скота, но хотели провести несколько недель до начала зимы на хороших пастбищах средней ступени в бассейне реки Богуты. Большая кочевая дорога туда шла по верховьям Дарбуты мимо рудника.

Калмыки сообщили рудокопам также о приближающейся войне. У кочевников, как говорится, длин-

ные уши. Кочевая скотоводческая жизнь, вся тяжесть которой ложится главным образом на женщин, оставляет мужчинам много свободного времени; они поэтому любят ездить по гостям, узнавать и передавать новости, скрашивающие их однообразный быт. Всякая новость очень быстро распространяется по степи от юрты к юрте добровольными вестниками, для которых проскакать двадцать-тридцать километров к соседям — пустяки. Если новость очень интересная, каждому хочется передать ее поскорее дальше.

Вот через это «длинное ухо» калмыки узнали, что дунганское восстание уже охватило всю область Бей Лу, то есть местность вдоль северного подножия Тянь-Шаня от Урумчи до Кульджи, что малочисленные китайские гарнизоны разбиты и разбежались, что китайское население прячется в горах и пустыне, что много беглых солдат бродит по дорогам и занимается грабежом.

Большой отряд дунган, разорив город Шихо, уже идет по тракту через Майли-Джаир, чтобы захватить Чугучак и Дурбульджин, оставшиеся еще под властью китайского правительства. Это была главная причина, побудившая калмыков спуститься немного раньше с летних пастбищ на осенние, где юрты ставят ближе друг к другу.

Читатель, не знакомый с историей Китая, спросит, конечно, кто такие эти дунгане, чем вызваны их ненависть к китайцам и все жестокости гражданской войны.

Дунгане, которых китайцы называют «хой-хой»,— китайские мусульмане, отличаются от китайцев не только религией, но и внешностью. Скулы на лице у них не так сильно выступают; кос они не носят, но одеваются, как китайцы, и говорят на китайском языке. Они рассеяны по всему Китаю, особенно в западных провинциях, но живут также в Китайском Туркестане и в Илийской провинции, занимаясь в основном земледелием, садоводством, а также торговлей, содержат постоялые дворы.

Ненависть дунган к китайцам объясняется главным образом теми притеснениями и ограничениями в правах, которым они подвергались со стороны китайских властей, помещиков и купцов. Поэтому в местностях, где дунгане были многочисленны (в западных

провинциях Китая, особенно в Ганьсу, а также в Джунгарии), они неоднократно поднимали восстания: три раза в XVII—XIX столетиях и в четвертый раз, в Ганьсу, в начале XX века.

Наиболее длительным было восстание в половине XIX века, охватившее западные провинции Китая, Туркестан и Джунгарию, начавшееся в 1863 году и окончательно подавленное только в 1877—1878 годах. Дунгане овладели рядом городов и истребляли китайцев поголовно; спасались только те, которые соглашались стать магометанами. Подавление восстания китайскими войсками, потерпевшими ряд поражений, сопровождалось такими же жестокостями по отношению к дунганам. Европейцы, путешествовавшие по Западному Китаю в восьмидесятых и девяностых годах прошлого века, еще повсюду встречали развалины городов и селений, опустошенных во время восстания.

Рудокопы были очень встревожены этими вестями. Они опасались, что, заняв города Чугучак и Дурбульджин, последние оплоты власти Китая в Джунгарии, дунгане окажутся полными хозяевами страны, захватят и разорят золотые рудники в Джаире. Тогда пришлось бы скрываться в песках и горах, пока не подойдет войско из Китая, а это могло случиться только через много недель и даже месяцев ввиду отдаленности провинции Синьцзян, в состав которой входила Джунгария, от собственно Китая и плохих путей сообщения. Рудокопы же, пришедшие в Джаир из селений и городов вдоль подножия Тянь-Шаня, где оставались их семьи, тревожились за судьбу их, так как, по слухам, дунгане не щадили даже женщин и детей. Успели ли китайские семьи укрыться при приближении дунганских отрядов в предгорьях Тянь-Шаня на юге или в рощах Кара-агача к северу от большой дороги?

У Лю Пи семья жила в новых поселках по реке Манас, довольно далеко к северу от города Манас и тракта. Сюда дунгане могли и не забраться. Кроме того, вблизи этих поселков раскинулись большие леса, где легко укрыться от врагов. Поэтому Лю Пи не очень беспокоился, но все-таки заявил, что поработает месяц-другой в Ван-Чжу-Ван-цзе и пойдет домой проведать своих. Золото в отводе шло хорошее, и

жалко было бросать его, потому что держать за собой отвод, не работая на нем, не разрешалось.

Мафу вполне согласился с этим планом. После удачи в Чий Чу у него собралось довольно много золота. Подработав еще в Ван-Чжу-Ван-цзе, он мог быть уверен, что соберет достаточно средств для обзаведения домиком и женой, особенно теперь, когда в связи с гражданской войной в области предвиделось много вдов и сирот.

«Пожалуй, домик и жену получу совсем даром,— соображал Мафу.— Но вот всякий скот, лошади, коровы, ишаки, будет очень дорог. Одних угнали подальше в горы, других войска забирают в обоз. Хлеба теперь тоже дешево не купишь».

Ввиду возможности близкого отъезда, Лю Пи и Мафу решили работать особенно усердно, а так как руда в жиле была мягкая, то набивали ее много, и мальчикам приходилось чаще спускаться в шахту. Зато не было надобности уходить далеко на холмы для сбора топлива, как в Чий Чу. Здесь рощи по долине Дарбуты давали много валежника, а на склонах гор вокруг рудника росли кусты.

Сравнительно с Чий Чу, где работы шли на нескольких жилах, рудник Ван-Чжу-Ван-цзе был небольшой; отводы тянулись по склону вдоль одной длинной жилы и другой короткой. Работали на пятнадцати отводах, а пять или шесть на дне долины были брошены из-за обильного притока воды.

Мальчикам приходилось отдыхать только раз в три дня после обеда, когда Лю Пи и Мафу ходили в кузницу чинить и точить свои инструменты. В один из таких дней они решили забрался подальше на холмы правого берега реки Дарбуты, где в прошлый раз видели горных курочек; они надеялись, что метким ударом камня удастся убить одну из них и тем скрасить однообразный ужин.

РУДОКОП ПРОВЕИВАЕТ ПЕСОК

Поднявшись на холмы, Хун и Пао пошли вверх по долине, открывавшейся к реке Дарбуты, немного выше рудника. Эта долина пролегала между голыми обрывами красноватого гранита, извиваясь то вправо, то влево.

Обрывы гранита местами были совершенно ровные, гладкие, покрытые пятнами бурого загара, свойственного породам пустыни, а местами источены большими и малыми впадинами, расположенными ярусами один над другим в виде ниш или даже галерей, в глубине которых эти ниши соединялись между собой. По дну долины струился ручеек чистой воды, окаймленный густой травой и мелкими кустами. Иногда вода исчезала, уходя в трещину в граните, русло на некотором протяжении становилось безводным, и растительность вдоль него уже пожелтела и поблекла, а дальше снова появлялись вода и свежая зелень.

Долина закончилась у подножия высокого обрыва, из трещин которого выбивалась вода. Мальчики отдохнули, напились и полезли по обрыву. Он состоял из больших плит, наложенных одна на другую, словно куча огромных плоских подушек. Поэтому рудоносам, привыкшим к лестницам шахт, было нетрудно взбираться наверх.

Вершина горы оказалась плоской, и с нее открывался живописный вид. Справа и слева возвышались подобные же плоские красноватые горы, между которыми извивались долины, то расширявшиеся в котловины с зарослями кустов и пожелтевшей высокой травы, то суживавшиеся в маленькие ущелья.

Внимание мальчиков привлек большой камень, одиноко стоявший на одной из соседних вершин; он не лежал на пологом склоне, а стоял на четырех ножках, словно кто-то его нарочно поставил. Хун и Пао доставили себе удовольствие пролезть под камнем между его ножками. Отдельные плоские вершины гор соединялись неглубокими седловинами, и мальчики, перебегая с одной на другую, видели все новые и новые котловины, ущелья и странные нагромождения камней.

В одном месте куча из нескольких глыб напоминала двух неуклюжих животных, обращенных тупыми мордами друг к другу. Мальчики стали приближаться к ним с опаской.

— Какие это странные звери лежат там на горе? — сказал Пао, первый заметивший их.

— Они, вероятно, паслись и легли отдохнуть,— сказал Хун, всматриваясь.— Это быки, только без рогов, или лошади — не могу понять. Подойдем ближе.

— А если они бросятся на нас? Если это тигры?

— У тигра шкура полосатая с черными полосами,— заявил Хун,— а эти желтые. И они лежат слишком спокойно; хотя, наверно, увидели нас.

Не спуская глаз со странных животных, мальчики шаг за шагом приблизились к ним и, наконец, разглядели, что это куча больших глыб. Тогда они быстро подбежали к ним и уселись на их каменных шеях. Размахивая палками, которые они вырезали себе в долине Дарбуты, чтобы карабкаться на утесы, и покрикивая, мальчики воображали, что они едут верхом.

В поселке на реке Манас они видели, как китайцы пашут землю на паре быков, причем на одном из них сидит мальчик-погонщик с хлыстом в руках.

Вдруг их возгласы оборвались. Куча глыб хорошо была видна из соседней большой котловины среди холмов, изрытой ямами. Из одной ямы вылез полуголый человек в широкой соломенной шляпе и посмотрел в их сторону. Мальчики испугались и прижались к глыбам.

— Что он тут делает? — прошептал Пао.— Бежим скорее домой, может быть, это разбойник!

— Рудокоп, наверно,— ответил Хун.— Смотри, в руке у него лопата. Шахту копает.

— Дядя говорил, что вблизи Ван-Чжу-Ван-цзе другого рудника нет.

— Может быть, он ищет новое место для шахты или копает дикий лук? Подойдем, посмотрим.

— Нет, я боюсь. А если это худой человек, как тот вор, которого Мафу поймал в нашей шахте?

— Ну, что он нам сделает! Золота у нас нет, и отнять у нас нечего. У меня на всякий случай есть ножик,— храбро заявил Хун.

В это время человек, очевидно не разглядевший мальчиков, прижавшихся к камням, поднял лопатой кучу земли и высоко подбросил ее в воздух, где она превратилась в тучку пыли, которую ветер отнес в сторону. Он проделал это раз десять и затем остановился.

— Работает, веет пшеницу,— заявил Хун.

— Но откуда здесь пшеница? Не видно никакого поля.

— Хлеб давно уже сжали. Зерно, вероятно, было спрятано в яме, из которой он вылез. Подойдем к нему!

Осмелевшие мальчики спрыгнули с камней, потихоньку спустились в котловину и подошли к человеку, который, стоя к ним спиной, продолжал свою странную работу.

Когда мальчики подошли близко, он внезапно обернулся, увидел их, вздрогнул и опустил лопату.

— Здравствуй, приятель! — сказал Хун.— Мы пришли посмотреть, что ты делаешь.

— Ишь, это ребята Лю Пи,— ответил узнавший их человек.— Так это вы кричали там на камнях?! А я подумал, что это киклики[1]. Чего вы шатаетесь по горам, почему не работаете?

— Наши рудокопы на кузнице, чинят кайлы, нам пока делать нечего,— заявил Пао.

Хун в это время заглянул в яму, оглядел место, на котором человек подбрасывал землю, и сказал:

— Мы подумали, что ты провеиваешь пшеницу. А тут никакого зерна нет. Один песок.

Человек рассмеялся.

— Какая пшеница! Тут зерна получше пшеницы. Это золото, как в шахтах на руднике. Я провеиваю золотоносный песок.

Он подхватил лопатой кучу песку, лежавшего рядом с ямой, и подбросил ее вверх. Ветер отнес пыль в сторону, а на землю упали более крупные песчинки. Человек нагнулся и показал опустившимся на корточки мальчикам несколько мелких зерен золота, блестевших среди песка. Он тщательно выбрал их и сложил на тряпку, лежавшую в стороне, на которой блестело еще несколько зерен.

— А много ли золота наберешь так за день? — спросил Хун, никогда не видавший, чтобы золото добывали провеиванием песка.

— Как случится. Если попадется хорошее место — за день наберешь пять-шесть фынов. А иной день и двух фынов не получишь или проработаешь совсем даром.

— Как же ты догадался, что здесь есть золото?

— Я пришел сюда издалека. На южной окраине Синьцзяна высокие горы, не то что здесь. На них снег не тает, а превращается в лед, как в горах Боро-Хоро, которые иногда видны отсюда в ясную погоду.

---

[1] Киклик — горная курочка.

— Да, да, это мы видели,— подтвердил Пао.— Там вершины и летом бывают белые от снега.

— Так вот, за теми горами много долин, в которых песок содержит золото. Этот песок копают и промывают водой, как руду на нашем руднике. Летом туда приходит много людей из городов и селений Синьцзяна. Но в иных долинах воды нет, а в песке золото есть. И люди придумали провеивать песок, как это делают с пшеницей, чтобы отделить зерно от мякины.

— Какие хитрые, эти люди! Веять песок, как хлеб!

— Да, золото тяжелее мелкого песка и пыли, ветер относит их в сторону, как мякину. Но только вот что, ребята, не говорите никому, что видели меня здесь. Я открыл это место, а другие придут и захватят его. Это будет несправедливо. Я работаю тоже в Ван-Чжу-Ван-цзе, но в шахте темно и холодно, а я люблю солнце и тепло, поэтому иногда прихожу сюда погреться. Обещаете, малыши?

— Да, да, обещаем! — воскликнули мальчики.— Пусть это будет твой отвод и твоя тайна.

Рудокоп сказал мальчикам правду. Получение золота отвеиванием из золотоносного песка, действительно, применяется золотоискателями в некоторых безводных долинах в хребте Куэнь-лунь, который ограничивает с юга обширный бассейн реки Тарим, составляющий южную часть провинции Синьцзян. Этот способ описали некоторые путешественники, посетившие золотые прииски в Куэнь-луне. И в горах Джаира также есть безводные долины, дно которых изрыто ямами шурфов, очевидно для добычи золотоносного песка, сохранившимися с того времени, когда в этих горах разрабатывались рудники.

Посмотрев некоторое время, как любитель тепла провеивает песок, мальчики заметили по положению солнца, что вечер уже близко. Они простились с золотоискателем и побежали назад — готовить ужин для рудокопов.

МАФУ В РАЗВЕДКЕ

В половине сентября лавочник рудника Ван-Чжу-Ван-цзе, ездивший в Чугучак за товаром, вернулся с полдороги и сообщил, что этот город уже осажден

дунганами. Рудокопы сильно встревожились, так как нельзя было сомневаться, что, захватив долину реки Эмиль, дунгане проникнут и на золотые рудники в Джаире. Приходилось думать о бегстве. Но сначала следовало получить точные сведения о положении дел в долине реки Эмиль, так как в Чугучаке и Дурбульджине находились китайские гарнизоны, и можно было надеяться, что они отобьют дунган.

Поехать на разведку вызвался Мафу и другой рудокоп, Чин. Они сообща наняли у лавочника верховую лошадь, так как до Дурбульджина, ближайшего города, считали около 170 ли и пешие разведчики не могли бы скоро вернуться. Выехать решили на рассвете. Утром, когда мальчики проснулись, ни Мафу, ни Лю Пи в фанзе уже не было. Пока они варили еду, вернулся Лю Пи.

— Сегодня нам нужно хорошо поработать в шахте,— сказал он.— Надзиратель назначил мне завтра помол руды, и надо, чтобы ее было побольше. Нам, вероятно, придется бежать с рудника, а за золото мы везде купим пищу.

Он спустился в шахту и, не жалея сил, стал долбить жилу, чтобы наработать за двоих. Поэтому мальчикам приходилось много раз спускаться за рудой, и даже обеденный перерыв был сильно сокращен. Лю Пи вылез, когда уже совершенно стемнело, и Пао несколько раз пришлось звать его ужинать.

На следующий день наши рудокопы с утра стали носить руду на мельницу, а после обеда начался ее помол, который шел быстро, потому что руда была мягкая, охристая. Мальчики, дробившие ее, познакомились с местным надзирателем, тощим стариком с длинными усами и козлиной бородкой, в больших круглых очках в роговой оправе. По виду он был суровый, но в действительности добрый и не алчный. Правда, за помол он брал немного дороже, чем надзиратель в Чий Чу, но не обвешивал рудокопов. Они охотно платили ему лишнее, понимая, что скудное казенное жалованье недостаточно и нужно вернуть расходы, связанные с получением должности.

К вечеру помол кончился, и для Лю Пи очистилось четыре лана золота — очень хороший заработок за две недели работы вдвоем, так что его мнение о качестве жилы оправдалось. После ужина все трое,

утомленные работой, уже ложились спать, когда в дверь ввалился Мафу.

— Вот, уже спать легли, лентяи! — воскликнул он,— и, конечно, мне не оставили поесть. А я голоден, как самый худой волк.

— Еда осталась,— возразил Лю Пи,— только нужно согреть. Хун, разведи огонь!

Сон сразу соскочил с ребят. Быстро развели огонь, поставили котел, а Мафу, сбросив ружье и котомку, присел к огню, закурил трубку и начал рассказывать.

— Вчера я и Чин доехали к вечеру до края степи Долон-Турген, где калмыцкие зимовки. Уже смеркалось, место незнакомое, людей не видно, стало жутко. Давай, говорю, переночуем. Нашли зимовку. Место огорожено, трава для лошади хорошая, речка близко, топлива много — целая куча кизяка. Слезли, пустили коня на траву, а сами забрались в телячий хлевок, завесили дверь, развели огонь, поставили чайник, сидим и разговариваем, куда завтра ехать — прямо в Дурбульджин или в Чаабчи, на китайские заимки. Чин говорит: «Едем в Дурбульджин, туда дорога прямая, а в Чаабчи все овраги да горы». «Нет, говорю, лучше в Чаабчи, там китайцы знают, как дела, а в город поедем — можем прямо на дунган наткнуться». Только я это сказал, а тут из темноты чей-то голос раздался, кто-то потник поднимает, в хлев лезет. Мы испугались, за ружье берусь, кричу:

— Не лезь сюда, стрелять буду!

— Не бойся, говорит, я не хой-хой. Хочу с вами ночевать.

— А ты кто такой? — спрашиваю.

— Я китаец из Чаабчи,— отвечает.— Нас двое от дунган убежали.

— Оружие у вас есть?

— Ружья нет, один топор взяли.

— Подай его сюда, а потом можешь лезть сам.

Он отдал топор, потом оба влезли к нам в хлевок, присели к огню, греются.

Достали хлеб, свой чайник к нашему подвесили. И вот что мы от них узнали. С их заимок под Уркашаром Дурбульджин виден. Прошлой ночью дунгане его взяли; город горел, слышна была стрельба. С заимок все китайцы уходят в горы; хлеб закопали в землю, лишнюю одежду, утварь тоже, а сами со скотом, же-

нами, детьми в горах прячутся, надеясь, что дунгане вслед за ними не пойдут. По дороге к нам беглецы видели большой отряд дунган, человек двести, на конях, с ружьями, копьями, саблями, должно быть, едут в Темиртам и на рудники в Кату — больше некуда.

От Чугучака до Дурбульджина и кругом до гор все уже разорено, ни одного поселка не осталось; там многих врасплох захватили. И у калмыков отнимают скот и лошадей, оттого те и бегут от них. В Дурбульджин, значит, ехать нам было уже незачем. Дунгане пошли на рудники Бель-Агач в Кату, оттуда в Чий Чу рукой подать, а потом и к нам пожалуют.

Мы переночевали спокойно: дунгане ночью не рыскают по дорогам. Чуть свет поехали назад.

— Уходить нам нужно отсюда поскорее,— сказал Лю Пи.— Поедем домой на Манас.

— Там не лучше, говорят, везде дунгане,— заметил Мафу.— Не спрятаться ли в горах? Дунгане на пустом руднике долго не останутся.

— В горах скоро зима будет, да и есть нечего. Мы пойдем вниз по Дарбуты, долиной. Там везде вода и чащи густые, прятаться можно, да и дичь водится: утки, зайцы, фазаны, хуан-янги попадаются; будем кормиться. А кончится твой порох — выйдем в Орху на Дям, там тоже рощи, камыши и калмыки живут. Туда дунгане, пожалуй, не дойдут, там им делать нечего. Поживем месяц-другой, пока не станет спокойно. Золото у нас есть, калмыки баранов продавать будут, с голоду не умрем.

— Что ж, Орху — хорошее место,— сказал Мафу.— Я там был лет пять назад. К калмыцкому вану за лошадьми для амбаня[1] ездил. А рядом с Орху — мертвый город, одни развалины. Только стены стоят. В случае чего, и там прятаться можно, никто не найдет.

КУДА БЕЖАТЬ?

На следующее утро Лю Пи и Мафу, спустившись к лавке на дно долины, застали там почти все население рудника, узнавшее от Чина о приближении дун-

---

[1] Ван — начальник у калмыков и монголов. Амбань — по-китайски «большой начальник, губернатор».

ган. Рудокопы закупали муку, пшено, соль, гуамянь, табак, а также обувь, теплую одежду, котелки, чайники. За два часа лавочник расторговался и запер свою лавку. Мафу и Лю Пи успели получить все необходимое и, нагрузившись покупками, поднимались к своей фанзе, когда навстречу им попался запыхавшийся китаец.

Он крикнул, еле ворочая языком:

— Уходите скорее! Дунгане уже в Чий Чу! Спасайтесь, пока не поздно!

— А ты сам откуда, приятель?

— Из Чий Чу прибежал. Сегодня на рассвете дунгане захватили рудники. Я живу на самой окраине и чуть свет пошел на холмы за топливом, потому и уцелел. С холмов видел, как прискакали всадники, и побежал сюда предупредить вас. Дайте мне поесть, у меня ничего нет, ни денег, ни золота, все дунганам осталось.

— Ты спустись вниз к лавке,— сказал Лю Пи.— Там наши рудокопы собрались, расскажи им, а потом вернись сюда, у нас обед поспеет.

Китаец кивнул головой и поплелся вниз.

— Нужно уходить скорее! — заявил Лю Пи.— Дунгане к вечеру будут здесь. К обеду они расправятся с Чий Чу, отдохнут и к нам на ночлег пожалуют. В Чий Чу им долго оставаться нельзя, там ни воды, ни корма для лошадей нет. В лучшем случае переночуют на речке Ангырты и завтра рано прискачут сюда.

— Мы пойдем вниз по долине Дарбуты, как ты сказал? — спросил Мафу.

— Нет, сначала уйдем в горы на запад,— ответил Лю Пи.— Дунгане, наверно, знают, что в этой стороне больше рудников нет. Они повернут отсюда или назад в долину Эмиль, или поедут вниз по Дарбуты до брода Чапкан-Джол, где вправо отделяется прямая дорога в Шихо. В Джаире, после того как они ограбят рудники, им делать нечего. С калмыками они не воюют, а только берут у них скот на мясо, если попадутся, но искать их по летовкам не станут. Поэтому мы уйдем на день-другой в горы, а потом взойдем на Дарбуты ниже Чапкан-Джола.

Мальчики принялись за приготовление обеда, а Лю Пи и Мафу начали собираться в путь. Приходилось оставить все инструменты, ступку, подушки, ци-

новки, столик, большой котел, треногу. Все это спустили в шахту и сложили в дальнем углу, засыпав камнем. В рудоносные корзины нагрузили запасы пищи, одежду, одеяла, чайник и чашки, золото. Наскоро пообедали в последний раз из большого котла. Китаец из Чий Чу не пришел, его, очевидно, накормили другие. Спустив котел в шахту, сбили две верхние ступени, так что шахта казалась давно заброшенной. С окна фанзы содрали бумагу, дверь сняли и сбросили в шахту, а на полу перед каном насыпали мусор. Лю Пи не терял надежды, что можно будет вернуться на рудник, когда придет китайское войско и восстановит порядок.

Покончив с уборкой, наши рудокопы взвалили на себя корзины с имуществом, Мафу надел ружье, Лю Пи засунул за пояс топор, а мальчики вооружились кухонными ножами. Спускаясь к реке, они видели, что почти у всех фанз суетятся люди, собираясь в дорогу. Более проворные шли уже через долину, направляясь в горы правого берега. Туда же повернули с речки и наши беглецы, но, поднявшись на первые холмы, Лю Пи не пошел на запад, как другие рудокопы, намеревавшиеся пробраться к речке Богуты, к стойбищам калмыков, а повернул на юг. Миновали лужайку с дырявым камнем, с которого Пао и Хун увидели волка, и шли дальше, то поднимаясь на холмы, то спускаясь в лабиринты сухих логов и ущелий в красном граните, подобных тем, которые мальчики видели при последней экскурсии. К закату отшагали около тридцати ли и, поднявшись на более высокую вершину, чтобы обозреть местность, неожиданно увидели на севере часть долины Дарбуты с рудником, освещенным последними лучами солнца.

— Смотрите, дунгане уже там, наши фанзы горят! — воскликнул Лю Пи.

Действительно, в разных местах высоко вверх поднимались тонкие столбы черного дыма. Глинобитные фанзы не могли дать обильную пищу огню: горели только стропила и камышовый настил крыши.

— Вовремя мы убрались оттуда,— сказал Мафу.— Кто замешкался, тому конец пришел. Спасибо рудокопу из Чий Чу, который предупредил нас.

— Да, в Чий Чу дунгане, очевидно, нагрянули неожиданно и захватили всех,— заметил Лю Пи.— Пожа-

луй, попался и жирный лое с собранным у нас золотом. Его дунгане, наверно, убили. Они не щадят китайских чиновников.

— Ну, ему поделом! А вот беднягу Ли Ю, погонщика, и рудокопов мне жаль.

С той же вершины увидели впереди большую котловину, на окраине которой в одном месте яркая зелень выдавала присутствие воды.

— Это ключ Ак Бастау,— сказал Лю Пи.— Здесь будем ночевать, вода хорошая и топливо найдется.

— Жаль, что у нас нет хотя бы ишачка! Здесь и корм для него имеется,— заявил Хун.

— Вы бы навьючили на него ваши корзины, а сами шли бы порожняком, нахалы,— засмеялся Мафу.

— Может быть, поймаем хуан-янга,— вздохнул Пао.

— Если поймаем, так лучше съедим его, а корзины придется, видно, нести самим все время,— заметил Мафу.

— Вот когда минуем Чапкан-Джол, торопиться уже не будет надобности,— заявил Лю Пи.— Будем подвигаться только 20—30 ли в день в два приема, утром и вечером, а в обед отдыхать.

Разговаривая, спустились в котловину и расположились на чистом месте вблизи заросли камыша и мелких кустов, окаймлявшей воду; она выбивалась ключом в ямке среди глыб гранита и текла шагов двадцать, а затем исчезала в песке. Все с удовольствием сбросили с плеч корзины; мальчики побежали собирать сухие кусты, Лю Пи достал чайник и походный котелок, купленный в лавке.

— Сегодня сварим гуамянь,— сказал он.— Лук, наверно, найдется здесь, и мы сбережем свой запас.

Чтобы набрать достаточно топлива на ночь, мальчикам пришлось совершить несколько экскурсий в разные части котловины, так как кустов было немного. Они обратили внимание на то, что на дне котловины в разных местах торчали камни белого цвета, легко распадавшиеся на дресву, усеявшую все дно. Эти камни по форме напоминали разрушающиеся памятники мусульманского кладбища, наклонившиеся в разные стороны перед падением.

На склонах холмов, окружавших котловину, мальчики заметили, что порода в верхней половине крас-

ная, характерная для этой местности, а в нижней — белая, такая же, как на дне. Оно было кое-где изрыто довольно глубокими ямами, стенки которых уже осыпались, так что ямы напоминали воронки.

— Я думаю,— сказал Хун,— что и здесь рудокопы добывали золото, провеивая песок, как пшеницу.

У костра, пока варился ужин, они рассказали старшим о встрече с рудокопом, провеивавшим песок для добычи золота на холмах возле Ван-Чжу-Ван-цзе, и о том, что здесь, в котловине, должно быть золото. Мафу им не поверил, но Лю Пи подтвердил, что он слышал об этом способе, который прежде применяли и в некоторых местах Джаира, где не было воды для промывки песка, но потом открыли жилы с золотом и нашли, что работать их выгоднее, чем провеивать песок.

— А почему здесь внизу все камни белые, а вверху красные? — спросил Пао и показал Лю Пи кусочки, собранные им на дне и на склонах.

Лю Пи осмотрел их и покачал головой.

— Не знаю, как называются эти камни. Знаю только, что ни на одном из рудников Джаира таких камней нет и что жилы с золотом в таких камнях не бывают.

КАК ОБРАЗУЮТСЯ ЗОЛОТОНОСНЫЕ ЖИЛЫ

Мы можем сообщить читателям, что мальчики сделали правильное наблюдение. Горы правого берега Дарбуты представляют собой огромный массив красного гранита. Он поднялся в расплавленном виде из глубин земли и затвердел на некотором расстоянии от поверхности в толще земной коры. Во время этого затвердения расплавленная масса разделилась на слои несколько различного состава и дала с поверхности до некоторой глубины красный гранит, а глубже белый, которые различаются главным образом по составу минерала полевого шпата, образующего главную часть этой породы и представляющего несколько видов.

Правильно было и замечание Лю Пи, что золотоносные жилы Джаира залегают в других породах, а не в граните. Они встречаются в так называемых осадоч-

ных породах — песчаниках и сланцах, образовавшихся на дне моря из продуктов разрушения каких-то более древних пород, которые слагали сушу по соседству с морем. Эти породы разрушались процессами так называемого выветривания на поверхности земли. Образовавшиеся при этом частицы песка и глины попадали в ручьи и реки и уносились ими в соседний морской бассейн, где отлагались слой за слоем, постепенно окрепли и превратились в твердые породы — песчаники и сланцы. Но жилы кварца с золотом, заключенные в этих породах, образовались позже и имели другое происхождение.

Золото и другие тяжелые металлы содержатся в большем или меньшем количестве в минеральных массах, залегающих в недрах земли в расплавленном состоянии и содержащих водяные пары и различные газы. Когда эти массы поднимаются из недр, проникая в слои земной коры, близкие к поверхности, и начинают остывать и затвердевать, пары воды и газа, содержащие также соединения различных металлов в газообразном состоянии, постепенно выделяются и устремляются вверх, где давление меньше. Эти выделения называют эманациями. Они проникают по трещине в толщи осадочных пород, которые лежат над расплавленной и остывающей массой, слагая поверхностные слои земной коры.

В трещинах отлагаются различные минералы, полученные из вынесенных парами и газами элементов. Одни из них переходят непосредственно из газообразного состояния в твердое, другие же попадают в растворенном виде в воду горячих источников, образующихся из паров воды, и постепенно осаждаются из раствора.

Так создаются жилы, заполняющие трещины и состоящие из кварца, который представляет собой кремнезем, находящийся в горячей воде в растворенном состоянии, и из руды различных металлов, в том числе и золота. Эти жилы представляют один из видов рудных месторождений, из которых человек добывает необходимые ему металлы.

Наиболее распространенными породами, внедрившимися в земную кору из глубин, здесь затвердевшими и называемыми изверженными, являются разновидности гранита. Они состоят главным образом из

кварца, разных полевых шпатов, черной слюды, а также (не всегда) роговой обманки и других более редких минералов. Поэтому с гранитами связано по своему происхождению и большинство рудных месторождений.

В Джаире с гранитом, образующим огромный массив Кожур-Тай на правом берегу Дарбуты, с которым познакомились Хун и Пао во время своих прогулок и теперь при бегстве с рудника, связаны золотоносные жилы Ван-Чжу-Ван-цзе. Они расположены непосредственно возле его окраины, тогда как жилы Чий Чу, находящиеся гораздо дальше на восток, связаны с каким-то массивом гранита, залегающим на некоторой глубине под поверхностью долины у подножия гор Кату. Процессы выветривания и размыва атмосферными осадками, расчленяющие земную поверхность и создающие все разнообразие ее форм, еще не успели вскрыть этот гранит под долиной Чий Чу, тогда как гранит массива Кожур-Тай, поднятый значительно выше, уже весь обнажен этими процессами от покрывавшей его прежде толщи осадочных пород и глубоко размыт.

Теперь мы можем объяснить читателю, почему в долине Чий Чу так много золотоносных жил, а в Ван-Чжу-Ван-цзе только одна. Эманации, выделяющиеся из расплавленной и застывающей массы гранита, устремляются главным образом вверх и осаждаются в толще осадочных пород, образующей кровлю над плоской поверхностью массива изверженной породы. Гораздо меньше этих эманаций проникает в ту часть осадочных пород, которая лежит над крутыми боками массива, уходящими вглубь. Рудник Ван-Чжу-Ван-цзе расположен в породах над крутым боком массива Кожур-Тай. Толщи, когда-то залегавшие в его плоской кровле и содержавшие много золотоносных жил, давно уже начисто уничтожены процессами размыва вместе с этими жилами; уцелела только жила Ван-Чжу-Ван-цзе над его боком. В долине Чий Чу массив остался еще на глубине, и сохранилась его кровля осадочных пород с многочисленными жилами.

Лю Пи сказал мальчикам, что в породе Кожур-Тая, т.е. в граните, который они показывали ему, золотоносных жил не бывает. Это неверно. Когда застывает массив изверженной породы, его поверхност-

ные слои разбиваются трещинами вследствие сокращения объема при переходе из расплавленного состояния в твердое. Эманации, продолжающие выделяться из глубины массива, могут отлагать в этих трещинах различные минералы. Поэтому и в самом гранитном массиве могут образоваться рудные жилы, между прочим и золотоносные. Лю Пи только не случалось видеть таких жил.

В ХОЛМАХ ИЗЪЕДЕННЫХ КАМНЕЙ

После ужина наши беглецы, утомленные хлопотливым днем и большим переходом, улеглись спать вокруг костра, который нужно было поддерживать из-за холода сентябрьской ночи, а также во избежание нападения волков. Каждому по очереди приходилось бодрствовать.

Первым дежурил Пао. Он сидел возле костра и разгонял сон, разламывая кустики на отдельные прутья, которые подкладывал в огонь. Было совершенно темно и тихо. Слабый свет то вспыхивавшего, то угасавшего костра освещал спящих, закутанных в одеяла, ближайшие кустики, торчавшие из почвы глыбы гранита и заросли камышей у воды. Холмы краев котловины чуть выступали горбами при вспышках огня. Ярко мерцали звезды на темном небе.

Тишину нарушало потрескивание прутьев и по временам всхрапывание Мафу. Изредка вдали завывал волк, и Пао, клевавший носом, вздрагивал и поспешно подбрасывал прутик в огонь. Но присутствие старших и ружье, которое стояло на сошках позади Мафу, успокаивало мальчика. Он хотел было прибегнуть к счету, как в памятную ночь на холме возле Чий Чу, но оказалось, что вблизи костра не было камешков, а находился только грубый песок, на который распадался при выветривании белый гранит дна котловины.

Тогда Пао придумал откладывать в сторону прутик после каждой сотни. Но счет нередко прерывался, и мальчик спал по нескольку минут с очередным прутиком в руке, а костер превращался в кучку тлеющих углей, подернутых пеплом. Но в конце концов набралось много отложенных прутиков, и Пао решил, что

пора разбудить Лю Пи. Последний, спавший всегда очень чутко, сменил мальчика, который моментально заснул, свернувшись калачиком под одеялом.

Лю Пи сначала побродил взад и вперед вблизи костра, чтобы разогнать сон, а затем занялся разбором провианта в своей корзине, пересчитал все головки луку и чесноку, пучки сухой зелени, переложил мешочки с гуамянью и пшеном и, наконец, долго и тщательно пересматривал золото, увязанное в нескольких тряпках, и выбрал из него кусочки кварца, попавшие при спешном толчении и промывке на дне шахты.

Мафу, дежуривший после полуночи, провел время за чисткой ружья и пересмотром запаса пуль; потом починил расшатавшиеся сошки, укрепив их ремешками, и в конце концов заснул, сидя и закрыв спину одеялом, так крепко, что если бы волки были поблизости, они смогли бы незаметно напасть на рудокопов, так как костер совершенно погас. Хун, продрогший под своим одеялом, проснулся, увидел, что огня нет, Мафу спит, а восток уже побелел, и сообразил, что его очередь караулить не только давно началась, но близка к концу; он разжег костер и занялся приготовлением завтрака, оставив Мафу спящим в сидячем положении с коварным намерением показать это Лю Пи.

Скоро звезды одна за другой стали меркнуть на посветлевшем небе, зарумянились легкие тучки, разбросанные веером на западе и предвещавшие ветреную погоду, и, наконец, над окраиной котловины блеснуло солнце и выкатилось красным шаром на гребень холмов, заливая теплыми лучами лагерь беглецов.

— Чай сварился, каша поспела, пора вставать! — провозгласил Хун, сдергивая одеяло с Пао.

Лю Пи приподнялся, протирая глаза, но Мафу продолжал спать.

— Посмотрите, как крепко караулит Мафу! — сказал Хун, помешивавший жидкую кашу в котелке.

— Здоров спать! — засмеялся Лю Пи, вылезая из-под одеяла.

— Он меня не разбудил, я сам проснулся, когда занялась заря и стало очень холодно, потому что огонь давно погас,— заявил Хун.

— Надежный караульный! Хорошо, что волки не бродили поблизости.

— А это что такое? — спросил Хун, указывая на нескольких крупных животных, которые спускались с холмов на северной окраине, направляясь, очевидно, к источнику.— Не дунганские ли лошади? Дунгане ночевали где-то по соседству!

— Сиди смирно! — прошептал Лю Пи.— Это куланы, дикие ослы. Может быть, они подойдут ближе. Какая досада, что Мафу спит, он мог бы подстрелить одного. Мясо у них жирное, вкусное.

Но куланы, очевидно, почуяли врагов, лагерь которых был скрыт от них зарослями камышей у воды, остановились в сотне шагов от источника, подняли головы и насторожили уши. Они были ростом с небольшую лошадь, желто-бурого цвета, со светлой грудью, очень короткой черной гривой и ушами длиннее лошадиных.

Куланов называют дикими полуослами, хотя они похожи на домашнего мула, то есть помесь лошади и осла. Вдоль спины у них тянется черная полоса, как у ослов, и хвост жидкий, похожий на ослиный, но уши значительно короче, чем у осла, а рост и общий облик ближе к лошадиному. Куланы бродят большими стадами в пустынных долинах Тибета, Цайдама и Западного Нань-Шаня, встречаются также, но реже, в Хамийской пустыне и Джунгарии. Вблизи Джаира они живут в рощах и зарослях по рекам Кийтын и Манас, откуда летом иногда забегают и на холмы Джаира, спасаясь от докучливых комаров и слепней, которых очень много в зарослях в теплое время.

— Эх, если бы мы могли поймать одного или двух,— вздохнул Хун.— Мы бы навьючили на них свои вещи и шли бы налегке.

Лю Пи подполз на четвереньках к Мафу и начал его расталкивать.

— Мафу, Мафу,— шептал он.— Очнись! Твое ружье заряжено, здесь близко стоят куланы!

Рудокоп хотел вскочить, но Лю Пи удержал его за плечо.

— Тише, тише, спугнешь.

Куланам, видимо, очень хотелось напиться и пожевать зеленых камышей. Они стали опять подходить, но медленно, с перерывами, насторожившись.

Очнувшись, Мафу повернул ружье в их сторону, насыпал порох на полку и присел за сошками.

Сквозь вершины камышей ему были видны только головы куланов, представлявшие на таком расстоянии неверную цель для его ружья. Застывшие в одном положении Лю Пи и мальчики следили за движениями животных. Последние окончательно остановились шагах в шестидесяти; жеребец-вожак нюхал воздух, раздувая ноздри, в нетерпении бил копытом по дресве.

— Ближе не подойдут, убегут,— прошептал Мафу и нажал собачку.

Грянул выстрел. Все вскочили и увидели, что куланы неслись галопом к холмам; еще несколько секунд, и они были уже на склоне; слышался скрежет камня под ударами копыт и ржанье вожака.

Мафу побежал к тому месту, где они стояли, но мальчики опередили его. Внимательно осмотрев белую дресвяную почву, на которой кое-где виднелись следы куланов, Мафу сказал с огорчением:

— Промахнулся, надо быть. Крови нигде не видно.

— Плохо целился, сон еще висел в глазах! — злорадно заявил Хун.— Ты ведь проспал и свою очередь и мою.

— Отчего же ты не разбудил меня раньше, нахал?

— Разбудил бы, если бы знал, что придут куланы проведать нас. Остались мы теперь без мяса.

Вернулись в лагерь, где Лю Пи уже разлил кашу по чашкам; стали есть, обсуждая происшествия — крепкий сон рудокопа, отсутствие волков, визит куланов. Мафу рассказал, что в песках к северу от Гучена, где он пас казенные табуны, живут не только куланы, но и настоящие дикие лошади с короткими ушами, длинной гривой и густым хвостом. Но охотиться на них очень трудно, они слишком осторожны, не дают подкрасться поближе.

Он говорил правду. В глубине песков Джунгарской пустыни водится дикая лошадь, открытая русским путешественником Пржевальским и получившая его имя. Охотники изредка ловят ее. В некоторых зоологических садах имеются экземпляры дикой лошади. Она среднего роста, чалой, внизу почти белой масти; голова большая, рыжеватая, конец морды белый; шерсть слегка волнистая, зимой довольно длинная; грива короткая, стоячая, темно-бурого цвета; челки нет. От кулана она отличается меньшей длиной ушей, более волосистым хвостом и отсутствием вдоль спины

черной полосы, характерной для ослов. Живет небольшими табунами в 5—15 голов кобыл и молодняка во главе с вожаком-жеребцом.

После завтрака собрались в дальнейший путь по Кожур-Таю. Лю Пи осмотрел ямы на дне котловины, найденные мальчиками, и сказал, что в них, вероятно, добывали золотоносный песок.

— Только золота мало нашли, потому что скоро бросили. Ведь здесь десятка два ям нарыто, не больше,— заявил он.— Вот по речке Ангырты возле гор Кату таких ям много. Там, говорят, находили довольно много золота и песок промывали, вода близко. И все-таки оставили, когда нашли золото в жилах Чий Чу.

До полудня шли по холмам Кожур-Тая. Местами холмы сближались, и путникам часто приходилось подниматься на седловины и спускаться в котловины. Везде был тот же красный гранит, утесы которого часто имели прихотливые формы, напоминая то кучи толстых подушек, наложенных одна на другую, то неуклюжие столбы из больших глыб, то полуразрушенные, растрескавшиеся стенки. В глыбах часто виднелись малые и большие углубления в виде карманов, ниш и даже галерей, в которых ниши в глубине были соединены друг с другом, а спереди разделялись толстыми или тонкими столбиками. Увидев в одном месте галерею больших ниш, Хун воскликнул:

— Вот бы ночевать здесь! Мы растянулись бы под этими навесами, впереди развели огонь; было бы тепло, а волки не могли бы напасть на нас сзади.

— Дядя, кто выдолбил эти ямы в камнях? — спросил Пао.— Неужели рудокопы искали в них золото?

— Не слыхал я, чтобы в этом красном камне родилось золото,— ответил Лю Пи.— Уже первые рудокопы, пришедшие на Ван-Чжу-Ван-цзе, нашли такие ямы в холмах за речкой Дарбуты и удивлялись им.

— Калмыки, может быть, сделали их?

— Нет, калмыки никогда золотом не занимались.

— Может быть, это норы каких-нибудь зверей, лисиц или волков? — предположил Хун.

— Волки, лисицы, тарбаганы[1] роют норы в мягкой земле,— пояснил Мафу.— Камень — слишком твер-

[1] Тарбаган — сурок.

дый, когтями его не выскребешь. Хорошую кирку нужно, чтобы высечь такую нору.

— И укрыться зверь в ней не может, он весь на виду будет,— заметил Лю Пи.— Норы у лисиц и волков глубокие, размаха в два, не меньше.

— Я думаю, что бывают такие червяки, которые грызут камень,— сказал Мафу.— Я видел червяков, грызущих дерево, но только норки у них маленькие.

— Эти червяки едят дерево,— возразил Лю Пи,— а камень какой червяк станет есть!

В одном месте внимание мальчиков привлекла ниша огромной величины в громадной глыбе гранита, составлявшей вершину плоского холма; на дне ее могли усесться несколько человек; в тонком потолке ее была в одном месте довольно большая дыра, через которую солнечные лучи падали на заднюю стенку. Это было так интересно, что путники поднялись на холм и вошли в нишу, высота которой достигала роста человека.

— Вот бы сделать привал здесь! — воскликнул Хун.

— Да, почти что фанза,— заметил Мафу,— можно бы отдохнуть в тени, пока не спадет жара. Жаль только, воды у нас нет, чтобы сварить чай.

— Вода есть,— заявил Лю Пи.— Я налил на всякий случай нашу баклагу, потому что не знал, попадется ли еще ключ на холмах до вечера. На чай хватит.

— Как хорошо! Отдохнем, покушаем! — воскликнул Пао, сбрасывая корзину на дно ниши.

Его примеру последовали остальные. Старшие уселись выкурить трубочку, мальчики побежали собирать топливо. Скоро возле ниши в широкой трещине между глыбами гранита затрещал огонек, а котелок и чайник примостили над ним. Лю Пи достал муки, замесил крутое тесто для лапши. Хун нашел в соседней котловине несколько головок дикого лука. В похлебку прибавили сушеного мяса, купленного на руднике. Пообедавши, развернули одеяла и улеглись в тени, чтобы поспать часа два-три.

Образование ниш в граните осталось загадкой для наших путешественников, но мы можем разъяснить ее читателю. Углубления подобного рода встречаются особенно часто в гранитах, но бывают и в других породах — не слишком твердых песчаниках. Они обра-

зуются не только в пустыне, где очень многочисленны и характерны, но и в местностях с более влажным климатом, например на западной окраине Алтая, в окрестностях Кисловодска на Кавказе, в Саксонской Швейцарии. На Алтае такие ниши наблюдаются в гранитах, а в остальных указанных местах — в грубых песчаниках.

Ниши создаются процессами выветривания, главным образом химического, но при этом существенную роль играет и работа ветра. В какой-нибудь трещине породы собирается вода после дождя, а зимой набивается снег, который днем на пригреве тает. Зимние морозы, а также весенние и осенние ночные заморозки превращают воду в лед.

Вследствие увеличения объема льда по сравнению с водой мало-помалу нарушается связь между отдельными зернами гранита и песчаника. Вода, всегда содержащая некоторое количество углекислоты, растворяет известковый цемент, соединяющий зерна песчаника, и действует на полевые шпаты гранита, превращая их в глину.

Постепенно гранит и песчаник разрушаются по стенкам трещины и превращаются в дресву, выдуваемую порывами ветра. Трещина расширяется, образуется впадина, в которой воды и снега накапливается больше, и процессы механического (разъединение зерен давлением льда и колебаниями температуры) и химического (воздействие воды) выветривания действуют сильнее. Впадина постепенно, точно язва, расширяется вглубь, в бока и особенно вверх, где влага в тени держится дольше и где удалению отделившихся друг от друга зерен помогает сила тяжести; они падают на дно впадины, откуда их выметает ветер.

Так эти впадины превращаются в большие и малые ниши. Соседние ниши вследствие разрушения боковых стенок в глубине соединяются, и получается галерея из нескольких ниш, разделенных у поверхности скалы более или менее толстыми столбиками, которые разрушаются медленнее. Величина ниш ограничена в граните горизонтальными или пологими трещинами между глыбами, а в песчаниках — плоскостями наслоения; в толстых пластах и глыбах образуются большие ниши, в тонких — маленькие.

Огромные ниши, подобные той, в которой наши

рудокопы нашли место для отдыха, встречаются редко — в особенно крупных цельных глыбах гранита или в очень толстых пластах песчаника (возле Кисловодска). Процесс разъедания потолка ниши в отдельно лежащей глыбе и в слое, образующем поверхность склона, может дойти до того, что в нем появляется отверстие. Постепенно оно расширяется, разъедается весь потолок, и ниша превращается в подобие кресла, ручки которого с течением времени понижаются. Этот процесс может уничтожить целый холм гранита или песчаника, от которого в конце концов останутся только днища самых нижних ниш с остатками ручек и спинок кресел в виде бугорков и грядок. Такие остатки автор видел возле колодцев Мин-шуй в Хамийской пустыне на месте одних холмов гранита, тогда как другие еще представляли собой ниши разной величины в разных стадиях разъедания.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ДОЛИНЕ ДАРБУТЫ

Рудокопы хорошо отдохнули в тени ниши в граните и часа в три пополудни продолжали путь по холмам Кожур-Тая, которые имели такой же характер, как и встреченные ими раньше. Но через десяток ли путники вышли на окраину массива. Справа от них продолжались красные холмы, а слева появились черные, состоявшие из осадочных пород песчаников и сланцев той же громадной свиты[1], которая выступала вокруг рудников Ван-Чжу-Ван-цзе и Чий Чу. Как и в окрестностях Чий Чу, эти холмы были плоские, округленные, усыпанные щебнем, почерневшим от загара, и напоминали огромные опрокинутые чугунные котлы. Мальчики сразу обратили внимание на это, и Хун воскликнул:

— Мы не пришли ли по ошибке на холмы Чий Чу и не наткнемся ли на дунган?

— Не бойся, парень! — успокоил его Лю Пи.— Я дорогу знаю. Место похоже на Чий Чу, но далеко от наших рудников. Вот там,— он показал на северо-восток,— видишь вдали горы Кату? А Чий Чу возле них.

На горизонте тянулась зубчатая гряда гор, в кото-

[1] Свита — ряд пластов или жил.

рой нетрудно было узнать хорошо знакомый Кату, а впереди них все пространство было заполнено черными холмами и грядами, похожими на морские волны.

— Среди этих черных холмов, недалеко от нас, лежит долина речки Дарбуты,— прибавил Лю Пи.— А от нее до Чий Чу почти день пути.

Немного дальше, на окраине Кожур-Тая, путники заметили холм очень странного вида. Он весь состоял из наваленных одна на другую черных глыб, большей частью правильной шарообразной формы. На некоторых из них можно было видеть, что поверхностный слой породы в один-два сантиметра толщиной был разбит трещинами. Куски его разной величины отделились от остальной массы, причем некоторые уже отвалились и лежали на земле.

— Эти камни,— словно яйца, с которых лупится скорлупа! — воскликнул Хун.

— Кто наворотил эти шары друг на друга? Уж не калмыки ли? — спросил Мафу.

Действительно, встреченная рудокопами куча напоминала сооружения, называемые «обо», которые монголы-ламаисты[1] воздвигают на перевалах и вершинах гор в честь горных духов. Каждый проезжий считает долгом сделать свое приношение духам в виде камня, подобранного поблизости и положенного на кучу, которая таким образом с течением времени все увеличивается. Если нет камня, можно воткнуть палку или привязать к торчащим в куче палкам лоскуток, оторванный от одежды, или пучок волос, вырванный из гривы или хвоста коня. Но только это обо состояло из глыб, которых человек не смог бы поднять.

— Это место называется Шайтан-Обо,— пояснил Лю Пи.— Калмыки думают, что злой дух наворотил здесь камни, поэтому они такие черные. Тут поблизости есть маленький ключ.

— Где же? Не мешает напиться. Может быть, взять воды для ночлега? — спросил Мафу.

— Ночевать мы будем на речке Дарбуты,— сказал Лю Пи.— А напиться можно, до речки еще не близко.

Он направился к другому холму обычного вида, у подножия которого между глыбами гранита в малень-

---

[1] Ламаизм — разновидность буддизма, религиозного учения, распространенного в Центральной Азии.

кой впадине стояла вода. Ее трудно было заметить со стороны, так как вода небольшого ключа быстро уходила в дресву и возле нее росло только несколько пучков зеленой травы. Напившись, мальчики побежали к черному холму, вскарабкались по его шарам на вершину и уселись на венчавшей его глыбе.

— Эй вы, ребята! — воскликнул Лю Пи, заметивший это.— Слезайте долой! Калмыки говорят, нельзя лазить на Шайтан-Обо, злой дух рассердится и сделает человеку какую-нибудь пакость.

— И здесь злые духи шалят! — усмехнулся Мафу.— Везде они тебе мешают.

Мальчики уже спускались. Хун, вскочивший при спуске на один из шаров, вывел его из равновесия, и шар покатился. Хун не удержался и полетел вверх ногами.

— Вот видишь! — воскликнул Лю Пи.— Хорошо, что он упал назад, а не вперед; шар раздавил бы его в лепешку.

Пао помог Хуну, завязшему со своей корзиной между глыбам, подняться. Мальчик изрядно ушибся, но, подходя к старшим, смеялся.

— Калмыцкий шайтан хотел тебя задавить и оставить на своем обо,— сказал Мафу, улыбаясь.

— И не успел, я слишком проворный! — ответил Хун.

Холм Шайтан-Обо может служить примером выветривания гранита другого характера, значительно отличающегося от красного гранита, слагающего главную массу Кожур-Тая; в нем больше темных минералов — черной слюды и роговой обманки, а полевые шпаты иного состава. При выветривании он распадается на крупные глыбы без образования ниш, причем глыбы округляются благодаря процессу шелушения.

В зависимости от большего содержания темных минералов поверхность этого гранита нагревается сильнее, чем красного, так как светлые тела преимущественно отражают лучи солнца, а темные поглощают их. Поэтому поверхностный слой темного гранита подвергается более сильным колебаниям температуры и, наконец, отслаивается, отделяется трещиной от глубже лежащего слоя, начинает шелушиться.

Отделившийся слой при колебаниях температуры

разбивается поперечными трещинками на куски (скорлупы), которые порывами ветра и силой тяжести сбрасываются на землю. Раньше всего выветриваются выдающиеся части глыбы — углы и ребра, чем обусловлено образование шаров; под влиянием шелушения они мало-помалу, очень медленно, уменьшаются в объеме.

Обилием темных минералов в выступающем граните объясняется и развитие в нем сплошного пустынного загара, так называемого лака пустыни; он состоит главным образом из окислов железа и марганца и особенно густо развивается на твердых, темных и мелкозернистых породах, богатых этими элементами. На светлых породах, где таких минералов мало, загар развивается отдельными светло-бурыми и матовыми пятнами; это не блестящий лак, как на темных породах, а светло-бурый и матовый. Железо и марганец, по-видимому, извлекаются влагой (роса, дождь, тающий снег) в виде солей из глубины породы и на поверхности превращаются в окиси благодаря сильному нагреванию лучами солнца. На красном граните Кожур-Тая, бедном темными минералами, загар светло-бурый, пятнами, а на темном граните Шайтан-Обо, богатом этими минералами, он сплошной и черный.

Солнце клонилось уже к закату, когда наши путники подошли по окраине Кожур-Тая к тому месту, где Лю Пи хотел повернуть на реку Дарбуты. Здесь пролегала большая дорога из Чий Чу в Шихо, пересекавшая речку на броде Чапкан-Джол и уходившая затем по окраине Кожур-Тая на юг через последние гряды Джаира. На этой дороге можно было неожиданно встретиться с отрядом дунган, пробиравшимся после разграбления рудников обратно к оазисам подножия Тянь-Шаня. Поэтому Лю Пи не пошел по ней, а свернул к черным холмам на восток. Пройдя по ним около одного ли, путники увидели перед собой долину реки с ее рощами, зарослями кустов и камышей, полянами, поросшими пучками чия, круто спустились, подошли к реке и прежде всего утолили жажду чистой, холодной водой.

— Чапкан-Джол совсем близко,— сказал Лю Пи.—

Вы подождите здесь, а я пойду к броду, посмотрю, все ли спокойно.

Сбросив свою корзину, он осторожно пробрался по роще и зарослям к броду, где большая дорога пересекала реку; со стороны Чий Чу она выходила из широкого лога в горах, а к Кожур-Таю поднималась по короткому скалистому ущелью. На краю прогалины Лю Пи остановился и прислушался. Голоса, стук копыт, звяканье стремян приближающегося по дороге отряда можно было услышать издалека. Но все было тихо; чуть журчала вода по камням, шелестели камыши и листья деревьев. Солнце уже скрылось за береговыми холмами.

Вернувшись к своим спутникам, Лю Пи повел их скорым шагом, чтобы миновать опасное место. И тут у брода они увидели страшную картину. Возле кустов лежал ничком человек, уткнувшийся головой и руками в воду; его синяя ватная кофта была изорвана и покрыта пятнами крови, черная косичка, словно змея, извивалась в струях пробегавшей воды. Мафу оттащил труп и повернул его лицом вверх. На лбу оказалась длинная рана, нанесенная саблей, омытая водой и бескровная. Мафу осмотрел одежду мертвеца, снял с него туфли и засунул их в свою корзину. Лю Пи укоризненно покачал головой и сказал:

— Напрасно взял у мертвого. Это приносит несчастье.

— Делать нечего,— объяснил Мафу.— Мои туфли износились, через два-три дня придется бросить, а других у меня нет.

— Кто это, дядя, дунганин или китаец? — спросил Пао.

— Рудокоп из Чий Чу, наверно. Дунгане нагнали его здесь, прикончили и отняли золото, если у него было.

— Тише! — воскликнул Мафу.— Кто-то едет по дороге.

Все замолчали и прислушались. Со стороны холмов левого берега доносились стук копыт, позвякиванье стремян и голоса людей.

— Скорее в кусты! — скомандовал Лю Пи.

Все четверо побежали к зарослям за бродом и притаились среди камышей. Едва они успели спрятаться, как из ущелья выехал к речке отряд вооруженных

дунган в синих, белых и черных кофтах, серых войлочных шапках, с ружьями или копьями за плечами. Тяжело хлопая крыльями, взлетели орлы, уже усевшиеся возле мертвеца у брода, а лошади передних всадников захрапели и попятились. Послышались возгласы, удары нагаек, и отряд, не обратив внимания на мертвого, заехал в воду и остановился поить лошадей. Хун, подползший ближе, насчитал около сорока человек.

— На Манас идут,— шепнул Лю Пи.— С рудниками покончили, теперь новой поживы ищут...

Напоив лошадей, всадники рысью поехали дальше и скрылись.

— Нужно уходить отсюда скорее! — сказал Лю Пи.— От этих скрылись — другим в руки попадемся.

Двинулись дальше по тропе, бежавшей по опушкам рощ или по зарослям чия, иногда поднимавшейся на нижнюю часть склона долины, если рощи подступали к самому подножию. Но не успели путники отойти и сотни шагов от мертвеца, как в густых кустах возле тропы услышали какой-то шорох; вершины кустов колебались, словно кто-то возился среди них. Оставив свою ношу, Мафу полез в чащу, и тотчас же оттуда раздался его голос:

— Идите сюда скорее с топором и с ножами, тут крупная дичь, которую нам послало само небо.

ПОКИНУТЫЙ ЛОЕ

Лю Пи и мальчики, оставив корзины на тропе, пробралась через колючие кусты шиповника и барбариса и увидели ишака, навьюченного вещами. Животное приветствовало людей оглушительным ревом.

— Тише ты! — крикнул Мафу и ударил ишака по морде.

Животное рванулось назад, но тотчас же остановилось: сбившийся на бок вьюк его крепко застрял в колючей чаще. Кроме того, от спутанных передних ног животного шла веревка к кусту у тропы. Чтобы освободить ишака, пришлось вырубить несколько кустов и обрубить ряд веток, вцепившихся своими шипами во вьюк. Ишака вывели на тропу. Лю Пи и Мафу принялись развязывать вьюк, чтобы поправить

его. Возле кустов, где запутался ишак, они нашли сверток с одеялом и ватной кофтой.

— Я думаю,— заявил Мафу,— что хозяин этих вещей лежит вон там у брода и мы можем смело воспользоваться находкой.

— Ишак понесет и наши вещи. Теперь нам легче будет идти,— воскликнул Пао.

Лю Пи покачал головой.

— Мертвец у брода был простой рабочий, судя по его одежде,— сказал он.— А эти вещи слишком хорошие для рудокопа. Смотрите, какие это красивые бамбуковые корзины. Их делают в Южном Китае, и сюда их мог привезти только какой-нибудь чиновник или купец.

— Куда же он девался? Зачем бросил своего ишака? Нужно открыть корзины и посмотреть, что в них.

— Это мы сделаем вечером. А теперь надо скорее уходить отсюда, это опасное место.

Поправив вьюк и прибавив к нему самые тяжелые вещи из своих корзин, беглецы пошли дальше, не переставая перебрасываться догадками о хозяине ишака и его судьбе. К сумеркам отшагали несколько ли от брода. Лю Пи успокоился и решил выбрать место для ночлега. Впереди виднелась большая роща у самой реки в стороне от тропы.

— Смотри-ка, тут свежие следы еще двух ишаков,— воскликнул Мафу, указывая на мягкую пыльную почву прогалины перед рощей.

— Пожалуй, мы скоро найдем хозяина ишака и вещей,— заметил Лю Пи.

Словно подтверждая это, ишак, которого вел Мафу, вдруг остановился, поднял хвост и разразился протяжным ревом, на который из глубины рощи тотчас же ответил другой ишак.

Мафу на всякий случай начал снимать ружье, отпустив повод. Почувствовав свободу, животное двинулось вперед и помчалось рысью через заросли к роще. Мафу, Лю Пи и мальчики побежали за ним, но не могли догнать. Когда они вошли в рощу с ружьем и топором наготове, ишак стоял уже возле двух других, привязанных к дереву, и все трое чесали друг другу холки, словно обмениваясь приветствиями. Тут же из-за дерева выглядывал китаец, который при виде детей смело вышел навстречу пришельцам.

— Это наш лое! — воскликнул Лю Пи.— Добрый вечер, лое. Вот мы твоего ишака нашли и пригнали.

Надзиратель, радостно протягивая рудокопам обе руки, воскликнул:

— Где вы поймали моего ишака? И не видели ли моего работника? Он рано утром угнал ишака с вещами и скрылся. Я ждал его весь день, да так и не дождался.

— Не его ли это туфли, лое? — спросил Мафу, вынимая из корзины обувь, которую он снял с мертвого китайца у брода.

— Ну, конечно! Я отдал ему на дорогу пару своих туфель, потому что его изорвались, а новых в лавке уже не было. Вот по этому узору можно узнать, что их делали не в Синьцзяне, а в Кантоне,— сказал лое, указывая на белый цветок, вышитый на синей ткани туфли.

— Твой работник лежит мертвый у брода Чапкан-Джол. Я снял эти туфли с его ног, потому что мои худые,— сообщил Мафу.— Его, очевидно, убили дунгане.

— А ишака мы нашли недалеко от брода, он запутался в колючих кустах,— прибавил Лю Пи.

— Несчастный! — воскликнул надзиратель.— Справедливая судьба жестоко покарала его за кражу и за то, что он бросил меня, старика, одного в пустыне. Он надеялся, что меня съедят волки и никто не будет преследовать его за кражу. Вот он сделался жертвой дунган, а мне судьба послала вас. Куда вы пробираетесь?

— Вниз по Дарбуты,— отвечал Лю Пи.

— Поедем дальше вместе,— предложил надзиратель.— Вы можете облегчить свою ношу, переложив все тяжелое на моих ишаков, а зато будете помогать мне вьючить и пасти их.

— Хорошо, лое,— ответил Мафу.

— Ты справедливый человек, и мы тебя не оставим в беде,— прибавил Лю Пи.

Пришельцы сняли свои корзины, развьючили ишака и подошли к разложенному костру, на котором уже варился ужин. Мальчики набрали топлива на всю ночь.

Надзиратель был горожанин, неопытный в путешествиях, и не мог преследовать беглеца по его сле-

дам. Очутившись один в дикой местности, без ружья, не зная дорог и с запасом еды только недели на две, он пришел в отчаяние. Весь день лое ждал своего работника, надеялся, что тот вернется, что он пошел только искать сбежавшего ишака, который, вероятно, побежал в свое стойло на руднике. Но когда солнце зашло, а работник все еще не появлялся, лое догадался, в чем дело, и остановился на ночлег. Ишаки за день достаточно наелись. Он привязал их к дереву и начал готовить себе ужин.

— Я представляю себе, как погиб мой работник,— сказал надзиратель.— Он скоро дошел до брода, привязал ишака поблизости и вышел на перекресток посмотреть, нет ли дунган. Может быть, он сам еще не решил, куда бежать, назад ли на рудник, или на Манас, или в Чий Чу, чтобы скрыться с золотом, которое спрятано в моей корзине на ишаке; это золото я взял с собой, чтобы сдать в казну в ближайшем городе. А у брода он сразу наткнулся на дунган. Они приняли его за рудокопа, бежавшего из Чий Чу, и прикончили, чтобы отнять золото, бывшее при нем, которое он добром отдать не захотел. Но просто чудом спасся мой ишак.

Надзиратель также принял участие в ночном дежурстве, так что на каждого пришлось меньше двух часов, и все могли выспаться. Ночь прошла спокойно, волков не было слышно. В горах на юге прошла гроза, но в долине шел небольшой дождик, от которого беглецы укрылись под деревьями.

На следующий день продолжали путь. Лое ехал на одном ишаке, а на двух других были навьючены вещи. Рудокопы шли с почти пустыми корзинами, что очень облегчало путешествие. Долина повернула на восток и стала более открытой. Хотя справа все время тянулись довольно высокие скалистые горы с дикими ущельями, но слева поднималась только плоская терраса. Взобравшись на нее, можно было видеть, что долину с этой стороны окаймляет широкая полоса каменистой пустыни, за которой на горизонте тянулись зубчатой стеной горы Кату. В долине по-прежнему чередовались рощи, чащи кустов и зарослей, но воды в речке стало меньше, и русло местами скрывалось среди высоких камышей.

Во время обеденного привала Мафу застрелил в

зарослях молодого кабана, мирно дремавшего в яме с водой. Это была приятная прибавка к провизии путников, так как позволяла сдабривать пшенную кашу салом и мясом.

Еще два дня подвигались, не торопясь, вниз по долине, которая оставалась безлюдной; встретившиеся кое-где калмыцкие зимовки еще были пусты. Речка местами совершенно исчезала, оставляя сухое русло, потом опять появлялась. Рощи тополей встречались реже, появились большие, искривленные кусты тамариска. На правом берегу продолжалась та же скалистая цепь, на левом — каменистая пустыня, но в двух местах внесли разнообразие группы пестрых скалистых холмов с лабиринтом ложбин. Эти холмы, расположенные в долине Дарбуты недалеко друг от друга, называются Чокмак-Тас и Найза-Тас. Ночевали в роще возле Чокмак-Таса, и мальчики имели возможность осмотреть его. В центре группы возвышался черный холм в виде конуса с такими гладкими боками, что Хун и Пао после нескольких попыток вскарабкаться на вершину должны были отказаться от этого. Вокруг него среди извилистых рытвин и ложбин поднимались утесы самых разнообразных форм и различного цвета — бурого, желтого, зеленого и красного. Одни напоминали яйцо, поставленное на тупой конец; другие представляли собой столбы из одной или нескольких глыб, наложенных друг на друга; третьи имели вид каменных грибов различной величины. Из кустов, росших по ложбинам, то и дело выскакивали зайцы, которых мальчики безуспешно пытались поймать или хотя бы убить брошенным камнем.

Вернувшись в лагерь, они были в таком возбуждении от виденного, что Лю Пи и Мафу пошли осмотреть холмы, а надзиратель принялся мастерить лук из прута тальника с тетивой из кишок кабана и стрелами из твердых прутьев джигды (лоха). Он кончил работу, в которой мальчики приняли живое участие, уже при свете костра. Лю Пи и Мафу также были заинтересованы холмами; первый высказал предположение, что в них должно быть золото, второй — что гладкий конус состоит из железа. Он принес кусок очень тяжелой черной руды, которую удалось отковырнуть ножом на склоне конуса.

На рассвете надзиратель повел Хуна и Пао к холмам, чтобы показать им охоту на зайцев, которые кормились на лужайке в долине зеленой травой и молодыми побегами тальника. Надзирателю удалось подстрелить двух, а Хуну — остроносую утку из небольшой стаи, плававшей в речке; зайцы были слишком проворны для неопытного стрелка.

Когда охотники принесли свою добычу в лагерь и Мафу похвалил их, Пао спросил его:

— Почему ты сам не стреляешь зайцев своим ружьем? Их так много.

— Видишь ли, нахал, у меня зарядов мало, и их жаль тратить на такую мелкую дичь; если моя пуля попадет в зайца — она его разорвет на куски, есть нечего будет. Другое дело — кабан, хуан-янг, кулан.

Это была правда. Но Мафу не прибавил, что он умеет стрелять только в неподвижную цель.

В этот день беглецы около полудня дошли до глубокого ущелья Тар, где речка Дарбуты врезалась в большой гранитный массив. Но перед ним они миновали перекресток второй большой дороги, которая вела с рудников Дагун и Цзагун, самых восточных в Джаире, на Манас. Здесь путники наткнулись на жуткую картину: на площадке, среди кустов, клочья ваты, лохмотья одежды, рваные башмаки и соломенные сандалии валялись вперемежку с человеческими костями и черепами. В одном месте почва была усыпана крупинками золота. Очевидно, у кого-нибудь из беглецов в одежде было зашито золото, оставшееся незамеченным настигшими их дунганами, а когда волки растерзали его труп, оно просыпалось на землю.

— Соберите это золото, мальчики,— сказал надзиратель.— На Манасе мы, наверно, найдем семью кого-нибудь из погибших рудокопов и отдадим ей золото.

Пока Хун и Пао осторожно сгребали желтые крупинки вместе с пылью, Мафу, внимательно осматривавший площадку, нагнулся и поднял что-то с земли. Это было серебряное кольцо-печатка с красным камнем, на котором были выгравированы китайские иероглифы.

— Похоже, что это кольцо надзирателя с Чий Чу,— сказал Лю Пи.— У него было точно такое же на большом пальце левой руки.

Подошел надзиратель, заинтересованный находкой, осмотрел кольцо и спросил:

— А как звали вашего лое на Чий Чу?

— Чжун Ю ванг, кажется,— ответил Лю Пи.

— Да, здесь написано «Чжун Ю ванг»,— сказал лое.— Очевидно, несчастный погиб, и все золото, которое он вез с собой, казенное и собственное, попало в руки дунган.

Покинув площадку, караван вскоре вступил в ущелье Тар. Врезываясь в твердый гранит, долина Дарбуты сразу сужалась; с обеих сторон крутыми уступами поднимались розовые утесы вперемежку с осыпями щебня и дресвы. В русле, сухом выше ущелья, появилась вода, и речка быстро текла по гальке, окаймленной узкой полосой тополей и редкими кустами. Утесы часто подступали к самой воде, и каравану приходилось брести прямо по речке.

Ущелье, круто повернув вправо, кончилось. Путники опять вышли в широкую долину, которая тянулась до горизонта между отвесными обрывами справа и пологими откосами террасы той же пустыни слева. Местность стала здесь более открытой, рощи тополей почти исчезли, и русло речки, большею частью сухое, окаймлялось только густым кустами, а по остальному пространству широкого дна долины сравнительно редко встречались большие кусты и корявые деревья тамариска, между которыми извивалась дорога. Местность была совершенно безлюдна. В изобилии попадались только зайцы, за которыми молодые охотники гонялись усердно и не без успеха.

Два дня шли по этому коридору, укрываясь на ночь и в полдень среди кустов вблизи русла там, где в нем появлялась вода. Волков ночью не было слышно; они, очевидно, ушли на пиршество к рудникам; ишаков можно было отпустить пастись и на ночь, спутав им только ноги. Из-за этого чуть не случилась катастрофа. Хун во время своего дежурства услышал в русле, в котором вода была только в большой впадине под берегом, какую-то возню и топот. При свете луны он увидел, что один ишак лежит на земле и мотает головой, а другие беспокойно топчутся вблизи. Оказалось, что животное увязло до брюха. Чтобы спасти ишака, пришлось срубить несколько кустов, перекрыть ими трясину и вытаскивать его с помощью веревок и кольев.

Если бы Хун не обратил внимания на топот и хрип ишаков, не покинувших своего товарища в беде, путники утром были бы удивлены бесследным исчезновением одного из своих длинноухих, так как трясина совершенно засосала бы его. За свою бдительность Хун получил от надзирателя хороший монгольский нож в ножнах с кольцом, который можно было носить на поясе.

Еще день шли по речке, долина которой становилась все более бесплодной. Кусты и деревья росли только вдоль русла, образуя чащи там, где появлялась вода; вне этой узкой полосы, широкое дно долины почти лишено было растительности; по правому берегу тянулись более низкие горы. Наконец, речка вышла из Джаира и повернула, в виде безводного русла, вдоль его подножия на юг.

Караван пошел на восток через ровную пустыню, протянувшуюся на двенадцать километров до берега реки Дям и усыпанную почерневшим щебнем. Эту реку, окаймленную большими рощами, можно было увидеть, только подъехав совсем близко, так как ее долина врезалась в пустыню метров на сорок—пятьдесят.

Переночевав в месте, где река прорывается через конец низкого кряжа Хара-Арат, караван пошел вниз по ее долине, которая окончилась в котловине Орху, составлявшей ближайшую цель путешествия. Здесь река делилась на два русла: одно шло на север, к озеру Улусту-нур, другое — на юг, к озеру Айрик-нур.

МЕРТВЫЙ ГОРОД ОРХУ

Котловина Орху между озерами, длиной в 20 и шириной в 3—5 километров, представляла собой большие и малые рощи тополей и заросли кустов, рассеянных среди обширных полян, поросших травой и бурьяном. Разбросанные по ней зимовки калмыков, очевидно, были еще пусты, так как нигде не замечалось признаков жизни; ни юрт, ни пасущихся животных. С запада котловину окаймляли такие же обрывы, как и долину реки Дям, из розово-желтых песчаников и глин; с востока к ней примыкала обширная площадь «Мертвого города».

Так как дунгане могли пожаловать в Орху или с запада — из Джаира, или с севера — вниз по Дяму, то путники нашли более удобным для себя остановиться на восточной окраине, поближе к Мертвому городу, чтобы при первой же тревоге укрыться среди развалин. Поэтому они пошли на восток к холмам, на которых уже виднелись поднимавшиеся ярусами стены, башни различной формы, острые шпицы, купола, занимавшие огромную площадь, сплошь покрывая столовую гору вдали и спускаясь с нее по холмам и логам к котловине.

Путники с любопытством разглядывали эти развалины, среди которых не видно было ни клочка зелени, ни признаков жизни.

— Кто жил здесь? Давно ли город покинут жителями? Почему это случилось? — спрашивали мальчики надзирателя.

— Вот придут калмыки на свои зимовки,— ответил надзиратель.— Они, наверно, знают больше, чем я. В китайской истории я ничего не читал об этом городе, вероятно, потому, что он существовал гораздо раньше того времени, когда часть Китая распространилась на эту страну.

Недалеко от окраины Мертвого города, в небольшой роще старых тополей, путешественники наткнулись на признаки зимовки — изгородь для мелкого скота и кучи кизяка, тут же был и колодец.

— Здесь мы и остановимся,— сказал Лю Пи.— Есть вода, есть топливо, есть корм для ишаков, больше нам ничего не нужно.

Пока взрослые развьючивали ишаков, мальчики, захватив котелки и веревку, подошли к колодцу. Он оказался глубиною около четырех метров, и на дне его стояла вода. Зачерпнув ее котелком, мальчики захотели напиться, но после первого же глотка Пао выплюнул воду.

Понесли котелок с водой взрослым. Попробовав ее, надзиратель сказал:

— Ишаки, может быть, будут ее пить. Но у людей от нее живот заболит, а чай будет совсем невкусный.

— Вода в колодцах загнивает,— заметил Мафу,— если ее долго не черпают. Тут зимовка, и с весны, когда калмыки ушли, никто водой не пользовался. Вот она и стала вонючей и соленой. Нужно ее вычер-

пать, колодец вычистить, и тогда пойдет хорошая вода.

В тени тополей было прохладно, и в ожидании обеда все расположились на земле вблизи костра. Ишаки дремали, опустив головы, терпеливо ожидая, чтобы их пустили на пастбище.

После обеда все направились к колодцу, вооружившись котелками, веревкой и маленьким заступом, бывшим у надзирателя. Пригнали и ишаков, чтобы напоить их перед чисткой, но вода им тоже не понравилась, и они выпили только по котелку. Мафу разделся догола и по веревке спустился в колодец; он наполнял котелки, а Лю Пи и мальчики вытаскивали их наверх и выливали. Скоро вода стала мутной, а потом пошла жидкая, черная грязь, пахнувшая тухлыми яйцами. Ее вытащили котелков двадцать. В глубине оказалась маленькая деревянная колода для водопоя, которую калмыки на лето спустили в колодец, чтобы она не рассохлась. Мафу тщательно обскреб лопатой стенки и дно колодца и заявил, что работа кончена. Когда его вытащили, он был вымазан грязью с ног до головы; мальчики смеялись, глядя на него. Обмыться было нечем, но Мафу посидел на солнце, и грязь, высыхая, отваливалась корочками с тела.

Когда опять набралась вода, ее попробовали; она была уже гораздо лучше, и ишаки напились вволю. По совету Мафу ее снова вычерпали до дна.

— Теперь пойдет совсем хорошая вода,— заявил рудокоп.

В этих занятиях время прошло до вечера. Надзиратель, бродивший по окрестностям в поисках другого колодца на случай, если первый не удастся очистить, вернулся с известием, что в соседней роще живут старый калмык с женой, которые караулят маленькую пашню с ячменем, оберегая ее от кабанов, зайцев и фазанов. Калмыки ничего не знают о дунганах, за лето не видели ни одного человека, но через неделю ждут возвращения своих. Старики понемногу молотят снопы и намолотили уже два мешка зерна. Это известие обрадовало наших путников, так как они надеялись купить ячменя или муки, а по приходе калмыков иметь мясо и молоко. Поэтому путешественники не поскупились на пшено, бывшее уже на исходе, для вечерней каши.

Утром отправились в гости к калмыкам. Старики жили в маленькой юрте, насквозь продымленной и настолько ветхой, что кошмы стен и крыши во многих местах просвечивали. Гости застали их за молотьбой. Разложив несколько снопов на маленьком токе, калмыки, сидя на корточках, били колосья гибкими прутьями, часто прерывая работу, чтобы подремать на пригреве. По соседству паслась на веревке коза — единственный скот старой четы, скудно снабжавший их молоком, которое с чаем и цзамбой (поджаренной ячменной мукой) составляло всю пищу отшельников.

Юрта стояла на окраине небольшой пашни, кое-как вскопанной и засеянной. Вокруг нее стеной высился сильно разросшийся бурьян, а за ним виднелась большая роща, над которой, словно уединенный форт, поднималась столовая гора из тех же желто-розовых слоистых пород, что и обрывы вокруг котловины.

Старики обрадовались неожиданным гостям (ведь целое лето они провели только вдвоем со своей козой и собакой), повели их в юрту и попотчевали жиденьким чаем с молоком. Лое отдарил их несколькими кусочками сахара-леденца, а Лю Пи — горсточкой табаку, чем несказанно обрадовал калмыка, давно уже курившего какие-то сушеные листья. Вечером, когда солнце село и сумерки опустились на котловину, старик и старуха пришли к новым поселенцам с ответным визитом. Они явились к ужину и разделили скромную еду путников, которая показалась им роскошной. Когда котел с кашей уступил место чайнику и все закурили трубки, старый калмык, по просьбе лое, рассказал о Мертвом городе.

— Давно, давно, может быть, тысячу лет назад или больше — кто их считал, эти годы, кто записывал! — в этом городе жили люди, и вера у них была иная. Так я слышал от стариков, когда был еще маленьким. Уйгурами, что ли, звали этот народ. И были они подвластны большому хану, который жил где-то под Алтаем, а здесь в городе управлял маленький хан. Жил он со своими близкими и разными начальниками на большой горе, что стоит на дальнем краю города, а под горой жили его подвластные и солдаты.

Здесь, внизу, земля ценная, и вся эта котловина, где теперь только тополи и кусты растут и наш скот

пасется, в те времена была возделана; от края и до края тянулись поля и сады. Поэтому и построили город рядом, в пустыне, чтобы не занимать место, годное для посева.

Большой город был тогда. Теперь его пешком за день не обойдешь, пожалуй дня два или три ходить будешь. Жителей в нем было много, но жилось им нехорошо. От зари до зари они трудились на полях и в садах, а жены их ткали дома ковры и шелка с утра до вечера. Весь урожай и всю работу они сдавали хану, а от него получали только скудное пропитание. Они же носили на себе в ханскую крепость воду из реки, доставляли топливо с Дарбуты и с гор, пасли ханский скот и лошадей вокруг озер Айрик и Улусту, где были луга и камыши, а сами не смели держать даже козу, никогда не видели ни молока, ни мяса. Надзиратели и солдаты держали их в повиновении и подгоняли на работе.

Хлеб, сушеные плоды, ковры и шелка хан отправлял на верблюдах к большому хану и получал от него разные товары, драгоценности для своих жен, оружие для солдат. Так и жили многие годы; такой порядок был и у предков хана.

Но однажды случилась беда. В горах, откуда течет река Дям, в конце лета, когда урожай с полей и садов еще не был собран, выпало много снегу, а потом стало опять тепло, и он сразу растаял. Пришла большая вода и затопила всю долину, занесла поля песком и камнем, повалила деревья. Почти весь урожай пропал, и людям грозил голод.

И вот надумал хан: чтобы прокормить только здоровых рабочих людей,— всех лишних уничтожить; стариков и старух перебить, молодых женщин и девушек продать в рабство соседям, а на выручку купить хлеба для оставшихся и для сдачи большому хану.

Стали солдаты забирать женщин и детей в крепость, чтобы отправлять их караванами, стали прикалывать стариков и старух. И по всему городу пошел плач, и люди потеряли голову. Смирные земледельцы взбунтовались, вооружились лопатами, мотыгами и, защищая своих близких, перебили надзирателей, солдат и осадили ханскую крепость. А в крепости воды своей нет, только приносная из реки, которую наливали в большие сосуды.

Когда вода кончилась, хан увидел, что дело плохо. Собрал оставшихся солдат, навьючил драгоценности на верблюдов, поджег все запасы хлеба в складах и ночью, прорвавшись через осаду, ушел со своими женами на Алтай к большому хану. Рабы разгромили крепость, но хлеба не нашли, и зимой в городе начался голод: кто умер, кто бежал. А то, говорят еще, большая буря случилась, и жилища всех оставшихся в городе людей песком засыпало, и все они, обессиленные голодом, погибли. Так рассказывают люди, правда ли, нет ли — не знаю.

Старик замолчал и смотрел на огонь, словно видел перед собою картину гибели города. Молчали и слушатели, подавленные его рассказом о событиях, похожих на то, что было теперь: восставшие осаждали и грабили города, опустошали страну, и людям грозил голод...

Потрескивали сучья тополей в костре, бросая красноватый свет на смуглые задумчивые лица, на шероховатые стволы тополей, на трех дремавших ишаков, равнодушных к людским тревогам. Во мраке ночи тихо шелестели листья. По временам кричала сплюшка.

— Так с тех пор уже много веков пустует этот город,— заговорил опять калмык, очнувшись от раздумья.— Долго пустовала и долина, заросла рощами, кустами, не оставалось и следа прежних полей и садов. А потом с великим Чингиз-ханом пришли наши предки и поселились здесь — место для наших зимовок хорошее, теплое. Только воды в реке стало меньше. Прежде, говорят, по всей долине текла вода канавками по пашням и садам, а теперь с половины лета и в самой речке только ямы с водой остаются...

— А вы свой хлеб разве не поливаете? — спросил Лю Пи.

— Весной два раза полили,— ответил калмык.— Весной вода из речки сюда доходит. А потом хлеб уже растет кое-как и без полива.

— А волков здесь много водится? — полюбопытствовал Хун.

— Водятся, мальчик, водятся. Где волков нет? Где хуан-янг, там и волк, они друг друга стерегут. Живут они в городке, в развалинах прячутся, а по ночам и сюда забегают. Мы свою козу и собаку ночью в юрте

держим, а то бы их давно съели. И вы за ишаками посматривайте, ночью привязывайте возле себя.

Калмыки поднялись и стали прощаться.

— Тихо теперь здесь, совсем тихо,— сказал старик, удаляясь.— А вот скоро наши придут, тогда шумно и весело будет.

* * *

Рассказ старика о Мертвом городе — это лишь легенда, передаваемая калмыками из рода в род с разными прибавлениями. В действительности в нем нет развалин зданий, построенных руками человека, и никто никогда здесь не жил. Все разнообразие форм Мертвого города — замки, башни, стены, улицы и переулки, шпицы, столбы, памятники, часовни, гробницы — создано природными силами: выветриванием и размывом.

Весь город сложен из мягких песчаников, переслаивающихся с песчаными глинами зеленоватых, розоватых и желтоватых цветов, которые легко размываются водой и развеиваются ветром. В этих мягких породах много твердых конкреций, то есть стяжений, богатых известью, извлеченной грунтовой водой из пород и сосредоточенной вокруг определенных центров, которые стягивали к себе растворы. Эти конкреции имеют очень разнообразную форму и величину; одни из них представляют собой шары, похожие на пушечные ядра, другие яйце- или клубневидны, третьи состоят из многих клубней, спаянных друг с другом. Благодаря своей твердости они выступают при выветривании окружающей породы, образуя карнизы, вершины шпицев, столбы и т.д. Шаровидные конкреции, выступающие в стенах, очень напоминают старинные пушечные ядра, застрявшие при бомбардировке. В этих породах иногда встречаются также прожилки белого прозрачного гипса, которые выпадают из выветривающихся обрывов, дробятся на куски и создают иллюзию осколков оконного стекла.

Песчаники и глины залегают толщей в несколько сот метров. Они образовались очень давно, несколько миллионов лет назад, в виде осадков на дне огромного озера. Вот почему в глинах иногда попадаются отпечатки пресноводных раковин и окатанные косточки

земноводных животных. Возможно, что многие конкреции в песчаниках включают остатки организмов, населявших озеро: раковины, косточки, даже скелеты, которые и вызвали стяжение к ним растворов, содержавших известь; внутри конкреций вообще нередко находят такие остатки.

Это озеро давно уже исчезло, и толщу его осадков постепенно размывали дожди, врезали в нее сеть рытвин, логов и оврагов, расчленившую осадки на крупные и мелкие части. В настоящий период климат Джунгарии очень сухой, дожди редки; но расчленению толщи, образованию новых башен, стен, столбов и прочих форм помогают ветры, дующие здесь часто и достигающие силы бурь. Они сдувают со стен песчинки и пылинки, отделившиеся от пластов благодаря процессам выветривания, о которых мы говорили, описывая образование ниш в граните. Этим рыхлым материалом засыпаны все улицы и переулки Мертвого города, и нога вязнет в нем до щиколотки.

Мертвый город Орху — замечательный пример красивых форм, созданных силами природы. Он поражает их разнообразием и сходством с человеческими сооружениями. Автор, открывший это место во время геологических исследований, так и назвал его «эоловым городом», т.е. городом, созданным эоловыми, воздушными силами.

КАЛМЫКИ ПРИШЛИ

В ожидании прихода калмыков с баранами беглецам пришлось добывать пищу охотой, чтобы растянуть небольшие остатки муки и пшена на более продолжительное время. Мальчики бродили с луком и стрелами в рощах и зарослях, и им почти каждый день удавалось добыть неосторожного зайца или зазевавшегося фазана; но на пять человек это было немного. Мафу берег свои заряды для более крупной дичи, но она не выходила в котловину. Мальчики уговаривали его сходить с ними в Мертвый город, где можно было встретить антилоп.

От рощи с колодцем, где стояли беглецы, Мертвый город был отделен довольно широкой полосой камышей, занимавшей впадину, которую весной затопляла

вода из реки, вздутой таянием снега в горах. За ней сразу начинались плоские холмы с рыхлой почвой, в которую глубоко погружались ноги. Вскоре показались и первые развалины — полуразрушенные башни, одни низкие и широкие, другие высокие и узкие, и многочисленные стены глинобитных фанз, разбросанные то густо, то редко среди голых площадей с той же рыхлой почвой. Местами попадались впадины-солончаки с зеленеющими кустиками солянок, тамариска и хармыка[1]. В одном месте путешественники заметили группу облупившихся памятников, похожих на надмогильные, напоминавших лежащих львов; саркофаги и урны. Потом началась широкая улица, окаймленная довольно высокими стенами больших зданий, чередовавшихся с башнями. Местами в изобилии валялись осколки какого-то твердого вещества, то бесцветного и прозрачного, то мутно-белого. Трудно поверить, что все это создано природой, а не человеком.

— Я думаю,— сказал Мафу, подняв и рассматривая какой-то осколок,— что это стекло.

— А что такое стекло? — спросили мальчики, никогда не видевшие стекла, не известного в этом районе Китая.

— Это твердая и совсем прозрачная бумага, которую умеют делать ян-гуйцзе[2]. Ее вставляют в окна, и тогда в комнатах светло и тепло. Такую бумагу нельзя проткнуть пальцем или кончиком языка, как нашу, и сквозь нее все видно.

Хун и Пао взяли по куску стекла, чтобы показать Лю Пи.

Охотники пошли дальше, а город все время тянулся справа и слева, то поднимаясь на холмы, то опускаясь в широкие долины. Местами расстилались большие пустыри, представлявшие голую пустыню, песчаную или усыпанную галькой, или солончаки с кустиками и буграми наносного песку. Башни разно-

---

[1] Хармык — куст с очень длинными, но тонкими ветвями, мелкими листочками и сладко-солеными ягодами, которые любят верблюды. Хармык растет на плоских кучах песку, покрывая их своими стелющимися ветвями.

[2] Ян-гуйцзе — «заморские черти», как в Китае часто называли европейцев.

образных форм чередовались со стенами, небольшими зданиями, похожими на часовни, огромными изваяниями каких-то чудовищных животных, острыми шпицами и обелисками. Все это было разрушено, обвалилось, облупилось. Мальчики, никогда не видевшие такого большого города, с удивлением разглядывали сооружения.

Наконец, дошли до обширной голой и ровной площади, за которой поднималась «крепость хана» — высокая, со множеством выступов, карнизов, башен, спускавшихся ярусами сверху донизу. Крепость с этой стороны казалась неприступной твердыней.

— Хан, видно, боялся своих рабов,— сказал Хун,— и построил свой дворец совсем отдельно.

Голая площадь у подножия вся была усеяна осколками камня разных цветов — зеленого, красного, белого, желтого,— гладкими на ощупь и блестевшими под лучами солнца. Мальчикам они понравились, и они стали набирать целые горсти этих осколков.

— Это, верно, кусочки ханской посуды, которую перебили рабы, когда грабили крепость,— сказал Пао.

На пути по городу охотники не встретили ни одного живого существа, если не считать нескольких ящериц и жуков на солончаке. Все было мертво и пусто; могильная тишина царила среди этих бесчисленных сооружений.

На обратном пути с одного из холмов Мафу показал детям видневшиеся впереди вершины деревьев оазиса. На спуске они наткнулись на свои же следы и пошли по ним. На повороте Мафу заметил впереди трех антилоп, медленно переходивших через широкую улицу, направляясь на север. Он остановил своих спутников, повел их обходом наперерез животным в соседнюю улицу, где все трое притаились за песчаным бугром, увенчанным жидкими кустами. Рудокоп приготовил ружье, нацелившись через кусты. Немного погодя из промежутка между зданиями вышли уже пять антилоп и стали пересекать улицу, уверенные в своей безопасности, так как летом, когда калмыки были в горах, никто, кроме волков, не тревожил животных. Они были в полусотне шагов от охотников и остановились полизать соль на солончаковой площадке. Неожиданно грянул выстрел. Одна из антилоп пошатнулась, отскочила в сторону и упала; остальные

стремглав, большими прыжками, понеслись дальше и скрылись среди развалин.

Мафу и дети побежали к добыче. Животное еще дышало; на рыхлой почве виднелось пятно крови.

Удалив, хотя и с сожалением, желудок, кишки и брюшину антилопы, которые ведь тоже представляли пищу, Мафу взвалил тушу на плечо. Хотя ноша была тяжела и рудокоп обливался потом, но перспектива нескольких вкусных обедов и ужинов заставляла его бодро шагать вперед. К роще пришли уже в сумерки и обрадовали Лю Пи и надзирателя неожиданной прибавкой к ужину.

Прошло несколько спокойных и теплых осенних дней. Однажды под вечер Лю Пи, поивший ишаков у колодца, от которого видно было устье долины Дяма, заметил, что там появились какие-то люди.

«Уж не дунгане ли?» — с тревогой подумал он.

Скоро можно было различить верблюдов с вьюками, крупный и мелкий скот. На конях с обеих сторон гарцевали всадники с копьями.

— Это калмыки идут на зимовку,— сказал Мафу, влезший на дерево, чтобы лучше видеть.

Выйдя в котловину, караваны стали распадаться: одни уходили налево, другие направо, распределяясь по своим угодьям. К роще, где жили пришельцы, направились только два верблюда. На одном из них была навьючена юрта, на другом сидели две женщины с маленькими детьми. Старуха, ехавшая верхом на корове, гнала несколько голов рогатого скота и десятка три овец и коз. Мужчины и подростки скакали по сторонам, оберегая табунок лошадей. Заметив у рощи людей, наездники остановили свой караван, поскакали вперед и, не доезжая рощи, приготовили копья и окликнули:

— Что за люди? Кто занял нашу зимовку?

Переговоры продолжались минут пять, в течение которых калмыки все выспросили, рассмотрели и, признав пришельцев неопасными, решились подъехать; они соскочили с коней и подошли.

— Амур сайн бейна[1]! — сказал старший.

— Амур сайн, амур сайн! — ответил Мафу.

Калмыки тотчас же присоединились к костру бег-

---

[1] Монгольское приветствие.

лецов, достали трубки и завели разговор о грозных событиях последнего времени.

— Мы опасаемся, что дунгане заглянут и сюда,— сказал один, имевший на своей черной круглой шляпе с загнутыми вверх полями и красной кистью медную шишку, указывавшую его звание маленького чиновника.— С Джаира все кочевники ушли на Куйтун, подальше от войны. Наши летовки — на горах Уркашара, и мы решили вернуться сначала сюда и выждать.

— И разузнать, где дунгане и куда еще собираются идти,— прибавил второй.

— Завтра пошлем разведку в Чумпацзы и на Хобук,— сказал третий.— После разграбления рудников, как сказывают люди, дунгане разделились. Одна часть ушла на Хобук, другая на Манас грабить китайцев, а третья осталась в Чумпацзы.

— Совсем разорили весь край,— продолжал первый.— Пожалуй, ни одной китайской заимки не осталось, весь народ разбежался, два города сожгли.

— Худо будет теперь, хлеба не стало, а сеять некому; придется и нам эту зиму жить без хлеба, как жили наши деды, пока китайцы не пришли сюда.

— А кому мы будем продавать шерсть, шкуры, баранов, лошадей?

— Вот дунгане лишнее отберут, и тогда продавать нечего будет,— успокоил калмыков Мафу.

— Пусть попробуют! Мы им накладем! — грозился младший калмык.

Пока мужчины разговаривали, женщины развьючили верблюдов и начали ставить юрту на окраине рощи: монгол не любил жить в тени, ему нужно солнце и простор. Раздвинули и поставили кругом решетчатые бока, водрузили верхний конус и привязали его жерди к решетке; покрыли войлоком бока и крышу. Меньше чем в полчаса юрта была готова. Женщины развели в ней огонь и стали варить чай; тогда и беседовавшие мужчины отправились к себе.

Эта ночь была не так спокойна, как прошлые. Отовсюду доносились лай собак, мычание и блеяние скота, рев верблюдов, людские голоса, песни. Котловина ожила.

Прошло еще два дня, в течение которых беглецы постоянно принимали гостей-калмыков, приезжав-

ших с разных сторон поговорить, сообщить и узнать новости. Надзиратель сторговал у них жирного барана, чтобы отплатить рудокопам, которые до сих пор снабжали его мясом из охотничьей добычи.

К вечеру вернулись разведчики, посланные в Чумпацзы, и принесли весть о том, что дунгане собираются идти в Орху; у них кончился запас скота, взятого на заимках, и они рассчитывают поживиться у калмыков. Разведчики подкрались к самому лагерю дунган и подслушали их разговоры. Отряд состоит из сотни с лишним всадников.

Эта весть немедленно разнеслась по котловине. Взад и вперед скакали калмыки, собирались кучками и совещались. Молодежь была настроена воинственно и хотела отбить непрошеных гостей оружием, но старшие решили откочевать на юг в пески за озером Айрик в надежде, что туда дунгане не решатся идти и, не найдя в Орху никакой поживы, уйдут в Манас. Тогда можно будет вернуться на зимовки.

Беглецы вечером тоже обсуждали, как им быть,— идти ли с калмыками или укрыться в Мертвом городе.

— Здравствуйте, приятели, кушали — не кушали? — раздалось вдруг приветствие, и из темноты к огню подошли какие-то незнакомые люди.

Мафу бросился к ружью, Лю Пи и лое вскочили, рассматривая с недоверием пришельцев, которые были вооружены вилами, топорами и дубинами.

— Не бойтесь, приятели, мы не дунгане! — успокоил рудокопов один из пришельцев.— Мы беглецы из Хобука, нас двенадцать человек с женами и детьми. Мы едва спаслись от дунган, два дня шли через пустыню. Пустите нас ночевать здесь, дайте воды, мы с утра не пили, не ели.

— Положите ваше оружие на землю и тогда подходите,— разрешил Лю Пи.

Пришельцы исполнили приказ и ушли назад в темноту. Вскоре они вернулись с целым караваном из десяти ишаков, на которых был навьючен разный скарб, сидели женщины и дети. С ними были корова, две козы, две собаки.

— Вот мы теперь здесь все свои, китайцы,— заявил один из них.

— Располагайтесь в роще, места всем хватит, и вода близко,— пригласил Лю Пи.

— Только знайте, что завтра к полудню сюда придут дунгане из Чумпацзы, и мы сами уйдем отсюда,— предупредил Мафу.

— Завтра — что судьба даст, а сейчас нам нужно поесть и отдохнуть.

Выбрав место по соседству, пришельцы развьючили ишаков, мальчик показал им колодец. Наши беглецы помогли им начерпать воды, уделили топлива из своего запаса.

Запылал второй костер, забурлили котлы и чайники, усталые люди улеглись вокруг них. Некоторые мужчины подсели к рудокопам и сообщили, что на Хобук дунгане нагрянули неожиданно. Они пришли по подгорной дороге из Дурбульджина, всего только полсотни конных. Китайцев на Хобуке живет много, одних мужчин больше сотни, но заимки очень разбросаны — в пяти, в десяти ли одна от другой, и в каждой людей немного. Дунгане и начали грабить их по очереди.

— Наши заимки на краю пустыни, в низовьях речки, и мы успели спастись. Увидели дым, услышали выстрелы, крики, догадались, наскоро собрались и ушли,— рассказывал один.

— Мало кто спасся с Хобука,— прибавил другой,— разве ушли на ту сторону или на солончаки в низовьях. А мы никого не видели.

— Мы шли сюда два дня, надеясь, что найдем здесь воду, корм и калмыков. Ночевали без воды в пустыне, топлива не хватило, ночью у нас волки задавили одного ишака,— сказал третий.— А куда идти теперь, куда бежать дальше?

Эта ночь была еще беспокойнее. У пришельцев плакали маленькие дети, по всему оазису лаяли и выли собаки, словно предчувствуя надвигающуюся беду, мычали коровы, блеяли овцы, ревели верблюды, перекликались люди. Тревога охватила зимовки мирных кочевников.

В МЕРТВОМ ГОРОДЕ

Калмыки с утра стали собираться к перекочевке на юг, и мимо рощи один за другим потянулись обитатели северной части оазиса со всем своим скарбом и

скотом, женами и детьми. Мерно покачиваясь, проходили верблюды, поднимая пыль с бурьяна, бежали лошади, тесной гурьбой семенили овцы и козы, взад и вперед скакали верховые. На высоком уступе между низовьем реки Дям и котловиной, с которого видна была и пустыня на западе, и долина реки, и спуск с гор Хара-Арат, был выставлен дозор; завидев издали дунган, он должен был подать весть всем замешкавшимся и подгонять отсталых.

Рассчитывая на это, рудокопы и китайцы, которым уходить в развалины было недалеко, не торопились с отъездом, чтобы дать своим животным время подкормиться поплотнее перед предстоящим постом, а сами собирали дрова, нарезали камыш, женщины варили обед. Мафу с утра ушел в Мертвый город, чтобы выбрать подходящее укромное место для убежища.

Перед полуднем снялись и ушли калмыки, стоявшие у рощи. У рудокопов и китайцев все было готово, камыш и топливо связаны в вязанки, все фляги наполнены водой, животные напоены досыта, люди пообедали. Мафу вернулся с известием, что нашел хорошее убежище.

Вскоре после обеда дозорные на уступе замахали и стали поспешно спускаться. Тотчас же тронулся в путь и караван наших беглецов. Мафу повел его сначала по полосе камышей вдоль оазиса, а потом повернул в выходившее из города сухое русло, густо усыпанное мелкой галькой, на которой животные не оставляли следов, могущих привести дунган к убежищу. Только пройдя два или три ли в глубь города, караван повернул в сторону, пересек несколько улиц с развалинами и подошел к месту, выбранному Мафу. Это был кривой тупик между высокими стенами, защищавшими от ветра и солнца. Выход из него на большую улицу почти загораживали развалины башни, оставившей узкий проход, который легко было оборонять от врагов и оберегать от волков. В тупике хватало места и для людей и для животных.

Беглецы одобрили выбор и расположились в новом убежище; следы, которые вели к нему через улицу, по рыхлой почве, тщательно затерли. Был отдан строгий приказ не шуметь и не разводить огня до наступления ночи, так как первый день казался наиболее опасным. Дунгане, не найдя никого в Орху, могли послать

разъезды по окрестностям для поисков. Шум или дым привлекли бы их внимание. Поэтому, выставив двух караульных у входа, все легли спать в тени; сытые животные также дремали, опустив головы.

До сумерек время прошло в полной тишине, караульные слышали несколько выстрелов, донесшихся из оазиса: дунгане, вероятно, охотились на какую-нибудь дичь или отбившийся у калмыков скот. Когда стемнело, развели огонь и стали варить ужин и чай. Костер бросал красные отблески на голые глинистые стены, из которых местами выдавались какие-то странные выступы, то шарообразные, словно ядра, засевшие при стрельбе, то напоминавшие головы фантастических животных, то казавшиеся костями замурованных людей. У подножия расположились хобукские китайцы; женщины кормили младенцев; дети постарше чинно сидели, устремив черные глазки на огонь. Ближе к выходу ишаки тесной группой жевали камыш, и над их серыми спинами выдавалась черная спина коровы. Рядом, свернувшись клубком, спали собаки. Кучками лежали вещи, вязанки камыша и дров.

Ночь прошла спокойно. У входа сменялись караульные, оберегавшие лагерь от волков; звери выли по соседству и подходили совсем близко; их отгоняли палкой и головнями из костра. Когда солнце поднялось над «крепостью хана», видневшейся на востоке позади ближайших холмов, один из хобукских китайцев спросил Лю Пи:

— Не пора ли послать разведчика в Орху? Он заодно принес бы нам воды. Дунгане, наверно, уже ушли.

— Ты очень торопишься,— вмешался Мафу.— Объехать и осмотреть всю котловину они вчера не могли. Наверно, останутся еще денек и будут рыскать. Да и коням отдохнуть нужно.

— У нас воды не хватит до вечера,— настаивал китаец,— дети очень много пьют.

— Тише, тише! — заговорил подбежавший караульный.— По улице в нашу сторону едут два всадника.

— Далеко? — спросил Мафу.

— Чуть видны.

— Всем притаиться, ни звука! — скомандовал лое.— Авось не заметят, проедут мимо.

— Что делать? — послышались встревоженные голоса.

— А если случайно заглянут?

— Тогда нужно покончить с ними! — заявил Мафу,— иначе они ускачут и приведут всю шайку. Двое с вилами пусть спрячутся возле башни, я приготовлю ружье, еще двое с топорами должны быть наготове. Женщин и детей — совсем назад, вглубь, ишаков — впереди них, чтобы не мешали нам. Лошадей не бить — они нам пригодятся. Людей на вилы — и долой с коня!

— Рысью едут, уже не так далеко,— сообщил караульный,— с ружьями.

— За хуан-янгами поехали. Ну, все по местам! — скомандовал Мафу.

Женщины и дети скучились в глубине тупика; впереди них поставили ишаков и корову, очистив у входа всю площадь для бойцов. Мафу установил на сошки ружье, направив его на вход на высоту груди всадника, насыпал на полку свежего пороха и присел рядом. Два китайца с вилами и два с топорами притаились за развалинами башни, остальные немного поодаль, кто с дубинкой, кто с заступом, Лю Пи со своим топором. Караульному велели отползти вглубь, как только всадники подъедут совсем близко.

В тревожном ожидании проходили минуты. Вот уже послышались голоса, и караульный прошмыгнул мимо засады вглубь. Все притаились, с бьющимся сердцем устремив глаза на вход. Но всадники проехали мимо, не заглянув в тупик. Опасность миновала. Однако за охотниками, искавшими антилоп, могли последовать разведчики, осматривающие город в надежде, что в нем калмыки попрятались вместе со скотом. Поэтому караул у входа в тупик был оставлен, а беглецам лое запретил разводить огонь и шуметь.

Проходили часы, солнце поднялось высоко, и между голыми стенами стало душно. Дети плакали и просили воды, чтобы запить сухой хлеб, которым пообедали. Им пришлось отдать последнюю. Около полудня оба всадника рысью проехали обратно. Караульный, выглянувший вслед им, заметил, что у одного за седлом привязана антилопа. Услышав это, Мафу, томившийся от безделья, воскликнул:

— Пойду-ка и я на охоту. Мясо у нас кончилось.

— Смотри, на разъезд дунган наткнешься! — сказал Лю Пи.

— В жару они не поедут, отдыхают теперь. А если встречу одного-двух — я с ними справлюсь. Только надо бы взять ишака, тащить хуан-янга на своих плечах тяжело, придется оставить волкам часть мяса.

Один из хобукских китайцев предложил Мафу своего ишака.

— Только ты сам иди со мной,— заявил рудокоп.— Когда я стану скрадывать хуан-янга, ишака кто-нибудь должен держать, иначе он убежит. Привязать его здесь в городе не к чему, по улицам часто даже маленького кустика нет.

Китаец Си вооружился топором, Мафу взял ружье, и оба отправились по той же улице, по которой вернулись дунгане. Они бродили часа два по пустынному городу, останавливаясь на перекрестках.

Наконец, Мафу заметил в тени круглой башни группу отдыхавших антилоп. При виде людей они вскочили, но остались на месте. Мафу велел Си спрятаться за ишаком и не двигаться, чтобы не пугать дичь, не привлекать ее внимание, а сам отполз назад, повернул в боковую улицу и подобрался к той же башне с другой стороны против ветра на верный выстрел.

Антилопы все еще стояли, разглядывая ишака, дремавшего с опущенной головой. Мафу примостился позади остатков стены, направил ружье через отверстие в ней и выстрелил. Одна антилопа рухнула, другие скрылись, проскакав мимо ишака.

В этот раз не пришлось свежевать дичь и оставлять что-нибудь. Антилопу взвалили целиком на ишака и кратчайшим путем пошли к лагерю. Недалеко от места охоты они вышли на широкую площадь. По ней тянулись грядки низких холмов, цвет которых на общем желтом фоне пустыни резко бросался в глаза. Склоны холмов были усыпаны кусочками черного камня, а по гребню тянулась сплошная полоса такого же камня, который уходил жилой вглубь. Таких жил здесь встречалось много, одни в ладонь, другие больше локтя[1] в толщину.

— Это похоже на земляной уголь,— сказал Си, ос-

[1] Локоть — старинная мера длины, около 0,5 метра.

мотрев кусочки камня.— В Темиртаме, возле Джаира, наши китайцы добывают такой уголь в шахтах.

— Если это уголь, он должен гореть,— сообразил Мафу.— Нам в убежище топливо нужно, дрова кончаются, а это место близко от нас. Я наберу на пробу.

Рудокоп наломал из жилы целую кучу черного камня, оказавшегося очень хрупким и легким, завернул его в кофту и взвалил на плечо.

Солнце уже склонилось к закату, когда путники добрались до убежища. Их долгое отсутствие начало тревожить беглецов, хотя поблизости все было спокойно. Изредка слышны были отдаленные выстрелы в котловине, доказывающие, что дунгане еще не ушли; один выстрел, раздавшийся среди развалин, напугал Лю Пи. В убежище чувствовался недостаток воды, которой животным не давали. Корова от жажды мычала, и это тревожило китайцев: она могла выдать врагам убежище.

— Если покажутся опять дунгане поблизости, придется ее зарезать,— решил Лю Пи.

Спустился вечер. Красное, без лучей, солнце скрылось в пыльной дали, и ночью или наутро можно было ждать бури.

— Если задует хый-фын вечером, мы ночью пойдем к колодцу за водой,— заявил Лю Пи.— Дунгане будут спать, завернувшись с головой, и ничего не услышат.

Стемнело. Зажгли костер и, когда он разгорелся, наложили в него куски черного камня. Он скоро начал плавиться и горел огромным, сильно коптившим пламенем. Часов в десять вечера поднялся ветер. Стоявшая низко ущербная луна почти скрылась за пыльной завесой. Стены убежища защищали беглецов от бури, но над их головами в воздухе проносились тучи пыли, сыпавшейся и в тупик. Ветер так стонал, выл, плакал на все лады среди башен и стен, что всем стало жутко.

— Ну-ка, ребята, собирайтесь за водой! — сказал Лю Пи.— Я возьму с собой только Пао, Хуна и одного из хобукских. Мальчикам легче подползти к колодцу и набрать воды во фляги.

ХУН В ПЛЕНУ

Скоро три мальчика и Лю Пи, вооружившийся на всякий случай ружьем, пустились в путь с корзинами за плечами. Они пересекли улицу, вышли на сухое русло, где было легче идти, чем по рыхлой почве в развалинах, и направились к оазису, борясь на каждом шагу с бурей, которая налетала порывами и засыпала глаза пылью.

Луна скрылась в тучах, было совершенно темно, и Лю Пи, шедший впереди, едва различал серую почву русла. Часто приходилось останавливаться и поворачиваться спиной к ветру, чтобы передохнуть и прочистить глаза, нос и рот. Поэтому путь до котловины занял целый час. Наконец, добрались до камышей и остановились, чтобы прислушаться. В котловине не было видно огней, только ветер гудел в рощах, покрывая все другие звуки. По окраине камышей осторожно прошли до знакомой рощи с колодцем и здесь, присев в камышовых зарослях, послали Хуна на разведку. Глаза привыкли уже к темноте, да и пыли в котловине было гораздо меньше; поэтому в серой мгле удавалось различать очертания деревьев. Хун медленно пополз к колодцу и вернулся с сообщением, что в роще нет никого, но дальше, среди котловины, виден маленький огонек, а возле него сидят люди и стоят лошади.

Хун и Пао спокойно пошли к колодцу с двумя флягами, котелком и веревкой. Они проворно стали черпать воду и наливать ее во фляги. Первую флягу наполнили, и Пао понес ее в камыши, а Хун налил вторую; она была полна, когда Пао вернулся с третьей, пустой. Так были налиты все четыре фляги, причем последнюю нес Хун. Но, сдав ее сидевшим в камышах, он спохватился, что забыл взять котелок и веревку. Пришлось идти еще раз. На обратном пути он немного сбился, взяв вправо по роще, и вдруг почувствовал, что его кто-то схватил за ногу и грубый голос крикнул:

— Эге, попался, вор! Ты чего тут шатаешься ночью?

Хун стал вырываться, но его держали крепко, и тот же голос крикнул:

— Эй, вы, сони, засветите огонь, я поймал чужого, разведчика или вора!

Немедленно с земли поднялось несколько темных силуэтов, послышался скрежет стали о кремень, загорелся трут и вспыхнул огонек в заготовленной кучке мелкого хворосту. При свете его Хун увидел, что попал в дунганский караул, расположившийся на окраине котловины. Тут было человек десять, но из-за бури они все лежали, укрывшись с головой, и караулили не очень усердно. Дунгане разглядывали Хуна с любопытством.

— Ты откуда, мальчик? — спросил державший его за ногу.

— Я калмык,— догадался ответить Хун.

— Куда ушли калмыки?

— Далеко, в пески Кобэ, от вас бежали.

— А ты почему остался?

— Меня забыли, я ходил по рощам, заблудился, а все в это время ушли.

— Отчего ты не пошел вслед своим? Дорогу, небось, знаешь?

— Я видел, как вы приехали, испугался и спрятался в камыши. Сутки высидел, не евши, не пивши, и вот пошел к колодцу за водой. Видишь, котелок и веревка у меня.

— А не хотел, кстати, обокрасть нас? — засмеялся державший Хуна.

— Отпустите меня, добрые люди, я хочу пить, очень хочу,— просил Хун.

— Врет он, негодяй,— вмешался другой дунганин.— Сразу видно, что врет. Говорит, гулял по рощам. А откуда у него котелок и веревка? Что он, с ними все время гулял, что ли? Такой запасливый! Нет, он украл их у наших.

— Ничего я не украл! — возмутился Хун.

— Если это твои вещи, то, значит, тебя не забыли, как ты рассказываешь. Твои родные спрятались где-нибудь поблизости в холмах и послали тебя к колодцу за водой, вот что.

— Пожалуй, это так,— согласился первый.

— Его отпускать нельзя,— продолжал второй.— Мы от него узнаем, где спрятались калмыки со своими стадами.

— Ничего я не знаю! Ничего не могу сказать. Они ушли, меня забыли,— твердил Хун.

— Ну, завтра мы тебя настегаем нагайками хоро-

шенько, тогда ты вспомнишь, откуда пришел. Всю шкуру спустим с тебя, а узнаем!

— Нужно связать ему руки и ноги, чтобы не удрал в темноте. Давай-ка веревку!

— Вот он сам и веревку держит для себя! — засмеялся кто-то.

Хун сделал отчаянную попытку вырваться, но его быстро свалили на землю, связали ноги, а руки туго притянули к спине. Хун подумал было позвать на помощь Лю Пи с ружьем, но сообразил, что дунган много; схватка приведет только к гибели рудокопа и других мальчиков и к открытию убежища. Он решил выждать удобный случай к бегству, пользуясь бурей, темнотой и сном дунган. Так как похолодало, а Хун был босой и в летних штанах и куртке, то дунганин, легший возле него, прикрыл его краем своего ватного халата. Хун лежал с открытыми глазами и ломал себе голову над тем, как ему освободиться. Дунгане курили трубки и разговаривали.

— Отчего вы так поздно вернулись с охоты? — спросил чей-то голос.

— Очень далеко заехали,— ответил другой.— Я подкрался к хуан-янгам, подстрелил одного. Мы погнались за ним, гнали, гнали по следам. Так и не догнали.

— А Янг и Чжан до сих пор не вернулись с охоты, сказал другой,— наверно, заблудились.

Дунгане поговорили еще немного, но постепенно сон одолел их; огонек догорел и погас, в роще стало темно.

Лю Пи и оба мальчика, сидевшие в камышах в ожидании возвращения Хуна шагах в тридцати от дунган, слышали шум, голоса, увидели огонек и людей и догадались, что бедный мальчик попал в руки врагов. Лю Пи взялся было за ружье, но стрелять он умел плохо и понял, что стычка кончится не в его пользу.

«Хун — мальчик ловкий, он сам улизнет, ночь еще длинна»,— подумал он и, взвалив себе на спину вторую корзину, назначенную для Хуна, поспешно ретировался со своими спутниками подальше в камыши, опасаясь, как бы дунгане не вздумали пошарить вокруг своей стоянки после поимки ночного гостя. Помедлив еще немного и видя, что огонь про-

должает гореть и люди бодрствуют, он решил идти в убежище и посоветоваться с Мафу, как освободить пленника.

Обратный путь оказался не легче. Ветер повернул и дул не в спину, а в бок, по-прежнему засыпая глаза песком и пылью, сдуваемыми с развалин; дорога шла в гору, а за плечами был довольно большой груз. Наконец, прошагав вверх по руслу, вышли на улицу и увидели прямо против себя среди серой мглы темную массу, над которой висел красноватый отблеск: это костер в убежище освещал пыль, наполнявшую воздух. Тотчас же их окликнули караульные.

Свежая вода оживила всех. Сейчас же налили чайники и поставили на огонь. Но когда Лю Пи рассказал, что эта вода стоила свободы Хуну, лица у всех вытянулись, и многие подумали, что мальчик едва ли вернется. Особенно огорчился лое, успевший полюбить бойкого и смышленого подростка.

— Нужно освободить его до утра,— сказал он.— Нас тут девять мужчин, мы имеем три ружья, три топора, двое вил, две сабли. Если мы перед рассветом нападем на сонных дунган,— их человек десять только, говоришь ты,— мы их можем одолеть.

— Но по соседству их гораздо больше, и остальные прибегут на помощь. Без шума ведь дело не обойдется. Нет, лое, твое предложение не годится, мы только зря погибнем, а его не спасем,— заявил Лю Пи.

— Если Хун не вернется через час,— сказал Мафу,— я пойду прямо к ним, выдам себя за одного из них. В темноте они не разберут. Высмотрю, где Хун, и мы вместе удерем, когда они опять заснут.

Вода в чайниках вскипела. Мафу напился чаю и подкрепился еще шашлыком. Полночь, вероятно, уже миновала, но так как звезд не было видно, то определить время никто не мог. Хун не являлся. Мафу взял ружье и отправился. Лю Пи проводил его до русла и сообщил, сколько шагов насчитал Пао до камышей.

— Да пошлет тебе небо удачу! — пожелал он ему при расставании.

Хый-фын завывал по-прежнему, и его порывы чуть не валили с ног. Мафу надвинул шапку на глаза и шел ощупью по руслу, считая шаги, по временам останавливаясь и поворачиваясь спиной к ветру, что-

бы отдышаться. Но вот под ногами зашуршали камыши; рудокоп осмотрелся и увидел впереди рощу, чуть выделявшуюся в серой мгле. Он пошел прямо к ней и, достигнув первых деревьев, начал кричать вперемежку с дунганскими ругательствами.

— Где вы тут попрятались, шайтан бы вас взял, заснули, что ли, караульные!

Вскоре из темноты послышался сонный голос:

— Эй, кто там идет? — и одновременно Мафу услышал поблизости испуганный храп лошадей, а в нескольких шагах дальше споткнулся о чье-то тело и выругался еще раз.

— На самой дороге лег, другого места не нашел!

Потревоженный тоже выругался и сонным голосом спросил:

— Это кто, Чжан и Янг? С добычей? Где так долго пропадали?

— Заблудились в этих проклятых развалинах, очень далеко заехали, песок глубокий, кони пристали. Янг еще идет, его конь совсем замотался.

— Добыли что-нибудь по крайней мере? — спросил другой голос.

— Одного хуан-янга привез.

— Хорошо, завтра шашлык будет.

— Недурно бы сейчас, да ветер не даст жарить.

Во время этого разговора Мафу присел вблизи собеседника, достал трубку, высек огонь, закурил и при слабых вспышках табака старался рассмотреть расположение спавших людей и узнать, где сидит Хун.

— А мы тут калмычонка поймали,— продолжал дунганин, зевнув.— Завтра будем его сечь, чтобы он сказал, где спрятались калмыки.

— Вот как! — сказал Мафу.— Я днем в развалинах тоже наткнулся на одного, хотел подстрелить, да он успел спрятаться. Не этот ли самый? Где он?

— Он лежит возле десятника связанный. Завтра увидишь.

Хун, все время не спавший, сразу узнал голос Мафу, но не верил своим ушам. На всякий случай, чтобы показать, где он лежит, он сказал громко и жалобно:

— Добрые люди, дайте поесть, я уже больше суток голодаю!

Дунганин фыркнул, а Мафу проговорил:

— Подожди до утра, мальчик! Мы тебя так накормим нагайками, что ты станешь совсем красный[1].

Теперь Хун не сомневался, что Мафу пришел за ним, и успокоился.

Мафу громко зевнул и сказал:

— Поспать нужно, очень я устал. Полночь, наверно, миновала.

— Спи, спи! — проворчал дунганин.— В такую погоду никто не станет тревожить нас.

Рудокоп осторожно шагнул через несколько спящих и опустился возле Хуна. Рядом десятник храпел глубоко и равномерно. Мафу растянулся на земле, и тотчас же его рука стала ощупывать мальчика, чтобы найти узлы его пут. Медленно и осторожно они были развязаны, руки и ноги распутаны. Покончив с этим, он притянул к себе голову Хуна и шепнул ему на ухо:

— Полежи смирно, пока руки и ноги не отойдут, у нас времени много. Пусть все опять заснут.

Кровь, приливавшая теперь в онемевшие, туго стянутые члены Хуна, сильно колола тело, и мальчик закусил губы, чтобы не стонать. Только через полчаса боль утихла, и он почувствовал, что может владеть своими руками и ногами. Он ждал теперь дальнейших указаний от Мафу — и вдруг услышал над самым своим ухом хорошо знакомый ему храп рудокопа.

«Ой, ой, Мафу заснул»,— подумал Хун в ужасе. Он знал по опыту, что разбудить уснувшего рудокопа очень трудно.

«Что же делать? — тревожился мальчик.— Если я начну его тормошить, он станет громко ругаться сквозь сон, как всегда, и разбудит других. А не трогать — он проспит до утра, и мы оба пропали».

Он нашел руку Мафу и стал ее гладить, щекотать, но это не помогало. Рудокоп спал богатырским сном.

Чтобы самому не заснуть, Хун, вспомнив ночь на холмах вдвоем с Пао, начал считать до пятидесяти и опять до пятидесяти, загибая каждый раз по одному пальцу. Он не знал, что однообразный счет усыпляет. А он достаточно намаялся за последние часы, молодость взяла свое, и Хун, загнув только пять пальцев, крепко заснул.

---

[1] По-китайски красный — «хун».

Прошел час, другой, третий. Буря бушевала попрежнему, но в роще между стволами толстых тополей чувствовалась не так сильно. То громче при сильных порывах, то слабее шумели их вершины; сухие ветки и полузасохшие листья по временам срывались и падали на спящих, укрывшихся с головой от пыли, которую мело по земле. Близился уже рассвет; серая мгла ночи стала чуть светлее.

ОГНЕННЫЙ СМЕРЧ

Вот Хуну приснилось, что он опять в шахте, стоит возле Мафу, который долбит жилу и ругается. Из-под кайлы сыплются огромные искры, брызжут кусочки кварца, словно град. Вот отскочила огромная глыба и катится прямо на его ноги. Хун вскрикнул от ужаса, чувствуя, что не может сдвинуться с места, и проснулся. Он поднял голову, в недоумении оглянулся... и вспомнил, что с ним произошло.

«Я тоже заснул,— подумал он,— хорошо, что еще темно. Но теперь нужно будить Мафу».

Он стал щекотать руку рудокопа, потом полез к его лицу и хотел зажать ему нос: давно испытанное крайнее средство. В это время его ухо, лежавшее на земле, уловило глухой гул, словно топот многих скачущих лошадей.

«Что это? — подумал мальчик.— Новая шайка едет сюда, или кони дунган сорвались и удрали?»

Топот усиливался, и вдруг, несмотря на гул ветра в листве, воздух задрожал от протяжного многоголосого рева. Вслед за ним послышались дикие крики и беспорядочные выстрелы.

— Эй, эй, на коней, на коней, живее, на нас напали! — раздался окрик возле Хуна.

В роще началась суматоха. Сонные люди вскакивали, толкая друг друга, наступая на лежащих. Хун приподнялся. С него сдернули халат: это десятник одевался, ругаясь. На соседнем лугу уже шел бой; на расположившуюся там часть главного отряда дунган наскочила какая-то конница, рубила и колола сонных, застигнутых врасплох людей. Дикие крики, ржание и храп лошадей покрывали голоса бури. Кто-то ткнул сапогом Мафу и крикнул:

— Поднимайся же, соня, шайтан ленивый, скорее на коня!

Мафу, наконец, проснулся и приподнялся, дико озираясь кругом.

— Мафу, очнись, нам спасаться надо! На дунган кто-то напал, они все побежали к коням, очнись же, очнись! — говорил Хун, теребя его за одежду.

Рудокоп сразу пришел в себя, вскочил, схватил за руку Хуна, в другую руку ружье и побежал к камышам.

— Эй, куда тебя понесло? Кони направо! — раздался чей-то голос.

Но беглецы, перебежав через рощу, кинулись в камыши и притаились среди них.

Калмыки через разведчиков узнали, что дунган всего около полусотни, и решили напасть и перебить их. Сотня всадников, вооруженных копьями, саблями, ружьями, тихо подъехала к лагерю дунган и, как только стало светать, атаковала их конным строем, быстро окружив и отделив от привязанных вблизи коней. Дунгане отчаянно защищались, но половина сразу же выбыла из строя, а остальные, сомкнувшись в кучу, отбивались от нападающих. В это время человек десять дунган, ночевавших в роще, подоспели на лошадях на помощь, и битва стала ожесточеннее. Теперь падали и калмыки.

Но бой скоро решился не в пользу дунган, и уцелевшие пустились в бегство, кто пешком, кто на коне, преследуемые калмыками. Уйти удалось очень немногим, скрывшимся в соседней роще. Один пеший беглец нырнул в камыши вблизи того места, где спрятались Мафу и Хун. В преследовавшем его всаднике они узнали калмыка и поняли, в чем дело. Калмык у них на глазах заколол дунганина.

В это время на севере, совсем близко и в нескольких местах сразу, появились огненные языки. Дунгане, чтобы остановить преследование и отомстить калмыкам, зажгли траву и бурьян. Почти вся растительность уже посохла, даже листья на деревьях свернулись от жары. Огонь, раздуваемый бурей, понесся ураганом на юг по котловине. Началась паника. Спешившиеся калмыки, которые на поляне приканчивали раненых дунган и собирали оружие, вскочили на коней, подняли своих раненых и, окружив дунганских

лошадей, помчались в карьер на юг, подгоняемые огнем. По зарослям бурьяна лились потоки пламени, клубы черного дыма извивались в воздухе, снопами летели искры, горящие ветки. Огненные шары падали на землю и зажигали бурьян; впереди общей линии огня то тут, то там сразу вспыхивало пламя.

Огонь охватил и рощу. Языки его, пожирая листву, взбегали по тополям до вершины, и в несколько минут вся роща представляла собой гигантский факел. Красные бичи извивались среди клубов дыма и снопов искр. Треск и вой пламени покрывал гул ветра. Потом огонь, спалив листву, падал, оставляя позади оголенные, дымящиеся скелеты деревьев, на которых в разных местах тлели и сыпали искры сухие сучья и ветки. Воздух, наполненный пылью и дымом, прорезался в разных направлениях красноватыми снопами света и точно сам раскалился и пылал.

Мафу и Хун сразу поняли, что не миновать огня и полузасохшим камышам, в которых они укрылись. Они бросились бегом к окраине Мертвого города, взобрались на ближайший холм и здесь присели, переводя дух и наблюдая ужасную картину степного пожара. Беглецы ушли вовремя; едва они взобрались на холм, как загорелись камыши, и меньше чем через две минуты вся полоса, отделявшая рощу от города, представляла собой огненную реку; жар чувствовался даже на холме. Роща, где они провели тревожную ночь, также пылала. Еще минут пять — и все пожарище передвинулось стеной на юг, оставляя после себя голые, черные, дымящиеся площади, где в разных местах догорали толстые кусты и валежник. От того мгновения, когда Хун услышал топот лошадей, до момента, когда пожарище пронеслось на юг, прошло менее получаса. Стало уже совершенно светло, и буря начала ослабевать.

— Пропали все калмыцкие зимовки,— сказал Мафу, следя за удалявшейся стеной огня.— Теперь до весны, когда пойдет свежая трава, калмыкам здесь не жить, корма даже для козы не осталось.

— Нам тоже здесь не жить: у нас ведь ишаки,— прибавил Хун.

— Да, придется уходить куда-нибудь. Но сегодня мы можем спокойно пригнать сюда своих животных на водопой.

Огонь был уже далеко на юге, когда Хун и Мафу спустились с холма и направились в глубь города. В убежище они застали всех в сильной тревоге. Долгое отсутствие Мафу обеспокоило беглецов; потом они услышали стрельбу, увидели страшный огонь и дым над котловиной и не могли понять, что там случилось.

Отдохнув, Мафу вместе с Лю Пи и всеми взрослыми хобукскими китайцами погнали животных на водопой. Когда они были уже на половине пути, позади них вдруг послышались топот и ржание.

— Дунгане! — закричал Си и бросился в сторону, а за ним и остальные китайцы, чтобы укрыться в развалинах. Мафу остался у ишаков. Он только что успел приготовить ружье, как из-за поворота показалась лошадь без всадника. Она весело заржала и, подбежав к Мафу, остановилась.

— Эй, вы, трусы! Вернитесь назад! — крикнул Мафу, смеясь.

Один за другим беглецы стали выходить из-за развалины.

— Это дунганская лошадь! — сказал Лю Пи.— Она нам пригодится.

Миновали камыши, представлявшие теперь черную впадину с остатками стеблей, с которых ветер сдувал пепел; уныло стояли тополи, голые, обгорелые. Куда ни глянь, кругом все было черно и мертво, а вдали, на юге, еще поднимались клубы дыма.

В роще валялись разные вещи, оставленные дунганами в суматохе: кисеты, мешочки с мукой и просом, несколько шапок. Пока поили животных, Мафу, Лю Пи и Си сходили к месту боя. Здесь лежали трупы дунган в обгорелой одежде, с обожженными волосами и почерневшими лицами; валялись сабли, ружья, пороховницы, мешочки с пулями, сломанные копья калмыков, котелки, чайники. Черной массой высилась мертвая лошадь с опаленной шерстью; между сморщенными губами ее зловеще скалились белые зубы. Среди мертвых находились два калмыка, которых их соотечественники, очевидно, не успели подобрать из-за надвинувшегося пожара. При виде лошади Си просиял:

— Вот и мясо, на несколько дней хватит!

— Только нужно его теперь же забрать, иначе волки нам мало что оставят,— предупредил Лю Пи.

Вообще поживы было много. На месте, где ночевали дунгане, лежали мешки с мукой и просом; они обгорели сверху и лопнули; желтые и белые струйки сползли на землю.

Беглецы привели животных и собрали все, что могло пригодиться, сняв с мертвых одежду и обувь. Для муки и проса нужны были новые мешки взамен сгоревших, и их делали из штанов дунган; такой двойной мешок прекрасно ложился на спину ишака.

Вскоре весь караван был нагружен такими вьюками. Мертвую лошадь разрубили на части и навьючили ишаков. Взяли ружья, сабли, пороховницы, мешки с пулями, трубки, кисеты с табаком, котелки, чайники. Не трогали только трупы калмыков, чтобы не оскорбить их соотечественников, которые могли приехать на место боя.

Тяжело нагруженный караван вернулся в убежище лишь к обеду. До вечера все были заняты пересмотром и дележом собранного имущества, а женщины — очисткой муки и проса, загрязненных золой и обгоревшей тканью.

Вечером решали, что делать дальше. Хобукские китайцы не хотели удаляться от своего местожительства, надеясь, что дунгане скоро уйдут с Хобука и они смогут вернуться в свои фанзы и к своим полям. Они решили перекочевать в северную часть котловины, ближе к озеру Улусту, оставшуюся по ту сторону пожара и уцелевшую; там был и корм для животных, и вода. Но рудокопам это не улыбалось. Лю Пи хотел пробраться к своей семье в Манас, надзиратель мечтал об Урумчи, где он мог сдать казенное золото, а Мафу желал попасть в город, где можно было бы продать золото, купить домик и жениться. Поэтому на следующий день беглецы, сдружившиеся за несколько дней, пережитых вместе среди тревог и опасностей, разделились; хобукцы пошли на север, рудокопы — на юг. У последних теперь, кроме трех ишаков, была лошадь, на которой они ехали по очереди; все взрослые получили ружья, Хун — пистолет, а Пао — саблю. В случае нападения нескольких человек караван не был уже беззащитен. Пополнились также запасы табака, соли, муки и крупы.

Целый день караван шел по пожарищу, уничтожившему зеленый оазис Орху; почерневшие остатки

рощ чередовались с выгоревшими дотла полянами и зарослями кустов, представлявшими теперь черную щетину. Сильно пахло гарью; каждый порыв ветра вздымал и крутил в воздухе столбы пепла, обуглившихся стеблей и листьев. Кое-где дымились, догорая, стволы сухих или упавших деревьев. Местами попадались трупы опаленных полевых мышей, мелких птиц, ворон, а также фазанов и зайцев, которых набрали больше десятка.

К вечеру через ворота — суженную котловину Орху — вышли к озеру Айрик-нур; пожар прекратился, не доходя до озера, за недостатком горючего, так как дно котловины представляло собой солончак с редкими кустами тамариска и вязкой почвой. Этот солончак окаймлял озеро, отделяясь от него широкой полосой зеленых камышей. Манили к себе зеркало воды и зеленый корм, но подступиться к ним оказалось невозможным. Мафу поехал было вперед, но через сотню шагов его лошадь начала вязнуть, и ему пришлось слезть, чтобы животное могло выбраться из вязкой грязи солончака.

Остановились возле сухого русла Дяма, где еще сохранились от огня отдельные площадки камыша. Чтобы добыть воду, начали копать яму в русле. Мафу и Лю Пи чередовались в этой работе, пока мальчики бродили по окрестности, собирая скудное топливо, а лое караулил животных. Внезапно послышался топот, и десяток вооруженных калмыков окружили лагерь.

— Сдавайтесь, разбойники! — крикнул предводитель, размахивая саблей.— Вы сожгли наши зимовки, и мы должны отвести вас к нашему хану; он расправится с вами как следует.

— Амур сайн бейна! — произнес Мафу, вылезая из ямы, монгольское приветствие.— Разве не видите, что мы не разбойники, а китайцы, и сами от дунган спасаемся? Мы стояли в Орху вместе с вами, когда пришли дунгане, а потом спрятались в Мертвом городе.

— Верно, это рудокопы,— воскликнул один из калмыков, узнавший Мафу.

Калмыки подъехали ближе, спешились и подсели к беглецам. Завязалась беседа.

— Там, на месте боя, двое ваших лежат,— сказал лое,— вы их похороните?

— Зачем? — удивился предводитель калмыков.—

Мы своих мертвецов не хороним, как вы, а выносим их в степь и оставляем лежать. Таков у нас обычай. Душе не нужна мертвая оболочка, пусть тело ест, кто хочет. Душа сейчас же после смерти человека переходит в новорожденного младенца. Только святых людей, лам, хоронят, чтобы их оболочку не осквернили звери.

— Нельзя ли к озеру подойти, чтобы воды взять? — спросил Лю Пи.

Калмыки засмеялись.

— Видно, вы степи не знаете! В этом озере вода теперь соленая, даже верблюд пить не станет. Только весной, когда в Дяме течет много воды, а из озера она стекает дальше в Телли-нур, ее можно пить,— ответил один.

— Воду в русле вы найдете,— сказал предводитель.— До пояса опуститесь, вода ключом пойдет.

Калмыки, наговорившись, вскочили на коней и умчались на запад, огибая грязный солончак.

ОТШЕЛЬНИК ЧЕРНЫХ ХОЛМОВ

Оставив впадину озера, беглецы шли два дня по пустыне, среди которой попадались небольшие оазисы в низких местах или вокруг ключей. На второй день, миновав полосу рощ и зарослей, они подошли к берегу большого озера Айран-куль, в которое впадает река Манас. Это озеро было пресное, и в нем водилось много мелкой рыбы. Густые камыши покрывали его берега и заходили далеко в мелкую воду, образуя зеленые полуострова и даже острова, не доступные для человека, но служившие убежищем бесчисленным стаям водяной птицы при ее перелетах на юг. Повсюду плавали, крякая на разные лады, различные породы уток, гоготали гуси, носились стаи куликов, турухтанов, чибисов, дупелей, бекасов, оглашая воздух своими криками. После безмолвия пустыни богатая жизнь на берегах озера поражала беглецов.

— Вот начался наш Манасский край,— сказал Лю Пи.— Теперь воды, корма и топлива всегда будет много. Только бы нам не напороться невзначай на какую-нибудь шайку. Ночью уже не придется разводить огонь, на него худой человек как раз и набежит.

— Как же без огня? — спросил лое.— Волки могут съесть наших животных. Тут, говорят, даже тигры водятся.

На ночь устроились на берегу маленького залива, на чистом месте среди камышей. Хуну снились тигры, и он вскрикивал и просил дать ему ружье. Но все было спокойно.

Следующий день шли то вдоль окраины камышей, то по глинистым площадям с мелкими кустами, то поднимались на пустынную террасу, окаймлявшую низину реки, если камыши подступали к ее подножию. С террасы видно было с одной стороны зеленое море камышей, среди которого скрывалось русло реки, с другой — невысокие и голые горы южной цепи Джаира. К вечеру Лю Пи, ехавший впереди, свернул в сторону этих гор.

— Куда ты повел нас? — поинтересовался лое.— Нам пора бы свернуть ближе к реке для ночлега.

— На реке есть только одно чистое место, где можно ночевать,— ответил Лю Пи.— Это брод Тас-Уткель. Он лежит на большой дороге с рудников на Манас. Другого брода вблизи нет, и все дороги к нему сходятся. Поэтому ночевать возле него опасно.

Миновав ряд оврагов, врезанных в террасу, караван спустился в широкую, плоскую долину, которую с реки не было видно. Среди нее тянулись длинной цепью странные плоские холмы, местами совсем черные, местами желтые, местами зеленые от мелких кустов и камыша. С севера долину окаймляли откосы террасы, голые, усыпанные галькой. Лю Пи проехал между двумя из этих холмов к откосу и привел караван к маленькой фанзе, затерявшейся среди кустов.

— Вот здесь будем ночевать,— заявил он.

— А где же вода? — спросил Мафу.

— Вот там на холме,— засмеялся Лю Пи, указывая на вершину ближайшего холма.

— Если бы я не знал, что ты добрый человек,— сказал лое,— я бы подумал, что ты издеваешься над нами.

— А вот пойдем наверх, сами увидите,— сказал Лю Пи.

Животных привязали к кустам на чистой площадке у фанзы, и все взобрались на холм. Его склон поднимался неровными уступами из какого-то матово-

черного камня, которые словно образовали лестницу среди желтой глины, тянувшейся рядом в виде откоса. Не доходя вершины холма, Лю Пи свернул с лестницы в сторону, но мальчики, не отстававшие от него, не последовали его примеру. Вдруг Хун, а за ним и Пао, вскрикнули — к одной из ступеней они оба прилипли.

— Ой, это какой-то черный клей! — сказал подошедший к ним Мафу.

Подхватив Хуна, а затем и Пао подмышки, он и лое отодрали их ноги от липкой ступени и стали с любопытством рассматривать ее, трогая пальцами черную массу. Лю Пи стоял уже на вершине и хохотал.

— Идите же сюда! — крикнул он.— Здесь тоже есть на что посмотреть!

Поднявшись на плоскую вершину холма, все четверо подошли к Лю Пи, который стоял на краю небольшого бассейна, наполненного водой; на ее поверхности плавали пленки какой-то черной густой жидкости.

— Вот вам и вода! — сказал Лю Пи.

— Неужели такую воду можно пить? — удивился Пао.

Мафу, привыкший во время своей скитальческой жизни пить воду гораздо более противного вида, нагнулся, осторожно зачерпнул пригоршню, стараясь, чтобы в нее не попала черная жидкость, поднес ко рту и хлебнул.

— Пахнет дегтем, но не соленая, пить можно,— сказал он.

В это время на неглубоком дне бассейна забурлило, и на поверхность воды поднялся ряд пузырей, которые лопнули, а на месте их осталась тонкая черная пленка.

— Но скажи же, Лю Пи, что это такое? — спросил надзиратель.

— Это каменное масло, которое идет из земли вместе с водой,— ответил рудокоп.— К нему мальчики и прилипли; но когда оно загустеет, то делается твердым, как камень. Весь этот холм состоит из него и из песка, который принесен ветром.

— Весь этот холм из масла! — воскликнул Хун с изумлением.

— Да, целиком, как и другие холмы, которые вы видите по обе стороны. Все они выросли здесь в течение многих тысяч лет. Каждый раз, когда со дна ямы идут пузыри, они выносят немного масла. Оно накопляется здесь в воде, потом стекает через край, течет вниз и мало-помалу густеет и твердеет.

— Это масло вроде дегтя? — спросил Мафу.

— Да, им мажут оси у телег, сбрую, даже раны на спинах у лошадей и ишаков. Его привозили и на рудники, чтобы смазывать ось мельницы.

— Вот оно что! — воскликнул надзиратель.— А я думал, что лавочник привозил мне деготь. Но кто же собирает его здесь?

— Прежде здесь летом всегда жил китаец, который каждый день ходил по холмам, собирал ложкой в ведро масло, набежавшее за сутки, и сливал его в бочку у фанзы.

Раз или два в месяц приезжал лавочник с рудников или из Дурбульджина и увозил масло.

— Если оно вроде дегтя, то должно гореть? — спросил Мафу.

— Да, оно горит,— ответил Лю Пи.— И этот черный камень тоже хорошо горит.

— А не был ли тот земляной воск, который я нашел в Мертвом городе, тоже из каменного масла? — догадался Мафу[1].

— Может быть,— ответил Лю Пи.— Но только там ни воды, ни жидкого масла ты не видел, а воск лежал жилой в земле, словно кварц с золотом.

Путники принесли флягу, котелок, чайник, чашку, наполнили их водой и спустились с холма.

Расположились недалеко от фанзы, возле которой, действительно, стояла большая бочка с каменным маслом. Мальчики обмакнули в него сухие прутья, которые они набрали, и положили их в костер. Масло прекрасно горело, но давало сильную копоть, поэтому рудокопы решили употреблять его только для ночного костра, но не для варки пищи.

Фанза казалась нежилой; дверь в нее была полуот-

---

[1] Рудокоп высказал верную мысль: в Мертвом городе он видел жилы асфальта, а здесь путешественники встретили выходы густой нефти, которая на воздухе постепенно твердеет и превращается в кир, т.е. тот же асфальт, но несколько другого вида.

крыта. Возвращаясь с охапкой кустов, Пао заглянул внутрь и тотчас закричал:

— Ой, в фанзе мертвый человек!

На крошечном кане в глубине фанзы лежал китаец, прикрытый рваным халатом. Но когда Мафу и Лю Пи подошли к нему, он открыл глаза и зашевелил губами. Он был страшно худ, кожа да кости, глаза ввалились, сморщенные губы потрескались.

Лю Пи наклонился к нему и с трудом расслышал хриплый шепот:

— Воды, воды!

Принесли чашку воды и, приподняв несчастного, дали ему напиться.

— Дайте мне поесть,— прошептал китаец.— Я две недели уж ничего не ел...

— Скоро поспеет пшенная каша,— сказал Лю Пи,— мы принесем тебе, потерпи немного.

Оставив больного в фанзе, все вернулись к огню.

— Это, наверно, и есть сборщик масла,— сказал Лю Пи.

Больного опять напоили и кормили несколько раз небольшими порциями; в промежутках между приемами пищи он крепко спал. Лагерь перенесли на ночь к дверям фанзы, и дежурный продолжал время от времени давать ему воду или жидкую пищу. Ночью горело несколько костров из каменного масла.

К утру больной настолько окреп, что мог уже встать и разделить завтрак путников. Он рассказал им следующее:

— Я тут живу уже с весны, собираю масло. Каждые полмесяца за ним приезжали и привозили мне муки, пшена. Но уже больше месяца никто не приезжает. У меня еда кончилась, но я думал, вот-вот приедут, каждый день ждал; пил только воду. Потом начал слабеть, перестал собирать масло, все лежал и два раза в день выходил попить воды. Но и это стало трудно, едва ноги двигались. Вчера я уже совсем не мог встать, думал, что умру. А за маслом так никто и не приезжал.

— Теперь масло долго никому не понадобится, и тебе здесь делать нечего,— заметил лое.

— Мы возьмем тебя с собою,— сказал Лю Пи.— Мы пробираемся в Манас, а там какая-нибудь работа найдется.

Чунг (так звали китайца) поклонился Лю Пи до земли и сказал:

— Пойду с вами, куда хотите, только дайте мне еще день отдохнуть.

Рудокопы согласились остаться на день; хотя корм был небогатый, а вода имела плохой вкус, зато уединенность места позволяла дать отдых животным и людям, не опасаясь нападения врагов.

Рудокопы обошли все холмы, на вершинах которых выделялось каменное масло. Их было семь, и на каждом они нашли яму с водой и пленкой жидкого масла. Несколько дальше на восток высились еще три холма, и на одном из них, по указанию Чунга, нашли яму с более чистой водой, которой он пользовался, пока мог ходить.

* * *

Холмы, которые посетили наши путешественники у южного подножия Джаира, представляли собой месторождение нефти. Она поднималась здесь вместе с водой и газом по трещинам из более глубоких слоев, где залегала в большом количестве, заполняя все промежутки между зернами рыхлых песчаников. На воздухе нефть теряет свои наиболее летучие составные части, окисляется, густеет и, наконец, твердеет, превращается в кир. Так в течение многих веков из маленьких струек нефти, вытекавших на поверхность земли, выросли большие холмы, в которых к густевшей нефти примешивались наносимые ветрами песок и пыль.

Нефть образуется в мелких морях и морских лагунах (заливах) из водорослей и планктона, то есть очень мелких морских растений и животных, плавающих в поверхностных слоях воды. Отмирая, они накопляются большими массами на дне водоемов, где их перекрывают песок и ил, выносимые реками в море. Подобно тому как на суше в болотах из мхов, отмерших кустов, упавших деревьев постепенно образуется торф, а позже (когда болото затопляется морем или озером, которые покрывают торф слоями песка и ила) из него получаются пласты каменного угля, так и на дне морей из накоплений морских растений и животных со временем образуется нефть. Ее всегда

сопровождает соленая вода, пропитывающая песок и ил, а также газы, выделяющиеся при образовании нефти. Эти газы своим давлением выталкивают нефть и воду на поверхность, если имеются трещины, проникающие сверху до нефтеносных слоев.

Жилы твердого асфальта, которые путешественники видели в Мертвом городе, также образовались очень давно из густой нефти, поднимавшейся по трещинам на поверхность и постепенно заполнявшей их. Вероятно, и над этими трещинами прежде возвышались холмы из кира с выходами нефти, воды и газа. Но когда трещины совершенно заполнились, выходы были закрыты, рост холмов прекратился, а сами холмы уничтожены процессами выветривания и размыва. Остались только жилы асфальта, заполняющие трещины. В Мертвом городе таких жил около двенадцати, и они хорошо видны благодаря черному цвету асфальта, выделяющемуся среди желтых и розоватых песчаников и глин. Некоторые из них имеют около метра толщины, другие только 10—30 сантиметров. Песчаники, пересекаемые этими жилами, пропитались нефтью во время ее выделения, отвердели («закированы», как говорят) и лучше сопротивляются выветриванию. Поэтому они и образуют гряды холмов, на гребнях которых выходят жилы асфальта.

Таким образом, пустынный хребет Джаир богат не только золотом, но и нефтью и углем, залегающим пластами у его северного подножия.

* * *

На следующий день отправились дальше. Мафу уступил Чунгу свою лошадь, а сам шел пешком. Пришлось вернуться несколько километров назад к броду через Манас, который оказался нешироким, но довольно глубоким, так что вещи перевозили на лошади, чтобы не подмочить вьюки.

За рекой началась местность другого характера: чередовались рощи тополей и джигды, заросли кустов, песчаные бугры, поросшие тамариском, и поляны; попадались сухие русла, заросшие камышом, весной затопляемые рекой. Чтобы не наткнуться невзначай на дунган, приняли меры предосторожности: Лю Пи и Мафу шли шагах в пятистах впереди каравана. Под

вечер вдруг послышался топот. Тревога, впрочем, оказалась напрасной, так как пробежало только несколько лошадей, по-видимому одичавших.

На ночлег свернули с большой дороги в сторону реки, которая была заметна издали по кайме высоких деревьев. Остановились в роще, отделенной от воды полосой камышей.

Уже смеркалось, и потому прежде всего занялись сбором топлива на ночь. Потом рудокопы стали развьючивать животных, мальчики разводили огонь, а Чунг с чайником и котелком пошел к реке за водой. Едва он успел скрыться в камышах, как оттуда раздался отчаянный крик, затем сильный плеск... и все стихло.

Бросив животных, побежали к реке. Через камыши шла узкая тропа, которая делала изгиб и затем, расширившись, упиралась в воду. Река, еще освещенная отсветом неба, быстро катилась, шевеля камыши, росшие в воде. Темной стеной стояли деревья и кусты противоположного берега. По одну сторону тропы в камышах лежал на боку котелок, по другую — чайник, а Чунг исчез бесследно. Берег не был обрывист, и, даже споткнувшись и упав в воду, легко было удержаться за камыши.

— Чунг, Чунг, Чунг, где ты? — закричал Мафу во все горло.

Все трое стояли в полном недоумении. На призыв никто не отзывался. Оглянувшись кругом, Лю Пи заметил, что слева, не доходя берега, в стене камыша чернела брешь, узкий темный коридор между высокими стеблями. Мафу, наломав сухих стеблей, высек огонь, зажег их и при свете огня стал рассматривать следы на тропе. Почти у воды, на влажной почве все увидели отпечаток лапы, величиной с небольшую тарелку, глубоко вдавшийся в ил. След был совершенно свежий, так как из ила еще выступала каплями и скоплялась в углублении вода.

Все трое поняли без слов, что случилось с несчастным, и с ужасом смотрели на зловещий след, пока не догорел пучок стеблей. Потом, подобрав посуду и набрав воды, они вернулись к месту стоянки, где в сгустившихся сумерках под сводом деревьев уже горел костер. Мальчики встретили их вопросом:

— Где Чунг? Что случилось?

— Тигр унес Чунга,— ответил Лю Пи.

— Так идем скорее спасать его! — воскликнул Хун.

— Пока мы найдем зверя ночью в камышах — от человека мало что останется,— сказал Мафу с досадой.

— Неужели ничего нельзя сделать? — сказал Хун со слезами в голосе.

Пао смотрел на взрослых глазами, расширенными от ужаса.

— Ночью и без собаки ничего нельзя сделать. Даже если бы тигр унес тебя, я бы не пошел отбивать. Вот завтра мы его попробуем выследить, он будет сытый и сонный.

— Бедный, бедный Чунг! И зачем только мы взяли его с собой? Там в своей фанзе он был бы жив,— сказал Пао.

— Спасли его от голода, чтобы отдать на ужин тигру,— прибавил Хун.

— Но ведь нам нужно напоить животных на ночь,— заявил Хун.

— Как же быть?

— Мы пойдем с огнем, тогда он не тронет,— ответил Мафу.

Печальный и молчаливый ужин был в этот вечер у рудокопов. Даже Мафу лишился своего хорошего аппетита. Взоры всех невольно обращались к зловещей стене камышей у реки; так и казалось, что вот-вот раздвинутся сухие стебли и появится страшная морда людоеда. При каждом шорохе от упавшей с дерева сухой ветки или от порыва ветерка в вершинах мальчики вздрагивали. Ночь была теплая, небо заволокло, по временам накрапывал дождь, и капли стучали по подсыхавшей листве тополей. Костер бросал красные отблески на толстые стволы, обступавшие площадку, а в промежутках между ними стеной стоял мрак, жуткий и непроницаемый.

После ужина все пятеро, вооружившись факелами, повели животных к реке. Мальчики с трепетом всматривались в темный коридор в камышах, по которому тигр унес злополучного отшельника.

Нарезали камыша, развели два костра с разных сторон, привязали животных к деревьям и сами улеглись в промежутке между огнями, а с двух других сто-

рон протянули веревки и повесили на них седла, потники, тряпки, ветки, чтобы эти необычные для безлюдных мест предметы пугали ночных хищников. Мальчиков избавили от дежурства, опасаясь, что они поднимут ложную тревогу из-за пустяков и перепугают всех. Ночь, однако, прошла спокойно. Кричала сплюшка, чуть слышно журчала река, шелестели камыши, изредка накрапывал дождь. Лошади и ишаки с хрустом жевали корм; по временам лошадь переставала есть и, навострив уши, вслушивалась в ночные звуки, а затем, вздохнув, продолжала жевать.

НА ОСАДНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Когда совсем рассвело, Лю Пи, Мафу и Хун, упросивший старших взять его с собою, отправились выслеживать тигра. Они пошли по тропе в камышах, по которой зверь унес Чунга. Вскоре нашли один башмак отшельника, потом другой. Тропа извивалась по камышам вдоль реки и, наконец, отклонилась в сторону, где начались густые колючие кусты барбариса, шиповника, боярышника, джигды. Здесь между стеной камыша и большой развесистой джигдой было укромное убежище, в котором тигр ужинал: валялись окровавленные лохмотья синей бязи, клочья ваты, обглоданные и изгрызенные кости; в нескольких местах почва была темно-бурая, напитавшаяся кровью. Но самого зверя не нашли: на рассвете он, вероятно, унес остатки своего пиршества в более отдаленное место.

Искать его без собаки по чащам и зарослям было безнадежно, тем более что он мог переплыть на другой берег, где за узкой полосой деревьев расстилались огромные камыши с озерами и болотами. Пришлось вернуться назад ни с чем, к большому огорчению Хуна.

Еще три дня шли наши беглецы по такой же местности. Опасаясь тигров, они не решались пускать животных на ночь пастись; поэтому приходилось останавливаться днем на более долгое время, чтобы лошадь и ишаки успели покормиться. На второй день стали попадаться отдельные фанзы, а вокруг них возделанные и уже сжатые участки полей. Но людей не

было, жилища пустовали, некоторые носили следы разрушения. Очевидно, здесь прошли дунгане, и земледельцы бежали при их приближении. Местами попадались свежеобглоданные скелеты лошадей и быков, а также клочья одежды и кости людей. Вблизи фанз бродили одичавшие собаки и кошки, прятавшиеся при приближении каравана. Они, вероятно, так же как и волки, питались падалью и трупами.

Беглецы останавливались на ночлег в брошенных фанзах, выбирая те, которые стояли подальше от большой дороги. Осень вступала уже в свои права, перепадали дожди, ночи стали сырые и холодные, и под крышей было теплее и суше, тем более что вблизи фанз находились остатки соломы для животных и запасы топлива, а огонек в фанзе не мог быть виден с большой дороги и привлечь незваных гостей. Все заимки (фермы) этой местности имели вид небольших крепостей: двор огорожен глинобитной стеной метра в четыре вышиной с крепкими воротами, а жилая фанза и навесы или хлевы для скота всегда располагались внутри двора, где находился и колодец. Заперев на ночь ворота, можно было спать спокойно, не боясь неожиданного нападения хищников.

Вдоль реки, как и ранее, тянулись рощи, камыши, заросли кустов. Подальше от нее растительность редела; там начиналась сухая степь с колючкой, полынью, чием и отдельными рощами тополей или купами кустов. Опасаясь встречи с тигром, Мафу боялся бродить по зарослям вблизи реки и предпочитал ходить на охоту по степи; здесь попадались только зайцы, фазаны, тогда как в камышах можно было подстрелить и кабана. Но зайцы и фазаны были слишком проворны для кремневого ружья, и Мафу часто возвращался с пустыми руками. Между тем запасы муки и крупы таяли.

На третий день остановились пораньше в брошенной фанзе, недалеко от дороги, чтобы посвятить больше времени охоте, Мафу отправился с Хуном на восток к видневшимся в этой стороне большим пескам. На окраине их они заметили антилоп; им удалось подкрасться на выстрел и уложить одну. На обратном пути пришлось пересечь сухое русло, заросшее камышами; пробираясь через них, Мафу, шедший впереди с тяжелой ношей, вдруг воскликнул:

— Ой, меня кто-то укусил в ногу!

— Змея, змея! — воскликнул Хун, заметивший, как небольшая змея, на которую рудокоп, очевидно, наступил, обвилась вокруг ноги.

Прежде чем он успел выхватить нож из-за пояса, змея скрылась в камыше. До фанзы было уже недалеко, и охотники поспешили домой, чтобы прижечь рану. Но это не помогло, и к ночи вся икра покраснела и распухла. К утру у больного начался сильный жар и озноб, Мафу метался и бредил, нога распухла и походила на бревно. Пришлось отложить отъезд. Лое и Лю Пи очень встревожились, так как не знали, чем и как помочь товарищу.

Бред и жар продолжались несколько дней, Мафу ничего не ел и просил только воды, часто терял сознание. Фанза была далеко от большой дороги, и пришлось принять меры предосторожности. С утра Лю Пи и один из мальчиков выгоняли лошадь и ишаков на пастбище, подальше от дороги, и пасли их до обеда. Лое сидел при больном, а оставшийся мальчик должен был сторожить, сидя на ограде заимки, с которой дорога видна была в обе стороны, чтобы предупредить о приближении подозрительных людей.

На случай такого посещения постарались придать фанзе нежилой вид; передняя комната оставалась пустой, с открытой дверью; жили в задней комнате, имевшей вход только из-под навеса для скотины и служившей владельцу фермы для хранения зерна и орудий. Она была полутемная, с маленьким окошечком под крышей, служившим и для выхода дыма при варке пищи. Больной лежал на земле, на подстилке из соломы. Дверь в комнату была прочная и запиралась на засов изнутри. К обеду возвращались пастухи и уже оставались дома, а лое с другим мальчиком отправлялись на пастбище до сумерек. Это делалось для того, чтобы в случае наезда дунган в хлеву не было животных и ферма казалась брошенной. В сумерки пригоняли скотину, запирали ворота и сами укрывались в комнатке. Так проходили дни.

Через неделю Мафу пришел в себя, жар прекратился, опухоль опала, но больной был еще слишком слаб для путешествия. В это утро караулил Хун. Незадолго до полудня он заметил на большой дороге отряд вооруженных всадников, человек десять. Убедив-

шись, что они свернули к фанзе, он кубарем скатился с ограды и предупредил лое и Мафу. Они заперли дверь и притаились. Всадники заехали во двор и спешились. Двое заглянули в переднюю фанзу, затем в хлев.

— Никого нет,— сказал один.

— А сегодня люди были здесь,— ответил другой,— брали воду из колодца, в колоде налито, земля мокрая.

— Нет, фанза пуста, кан покрыт пылью и холодный. Здесь давно никто не живет,— ответил первый.

— А кто брал воду?

— Заезжали наши с дороги поить лошадей, как мы.

Мафу и лое на всякий случай приготовили ружья, опасаясь, что дунгане начнут ломиться в убежище. Слышен был скрип журавля, плеск воды; двое доставали воду, остальные зашли в фанзу, расположились на кане, курили и болтали.

— А не остаться ли нам здесь ночевать? — послышался вопрос.— Вода хорошая, кан исправный, дрова на дворе есть.

— Я бы не прочь,— ответил другой.— Да что скажет старший?

— Вот было бы несчастье,— шепнул лое Хуну,— скоро обед, вернутся наши пастухи со скотиной и попадут в лапы разбойников.

Все трое с трепетом ждали решения вопроса, подумывая, как бы предупредить товарищей. Мафу посмотрел на окошечко под крышей, соображая, сможет ли Хун вылезть через него, проползти по крыше до ограды, чтобы выйти навстречу пастухам. Заметить его могли бы только тогда, когда он стал бы перелезать через ограду. Риск большой, но другого исхода не было.

В это время в фанзу вошел старший и сказал:

— Ну, покурили! Пора на коней.

— А вот тут думают, не лучше ли переночевать здесь? — послышался голос.

— В полдень стать на ночлег! — рассердился старший.— Впереди тоже фанзы найдутся.

— Ну что же, ехать так ехать!

Разговор прекратился. Через несколько минут послышался топот коней, и все стихло. Осторожно при-

открыв дверь, Хун выглянул — на дворе никого не было. Он сейчас же взобрался на свой наблюдательный пост и увидел удаляющийся отряд.

Через четверть часа явились пастухи, к счастью, в этот день немного запоздавшие. Им сейчас же рассказали, какой опасности они избежали.

— Мы узнали,— сказал лое,— что дунгане отступают перед китайским войском и калмыками.

— Поэтому и сегодня, и завтра может повториться наезд к нам,— заметил Мафу,— и пастухи должны, возвращаясь домой, посылать разведчика вперед, чтобы убедиться, что никого нет во дворе.

— Теперь нам нельзя идти дальше на юг, пока дунгане не пойдут обратно,— заявил лое.— Не лучше ли перекочевать на несколько дней к пескам подальше от дороги?

— Там нет воды,— сказал Мафу.

— Вчера я заметил у самых песков еще одну заимку,— заявил Лю Пи.— В ней, может быть, есть колодец.

— Это было бы хорошо. Пусть Хун сегодня осмотрит ее, и, если там есть вода и ограда в исправности, мы можем завтра перекочевать,— предложил Мафу.

Наскоро пообедав, лое и Хун угнали животных, а Пао полез на наблюдательный пост. Через полчаса он прибежал с известием, что снова видны дунгане, человек пять-шесть. Опять беглецам пришлось запереться в убежище.

Пришельцы заехали во двор, остановились у колодца и стали поить лошадей. Один из них в поисках поживы зашел под навес и увидел запертую дверь. Он попробовал открыть ее,— она не поддалась.

— Эй,— крикнул он остальным,— тут какой-нибудь склад запертый, должно быть хлеб или солома осталась!

— Ну, посмотри,— ответили ему.— Нашим коням пригодится.

Укрывшиеся, услышав это, сначала растерялись, но Лю Пи быстро смекнул, что делать.

— Заткнем скорее окно, чтобы стало темно, а потом откроем засов и спрячемся за дверь. Он войдет и увидит, что здесь пусто.

Пао схватил одно из одеял; Лю Пи подсадил его к окну,— и в фанзе сразу стало темно. Затем все трое

спрятались в углу за дверью и осторожно отодвинули засов.

Дунганин в это время, не найдя дверной ручки, налег плечом, чтобы высадить дверь. Она сразу поддалась, и он кубарем покатился на пол.

— У, черт! — выругался он, поднимаясь,— я думал, она заперта. Темно!

— И ничего нет, кроме пучка старой соломы,— прибавил он, пошарив в глубине и наткнувшись на солому, на которой раньше лежал Мафу.

Он сгреб ее в охапку и вышел на двор.

— Только это нашел? — раздался возглас у колодца.— Стоило стараться!

— Если бы было больше, мы бы, пожалуй, остались ночевать,— сказал другой.

Притаившись за дверью, рудокопы опять слышали разговор о наступлении китайских войск, о неудачных для дунган стычках с ними.

— Нам нужно убегать на Хобук, туда солдаты не пойдут через пустыню,— сказал один из приезжих.

Тревожное ожидание кончилось, дунгане вскочили на коней и ускакали.

Немного погодя прибежал запыхавшийся Хун.

— Я осмотрел заимку у песков,— заявил он,— она совсем исправна и колодец есть. Лое говорит, что можно было бы сейчас перекочевать, если хотите.

— Конечно! — обрадовался Лю Пи.— Сейчас опять были дунгане, а к ночи, наверно, приедут еще и уже останутся на ночлег.

Через четверть часа все четверо покинули заимку, спасавшую их целую неделю от осенних холодов и дождей и давшую Мафу возможность перенести болезнь. Теперь он шел, опираясь на Лю Пи, а мальчики гнали навьюченных ишаков. Пришлось пройти пять-шесть ли по полянам, рощам и кустам, которые совершенно скрывали новое убежище, отделяя его от большой дороги. По пути захватили лое, пасшего остальных животных, и Мафу мог взобраться на лошадь, так как уже устал.

Ферма на окраине песков имела обычный вид, но только двор и фанза были небольших размеров. В одном углу двора находилась отдельная загородка, внутри которой земля была густо усыпана овечьим пометом. Владелец фермы, очевидно, занимался разведе-

нием баранов. Фанза оказалась тесной, но уютной. Провалявшись целую неделю на холодной земле, беглецы обрадовались исправному кану, который на ночь можно было топить овечьим пометом, дающим сильный жар и мало дыму. Для животных нашелся крытый навес в углу между фанзой и оградой. Ворота из ивовых прутьев с целой стеной колючих ветвей на гребне (очевидно, для защиты от волков) оказались достаточно прочными. Ночь великолепно провели на теплом кане.

Теперь не приходилось отгонять животных подальше на пастбище: они находили корм по соседству, а с дороги их не могли заметить.

Среди ближайших песчаных холмов повсюду во впадинах росли мелкая трава, песчаный овсец, верблюжья колючка, которыми лакомились ишаки.

— Вот только охотиться несколько дней нельзя,— заявил Мафу.— С большой дороги могут услышать выстрелы и приехать к нам.

— У мальчиков есть луки и стрелы,— напомнил лое.— Они могут вспомнить свою удачную охоту в Дарбуты.

— Лук и стрелы остались на той заимке, я совсем забыл о них,— сказал Хун.

— Завтра утром мы сбегаем туда и принесем их,— предложил Пао.

ПОДЗЕМНЫЙ СКЛАД

Рано утром мальчики побежали на первую заимку за своим охотничьим вооружением. Когда ограда была уже в виду, из ворот выехал большой отряд всадников, очевидно, ночевавших там. Хун и Пао быстро нырнули в кусты и выждали некоторое время, потом осторожно подкрались к воротам и заглянули во двор. Внутри не было никого. Ночлежники оставили ясные следы своего пребывания: обе двери в фанзу и чулан исчезли, очевидно, изрубленные на дрова. В чулане на полу еще тлела куча углей, показывая, что ночевали и здесь.

— Хорошо, что мы вчера ушли отсюда,— сказал Пао.— Они бы нас всех убили.

Едва успел Пао сказать это, как послышались топот, звяканье стремян, и в воротах появилось не-

сколько всадников. Мальчики стояли в фанзе у дверей и едва успели отскочить в сторону.

— Вот мы и попались,— прошептал Пао в ужасе.

Хун окинул взглядом фанзу, ища места, чтобы укрыться. Взор его упал на черневшее топочное отверстие под каном.

— Лезь скорее туда, а я за тобой!

Пао полез в топку, Хун вслед за ним.

Было так тесно, что лезли боком, кроме того, дунгане ночью топили, и топка еще не совсем остыла.

— Ой, я задыхаюсь,— пищал Пао, забравшийся за поворот дымового хода, головой вперед.

— Тсс...— прошептал Хун, поджавший ноги в самой топке.

В фанзу вошли два человека и уселись на краю кана; ноги одного из них приходились вблизи головы Хуна.

— Дай-ка табаку,— послышался голос,— покурим, здесь спокойно. Сегодня очень ветрено, и из трубки выдувает.

— На, бери! А тут, видно, кто-то ночевал, кан еще теплый.

— Наши, должно быть; у колодца и на дворе много конского помета.

Вошел третий и тоже присел покурить.

— Мой конь совсем устал,— заявил он.— Не знаю, дотянет ли до вечера. А нового раздобыть нельзя, все китайцы скрылись.

— В этом самом дворе,— сказал первый,— я двух китайцев прикончил и хотел бросить в колодец, да старший запретил: может быть, и нам еще вода понадобится, сказал.

— А теперь нам головы рубят, и наше дело проиграно, должно быть.

— Кто знает? Вот подойдут наши из Кульджи, опять будем наступать. Китайских войск, говорят, немного.

— Эй, эй, на коней! — раздался окрик со двора.

Дунгане вышли, послышалась возня у колодца, топот. Потом все затихло. Хун вылез из топки и выглянул на двор.

— Пао, вылезай, уехали!

Но Пао не откликался.

— Скорее, Пао! Заснул ты там, что ли!

Не получая ответа, Хун полез в топку, схватил ноги Пао и с трудом вытащил его на пол фанзы; мальчик, весь перепачканный, лежал без движения. Хун начал поднимать его за руки, щекотать подошвы, дуть в лицо, дергать за уши — ничего не помогало.

— Что такое? Он задохся, что ли, в топке? Вот беда! — проговорил растерявшийся мальчик.

Он повторил свои попытки привести Пао в чувство, и опять без успеха. Тогда он схватил Пао на руки и потащил к колодцу. В колоде было много воды, и Хун начал поливать целыми пригоршнями лицо и голову мальчика.

Через некоторое время тот глубоко вздохнул, открыл глаза и пробормотал:

— Что ты со мной делаешь? Я весь мокрый.

— Ну, очнулся! Ты в топке начал умирать. Вставай, нам нужно бежать отсюда, не то опять придется лезть под кан.

Когда Пао совсем пришел в себя, Хун побежал в хлев, достал запрятанные под ясли лук и стрелы и вернулся. Пао встал с трудом, и Хуну пришлось вести его под руку.

Дотащившись до нового убежища, мальчики рассказали о своем приключении и подслушанных разговорах дунган. Лое обьяснил им, что в глубине топки, наверно, остался угар, от которого Пао и потерял сознание.

Весть о близости китайских войск, подслушанная мальчиками, заставила снова поднять вопрос о продолжении путешествия на юг.

— Я хорошо знаю наших солдат,— сказал Лю Пи.— Они не так жестоки, как дунгане, но попасться им в руки тоже не хорошо: своих же китайцев грабят, отнимают лошадей, берут муку, хлеб, требуют табаку, денег.

— Хорошие защитники! — возмутился Пао.

— А ты забыл нашу пословицу: «из хорошего железа не делают гвоздей, из хороших людей не делают солдат»,— сказал лое[1].

— Наш солдат — полунищий, полуголодный, лен-

---

[1] Эта пословица характеризовала солдат императорского Китая, которые вербовались из бездельников, лентяев и разных неудачников.

тяй, который на войне норовит удрать из боя, а в мирное время почти ничего не делает. Я думаю, что нам с солдатами лучше не встречаться. Они отнимут у нас лошадь и ишаков, а если пороются в вещах и найдут золото, так, пожалуй, убьют или в тюрьму отведут, скажут, что мы украли его на рудниках.

К вечеру мальчики принесли зайца, которого подстерегли в котловине среди песков, спрятавшись на гребне бархана и выждав в течение получаса, пока зверек не вышел из кустов на чистое место. После антилопы, добытой Мафу перед болезнью и давно съеденной, беглецы уже не видели мяса, и шашлык из зайца с приправой из дикого лука, собранного в песках, показался им очень вкусным.

После ужина Лю Пи вышел проведать животных и дать им немного корма. Ночь была темная и бурная; тяжелые тучи неслись по небу, накрапывал дождь, но изредка на несколько секунд показывалась молодая луна. В один из таких просветов Лю Пи, возвращавшийся уже к фанзе, заметил в одном из углов двора что-то темное, притаившееся.

«Уж не волк ли забрался сюда?»— подумал он и, выхватив толстый сук из кучи топлива, направился к подозрительному углу. Но едва он сделал несколько шагов, как темная масса выпрямилась, с проворством кошки полезла прямо на ограду и исчезла за ней, прежде чем Лю Пи успел подбежать.

— Как будто это был человек! — проворчал рудокоп.— Как же он влез на гладкую высокую стену?

Вернувшись в фанзу, он рассказал о виденном.

— Какой-нибудь бездомный китаец, беглец, вроде нас, забрался во двор,— предположил лое.— Надеялся на ночлег. Ты в это время вышел во двор, вот ему и пришлось спрятаться.

— Или дунганин, отставший от своих и потерявший коня,— заявил Мафу.

Утром осмотрели тот угол двора, где Лю Пи видел подозрительную тень. В ограде оказались небольшие выемки, по которым при известной ловкости можно было влезть наверх, что Пао и Хун проделали немедленно. На противоположной стороне снаружи также были подобные выемки.

Этот угол отделялся от двора загородкой из жердочек, и на земле густо лежал овечий помет. На нем

Мафу заметил следы человека. В одном месте помет, очевидно, разгребали. Под ним оказалась рыхлая почва. Попробовали покопать и на небольшой глубине обнаружили деревянную площадку, закрывавшую вход в подземелье. Спустили на веревке Хуна. Подземелье имело форму кувшина с узким горлом; в нем были сложены лопаты, кетмени, топоры, грабли, несколько мешков с просом, два мешка с мукой, какой-то мягкий узел, корзина с луком и запертый замочком сундучок.

— Все это принадлежит хозяину фермы,— сказал лое.— Он спрятал свои запасы от дунган, а сам бежал с семьей и, если жив, вернется. Верно, он и приходил сюда проведать, цело ли его добро.

— Возьмем из склада немного муки и пшена, а хозяину положим золото по хорошей цене за эти припасы,— предложил Лю Пи.

Лое подсчитал, сколько должны стоить припасы по ценам лавочников на рудниках, затем пошел в фанзу отвешивать золото. Хуну бросили мешки, и он наполнил их мукой и пшеном. Лое принес золото, завязанное в тряпочку, которую Хун привязал к замочку сундучка. Затем мешки и мальчика вытащили из подземелья, закрыли дверь и тщательно засыпали ее землей и пометом.

ПАО И ХУН В ПЕСКАХ

Через несколько дней мальчики, тщетно потратив утро на преследование зайцев и фазанов по зарослям вблизи фермы, после обеда отправились в пески, так как лое, пасший там ишаков, сказал им, что видел много зайцев. Но они не давали застать себя врасплох. При приближении охотников заяц, сидевший где-нибудь под кустиком, неожиданно выскакивал и, прежде чем мальчики успевали пустить стрелу, перемахивал через песчаный холм в следующую котловину, где повторялась та же история. Иногда зайцы выскакивали по два и по три, разбегаясь в разные стороны. Охотники разгорячились при виде такого обилия дичи и, поднимаясь с холма на холм, пересекая котловины, отошли далеко от фермы, потеряв ориентировку.

Наконец, Хуну удалось пустить стрелу в зайца, присевшего из любопытства на гребне холма.

— Вот у нас и ужин! — воскликнул мальчик с торжеством, поднимая добычу за уши.

Он забросил зайца на плечо, и оба охотника двинулись в путь, но через несколько шагов остановились в нерешительности.

— Куда нам нужно идти? — спросил Пао.— Со всех сторон одни и те же песчаные холмики.

— Нужно идти на запад,— ответил Хун.— Пески тянутся на восток от нашего жилища, утром солнце всходит из-за них.

— А где запад? Солнца уже не видно!

Действительно, солнце, светившее довольно ярко в начале охоты, исчезло в какой-то серой мгле. Мальчики взбежали на вершину холма и стали осматриваться. В этот день воздух с утра был уже пыльный, и теперь даль совсем скрылась. Потонули в пыли и темные рощи Манаса, которые должны были быть видны на горизонте; исчез, конечно, и высокий хребет Тянь-Шаня, видимый вдали только после дождей, очищавших воздух. Вблизи со всех сторон поднимались однообразные желтые песчаные холмы, на гребне которых только кое-где темнели пучок травы или кустик.

Котловины с более густой растительностью остались позади, скрытые холмами.

— Ничего не видно, кроме песка, Хун! — воскликнул с отчаянием Пао.— Мы опять заблудились, как тогда на охоте возле Чий Чу.

У Хуна тоже защемило сердце при виде унылой песчаной пустыни, но он храбрился и сказал, смеясь:

— Помнишь, как лое рассказывал нам, что если человек заблудится, то стоит только поймать палочника — знаешь, это странное тоненькое насекомое, похожее на веточку или соломинку,— и он лапкой покажет, куда нужно идти. Они должны тут водиться, на днях видел одного. Поищем тут внизу, где растет трава.

В котловине им удалось поймать палочника, желтого, как стебель чия, на котором он сидел. Осторожно держа его в руке, они поднялись опять на вершину холма, и здесь Хун приоткрыл руку. Готовясь к прыжку, насекомое повернулось и подняло передние лапки в одну сторону.

— Вон туда надо идти! — воскликнул Хун и посмотрел вдаль.

А там, сквозь мглу, чуть виднелось на небольшой высоте над горизонтом какое-то светлое пятно.

— Видишь, видишь, там солнце! Палочник показал верно. Мы спасены!

Выпустив насекомое, мальчики пустились в путь скорым шагом; им приходилось то спускаться в котловины, то подниматься на холмы, и это вскоре утомило их. Пробежав с полчаса, они остановились для отдыха на одном из холмов и уселись лицом к путеводному светлому пятну. Хун был занят разглядыванием своего зайца, но Пао смотрел на пятно и обратил внимание на то, что оно стало светлее и как будто стояло выше, чем раньше.

— Слушай, Хун! — воскликнул он с тревогой.— Мне кажется, что солнце не заходит, а поднимается. Между тем теперь не утро, а вечер.

— Какой вздор! — рассердился Хун.— Тебе это только показалось.

Он вскочил и побежал дальше, Пао за ним. Но теперь и Хун стал следить за светлым пятном и через четверть часа убедился, что оно, действительно, поднимается выше. Он еще не верил себе и продолжал идти, хотя медленно и с остановками.

Прошло четверть часа, и из-за серой завесы выплыл тусклый ущербный лик луны.

— Хун,— воскликнул Пао,— теперь ты видишь? Это не солнце, а луна, и твой глупый палочник только спутал нас.

— Вижу,— ответил Хун сердито,— но теперь я и сам знаю, куда нам нужно идти.

Он круто повернул и пошел назад, почти побежал, так что Пао едва поспевал за ним.

Пока мальчики шли на восток, поднявшийся ветер дул им в спину, теперь же он дул в лицо и быстро усиливался: начинался хый-фын. На высоте холмов против него было уже трудно идти, и мальчики останавливались в каждой котловине, чтобы передохнуть.

Уйдя на восток, они перебрались в совершенно бесплодную песчаную пустыню, где не только на холмах, но и в котловинах не было никакой растительности. Холмы превратились в настоящие барханы — песчаные волны с пологим наветренным и крутым

подветренным склоном; на последнем песок был совершенно рыхлый и осыпался под ногами, пока мальчики с большим трудом поднимались вверх.

Когда они шли на восток, то поднимались по пологим наветренным склонам, на которых песок был уплотнен, так что ноги почти не оставляли следов, а катиться вниз по крутым подветренным склонам вместе с теплым песком им доставляло даже удовольствие. Теперь же, с трудом карабкаясь вверх по этим рыхлым откосам, они встречались на гребне и пологом склоне с напором бури, которая несла мелкий песок, засыпая глаза, рот и уши. Губы быстро обсохли, на зубах скрипели песчинки, глаза начинали болеть. С острого гребня барханов ветер срывал струйки песка; барханы задымились, мгла стала желтой и сумерки начали сгущаться. Повернувшись на одной из остановок спиной к ветру, путники заметили, что исчезла в желтой мгле и луна.

Чем дальше, тем медленнее шли они. Каждый подъем на крутой склон бархана продолжался минут пять, а на гребне они отвоевывали каждый шаг, нагнувшись вперед и борясь с ветром. Быстро темнело, а старые следы уже совершенно замело.

— Нет, мы не дойдем сегодня до фермы! — заявил, наконец, Хун, остановившись в котловине.— Мы еще не дошли до места, где поймали этого проклятого палочника. Видишь, нигде нет ни кустов, ни травы. Только промучились даром все это время.

— Что же нам делать? — прошептал Пао, еле ворочая языком.

— Дождемся утра, отдохнем.

— Но мы замерзнем, ветер холодный, а топлива нет. И я страшно хочу пить.

— Зароемся в песок, он еще теплый, и будем спать.

— А волки?

— В такую бурю волки не станут рыскать, да и не найдут нас, если мы зароемся.

Мальчики быстро зарылись в песок на дне котловины, где ветер налетал только порывами сбоку. Они легли рядом, лицом в сторону ветра, надвинув свои войлочные шапочки на глаза, а на грудь поверх песка положили зайца, который защищал их лица от песчинок и давал возможность свободно дышать. От ходьбы они сильно согрелись, песок был еще совсем теп-

лый, только давил им ноги и живот, где они нагромоздили его кучей. Пао быстро заснул. Хун сначала боролся со сном, но усталость взяла свое. В песке было тепло и мягко, ветер как будто ослабевал. Стало совершенно темно, и Хун тоже заснул.

ПОСЛЕДНИЕ ШАГИ

На ферме в этот вечер тоже было приключение. Когда солнце скрылось во мгле, Лю Пи сразу понял, что будет хый-фын, и пошел искать лое, пасшего животных по соседству. Мафу проводил большую часть дня на кане, поправляясь после болезни. Загнав животных под навес, Лю Пи занялся приготовлением ужина, пока еще не стемнело, так как освещать фанзу им было нечем, кроме огня, горевшего под каном.

— Что-то наши ребята замешкались,— заметил Лю Пи, поставив котелок на огонь и принявшись за приготовление теста для лапши.— Надо бы сходить на вершину холма, посмотреть, не идут ли. Скоро хый-фын налетит.

Лое пошел на разведку и взобрался на ближайший высокий холм, чтобы обозреть окрестности. Мальчиков он не увидел, но сам в синей курме хорошо выделялся на желтом фоне песков. Собираясь спуститься, он вдруг заметил двух всадников, ехавших по направлению к ферме. На них нетрудно было различить дунганские шапки и ружья за спиной.

Лое стремглав помчался вниз и едва успел закрыть ворота и заложить их толстой жердью, служившей прочным запором, как подъехали всадники. Их головы виднелись над стеной колючки, которая венчала плетень ворот. Лое успел присесть у ограды и не был виден дунганам.

— Эй, ты, китайская морда! — закричал один из них.— Открывай сейчас ворота!

Мафу и Лю Пи в это время находились в фанзе, дверь которой была открыта и обращена прямо к воротам.

— Ну, скорее, черепашьи яйца, поворачивайтесь, встречайте гостей! — сердились всадники.

Мафу приготовил ружье, поставил его на сошки в глубине фанзы и насыпал свежего пороху на полку.

— Если они начнут ломиться, я буду стрелять,— заявил он.

— А если их много? — спросил Лю Пи.

— Пойди скажи им, что у нас нет ни корма, ни воды, а вот возле дороги другая ферма, где все ночуют.

Лю Пи вышел на порог и крикнул дунганам:

— Идите в соседнюю фанзу, у нас нет ничего!

— Врешь, черепашье яйцо! Открывай ворота!

— Скажи, что будем стрелять, если они начнут лезть,— раздался из фанзы приказ Мафу.

— Уезжайте дальше! — крикнул Лю Пи.— Я не один, здесь солдаты, и они будут стрелять!

В ответ дунгане рассмеялись, выхватили сабли и начали рубить колючки, мешавшие им перелезть через ворота. Но после первых же взмахов из фанзы грянул выстрел, и один из всадников с простреленной головой склонился на луку седла, выронив саблю. Второй, испустив проклятие, схватил повод лошади товарища и ускакал.

Лое поднялся ни жив, ни мертв, подбежал к воротам, открыл их и выглянул. Всадники уже скрывались за поворотом дороги вдоль песков. Вернувшись, лое сообщил, что дунгане уехали, один, видно, тяжело ранен, лежит на седле, и второй все время его поддерживает на скаку.

— И хый-фын начинается,— прибавил он.

— А детей все еще нет! — обеспокоился Лю Пи.— Уж не заблудились ли они? Посмотрите тут за огнем, положите лапшу, когда вода закипит. Я пойду на холм.

Через четверть часа он вернулся.

— Никого не видно, ни детей, ни дунган, а хый-фын разыгрывается не на шутку, все следы заметет, так что искать по следам нельзя будет.

После ужина, когда уже совершенно стемнело, Лю Пи вышел на караул. Буря бушевала вовсю, кругом шумели деревья; только привыкнув к темноте и стоя под защитой фанзы, можно было различить гребень ограды на фоне ночи. Лю Пи сменил лое, потом дежурил Мафу.

После полуночи, когда караулил опять Лю Пи, ветер почти затих, и пошел снег. Это обеспокоило Лю Пи.

— Мальчики в легкой одежде и ушли босиком. Того и гляди, замерзнут.

* * *

Между тем Пао и Хун спокойно спали в теплом песке до полуночи. Потом хлопья снега, падавшие им на лица и таявшие, разбудили их; но влага освежила пересохшие глотки, и оба, раскрыв рты, жадно ловили снежинки. Утолив жажду, они зарылись глубже и опять уснули. За ночь песок намок и остыл под снегом, а на рассвете замерз. Пао, стуча зубами от холода, проснулся первый.

— Хун, Хун! — закричал он.— Вставай, нужно бежать, иначе мы замерзнем.

Закоченевшие дети с трудом высвободились из-под песка и начали прыгать и махать руками, чтобы согреться. Кругом все побелело. На чистом небе уже розовели мелкие барашки туч. На юге, вдали, темной стеной тянулся Тянь-Шань, а острые белоснежные вершины его, обращенные на восток, горели алым цветом. Дети невольно залюбовались этой величественной картиной и смотрели, как все ярче пылали горы, как яснее выступали глубокие темные ущелья между крутыми отрогами, на которых зеленели леса. На севере плоской волнистой массой белел Джаир: там ночью тоже выпал снег.

Вот на востоке показалось солнце, и белые склоны барханов заискрились мелкими блестками так, что стало больно глазам. Солнце сразу начало греть, и мальчики, взобравшиеся на гребень бархана, подставляли ему то спину, то грудь, поворачиваясь и перепрыгивая с ноги на ногу, потому что босиком в снегу было холодно. Снег лежал на целых два пальца.

— Теперь мы найдем дорогу! — радовался Хун.— Там солнце, тут горы, а вот и рощи видны.

Когда солнце поднялось немного выше и начало освещать котловины, мальчики, подобрав замерзшего зайца, может быть, спасшего им жизнь, пошли на запад. Они все время шли туда, куда падала их тень, и поэтому постепенно уклонялись на северо-запад. Скоро в котловинах появились отдельные кусты, потом целые группы их и трава, барханы превратились в бугры, тоже поросшие кое-где кустами и травкой. Снег под лучами солнца быстро исчезал, становилось тепло.

Пройдя ли три-четыре, мальчики вдруг увидели в котловине среди кустов и травы десятка два пасшихся

баранов и коз. Едва дети пришли в себя от изумления, как на них с лаем бросилась большая черная собака, и Хуну пришлось отбивать зайцем ее яростные нападения.

На выручку им из-за соседнего бугра появился китаец; он отозвал собаку и спросил:

— Откуда вы взялись, мальчуганы? Куда идете? Кто вы такие?

Хун и Пао объяснили, что заблудились и идут на ферму возле песков.

— А давно ли ваши поселились на этой ферме?

— Дней пять живем там, ждем, пока не уйдут дунгане, чтобы идти дальше, к Манасу,— сказал Хун.

— В городе живут мои родители,— прибавил Пао.

— Может быть, и живут, если дунгане их пощадили,— заметил китаец.

— А до фермы еще далеко? — спросил Хун.— Не знаешь ли, как туда пройти?

— Как не знать! Ферма-то моя. Я от дунган ушел в пески, а теперь, пожалуй, можно вернуться. Ну, пойдем ко мне, я вас покормлю, молоко найдется и еще что-нибудь,— прибавил китаец.

Он повел мальчиков через несколько бугров, за которыми оказалась большая котловина. В ней стояла плохонькая калмыцкая юрта, в которой и жил по-калмыцки, без мебели и кана, китаец с женой и двумя детьми. В юрте горел огонек и варилась просяная каша на козьем молоке. Но она еще не была готова, и хозяйка угостила мальчиков чашкой молока и мучными лепешками, жаренными на сале.

За едой мальчики рассказали хозяевам все свои приключения, начиная от бегства с рудника. Китаец жил уже полтора месяца в песках, не видя людей, и жадно слушал новости, а его дети смотрели, разинув рты, на гостей, которые пережили столько приключений.

Во время разговоров поспела каша, все поели, и потом хозяин, послав жену сторожить овец, повел мальчиков к ферме, которая была в одном километре прямо на юг от убежища в песках. Приближаясь к ней, они увидели на вершине бугра фигуру лое, который размахивал руками, словно ветряная мельница: это он подавал сигналы Лю Пи, бродившему по пескам в поисках потерявшихся детей.

Китаец с удовольствием увидел, что его ферма в порядке. Рудокопам пришлось признаться, что они нашли его склад и взяли из него припасы. Ночной посетитель был, конечно, он сам; он пришел, чтобы взять себе муки, не подозревая, что в фанзе уже поселились люди, а когда он увидел приближавшегося к нему человека, то испугался и убежал, приняв его за дунганина.

Беглецы провели еще три дня на ферме и посетили китайца в его убежище, чтобы купить у него барана. Собравшись, наконец, в дальнейший путь, они подарили ему одно из ружей с зарядами и расстались друзьями.

* * *

Еще целую неделю шли беглецы на юг, пробираясь по рощам и брошенным фермам, частью разоренным, держась в стороне от большой дороги. Без особых приключений они добрались, наконец, до города Манаса, уже очищенного от дунган, но сильно пострадавшего. Китайское население, не ушедшее заблаговременно в горы на юге и в леса на севере, погибло; погибли и родители Пао. Семья Лю Пи спаслась в горах и теперь вернулась. Беглецы поселились все вместе, кроме лое, уехавшего в Урумчи сдавать казенное золото, но потом возвратившегося к рудокопам, с которыми он сдружился за время скитаний в пустыне. В компании с ними он открыл постоялый двор. Хун и Пао, конечно, тоже остались у них.

Но еще ряд лет жизнь была беспокойной: восстания то затихали, то снова разгорались, и два раза всем приходилось убегать от дунган в горы и, вернувшись, восстанавливать разрушенные постройки. Добыча золота в Джаире заглохла совершенно, потому что отдельные отряды дунган еще долго укрывались в этих горах, и на рудниках было опасно жить. Многие рудокопы погибли, остальные разбрелись по всей стране и занялись другими делами.

События, о которых рассказано в этой книге, происходили девяносто лет назад, когда существовала еще Поднебесная империя китайского богдыхана. По-

сле 1949 г., с установлением в Китае народной власти, жизнь китайского народа и народов, населяющих окраины Китайской Народной Республики, стала совершенно другой. Сейчас народы Синьцзяна соединяет дружба и благородное стремление сделать жизнь счастливой. И все полнее и шире используются природные богатства края для растущей промышленности и сельского хозяйства.

Более сорока лет назад я писал, что железнодорожная магистраль, связывающая Россию и Китай, пройдет, несомненно, по Джунгарии. Теперь, после заключения 11 октября 1954 г. советско-китайского соглашения о постройке железнодорожной линии Ланьчжоу — Урумчи — Алма-Ата, эта мечта становится явью.

Наступило то время, когда сокровища недр Джунгарии начинают широко использоваться на благо свободного многонационального народа Великой Китайской Народной Республики.

15 октября 1954 г.
г. Москва

РАССКАЗЫ

ЗАГАДОЧНАЯ НАХОДКА

В течение первых двадцати лет XX в. английский археолог А. Стейн организовал несколько больших экспедиций вдоль северного подножия горной системы Куньлунь—Наньшань от Памира на западе до городов Ланьчжоу и Лянчжоу в китайской провинции Ганьсу на востоке.

Эту длинную полосу во Внутренней Азии он выбрал для своих исследований потому, что вдоль нее когда-то пролегала «шелковая дорога», по которой в средние века постоянно ходили караваны, доставлявшие шелк и другие китайские товары в страны южной Европы. Из Кашгара караваны по нетрудному перевалу проходили в Фергану и Самарканд и далее через Мерв и Персию, обходя с юга Каспийское море, шли на запад до Византии и других государств на берегах Средиземного моря. По этой дороге из Италии в Китай прошел в XIII в. путешественник Марко Поло, описавший этот путь и свое пребывание в течение нескольких лет в Китае.

Естественно, что вдоль такой большой и длинной торговой дороги должны были существовать многочисленные города и селения, где караваны могли отдыхать, закупать провиант для людей, корм для животных, менять уставших верблюдов, лошадей и мулов на свежих, заменять погибших, получать проводников, в иных случаях конвой, продавать часть товаров и т.п. Но, начиная с XVII в., этой поселковой дорогой мало-помалу перестали пользоваться, и она приходила в упадок. Развитие мореплавания сделало более удобным обмен товарами с Китаем по морским путям вместо длинного и трудного сухопутного, про-

легающего через ряд государств с различным политическим строем и разными условиями торговли и пропуска чужих караванов.

Стейн выбрал эту полосу Внутренней Азии для своих исследований именно потому, что надеялся найти на шелковой дороге много археологических памятников в развалинах городов и селений, интересных и самих по себе и для выяснения вопроса о культурных и торговых связях южной Европы с Китаем, а также Китая и Европы с Индией. Ведь на ту же шелковую дорогу выходили пути из Индии через Гималаи и Каракорум.

Экспедиции Стейна были хорошо подготовлены. Его сопровождали всегда два-три индийца, специалиста по топографической съемке, определению высот, вычерчиванию карт. Они и вели съемку маршрутов экспедиций, и отчеты Стейна сопровождались хорошими картами. Стейн производил также раскопки в развалинах населенных пунктов на шелковой дороге. Эти раскопки дали большие и ценные коллекции, украсившие музеи. В развалинах Стейн фотографировал фрески на стенах, статуи божеств и героев, архитектурные детали. Свои путешествия он описывал сначала в коротких отчетах, печатавшихся в журнале Географического общества в Лондоне, а после обработки всех сборов и наблюдений изложил результаты в трех многотомных трудах: «Развалины пустынного Китая», «Сериндия» и «Внутренняя Азия», богато иллюстрированных видами местностей и развалин, картами, снимками фресок, статуй, картин, посуды, монет, рукописей, одежды, добытых при раскопках и при изучении развалин.

Одна из находок Стейна привлекла большое внимание знатоков, которые признали ее загадочной.

В небольших развалинах на берегу р. Керии, на южной окраине песчаной пустыни Такла-Макан в китайском Туркестане, Стейн нашел возле остатков стен буддийского монастыря странный предмет, полузасыпанный песком бархана, надвинувшегося на развалины. Этот предмет представлял собой полушар, переходящий в притупленный конус. Диаметр полушара достигал 40 см. Цвет был зеленый, как у бутылочного стекла, поверхность матовая, очевидно, от ударов песчинок, которые в течение десятилетий или

даже веков приносились ветром и ударялись в поверхность полушара и конуса. На поверхности конуса были, кроме того, неправильные плоские углубления, похожие на отпечатки пальцев, сделанные, пока тело было мягкое. По цвету и весу можно было предположить, что этот предмет состоял из вещества, близкого по составу к стеклу, и не содержал тяжелых включений.

Эта находка была единственной в своем роде и осталась необъясненной. Нахождение ее у развалин буддийского храма наводило на мысль, что это принадлежность религиозного культа. Стейн высказал мысль, что конус, может быть, изображает Будду, закутанного в плащ, которым он покрыл целое полушарие Земли, и что этот предмет увенчивал верхушку крыши буддийского храма или столб у входа.

Исследователь Гималаев геолог Гейдн хорошо знал Стейна и очень интересовался его трудами. Прочитав описание этой находки и увидев ее изображение, он подумал, не является ли она каким-то неизвестным ископаемым животным или растением, а если нет, не новый ли она вид изверженной горной породы. Будучи в Лондоне, он побывал у Стейна и вместе с ним пошел в Британский музей, где большие коллекции Стейна занимали несколько залов. Полушар-конус стоял среди статуй разных буддийских божеств и героев на столбике с этикеткой «Загадочный предмет буддийского культа». Его сняли с постамента, положили на стол. Гейдн осмотрел его со всех сторон, ощупал, простукал, взвесил на руке, под лупой оглядел его поверхность и сказал:

— Мне пришла в голову странная мысль, сэр! Я начинаю думать, что эта фигура не имеет ничего общего не только с каким-либо культом, но вообще с нашей Землей!

— То есть как это, дорогой коллега? — удивился Стейн.

— Это каменный метеорит, пришелец из Вселенной! Вы посмотрите на форму конуса, на эти вмятины. Они очень напоминают переднюю часть метеоритов, которая раскаляется и оплавляется от сопротивления воздуха при полете перед падением на землю. Этот конус очень похож на метеорит, упавший в середине XIX в. вблизи озера Иссык-Куль и городка

Каракол в Тянь-Шане. Полушария у того метеорита нет, а конус меньше по размерам. Если метеорит в мировом пространстве имел форму шара, то, попав в атмосферу нашей Земли, он при полете должен был нагреться, частью расплавиться, и переднее полушарие превратилось в конус.

— Почему же он не разбился, не лопнул при падении?

— Он ведь лежал, как вы пишете, в рыхлом, сыпучем песке, который сильно смягчил удар падения.

— Но разве бывают такие полупрозрачные метеориты?

— Да, бывают. Они по составу очень похожи на вулканические стекла Земли, зеленые, буро-зеленые, серо-зеленые. Их называют молдавиты, балатониты, австралиты — по названию той страны, в которой их находили. Таких метеоритов найдено уже довольно много, обыкновенно по нескольку в одном месте. Можно думать, что это оплавленные осколки крупных метеоритов, лопнувших в воздухе при падении. Возле этого вы не видели еще других?

— Нет. Он лежал совсем особо, зарывшись наполовину в песок.

— Анализ покажет вам, метеорит ли это. Вы разрешите отрезать от него кусочки для анализа и для шлифа, который мы изучим под микроскопом?

— Конечно, это нужно сделать. Но если анализы покажут, что это метеорит,— его придется убрать из этой коллекции: как случайный гость с неба он потеряет всякое значение для археологии. Но где вы хотите отрезать кусочек?

— Лучше и легче всего срезать часть закраины в основании конуса. Это меньше испортит общую форму тела. Я устрою это, его нужно перевезти в мастерские, чтобы срезать кусочек машиной аккуратно и без порчи.

Стейн согласился, и Гейдн увез полушар-конус. Спустя неделю он вызвал Стейна по телефону:

— Приезжайте скорее. Ваша статуэтка Будды оказалась с большим сюрпризом. Я жду вас в мастерской.

В шлифовальной мастерской Стейн застал Гейдна и нескольких геологов возле предполагаемого метеорита, лежавшего на столе. Гейдн объяснил:

— Смотрите, сэр! Мы отпилили по ровному кусочку с двух противоположных сторон закраины основания конуса, чтобы получить материал для шлифов и для анализа. То и другое уже сделано и показало, что вещество по составу и строению отличается от известных нам метеоритов типа молдавитов, похожих на вулканическое стекло. Форма, действительно, напоминает метеорит Каракол 1843 г. Удаление кусочков с противоположных сторон позволило нам заглянуть внутрь тела, чему ранее мешала его матовая поверхность. Оказалось... но смотрите сами!

Стейн заглянул в срезанную плоскость с одной стороны, а с противоположной стороны срез осветили электрической лампочкой. Можно было видеть, что внутри зеленоватой стеклянной массы, как раз на границе между полушаром и конусом, лежит толстая металлическая пластинка, на которой различимы какие-то узоры, похожие на иероглифы, окруженные вязью.

— Чрезвычайно странно! — воскликнул Стейн.— Разве в стеклообразных метеоритах бывают внутри металлические части?

— До сих пор не попадались! Но, чтобы определить, что это за включение, необходимо его вынуть для исследования. Вы разрешите разрезать эту фигуру пополам?

— Конечно, это необходимо, хотя и жаль ее испортить!

— Мы аккуратно вырежем часть стекла вместе с пластинкой, чтобы потом можно было опять склеить фигуру; она лишь немного укоротится. Эта работа займет несколько часов. Завтра приезжайте сюда опять.

На следующий день в мастерской собрались геологи. Им показали вырезанный из тела стеклообразный круг толщиной в 5 мм, с квадратной металлической пластинкой в 20 см в поперечнике. Ее теперь можно было рассмотреть с обеих сторон через тонкий слой покрывавшего ее стекла. На обеих сторонах были иероглифы и вязь. Несомненно, что это был не просто метеорит, а произведение человеческих рук.

Но что же это такое? Какая-то историческая запись из времен существования храма и селения, в пределах которых она была найдена, запаянная в

стеклянную оболочку для защиты от вредных влияний атмосферы? Или же это особенно важный императорский указ, или письмо от Далай-ламы из Лхассы в Тибете, вырезанное на металле, покрытое стеклом для защиты и стоявшее в храме на особом пьедестале для обозрения молящихся? Ведь буддисты нередко замуровывают рукописи, статуэтки, иконы в свои религиозные сооружения — субурганы, которые воздвигаются возле храмов в виде своеобразных памятников по нескольку в ряд. Может быть, стеклянная фигура представляла собой такой портативный субурган, привезенный из Лхассы в подарок этому монастырю, и только песок, переносимый ветром, истер, изуродовал первоначальную правильную форму памятника? Это могло бы объяснить странную форму тела, напоминающую метеорит.

Для решения загадки, конечно, требовалось расшифровать надписи на обеих сторонах пластинки и прежде всего очистить ее от остававшегося на ней тонкого слоя стекла. Стейн разрешил произвести все необходимые манипуляции. Стекло полностью отбили осторожными ударами небольшого молотка, и оказалось, что внутри была не одна толстая пластинка, а целая пачка, 20 штук, очень тонких. Каждая из них имела только 0,06 мм толщины, а вся пачка в совокупности — 1,2 мм и была скреплена по углам тонкой проволокой. Каждая из пластинок была покрыта с одной стороны очень мелким шрифтом, состоявшим из иероглифов и букв разного рода; другая сторона была чистая, и только у двух пластинок, закрывавших пачку сверху и снизу, покрыта крупными иероглифами и вязью, которые и были различимы через стекло и обратили на себя внимание. Таким образом, 20 пластинок содержали не какой-либо указ, а длинное послание, может быть, летопись.

Когда это выяснилось и собравшиеся рассмотрели загадочные пластинки, Гейдн воскликнул:

— Я остаюсь при первом предположении, что эта штука — метеорит, но искусственный, сделанный в качестве оболочки для вложённого в него длинного послания, отправленного разумными существами, живущими на другой планете. В общем это междупланетное письмо, неожиданно попавшее к нам в руки!

Кое-кто из собравшихся рассмеялся, другие улыб-

нулись, третьи начали возражать. Судили, рядили и, конечно, после странной гипотезы, высказанной геологом, необходимость расшифровать текст пластинок стала совершенно очевидной.

С пластинок сделали фотоснимки с увеличением в три раза. Теперь можно было рассмотреть отдельные иероглифы и буквы, чередовавшиеся в тексте неравномерно. Иероглифы, как известно, представляют собой не отдельные буквы, а целые понятия и, очевидно, были применены в загадочной рукописи ради экономии места. Среди них можно было различить, во-первых, иероглифы, похожие на египетские, упрощенно изображавшие людей, животных, здания, растения, сосуды и пр., а во-вторых, похожие на китайские или японские, состоящие из черточек и точек разной величины и в разных сочетаниях. С иероглифами того или другого типа чередовались в большом количестве слова, состоявшие из букв, часть которых была похожа на буквы латинского алфавита, часть — на буквы греческого, часть — на армянские буквы, еще часть — на арабские.

Копии фотоснимков были разосланы в академии наук всех государств с просьбой привлечь для изучения и разгадки текста пластинок языковедов всего мира — египтологов, китаистов, арабистов и т.д. Иероглифы, похожие на египетские, были расшифрованы скоро; но они составляли не более 6-7% текста и, конечно, лишь несколько помогли понять содержание текста в общих чертах. Сопоставление с китайскими и японскими иероглифами не дало никаких результатов. В общем не менее половины текста оставалось непонятным до последнего времени. Только после того как в науке появились понятия о расщеплении атомов, о ядрах, нейтронах, электронах, позитронах, о радиосвязи и телевидении, новых сплавах металлов и т.п. и соответствующая им терминология, одному русскому языковеду при помощи физика удалось расшифровать весь текст с очень небольшим количеством пробелов и сомнительных толкований некоторых слов. [...]

Повествование имело следующее содержание:

«Мы, обитатели небольшой планеты, посылаем это описание, заключенное в стеклянный шар, в мировое пространство. Надеемся, что оно попадет на одну из

ближайших к нам планет, по-видимому, населенных разумными существами, подобными нам. Они сумеют прочитать описание, понять причины катастрофы, постигшей нашу планету, пожалеют о нашей печальной судьбе и примут своевременно меры, чтобы избежать подобной же участи. Наша планета отдалена на... от центрального светила и имеет... в поперечнике[1]. Она находится между более близкой к светилу и более крупной планетой, которую мы называем Голубой, и более далекой, меньшей, называемой Красной. По величине наша планета также промежуточная — меньше Голубой, но больше Красной. Принимая во внимание расстояние от светила, размеры планет, вид их поверхности, мы убеждены, что только на этих двух, ближайших к нам планетах могут жить разумные существа, подобные нам. Планеты более далекие слишком велики и получают слишком мало тепла от светила, на них не может быть условий, необходимых для возникновения и развития жизни. Две планеты, более близкие к светилу, еще очень молоды и горячи, на них жизнь, может быть, только начинает развиваться. Эти выводы получены нашими учеными, изучающими светила и их спутники, и являются правдоподобными. Поэтому мы приготовили описание наших бедствий для обитателей Голубой и Красной планет, чтобы предостеречь их от повторения наших ошибок, вызвавших катастрофу, которая уже началась и должна закончиться в недалеком будущем.

На нашей планете суша и вода занимают почти одинаковые площади, но на западном полушарии меньше суши и больше воды, а на восточном, наоборот, больше суши; на обоих полушариях суша состоит из нескольких крупных островов, разделенных проливами или неглубокими морями, и большого числа маленьких островов. Все они густо заселены разумными существами, культура которых очень старая и достигла значительных успехов в использовании сил природы. Наши острова имеют ровную или холмистую поверхность и плодородную почву. Запасы твердого и жидкого горючего давно уже извлечены нами из глубины. Мы пользуемся также силой ветра и силой во-

---

[1] Это место послания расшифровать не удалось.— *Прим. автора.*

ды рек и моря, но их совершенно недостаточно. Наши ученые сумели выяснить, что огромная энергия заключена в самих соединениях простых частиц, из которых состоит наша планета, как, несомненно, и остальные планеты и центральное светило, и что ее можно использовать, разлагая элементы на их основные части с выделением огромного количества энергии. После долгих опытов и неудач мы научились делать это разложение и безопасно использовать получаемую энергию.

Энергия горючего, воды и ветра используется при помощи больших и тяжелых машин, тогда как энергия самих элементов может быть получена посредством небольших устройств, удобных для перемещения по суше, воде и воздуху. Вы, разумные существа на Красной планете, которая старше нашей, конечно, давно уже знаете эту страшную внутреннюю силу элементов и умеете пользоваться ею. А вы, на Голубой планете, более молодой, едва ли дошли уже до той ступени развития, как мы. У вас на планете должно быть еще много горючих веществ, много больших рек. А маленькая планетка, или спутник, вращающиеся вокруг Голубой планеты, вероятно, вызывают своим притяжением такие волны в ваших морях, которые легко использовать как движущую силу. Поэтому вы могли еще не додуматься до нахождения и использования элементарной энергии, без которой мы уже не могли бы существовать. Вам, конечно, было бы очень интересно узнать, как ее получить. Но этого мы вам не расскажем, так как она очень опасна. Об этом говорит наша печальная судьба, которая должна предостеречь вас.

Для нашей планеты эта энергия явилась спасением после истощения запасов горючего. Без нее у нас прекратилось бы сообщение по суше и по воздуху, освещение в темные часы и сильно сократилась бы всякая работа, производимая машинами; трудно было бы поддерживать плодородие полей, и началось бы вымирание из-за недостатка пищи.

Оба полушария нашей планеты густо населены, и прежде чем мы овладели элементарной энергией и начали пользоваться ею, наша жизнь была очень беспокойной. Из-за месторождений горючего и разных металлов, необходимых для машин, жители разных

островов враждовали друг с другом. Открытие и овладение элементарной энергией прекратило эту борьбу. Но недавно выяснилось, что главные месторождения тех элементов, разложение которых возможно и доступно для нас, расположены на суше западного полушария, а восточное очень бедно ими. Впрочем, так говорят правители восточного полушария, а им нельзя верить.

Возможно, что вы, разумные существа Голубой планеты, еще отстали в организации жизни населения отдельных сообществ, представляющих государства. Поэтому нужно объяснить вам организацию их на нашей планете.

Страны нашего западного полушария после многолетней и трудной борьбы за равные права для всех разумных существ, живущих на планете, достигли лучшего устройства отдельных государств. В каждом из них его члены имеют одинаковые права и обязанности: они сами выбирают своих правителей от самых низших до высшего, стоящего во главе государства, и его помощников и советников. Земля, а также находящиеся в ней богатства, необходимые всем, как горючее, разные руды и камни, принадлежат государству; все общими силами обрабатывают землю, добывают всевозможные продукты земных глубин и поверхности и распределяют их между всеми живущими по справедливости. Государству принадлежат также все дороги и средства сообщения по суше, воде и воздуху и все здания и машины, изготовляющие необходимые всем предметы. Только жилища являются собственностью отдельных разумных существ и их сообществ. Государства полушарий связаны друг с другом союзом для обороны и помощи друг другу в случае надобности.

Страны восточного полушария еще не достигли такой степени устройства жизни. Там сохранилось от старины неравноправие живущих. Небольшая часть населения владеет землей, ее поверхностью и глубинами, машинами, средствами сообщения и жилищами, извлекая из них большие преимущества для себя и заставляя остальное большинство населения работать для удовлетворения их потребностей и довольствоваться лишь небольшой частью продуктов. Во главе одних государств стоят наследственные правители, самовластно присвоившие себе огромные богатства, а

во главе других — правители, избранные немногими владеющими землей, машинами, средствами сообщения и потому руководящие делами не на общую пользу, а на пользу своих избирателей. Те и другие правители создали и содержат вооруженные силы для поддержания установленного порядка. Они преследуют и истребляют всех, кто пытается этот старый порядок так или иначе нарушить.

Эти государства не в ладах между собой, часто ссорятся и то посылают вооруженные силы друг против друга для захвата земли, то заключают временные союзы для борьбы друг с другом. К союзу государств западного полушария они относятся с ненавистью и боятся их влияния на свое бесправное и бедствующее население.

Более молодой возраст вашей Голубой планеты позволяет думать, что разумные существа, населяющие ее, еще не достигли такого устройства жизни, как мы на западном полушарии, а в той или иной степени похожи на жителей нашего восточного полушария, т.е. делятся на властвующих, составляющих меньшинство, и работающее, но бедствующее большинство.

Несмотря на строгие меры, которые принимают правители восточных государств, чтобы удержать в повиновении своих работающих и создающих все ценности жителей и затруднить их знакомство с устройством жизни на западном полушарии, в последнее время среди населения восточного полушария недовольство бесправным положением все усиливалось и все чаще возникали попытки изменить его. Опасаясь за свою власть и свои богатства, правители восточных государств решили покончить с западными государствами, пока в их распоряжении находятся значительные вооруженные силы. Они объявили, что месторождения веществ, дающих элементарную, т.е. атомную, энергию, на восточном полушарии близки к истощению, что в недалеком будущем всему населению угрожают голод и вымирание и что поэтому необходимо заставить государства западного полушария, изобилующие такими месторождениями, уступить часть их восточному полушарию. Это объявление, конечно, встревожило все население восточного полушария. [...]

Правители восточного полушария, объединившись в союз для нападения, предъявили союзу западных государств ультиматум относительно передачи месторождений элементов, дающих энергию, в их полное владение, угрожая объявлением беспощадной войны на суше, на воде и в воздухе. Не дождавшись окончания срока, назначенного для ответа на ультиматум, вооруженные силы восточного полушария совершили предательское нападение. Их военные корабли начали обстрел берегов наших островов и материков в разных местах. Применение снарядов с атомным взрывчатым веществом, чрезвычайно разрушительной силы, во время военных действий было запрещено соглашением между всеми государствами. Но начальник восточных вооруженных сил обошел этот запрет следующим образом.

Внутри самого крупного материка западного полушария расположена большая гора, которая в старинные времена выделяла горячие газы и изливала расплавленные массы, поднимавшиеся из глубины нашей планеты. Эти массы заливали большие площади и уничтожали население, жилища, поля и сады, а газы, распространявшиеся дальше и быстрее, душили все живое. Но мало-помалу губительная сила этой горы ослабевала, и выделения, наконец, прекратились; только из обширной котловины на вершине горы по временам поднимался черный дым. На склонах этой горы имелось несколько месторождений элементов, дающих атомную энергию, но их пока не разрабатывали.

Начальник восточных сил послал тайком несколько летающих кораблей, вооруженных запрещенными атомными снарядами, которые были сброшены во впадину на вершине этой горы. Взрывы огромной силы разрушили твердую кору на большую глубину, и огнедышащая гора возобновила свою деятельность, но только в ином виде, чем предполагали враги. Вместо выделения горячих и ядовитых газов и излияния расплавленных масс, которые должны были уничтожить население и побудить союз западных государств к уступчивости, получилось другое. На месте впадины на вершине горы и на части ее склонов образовался глубокий и широкий провал. На дне его клокотало озеро расплавленных масс, выделявшее черные тучи пара и газов.

На вершине этой горы — высшей точке западного полушария — находилась научная станция, производившая наблюдения над состоянием и переменами погоды. При взрыве станция была разрушена, но спасшийся наблюдатель сообщил о предательском налете воздушных кораблей и об образовавшемся на месте горы огненном провале.

На этот коварный поступок союз западных государств ответил одним решительным ударом. Летающий корабль сбросил один только снаряд на главную резиденцию восточных государств, где собрались все восточные правители для совещания о дальнейших действиях. Взрывом снаряда весь дворец вместе с окружающими виллами и отелями был уничтожен. Летающий корабль погиб, но с войной было покончено. Суда противника, обстреливавшие берега, удалились, восточные государства, потерявшие главных правителей, были в растерянности.

В глубине проснувшейся огнедышащей горы взрывы снарядов вызвали какую-то таинственную разрушительную работу. Огненное озеро на месте впадины и вершины горы продолжало клокотать, выделяя при взрывах пары и газы, и начало увеличиваться за счет обрушения и поглощения своих берегов. Приблизиться к окраине озера можно было только в несгораемой одежде и в головном уборе водолазов; наблюдатели в таких костюмах расставили метки на краях озера и время от времени их проверяли. С краев можно было различить на дне провала на значительной глубине кипящую огненную поверхность, над которой то тут, то там вздымались пузыри разной величины и разрывались, выделяя клубы паров и газов, сгущавшиеся на значительной высоте над горой в густые тучи, прорезаемые постоянно молниями и по временам разражавшиеся ливнями, когда ветер сносил их в сторону от провала.

Наблюдение отметок по окраинам провала показало, что огненное озеро медленно расширяется. Первоначально провал имел около тысячи шагов в диаметре, а в течение двух месяцев расширился до двух с лишним тысяч. Не было никаких признаков того, что выделение паров и газов ослабевает и образуется твердая кора на поверхности расплавленной массы.

Население западного полушария начало испыты-

вать тревогу. Вставал вопрос: остановится ли когда-нибудь расплавление твердой коры главного материка или будет продолжаться до полного ее уничтожения? Нужно ли заблаговременно вывозить население с имуществом и государственные предприятия с этого материка на другие, чтобы спасти их? И еще более жуткий вопрос возникал дальше: что произойдет, когда разрушение берегов огненного озера дойдет в каком-нибудь месте до берега моря и вода последнего, получив доступ к огню, начнет изливаться на расплавленные массы? Какова будет сила взрывов при соприкосновении масс воды и расплавленных пород, может ли вода потушить этот пожар? Не кончится ли все это колоссальным взрывом всей планеты?

Когда повторные наблюдения подтвердили, что размеры огненного озера неуклонно увеличиваются и озеро заняло уже всю площадь огнедышащей горы, пришлось постепенно вывозить население и предприятия с этого материка на другие. Вскоре берег огненного озера в одном месте прорезал берег моря, и вода начала врываться в озеро, вступая в борьбу с огнем. Но вода не залила огонь, а только усилила взрывы; получавшиеся в огромном количестве пары воды насытили воздух, и начались проливные дожди на западном полушарии. Это случилось перед сбором урожая и повредило ему. Стал ощущаться недостаток хлеба, так как значительная часть главного материка была уже захвачена огненным озером или выжжена горячими газами, распространявшимися по его окрестностям.

Огненное озеро пересекло узкий пролив между главным материком и соседним и стало распространяться и там. Возникло опасение, что всей поверхности планеты угрожает уничтожение. По быстроте расширения озера начали уже подсчитывать, сколько времени может еще существовать каждый материк. Встревожилось и население восточного полушария, хотя оно еще надеялось, что широкий океан, отделявший их от материков западного полушария, остановит расплавление. [...]

Но разложение вещества и расплавление тела планеты развивалось неуклонно все больше, охватывая поверхность и распространяясь также в глубь твердой коры, которая теперь уже содрогалась от взрывов, сопровождавших распад и соприкосновение воды с рас-

плавом. Землетрясения не давали населению западного полушария покоя ни днем, ни ночью, разрушая мало-помалу все здания. Многие жили уже в шалашах или палатках среди полей.

Опасаясь неотвратимой гибели всей планеты, ученые западного полушария задумали описать причины и развитие этой катастрофы, изложить это описание на металлических пластинках в нескольких десятках экземпляров и заключить их в большие стеклянные шары, которые могли бы совершить перелет через межпланетное пространство и упасть, подобно метеориту, на ближайшие планеты, населенные разумными существами, чтобы рассказать им о нашей участи и предостеречь от действий, могущих вызвать аналогичное несчастье.

Для этой работы на небольшом острове среди океана, вдали от материков обоих полушарий, устроили наблюдательную станцию в расчете, что расплавление коры коснется этой части поверхности позже всего. На острове имеется также глубокая шахта с сейсмической станцией, удобной для регистрации волн глубоких землетрясений. На этой станции будут заготовлены описания, которые в начале окончательной катастрофы будут заключены в шары из стекла, похожего по составу на породы некоторых метеоритов и настолько прозрачного, чтобы нашедшие такой шар обитатели другой планеты заметили его включения, разбили его и прочитали историю катастрофы. Большое число заготовленных шаров позволит надеяться, что хоть один или два выдержат полет и упадут на сушу, где их когда-нибудь обнаружат.

Мало-помалу, но с ужасающим постоянством расширялось огненное озеро, язва распада на главном материке западного полушария росла, захватывая и уничтожая холмы и равнины, города и селения, поля, луга и леса по всей своей окружности. Чем больше расширялась язва, тем сильнее становилась выдыхаемая ею жара, сжигавшая в окрестностях растительность. Жгучие ветры расходились из огненного озера, все вокруг него высохло; и все, что могло гореть, загоралось. Пожары истребляли поля и засохшие леса, селения и города. Население отступало перед огнем, спасалось. Правительство организовало выселение на другие материки западного полушария, где жить ста-

новилось все теснее, а получать пропитание все труднее, несмотря на строгое нормирование съестных припасов.

Прошел еще год, и огненная язва распада, расширяясь во все стороны, достигла морских берегов главного материка западного полушария. Море во многих местах начало врываться в глубь язвы. Вода, соприкасаясь с расплавленными массами, превращалась в пар, взрывы не прекращались ни на минуту. Надежды, что вода океана зальет всю язву, что борьба огня и воды кончится победой последней и распад прекратится, не оправдались. Тучи начали охватывать всю планету, все чаще лили дожди, содрогания почвы усилились, землетрясения разрушили все строения, кроме самых простых и прочных; население жило в землянках, шалашах и палатках. Промышленность замирала, заводы и фабрики были разрушены. Приходилось поддерживать лишь земледелие и скотоводство ради получения пищи. Из-за частых дождей и жара, излучаемого огненной язвой, на всех оставшихся еще материках западного полушария развилась пышная растительность. Это способствовало скотоводству, но препятствовало хлебопашеству. Пришлось установить усиленный обмен с восточным полушарием, меняя плоды и продукты скотоводства на хлеб.

На восточном полушарии вскоре после решительного удара западного союза, уничтожившего правителей целого ряда государств, начались волнения, постепенно перешедшие в гражданскую войну, которая в некоторых государствах вскоре окончилась установлением народного правительства, а в других затянулась. Землетрясения и дожди, ставшие уже бедствием на западном полушарии, стали распространяться, по мере расширения огненной язвы распада, также на материки восточного, хотя в более слабой форме. Населению восточных государств было уже известно, что возникновение распада и уничтожение материков западного полушария вызвано преступными действиями союза их низвергнутых правителей. Поэтому переговоры о переселении людей с западных материков на восточные, к которому придется прибегнуть, если распад не остановится, встретили благоприятное отношение народных правительств восточных государств. На западных материках начали заблаговремен-

но сооружать корабли и баржи для перевозки населения с его имуществом, домашним скотом, машинами. Приходилось думать, что на этих кораблях и баржах со временем придется спасаться всем, оставшимся в живых, если распад распространится и на восточные материки.

Так шли недели и месяцы. Язва распада пожирала сушу западных материков медленно, но неудержимо, отравляя жарой, ливнями и землетрясениями всю жизнь на уцелевшей и постоянно сокращавшейся площади, где жить становилось все теснее и голоднее. Но работы по сооружению плавучих средств, по подготовке переселения и по добыче пропитания производились по плану без послаблений и поддерживали энергию населения, не допуская возникновения отчаяния и паники.

Прошел еще год. Суша западного полушария исчезла, а население очутилось на кораблях и баржах. Океан между материками обоих полушарий имел значительную ширину, и во время плавания несколько судов со всеми пассажирами и грузом были потоплены штормами. На восточном полушарии переселенцам отвели самый северный материк, скудно населенный из-за холодного климата и малоплодородной почвы. Но переселенцы привезли с собой разборные домики, сельскохозяйственные орудия, скот, удобрения и семена; была весна, и переселенцы очень быстро возделали все удобные земли, показав старожилам пример планомерной организации коллективного труда и более интенсивного использования земельной площади для максимального извлечения продуктов.

Огромная язва распада поглотила уже все западные материки, т.е. около одной трети суши всей планеты и одной десятой всей ее поверхности. Но повторная съемка восточной окраины язвы показала, что в течение нескольких месяцев эта окраина передвинулась на восток только на расстояние в 10—12 шагов, т.е. даже в пределах возможной ошибки измерений. Возникла надежда, что расширение язвы прекратилось, что океан, боровшийся с огнем со всех сторон, преодолел расплавлению коры. Население, жившее уже два года в страшной тревоге и в ожидании гибели в недалеком будущем, начало успокаиваться. Однако группа западных ученых, устроившая станцию для

точных наблюдений на небольшом острове и готовившая описание грозного явления для межпланетного снаряда, не доверяла кажущейся остановке распада и продолжала исследования. В распоряжении ученых были морское судно для разъездов и промеров, летающий корабль для наблюдений над огненной язвой с высоты и сейсмическая станция на дне глубокой шахты. Они издавали «Бюллетень атомной опасности», который приходилось печатать на судне, так как ход типографской машины на острове расстраивался от сотрясений. Наблюдения этой группы вскоре показали, что язва распада перестала сколько-нибудь заметно расширяться за счет площади океана. Это можно было объяснить воздействием его вод, вторгавшихся со всех сторон и охлаждавших расплавленную массу. Однако приходилось думать, что распад, может быть, только переменил направление и вместо периферического и поверхностного сделался радиальным и глубоким. Усилились удары землетрясений, исходившие из более глубоких слоев, а наблюдения с летающего корабля на большой высоте над огненным морем обнаружили, несмотря на постоянную и густую пелену туч, висевшую в воздухе, что кипение огненной массы усиливается. Из клокочущей поверхности время от времени вырывались огненные фонтаны, выносившие расплавленную массу вверх на 4000—5000 м. Со временем эта высота все увеличивалась. Эти выстрелы огня, напоминавшие солнечные протуберанцы, вместе с жарой заставляли летающий корабль во время наблюдений держаться на высоте 7000 или 8000 м и принимать особые меры предосторожности. Дерево и другие горючие вещества пришлось исключить из конструкции корабля; двигатель пользовался, конечно, силой атомной энергии, а не горючего.

Наблюдения на дне шахты также показали, что каждый огненный фонтан является продуктом сильного взрыва в результате распада атомов на глубине и что этот распад развивается все глубже в теле планеты. Становилось совершенно ясным, что он будет продолжаться, усиливаясь, до тех пор, пока не преодолеет силы сцепления в сохранившейся более значительной части коры планеты, и тогда планета взорвется, как бомба, полностью распавшись на мелкие части, или же твердая кора, разорванная взрывом на

куски, отделится, отброшенная в разные стороны, а внутренняя расплавленная часть планеты превратится на время в самосветящуюся звездочку.

В этом ученые на острове уже не сомневались: планете угрожала неминуемая гибель, взрыв, который, конечно, должен был уничтожить все живое. Но после долгого обсуждения они пришли к выводу, что эту ужасную перспективу нужно скрыть от населения. Что оно выиграет, узнав ее? Ничего! Начнется паника, отчаяние. В ожидании неминуемой гибели всякая полезная и необходимая работа остановится, одних охватит полная апатия, другие захотят использовать последние недели или месяцы жизни для удовольствий. Начнутся безумные оргии, как в средние века во время чумных эпидемий, а средства для них будут добываться воровством, грабежом и убийством. Многих охватит буйное или тихое помешательство, частью на религиозной почве, и рядом с бешеными оргиями будут происходить религиозные процессии, моления, жертвоприношения, а также массовые самоубийства. А если гибель затянется — запасы пищи, не возобновляемые трудом, будут исчерпаны и начнется умирание от голода. Это будет ужасное зрелище — население в ожидании страшной казни, теряющее облик разумных существ.

Следовательно, не имея сил и возможности приостановить атомный распад и предотвратить гибель планеты, ученые решили сохранять строжайшее молчание относительно неминуемой гибели и публиковать только утешительные сведения о постепенном сокращении распада, о начавшемся затвердевании недр, которое неминуемо сопровождается сильными сотрясениями коры. Пусть последние дни, когда гибель станет очевидной для всех, наступят без предупреждения; это будет гуманнее.

А кроме того, можем ли мы, ученые, быть безусловно уверенными, что гибель неизбежна, что распад не остановится на какой-нибудь стадии, не завершившись разрывом, что процесс не пойдет обратно и восстановится нормальное положение? Мы не можем поручиться, что этого не произойдет. И даже в случае одного шанса из ста на благоприятный исход мы не имеем права встревожить население и лишить его радости жизни.

Мы решили наблюдать, обманывать население планеты, продолжать работу и в последние минуты, когда гибель будет несомненна, приготовить последние снаряды для межпланетных полетов. Значительная часть их уже готова, и письма заключены в стекловидной массе. Только в небольшой части их, которую мы закончим во время последних дней жизни, может оказаться описание начавшейся катастрофы».

Таков был текст на пластинках, заключенных в стекловидном метеорите, или керииге (по месту его находки на р. Керии). Очевидно, этот метеорит не принадлежит к числу последних, законченных уже в дни катастрофы на маленькой планете. Но самая находка на нашей планете этого стеклянного снаряда с вложенным в него текстом на неизвестном языке, изготовленного какими-то разумными существами, доказывала, что катастрофа с неизвестной планетой действительно когда-то произошла.

Было ли это не так давно? Снаряд был найден возле развалин буддийского монастыря. Если бы он упал раньше закрытия монастыря, ламы, наверно, нашли бы его и водрузили на одном из алтарей или отправили в Лхассу к Далай-ламе или в Пекин китайскому императору. Может быть, он упал после того, как монастырь был упразднен, что случилось, по мнению Стейна, только лет 500 тому назад? Пустынность места могла объяснить то, что никто ранее Стейна не увидел снаряда. Но в течение последних 500 лет на Земле были уже астрономы и обсерватории, которые должны были увидеть странный взрыв не столь далекой от нас планеты в виде внезапно вспыхнувшей или медленно разгоравшейся звезды. В летописях астрономов подобных записей не оказалось. Поэтому возможно также предположение, что метеорит упал раньше, что он зарылся в песок пустыни при падении или был засыпан песком и лежал под ним целые века и только потом, уже после закрытия монастыря, обнажился при развевании песчаного бархана и случайно попал на глаза Стейну. В этом случае он мог упасть на нашу Землю и тысячи лет тому назад, может быть, многие тысячи, но не ранее образования пустыни Такла-Макан. Наконец, возможно, что мете-

орит до падения на Землю кружил в межпланетном пространстве, летал по орбите взорванной планеты сотни тысяч или миллионы лет, пока случайная сила не изменила траекторию его движения. Словом, мы не знаем, когда случилась описанная катастрофа, но что она случилась и что еще на одной планете нашей Солнечной системы были разумные существа — в этом теперь не приходится сомневаться.

Описание причин катастрофы, атомного распада, вызванного неразумными действиями разумных существ, должно заставить нас глубоко задуматься именно в настоящее время, когда и на нашей Земле научились добывать атомную энергию и делать атомные бомбы.

ВИДЕНИЕ В ГОБИ

Геологическая экспедиция уже две недели находилась в Монголии, в Долине озер.

Эта долина отделяет обширное лесисто-степное нагорье Хангай, занимающее север Монголии, от цепей Гобийского Алтая, расположенных южнее. Долина имеет несколько сот километров в длину с запада на восток и от 40 до 60 км в ширину. С Хангая в долину сбегают речки. Менее крупные из них по выходе из гор быстро теряют воду, и их сухие русла исчезают в степи. Более крупные реки впадают в соленые озера, расположенные ближе к подножью Алтая. По этим озерам долина и получила свое название. В промежутках между речками предгорья Хангая часто вдаются в виде мягких увалов и цепей холмов довольно далеко в глубь долины, поверхность которой представляет собой сухую степь, местами переходящую в полупустыню. Долина озер в сущности является западным рукавом степи Гоби, занимающей значительную и самую низкую часть Восточной Монголии.

Гобийский, или Монгольский, Алтай, окаймляющий с юга Долину озер, состоит из двух, местами из трех-четырех параллельных горных цепей, между которыми расположены более или менее широкие продольные долины, кое-где с речками и озерами. Цепи эти нередко скалисты, достигают абсолютной высоты в 3000—4000 м, а в отдельных местах вершины их

поднимаются выше снеговой линии и покрыты снегом и небольшими ледниками, которые видны издали и служат хорошими ориентирами. Монголы вообще любят обозначать термином «богдо» (великий) чем-либо замечательные горы, и эти высокие вершины Алтая носят имена Ихэ-Богдо, Бага-Богдо и Пасату-Богдо.

По Долине озер и между цепями Алтая пролегают большие караванные дороги, по которым в прежнее время ходили торговые караваны из городов Кобдо и Улясутай в китайский город Кукухото (или Гуйхуачен) на северной окраине Китая.

Реки, сбегающие с Хангая в Долину озер, врезают свое русло в дно долины и поэтому окаймлены террасами. Вдоль речек растут разные кусты, местами рощицы тополей и тала, а по берегам озер зеленеют заросли камышей, желтеют сыпучие барханные пески, которые встречаются и в других частях долины. На террасах вдоль рек, где грунтовая вода залегает глубоко, поверхность иногда представляет собой черную пустыню, усыпанную мелкой галькой и щебенкой, совершенно черного цвета от пустынного загара — «лака пустыни», который покрывает тоненькой пленкой породы любого цвета и состава и блестит под лучами солнца подобно маленьким зеркалам. Эти участки долины почти лишены растительности: жалкие кустики полыни, колючки или перекати-поля отстоят один от другого на десятки шагов.

Дно долины вокруг озер, а также в промежутках между ними большею частью имеет вид более или менее обширных впадин, ограниченных одним, двумя или тремя уступами, подобными ступеням гигантской лестницы. Уступы эти обычно разрезаны ложбинами и оврагами, иногда отрезающими от края уступа отдельный скалистый или округленный холм, который геологи называют «свидетелем». В обрывах уступов часто вскрыты пласты горных пород, слагающих дно Долины озер. Это грубые конгломераты с галькой и щебнем разных пород, песчаники, глины, редко мергели различных цветов — белого, желтого, зеленого, серого, шоколадно-бурого, кирпично-красного. Иногда красные цвета господствуют, и тогда под лучами восходящего или заходящего солнца уступы кажутся раскаленными или пылающими.

В слоях этих пород нередко заключены кости и да-

же целые скелеты позвоночных животных, которые некогда населяли обширные степи Центральной Азии. В верхних уступах находят кости лошадей, двукопытных, носорогов, хищников, грызунов, изредка птиц и черепах, вообще животных, характерных для третичного периода. В нижних уступах попадаются кости и даже яйца земноводных и пресмыкающихся, особенно разных ящеров верхнемелового периода. В самых нижних слоях залегают черные горючие сланцы, называемые «бумажными», потому что они делятся на тонкие слои, похожие на листы грубой бумаги. В них находят целые скелеты небольших рыб, остатки ракообразных, мелкие пресноводные ракушки, отпечатки растений. Возраст этих слоев определяют как еще более древний — нижнемеловой, даже переходный к юрскому.

На дне впадин кое-где встречаются площади кучевых песков, похожие на старые заброшенные кладбища. Они состоят из холмиков высотой до метра, чаще до полуметра, расположенных довольно тесно один подле другого. Каждый холмик неплотно покрыт длинными, тонкими и гибкими ветвями куста нитрария с мелкими листочками и красными, солено-сладкими ягодами, которые любят верблюды, козы и бараны. Под защитой каждого куста песок, переносимый ветрами, мало-помалу накопляется и удерживается, пока куст живой. А если его уничтожить, например на топливо, песок холмика опять будет развеян ветром и разнесен по соседним холмам.

Геологическая экспедиция прибыла в Долину озер, чтобы вести раскопки остатков вымерших животных третичного и мелового времени, захороненных в слоях уступов, окаймляющих впадины на дне долины.

Экспедиция состояла из трех ученых — геолога и двух палеонтологов — и двух препараторов, умеющих откапывать хрупкие кости, укреплять их на месте жидким клеем или гипсовыми оболочками, чтобы затем их можно было вынуть из слоев без повреждений и укладывать в ящики для вывоза этих ценных редкостей домой. Несколько рабочих для раскопок, шофер автомашины, пастух для верблюдов и лошадей также входили в состав экспедиции.

Ученые уже обследовали несколько впадин и выбрали одну из них, в уступах которой нашлось особенно много богатых костеносных слоев мелового возраста. Эти слои выходили в обрыве, который с утра до вечера освещался и накалялся летним солнцем.

Чтобы облегчить работу на солнцепеке, был установлен такой распорядок: вставали на восходе солнца и уже с шести часов утра начинали раскопки, пользуясь утренней прохладой. В 11 часов делали перерыв для обеда и отдыха в течение самых жарких часов, а с четырех часов до заката опять работали. Палатки экспедиции стояли на нижней террасе, недалеко от русла небольшой речки и в километре с лишком от места раскопок, на дне большой впадины.

В половине августа один день был особенно труден для работы. В Центральной Азии тихая погода бывает редко. Обычно с восходом солнца просыпается и ветер. Он дует сначала слабо, к полудню усиливается и продолжается до заката, мало-помалу ослабевая. Ночью большею частью тихо. Но в этот день стояла полная тишина, солнце светило сквозь какую-то дымку и представлялось красным кругом без лучей. По мере поднятия его над горизонтом духота усиливалась; пыль, которую вздымали кайлы и заступы, не уносилась ветром, как в другие дни, а висела густой пеленой в воздухе и затрудняла дыхание. Все обливались потом, хотя и сбросили рубашки.

А в этот день раскопки обнаружили особенно интересные окаменелости: не кости, а целое гнездо ящеров из 12 яиц, лежавших в буро-красном песчанике одно возле другого. Они отличались от птичьих яиц более удлиненной формой и имели 20 см в длину и 6—7 в поперечнике. Некоторые были разбиты поперечными трещинами на куски, и внутри них можно было рассмотреть косточки неродившихся ящеров. Следовательно, гнездо, согревавшееся солнцем 75 млн. лет назад, было уже близко к созреванию, когда какая-то катастрофа, может быть, песчаная буря, разлив реки или озера, на пляже которого самка ящера отложила свои яйца, занесла их толстым слоем песка и задушила пробуждавшуюся жизнь.

Когда вскрыли все гнездо и освободили яйца от песчаника, в котором они покоились, было уже почти 11 часов, и все изнемогали от духоты и пыли. Поэто-

му окончание раскопок решили отложить до вечера. Уходя на стан, гнездо покрыли брезентом, придавленным по краям камнями.

— Большой песчаный буран будет,— заметил монгол-рабочий, взглянув на небо.

«И эти драгоценности могут пострадать — их занесет песком или даже разбросает и разобьет»,— подумал начальник экспедиции геолог Попов.

Вернувшись на стан и пообедав, все разошлись по палаткам на отдых. Днем полы палаток всегда немного поднимали, чтобы продувал ветерок; без этого в палатках, нагретых солнцем, было бы слишком душно. Попов занимал отдельную маленькую палатку. Он улегся на складную кровать и задумался.

Уже несколько дней участники экспедиции горячо обсуждали вопрос — какой вид Центральная Азия имела в то время, когда ее населяли различные семейства, роды и виды древних ящеров? Каков был климат этой обширной страны, ее растительность? Кости, находимые в изобилии, давали хорошее представление о животном мире, а состав меловых слоев указывал на условия их образования. Это были континентальные отложения, образовавшиеся на суше, в озерах, реках или на подножьях гор — в виде селевых наносов из материала, вынесенного дождевыми потоками из ущелий. Здесь было довольно много конгломератов и грубых песчаников — значит, местность не представляла собой равнины, а была гористая: в озера сносился материал размыва окрестных холмов и гор.

Но почему же в меловых слоях совсем не попадались остатки растений?

По мнению палеонтолога Петрова, отсутствие пластов угля среди этих отложений доказывало, что на дне впадин вокруг озер не было болотистых лесов, которые могли бы превратиться в пласты каменного угля. Другой палеонтолог, Панов, говорил, что огромные, неуклюжие бронтозавры и другие крупные ящеры не могли бы жить в болотистых дремучих лесах и пробираться между стволами деревьев. Обилие костей ящеров, найденных учеными, показывало, что когда-то здесь были обширные пышные луга с отдельными купами кустов и деревьев или леса, похожие на нынешние «галерейные» леса в Южной Африке, где свободно гуляют слоны и носороги.

«Окаменелые стволы деревьев, похожих на кипарисы, уже найдены нашими исследователями в Монголии,— вспомнил геолог замечание, сделанное недавно Петровым.— Значит, деревья здесь были».

«Но почему же в костеносных слоях нет отпечатков листьев или стеблей растений? — продолжал размышлять Попов.— Ведь эти огромные и многочисленные травоядные ящеры нуждались в большом количестве растительной пищи, чтобы существовать самим и доставлять пищу хищным ящерам, столь же многочисленным и разнообразным.

Остается предположить, что эти прожорливые громадные травоядные съедали дочиста всю растительность, конечно, за исключением древесных стволов. Вот почему в отложениях вместе с костями совсем не попадались листья и стебли. Все было съедено и переварено. А в этой прожорливости, может быть, и кроется главная причина вымирания ящеров. Они вырождались и вымирали от недостатка пищи, уступая место мелким и менее прожорливым млекопитающим...»

Мысли Попова возвратились к давно интересовавшему его вопросу: почему так обильны и разнообразны были семейства, роды и виды ящеров, вообще именуемых динозаврами, в меловом периоде и почему так быстро и загадочно исчезли они 70 млн. лет назад к началу третичного времени. Он вспомнил и о летающих ящерах, также разнообразных и обильных, и об отсутствии переходных форм от них к настоящим птицам, за исключением странного археоптерикса, жившего, впрочем, гораздо раньше. В отличие от голых птеродактилей археоптерикс уже был покрыт перьями, но он имел еще зубы в клюве и когти на крыльях...

В палатке было очень душно.

«Пойду лучше на воздух, пройдусь к раскопкам, проверю, хорошо ли укрепили брезент»,— подумал Попов. Он надел шляпу и вышел из палатки. И сразу же ему бросилось в глаза изменение всего облика местности. Вместо сухой степи с пожелтевшими от летнего зноя кустиками и мелкой травкой перед ним расстилался ярко-зеленый луг. Трава выше колен с обильными, но какими-то странными цветами волно-

валась под легкими порывами ветра. Кое-где среди луга виднелись кусты в рост человека и выше. Одни были похожи на огромные кочны капусты с отвисавшими сочными листьями, каждый из которых был величиной побольше дождевого зонтика. Другие кусты походили на кактусы, но без шипов и с алыми цветами. На третьих, более мелколистных, гроздьями висели пунцовые ягоды, похожие на крупные сливы.

Геолог шел по лугу, раздвигая траву. В воздухе реяли крупные синие, зеленые и красные стрекозы, проносились с громким жужжанием черные и бронзовые жуки с детский кулак.

Вдали на юге луг доходил до подножия Монгольского Алтая, поднимавшегося зеленой стеной, увенчанной рядом скалистых пиков, на которых белели пятна и полосы снега.

Несколько раз геолог оглядывался на ходу и замечал, что Хангай, ограничивавший горизонт на севере, сделался выше, круче и зеленее. Справа, среди луга, открылся вид на русло довольно широкой и полноводной речки, струившейся между невысокими берегами. Эта речка совсем не походила на жалкий ручей, журчавший по гальке среди широкого сухого русла, которое пролегало недалеко от стана экспедиции.

Еще сотни три шагов — и открылось устье речки у большого озера, гладь которого расстилалась почти до западного горизонта. На воде кое-где плавали какие-то крупные черные птицы с большими головами на тонкой шее и длинными клювами. Время от времени они ныряли головой вниз, как утки. Попов повернул по хорошо протоптанной дорожке вдоль берега озера налево, где в стороне виднелась группа пальм и каких-то остропирамидальных деревьев, похожих на кипарисы. Большая стрекоза, неожиданно с налету ударившая геолога по щеке, заставила его поморщиться.

Немного дальше его внимание привлек возвышавшийся среди зелени луга голый и гладкий зелено-серый холм с темно-зелеными полосами и пятнами.

«Какая-то странная порода. Не змеевик ли? Нужно посмотреть»,— подумал Попов и направился к холму. И вдруг от холма отделилось нечто длинное, похожее на гигантскую змею с блестящими глазками, смотревшими на человека. Геолог инстинктивно прижался к кусту, похожему на огромный кочан капусты. Змея

изогнулась, голова направилась к тому же кусту, раскрылась пасть, схватила плоскими резцами лист «капусты», дернула и оторвала его, подняла вверх, подбросила и, подхватив за мясистый черенок, начала пожирать зелень, размахивая листом, словно веером, вверх и вниз.

Попов с интересом наблюдал эту сцену. Он догадался, что холм был туловищем этого чудовищного животного, а змея представляла его шею и голову, совершенно непропорциональные телу.

— Это, конечно, бронтозавр,— прошептал он.— Этакая громадина! Но нужно ретироваться — он может нечаянно толкнуть, опрокинуть, растоптать, хотя по существу это совершенно безобидный великан.

Скрываясь за листом «капусты», геолог начал было осторожно подвигаться назад. Ящер заметил это движение. Голова человека в светло-зеленой шляпе среди темной зелени кустов привлекла внимание чудовища. Оно приняло ее, очевидно, за сочный бутон или даже плод растения. Выплюнув остаток листа, ящер потянулся к ученому, который вдруг увидел возле своего лица розоватые мясистые губы и желтые резцы. Из чуть приоткрытой пасти вырывалось мощное кислое дыхание; с губ стекала зеленая струйка «капустного» сока. И вот губы схватили шляпу, сдернули ее с головы человека, подбросили вверх, подхватили и затянули в пасть. Но фетр пришелся не по вкусу ящеру. Мотнув головой, он выплюнул шляпу и потянулся за новым листом «капусты».

Попов, невольно присевший, когда с него срывали шляпу, продвинулся под защитой куста на несколько шагов в сторону и, нагнувшись, побежал между кустами прочь от прожорливого великана. Местность в этом направлении немного повышалась. Остановившись через несколько минут и оглянувшись, геолог увидел, что бронтозавр продолжал объедать тот же куст. Его массивное туловище поднималось плоским бугром над всеми кустами, но темные полосы и пятна делали его мало заметным на фоне луга. Длинная шея с маленькой головой то поднималась высоко вверх, подбрасывая оторванный лист, то почти скрывалась в зелени кустов. Немного левее виден был второй бронтозавр, также пасшийся на лугу.

Попов поднялся еще немного выше по косогору и

очутился на поверхности плоского увала. С него видна была другая обширная впадина с таким же лугом, кустами и рощами пальм и кипарисов. Вдали сверкала гладь большого озера. Одно место на его берегу сразу привлекло внимание. Там то и дело взлетали и кружились мелкие и крупные темные птицы, слышались пронзительный писк и громкое кваканье. Полет этих существ напоминал неровный полет летучих мышей с частыми, мелкими взмахами крыльев. Вероятно, на берегу озера лежала какая-то крупная падаль. Над ней и летали эти крылатые ящеры — взлетали, кружились, садились на нее, дрались друг с другом, пищали и квакали.

Один из ящеров, кружившихся над падалью, повернул и полетел в сторону наблюдавшего за ним Попова, спланировал невысоко над его головой и сейчас же полетел обратно, издавая резкий свист. Можно было рассмотреть его голое, зелено-серое туловище, поджатые к нему снизу короткие ноги с длинными когтями, широкие голые крылья в виде перепонок между боками тела и длинными пальцами передних конечностей. Короткая шея заканчивалась большой головой с длинным зубастым клювом. Величина тела достигала примерно роста десятилетнего ребенка.

«Высмотрел меня и, должно быть, хочет мной поживиться,— подумал Попов.— А теперь полетел за подмогой. Если парочка таких тварей нападет с двух сторон,— защититься от их когтей и зубов будет трудно. Нужно бежать».

Он повернул назад и пошел по увалу, спускаясь к первому озеру. Неожиданно перед ним открылась небольшая котловина, на дне среди кустов журчал ручеек. Дно котловины представляло собой площадку, усыпанную мелкой галькой. На площадке резвился десяток маленьких, величиной с кошку, ящеров. Они подбегали друг к другу, тыкались носами, припадали к земле, кувыркались. В общем это напоминало игру резвых щенят. Но вид их был довольно странный. Голое, желто-зеленое с пятнами туловище оканчивалось с одной стороны недлинным хвостом, а с другой — рогатой головой, окруженной высоким щитообразным воротником с зубчиками. Голова была как будто прилеплена к этому воротнику. Морда была клювообразной, над глазами выдвигался довольно длинный

рог. В общем все это походило на шляпку странного гриба, приклеенную к туловищу. Ноги были довольно длинные, с когтями. Попов с интересом наблюдал повадки этих ящеров.

«Как будто это трицератопсы,— подумал он.— Неужели они успели уже вылупиться из яиц, которые мы сегодня откопали?»

Вдруг широкая тень промелькнула по котловине. Ящеры тотчас же разбежались: одни укрылись под кустами, другие припали к поверхности земли. Темные пятна на их желтых телах делали их трудно различимыми на площадке, усыпанной галькой.

Крылатый ящер, пролетевший над котловиной, быстро замахал крыльями и сел на гальку шагах в десяти от геолога, притаившегося между кустами на краю котловины. При первом взгляде на это животное Попов подумал с удивлением: «Но это же не ящер, а скорее настоящая птица». Действительно, сразу можно было заметить, что животное это было покрыто чем-то очень похожим на перья. Оно было высотой больше метра, т.е. крупнее орла. Шея была длиннее орлиной, клюв похож на клюв аиста и усажен мелкими зубами. Пальцы высоких ног были снабжены большими когтями. Это был, очевидно, крупный хищник, преследовавший мелких ящеров. Медленно поворачивая голову, он высматривал притаившуюся в котловине добычу. Один из ящеров, прижавшихся к гальке, пошевелился, хищник быстро прыгнул к нему и ударил клювом по спине; при этом он расправил крылья, и легко было заметить, что это не перепонка, как у ящеров, а длинные крылья из настоящих перьев, зелено-серого цвета. Пойманный ящер пронзительно пищал.

«Неужели это гесперорнис? — подумал Попов.— Тогда это одна из первых настоящих птиц, живших в конце мелового периода».

— Эй, Иван Петрович! Вставайте скорее! Ураган налетает, нужно крепить палатки,— послышался чей-то громкий голос.

Попов вздрогнул. Окрик товарища вернул ученого к действительности. Полотнища палатки надувались и хлопали; на полу валялась шляпа, которую недавно жевал бронтозавр. Попов поднял ее, нахлобучил и вышел из палатки.

Буря быстро приближалась. Вся западная половина неба была закрыта тяжелой буро-желтой тучей. Край ее уже скрыл солнце. Низ тучи все время клубился в виде круто наклоненных, крутящихся столбов. Гравий и песчинки дробью били по палаткам.

По земле извивались змейками струи песка, проносились сухие веточки, листья, прыжками передвигались желтые кустики перекати-поля.

Рабочие пригнали лошадей и верблюдов, которые паслись в степи недалеко от стана. На этих животных перевозили ящики с добытыми костями с места раскопок на стан и привозили воду в бочонках из чистого бочага в русле речки, найденного довольно далеко от стана. Лошадей привязали к грузовику с подветренной стороны, а верблюдов уложили на землю спиной к ветру.

Еще немного — и буря надвинулась на лагерь. Стало темно. Полотнища палаток прогибались от ветра глубоко внутрь и трепетали, песчинки сыпались на них градом и струйками стекали вниз. Казалось, что холст не выдержит давления воздуха, лопнет по швам, и палатка, разодранная на куски, улетит вместе с волнами бури на восток. Люди, стоя, подпирали руками вертикальные шесты, дрожавшие под напором ветра.

При одном из порывов бури Петров заметил своему товарищу Панову:

— Помните, как один географ утверждал, будто пыльные бури бывают только там, где имеются пахотные поля, с которых ветер и поднимает мелкую пыль? По его словам, в пустыне такие бури невозможны. Что сказал бы он сегодня здесь, в Гоби, где на сотни километров нет никаких пахотных полей? Нет даже колесных дорог, всегда пылящих при ветре. Откуда же тогда здесь столько песка и пыли?

— Бывают такие упрямые ученые,— ответил Панов.— Они упорно защищают свои слишком скоропалительно надуманные гипотезы, не считаясь с фактическими данными, которые их опровергают. Ему следовало бы посетить также пустыни в центральных штатах Северной Америки, где никто не пашет землю, а пыльные бури нередки и уносят пыль до Нью-Йорка, за тысячи миль на восток.

Буря продолжалась часа полтора и закончилась коротким, но сильным ливнем с грозой — вообще довольно редким явлением в Гоби. Ливень встревожил ученых. С уступов впадины, на одном из которых были вскрыты костеносные слои, вода могла литься потоками и водопадами, снести брезент, разбросать и повредить только что вскрытые яйца ящеров. Следовало проверить место раскопок. Палеонтологи направились туда. Подойдя к берегу речки, которая утром была еще жалким ручейком, они увидели целый поток, шириной в десяток метров. Он с шумом катил свои волны, буро-желтые от грязи, перекатывая по руслу гальку и даже валуны. Очевидно, ливень захватил и склоны Хангая, откуда дождевая вода только теперь успела добежать до дна Долины озер.

На месте раскопок также видны были следы работы ливня. У подножия уступов во многих местах лежали смытые со ступеней конусы желто-красной грязи с галькой и обломками. В глубокой ложбине на дне впадины стояло озерко грязной воды. В озерке плавал брезент, снесенный бурей со ступени, на которой утром было вскрыто гнездо яиц. Само гнездо было покрыто слоем красной грязи в два-три пальца толщиной.

Осмотрев место, ученые решили не счищать сейчас грязь с яиц. Это могло повредить намокшую скорлупу. До утра грязь должна была застыть, и тогда ее будет легче снимать кусками, осторожно и не торопясь. Брезент вынули из воды и разостлали сушиться.

Тем временем Попов прошел на восток от стана, где он накануне нашел в барханных песках несколько палеолитических орудий и оставил их на песке, чтобы легче найти это место и начать правильную раскопку.

Орудия — грубые наконечники стрел, большое острие копья и несколько скребков — лежали, чуть выдаваясь из песка, на самой нижней части наветренного склона одного из барханов. Геолог скоро нашел это место и сначала не поверил своим глазам: вместо семи-восьми предметов, оставленных накануне, он увидел целые десятки их. По-видимому, в этом месте когда-то была целая мастерская первобытного человека. В свое время мастерскую засыпал надвинувшийся большой бархан. Много веков медленно перемещался песок, перевеиваемый ветрами. Накануне, когда здесь

были геологи, наветренный склон бархана начал сходить с места, где была скрыта под песком первобытная мастерская. Прошедший ураган почти очистил от песка древние орудия и камни, частью уже расколотые, когда-то принесенные сюда первобытными мастерами. На гранях, созданных человеком при обивке орудий, видны были следы полировки их песком.

Попов захватил несколько образцов орудий, чтобы показать их товарищам и начать раскопки. Это было первое открытие остатков палеолитического человека в Гоби, и оно очень обрадовало ученого. Теперь и он привезет из экспедиции хорошую добычу.

ПРОИСШЕСТВИЕ В НЕСКУЧНОМ САДУ

Экспедиция Академии наук благополучно вернулась с острова Врангеля и привезла в Москву в огромном ящике-холодильнике труп мамонта, добытый на берегу острова. Этот ящик доставили с вокзала в Палеонтологический музей Академии, что находится на Калужской улице, в Нескучном саду, рядом с участком, отведенным пионерам.

В самое помещение музея ящик нельзя было втащить — пришлось бы выломать целую стену. Поэтому решили производить вскрытие ящика и изучение мамонта в специальном легком бараке, заблаговременно выстроенном возле музея в тени деревьев. В этот барак, состоявший из фанерных стен, накрытых легкой фанерной крышей, вдвинули ящик, вскрыли его, счистили снег и лед, покрывавшие мамонта, и оставили на ночь, чтобы он начал оттаивать.

На следующее утро в барак должны были собраться все члены Академии наук, приезжие заграничные ученые и масса репортеров и фотографов. Надлежало отметить соответствующими речами благополучное завершение трудной экспедиции: ведь впервые мамонта доставили целиком и в мерзлом состоянии из далекой Сибири в Москву. Затем предполагалось произвести осмотр, обмер и описание наружности мамонта, фотографирование его с разных сторон и, наконец, анатомирование.

Ночь выдалась необыкновенно теплая. Настало утро торжественного дня. Мамонт оттаял полностью.

Его пригрело солнце, заглянувшее через огромную решетчатую дверь — настоящие ворота,— через которую вдвигали ящик, и...

Никто не видел, как это случилось, но, очевидно, в какой-то определенный миг мамонт глубоко вздохнул, расправил свои члены, которые 30 тыс. лет были скованы морозом, потянулся, с большим усилием встал на ноги, пошевелил ушами, взмахнул хоботом и окончательно пришел в себя.

Обстановка, в которой он очутился, показалась ему странной. Он заснул на просторе, на пустынном берегу океана, а теперь вокруг него высились какие-то желтые утесы. Ему стало душно. А зелень деревьев, видневшаяся между утесами через решетку ворот, напоминала мамонту, что он давно уже не ел и страшно проголодался.

Рано утром в пионерском саду, по соседству, собралась делегация, которая должна была принять участие в торжестве. Пионеры хотели поднести членам «мамонтовой экспедиции» букеты цветов и теперь срезали на своих грядках георгины, астры, флоксы, золотые шары и другие осенние цветы.

Вдруг раздался страшный треск. Внутри барака, где лежал мамонт, послышались тяжелые удары. Пионеры сначала застыли у грядок с цветами в руках, потом послышались крики негодования:

— Что такое?! Мамонта рубят уже на куски, втихомолку, не показав нам его целиком...

Но тут с грохотом, вздымая тучу пыли, рухнула стена барака, и из глубины его выдвинулась краснобурая гора со страшными белыми бивнями и поднятым кверху хоботом.

Визг, крики ужаса... На мгновение все окаменели. А потом, когда гора двинулась в их сторону, ребята бросились кто куда: одни стремглав помчались к выходу из сада, другие — за ближайшие кусты. Двое полезли на дерево, а человек пять, стоявшие возле открытой сцены маленького театра, вскочили на нее и спрятались за кулисы.

Мамонт медленно двинулся к грядкам пионерского сада. Никогда еще он не видел такой яркой, сочной зелени, не нюхал запаха цветов. И вот его хобот начал прогуливаться по грядкам, выхватывая целые снопы цветов, которые исчезали в его огромной пасти.

Опустошив все грядки, мамонт, обрывая по пути ветки с деревьев, неторопливыми шагами отправился в глубь Нескучного сада знакомиться со своим новым местом жительства.

Ребята, удравшие от зверя на улицу, увидели сидящего у решетки сторожа дядю Семена. Запыхавшись, они подбежали к нему и, перебивая друг друга, начали объяснять, что случилось.

— Дядя Семен! Дядя Семен! Мамонт ожил. Да! Он встал, гуляет по Нескучному. Наверно, затоптал уже кого-нибудь. Скорее! Надо что-нибудь делать... Ну этот вот самый, замерзший!

Сторож сначала ничего не понял. Но ребята окружили его, потащили в сад и привели к разломанному бараку. Тут к ним присоединились остальные, соскочившие со сцены и слезшие с деревьев, как только чудище удалилось. Сторожу показали опустошенные грядки и выдавленные в мягкой почве огромные следы.

Но он все еще не верил. Он знал, что мамонт пролежал 30 тыс. лет в вечномерзлой почве. Не могла же этакая мертвая древность ожить, да еще начать разгуливать и есть цветы!

Окруженный взволнованными ребятами, дядя Семен направился к Нескучному дворцу. А там...

На большом цветнике у фонтана спокойно пасся огромный красно-коричневый волосатый слон. Он то срывал цветы с грядок, то быстро и очень аккуратно щипал хоботом нежную траву лужаек. Затем, подойдя к фонтану, он напился, набрал хоботом воды и начал поливать себе спину и бока, на которых еще висели комья прилипшей земли — земли острова Врангеля. Глубокие вздохи и фырканье показывали, что обливание доставляет ему большое удовольствие.

— Что же теперь делать, дядя Семен? А? — тараторили ребята.— Надо его поймать, загнать назад в барак. Надо усыпить его. Ведь он все потопчет! А выйдет на улицу и пойдет гулять по Москве — бед наделает!..

Убедившись, что мамонт действительно ожил, сторож, огибая цветник подальше от страшного зверя, побежал в здание Академии. Он торопливо прошел к телефону и стал куда-то звонить. Ребята остались в вестибюле.

— Тут, знаете, такой случай...— кричал в трубку дядя Семен.— Мамонт, которого сегодня хотели чествовать у нас в Академии... Ну да, вот-вот... которого с острова Врангеля... Так выходит, что он — не мертвый, а живой... Да, да... Полностью живой... Оттаял, что ли, и ожил. Разломал барак, вышел, потоптал и объел все клумбы... Да, пасется теперь на лугу у фонтана. Перед Академией... Па-сет-ся, говорю, как корова в поле... Нет, пока никого не тронул... огромный зверь... да, да...

Наконец, озабоченный, он вышел в вестибюль.

— Ну, ребята, будем держать мамонта под наблюдением. Будем следить за ним издали. Только близко не соваться.

В начале десятого часа, раньше, чем вести о событии разнеслись по Москве, директор Палеонтологического музея и все члены «мамонтовой экспедиции» собрались в Палеонтологическом институте, чтобы установить объем и порядок докладов на разных языках, которые предполагалось сделать в институте в 10 часов для иностранных ученых. Затем к 11 часам все должны были перейти в барак для торжественного открытия драгоценного экспоната.

Собрание едва началось, как зазвонил телефон. Директор снял трубку.

— Что? Что такое? Что вы говорите?.. Какой мамонт?.. Но это невозможно!.. Не ошибаетесь?.. Чудеса... Какие меры принимать?.. Конечно, живого... ни в коем случае не поранить... Величайшая редкость... Надо сейчас же спросить директора зоопарка, он знает, как усмиряют разбушевавшихся слонов... Да, да... благодарю вас за сообщение...

Директор положил трубку.

— Товарищи! — сказал он, держась за сердце.— Я просто сам себе не верю... Но вот совершенно точное сообщение: наш вечномерзлый мамонт... Он оттаял, ожил, разломал барак и гуляет по Нескучному саду. Предлагаю обсудить, какие изменения это непредвиденное событие заставляет внести в программу нашего торжества.

Все повскакали с мест. Почти все присутствующие были готовы немедленно бежать в Нескучный сад. Директор призвал к порядку. После горячих споров решили: заседание с иностранными учеными открыть

и, словно ничего не случилось, провести по плану, а в заключение объявить: «Теперь же просим уважаемых гостей перейти через улицу в Нескучный сад, где этот самый мамонт гуляет на свободе».

Двух сотрудников немедленно отрядили в Нескучный сад для наблюдения за мамонтом.

В это время мамонт, хорошо наевшийся и пригретый утренним солнцем, собрался отдохнуть. На окраине большой поляны, близ танцевальной площадки и эстрады, он стал в тени вековых лип и дубов и задремал, опустив голову. Новизна и разнообразие впечатлений утомили его: огромные деревья, зеленые лужайки, пестрые цветы, каменные громады зданий и деревянные изгороди,— все это он видел впервые. Из всего этого слагался пейзаж, резко отличавшийся от того, что он знал дома, на острове Врангеля, на котором он прожил свою долгую жизнь.

Черные острые скалы окаймляли там прибрежную равнину, поросшую скудной травой и низкими зарослями полярной ольхи и березы. Неумолчный шум прибоя убаюкивал после однообразной и грубой еды, а свежий морской ветерок отгонял комаров, оводов и слепней. В осенние и зимние пурги мамонт уходил с прибрежья в глубь гор по извилистым ущельям и часами стоял и дремал там под защитой черных сланцевых обрывов. И теперь в Нескучном саду он дремал и грезил о природе далекого родного острова.

Но ему не дали отдохнуть. Сторож и дети скоро разыскали его и начали подкрадываться с разных сторон — одни вдоль изгороди танцевального помоста, другие из-за деревьев парка. Наконец, остановились шагах в 10—20 от дремавшего животного. Ребята переговаривались шепотом, передавая друг другу свои впечатления.

— Шерсть-то, шерсть. Рыжая, длинная, но не густая. Висит космами, как на искусственной пальме.

— А уши-то какие огромные. Лоп-лоп... Так и ходят. Все время движутся.

— Это он прислушивается, что мы говорим.

— Глазки маленькие, меньше, чем у слонов...

— А ножищи! Настоящие столбы! Наступит — в лепешку раздавит!

— Похож на слона и не похож. Шерсть, горб на спине, бивни иначе загнуты и куда длиннее...

Но тут с другой стороны поляны послышались громкие голоса.

— Нашли, нашли! Мамонт здесь. Вот он!

Вся Москва уже знала о происшествии.

На поляну высыпала толпа задыхающихся людей с фотоаппаратами, блокнотами, биноклями. Они вперегонки направились к мамонту. Сторож бросился им навстречу.

— Куда, куда? Остановитесь, граждане! Близко нельзя, он сердитый. Убьет! — кричал дядя Семен.

Но его уже обегали и справа и слева. Фотографы спешно вытаскивали камеры, расставляли треножники, мешая друг другу; несколько человек с киноаппаратами все забегали вперед, претендуя на лучшие места. Возгласы, перебранка...

Репортеры с блокнотами окружили сторожа и требовали «сведений». Подбежавшие ребята, перебивая друг друга, захлебываясь, тараторили:

— Я первый увидел, как он...

— Врешь! Ты цветы рвал, когда он разломал барак. Он вон откуда вышел к нам.

— Он сразу объел все клумбы. Георгины, золотые шары, все... Целыми снопами в пасть пихал.

— Весь наш цветник опустошил, обжора.

— А из фонтана воду пил и обливался.

Постепенно толпа расположилась большим полукругом, в центре которого тихо стоял мамонт. Защелкали затворы... Со стороны деревьев любопытные уже подошли к мамонту совсем близко. Говор, возгласы, крики усиливались с каждой минутой. Мамонт с изумлением разглядывал окружившую его кольцом толпу странных двуногих, беспокойных и крикливых. Она начала раздражать его, привыкшего к простору и тишине пустынного острова. Его уши захлопали, он стал быстро размахивать хвостом. Грузно поворачиваясь на месте, мамонт убедился, что пестрая толпа окружает его со всех сторон. Тогда он поднял хобот, затрубил и двинулся в сторону поляны. Раздались крики ужаса, визг, началась паника. Полукруг на поляне сразу пришел в движение, все бежали, спотыкались, напирали друг на друга, падали. Несколько фотоаппаратов, черных покрывал треног, блокнотов, шапок осталось на траве. Мамонт топтал все, что попадалось под ноги, или подхватывал хоботом и швырял вперед

в сторону убегавших. Поляна быстро опустела. Только сторож не принял участия в общем бегстве, а остался на посту. По счастью, чудовище двинулось не в его сторону. Добежав до края поляны, мамонт остановился, поднял хобот и трубными звуками возвестил о победе над врагами. Но вот послышались гудки, и на поляну с одной стороны выехала пожарная команда, а с другой на рысях вылетел отряд конной милиции.

Красные машины пожарных показались мамонту страшными чудовищами, издававшими оглушительные звуки. Он грузно повернул в другую сторону, с которой надвигалась конница. Лошади резко остановились, начали пятиться, бросаться в стороны или взвивались на дыбы при виде рыжей громады, размахивавшей хоботом над огромными белыми бивнями. Весь отряд сбился в кучу, несмотря на усилия всадников, а мамонт, повернув вправо, перебежал поляну и скрылся в глубине парка.

Конные милиционеры, ребята, репортеры, фотографы и любопытные, число которых все увеличивалось, двинулись вслед за ним.

Мамонт отбежал далеко и спустился по косогору к Москве-реке выше пароходной пристани. Здесь было еще тихо и безлюдно. Увидев воду, он забрел в реку, напился и затем начал принимать душ, поливая себя из хобота, которым набирал воду. Благодаря этому остатки глины и песка, приставших к его шерсти и слепивших ее в безобразные космы, отмылись окончательно, и мамонт вылез из реки чистеньким; он стал в тени деревьев на береговой аллее и снова задремал.

Но поспать ему опять удалось недолго. Его разбудил свисток парохода, подходившего к пристани, а еще больше встревожили фигуры людей, уже спускавшихся к реке. Мамонт сердито пошел дальше по берегу, затем свернул в большой овраг, поднялся по нему и попал в самую глухую часть парка, в заросли молодого леса. Там он объел несколько молодых кленов и лип и еще раз задремал.

Но и здесь мамонту не дали отдохнуть. Топот ног, хруст валежника, голоса сотен людей, перекликавшихся друг с другом, снова встревожили его. А когда между деревьями совсем близко замелькали черные,

белые и пестрые фигурки, он заревел, вырвал с корнем молодое дерево и, размахивая им, бросился в атаку на толпу.

Опять паника, бегство. Один из фотографов остался на поле сражения, он споткнулся, упал, и мамонт на бегу растоптал его ногу. Прорвавшись на большую аллею, мамонт наткнулся на конную милицию, опять навел панику на лошадей и, очистив себе дорогу, помчался дальше по аллее. Тут он увидел впереди машины пожарных, дожидавшиеся на поляне, где было первое столкновение, свернул в сторону, попал в часть парка с молодым лесом вблизи Калужской улицы и скрылся в чаще, надеясь найти, наконец, спокойное место.

А в Палеонтологическом институте в назначенное время состоялся доклад участников «мамонтовой экспедиции» перед собранием советских и иностранных ученых, часть которых уже по телефону слышала, что мамонт ожил, но, конечно, не верила столь странному слуху. Поэтому, когда директор музея в заключительном слове предложил собранию перейти через улицу в Нескучный сад и посмотреть гуляющего на свободе мамонта, эффект получился необычайный.

Весь синклит убеленных сединами ученых поспешно оделся и перешел через Калужскую улицу к ближайшему входу в Нескучный. Ученые в сопровождении сторожа прошли к мамонту, который в это время, несколько отдохнув от своих злоключений, спокойно пасся, безжалостно уничтожая цветы на клумбах вдоль аллеи. Не пытаясь подойти слишком близко, чтобы опять не растревожить зверя, ученые насладились его видом и сделали большое количество фотографий с разных сторон.

Потом они осмотрели ящик, в котором мамонт пропутешествовал с острова Врангеля в Москву, и барак, который он разломал. Это было необходимо, чтобы убедить некоторых скептиков: кое-кто из них предположил, что в Нескучном им показали «искусственного» мамонта, т.е. автомат, придуманный и построенный каким-то хитроумным выдумщиком.

Три дня продолжалось осадное положение Нескучного сада и паломничество москвичей к чудовищу. В

это время Зоопарк готовил для него помещение по соседству со слонами и особую клетку, при помощи которой хотели препроводить животное в Зоопарк. Мамонт за эти дни несколько привык к виду двуногих существ, гулял спокойно по всему саду, кормился, спал и чувствовал себя прекрасно.

Но на четвертый день случилось серьезное происшествие. Мамонту, вероятно, надоело гулять под деревьями Нескучного; рано утром с берега Москвы-реки он заметил на противоположном берегу ярко-зеленые огороды, уже освещенные солнцем. Его потянуло на простор, он перебрел через реку, выбрался на огороды и с аппетитом начал отрывать и жевать кочны свежей капусты.

Весть о бегстве мамонта быстро распространилась, из Новодевичьего и Хамовников сотни любопытных повалили на огороды. Опять появились фотографы, репортеры, а затем началась облава. Милиция, зная по опыту, что на мамонта всего неотразимее действуют пожарные машины, вызвала несколько пожарных частей, которые оцепили огород полукругом и, постепенно сближаясь, оттесняли мамонта к берегу реки. Мамонт, встревоженный приближением звонивших и гудевших чудовищ, сначала бегал взад и вперед по грядам в поисках выхода, передавив при этом бесчисленное множество кочнов капусты, и, наконец, бросился в реку и вернулся снова в Нескучный сад.

В сад в эту ночь уже доставили клетку, придуманную для поимки мамонта. Клетка представляла коробку из толстых железных прутьев, без дна и без крышки, но на колесах. Вся клетка была увита зеленью кустов и трав и в раскрытом виде представляла зеленую стену, высотой выше роста мамонта. Ее поставили на окраине самой большой поляны, на которой мамонт чаще всего пасся и которую он уже сильно потоптал и потравил.

Мамонт, вернувшийся в Нескучный после своей тревожной экскурсии на огороды за Москвой-рекой, около полудня вышел на большую поляну, увидел зеленую стену, обещавшую сочный и обильный корм, подошел к ней и стал кормиться, срывая хоботом пучки трав и веток, привязанных к прутьям. Увлеченный этим занятием, он не заметил, как оба конца зеленой стены стали медленно, очень медленно изги-

баться и, наконец, соединились позади него, окружив животное довольно тесным овалом. Этот овал, влекомый несколькими грузовиками, начал полегоньку двигаться и, нажимая сзади на мамонта, заставил двигаться и его. Так внутри этой зеленой стены, скрытый от взоров любопытных и огражденный от всех возбуждающих впечатлений улиц и площадей, мамонт в течение нескольких часов, с остановками для отдыха, тихим шагом был препровожден через всю Москву и водворен в Зоопарк. Отряд конной милиции ехал вокруг зеленой клетки, ограждая ее от чрезмерного любопытства граждан, а позади двигалась пожарная машина на случай буйства мамонта и его попыток разломать клетку. Но все обошлось благополучно, и мамонт очутился в Зоопарке, где молодые читатели могли бы его видеть ежедневно, если бы все описанное нами действительно произошло в Москве в начале осени 1938 г.

Возможно ли вообще такое происшествие?

Многие животные, например личинки насекомых, жуки, лягушки, некоторые рыбы, переживают в мерзлом состоянии зимние месяцы и весной оживают. В последнее время советским ученым удалось оживить водоросли, бактерии, мелких ракообразных, которые были найдены в Сибири, в вечномерзлых слоях торфа, где они пролежали несколько тысяч лет. Это оживление организмов, живших так давно, но в мерзлом состоянии сохранивших свою жизнеспособность до нашего времени, навело автора на мысль описать оживление мамонта, которого экспедиция Академии наук должна была привезти в 1938 г. с острова Врангеля. К сожалению, экспедиция обнаружила, что на острове под слоем прибрежного галечника лежал не мамонт, как сообщали зимовщики, а современный кит.

ПОЛЕТ ПО ПЛАНЕТАМ

Недавно у меня был интересный гость — один из летчиков Главного управления Северного морского пути. В своих полетах над Ледовитым океаном они изучают состояние и перемещение ледяных полей,

находят удобные пути для судов, направляемых с запада и востока в гавани побережья Сибири, в устья больших сибирских рек, для доставки товаров, для снабжения работников полярных станций и местного населения и для вывоза разных грузов, прибывающих по сибирским рекам.

Этот летчик бывал у меня перед Отечественной войной, когда он участвовал в ледовых разведках «полюса недоступности» и в поисках неизвестных земель среди льдов — земель Андреева и Санникова. Теперь, спустя столько лет, он снова навестил меня.

— Я недавно вернулся из очень интересного, даже чрезвычайного полета,— сообщил он, поздоровавшись со мной.

— Неужели нашли, наконец, загадочную Землю Санникова? — обрадовался я.— В каком месте? В виде погасшего вулкана — так, как я описал в своем романе?

— К сожалению, Земли Санникова еще не нашли,— улыбнулся мой гость.— И я боюсь, что этой земли вообще уже нет, что она, как уверяют наши гидрологи, растаяла в связи с потеплением Арктики.

— Да, они думают, что эта земля состояла из ископаемого льда, как некоторые другие острова Ледовитого океана, которые тают на наших глазах и исчезают. Но в отношении Земли Санникова это еще нужно доказать.

— Мы были гораздо дальше, чем вы думаете. Я участвовал в полете по планетам нашей Солнечной системы.

— Что вы говорите?.. На каком снаряде?

— Ракетном, реактивного действия. И полет был удачный. Как видите, я вернулся жив и невредим.

— На какой же планете вы побывали? Вероятно, в первую очередь на нашем спутнике — Луне?

— Луна интересна только для геологов. На ней нет ни воздуха, ни воды, ни жизни. Мы были гораздо дальше,— мы посетили Меркурий, Венеру и Марс.

— Вот так полет! Расскажите же подробности — какова скорость движения, способы посадки и старта снаряда, его защиты от космических лучей? Какая аппаратура?

— Об этом рано говорить. Ракета со всеми особенностями ее устройства — наше советское достижение

последнего времени. Вот все, что можно сказать вам о снаряде.

— А наблюдения на планетах? О них можно поведать?

— Это можно. Скоро будет опубликован научный отчет, который составляют наши ученые, участники полета. Я могу сообщить только свои впечатления — не ученого, а только помощника штурмана, который видел все своими глазами и слышал некоторые объяснения ученых — астронома, геолога, палеонтолога.

— Расскажите! Буду слушать с величайшим вниманием.

— Прежде всего,— начал свой рассказ летчик,— мы направились на Меркурий. Наши ученые считали, что эта планета, как самая молодая, ближайшая к Солнцу, должна переживать юность жизни, и на ней можно увидеть начало развития органической жизни, самых древних растений и животных, если окажется, что она уже достаточно остыла. Наша ракета, пробившись сквозь очень густую пелену туч, села на воду большого бассейна недалеко от его крутого берега, привлекшего наше внимание своими яркими цветами. Мы причалили к берегу и вышли из снаряда, конечно, в кислородных масках: ведь состав атмосферы нам был еще неизвестен.

— Что же вы увидели на берегу?

— Береговые склоны, холмы, даже самые крутобокие, были сплошь покрыты толстенным ковром лишаев или мхов, в котором ноги утопали, словно мы шли по толстым перинам. Вся эта растительность — разных цветов: зеленого, желтого, красного, фиолетового, синего, серого, черного — и разных оттенков. И по всей поверхности этого ковра ползали, взлетали, садились, жужжали разные насекомые — большие и маленькие, голые и мохнатые разноцветные жуки, гусеницы, пауки, скорпионы. Они взлетали из-под ног, садились на головы, плечи — форменное нашествие крылатых и ползучих гадов, которые мешали нам даже смотреть вокруг.

— Местность была ровная или гористая?

— Холмистая. Хотя идти вверх по склону было очень трудно из-за толщины этого ковра из лишаев и мхов, мы добрались до вершины береговых холмов. С нее открылся вид вдаль, на такие же округлые холмы,

а на горизонте поднимались холмы более высокие, но таких же мягких очертаний и ярких цветов,— очевидно, покрытые тем же ковром. Жара была ужасная, пот лил градом. На вершине я попробовал приоткрыть маску и чуть не задохнулся — тяжелый горячий воздух с каким-то неприятным запахом. Между тучами на несколько минут выглянул огромный диск солнца. На нас пахнуло обжигающим жаром, словно из жерла металлургической печи. Мы поторопились назад, чтобы отдышаться в ракете. Вниз по склону просто скатились по ковру лишаев, словно ребята с ледяной горки. Попутно набрали наскоро всяких насекомых для исследования на досуге, а также мхов и лишаев.

— А образчиков горных пород не взяли?

— Никаких утесов, от которых можно было бы отбить кусок породы, мы не видели. Под ковром мхов и лишаев — только какая-то вязкая красная почва; геолог набрал ее целую горсть.

— Вода в море была бесцветная или окрашенная?

— Как будто бесцветная. Но по всему дну вдоль берегов — такая же разноцветная и пышная растительность, как на суше. Кусты водорослей разной формы, длинные плети, на них опять какие-то насекомые, черви, а в воде — мелкие рыбы странного вида.

— Этим и закончились ваши наблюдения на Меркурии?

— Почти. Мы поплыли еще дальше по морю недалеко от берега. Все те же холмы с толстым цветным ковром. Только в одном месте вдали были видны какие-то огни, вспыхивающие среди клубов черного дыма и белого пара в разных местах — вероятно, свежие излияния лавы на огромной площади. Но добраться туда было невозможно из-за жары, а средств передвижения по суше у нас никаких, кроме собственных ног, не было. В ракете не было места не только для автомобиля или вездехода, но даже для велосипеда.

— Итак, можно думать, что на Меркурии вы увидели первобытную жизнь, представителей низших животных и растений в пышном развитии на не так давно образовавшейся твердой коре, которую еще прорывают выделения магмы из глубин, изливающейся лавой на поверхность.

— Мы плавали еще до вечера по морю вдоль берега и видели все ту же картину — мягкие цветные холмы, местами свежие поля лавы, уже застывшие или еще горячие, окутанные парами и дымом. Тучи то и дело разражались сильными ливнями, а горячий воздух был насыщен испарениями. Вода в море была теплая, градусов 35, а в воздухе температура — не менее 40°.

— Больше ничего интересного на Меркурии не видели? Куда же полетели дальше?

— Когда стемнело, мы поднялись, пробились сквозь тучи и по звездам взяли курс на Венеру. В ракете с удовольствием сбросили маски и отдыхали во время полета при нормальной температуре. Я, признаться, так крепко уснул, что не видел, как выглядит эта планета с близкого расстояния. Проснулся я, когда мы уже пробивались через пелену густых туч, которые ее окутывали. А когда пробились,— увидели под собой ландшафт, очень напоминавший нам земной, где-нибудь в Индийском океане; большие зеленые гористые острова между широкими проливами, как будто мы летели на большой высоте над Явой, Суматрой, Целебесом или Борнео. Снаряд опустился на воду вблизи берега большого острова. Берег оказался плоским, и причалить к нему было удобно.

На воде сразу обратили на себя наше внимание крупные плавающие животные, похожие на больших черных лебедей, с длинной шеей и маленькой головой на широком туловище. Но, подплыв к одному из них поближе, мы рассмотрели, что шея и туловище этого «лебедя» покрыты не перьями, а гладкой блестящей кожей и что вместо длинного и плоского клюва он раскрывает зубастую пасть. Это были огромные ящеры, похожие на плезиозавров нашей Земли, как объяснил наш палеонтолог.

Пока наш снаряд медленно плыл к берегу, мы заметили, что в воде мелькают рыбы разных величин и пород, плавают прозрачные бахромчатые медузы, головоногие моллюски с большими щупальцами, маленькие черепахи. Над спокойной поверхностью воды непрерывно проносились с пронзительным писком мелкие и крупные крылатые ящеры, похожие на наших летучих мышей и общим обликом и своим полетом. Только головы у них были покрупнее, и в рази-

нутых клювах видны были острые зубы. Когда один из них подхватывал на лету с поверхности воды зазевавшуюся рыбу, другой ящер начинал преследовать его, стараясь отнять добычу, третий присоединялся к погоне.

Причалив к берегу, мы вышли на обширный луг, покрытый густой травой и небольшими кустами. В разных направлениях шли протоптанные тропинки, то узкие, то широкие. Мы направились по одной из них, конечно, с винтовками наготове. Уже первые шаги показали, что здесь нет такой удушающей тяжелой жары, как на Меркурии. Приподняв маску, я обнаружил, что можно обойтись без нее, воздух теплый и влажный, но не захватывает дыхания. Вдали на лугу паслись какие-то животные, к которым мы и направились. По пути заметили, что в траве шмыгают небольшие четвероногие величиной с кошку, желто-бурые, волосатые и очень проворные — подробнее рассмотреть их не удалось.

— Вероятно, млекопитающие ранней стадии развития. Непременно нужно раздобыть их! — сказал наш палеонтолог.

Пасущиеся звери поднялись из травы и рассматривали нас с удивлением. Они были выше человеческого роста. «Игуанодоны юрского периода»,— определил их тот же ученый. Игуанодоны рвали траву, согнувшись и помогая себе передними лапами. Общей формой тела они похожи на австралийских кенгуру, но крупнее их и покрыты блестящей кожей серо-зеленого цвета. Голова большая, похожа на лошадиную, шея длинная, довольно тонкая, передние лапы маленькие. Глядя на нас, они пережевывали траву, захваченную толстыми губами, и кивали головами. А потом, чего-то испугавшись, бросились бежать, неуклюже, но быстро переваливаясь на массивных задних ногах. Палеонтолог успел сфотографировать их, как только они поднялись. Отбежав недалеко, они остановились, повернувшись к нам, и продолжали жевать толстые стебли.

В воздухе над лугом изредка проносились, разинув зубастые пасти, летучие ящеры величиной с гуся. Я заметил, как один из них упал камнем в траву, потом поднялся, держа в зубах какого-то буро-желтого зверька, который еще барахтался.

Ящер унес свою добычу на дерево соседней рощицы, к которой мы подходили, и уселся на сук, собираясь пообедать. Наш палеонтолог поднял электрическую винтовку и выстрелил. Ящер выронил свою жертву и сам упал вместе с ней. Когда мы подошли, оба зверя уже не двигались, и мы подобрали их, чтобы рассмотреть подробнее уже в ракете.

Роща состояла из больших папоротников, хвощей, цикадовых, похожих на пальмы, с густым подлеском из разнообразных кустов. Наш ботаник, конечно, наломал веток растений разных пород с цветами. По листьям ползали голые и мохнатые гусеницы, бегали мелкие и крупные жуки, в воздухе реяли стрекозы и другие крылатые насекомые разных форм и цветов. Их было так много, что иные то и дело налетали на нас и падали на землю или садились на платье, так что приходилось их стряхивать. Насекомых преследовали небольшие крылатые ящеры, проворнее крупных, хватали и садились с добычей на ветки деревьев и кустов, чтобы проглотить ее без помехи. Рощи, особенно с теневой стороны, изобиловали этими насекомыми и их преследователями.

Миновав рощу, мы спустились к пляжу большого озера, усыпанному мелкой галькой ярко-красного цвета,— представьте себе этот удивительный пейзаж! Здесь мы сразу наткнулись на больших черепах, занятых кладкой яиц. Своими толстыми когтистыми лапами они разбрасывали гальку в стороны, вырывали длинную впадину вроде желоба, и затем самка, двигаясь вдоль нее, укладывала один за другим десяток белых яиц, а самец, ползший немного левее, забрасывал их галькой. Щитки черепах были темно-желтые с темно-бурыми краями.

Какие-то продолговатые холмы невдалеке обратили на себя наше внимание тем, что они как будто вздрагивали. Эти движения выдавали, что это живые существа, а не валы гальки, набросанные прибоем. Мы приблизились и действительно увидели огромных зверей, вытянувшихся на пляже. Они, вероятно, отдыхали после обильной еды. Туловища их поднимались плоским горбом, от которого в одну сторону тянулся, понижаясь, огромный хвост, а в противоположную — нетолстая шея, оканчивавшаяся головой, совершенно крошечной по сравнению с массой тела.

Окраска животных — буро-зеленая, с продольными более темными полосками — усиливала их сходство с валиками прибоя. Над ними роями вились крупные мухи и пытались садиться им на спину. Вздрагивая, животные отгоняли их.

Мы остановились шагах в сорока от зверей. Наш палеонтолог, посмотрев в бинокль, объяснил нам, что это, вероятно, бронтозавры — безобидные пожиратели водорослей. Они пугают только массой своего тела.

Нам захотелось узнать, как будут выглядеть эти земноводные чудовища, когда они встанут во весь рост. Не подходя ближе, палеонтолог выстрелил в воздух. Бронтозавры вскочили довольно проворно, несмотря на размеры их тела. Вытянув хвосты и подняв головы, они побежали, покачиваясь на ходу, к воде. Их было четыре. Тяжело ступая массивными ногами, похожими на ноги бегемота, и разбрызгивая воду во все стороны, они зашли в озеро до половины брюха, остановились и, повернув головки в нашу сторону, рассматривали нарушителей их послеобеденного отдыха. Теперь было видно, что спина их поднималась выше поднятой руки человека среднего роста; длиной же, от головы до конца хвоста, они были метров в двадцать.

— И сколько такая махина должна ежедневно поглощать растительности для своего существования! — воскликнул ботаник.

Но тут наше внимание было отвлечено другим зверем, который, очевидно, заметив бронтозавров, выскочил из рощи и, делая крупные прыжки, приближался по пляжу к нам.

— Хищник и, наверное, опасный! — заметил палеонтолог.

Наш пилот, опытный стрелок, поднял винтовку, выждал приближения зверя и выстрелил разрывной пулей. Хищник свалился на скаку. Мы подошли к нему, когда он уже перестал шевелиться.

По форме тела зверь этот походил на игуанодонов, но был стройнее их, что и способствовало быстроте его движений. У него была более крупная голова с большой пастью, снабженной острыми зубами, с большим рогом на переносице и несколькими поменьше на шее. Передние ноги — небольшие, с ког-

тистыми лапами, задние — массивнее, но не такие огромные, как у игуанодонов. Тело было покрыто мелкой чешуей, не стеснявшей его движений. Этот хищник был гораздо проворнее игуанодонов. Судя по быстроте его бега и величине скачков, он был их опасным врагом. Но он мог, очевидно, справиться и с громадным неуклюжим бронтозавром, вскочив ему на нижнюю часть шеи и перекусив артерии.

Едва мы успели рассмотреть этого ящера, как из надвинувшихся густых туч полил дождь, заставивший нас поспешно направиться к своему снаряду и укрыться в нем. Пока мы добрались до ракеты, дождь превратился в проливной, и через сеть ливня почти ничего нельзя было рассмотреть.

Мы прождали несколько часов, но погода не улучшалась. Так во время дождя мы и покинули эту мокрую планету, красивый блеск которой, при взгляде на нее издали, очевидно, обусловлен густой пеленой туч, окутывающих ее поверхность и отражающих солнечный свет.

Пока мы сидели в ракете в ожидании прекращения ливня, мы могли обменяться впечатлениями относительно воздуха этой планеты. Воздух Венеры очень теплый и влажный. Мы чувствовали себя словно в паровой бане, и по нашим лицам струился пот. Солнце пробивалось через тучи только на несколько мгновений, и диск его казался нам вдвое больше, чем с Земли. Проведя сутки (по нашему времени) на поверхности Венеры, мы находились вне снаряда около двух часов. Но для первого знакомства с планетой и этой небольшой экскурсии было достаточно.

Поднявшись, мы пробились опять через густые тучи и взяли направление к нашей Земле, которая с Венеры виднелась на небосклоне в виде крупной звезды. Было интересно видеть, как она постепенно увеличивалась, а Венера уменьшалась. Скоро мы смогли уже различать на Земле очертания морей в виде больших ровных темных площадей, тогда как материки представлялись неровными пятнами со светлыми цепями гор, покрытыми снегом, зелеными пространствами лесов, крапинками озер и линиями рек. Мы видели, как менялось освещение, как перемещались очертания материков и морей в связи с вращением планеты.

Когда мы пролетали вблизи нашей планеты, перед

нами открылось ее западное полушарие. Так как время было около весеннего равноденствия, можно было хорошо различить зимний белый покров Канады, пестрые пятна на территории США в центре материка, переходящие на юге в желтый цвет прерий Техаса, а южнее — светлые извилистые цепи Кордильер среди равнин Мексики, уже одевшихся в яркий весенний наряд. Дальше на юге, суживаясь между двумя океанами, пестрела Центральная Америка с извилинами горных цепей.

Мы смотрели на развернувшуюся перед нами карту материка, который не так давно привлекал к себе эмигрантов Старого Света, искавших там свободы для приложения своих сил и способностей и бежавших от власти богачей, царей и церкви, и который в наши дни является царством Желтого Дьявола и хочет управлять всей планетой, угрожая ей своими отвратительными щупальцами.

Надежды всего мира обращены сейчас к другой части планеты, которая показалась перед нами, освещенная лучами Солнца. Медленно поворачивался земной шар, и перед нами развертывались просторы нашей советской Родины, окаймленной целым созвездием демократических стран. На огромной части планеты восторжествовали лучшие чаяния человечества. Мы были представителями страны, показывающей путь всему миру!

Но наш снаряд удалялся от Земли.

Мельком мы увиделся диск Луны с знакомыми всем морями и кольцами вулканов и направились к Марсу, последней станции нашего полета. Тут можно было вздремнуть, так как расстояние до Марса мы могли пролететь только в течение полусуток с лишним.

Когда мы проснулись, эта огромная планета была видна уже в виде большого диска на черно-фиолетовом фоне неба. Сразу бросилось в глаза большое белое пятно на верхней части Марса вокруг его северного полюса, темные и светлые пятна разных очертаний и густоты на остальной части диска. Некоторые из них — темные — тянулись узкими прямыми линиями в разных направлениях, напоминая нам о каналах, будто бы созданных разумными обитателями этой планеты, по мнению некоторых астрономов, высказанному более полувека назад. По временам эти

линии застилались словно легкой дымкой, которую можно было истолковать как присутствие облаков, т.е. влаги в атмосфере, и надеяться, что на Марсе найдется также и вода. А последняя в виде моря или хотя бы порядочного озера была нам необходима для посадки. Ведь если на планете нет этих условий, нам пришлось бы только облететь вокруг нее и полюбоваться на ее лик с высоты нескольких тысяч метров — на сушу наш снаряд садиться не мог.

Марс постепенно приближался. Все яснее и разнообразнее становились контуры пятен разных оттенков — зеленого, синего, фиолетового, а граница белой площади на северном полюсе распалась на бахромчатые фестоны — это были, несомненно, края зимнего снежного покрова. Более отчетливо стали выступать и очертания светлых красноватых площадей разной густоты окраски. Выяснилось, что одни площади, светло-красные, имели ровную поверхность и, вероятно, представляли собой моря и озера, а другие, более темные, были морщинистыми и скорее всего являлись горными возвышенностями.

Еще несколько часов полета, и уже нельзя было сомневаться в том, что на Марсе имеется растительность, занимающая большие площади, самых темных цветов — от зеленого до фиолетового, встречается суша красного цвета, вероятно пустыни, и довольно много крупных и мелких площадей воды, по-видимому, неглубоких морей и озер, сквозь воду которых просвечивало их красное дно.

Высмотрев большую площадь воды, от которой под острым углом отделялись два узких канала, мы удачно опустились на поверхность моря.

— Итак, на Марсе вы обнаружили сушу и воду, а на суше растительность? — воскликнул я.— Конечно, есть и воздух и, вероятно, животные?

— Немного терпения! — улыбнулся летчик.— Продолжаю по порядку. Нужно сказать, что избытком тепла Марс похвастаться не может. Диск Солнца, если его наблюдать с Марса, представляется вдвое меньшим по своему диаметру, чем с Земли. Солнце греет далеко не так сильно, как на Земле, но зато греет ровно: облачность на Марсе очень слабая.

— А воздух какой? — поинтересовался я.— Свободно ли дышалось?

— Воздух разреженный, как у нас на высоте 3000—4000 м. Но он богаче кислородом, чем на Земле, так что дыхание не затруднено. Каких-либо пахучих или вредных газов в составе атмосферы Марса нет, и кислородные маски мы сняли.

— Итак, вы сели без приключений?

— Совершенно свободно — на спокойную воду. После посадки мы подрулили к берегу, но причалить не могли — везде вдоль берегов вода мелкая. Пришлось спустить нашу маленькую складную лодку, рассчитанную на двоих, и по очереди перевезти всех. Берег был плоский, из красного песка с мелкой галькой. И почва на Марсе везде красная. Из-за этого даже издали планета кажется красной, почему ее и назвали именем бога войны.

По широкому пологому пляжу мы поднялись вверх. Ширина пляжа доказывала, что здесь бывают сильные волнения, когда вода заливает большие площади плоских берегов, т.е. указывала на наличие сильных ветров. Едва ли ширина пляжа может свидетельствовать о наличии приливов — ведь у Марса спутники очень маленькие.

— Широкий пляж можно объяснить и тем, что моря на этой планете очень неглубокие и частью усохли,— заметил я.

— Совершенно верно! Пройдя десятка три шагов по пляжу, мы встретили опять полосу воды, тянувшуюся далеко в обе стороны,— быть может, остаток последней бури. Идти вброд нам не хотелось. Самый молодой из нас решил перепрыгнуть через это препятствие, шириной метра в два или полтора. Он прыгнул и... перенесся сразу метров на десять вперед и на два вверх. Наш астроном крикнул ему:

— Вы забыли, что притяжение на Марсе в два с половиной раза слабее, чем у нас на Земле! Поэтому всякое мускульное усилие дает здесь эффект в шесть с половиной раз больше!

Мы все, конечно, повторили этот прыжок через водную преграду и стали подвигаться вверх по пляжу большими скачками, состязаясь друг с другом в высоте и длине. Таким способом мы легко преодолевали плоские, широкие валы, которые покрывали этот пляж на протяжении нескольких сот метров.

Так мы добрались до опушки леса и остановились

в изумлении. Мне показалось, что я опять очутился на Камчатке, на окраине ее знаменитых зарослей ольховника, через которые только медведи и собаки могут беспрепятственно ходить во всех направлениях. Эти заросли состояли из толстых, в руку человека, стволов, искривленных в разные стороны и на высоте в полтора-два метра переходивших в целую сеть горизонтальных ветвей и веточек с довольно широкими листьями и цветами.

Листва создавала сплошной покров с почти ровной поверхностью, похожий на толстый ковер, раскинутый во все стороны на некоторой высоте от земли. Нагнувшись, можно было смотреть между стволами, стоявшими не густо — от полуметра до метра один от другого,— пока взгляд не упирался в решетку этих стволов. Между стволами везде видна была красная почва, поросшая мелкой и негустой травкой. Нагнувшись под сплошной листвой, человек мог ходить во всех направлениях между стволами.

Очень удивил нас цвет листвы — от темно-зеленого до синего и фиолетового. Круглые мелкозубчатые листья были темно-зеленые, крупные лапчатые — фиолетовые, а мелкоигольчатые, вроде наших елок,— синие. Пройдя десятка два шагов под этим сине-зелено-лиловым сводом, мы остановились: дальше можно было заблудиться. Мрак под сводом листвы сгущался, а в окружающей нас чаще, кроме стволов и толстых ветвей, на уровне зрения ничего не было видно. Чувствовались духота и тепло, как будто исходившие из красной почвы зарослей.

Мы повернули назад, вышли на окраину этого странного леса и прошли вдоль нее на восток километра два. Пейзаж не менялся; можно было думать, что вся растительность Марса имела такой же характер ольховника камчатского типа. Нигде не видно было сколько-нибудь выдающихся над этим ковром вершин деревьев — ни остропирамидальных, ни округло-куполообразных, как в земных лесах.

Мы прошли еще дальше и неожиданно наткнулись на обитателей этих зарослей. Это были четвероногие, ростом с собаку средней величины, с довольно густой шерстью. Она была неровной окраски — с чередованием более светлых и более темных бурых вертикальных полос. Светлые полосы по цвету не отличались

от стволов зарослей, и если животное стояло неподвижно, оно становилось совершенно незаметным среди стволов. Мы успели рассмотреть, что животные паслись по окраине зарослей на ковре жидкой травки, срывали ее губами и, очевидно, являлись травоядными. Ни рогов какой-либо формы, ни острых клыков в пасти у них не было видно. Но когда мы приблизились к ним, чтобы разглядеть их получше, они подняли головы, осмотрели нас, растопырив большие треугольные уши, и с хрюканьем бросились в чащу, которая великолепно укрывала их.

Немного дальше мы увидели и пернатых обитателей зарослей. Они были величиной с нашего рябчика и перепархивали по поверхности зарослей, что-то хватая большими клювами — ягоды или насекомых. Птицы были черные со спины и светло-бурые снизу и, вероятно, гнездились на ветвях. А когда над зарослями появилась более крупная птица, похожая на коршуна, медленно планировавшая кругами на некоторой высоте, «рябчики», громко щебетавшие ранее, замолкли и попрятались. Очевидно, это был хищник.

Мы прошли еще минут десять вдоль окраины зарослей и попробовали снова проникнуть в их глубину. [...]

Построившись цепочкой, чтобы не потеряться, и согнувшись немного, мы углубились в чащу и сразу почувствовали, что под сенью этой густой листвы, образующей сплошной покров, гораздо теплее, чем на открытом воздухе. Приходилось думать, что тепло на самом деле исходило из почвы. Очевидно, теплота передавалась из глубин планеты, а густой покров листьев на деревьях сберегал это тепло, не позволяя ему быстро рассеяться в прохладном воздухе атмосферы Марса. У нашего астронома имелись походные термометры, и мы определили, что в воздухе температура была 20 °C, а в самой почве, на глубине нескольких сантиметров, даже 22°. Нам стало понятно, чем вызвано своеобразие марсианской растительности. Она приспособилась к слабому источнику тепла — к Солнцу и к более равномерному нагреву, исходящему из недр планеты, очевидно, хранивших еще большие запасы тепла.

Нас, конечно, заинтересовала и температура моря Марса.

Вернувшись из зарослей на берег, мы произвели измерения и убедились, что морская вода также была теплая и имела 20°, тогда как температура воздуха в тени в ясный солнечный день достигала только 10°.

С пляжа мы увидели невдалеке красные холмы и направились к ним, так как заросли камчатского типа, населенные хрюкающими четвероногими, не представляли уже большого интереса. По мере приближения к холмам заросли становились все реже и ниже. Затем начались сплошные пески. Это были барханные гряды из светло-красного мелкого песка, обращенные пологими наветренными склонами в сторону морского берега и поднимавшиеся в противоположном направлении постепенно все выше. Мы поднялись по наветренному склону барханной гряды на ее гребень и увидели впереди такие же дюны, или барханы, одну гряду за другой. Очевидно, ветры упорно дуют здесь от берега моря в глубь страны. Можно было представить себе, какие здесь бывают пыльные бури в ненастные дни зимнего полугодия.

Растительность на барханах отсутствовала, только вдали кое-где виднелись отдельные пучки трав и мелкие колючие кустики. Так как день клонился уже к вечеру, мы повернули назад.

Вернувшись к месту высадки, мы переправились по воде к ракете, поужинали, обменялись впечатлениями, записали их, каждый со своими комментариями, и легли спать.

Сутки на Марсе — на полчаса длиннее земных. За ночь мы успели хорошо отдохнуть. А с утра, подкрепившись, стали готовиться к дальнейшему путешествию.

Мы поплыли в ракете по морю. Пейзаж сначала имел тот же характер — вдоль берега тянулись заросли камчатского типа. Мы изучали их из окон нашего снаряда, который плыл вдоль берега на некотором отдалении, там, где была достаточная глубина.

Но вот в зарослях появился разрыв; отсюда на север тянулся широкий канал, окаймленный с обеих сторон теми же деревьями.

Мы повернули и медленно поплыли по каналу, следя за глубиной воды, чтобы не наткнуться на отмель. В воде видны были рыбы разной величины и окраски, небольшие черепахи, а по поверхности пла-

вали черные птицы. Последние при нашем приближении торопливо взлетали, но наш зоолог успел определить, что они более похожи на птеродактилей, т.е. летающих пресмыкающихся мелового периода. Бросались в глаза их большие головы, зубастые клювы и тяжелый порхающий полет, как у летучих мышей; тело их было покрыто скорее мелкой чешуей, чем перьями. Они быстро плавали и, ныряя в погоне за рыбой, уходили почти совсем под воду. Но накануне мы видели в зарослях настоящих птиц, так что можно было заключить, что на Марсе орнитофауна разнообразна.

Канал то сильно сужался и мелел, то расширялся и углублялся. Мы не заметили следов, которые говорили бы об искусственном его происхождении. Предположение о том, что каналы на Марсе созданы разумными существами, пока не подтвердилось. Оба берега канала были покрыты зарослями, листва которых спускалась к поверхности воды. В бинокль мы рассмотрели, что эти кустарники покрыты крупными ягодами.

Канал вскоре так сузился и обмелел, что было слишком рискованно двигаться дальше. Мы повернули назад и выплыли снова на простор моря. Здесь мы поплыли по старому направлению. Час или полтора спустя заросли на берегу стали редеть. Среди них появились красные песчаные холмы, а затем начались сплошные пески, подобные виденным накануне, с барханными грядами. Эти безжизненные гряды все более повышались с удалением от морского берега. Мы плыли вдоль берега этой пустыни часа два и, не видя признаков перемены ландшафта, решили закончить этим нашу рекогносцировку поверхности планеты.

Можно было заключить, что на Марсе встречаются только три ландшафта: неглубокие моря, населенные рыбами, черепахами и птеродактилями; заросли деревьев камчатского типа, населенные четвероногими нескольких видов и птицами; наконец, совершенно пустынные сыпучие холмистые пески. Возле обоих полюсов можно было предполагать еще снеговые поля, почти исчезающие летом.

Крупных неровностей рельефа в виде горных цепей и нагорий мы не встретили. При облете планеты

они также не попадались нам на глаза. Можно думать, что поверхность Марса давно уже выровнена процессами эрозии. Единственные неровности — это барханные гряды песков, наметенные ветрами.

Нужно заметить, что вода в морях Марса повсюду, где мы ее пробовали, была почти пресная, так что ее свободно можно было пить; в канале она была совершенно пресная. Каналы, вероятно, получают воду с тающих полярных снеговых полей. В зарослях же собирается влага, которая конденсируется в барханных площадях из воздуха благодаря резкому понижению температуры ночью даже в летнее время. Это понижение мы ощутили в течение ночи, проведенной на море. Была середина лета, а после захода солнца температура воздуха упала до 2—4°.

Приходится думать, что жизнь на планете, представленная мало разнообразными формами животных и растений, ограничена площадями зарослей, согреваемыми поднимающимся из глубин подземным жаром, который распространяется также на прилежащие мелкие моря. Охладившиеся же участки поверхности планеты превращены процессами выветривания в бесплодные песчаные пустыни. Сильные колебания температуры на этих площадях способствовали этим процессам.

Упомяну еще, что из двух спутников Марса — Фобоса и Деймоса, очень маленьких и близких к планете, мы видели только одного — в виде довольно яркой небольшой луны, которая быстро перемещалась по небу и восходила на западе. Наш астроном сообщил нам, что плотность Марса всего 3,8, т.е. меньше земной (5,5), и поэтому можно думать, что металлического сплошного ядра эта планета совсем не имеет или же оно очень маленькое. Огромное развитие песчаных площадей соответствует этим особенностям внутреннего строения планеты.

Вечером второго дня, видя нашу Землю перед собой на небосклоне, мы поднялись в обратный перелет, который закончился вполне благополучно.

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Афанасьевич
ОБРУЧЕВ

СОЧИНЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ 1

Редактор *И. Шурыгина*
Художественный редактор *И. Сайко*
Технический редактор *Г. Шитоева*
Корректоры *Н. Кузнецова, И. Сахарук*
Компьютерная верстка *И. Понятых*

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.
Подписано в печать 06.04.95 г. Усл. печ. л. 30,24.
Уч.-изд. л. 32,1.

Издательский центр «ТЕРРА». 109280,
Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.